

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

С О В Е Т С К А Я ЭТНОГРАФИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

VI—VII



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

*ПОСВЯЩАЕТСЯ светлой памяти
этнографов и антропологов,
погибших на фронтах
Великой Отечественной войны
и в Ленинграде во время блокады*

I. ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА

А. Д. Удальцов

Основные вопросы этногенеза славян¹

Задача, стоящая перед нами, — дать реконструкцию процесса этногенеза славянских народов на основе разнообразных источников письменного-исторического, археологического, лингвистического характера и пр. — необычайно трудна и сложна. Данные наших источников скудны, отрывочны и неполны; предварительная работа по их собиранию часто находится (например, в области топонимики) только еще в начальной стадии. В литературе по этому вопросу хотя и достигнуты некоторые успехи, все же много спорного, иногда ошибочного. При таком положении дела неизбежно возрастает роль гипотезы, выдвигающей проблемы в новой постановке и проверяемой дальнейшим длительным ходом исследования, не только индивидуального, но и всего коллектива научных работников различных специальностей, работающих над вопросами этногенеза. Вместе с тем и все дальнейшее изложение вопроса получает предварительный характер.

Обширность темы и ограниченные размеры статьи необходимо делают наше изложение сжатым. Это — краткие выводы из наших исследований основных вопросов этногенеза славян; развернутую аргументацию мы дадим в более обширной специальной работе.

Областью славянского этногенеза в самом широком смысле являлась обширная территория Европы, охватывающая бассейны рек среднего и нижнего Дуная, Одры (Одера), Вислы, Днепра, верховьев Волги и Оки, может быть — Дона, и заселенная в древнейшие исторические времена племенами иллирийцев, фракийцев, лугиев, венетов, скоттов (скифов), частью сарматов — наполовину еще яфетидов, наполовину индоевропейцев. Проходя в своем общественном развитии стадии отцовского рода, военной демократии и образования классов и государств, скрещиваясь друг с другом и постепенно вырабатывая на основе взаимных сношений общие им всем основы культуры, эти племена в ходе своей истории мало-помалу давали начало единой славянской народности с местными особенностями, обусловленными своеобразием исторического развития отдельных племен и их объединений.

Товарищ Сталин говорит об этногенезе итальянцев, французов, англичан, немцев и других народов и о сложении их в нации: «Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и других, сложившихся в нации из людей различных рас

¹ Переработка доклада, сделанного на сессии по этногенезу славян (Москва, декабрь 1943 г.).

и племен».¹ Тот же сложный путь развития проходили в процессе своего этногенеза и славяне, хотя они и не составили в ходе истории единой нации.

Процесс складывания славянской народности на указанной нами обширной территории проходил неравномерно, подвигаясь быстрее в одних местах, отставая в других. Раньше всего ядро протославянской народности складывается на территории современных Украины и Белоруссии, в бассейнах среднего и верхнего Днепра и Припяти, расширяясь затем на севере и востоке до верховьев Западной Двины Волги и Оки. Поэтому, ставя вопрос о предках славян, обратимся прежде всего к древнейшему населению Восточной Европы, к племенам, жившим в современной Украине и Белоруссии во времена Геродота (V в. до н. э.).

1. Предки славян во времена Геродота

Во времена Геродота юг Восточной Европы был заселен различными племенами, называемыми общим именем «скифы», а самая территория северного Причерноморья носила имя Скифии. Однако термин «скифы» являлся собирательным. Еще Геродот писал: «Численность скифов я не мог узнать с точностью, но слышал два различных суждения: по одному — их очень много, по другому — собственно скифов мало». Тот же Геродот в пределах своей «Скифии» выделял «старинную» (исконную) Скифию, разумея под ней территорию между Дунаем (Истр) и Крымом. Общим термином «скифы» охватывались и племена земледельческие, и племена скотоводов-кочевников, причем отдельные скифские племена говорили на разных языках и отличались друг от друга и своим бытом, и своими легендами и верованиями.

Между нижним Днестром и Доном жили скифы-кочевники, среди которых выделялись скифы «царские», считавшие все прочие племена Причерноморья своими рабами. Рассказ Геродота о приходе скифов из Средней Азии под натиском массагетов и о вытеснении ими из Причерноморья киммерийцев, равно как и аналогичные сведения Диодора и Плиния, относится именно к этим пришлым скифам восточно-иранского происхождения. Однако имена скифских «царей», близкие к именам фракийским (например, Спаргапит),² их родственные связи с фракийскими «царями» (например, родство Скила и Октомазада с Ситалком фракийским и его братом Спарадоком) говорят о влиянии на иранцев культуры автохтонного, родственного фракийцам населения Причерноморья; о том же говорят и легенды о гибели скифских царей Анахарсиса и Скила из-за их увлечения религиозными культами Великой матери богов и Диониса, распространенными среди местного, частью эллинизированного населения.

Автохтонное население коренной Скифии состояло из ряда племен, близких этнически иллирийцам и фракийцам (карпиды и эллинизированные каллипиды; скифы-земледельцы γερροί, скифы-пахари ἀροτῆρες, эллинизированные гелоны и, вероятно, близкие этим племенам — невры), частью же из племен, родственно близких прикубанским совроматам (алазоны в бассейне Гипаниса — Южного Буга); севернее жили племена частью неясного происхождения (андрофаги, маланхлены), частью протофинны (будины).

¹ Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. 1935, стр. 4.

² Ср. Спаргапит — «царь» агатирсов.

Отсутствие в славянских языках древнегреческих заимствований сразу указывает нам на то, что прибрежные племена (каллипиды, скифы-земледельцы, гелоны) — близкие соседи причерноморских греческих колоний, частью эллинизированные, — не были в числе предков славян. Наше внимание направляется поэтому прежде всего на скифов-пахарей и невров, на племена среднего и верхнего Днепра и Припяти, отчасти — на алазонов, населявших бассейн Южного Буга и прилегающих районов. Непосредственно скифов-пахарей имеет в виду легенда о происхождении скифов, которую Геродот (IV, 5—7) назвал скифской, в отличие от другой, эллинской.¹ Согласно этой легенде племена «скифов» (авхаты, катиары и траспии, паралаты), которые сами себя называли сколотами, а не скифами (употребление имени «скифы» легенда приписывает эллинам), произошли лет за 1500 до н. э. от Таргитая, сына Зевса и дочери реки Борисфена, имевшего трех сыновей, родоначальников этих племен. Самое имя свое сколоты получили от имени младшего из братьев Колаксия (очевидно, Сколаксия),² ставшего «царем»; непосредственно от него же вело свое происхождение и одно из сколотских племен — паралаты, к которым прежде всего, очевидно, относится и упоминаемый в легенде культ священного золотого плуга (также ярма, секиры и чаши), связанный с тем же Колаксом. Итак, по смыслу легенды паралаты — земледельческое племя, знавшее употребление плуга и, видимо, тождественное со скифами-пахарями Геродота.

Этому можно найти и другое подтверждение. Самый термин «паралаты», если мы и здесь, как и в имени Колаксия, предположим выпадение начального «с», т. е. будем читать «спаралаты» (корень — «спар», а «ал» и «ат» — суффиксы), будет означать в иранском осмыслении «плужники» или «пахари».³ Думаю, однако, что это лишь иранское осмысление термина, а самое происхождение его местное, яфетическое, как и во фракийских языках (ср., например, фракийские имена: Спаргапит, Спарадок и др.), с не выясненным пока значением.

✓ Самый корень «спар» (без суффиксов) мы узнаем в имени «споры», каким называет Прокопий (VI в. н. э.) предков славян. Его видоизменением является термин «спалы», которым Иордан (VI в.) обозначает одно из племен, живших на пути готов из Прибалтики к берегам Черного моря, а Плиний (I в. н. э.) — одно из придонских племен (спалэи); Диодор (I в. до н. э.) знал это имя в форме «палы» (без начального «с»). Наконец, то же имя воскресает и в имени киевских «полян» или «полей», живших на той же территории, что и «паралаты»-пахари Геродота. Под всеми этими именами («паралаты» Геродота, «палы» Диодора, «спалэи» Плиния и «спалы» Иордана, «споры» Прокопия, «полин» или «поляне» наших летописей) скрывается одно из автохтонных племен среднего Поднепровья, уже в V в. до н. э. знавшее, в отличие от соседних племен, плужное земледелие, а своими корнями уходившее в Трипольскую культуру (III тысячелетие до н. э.), ярко расцветшую на рубеже неолита и бронзы и знавшую уже мотыжное земледелие. Территория этого племени (или группы племен) издавна была наиболее развитым культурным центром в Восточной Европе. Судя по археологиче-

¹ См. мою статью «Начальный период восточнославянского этногенеза» (Историч. журнал, 1943, № 11—12, стр. 67—72).

² Ср., например, имя одного из ранних скифских «царей» — Сколопита.

³ См. упомянутую выше мою статью (стр. 69), где указывается корень «спар» (спор, спер, спир) для ряда восточноиранских терминов со значением «соха» или «плуг».

ским данным, территория эта охватывала в лесо-степной полосе Восточной Европы современную Киевщину и Полтавщину, доходя на востоке, может быть, до Верхнего Дона (Плиний).

К югу от паралатов, в бассейне Южного Буга, отчасти Днестра, жили алазоны Геродота. Корень «алаз» (собственно, «аладз») может иметь свою разновидность в «араз» (ср., например, «споры» и «спалы»). В таком случае одним из потомков геродотовых алазонов можно считать арсиетов (корень «арси») Птолемея (II в. н. э.), обитавших где-то в районе современного Галича. Можно думать, что и это земледельческое племя впоследствии вошло, хотя бы частично, в состав восточных славян, внося свой вклад в этнонимистику в виде термина «рас» (рось, русь).

Наконец, можно предполагать, что геродотовский этнический термин «сколоты» (корень «сколо») в дальнейшем видоизменился в имя «склавины» (корень «скла»), появившееся впервые еще у Птолемея (II в. н. э.) в форме «суовены» и обозначавшее первоначально, например, у Иордана, южную отрасль славянства, в отличие от северной его ветви — венедов. Сколоты в лице племени паралатов (споры, спалы) и составили основное ядро южной ветви протославян.

К северу от паралатов, согласно Геродоту, жили невры (нервы Аммиана Марцелина, IV в.), занимавшие области севернее Припяти, а также, повидимому, верховья Днестра и Южного Буга и оставившие о себе память особенно в топонимике низовьев Нарева и Нурца, в древней Нурской земле. Геродот приписывает неврам оборотничество, способность превращаться в волков, очевидно, вследствие существования у них культа волка. Интересно, что именно в Белоруссии и на Литве были особенно распространены легенды о превращениях людей в волков, вера в «волколаков» или «вилкастов» (колдунов-оборотней) и т. д.

Геродот рассказывает о частичном переселении невров на восток в земли будинов (вероятно, к верховьям Оки) в результате нападения на них «змей», т. е., очевидно, племен с культом змеи. Следы этого культа змеи, как и культа волка, рассеяны в топонимике и в легендах Литвы и Белоруссии.

Невры, вероятно, составляли южную группировку позднейших венетов, пограничную со сколотами. Но, повидимому, были известны Геродоту и сами венеты под видом энетов (III, 115), живших на реке Эридане (Рудон Птолемея, т. е. Неман); местоположение этой реки в те времена было неясно и иногда переносилось в Западную Европу. Невры и венеты некогда были, как показывает топонимика области их расселения, общими предками протославян и протобалтийцев (древние пруссы, литовцы, латвийцы и др.), постепенно в ходе истории отифференцировавшихся друг от друга, кое-где быстрее, кое-где медленнее (ср. голядь на Оке). Они были родственны также завислянским лугиям, вошедшим позднее в состав западного славянства, а также племенам верховьев Волги и Оки, характеризующимся культурой так называемых «дьяковых городищ», также постепенно славянизирующимся.

Таковы основные племена автохтонных земледельцев Восточной Европы эпохи Геродота, — сколоты-паралаты (споры-спалы) и частью алазоны на юге (давшие позднейших склавинов) и невры на севере (будущие венеты или венеды), которые в дальнейшем путем длительного взаимного скрещения и аккультурации образовали ко II в. н. э., раньше, чем остальные предки славян (илирийцы, фракийцы, лугии), основное ядро протославянской народности. Это основное ядро протославянских племен в дальнейшем своем развитии превратилось в восточных славян, а его отдельные племена и части их,

расширяя свою территорию на запад, за Вислу, и на юг, за Дунай, и скрещиваясь со славянизирующимися лугиями и иллиро-фракийцами, дали начало западным и южным славянам (II—VII вв. н. э.).

II. Образование основы протославянской народности

Вторая половина III в. и начало II в. до н. э. ознаменованы в истории северного Причерноморья рядом крупных событий. В тридцатые годы III в. с запада, вероятно с верховьев Вислы, к берегам Черного моря двинулись иллирийские кочевники-бастарны (среди них скиры), вместе с «галатами» (т. е. кельтами), тесня к востоку местные племена «скифов», тизаматов и савдаратов. В результате образовался обширный союз племен, охватывавший северное Прикарпатье и Поднестровье, а на юге — западное Причерноморье от устья Дуная до фракийских городов Аполлонии и Месембрии. Бастарны вступили в союз с Македонией в лице Филиппа V и его сына Персея, намеревавшихся использовать их в своей борьбе с Римом. Скифское владычество в северном Причерноморье получило сильный удар, и территория скифского «царства» сократилась. Теперь (с конца III в. до н. э.) при царях Скилуре и Палаке центром этого царства стали степи Крыма, хотя власть скифских царей простиралась временами до Ольвии. В то же время с востока двигались в северное Причерноморье племена сарматов в лице язигов, роксоланов, аорсов и шираков. К 179 г. до н. э. образовался другой, повидимому, тоже крупный военный союз сарматских племен с «царем» Гаталом во главе, с которым приходилось считаться даже малоазиатским династам, царям Понта и Пергаме.

Все это создавало напряженную обстановку в степях Причерноморья. Земледельческие племена его частью подпали под власть новых пришельцев-кочевников, частью должны были под их натиском отступить к северу. Ряд данных заставляет нас выдвинуть предположение, что все эти события не могли не отразиться на судьбах земледельческих племен среднеднепровской лесостепи, отрезанных теперь от Черного моря степняками-кочевниками. Повидимому, здесь также создавался для защиты от степняков военный союз племен под гегемонией спалов, потомков сколотов-паралатов Геродота, к которым могла присоединиться и северная часть алазанов, жившая в Поросье. В рамках этого военно-племенного союза, все более расширяющегося к северу, захватывая и племена заприпятских венетов, шла консолидация этих сколотских и венетских племен, их взаимное скрещивание, аккультурация и постепенное складывание основного ядра протославянской народности.

В пользу широты территории господства старинных спалов говорит термин «исполин», широко распространенный среди славян, производный от имени спалов. Это же подтверждает и широкое распространение среди славян племенного имени «поли», «поляне».¹ В пользу такого предположения говорит и постепенное расширение к северу территории так называемых «полей погребальных урн», свидетельствующее о шедшем с юга культурном влиянии, а возможно — и о прямом проникновении за Припять переселенцев с юга.

В топонимике область господства древних спалов-полотов (споров Прокопия) отмечена корнем «полот», «полт» [реки: Полота с Полоцком, Полтва (притоки Западного Буга, Нарева и Горыни), Полчанка (приток Жерева); ср. также города: Полтава на Ворскле, Пултуск на Нареве, древний Полтовъск и Плюцк на Висле].²

¹ Поляне в Поднепровье, в Новгородской земле, у поляков.

² Ср. также озеро Споровское в Белоруссии при Ясельде.

Однако Птолемей (II в. н. э.) уже не знает имени спалов, хотя готская легенда, переданная Иорданом, говорит о спалах, как об одном из племен, встреченных готами в своем продвижении из Прибалтики к Черному морю (конец II в. н. э.). Население среднего Поднепровья и Поросья и в это время (I—II вв. н. э.) было наиболее культурным среди племен Восточной Европы; на его территории находим много кладов римских монет, свидетельствующих о возобновлении этим населением связей с Римом, вероятно, через Ольвию. Однако ко времени Птолемея союз племен под гегемонией спалов, повидимому, уже распался. О каких-то крупных передвижениях, происходивших в конце I в. н. э. на протославянской территории, которые могли разрушить этот союз, говорит Тацит в своей «Германии». По его словам, венеты (это имя охватывает у него все протославянские племена), которых он считает оседлыми земледельцами, «занимаясь грабежом, исходили все леса и горы между певкинами и феннами» (гл. 46), т. е. между Карпатами и Прибалтикой. Очевидно, славяне-венеты достигли уже к этому времени стадии «военной демократии» на грани доклассового и классового общества, когда война и грабеж становятся, по словам Энгельса, «промыслом» и наступает период передвижений и военных столкновений между племенами. В ходе этих передвижений и столкновений союз племен под гегемонией спалов мог распасться.

Как бы то ни было, в период с половины III в. до н. э. по II в. н. э. налицо весьма тесные отношения между южными и северными предками славян, уже приведшие к образованию из этих племен протославянской народности, сильно еще дифференцированной, но с ходом истории все более консолидирующейся. Ко II—III вв. н. э. относится движение части племен сложившейся уже протославянской народности на запад, за Вислу, вытеснение (к югу и западу) восточных германцев этими племенами и образование ими (в результате скрещения с лугиями) западного славянства.

Птолемей знает уже, кроме венедов и суовенов (VI, 14), также и прибалтийские племена галиндов, судинов, оссиев, кареотов, салов; сюда же, возможно, относятся и вибионы и идры. Племена Прибалтики, связанные с торговлей янтарем, хорошо были известны Птолемею. Из протославянских племен знает Птолемей вельтов (позднейшие велеты), карвоноз (под которыми со времен Шафарика разумеют предков будущих кривичей — корни «карв» и «крив»), булонов (в области между Вартой и Вислой, где впоследствии жили польские «поляне», именовавшиеся в ранних источниках «б о л а н а м и») и, наконец, ставанов и стурнов (последние, очевидно, по рекам Стири и Турии), видимо, совпадающих с его «суовенами». То обстоятельство, что венеды территориально сильно выдвинулись к западу (в устье Вислы), а булоны — на запад от Вислы, говорит о начавшемся уже движении части венедо-оклавинских племен на запад.

Ко времени существования предполагаемого нами сколото-венетского племенного союза под гегемонией спалов (II в. до н. э. — I в. н. э.) относится существование на юге, в Подунавье, обширного военного союза гето-дакийских племен под предводительством Бурвисты (I в. до н. э.), простиравшегося от Богемии до Ольвии и фракийских городов западного Причерноморья. Позже (в конце I в. — начале II в. н. э.) вновь существовало в Дакии сильное объединение племен под предводительством Декебала, павшее под ударами Рима при Траяне. Возможно, что в рамках этих союзов, объединявших и сближавших друг с другом различные племена, также начинался уже процесс сложения дунайских протославян.

III. Этногенез западных и южных славян

В период великого переселения народов значительные массы основных протославянских племен расширили территорию своего обитания на запад и на юг и вместе с автохтонным населением областей своей экспансии (лугиями и иллиро-фракийцами) образовали в результате скрещений и аккультурации западное славянство (II—VI вв. н. э.) и несколько позже — славянство южное (V—VII вв. н. э.).

Переход на высшую ступень варварства, когда начинается процесс разложения родового строя и зарождения классового общества, образование крупных военно-племенных союзов на основе «военной демократии» и усиление роли переселений и военных столкновений в жизни племен — таковы основные причины движения и протославянских племен. Племена эти уже в конце I в., по свидетельству Тацита (гл. 46), приходят в движение, а ко времени Птолемея венедаы занимают побережье Балтийского моря, прилегающее к устью Вислы, отрезая от моря готы, так что восточная часть Балтийского моря носит название «Венедского залива».

Имеется и другое свидетельство о крупных событиях, происходивших во второй половине II в. к северу от дунайской границы Римской империи. В это время вдоль всей этой границы бушевала так называемая «Маркоманнская война» (165—180 гг.), в которой принимали участие до 18 различных племен и народностей — германских, лугийских, сарматских, аланских и фракийских. Объясняя участие в этой войне ряда германских задунайских племен, Юлий Капитолин в своей биографии Марка Аврелия Философа говорит, что племена эти пришли к Дунаю, будучи изгнаны со своей родины «северными варварами» (*a superioribus barbaris*), под которыми разумеются, очевидно, в первую голову те же венедаы.

Само протославянское движение на запад было возможно, конечно, лишь при наличии образования среди наступающих племен сильных военных союзов, включавших в свой состав и автохтонное население занимаемой территории, лугийские племена. Так складывались здесь племенные союзы и этнические группировки, которые впоследствии стали известны под именем поляков, лужицких сербов, лютичей, бодричей и других народов. Об этногенезе чехов, моравов и словаков, как процессе более сложном, приходится говорить особо.

До событий конца II в. и последующих веков территория между Вислой и Одрой (Одер) была в основном заселена л у г и й с к и м и племенами (Тацит, Птолемей). Тацит говорит о лугиях, как о крупной народности, состоящей из ряда самостоятельных племен (*populi, civitates*): «*Latissime Lugiorum nomen in plures civitates diffisum*» (*Germania*, 43), а Страбон говорит о Μάγα ἔθνος Λουίων (VII, 1, 3).

Это были земледельческие племена, имевшие на своей территории много крупных поселений. Через их земли шли торговые пути, важнейший из которых вел от среднего Дуная к Балтийскому морю (один из так называемых «янтарных путей»), с установившимися уже местами стоянок, отмечаемых в древних итинерариях; названия этих купеческих стоянок, известных еще Птолемею, частично сохранились и до наших дней, например Καρρεδουον, Κρεδουον (современная деревня Гродиско), Λουγιδουον (современная деревня Луги), Ἀρόνιον (современный Росорж на р. Варте), Καλισία (Калиш), Αστιακαλίσ (современный Скульск).¹

¹ Браун. Разыскания в области готско-славянских отношений. I. Готы и их соседи (Сборн. Отдел. русск. языка и словесн. АН, т. LXIV, № 12, 1899).

Такая непрерывная передача из поколения в поколение имен населенных мест указывает на восхождение к древним лугиям значительных автохтонных элементов, вошедших в состав современного населения территории.

Другие факты из области топонимики указывают на родство лугиев с венетами. Имя Вислы (древняя Vistula) имеет свои соответствия не только в бассейне этой реки (Вислица, Вислока), но и далее на восток: Вислока — река в Курской области, Висловка — в Смоленской, Свислочь — река в Минской (на ней древний город Вьсвислочь) и в Белостокской областях, а озеро Висло («лешее озеро») — в районе Пскова. Близко к древнему имени Vistula (корень «Vist») стоят имена рек: Исть (в Витебской и Московской областях), Иста (в Тульской области), Истья (в Рязанской). У древних пруссов слово «исла» обозначало «река».

Такие же широкие соответствия в области расселения древних венетов имеет и имя Одры (Одер, Viadrus): Одра в бассейне верхнего Днепра (в Черниговской и Могилевской областях), Одровь и Суходровь (в Калужской области), Суходровка (под Витебском), Одринка (Калужская и Орловская области), Водринка (Черниговская область), Одрин (бассейн Дона).

О том же говорят и данные этнонимики. Среди упоминаемых Тацитом и Птолемеем лугийских племен (гельвеконы, маныи или юманы, елизии, дидуны, буры, хариин или харины) мы встречаем самые восточные племена: наганагвалов (Nahanaivali) и варинов. Первое имя — скрещенное (Naha + nagv); второй из корней — «nagv» — явно сближается с древними неврами (нервы более поздних авторов), оставившими свои следы в топонимике почти тех же литовско-венетских областей, что и речная номенклатура. Имя «варины» при постоянных перебоях «р» и «л» могло своим вариантом иметь «валины» — будущие воляняне. Ранее, у Страбона, мы встречаем в этих местах племя «мугилоны», в котором видят будущих «могилян». Точно так же в имени «дид-унов» (Птолемей) можно видеть позднейшее племя «дед-оши» (дедошане).

Сами лугии представляли собой автохтонов страны, корнями своими уходящих в древние племена «лужицкой» культуры, представлявшей собой, даже по признанию фашистских «археологов», самое лучшее, что создала продолжительная эпоха бронзы в Средней Европе.

При этнической близости к своим восточным соседям — венетам — лугийские племена отличались от своих западных соседей — восточных германцев; это было уже ясно и более поздним античным авторам; например, в знаменитых Tabulae Peutingerianae (IV в. н. э.) лугии отличаются от германцев и обозначаются собирательным термином «сарматы». Однако часть восточногерманских племен, например вандалы (корень «ванд»), была сильно смешана с лугиями, получив и свое имя от лугийско-венедской (вендской) народности при своем движении с берегов Лабы (Эльбы) на восток (Силезия).

К эпохе Маркоманнской войны (вторая половина II в. н. э.) начавшемуся продвижению восточных германцев на восток, к Висле, был дан отпор, и началось движение этих племен (готы, вандалы, бургунды и др.) к югу и западу под натиском с востока и севера «северных варваров», «венетских» племен.

Это движение на запад протославянских племен, начавшееся во II в. н. э., заканчивается в VI в., когда последние остатки свевов-самнонов в 568 г. отступили с правого берега Лабы (Эльбы) в область саксов, часть которых двинулась незадолго до этого к лангобардам в Италию (Григорий Турский, Павел Диакон). Повидимому, движение протосла-

вян и образование новых племенных союзов шли неравномерно. Когда в 512 г. герулы возвращались с берегов Дуная на север, в Скандинавию (вероятно, вдоль Лабы), они шли от Дуная сначала землями, населенными уже славянами, а затем на их пути лежала обширная незаселенная область вплоть до земли поморских вагров. Можно предполагать, что всего быстрее движение шло на севере, причем во главе его шли вельты Птолемея (будущие велеты-вильцы или лютичи), захватившие Поморье и продвинувшиеся вплоть до нижней Лабы; это северное движение дало полабских и поморских славян и поляков. Сравнительно быстро шло и движение на юге, захватывавшее племена венетов и склавинов и давшее чехов, моравов и словаков. Всего медленнее шло движение в центре, в области будущих лужицких сербов, где население сохранило и свое древнее имя (лужичи), происходившее, видимо, от имени лугиев. Можно предполагать, что предки полабских, поморских и польских славян некогда были между собой в более близких отношениях, чем с другими западными славянами.

Происхождение чешских племен, видимо, сложнее, чем прочих западных славян. Здесь не было лугийской подосновы, а иллирийская этническая подоснова была издавна кельтизирована. В протославянском движении на запад здесь в большей степени, чем на севере, приняли участие наравне с севернославянскими венетами и южнославянские склавины (ср., например, придунайских и восточных дулебов).

Таким образом, этногенез западных славян не был процессом однолинейным, результатом этнического развития одних лишь местных лугийских племен. Общие племенные названия у различных групп западных и восточных, равно как и южных славян, а также общее всем им имя «славяне» — свидетельствуют о былой тесной связи их с первоначальной, основной протославянской народностью, раньше всего сложившейся в пределах современных Белоруссии и Украины (по крайней мере уже ко II в. н. э.) и принявшей раньше всего в среднем Поднепровье имя «склавинов», происшедшее из старинного имени «сколотов». Скрещение местных лугийских племен с племенами этой протославянской народности, продвигавшимися со II в. н. э. на запад, содействовало более быстрому превращению в славян новых племенных группировок, образовавшихся в результате этого скрещения.

Этногенезу южных славян посвящены работы академика Н. С. Державина.¹ Им обоснована теория происхождения южных славян на основе местных иллиро-фракийских племен, издавна переживавших процесс своего превращения в славян. Но и здесь, мне кажется, окончательным толчком, ускорившим это превращение, явилось скрещение автохтонных племен с переселившимися в VI—VII вв. н. э. на Балканы из-за Дуная частями склавинских племен.

Было бы однако неправильно думать, что южные славяне явились: 1) результатом однолинейного развития одних лишь местных иллиро-фракийских племен или 2) результатом одной лишь миграции славян из-за Дуная. И здесь велика была роль скрещения местных племен с основным ядром славянской народности, сложившейся за Дунаем, в среднем Поднепровье, и расширившей свою территорию далеко на юг, как и на запад. Но на юге, в Подунавье, почва для этногенеза славян была уже подготовлена ранее в результате развития иллиро-фракийских племен, особенно в рамках образуемых ими обширных военно-племенных союзов

¹ Н. С. Державин. Албановедение и проблема происхождения южных славян (Сов. этнография, III, 1940); об этногенезе древнейших народов Днепровско-Дунайского бассейна. ВДИ (Вестник древней истории), I (6), 1939 и др.

времен Бурвисты (I в. до н. э.) и Декебала (I—II вв. н. э.), объединивших эти племена и содействовавших их взаимным скрещениям и аккумуляции.

Особенностью этногенеза болгарского народа явилось дальнейшее скрещение восточной части (придунайских) южных славян с пришлыми с востока (вероятно, славянизированными еще в степях северного Причерноморья) болгарами-торками, подвергшимися в Северном Причерноморье сильному влиянию местных культур.

IV. Восточные славяне в III—VII вв.

Образование восточного (русского) славянства представляет собой дальнейшее развитие того основного ядра протославянской народности, которое сложилось уже в Восточной Европе ко времени Птолемея (II в. н. э.). В эпоху великого переселения народов продолжалась дальнейшая консолидация этой народности, расширение ее территории на северо-восток, в область племен культуры «дьяковых городищ», а быть может, и действительное переселение части приднепровских склавинов и спалов на север, в Приильменье, в область будущих новгородских «словен» и «полян». Развивались сношения, в том числе и торговые, между областью Верхней Волги и Причерноморьем, а также с Прибалтикой, Средней Волгой и Камой, где складывались племена финской народности. В то же время на юге, в Причерноморье, происходил ряд событий, оказавших большое влияние на ход этногенеза восточных, или русских, славян.

Племена северного Причерноморья переживали в это время последний этап варварства, период «военной демократии». Карпы, бастарны (бастерны) и певкины, роксоланы, боспорские скифы, аланы, гелуры (местное причерноморское племя, которое ничего общего не имело с германцами-герулами), бораны (боряды) и другие причерноморские племена, порознь и группами предпринимали непрерывный ряд нападений на границы слабеющей Римской империи. Среди этих племен (то отдельно, то сообщая с другими причерноморскими племенами) нападают на империю и готы (примерно с конца тридцатых годов III в.), оттесненные венетами с Вислы и пришедшие к берегам Черного моря. Готы находят у местных племен старинную сарматско-аланскую культуру, преемницу культуры эллино-скифской, и до такой степени усваивают эту культуру, что становятся археологически почти неотличимы от местных племен. Готы в III в. — это одна из причерноморских племенных групп, а вовсе не мифическая готская «держава», якобы покорившая обширную территорию. Сами готы до середины IV в. не представляли собой политического единства. Это был ряд племен: остроготы, или остготы (быть может, частично совпадавшие с грейтунгами, приморскими готами), визиготы (может быть, частично совпадавшие с тервингами, лесными готами), тайфалы, гепиды, — племен, совершенно самостоятельных, иногда даже враждовавших друг с другом и изредка лишь объединявшихся для совместных походов. Более тесное объединение остроготов с визиготами происходит лишь в конце шестидесятих годов IV в. вследствие ослабления визиготов в результате походов Валента в Дакию (367—369 гг.). Остроготы, предводительствуемые Германариком, становятся к этому времени ненадолго сильнейшим племенным союзом в северном Причерноморье и начинают войны с соседями — гелурами на востоке, в Приазовье, и венетами на севере, которые мешают восстановлению готами старого «янтарного» пути в Прибалтику. Однако это усилие го-

тов тотчас встречает противодействие в лице двух крупных военно-племенных союзов, а ланского союза на востоке и антского союза на северо-западе Причерноморья.

Антский союз племен возникает в борьбе с готами в течение IV в. н. э. В его состав кроме славян-спалов входили, вероятно, карпы, костобокы, сабоки, арсиеты, роксоланы, а позже, быть может, часть придонских сармато-аланских племен. В рамках этого союза идет скрещение сложившихся уже славян-спалов со славянизирующимися фракийцами и сармато-аланами и образование южной ветви восточных (русских) славян-антов. Другим именем этой группы племен было росомоны (Иордан), своим корнем «рос» указывающее на значение в составе антов племен, в имени которых звучит корень «рос», «рас» (потомки древних алазонов — арсиеты и роксоланы).

Все это еще более подкрепляет теорию южного происхождения имени «Русь», совершенно независимого от пришельцев с севера, варягов. Ранняя «Русь» сложилась в борьбе с германцами-готами, объединив воедино ряд причерноморских племен вокруг более культурных славянских племен среднего Поднепровья. Культура этой ранней Руси — антская культура — самостоятельно развилась, продолжала высокие традиции культур эллино-скифской и сармато-аланской и дала в дальнейшем культуру Киевской Руси, воспринявшей позднее и самостоятельно переработавшей культурные традиции Византии.

Ослабленные борьбой с антами-росомонами, готы не выдержали напора с востока гуннов и частью бежали за Дунай, на Балканы, частью подчинились гуннам и двинулись вместе с ними на запад в поисках все новой и новой родины.

В своем дальнейшем развитии, переходя от стадии «военной демократии» (I—VII вв. н. э.) к классовому обществу и сложению государств, антская южная ветвь восточного славянства продолжала свое этническое сближение с северной (словено-кривичской) и средней (венетской) ветвями и дала совместно с ними окончательно сложившуюся восточнославянскую народность, ту могучую Русь, которая сплотила вокруг себя братскую семью народов в «союз нерушимый республик свободных» и одержала славную победу над подлыми захватчиками, гитлеровскими немцами.

Т. С. Пассек

К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна¹

Большое значение территорий Поднепровья и Поднестровья в период сложения славянских этнических образований выдвигает перед исследователями вопрос о древнейшем населении этих районов. Несмотря на новые археологические материалы, позволяющие значительно расширить наши представления о культуре, существовавшей здесь на рубеже неолита и эпохи ранней бронзы, проблема этногенеза народов Днепровско-Днестровского бассейна остается одной из труднейших.

В настоящей статье автор попытался на основании некоторых новых археологических наблюдений наметить пути сложения своеобразной культуры «расписной спирально-ленточной керамики» в Поднепровье и Поднестровье, известной под именем трипольской, и охарактеризовать существовавший здесь в III—II тысячелетии до н. э. тип населения.

1

Далеко еще не разрешенный и сейчас вопрос о происхождении трипольской культуры впервые был поставлен в конце XIX в. В. В. Хвойко, который считал открытые в среднем Поднепровье «глиняные площадки» местами погребений, а не жилищами (как это показали раскопки последних лет), и народ, обитавший здесь, — арийским.

В. В. Хвойко сделал свои заключения о населении того времени на основании нескольких обнаруженных на «площадках» черепов, причем одной из характерных черт, по его мнению, является их длинно-головость.² Однако то, что В. В. Хвойко отнес обнаруженные в раскопках черепа к эпохе Триполья, вызывало с самого начала сомнение со стороны Н. Ф. Беляшевского и Ф. Волкова. Критически относясь к прежним раскопкам В. В. Хвойко и считая «глиняные площадки» остатками жилищ, они рассматривали эти черепа, как случайно попавшие на «площадки» в значительно более позднее время. Таким образом, предположение В. В. Хвойко о том, что обнаруженные в раскопках черепа (кстати, до сих пор остающиеся не изученными антропологами)

¹ Переработанный доклад, сделанный на сессии по этногенезу славян (Москва декабрь 1943 г.).

² В. В. Хвойко. Каменный век среднего Приднепровья. Труды XI Археол съезда в 1899 г. в Киеве, т. I, стр. 802.

относятся к трипольской эпохе, ни в какой степени не должно приниматься во внимание при той или иной попытке характеризовать тип древнейшего населения.

На основании еще одного неверного предположения о том, что на «площадках» совершалось захоронение урн с пеплом, Хвойко сделал попытку сравнивать трипольский обряд сожжения с погребальным обрядом скифской эпохи (на Пастерском и Матронинском городищах), а также с обрядом сжигания, известным на той же территории позднее, в эпоху культуры так называемых «полей погребальных урн».

Итак, безусловно поверхностное определение длинноголовых черепов, как относящихся к трипольской эпохе, и аналогии устойчиво удерживающегося обряда погребения с сожжением (с древнейших времен вплоть до начала нашей эры) привели Хвойко к выводу, что народ, создавший эти памятники, не мог исчезнуть бесследно и был ветвью арийского племени, которой принадлежит имя протославян и потомки которой населяют и поныне юго-западную Россию.¹ Отсюда трипольскую культуру Хвойко назвал «древнеарийской», характеризуя ее как протославянскую. Прародину этого арийского длинноголового племени Хвойко помещает между Эгейским и Мраморным морями, причем на этом пространстве он предполагает существование в послеледниковое время сплошного материка, с которого и началось «расселение арийских племен к западу, северу, северо-западу в Прикарпатскую область, на юго-запад — в Причерноморье. Другие арийские племена пошли в Азию, заняв Армению, Персию и Индию».²

Концепция В. В. Хвойко не была принята более поздними исследователями, и вскоре в процессе изучения трипольского материала была выдвинута новая точка зрения. Так, Э. Р. Штерн рассматривал район распространения трипольской культуры, как географически связанную культурную область, простирающуюся «от Десны и Днепра через Подолию и Бессарабию до Днестра и от Восточной Галиции через часть Венгрии до Дуная к Семиградии и Буковине, по Румынии и восточной Румелии до Фессалии».³

Считая, согласно историческим свидетельствам, родиной фракийцев Семиградию, Э. Р. Штерн предполагал более ранний период расцвета фракийской культуры и связывал его с троянцами — малоазиатскими потомками фракийско-фригийских племен. На основании сравнительного изучения находок он устанавливал затем близкие культурно-исторические связи и возможно племенное родство населения северобалканских стран с троянцами: «в те отдаленные до-микенские эпохи культурные течения двигались в направлении с севера на юг, и тогда вполне возможно рассматривать фракийский народ, как носителя той культуры, которая лежит в основании развития раннегреческой жизни». Полагая, что родина индо-европейских (арийских) народов находилась не в Азии, Э. Р. Штерн проследил движение индо-европейских племен с севера на юг, на берега Малой Азии, острова Эгейского моря и греческий материк. Предположив, что эгейская островная культура моложе восточноевропейской неолитической, Штерн считал, что огромное культурное влияние в до-греческую эпоху шло с севера и северо-востока, в частности

¹ В. В. Хвойко. Каменный век среднего Приднепровья. Труды XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, стр. 810.

² Там же.

³ Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Труды XIII Археол. съезда в 1905 г. в Екатеринославе, т. I, стр. 40.

из Причерноморья. Таким образом, неолитическая культура областей Дуная и Днепра, по мнению Штерна, «предстала перед нами той формой праэллинской культуры, обладая которой, племена, вторгшиеся (с севера. — Т. П.) на греческую почву, начали свою жизнь».¹

В основе высказанной Штерном теории происхождения трипольской культуры лежит мнение немецких ученых М. Муха и Г. Шмидта, критически разобранные в работе Е. Ю. Кричевского «Индогерманский вопрос, археологически разрешенный».² М. Мух, в частности, рассматривает северо-западную Европу как прародину индогерманцев, а памятники культуры «ленточной керамики» в Дунайском бассейне считает результатом распространения в неолите на юго-восток индогерманцев.³ Наиболее последовательно аналогичные взгляды на протяжении ряда лет формулировал Г. Коссина, историческая концепция которого была общепризнанной в фашистской Германии.

Г. Коссина считал прародиной индогерманцев центральную и западную Германию, откуда (так называемый «северный культурный круг») в конце неолита двинулась на юго-восток индогерманская народность и покорила не-индогерманские племена Дунайско-Днепровского бассейна (дунайский культурный круг). «Индогерманское распространение, — пишет Г. Коссина, — происходило, очевидно, так, что полное силы воинственное меньшинство подчинило более слабое большинство и обратило его в рабство и, держа его вследствие острого кастоподобного разделения далеко от себя, отчасти подавило местную культуру и утвердило на ее место свою собственную, прежде всего принудив порабощенную народность принять индогерманский язык».

Позднее Г. Коссина уточняет свои положения и считает уже, что «индогерманцами были и носители дунайской культуры»; отмечавшееся им ранее различие двух культурных кругов «северного» и «дунайского» он теперь понимает как две группы индогерманцев: северных и южных.⁴

С близкой концепцией выступал Г. Вильке, считая происхождение арийцев юго-западной России твердо установленным и помещая «пребывание» фрако-арийцев на территории нижнего течения Дуная и в областях к северу от нее, где распространена неолитическая культура южной России.⁵

В своих более ранних работах Г. Вильке прародину индогерманского пранарода устанавливал в северо-западной Европе, а поселения дунайско-днепровского неолита рассматривал как результат переселения индогерманцев на юго-восток. «Круг расписной керамики, — пишет он, — соответствует индоиранцам, из которых выделяется круг фрако-фригийцев, соответствующий группе семиградской расписной керамики».⁶

Наконец, в последующих работах Г. Вильке, уточняя свою концепцию, утверждал, «что носители «ленточной монокромной керамики» в действительности северо-индогерманские Satemleute, а носители расписной керамики Восточной Европы — чистые южные Centumleute —

¹ Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Труды XIII Археол. съезда в 1905 г. в Екатеринославе, т. I, стр. 44.

² Е. Ю. Кричевский. Индогерманский вопрос, археологически разрешенный. Изв. ГАИМК, вып. 110, 1933.

³ M. Mueh. Die Heimat der Indogermanen im Lichte der urgeschichtlichen Forschung, 1902.

⁴ G. Cossina. Die indogermanische Frage, archäologisch beantwortet, ZfE, 1902.

⁵ G. Wilke. Die Herkunft der Indo-Iranier. Jahrbuch des städtischen Museums für Völkerkunde, Leipzig, 1918, S. 46.

⁶ G. Wilke. Neolitische Keramik und Arierproblem. Archiv für Anthropologie, 1909.

индогерманцы, в частности фрако-фригийцы, которые далее распространяются на восток, вплоть до Кавказа и Индии».¹

Разбору работ Вильке посвящена известная критическая статья И. И. Мещанинова «О доисторическом переселении народов», в которой автор отмечает, что, по мнению Г. Вильке, совпадение форм неолитической культуры Европы и Азии «разнесено движением индогерманцев потомками кроманьонов с запада на восток». И. И. Мещанинов с этой точкой зрения Вильке был совершенно не согласен. «Праиндогерманцы — единственный культурный народ, неоднократно посылавший переселенческие волны с запада на восток, но никогда не покидавший окончательно своей прародины; отсюда только уходили эти волны, но сами индогерманцы не оставляли своего насиженного места»², возражал И. И. Мещанинов.

Развитие тех же (в основе) положений, что и у Вильке, дается в работах Г. Шмидта, для которого «древнейшие культуры Китая и Японии — европейского происхождения; их носители пришли только в неолитическое время частью из северной Европы, частью из юго-восточной Европы, из области Днепра, Дуная, Балкан»³.

Другой известный немецкий археолог К. Шухардт считает, что создателем «культуры ленточной керамики» был народ индогерманского происхождения, точнее — кельты, которых он противопоставляет племенам северо-западной Европы — германцам. Германские племена в конце неолита — начале бронзы вторглись в кельтские земли Днестро-Дунайского района и принесли с собой более высокие формы вещественных памятников, в числе которых был и «повсеместно известный с древних времен в Германии» длинный прямоугольный дом с преддверием типа «мегарона».⁴

Не останавливаясь на теории К. Шухардта, более подробно разобранной в ряде статей советских археологов, укажу лишь на появившееся в 1942 г. в Америке исследование Baldwin Smith, посвященное истории возникновения доэллинистического и микенского мегарона.⁵ Автор ставит вопрос о генезисе мегарона как типе постройки и приводит ряд примеров открытия прямоугольных домов с двухскатным перекрытием в Месопотамии — из Обеида, Ура, в северо-восточной Сирии — из Телль-Халафа, в Ассирии — из Телль-Арпачау, в Иране и Малой Азии. Все эти прямоугольные дома относятся к V—IV тысячелетиям до н. э. и являются значительно более древними по своему происхождению, чем северо-германский дом К. Шухардта.

Наконец, более древним является и особый тип прямоугольной постройки с преддверием — «мегарон», — обнаруженной в III тысячелетии в Трое I, в Сесскло (Фессалия), в Терми (на острове Лесбос), в Эрбозе (Семиградия). Следует добавить к этому перечню все новые данные о больших прямоугольных трипольских постройках, изученных за последние годы в Поднепровье и Поднестровье, и станет очевидной полная несостоятельность теории К. Шухардта, стремившегося строителями прямоугольного дома считать индогерманскую «полноценную расу» и только ей приписать создание этого типа постройки. Неудивительно, что в конце своей жизни К. Шухардт перешел в лагерь фашизма. Книги

¹ G. Wilke. Spiral-Mäander Keramik und Gefäßmalerei. Hellen und Thraker, Würzburg, 1910.

² И. И. Мещанинов. О доисторическом переселении народов. Вестник Ком. академии, кн. 29 (5).

³ H. Schmidt. Prähistorisches aus Ostasien. ZfE, 1924.

⁴ K. Schuchardt. Alteuropa. Berlin, 1926.

⁵ Baldwin Smith. The Megaron and its Roof. American Journal of Archaeology, 1942, № 1.

К. Шухардта, как и книги Г. Коссины, выходили в фашистской Германии вторым и третьим дополненными изданиями; оба автора стали общепризнанными «столпами» — фальсификаторами доистории в фашистской Германии.¹

По мнению О. Менгина, продолжателя «школы» Коссины, переселение индогерманцев в Дунайско-Днепровский бассейн произошло «путем военной оккупации территории народа ленточной керамики воинственных или северными племенами». Северные племена «вооруженной рукой» оттеснили местное население в районе среднего Дуная и Днестра; затем местная народность стала большинством, а северные пришельцы превратились в господствующую верхушку. Таким образом, для О. Менгина трипольская и семиградская культуры расписной керамики «оказываются яркими примерами тех обществ, в которых наряду с не-индогерманской основой образовался ведущий индогерманский слой».² В одной из своих работ Менгин связывает северный элемент в трипольской культуре с тохарийцами и прямо высказывается за то, что тохарийцы были не кем-иным, как «Tripolye-Leute».³ Об этнической принадлежности к тохарийцам населения Днестровско-Дунайского бассейна высказывались в своих работах и Г. Шмидт и К. Шухардт.

Из приведенных отрывков, взятых из работ Г. Коссины, Г. Вильке, Г. Шмидта, К. Шухардта и О. Менгина, нетрудно заметить, что построения этих авторов отражают концепцию «избранной расы культуротворца», последовательнее всего развитую школой Г. Коссины. Фальсифицируя древнейшую историю населения Днепровско-Дунайского бассейна, фашисты хотят найти в археологическом материале подтверждение одного из основных своих положений — о существовании с глубочайшей древности «полноценной» северной расы, причем северная воинственная раса северного культурного круга противопоставляется всегда неполноценной расе южнодунайского культурного круга.

В этих теориях переселение индогерманцев часто представляется в виде «военной оккупации» восточных и юго-восточных пространств, причем всегда подчеркивается, что эта индогерманская раса приносит с собой ряд высоких культурных достижений, вносящих изменения в местную культуру, как, например, занесение из Средней Европы «северного дома типа мегарона», внедрение в дунайско-средиземноморский и переднеазиатский мир коня и установление господства мужчины.

Еще в конце XIX в., вскоре после появления работ В. В. Хвойко, уже упомянутый нами Н. Ф. Беляшевский в одной из своих рецензий по поводу раскопок в Триполье считал вывод Хвойко о национальности создателей трипольской культуры неверным. По мнению Н. Ф. Беляшевского, «культура проникла с юга через Эгейское и Мраморное моря с берегов Малой Азии или через Средиземное море из Финикии или Египта, и в расписной керамике чувствуется больше влияния Востока».⁴

На восточном происхождении трипольской культуры настаивали и А. А. Спицын и В. А. Городцов. «Высоко развитая культура киевских площадок, — пишет Спицын, — восточная, именно малоазиатская».⁵

¹ Jahrbuch der preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin, 1940; Prähistorische Zeitschrift, B. XXX—XXXI, 1939—1940; Mannus, Leipzig, 1941.

² O. Menghin. Weltgeschichte der Steinzeit. Wien, 1931.

³ Его же. Die Ethnische Stellung der Ostbandkeramischen Kulturen der Tocharer und Hittiten. Юбил. сборник в честь Н. Грншевского, т. I, Киев.

⁴ Археологическая летопись южной России, т. I. Киев, 1899, стр. 8.

⁵ А. А. Спицын. Раскопки глиняных площадок близ села Колодистого в Киевской губернии. Изв. Археол. ком., вып. 12.

За последние годы в свете новых открытий на Востоке древние культуры и население Днепровско-Днестровского бассейна привлекаются все чаще и чаще в исследованиях, посвященных доисторическим судьбам Передней Азии. Так, Б. Грозный, касаясь энеолитического периода Передней Азии, указывает, что характерная для этого периода культура «крашеной керамики» занимает только часть очень обширной евразийской территории, простирающейся от Чехии, Моравии, Фессалии на восток до Китая и до юго-западной Манчжурии. Хотя эта обширная культурная область и распадается на ряд меньших, памятники которых имеют свои особенности, все же Б. Грозный полагает, что здесь речь идет об одном большом стройном целом, «возникновение которого нужно искать в одном месте». Путем переселения и товарообмена распространялась из этой центральной области расписная керамика. Б. Грозный считает, что главным посредником были «индоевропейские тохары или какой-либо другой среднеазиатский народ», которые в процессе продвижения из какой-нибудь «центральной местности, находившейся, может быть, в Туркестане или, во всяком случае, между Каспийским морем, Памиром и Алтаем», разносили образцы расписной керамики.

Сравнивая орнаментальные мотивы Янь-Шао, Триполья, Анау и Суз, Б. Грозный указывал, что общность между этими культурами может быть объяснена «переселением индоевропейских народов во II тысячелетии и, в частности, движением населения северного Причерноморья, которое он ведет из Туркестана».¹ Одна из волн индоевропейцев пересекает Волгу, Дон, Днепр и движется степями далее на Вислу. Другая волна заворачивает на Кавказ вдоль побережья Каспийского моря, одни — в Малую Азию, другие — в Индию. Таким образом, родину тохарцев Грозный видит на востоке, в отличие от других исследователей, помещавших родину тохарцев в районе степей юго-восточной России до Урала, между Днепром или Доном.²

В целом ряде исследований, посвященных хеттскому вопросу, северное Причерноморье рассматривается как территория, откуда пришли индоевропейцы хетты-неситы в Малую Азию. Так, Грозный, найдя 10—20% сходства в лексике хеттско-неситского языка с индоевропейскими, развивает положение, что хетты-неситы являются потомками «чистых индоевропейцев».

Таким образом, гипотеза Грозного предполагает первоначальное местопребывание предков хеттов в северном Причерноморье. «Вероятно, с севера, из южной России, Украины, — пишет Грозный, — индоевропейские хетты около 2000 лет до н. э. проникли в Малую Азию».³

Из западноевропейских ученых против концепции немецкой «школы» Г. Коссины, К. Шухардта, О. Менгина выступил английский ученый Г. Чайльд. Он с самых первых своих работ рассматривает развитие древнейших культур расписной керамики Дунайского бассейна и Средней Европы на основе местных неолитических культур, с одной стороны, и, с другой, — прослеживает сложные взаимоотношения Дунайского бассейна на востоке с Трипольем, на юге — с культурами Фессалии и на юго-востоке — с Болгарией.

Любопытно, что многолетние исследования Г. Чайльда, давшие богатый материал для понимания образования неолитической культуры

¹ Б. Грозный. Доисторические судьбы Передней Азии. ВДИ, № 3—4, 1940.

² И. Умняков. Тохарская проблема. ВДИ, № 3—4, 1940.

³ П. Н. Ушаков. Этнографические памятники Лидии. ВДИ, № 3—4, 1940; Б. Грозный. Хеттские народы и языки. ВДИ, № 2, 1938.

Дунайского бассейна и установления хронологии памятников, не привели Г. Чайльда к окончательному разрешению вопроса о происхождении культур «расписной керамики». Это заставило его начать изучение культуры Востока; в одной из своих последних работ Г. Чайльд пишет, что для понимания европейской культуры необходимо знакомство с древнейшими цивилизациями Египта, Месопотамии и Индии. «Необходимо сравнить царские гробницы из Ура с раскопками Шлимана в Трое и микенскую культуру на Крите с раскопками долины Инда».¹

Он считает, что «la préhistoire européenne à ses debuts n'est presque l'histoire de l'imitation ou au mieux de l'adaptation des conquêtes du génie oriental: l'histoire même de ces conquêtes se trouve dans la préhistoire orientale». Работа последних лет Г. Чайльда в значительной степени посвящена изучению именно древних культур Востока — Месопотамии, Ирана, Индии, которые он называет «the oriental prelude to European prehistory».²

Тем же путем прослеживания культурных влияний, проникавших в древности с востока через восточное Средиземноморье на Балканы и далее на север в Дунайский бассейн, шли в своих исследованиях Frankfort, Conteneau, Pottier и другие ученые, специально изучавшие энеолитические культуры расписной керамики.

Советская археология, уделявшая большое внимание изучению трипольской культуры, идет в своих исследованиях несколькими путями, однако все они восходят к основным положениям, высказанным Н. Я. Марром об этногонии Восточной Европы. И. И. Мещанинов в своей работе, посвященной культурам крашеной керамики, не может, как и Н. Я. Марр, объяснить наличие сходных форм в различных языках или предметов материальной культуры одним лишь переселением.

«Фактор миграционный, — пишет И. И. Мещанинов, — конечно, не отрицается, но учитывается он главным образом в процессах скрещения, где свою роль играют и торговые сношения и др. ..., а не одно только переселение. Пока все будет толковаться только одними переселенческими волнами и будет совершенно игнорироваться действие экономических и общественных факторов, мы останемся на прежнем пути поисков культурно-созидательных «вулканов», выкидывающих миграционные волны на север, юг, восток и запад». В связи с этим И. И. Мещанинов ставит вопрос о необходимости углубленного исследования каждой отдельно взятой культуры с обязательным учетом всех созидательных факторов, а не только переселений. «Прежде чем прослеживать, — пишет он, — переселенческие движения, следует подойти к культуре как к отдельному проявлению местных хозяйственных и культурных потребностей».³

Именно с этих позиций школы Н. Я. Марра и подошли к разрешению вопроса этногенеза древнейших народов Днепровско-Дунайского бассейна в своих исследованиях Е. Ю. Кричевский, Т. С. Пассек, М. Ф. Болтенко, Е. Ф. Лагодовская, в последнее время — академик Н. С. Державин и др. Прежде всего ставился вопрос о генезисе культуры. Далее: 1) исследовался материал раннеэнеолитических эпох, предшествовавших трипольской культуре на территории Поднепровья-Поднестровья; 2) в широких масштабах производились новые раскопки памятников

¹ G. Childe. L'Orient préhistorique. Paris, 1935.

² Его же. New Light on the Most Ancient East. London, 1934; India and the West before Darius. Antiquity, vol. XIII. London, 1939.

³ И. И. Мещанинов. Доисторическая крашенная керамика Китая. Изв. Об-ва обслед. и изуч. Азербайджана, № 1, Баку, 1927.

Триполья, и устанавливалось хронологическое соотношение различных комплексов; 3) шло сопоставление Триполья с сосуществующими на той же территории памятниками и с более поздними памятниками эпохи бронзы; 4) велось сопоставление Триполья со степными культурами левобережья Днепра; 5) делались попытки прослеживания смежных влияний и заимствований со стороны соседних культурных областей Средней Европы, восточного Средиземноморья и Малой Азии.

В основном советские археологи в первую очередь вели разносторонний и глубокий анализ огромного археологического материала, добытого раскопками последних лет, делая попытки проследить весь сложный процесс возникновения автохтонных племенных образований, протекавших в Поднепровье и Поднестровье. В дальнейшем этот материал сопоставлялся заново с культурами соседних стран.

Изучение обширного материала ранненеолитического периода в Европе позволило Е. Ю. Кричевскому установить два основных варианта перехода от раннего к развитому неолиту, причем оба эти варианта связаны с освоением различных частей европейского ландшафта. «Одни ранненеолитические племена, — пишет Е. Ю. Кричевский, — еще теснее связываются с реками, озерами и морями, их поселения располагаются на нижних береговых террасах, на дюнах и даже спускаются в самую пойменную низину. Рыболовство в этих случаях продолжает быть ведущей отраслью производства. Другие ранненеолитические племена, наоборот, порывают с прежними условиями обитания и поднимаются на плато, выбирая места наиболее плодородных почв. У этих племен развивается в ранненеолитическое время примитивное земледелие. В эпоху неолита продолжает существовать и углубляться противоположность двух основных типов неолитических культур, причем охотничьи-рыболовческие племена занимают преимущественно лесную или степную зону, а земледельческие — западную и лесостепную половину Европы».¹

Таким образом, на территории Западной, Южной и Средней Европы эпоха раннего неолита была временем перехода к земледелию и скотоводству и освоения гончарного искусства. Осваиваются свободные от древесных зарослей лёссово-черноземные плато, на которых развивается местная раннеземледельческая культура, известная в археологии под именем «дунайской», или «линейно-ленточной» керамики. Эта последняя лежит в основе дальнейшего развития племен на всей территории, причем в Дунайском бассейне, а также на Балканах и в Поднестровье (частично и в Побужье) эта культура ленточной керамики ранее других превращается в своеобразную культуру «расписной керамики» (Г. Чайльд).

На этой же территории ранее всего появляются наземные прямоугольные постройки, предметы из меди и относительно совершенная керамика.

К этому времени в Европе уже возникают земледелие и скотоводство, причем, по всей вероятности, как предполагают многие исследователи, под влиянием развивающихся средиземноморских влияний. Это влияние принесло с собой важнейшие виды хлебных злаков (пшеница). Ряд исследователей высказывает мнение, что в ранненеолитический период между племенами Западной, Средней и Юго-Восточной Европы и центрами земледельческой культуры существовало уже культурное общение. Таким центром, по их мнению, была долина Нила, и под исходным влиянием Северной Африки и Иберии в течение

¹ Е. Ю. Кричевский. Мезолит и неолит Европы. КСИИМК, IV, 1940.

IV тысячелетия распространялись в Европе с юго-запада на восток новые злаки.

Другие указывают на иной путь проникновения хлебных злаков в Европу из Малой Азии, причем путь этот шел в Западную Европу северным побережьем Средиземного моря, а в Юго-Восточную Европу распространение шло с юга, притоками Дуная, через Балканы. Эта последняя точка зрения мне кажется наиболее вероятной, ибо этим же путем и позднее проникают в Юго-Восточную Европу культурно-исторические влияния древнейших цивилизаций Востока.

Таким образом, в период раннего неолита на широкой территории в Европе от Марны до Днестра происходит, по мнению Г. Чайльда и Е. Ю. Кричевского, оформление единообразной примитивно-земледельческой культуры, известной под именем «дунайской» с линейно-ленточной керамикой, в основном автохтонного происхождения, всеми корнями уходящей в предшествующий этап общественного развития. На территории Поднепровья и Поднестровья до-трипольские земледельческого характера поселения пока известны лишь в некоторых районах. Так, ряд ранненеолитических примитивно-земледельческих поселений с ленточной керамикой открыт по среднему течению Днестра у села Недзвизьки на Городенке, на Волыни (у Здолбуново), у Ивановичей (урочище Бабы Горцы), у села Залещики. В более юго-восточных районах в Поднестровье на основании разведок 1940 г. С. Н. Бибикова и Е. Ю. Кричевского ими была высказана гипотеза о наличии здесь поселений до-трипольской земледельческой культуры с преобладанием макролитических орудий.¹ Чрезвычайно интересен тот факт, что генетическая связанность ранне-неолитических поселений с линейно-ленточной керамикой подтверждается анализом керамических изделий хозяйства и типа жилищ в поселениях ранне-трипольских, как, например, в Молдавии — Извоар I, в Румынии — Боян А, в Семигрии — Тордош, а также в Поднестровье (в таких поселениях, как в Озарницах, Унгенах) и в Побужье — в Борисовке, Красноставке и в Саврани. Повсюду в материалах этих поселений удается вскрыть преемственную связь культуры линейно-ленточной керамики с ранне-трипольской.

И все же вопрос о происхождении Триполья и его начальных этапах представляется достаточно сложным и окончательно еще не разрешенным.

На основании археологических раскопок удастся проследить огромную общность, генетическую связанность в системе хозяйства, в орудиях производства, в керамике, в характере больших многоочажных глинообитных домов и в характере поселений различных удаленных друг от друга районов на Дунае и его притоках, на Днестре, по Пруту, Серету, на Балканском полуострове, в Македонии и Фессалии. Эти аналогии, наблюдаемые в Днепровско-Дунайском бассейне, позволяют рассматривать памятники материальной культуры широкого района как появившиеся в результате общих изменений единого автохтонного процесса развития. В эту же эпоху намечаются более мелкие этнические группировки с ярко выраженными местными (районными) особенностями, причем на территории Поднепровья и Поднестровья прослеживается в ранний период развития трипольской культуры влияние со стороны восточного Средиземноморья и Малой Азии. Раскопки в Поднепровье и в Поднестровье и сопоставление материала

¹ Т. С. Пассек. IV Археологическая конференция в Киеве. КСИИМК, XII, 1946.

с находками Дунайского района показали, что обитателям этой обширной области известно уже возделывание культурных растений: пшеницы, ячменя, проса. Наряду с земледелием развивается скотоводство, появляются такие домашние животные, как бык, овца, коза, свинья, несколько позже — лошадь. Среди животных, на которых человек охотится, — благородный олень, лось, косуля, бобр.

Поселения древних обитателей занимали значительные пространства, объединяя членов родового коллектива. Жилища на поселениях располагались, как установлено раскопками, по кругу или овалу, иногда в несколько концентрических кругов, и, вероятно, были огорожены изгородью, причем центральная часть поселка оставалась незастроенной и использовалась как площадь для загона скота.¹

Большие многоочажные дома разделялись поперечными перегородками на отдельные помещения; в каждом из них обычно находились печь и весь хозяйственный инвентарь. Строительная техника в эпоху трипольской культуры стояла на относительно высокой ступени развития. Наряду с деревом, основным материалом, из которого строились жилища, была хорошо обожженная глина. Для трипольского прямоугольного жилища, обычно достигающего 100—150 кв. м, характерен многослойный обожженный глиняный пол. Нередко плахи расколотого дерева укладывались в основание постройки, образуя деревянный настил. Поверх него — хорошо заровненная обмазка, выше — пол из хорошего сорта глины, образующий плитчатые наслоения. При изготовлении глиняной обмазки в глину примешивали полову, чтобы получить особую массу, по типу близкую к саманным кирпичам, причем эта обмазка, как и глиняная обмазка полов, подвергалась обжигу наложенными поверх кострами. Обжиг кострами придавал глиняной постройке значительную крепость.²

Для изучения трипольского жилища важным источником являются находки глиняных моделей трипольских жилищ, известных по раскопкам в Сушкове, Владимировке, в Халепье (Коломийщина II) и др.

На этих моделях дано воспроизведение во всех деталях трипольского жилища: направо от входа — печь, налево — возвышение, на котором стоят большие сосуды для хранения припасов. Около них изображена фигурка женщины, занятой растиранием зерна. Против входа — округлое окно и крестообразный жертвенник, аналогичный открытому в раскопках.³

На основании этих моделей нужно предполагать, что невысокие стены жилища были расписаны, крыша двускатная со стропилами. Около печи помещалось изображение женского идола — охранителя домашнего очага.⁴

Главнейшими орудиями трипольской культуры являются мотыги из рога оленя, каменные клиновидные мотыги, зернотерки, кремневые ножи, скребки, серпы; наконечники стрел весьма редки.

Наибольшее число находок на трипольских поселениях падает на глиняную посуду, причем гончарство в ту эпоху стоит на относительно высоком уровне развития, и образцы богато орнаментированной керамики привлекают внимание археологов всего мира. В трипольской керамике, лепившейся без гончарного круга, известно свыше 20 разнообразных

¹ Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевский. Поселения Коломийщины. КСИИМК, XII, 1946.

² Трипольська культура (сборник статей). Киев, 1940; Т. С. Пассек. Трипольська культура. Киев, 1941.

³ Т. С. Пассек. Трипольские модели жилища. ВДИ, № 4/5, 1938.

⁴ Т. С. Пассек. Трипольское поселение у Владимировки. ВДИ, № 1, 1941.

сорт. Наиболее характерной является посуда, покрытая спиральным орнаментом. Орнамент или нанесен углубленными полосами, или расписан в одну, две и три краски. Поверхность сосудов покрывалась обычно красной облицовкой, и поверх этого фона наносился черной и белой красками спиральный рисунок.¹

Наряду с трипольской посудой в раскопках обычно обнаруживаются глиняные женские и мужские статуэтки и статуэтки животных (быка, барана и т. п.).

Считая, что в основном трипольская культура автохтонна в своем происхождении и связана с раннеэолитической земледельческой культурой линейно-ленточной керамики, нельзя понять пути ее развития в Поднепровье и Поднестровье, не обратив внимания на культурные связи и влияние на Триполье со стороны древних высоко развитых культур, показывающих, что в до-скифский период трипольская культура являлась наиболее развитой в Европе и была тесно связана с культурными областями Дуная, Балкан, восточного Средиземноморья и Малой Азии в переходный период от неолита к эпохе раннего металла.

Изучению существовавших в III—II тысячелетиях до н. э. культурных связей и взаимоотношений с Востоком особое внимание уделит в своих работах Г. Чайльд.² Признавая автохтонность в развитии неолитических культур Днестровско-Дунайского бассейна, он в то же время детально анализирует появившееся в III тысячелетии значительное разнообразие и богатство в формах материальной культуры. Это разнообразие и богатство проявляется особенно широко в изделиях керамических, что Г. Чайльд стремится объяснить тесными связями, устанавливаемыми племенами далеких областей Днепра, Буга, Днестра, Дуная и Балкан с передовыми цивилизациями Малой Азии.

Так, Г. Чайльд прослеживает проникновение из Малой Азии черной полированной керамики, украшенной желобчатой орнаментацией. Вместе с другими культурными достижениями эта особая керамическая техника постепенно воспринимается племенами, живущими севернее на Дунае, причем общение южных и северных племен поддерживается с юга на север сообщением по рекам Вардар и Морава и далее на восток распространяется по рекам Марош, Дунаю, а затем по Серету, Пруту и далее в Поднестровье и Побужье.³ Интересно, что керамика этого типа была обнаружена в наиболее ранних земледельческих трипольских поселениях в одном и том же комплексе с керамикой со спиральной орнаментацией, по стилю близкой к ранней, линейно-ленточной в Извоар I в Молдавии, в Озарницах, в Унгенах в Поднестровье, в Саврани, в Красноставке, в Борисовке. Это южное влияние не проникает далеко в северо-восточные районы распространения культуры и пока не было встречено ни в Поднепровье, ни в южных районах Причерноморья.

Канелированная керамика аналогичного типа входит в древнейший комплекс находок в Семиградии: на поселении у Тордош на р. Мароше и в ряде поселений по рекам Мораве и Вардару. Особенно интересно распространение черной полированной керамики с канелюрами в Македонии, где она характерна для нижних слоев. В Греции

¹ Т. Passek. La céramique tripolienne. Изв. НИМК, вып. 122, Л., 1935.

² G. Childe. The East European Relations of the Linear Culture. JHS, vol. XLII/II, 1922; Его же. The Dawn of European civilization. London, 1925; Его же. The Danube in Prehistory. Oxford, 1929.

³ Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского понизовья в неолитическую эпоху. КСИИМК, VIII, 1940.

она датируется концом IV и первой половиной III тысячелетия; в поселениях до-эллинистического периода, в середине IV тысячелетия она отмечается на Крите; к еще более древнему периоду она относится в культурах Малой и Передней Азии.¹

Г. Чайльд датирует процесс проникновения этих влияний 2600 годом, сравнивая эту керамику с обнаруженной в поселениях VII периода в Фессалии. Проникновение каннелированного типа керамики отмечается и в материалах из раскопок на раннем поселении у Городницы (на Днестре), причем керамика, обнаруженная здесь, сохраняет явные связи с западом, с так называемой тисской культурой в Венгрии (2500 г. до н. э.).²

Все это говорит о том, что уже на древнейшем этапе развития трипольской культуры население, обитавшее по Дунаю, Днестру и Южному Бугу, было затронуто культурным влиянием, шедшим с юга из Средиземноморья и Малой Азии и проникшим через Фессалию и Македонию на север и северо-восток, в области правобережной Украины.

Позднее, на следующем этапе развития трипольской культуры, наиболее характерным является (наряду с углубленной и каннелированной керамикой) появление в Поднепровье и Поднестровье своеобразной полихромной трехцветной керамики, имеющей полное сходство с керамикой западных областей в Польше (Бильче-Злоте I), в Молдавии (Извоар II), в Румынии (Кукутени А, Руджианоза и др.), в Семиградии (Эрőd) и т. п.

Одновременность этих поселений, основанная на стратиграфических параллелях наблюдений, несомненна и соответствует значительному числу трипольских поселений в Поднестровье (Кадиевцы, Кудринцы, Дарибаны I, Крутобородницы I и др.). Обширный круг находок этого этапа подтверждает тесные культурные связи с районом Семиградия и Поднестровья, с одной стороны, и Семиградии и Фессалии, — с другой.³

Из Семиградии фессалийские племена, возможно, получали медь и золото; со своей стороны, они передавали на север и северо-восток более совершенные навыки изготовления керамики или сооружения прямоугольных домов; вместе с тем они познакомили семиградско-дунайские племена, а через их посредство и трипольские с первыми изделиями из металла.⁴

В 1941 г. А. А. Иессен в своем докладе «Производство медных и бронзовых изделий в причерноморских и приазовских степях и вопрос об источниках снабжения металлом» (на IV Археологической конференции в Киеве) указывал, что наиболее ранние изделия из меди в правобережной Украине, связанные с трипольской культурой, определенным образом тяготеют к западу, скорее всего к Семиградскому очагу древней металлургии.⁵

В то же время в поселениях с полихромной керамикой широко распространены, как обратил внимание Г. Шроллер, глиняные печати для татуировки — пинтадеры, имитирующие, по его мнению, средиземноморские образцы с углубленным орнаментом.

¹ G. Childe. Neolithic Black Ware in the Greece and in the Danube. The Ann. of the Brit. School at Athens, v. XXXVII, 1940.

² M. Smizsko. Compte rendu provisoire des fouilles dans l'enceinte néolithique de Horodnica (district de Horodenka). Bull. de l'Acad. Polonaise d. Sciences et d. Lettres. Cracovie, 1939.

³ G. Childe. The Dawn of European civilization, 1925, p. 68.

⁴ Е. Ю. Кричевский. Указ. соч., стр. 58.

⁵ Т. С. Пассек. Четвертая археологическая конференция в Киеве. КСИИМК, XII, 1946.

Г. Шроллер сравнивает эти пинтадеры с фессалийскими, критскими, египетскими, моравскими, болгарскими и семиградскими находками и датирует их между 2500—2300 гг. до н. э.¹ Такие же пинтадеры известны в Эрбзде в Семиградии,² в Кукутенях и на поселениях Руджиа-ноза и Гунести в Румынии.³ На нижнем Дунае они появляются в поселениях Гумельницы, которые, таким образом, могут быть датированы последней четвертью III тысячелетия.⁴ В одной из последних работ Г. Чайльд издал интересную пинтадеру из района Мароша (Кёрос).⁵ На Украине в поселениях трипольской культуры известны также небольшие конусовидные, но не орнаментированные печати. Такие глиняные конусики-печати (?) обнаружены в поселении у Попова-Города на Днестре (у села Озаринцы), у Владимировки (на р. Синюха).

Особенно интересны в этот период находки в целом ряде поселений в Молдавии и Румынии (Гумельница, Фольтичени) сосудов типа аскаритона,⁶ копирующих восточно-средиземноморские образцы и датированных 2400—2300 гг. до н. э., в Фессалии и Македонии, а также находки различных предметов культа, как, например, глиняных алтарей, священных рогов, ритонов, изделий из золота, подчеркивающих интенсивные взаимоотношения со Средиземноморьем.⁷

Таким образом, при изучении ранних этапов формирования земледельческих племен Поднепровско-Дунайского бассейна в III тысячелетии нельзя не учитывать, что наряду с процессом скрещения и развития местных культурных форм проникают влияния из восточного Средиземноморья, с юга и юго-востока, из областей южной Греции, Фессалии и Македонии на Дунай, Прут и Серет. Позднее, в половине III тысячелетия, наряду с продолжающимся восточно-средиземноморским влиянием усиливаются взаимоотношения с Семиградией, откуда на юго-восток проникают первые изделия из меди.

Однако намечаемые культурно-исторические связи для племен, живших на территории правобережной Украины, с племенами Семиградии и Дуная, с одной стороны, и с восточным Средиземноморьем — с другой, прежде всего устанавливаются, как указывает в настоящее время изучение материала, среди памятников, открытых в бассейне среднего течения Днестра и среднего течения Южного Буга. В область же среднего Днепра на ранних этапах влияние южных фессалийских и восточно-средиземноморских культур, а также семиградских проникает значительно слабее. Так, например, здесь почти вовсе не представлена описанная выше черная каннелированная керамика, слабо представлена расписная трехцветная. Зато здесь в Поднепровье широко развивается своеобразная керамика со спирально-ленточной орнаментацией, всеми своими корнями восходящая к более древней местной линейно-ленточной. Несколькими позднее, в середине III тысячелетия, появляются здесь, вероятно все же из Семиградии, первые изделия из меди — плоские медные топоры; датировка их может быть установлена по аналогичным топорам, обнару-

¹ H. Schroller. Die Stein- und Kupferzeit Siebenbürgens. Zeitschrift f. Ethnologie, 1930.

² H. Schmidt. Cucuteni. Berlin, 1932, tabl. 37, fig. 6.

³ Laszlo Ferenz. Stations de l'époque prémycénienne dans le Comitat de Haromszek. Dolgozatok, 1911, fig. 78.

⁴ Dacia. Bucaresti, 1933—1938, vol. III—IV, p. 65; vol. V—VI, p. 109—120, fig. 9.

⁵ G. Childs. The Orient and Europe. Amer. Journ. of Archaeol., 1939, vol. XLIII, № 1.

⁶ Dacia. Bucaresti, 1925—1933, vol. II, fig. 24—39; vol. III—IV, tabl. 2/7, p. 44—55.

⁷ Dacia. Vol. II, fig. 75, 22—24; vol. I, fig. 9/2.

женным на поселении Терми на острове Лесбосе, которые W. Lamb датирует III тысячелетием — временем второй Трои.¹

На поздних этапах в трипольской культуре должно быть отмечено усиление влияний, проникающих с юга из Средиземноморья и Малой Азии. Они следуют в эту эпоху по нижнему течению Дуная, далее по Серету, Пруту и Днестру на побережье Черного моря. Здесь известны многочисленные поселения типа Гумельница А, Дракузени на Дунае, Дарабани и Кукутени В на Пруте, Петрены и Шипеницы в Бессарабии, Владимировка, Сушковка в Побужье. На этом этапе значительно ширятся культурные связи Триполья, и трипольская культура ко II тысячелетию уже широко распространена по Днестру, Бугу и Днепру, на севере доходя до границ лесной полосы (ныне Житомирская область), где мы имеем такие поселения, как Городск, а на юге — до берегов Черного моря, где существует позднетрипольское, в основном скотоводческое, поселение Усатово. На позднем этапе поселения трипольской культуры известны на левобережье Днепра у сел Евминки, Бортничи, Лукаши (Остерского и Переяславского районов). Материалы этих поселений, особенно в керамике, дают возможность проследить происходившее в эту эпоху скрещение культуры трипольских племен с лесостепной культурой эпохи бронзы, так называемой «катакомбой».

Установление влияний со стороны древних культур восточного Средиземноморья и Малой Азии на развитие культур спирально-ленточной керамики, в частности трипольской, для понимания генезиса древней европейской культуры заставило Г. Чайльда обратиться в одной из его последних работ «The Orient and Europe» к культурам Востока и новым археологическим открытиям в Передней и Малой Азии.

За последнее десятилетие историческая наука обогатилась исключительными археологическими открытиями и в Европе, и на Востоке, а раскопки в Малой Азии, Анатолии и на Балканах дают теперь еще большую уверенность в установлении постоянных сношений Европы с Востоком с глубокой древности. Результаты последних раскопок в Передней Азии и в Египте устанавливают прежде всего глубокую древность развивавшихся там культур, подчеркивая раннюю дату династических периодов и длительность до-династических эпох, а также указывают на возможность установления дат для европейской хронологии. Эту длительность до-династических этапов развития культуры Востока подчеркивают два культурных периода, обнаруженные в дельте Тигра и Ефрата в Сумерии: Jemdet Nasr и Uruk. В Эрехе ниже первых династий открыты доисторические земледельческие поселения Al-Ubaid¹ского периода с расписной керамикой. В эту эпоху существовали уже тесные сношения нижней Месопотамии со странами, лежащими на север и северо-запад. Раскопки в Têré Gavga дали интереснейшие культурные наслоения до-династической культуры с расписной керамикой, позволяющие сопоставить эти находки с древнейшей культурой в Jemdet Nasr, Al-Ubaid. Еще более древние культурные наслоения, чем в Al-Ubaid, открыты в Ассирии в развалинах Agrabchiya в Chagar-Bazar и в Верхней Месопотамии в Têré Halaf и Samarra.

Раскопки последних лет установили, что наиболее древние из открытых здесь сооружений покоятся на культурных наслоениях и развалинах поселений, характеризующихся расписной керамикой и датируемых VI—V тысячелетием до н. э., причем керамика весьма сходна с неолитической керамикой Европы. Вместе с тем культурный уровень этого периода на Востоке значительно выше, чем на Балканах. Однако эта «резкость кон-

¹ W. Lamb. Excavations at Thermi in Lesbos. Cambridge, 1936.

трастов между Востоком и Европой, — пишет Г. Чайльд, — смягчается при изучении культур Анатолии».¹ Длительные раскопки, проведенные Чикагским восточным институтом в Анатолии, в Alishar Hüyük, раскрыли достаточно полную картину жизни Анатолийского плато до основания здесь первого хеттского государства. На городище Alishar ниже хеттских фундаментов открыты наслоения с капподокийской крашеной керамикой, относящейся к раннебронзовому веку (Alishar C).

Ниже них открыты еще пять культурных наслоений, толщиной до 11 м, характеризующих эпоху меди (Alishar B). Ниже этих наслоений раскрыто еще 7 строительных горизонтов, причем среди находок встречаются изделия из меди и серебра, а потому вся эта культура названа халколитической. Для этого периода, безусловно относящегося на Востоке к IV тысячелетию до н. э., характерны глиняные печати для татуировки (pintaderos) и сосуды-чаши на полой подставке с росписью. Аналогичные изделия встречены и в ранних периодах в Дунайском бассейне. Таким образом, эти находки являются связующими звеньями между культурами эпохи меди северо-западной Анатолии с Троей и с Балканами, а также с Дунаем. Связи эти центральноанатолийской культуры в древности с северо-западной (с Троей) получили значительное подкрепление после раскопок Блегена. Ниже Трои II, относящейся по датировке Блегена к III тысячелетию до н. э., находился город Трои I, обнесенный мощной каменной стеной. Ко времени Трои II должны быть отнесены и интереснейшие открытия поселения у Терми на острове Лесбос, где стали известны длинные глинобитные дома типа мегарона, изделия из меди и даже бронзы. Наиболее интересными являются находки, доставлявшиеся в это время сюда с Эгейских островов, — эгейские мраморные вазы. Все эти данные указывают на большую древность и высокий уровень восточной культуры Малой Азии, влиявшей на начальные этапы древних культур Балканского полуострова.

Поставленный вопрос о взаимоотношениях древних культур Малой Азии с Европой нашел свое разрешение после раскопок на юге Балкан, в Македонии.² Обширный материал этих раскопок с убедительностью доказывает культурно-исторические связи в эпоху энеолита не только с севером — Фессалией и Дунайским бассейном, но и с Малой Азией — Анатолией. На основании характерных керамических изделий, развитие которых стратиграфически прослеживается на протяжении ряда столетий в культурных наслоениях Анатолии, Heurtley доказывает вполне убедительно появление этих типов в Македонии позднее, уже в сложившейся форме, причем промежуточным звеном является поселение у Терми (А) на острове Лесбос. Указанные культурно-исторические связи доказывают, как пишет Г. Чайльд, происхождение ранней македонской культуры, причем связи эти особенно резко заметны с середины III тысячелетия. Значительное усиление их должно быть отмечено в связи с распространением и обменом малоазиатского металла.³ Факт этот, «доказанный и неопровержимый» (Г. Чайльд), взаимоотношений на территории юга между племенами Анатолийского плато, острова Лесбос и Македонией прослеживается и в значительно более северных и северо-восточных районах Поднепровья, Поднестровья и Причерноморья, куда, как это было подчеркнуто выше, на поздних этапах три-

¹ G. Childe. Указ. соч., стр. 13.

² W. A. Heurtley. Prehistoric Macedonia. Cambridge, 1939; Его же. Excavations at Servia in West Macedonia. Antiquaries J., vol. XII, 1932, № 3, London; см. также «Мав», vol. XL, 1940, London.

³ G. Childe. Указ. соч., стр. 15—16.

польской культуры все с большей и большей четкостью проникают южные и юго-восточные малоазиатские культурные влияния.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что раннемакедонская культура, так же как и раннетрипольская, тесным образом связана с культурами Тордоша и Винчи Среднедунайского бассейна. Сравнение находок македонских с находками среднедунайскими (а также Поднестровья и Поднепровья) показывает, что мы имели дело в этом обширном районе лишь с различными племенными образованиями этнически единой культуры, тянущейся по Днепру, Южному Бугу, Серету, Пруту, Дунаю, далее — по Балканскому полуострову; культура эта соединяет Балканы и Дунайский бассейн с Эгейским побережьем.

Многочисленные случаи стратиграфических наблюдений в развитии культуры в этой широкой области, а также сравнение всего культурного комплекса с малоазиатской стратиграфией дают возможность рассматривать явления юго-восточных аналогий не оторванно, а связно, в процессе общего закономерного расселения и развития племен, этнически близких. Однако, сравнивая одновременные фазы восточных и европейских культур, мы неизбежно приходим к выводу, что восточные культуры в древности богаче современных европейских. В связи с этим положением Г. Чайльд прослеживает чрезвычайно показательную картину распределения культур по мере продвижения с востока на северозапад в IV—III и III и II тысячелетиях до н. э., когда, анализируя археологический материал, мы как бы проходим через последовательные ступени от разнообразной богатой городской цивилизации Месопотамии и Египта к значительно менее богатой культуре, стоящей на более низкой ступени развития, Крита, Сирии и Малой Азии (хетты), и далее — к анатолийским, фессалийским и македонским культурам. Так, в III тысячелетии Г. Чайльд выделил в основном следующие культурные зоны: 1) развитые городские культуры в Египте и Месопотамии; 2) более мелкие города в Сирии с менее богатым населением, лишь частично знакомым с письменностью; 3) городища медного века, обнесенные стеной, в Анатолии и на греческих островах; 4) неолитические поселения земледельческих племен в Фессалии, Македонии и в Моравско-Марошской области, с редкими металлическими изделиями.

Таким образом, культурно-историческая связанность рассмотренного нами района Малой Азии, греческих островов, Балканского полуострова и Дунайско-Днепровского бассейна прослеживается по археологическим материалам с глубокой древности, начиная с III тысячелетия, и продолжается, значительно усиливаясь, и во II тысячелетии, причем проникавшие влияния, как показывают исследования Conteneau, Christian, Pottier, были настолько сильны, что первый, пораженный сходством в эпоху древнеминойского периода и позднее в среднеминойский между керамикой протохеттской, балканской и фессалийской, пишет: «comme si Hellènes et Hittites avaient quelque part séjourné ensemble».¹

II

Для решения второго вопроса, поставленного в настоящей статье, о типе древнего населения в Поднестровье и Поднепровье необходимо подвергнуть анализу данные антропологические. К сожалению, для периода III—II тысячелетий до н. э. антропологический материал, связанный с изучаемым районом, до сих пор совершенно не разработан,

¹ G. Conteneau. Les civilisations des Hittites et des Mittanniennes. Paris, 1935, p. 258.

а в большинстве отсутствует вовсе. Так, для характеристики антропологического типа населения трипольской культуры антропологи не располагают ни одним костяком, который с уверенностью мог бы быть отнесен к эпохе Триполья. Значительное же число костяков, открытых в курганах Усатова, остается до сих пор не изученным.

К какому же антропологическому типу могут быть отнесены древние обитатели Днепровско-Днестровского района в III—II тысячелетии до н. э.? Существует предположение, что они принадлежат к средиземноморскому долихоцефальному типу.

Если мы обратимся к районам Малой и Передней Азии, то здесь в IV—III тысячелетии изучение краниологического материала указывает на наличие двух типов: одного долихоцефального, определяемого всеми исследователями как средиземноморский, и другого брахицефального, обычно относимого (по целому ряду признаков) к т. н. арменоидной разновидности переднеазиатского антропологического типа. С глубокой древности именно этими двумя основными типами и может быть характеризовано древнейшее население Передней и Малой Азии, причем трудно решить по имеющимся данным, который из них является более древним. G. Conteneau в своей работе «*Les civilisations des Hettites et des Mittaniennes*», характеризуя народы, населявшие Западную Азию в древности, считает, что они, как и шумеры, говорили на языке агглютинативного строя речи и физический тип их не семитический. Conteneau полагает, что, как и язык, материальная культура народов Западной Азии теснейшим образом связана с шумерской. Древнее население Малой Азии («хурри» в Ассирии, в Верхней Сирии и протохеттиты) характеризуется агглютинативным строем речи. Все эти народы не семитического и не индоевропейского происхождения. G. Conteneau объединяет их под термином «*les asiatiques*» и сравнивает их с яфетидами, по терминологии Н. Я. Марра.¹ Помимо языкового сходства эти народы объединены и общностью физического типа; шумеры, хурри и другие народы Передней Азии — «брахицефалы», у них большой нос с горбинкой «арменоидного типа» (тип, зафиксированный у современных армян).

Изучение скелетов из Киша показало также наличие там двух типов: «брахицефальных» — «арменоидных» и две вариации длинноголовых — средиземноморских.²

Особенно следует в этой связи отметить новые данные, ставшие известными в результате раскопок 1930—1932 гг. в центральной Анатолии в Alishag Hüyük, проведенных здесь Чикагским восточным университетом и опубликованных A. Speiser. Изучение Krogman'ом антропологических материалов из этих раскопок, открывших древнейшую культуру Анатолии, связанную с Дунайско-Днепровским бассейном, показало, что, хотя население Западной Азии происходит из стран Средиземноморья, все же круглоголовые черепа из Киша еще раз доказывают наличие и другого элемента, связанного с древним народом хурри.³ Изучение статуэток Месопотамии позволяет устанавливать два антропологических типа: арменоидный круглоголовый с орлиным выдающимся носом и средиземноморский с высокой узкой головой и более широким носом.

Если изучение краниологического материала населения Передней Азии не дает достаточных данных, то анализ древних скульптур пред-

¹ G. Conteneau. Указ. соч., стр. 41.

² G. Childe. *New Light on the Most Ancient East*, London, 1934.

³ *American Journal of Archaeology*, 1939.

ставляет интересный источник. Как бы ни была велика «условность», — пишет В. В. Бунак, — в изображениях человеческих фигур в Передней Азии и как бы велика ни была осторожность при подходе к изучению антропологических особенностей народов Востока, тем не менее все это не помешало отметить своеобразный тип хеттов (хатту или хеттиты) по изображениям на египетских памятниках». Лушан на основании изображений в Сенджерли и Богаз-Кийо констатировал, что «физический тип хеттов имеет ряд признаков арменоидного характера: плоский затылок, убегающий лоб, выпуклый своеобразной формы нос, высокое средней ширины лицо».¹

В. В. Бунак вслед за Э. Мейером, Гарстенгом и Деникером прослеживает арменоидный тип по скульптурным изображениям и к югу в древних изображениях Вавилонии III—II тысячелетия. В изображениях IV тысячелетия, найденных Саркезом в резиденции шумеров в Лагаше, характерные особенности арменоидного типа выступают с полной определенностью. На протяжении трех тысячелетий истории Древнего Востока этот арменоидный тип выступает наряду с другим, достаточно отличным — средиземноморским, также зафиксированным в скульптуре. Анализируя черты арменоидного типа, В. В. Бунак, безусловно, прав, когда пишет, что «древнюю сумерийскую скульптуру нельзя рассматривать как произведение портретного и тем более натуралистического искусства, многое в них условно; однако самая условность эта очень характерна, и ее отнюдь нельзя свести к архаизму».²

Черты, характеризующие арменоидный тип человека на шумерских памятниках, не были, конечно, точным воспроизведением природы, но «не являлись тем не менее случайными». В этих произведениях, как считает большинство исследователей, отмечены, хотя и в весьма условной, примитивной манере, наиболее отличительные признаки, характеризующие антропологический тип древнего населения Малой и Передней Азии. При всем этом не следует преувеличивать значение этого анализа и точность определений. Повидимому, возможно говорить лишь о наличии отдельных антропологических признаков. По установленным данным арменоидный тип являлся одним из существенных элементов в населении древнего Элама и вообще имел значительное распространение и за пределами Малой Азии и Двуречья, в частности, был преобладающим в древнем юго-западном Иране, а весьма вероятно, и в прочих частях Иранского нагорья. На западе область распространения арменоидного типа шла до западного конца Анатолийского полуострова, а также далеко в глубь средиземноморской области. Его следы, как указывает В. В. Бунак, ясно выступают в греческих изображениях древнего до-эллинского населения средиземноморских островов и южной части Эллады.³

Анализ иконографического материала и изучение древнейших костных остатков и современного краниологического типа позволяют В. В. Бунаку «констатировать глубокую древность арменоидного типа и его образование задолго до появления в Передней Азии различных европейских и азиатских племен (фракийцев, эллинов, иранцев, турок), которые, повидимому, не оказали существенного влияния на антропологический тип населения, растворившись в устойчиво сформировавшейся арменоидной расе».

¹ В. В. Бунак. *Crania Armenica*. М., 1927, стр. 199 (Труды Антропол. научно-исслед. ин-та при И МГУ, вып. II).

² Там же, стр. 203.

³ Там же, стр. 206.

К IV тысячелетию до н. э. антропологические типы населения Передней Азии, как видно из иконографического материала, в значительной степени уже сложились, хотя, может быть, и не окончательно.

Христиан среди выделенных им этнических типов Древнего Востока отмечает и арменоидный, причем (что особенно интересно) он, как и другие ученые, с арменоидным типом связывает культуру так называемой архаической расписной керамики Элама, Сумерии, Малой Азии, Балканского полуострова и Дунайско-Днепровского круга; по новейшей теории того же Христиана «носителями трипольской культуры были короткоголовые среднеазиатского типа народы, которые находились под властью одной из северных аристократий».¹

Как уже указывалось, в процессе изучения трипольской культуры оказался совершенно не исследованным антропологический материал, на основании которого возможно было бы сделать попытку реконструировать образ древнейшего человека, населявшего Поднепровье и Поднестровье. Костные же остатки поздней трипольской культуры, открытые в курганных погребениях в Усатове, остались до настоящего времени не изученными. Вместе с тем во всех почти пунктах, где были открыты трипольские памятники (как у нас в СССР, так и на Западе), постоянно обнаруживаются скульптурные изображения человека из глины, не привлекавшие, однако, до сих пор при изучении вопроса о древнейшем населении. Отчасти это может быть объяснено тем, что большинство известных трипольских изображений человека представляет обычно женскую, реже мужскую, крайне условно трактованную фигуру. Лишь после раскопок 1940 г., когда на поселении Владимировка в землянке трипольского времени была открыта женская статуэтка иного типа, в п е р в ы е удалось обратить внимание еще на целый ряд весьма своеобразных изображений.² Изучение этой категории трипольских статуэток может представить совершенно новый источник для характеристики древнейшего населения Поднепровья.

В отличие от известных, сильно схематизированных, главным образом женских изображений, должна быть выделена особая группа изображений (рис. 1, 2, 3).

Как установлено, статуэтки этого типа в трипольской культуре не единичны и встречаются во многих пунктах, как, например, на поселениях у Владимировки, у Халепья (Коломийщина I), у Колодяжного и в других местах. Сидячие или стоячие женские статуэтки выделенной группы — обычно с несколько удлиненным лицом, с хорошо моделированным округлым подбородком и с короткой шеей. Рот обозначен горизонтально вытянутым углублением. Сильно выступающий с горбинкой нос непосредственно переходит в низкий лоб. Двумя округлой формы углублениями или же, как у одной из владимирских статуэток, узкими полочками обозначены оба глаза. Обычно рельефно вылепленные уши проткнуты сквозными (2—4) отверстиями. Затылок уплощенный со спускающимися на спину распущенными волосами, разделенными спереди проборм. Сзади волосы изображены рельефно, концы их как бы перехвачены узлом. Обрамляющая спереди волосы углубленная полоса и этот «узел» сзади распущенных волос, возможно, следует понимать как головной убор в виде «сетки», поддерживающей распущенные волосы. Короткая шея переходит в несколько опущенные плечи. Руки обычно сложены на груди (Владимировка, Триполье) или же вытянуты вперед

¹ Christian. Untersuchungen zur Paläanthologie des Orients. Mit. der Anthropol. Gesellschaft in Wien, 1924. v. LIV, S. 41—42.

² Т. С. Пассек. Трипольское поселение у Владимировки (раскопки 1940 г.). ВДИ, 1941, № 1, стр. 217, рис. 5—7.

(Колодяжное). На обнаженную грудь, изображенную двумя рельефными выступами, спускается ожерелье. У сидячих статуэток торс или несколько наклонен вперед (Владимировка, Колодяжное), или же откинут назад (Триполье). У сидячей статуэтки подобного типа из

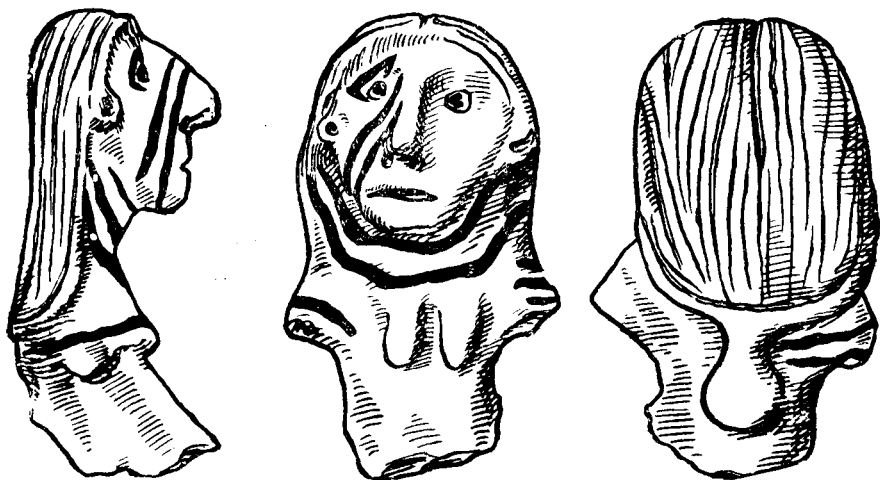


Рис. 1. Женская статуэтка из Владимировки
(раскопки 1940 г.)

Колодяжного, сохранившейся в почти целом виде, ноги сомкнуты и округло моделированы; обозначены надбедренные выступы со сквозными отверстиями и небольшие утолщения выше ступни. Живот

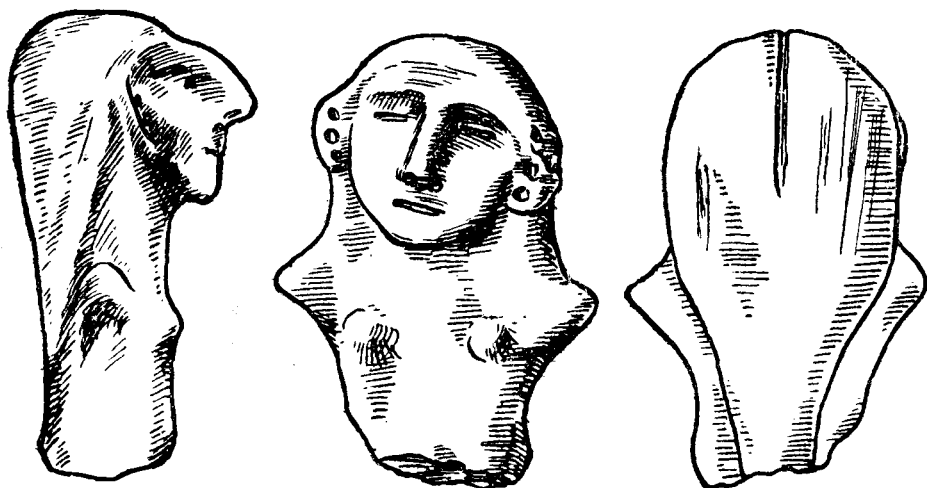


Рис. 2. Женская статуэтка из Владимировки
(случайная находка)

несколько выступает вперед, заканчиваясь треугольником, обрамленным углубленной полосой; пространство треугольника сплошь наполнено мелкими углублениями (рис. 3).

Масса, из которой вылеплены статуэтки, — розовато-красная, плотная. У статуэтки из Колодяжного масса серовато-красных оттенков,

а глина с примесью мелкозернистого песка. Часто поверхности статуэток покрыты слоем красной обливки и сохраняют следы росписи черной краской. Особенно хорошо сохранившуюся роспись следует отметить на статуэтке из Владимировки; черной краской окрашены распущенные и изображенные узкими полосками волосы; этой же краской нанесены на правой щеке две наискось идущие полоски (татуировка лица). Правый

глаз, в отличие от левого, вписан в треугольник, образованный черной полосой. На плечах также имеется несколько полосок татуировки. Двойными полосками на шее обозначено ожерелье.¹ У сидячей статуэтки описываемого типа, обнаруженной В. В. Хвойко в Триполье, нос, сильно выступающий, с горбинкой, переходит в надбровные дуги. Резко обозначен подбородок. На месте глаз два углубления; чрезвычайно интересно отметить, что правое треугольное углубление глаза сохраняет часть инкрустации кусочками раковины.²

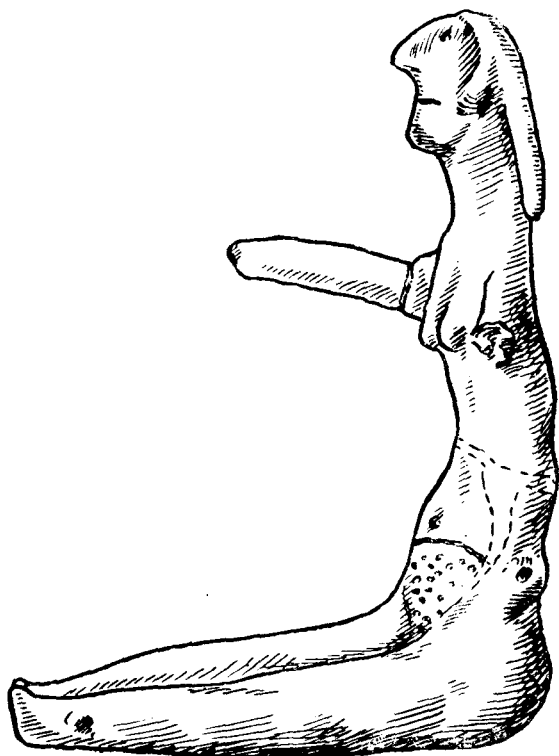


Рис. 3. Женская статуэтка из Колодяжного

У всех описанных выше изображений повторяется ряд черт: рельефно моделированный овал лица, сильно выступающий с горбинкой нос, переходящий в покатый лоб, уплощенный (закрытый распущенными волосами) затылок, распущенные волосы,

окрашенные в черный цвет, и ряд других черт. Черты эти, хотя и передаются в определенной стилизированной манере, все же подчеркивают отдельные признаки определенного антропологического типа, как мне думается, арменоидного. И как бы условны ни были анализируемые изображения, они, как и скульптурные изображения Передней Азии, должны быть приняты во внимание при характеристике древнейшего населения Поднестровья и Поднепровья в III—II тысячелетии до н. э., тем более, что, как мне хотелось показать, в эту эпоху культурно-исторические связи Днепровско-Дунайского бассейна с восточным Средиземноморьем и Малой Азией намечаются весьма значительные.

В Передней и Малой Азии именно арменоидный антропологический тип является одним из распространенных; он известен и за пределами Малой Азии и Двуречья, и, что особенно интересно, он связан с памятниками культуры расписной керамики. Как указывалось, область рас-

¹ Т. С. Пассек. Указ. соч., рис. 5—7.

² Труды XI Археол. съезда. т. I, табл. XXII, рис. 7.

пространения его доходит до западного конца Анатолийского полуострова и идет далее в глубь Средиземноморской области.¹

Высказанную гипотезу о том, что арменоидный тип входил в состав древнейшего населения Поднепровья (вероятно, наряду со средиземноморским), как мне кажется, следует рассматривать лишь как один из новых фактов, подтверждающих тесные культурно-исторические связи, существовавшие между древнейшим населением Малоазийского полуострова и Днепровско-Дунайским бассейном, установившиеся еще в эпоху неолита и усилившиеся в период проникновения металла. В этот период позднего Триполья, как уже говорилось и как показывают материалы из раскопок в Усатове, все больше и больше сказываются культурные взаимоотношения между племенами восточного Средиземноморья и Малой Азии.

Так, в одном из поздних трипольских поселений, в Кошиловцах (Польша), обнаружен фрагмент головы, принадлежащий, по мнению *Helène Sehak* (исследовательницы, описавшей его), мужской статуэтке.² Как обычно у этого типа изображений, сильно горбатый нос непосредственно сливается со лбом. В отличие от всех до сих пор известных трипольских изображений, на голову этой мужской статуэтки надет головной убор в форме поднимающегося гребнем довольно высокого колпака, проткнутого тремя сквозными отверстиями в верхней части. В форме этого высокого колпака нельзя не усматривать древний прототип головного убора, который так характерен в хеттском и (шире) переднеазиатском мире (рис. 5).

Любопытно, что в другом, удаленном от Поднепровья, но связанном культурной общностью с Передней и Малой Азией районе, в Закавказье, и именно в районе, где распространена культура расписной керамики, вблизи могильника Кизин-Банк, на месте капища, была сделана находка замечательной статуэтки, на голове которой был убор в виде высокого колпака, окрашенного красной краской. Издавший эту находку А. А. Спицын делает следующее ее описание: «она слеплена из той же глины, как и посуда могильника, и также окрашена в белый (одежда и обувь) и красный (подкладка, ноги) цвета и орнаментирована черными и коричневыми полосками. Одежда гладкая, без разреза, с длиннейшими, доходящими до земли полами с боков; выпуклые ворот и пояс; разрисована полосами верхняя часть одежды, но раскраска уже почти совершенно сошла. Левая рука на поясе. Лицо плоское, с выдающимися висками; борода и бакенбарды; характерна шапка красного цвета».³ Эту шапку, а позднее найденный там же сосуд в форме сапога с загнутым носком А. А. Миллер правильно сближал с хеттскими.⁴ Сосуды в форме невысоких сапог известны также в целом ряде поселений с расписной керамикой, как, например, в Кашиорелли (Румыния) и др.⁵ Наряду с отмеченной формой колпака малоазиатского происхождения следует отметить на позднетрипольских статуэтках из Усатова и Кашиорелли изображение характерной одежды.

Фрагменты глиняных статуэток дают возможность сделать заключение, что женщины носили широкие длинные юбки, возможно, шерстя-

¹ В. В. Бунак. Указ. соч., стр. 206.

² H. Sehak. L'art plastique dans la culture néolithique de la céramique peinte en Pologne. Swiatowit, vol. XIV. Warszawa, 1933, tabl. VIII, fig. 5.

³ А. А. Спицын. Некоторые закавказские могильники. Изв. Археол. Ком., вып. 29. СПб., стр. 5, рис. 33, 35 и 37.

⁴ Н. Я. Марр. Постановка учения о языке в мировом масштабе. Избр. работы, т. IV, стр. 71, Л., 1937.

⁵ Dacia. Vol. II, fig. 23.

ные, в несколько оборок, напоминающие широкие юбки критских женщин или же, вернее, женскую одежду, состоящую из широких в несколько оборок юбок, известных в Малой и Передней Азии. Те же сближения следует сделать и при изучении верхней части женской одежды — «корсажа», открытого спереди на груди и углом спускающегося на спину.¹ На талии пояс с концами, свисающими по бокам. Распущенные и на пробор причесанные волосы, ожерелье и, наконец, татуировка лица и тела дополняют наряд трипольских женщин. Кроме ожерелья из зубов волка в Усатове найдена янтарная бусина, указывающая вместе со значительным количеством изделий из меди, встречаемых в могильниках в Усатове, на рост обмена с восточным Средиземноморьем и Малой Азией. В Усатове же обнаружена служившая

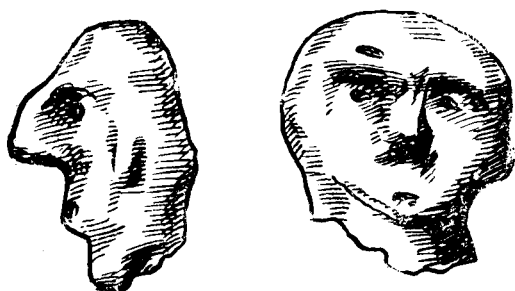


Рис. 4. Голова статуэтки из Коломийщины
(рисовки 1934 г.)

краской для татуировки сурьма-антимонит, происходившая, как указывает М. Ф. Болтенко, из Малой Азии.²

Наряду с женскими изображениями в Днепровско-Дунайском бассейне известны (встречающиеся значительно реже) и мужские статуэтки, причем они бывают и стоячими и сидячими. Кроме описанного головного убора на мужской статуэтке из Кошиловцев, характерной для трипольских мужских статуэток является перевязь, проходящая наискось обычно через правое плечо по груди и спине. На шее — ожерелье. Кроме этих признаков постоянно отмечается отсутствие у мужских статуэток одного глаза, обычно левого. Сквозным отверстием обозначен чаще всего лишь один правый глаз.³ Нельзя не отметить здесь связи с легендой об одноглазом Циклопе Гомера, вышедшем из Ликий, одной из юго-западных областей Малой Азии, Циклопе, представляющем образ древнего солярного божества древнегреческого Пантеона.⁴

Н. Я. Марр в своих исследованиях постоянно подчеркивал огромную роль Черного моря — Понта Эвксинского и неразрывно связанной с ним территории Средиземноморья, Малой Азии и Кавказа в период оформления древнейших (до-индоевропейских) этнических образований. «Черное море называлось Понтом вовсе не потому, что это в какой-либо мере исключительное море, — пишет Н. Я. Марр, — а потому прежде всего, что его берега были заселены в доисторические времена йонами, или ионами: *ponē* в данном отношении — лишь племенное название (*ion*) в форме множественного числа с зубным показателем множественности и как племенное название и отложилось то же самое слово в название области Понта».⁵

¹ Трипольская культура. Киев, 1940, стр. 104, рис. 42, а—б. Описываемые статуэтки из Усатова не изданы.

² Тезисы доклада М. Ф. Болтенко «Усатовская культура и ее исторические связи» на IV Археологической конференции в Киеве в 1941 г.

³ См., например, G. Childs. Schipenitz a late Neolithic Station with painted pottery in Bukowina. J. Royal Anthropol. Inst. 1923, vol. LIII, tabl. XVII—XVIII.

⁴ П. Чепелев. Об античной стадии в истории искусства народов СССР. М., 1941.

⁵ Н. Я. Марр. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киеве на Руси. Избр. работы, т. IV, стр. 4—9, М.—Л., 1936.

Анализируя топонимические термины Причерноморья, Н. Я. Марр пишет: «что древнее для юга России... чем названия рек Тагаис, Дон, Дан-уб, Дон-ав, не говоря о гибридных названиях с тем же Don-Dan или с его корнями, согласными по составу; между тем в этих названиях, в большинстве, также в формах множественного числа, отложилось наименование того племени (ионов), которое некогда обитало здесь по северу Черноморского бассейна, но и по южному его побережью, равно в Малой Азии и до крайних его восточных пунктов, до крайнего запада».¹

Лингвистические исследования Н. Я. Марра и его анализ древнегреческих мифов вскрыли огромную этническую общность этого района, своими корнями уходящую в древнейшие периоды. В середине II тысячелетия Черное море — Понтийский бассейн уже ярко выступает в древнегреческих сказаниях, где описаны и страна Эйя-Колхида, и поход аргонавтов, и Таврида, и области Истра-Дуная, и северное побережье Малой Азии. Наконец, к Черному морю относится и миф об амазонках и предание о Прометее, приуроченное к территории Кавказа.²

Приведенные в настоящей статье некоторые археологические материалы указывают, что берега Черного моря уже в эпоху III тысячелетия до н. э. связаны культурно-исторической, а может быть, и этнической общностью. Анализ развития племен на территории Поднепровья и Поднестровья в эту эпоху на материалах трипольской культуры показывает, что формирование племенных объединений происходило на основе скрещения местных до-трипольских раннеолитических культур в широком районе Дунайско-Днепровского бассейна (до сих пор недостаточно изученного) с проникавшей уже в эту древнейшую эпоху со стороны Средней Европы раннеземледельческой, так называемой культурой линейно-ленточной керамики; с юга и юго-востока тогда же начинают развиваться интенсивные культурные взаимоотношения с племенами восточного Средиземноморья и Малой Азии, стоявшими в IV—III тысячелетии на более высокой ступени развития.

В результате сложного процесса скрещения, на территории Поднепровья и Поднестровья, Дуная и на Балканах в эпоху III и II тысячелетий идет развитие племен единообразной культуры спирально-ленточной керамики, в частности, трипольской культуры, которая в доскифский период являлась наиболее развитой в Европе. Тесные взаимоотношения с племенами восточного Средиземноморья и Малой Азии были, повидимому, настолько сильны, что возможно говорить не только о влиянии на развитие Триполья, но, как показал анализ трипольских статуэток, население изучаемого района может быть характеризовано

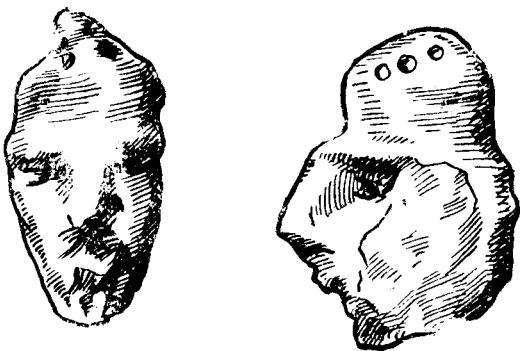


Рис. 5. Фрагмент мужской статуэтки из Кошиловцев

¹ Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 49.

² Н. Я. Марр. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент. Избр. работы, т. I, стр. 104.

как принадлежащее к арменоидному типу, широко известному и доминирующему в ту же эпоху в Малой и Передней Азии. Отсутствие антропологических данных для Поднепровья и Поднестровья не дает возможности окончательно решить сложную проблему об этническом характере населения. Вместе с тем наблюдения над археологическим материалом, произведенные мной, сигнализируют о существовании тесных культурно-исторических связей, а возможно, и этнической общности, в начальные эпохи у племен северного Причерноморья с племенами, участвовавшими в сложении древнейших до-династических культур на южном берегу Черного моря в Малой Азии и до-греческих культур Балканского полуострова.

Позднетрипольское время характеризуется переходом от матриархально-родовых отношений к патриархально-родовому строю, причем происходит значительное изменение хозяйства и образа жизни древних земледельческих племен Поднепровья и Поднестровья.

Позднетрипольские поселения в Городске, Райках, на Киевских Высотах, одновременные Усатову на юге, принадлежат скотоводческо-земледельческим племенам, выделившимся в половине II тысячелетия из остальной массы трипольского населения. Эти позднетрипольские поселения простираются и на левобережье Днестра, где соприкасаются с широко распространенной на Востоке культурой «скорченных костяков», так называемых «катакомбных», соответствующей культурам «шнуровой керамики Средней Европы». В этот период раннего металла судьбы Триполья решает все увеличивающееся влияние со стороны скотоводческих племен левобережья Днестра, но не только с юго-востока (со стороны «катакомбных»), но также с северо-востока, со стороны племен, близких к фатьяновской (фатьяновидных) разновидности культуры, известной в БССР, под влиянием которой образуется так называемая среднеднепровская культура эпохи бронзы (курганы Стретовки, Гатного и др.).

В Западной Украине позднетрипольская культура, известная на поселениях в Кошиловцах, перекрывается наслоениями так называемых Комаровской и Белопотоцкой культур, датируемых 1700—1200 до н. э. и соответствующих II периоду бронзы в Румынии (Гумельница В) и слоям позднего Усатова. Пережитки позднего Триполья прослеживаются в мегалитических могильниках у Войцеховки (близ Житомира) в погребениях у Белого Камня (близ Тульчина) и в Белогрудовке (Умань), причем могильники у Белогрудовки рядом черт непосредственно связываются с культурой раннескифской.

Таким образом, на основании складывающихся на территории Поднепровья и Поднестровья к концу эпохи Триполья племенных взаимоотношений намечаются новые очертания перехода к богатым скифским этническим образованиям, и тем самым разбиваются вдребезги фашистские концепции, объясняющие исчезновение трипольской культуры, происшедшее во II тысячелетии, «военной оккупацией» Днепровско-Днестровского района «индогерманскими» племенами, якобы подавившими местную культуру и утвердившими вместо нее свою собственную.

С. П. Толстов

Из предистории Руси

(Палеоэтнографические этюды)¹

I. Низами и Арриан

Среди произведений средневековой восточной литературы, на страницах которых упоминается имя нашего народа, безусловно, одно из первых мест занимает замечательное произведение национального поэта азербайджанского народа, великого Низами, его «Искандер-Намэ».²

✓ Одно из наиболее ярких мест этого произведения посвящено апокрифическому сказанию о походе Александра Македонского на руссов.³ На первый взгляд этот рассказ представляет собой лишь историко-литературный интерес. Однако более углубленный анализ этого произведения позволяет прийти к выводу, что из него мы можем извлечь и нечто большее — не только то, что характеризует эпоху Низами, но и то, что характеризует эпохи, близкие к событиям, описанным Низами.

«Искандер-Намэ» Низами представляет собой не просто поэтическое произведение. В основу его положена обширная, творчески переработанная этим автором литература, по преимуществу разные апокрифические сказания об Александре Македонском, относящиеся к циклу псевдо-Каллисфена, как известно, уже в II—IV вв. н. э. переведенного с греческого на пехлеви.⁴

Сам Низами так характеризует свою работу:

Рассказов об этом царе, покорителе горизонтов,
Я не видел начертанными ни в одном свитке.
Слова, собранные мною как сокровище,
Во всех списках были разбросаны.
И, облакая их в убранство стиха,
Кроме новейших историй изучал я и книги

¹ Переработанная стенограмма доклада на сессии Отделения истории и философии АН СССР 22 сентября 1943 г. и на сессии по этногенезу славян (Москва, декабрь, 1943 г.).

² Низами Гянджеви. Искандер-Намэ. Ч. I. Изд. Аз. ФАН, Баку, 1940. Русск. пер. Е. Э. Бертельса. Ср. изд. J. B. Chahnoy, SPB, 1827; Dorn, Caspia, p. 286.

³ Низами, пер., стр. 312 и сл. Ср. Григорьев. О древних походах руссов на Восток. Журн. Мин. нар. просв., V, 1835.

⁴ Об эволюции сюжета псевдо-Каллисфена на до-мусульманском и мусульманском Востоке см. W. Geiger und E. Kuhn. Grundriss der Iranischen Philologie, II S. 145—146 и др. См. также Бертельс. Великий азербайджанский поэт Низами. Баку, 1940, стр. 105 и сл.

Еврейские, христианские и пехлевийские,
Выбирая из каждой книги то, что в ней было драгоценным,
Из каждой скорлупы вынимал ее зернышко.¹

Из анализа текста Низами мы можем прийти к заключению, что среди этих источников были и такие, которые до нас не дошли; в них имелись сведения, представляющие для нас немалый интерес.

Низами рассказывает, как Александр после похода на Дальний Восток возвращается в Среднюю Азию, в Самарканд, и узнает о том, что на владения Нушабэ, царицы известного азербайджанского города Бердаа, напали руссы. Александр отправляется в поход на этих руссов, чтобы наказать их и освободить Нушабэ. При этом он избирает весьма интересный для нас маршрут, особенно любопытный, если учесть закавказское происхождение Низами. Александр идет в Хорезм, переходит Аму-Дарью и выходит в Кыпчакские степи, судя по историко-этнографическим деталям — на Волгу, где и сталкивается с руссами. Страницы, посвященные описанию боя с руссами, весьма ярки. Они должны быть введены в широкий оборот как памятник того глубокого уважения, которое военное искусство наших предков вызывало у представителя одного из братских народов Союза. Александр, победивший весь мир, лишь с огромным трудом, после тяжелых семикратных боев, сламывает сопротивление руссов.

На страницах поэмы «Искандер-Намэ» рассыпано немало ярких характеристик, рисующих руссов как смелых воинов, мужественных людей, привыкших к лишениям и готовых в жесточайших боях отстаивать независимость своей страны.

Анализируя маршрут Александра у Низами и другие детали его рассказа, приходим к заключению, что не все в этом рассказе может быть почерпнуто из близких хронологически раннесредневековых событий, хотя анахроничность географии Низами и его зависимость от современной ему географической литературы более чем очевидны.

Средневековый Азербайджан хорошо знал руссов. События X в., связанные с той же самой Бердаа,² и более близкие отношения с Русью³ были в памяти населения Азербайджана, но если бы Низами исходил лишь из того, что сохранила восточная традиция об этих походах руссов, то целый ряд деталей его рассказа не мог бы найти места на его страницах. Прежде всего, это маршрут Александра против руссов, в котором фигурируют Самарканд и Хорезм.⁴ Чтобы увязать эпизод о нападении руссов на царицу Нушабэ с Бердаа, Низами вынужден вести ее посольство с тревожной вестью из Азербайджана в Самарканд, где находится Александр. Настоячиво Низами отождествляет руссов с аланами и какими-то загадочными «арками».⁵ Руссы рисуются Низами как по преимуществу конный народ, в то время

¹ Низами, стр. 71.

² О походах руссов на Бердаа в X в. см. Догп, цит. соч.; Григорьев, цит. соч.; Якубовский. Инб-Мискавейх о походе руссов на Бердаа. Визант. Временник, XXIV, 1926, стр. 63 и сл.

³ В частности, не упоминаемый русскими летописями морской поход руссов и хазар в 1175 г. на Ширван, о котором сообщает Хакани (Догп, цит. соч., стр. 13 и сл., 304 и сл.). Видимо, прав Куник (у Дорна, стр. 241), видящий здесь поход русской волго-донской вольницы, бродников, будущих казаков.

⁴ Низами, стр. 315: «Он отогнал своего коня от кипящего Джейхуна и погнался на другую сторону, в хорезмскую степь».

⁵ Низами, стр. 312: «Русские бойцы из аланов и арков ночное нападение совершили, словно град».

как руссы источников X в. выступают как народ моряков и пехотинцев.

Целый ряд деталей этой части рассказа Низами ассоциируется с деталями античных традиций о походах Александра. Я начну с конца, чтобы затем вернуться к дополнительным аргументам.

Связь в этом сказании руссов, Хорезма, амазонок (комплекс царицы Нушабэ), Самарканда заставила меня искать аналогичный комплекс в первоисточниках о походах Александра. Оказалось, что, действительно, мы находим у наиболее достоверных античных авторов такие места в рассказах о походах Александра, где Самарканд и Хорезм, Восточная Европа, народы Северного Кавказа и Поволжья оказываются связанными. Это рассказ Арриана, идущий, видоизменяясь, через всю дальнейшую традицию, рассказ об Александре и хорезмийском царе. Согласно этому рассказу, когда Александр Македонский был в Самарканде, к нему прибыл царь хорезмийский Фарасман, и предложив ему военный союз, приглашал его принять участие в походе против соседей Хорезмийского царства — колхов и амазонок.¹

Рассказ этот давно привлек внимание специалистов. Гутшмид,² а за ним Бартольд³ пришли к общему заключению, что политическая тенденция, которая ярко проявляется в средневековой истории Хорезма и Восточной Европы, восходит еще к IV в. до н. э. Эта тенденция, проявившаяся во включении в XIII в. Хорезма в золотоордынское государство — политическое объединение Аральского бассейна и восточно-европейских областей, имеет, таким образом, длительную предисторию. Но сопоставление рассказа Арриана с «Искандер-Намэ» позволяет сделать и еще одно заключение, притти к выводу, что в рассказе Низами в сильно искаженном виде сохранились сведения первоисточников, восходящих к той же информации, которую по данному вопросу имел Арриан. Действительно, если мы пойдем по позднейшим античным источникам (Павел Орозий и др.), то мы увидим, что в поздней античной традиции посещение царя хорезмийцев заменяется посещением царицы амазонок, которая прибывает к Александру, вступает с ним в брачный союз, и завязывается романтическая история, перекликающаяся с отношениями Александра и Нушабэ.⁴

Уже в поздней античности, таким образом, закладываются элементы будущего сюжета этого эпизода «Искандер-Намэ». В раннесредневековой персидской литературе этот эпизод «Романа об Александре» имеет довольно значительную историю. При этом в ранних версиях сохраняется трактовка прототипа Нушабэ как царицы амазонок. Царицей амазонок является один из прототипов Нушабэ — царица Кайдафэ у Фирдоуси. Характерно, однако, что ее царство Фирдоуси помещает в Андалусе (Испании), что заставляет предполагать независимое восхождение обоих образов к общему первоисточнику. Отголосок восходящего непосредственно к кругу псевдо-Каллисфена сюжета о посещении Александром страны амазонок выступает, наряду с циклом Нушабэ (первоначальный образ которой у Низами завуалирован), также и в рассказе Низами о пребывании Александра в стране кыпчаков, о его борьбе за введение чадры у кыпчаков и о постановке им в этой связи изваяния закрытой женщины, якобы заставившего кыпчакских **женщин** закрыть свои лица.⁵ Здесь, несомненно, морализирующая литературная

¹ Арриан, IV, 15, 4.

² Gutschmid. Geschichte Irans.... Tübingen, 1888, S. 10.

³ В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море. Ташкент, 1902, стр. 2.

⁴ Латышев. Scythica et Caucasica. I, 3, стр. 902 и след.

⁵ Низами, стр. 315—318.

обработка первоначального сюжета, где место кыпчакских «открытых» женщин занимают степные воительницы — амазонки псевдо-Каллисфена. С другой стороны, рассказ о тяжелом семикратном сражении с руссами перекликается с другими фактами, сохраненными античной традицией. Наиболее близкими к этому сюжету являются события, связанные с битвой Александра против скифов на Яксарте.

№ 1. Возникает вопрос: почему в соединении у Низами двух традиций, восходящих к Арриану или к его первоисточникам, вдруг появляется имя руссов? Является ли это только результатом интерполяции на древний исторический материал современной или близкой ко времени поэта ономастики, как это имеет место в том же рассказе с буртасами, хазарами, ису и т. д.?

✓ Учитывая ряд выступающих в рассказе Низами моментов, в частности настойчивую связь между руссами и аланами и появление как синонима обоих этих имен загадочного имени арков, я думаю, что это может быть объяснено другими причинами. Для объяснения этого можно выдвинуть гипотезу (я постараюсь доказать ее ниже), что руссы в рассказе Низами поставлены на место народа, упомянутого в одном из ранних источников о походах Александра и носившего имя, звучащее близко к имени Рус. Такой народ мы знаем. В непосредственном соседстве с Хорезмом, на запад от Аральского и на север от Каспийского морей, по нижней Волге и далее на запад в эпоху, близкую к Александру, античные, а еще ранее китайские источники фиксируют народ аорсов, или аланов, в китайской транскрипции Яньдай.

Мы знаем, что аорсы или аланы имеют в несколько более поздний период своим западным соседом и несомненным сородичем другой народ, который носит имя, соединяющее в себе оба имени: аорсов и аланов. Это роксоланы.

II. Три Аракса

Имя роксолан уже не ново в историографии проблемы происхождения имени «Русь». Мы знаем, что в свое время гипотеза роксоланского происхождения имени «Русь» была выдвинута М. В. Ломоносовым и развита Д. Иловайским¹ и рядом других исследователей, затем отступила на задний план перед шедшей победным маршем варяжской теорией и, наконец, в последнее время снова начинает завоевывать себе некоторые права гражданства.²

В гипотезе Иловайского есть, несомненно, слабое место, которое и дало возможность в свое время раскритиковать ее и снять с обсуждения, выплеснув, можно сказать, из ванны вместе с водой и ребенка.

Дело в том, что для Иловайского роксоланы — это уже руссы, славянские руссы, так же как гунны или болгары являются для него безоговорочно славянами. Нетрудно было показать, что роксоланы II и I вв. до н. э. — не славяне, говорили, судя по немногим дошедшим до нас именам, не на славянском языке, и, таким образом, показать несостоятельность гипотезы Иловайского.

№ 3. Подходя к этому вопросу с наших методологических позиций, мы можем найти новый угол зрения на эту проблему. Для нас роксоланы —

¹ Д. Иловайский. Разыскания о начале Руси. Изд. 2, М., 1882, стр. 74, сл. и др.

² М. Артамонов. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. КСИИМК, VI, 1940, стр. 13.

не славяне, но одни из предков славян; для нас роксоланы не славянские руссы, но руссы, одни из предшественников славянских руссов, одни из участников того большого культурного и политического строительства, которое завершилось созданием Киевского государства и всей последующей историей нашего народа. Через имя роксолан и их восточных соседей и двойников аорсов-аланов мы перебрасываем, таким образом, мост между восточноевропейским историческим процессом и историческими событиями, происходившими на других частях территории нашего Союза.

М¹ Действительно, то этническое имя, которое звучит сейчас в названии нашего народа, широко запечатлено в «языке земли» Средней Азии (и не только Средней Азии) в форме рос, рокс, рас, ракс, ракш, рокш, рош, руш (западный беспрефиксный вариант), аорс, аракс, арси (префиксированный восточный вариант).¹ Этот элемент широко распространен в среднеазиатской топонимике. Мы находим его в первую очередь в названии Аму-Дарьи, Аракса Геродота, в ныне существующем имени реки Арыси, в названии древней страны Усрушана (Us-Ruš + an), по соседству с которой Александр дал свой знаменитый бой скифам, послуживший прототипом битвы Александра с руссами у Низами. Мы находим это имя в названии нескольких областей Средней Азии, носящих имя Рушан, в названии столицы легендарной скифской царицы Зарины — Рокшанаки; мы находим его в имени народа арси так называемых «тохарских документов» и в целом ряде других названий.

Не только в Средней Азии запечатлено это имя. Имя Аракса — Аму-Дарьи звучит и в названиях двух других великих рек Каспийского бассейна, прежде всего Волги, имя которой Raha — Rahva — Ros, как показали исследования А. Германна,² имело параллельный вариант — Аракс, и, наконец, в имени реки, и ныне носящей это название, — закавказского Аракса. Три Аракса Каспийского бассейна — это три памятника наших древних предков, носителей того же имени, которое носим мы.

С каким же этнографическим комплексом, с какими этническими группировками древнего мира связывается это имя на протяжении истории? Здесь мы можем ответить достаточно четко. Наиболее древним из исторически известных носителей этого имени в этом районе являются массагетские племена.¹ Не случайна связь аорсов и роксов с именем аланов, — мы знаем ту историческую преемственность, которая создавалась между массагетами и аланами в античной традиции (Аммиан Марцеллин). Если среднеазиатский Аракс течет в середине массагетской территории Закаспия, то имя массагетов нечуждо прикаспийским районам Закавказья и в иных формах, осложненных другими определителями, оно звучит широко на территории Восточной Европы. Мы находим его в имени гетов Дакии, тирагетов Приднестровья, тиссагетов Прикамья, мюргетов и в целом ряде других вариантов.

Не только это свидетельствует о древних связях так далеко отстоящих друг от друга территорий. Кроме имени самих массагетов и их ветви — роксов-аорсов мы находим целый ряд дополнительных имен населяющих эти области народностей, выступающих четко очерченными

¹ Видимо, свойственное тюркским языкам избегание начального «R» унаследовано современными среднеазиатскими кочевниками от их древних предков — восточных отраслей сармато-аланских, resp. массагетско-юечжийских племен.

² A. Hermann. Alte Geographie des unteren Oxusgebiets, AKGWG, Ph.-Hist. Kl. Neue Folge, B. XV, № 4, Berlin, 1914.

гнездами. Укажу, например, на имена дахов (даев) Закаспия, даков Дакии и имя народа, которому обязан своим названием Дагестан (название, очень возможно, вовсе не происходящее от тюркского слова «даг»). В этот же круг связей вводят нас не только имена рек, но и имена гор: закаспийские Балханы в районе дахов и Балканы к югу от Дакии.

Я ограничусь только этими примерами в области этно- и топонимики. Но и в сфере материальной и духовной культуры восточные и западные области расселения древних гетских племен перекликаются между собой.

Мне пришлось в ряде работ¹ демонстрировать, что, если фракийский всадник является популярнейшим образом дакийской иконографии, то его двойник — хорезмийский всадник — сейчас выступает благодаря новым археологическим работам в качестве основного символа древне-хорезмского государства. Если на Западе у фрако-фригийских племен мы находим бога Сабазия, то, как я попытался показать в другой работе, на среднеазиатской почве мы находим его двойника — Сиявахша (Сиявуша)².

✓ Я думаю, что нет никаких оснований гиперкритически отбрасывать из круга древних связей интересующего нас этнонима древнейшее свидетельство, сохраненное нам библией, о народе рош, вторгнувшемся в VIII в. до н. э. среди других северных племен из понтокаспийских стран в Переднюю Азию.

✓ Историческое сложение того древнего политического и этнического комплекса, с которым связано широкое распространение имени роксов, и завязывание узлов политических связей Средней Азии и Восточной Европы восходят к тому отдаленному времени, когда протоиндоевропейские племена циркумпонтакспийского ареала говорили на языках, близких к фрако-фригийским и занимавших, повидимому, промежуточное положение между иллирийскими языками на западе и скифскими и индо-иранскими на востоке. Основными компонентами этого комплекса племен были фракийцы на западе, фригийцы и армяне на юге, массагеты на востоке и киммерийцы на севере, к кругу которых, несомненно, должны быть отнесены и рош библии.

В VIII—VII вв. до н. э. эти народы, как в Средней Азии, так и в Северном Причерноморьи и в Закавказьи, подвергаются сильному влиянию продвинувшихся с востока, вероятно, из южноказахстанских степей, племен саков или скифов, говоривших на языках, отличных от фрако-киммерийских языков древних циркумпонтакспийских племен. Языки саков были близки к индоиранским, но все же многими исследователями³ выделяются в особую группу. ✓ На протяжении многих веков сакские элементы полностью ассимилируются с древними киммерийскими и массагетскими племенами, и продуктом этого многовекового скрещения в последние столетия до нашей эры становятся сармато-аланские племена, которых Аммиан Марцеллин, опираясь на местную традицию, считает прямыми потомками массагетов.

Глубоко ошибочным, следовательно, является широко распространенный взгляд о существовании якобы сплошного «иранского» этнического массива на всем пространстве древней Скифии. Мы можем

¹ С. П. Толстов. Хорезмийский всадник. КСИИМК, I, 1938. Его же. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ. № 4, 1938, и др.

² С. П. Толстов. Древняя культура Узбекистана. Ташкент, 1943, стр. 14.

³ Ср. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 92.

говорить лишь о разноплеменных массах поверхностно «иранизированных», точнее — сакизированных, местных фрако-киммеро-массагетских народов, пронесших сквозь века свои древние этно-культурные традиции. Древний киммерийско-массагетский этноним рос, рокс становится одним из основных этнонимов сармато-аланских племен.

Анализ этнонимического комплекса, связанного с исследуемым именем, позволяет наметить основную семантическую нагрузку, которую это имя несет, и выяснить, с чем оно ассоциируется в этих, уже скрещенного типа, языках сармато-аланского периода.

Здесь мы можем нащупать следующую цепь ассоциаций: с одной стороны, наш этнический термин в своем непосредственном значении — светлый, ясный, блистающий — наиболее тесно связан с именем солнца; затем он ассоциируется с конем, львом и водой.

Дальше я позволю себе аргументировать эти положения, но сейчас я подчеркиваю, что этноним рос, рош, аракс и другие его варианты являются в этом аспекте синонимами не только имени алан, но и других, широко распространенных в сармато-аланской среде этнических названий: свайр ~ хвайр, основа названия савромат (свайримат), и спирантный вариант этого имени Хвайризем (Хорезм) — с непосредственной этимологией — «плодоносящий», «изобильный» и с той же ассоциацией «солнце» («Народ солнца», «Земля солнца»).

Наконец, та же ассоциация отражена и в названии Согда («сверкающего») — не только среднеазиатского, но и крымского, и, может быть, в названиях некоторых других пунктов территории Восточной Европы, в частности в имени Суздаля (от Suḡda-li), не случайно расположенного рядом с одним из древнейших носителей имени «рос» на восточно-славянской почве — с Ростовом.

Все эти три имени представляются нам различными эпитетами, заменяющими табуированное имя верховного божества древних киммеро-массагетов, ибо, я напомним, именно солнце является их верховным божеством. Солнцем клялась царица Томирис перед боем с Киром, обещая насытить жажду завоевателя, и, сдержав свою клятву, напоила его досыта собственной его кровью. Напомним, что массагеты, по Геродоту, приносят в жертву солнцу лошадей, говоря, что быстреешему из богов подобает в жертву и быстреее животное. Солнце — верховное божество и конь — главный тотем массагетов аккумулярованы в имени рос, рокс, продолжающем и сейчас звучать на территории бывшего расселения массагетских племен.

III. Массагетские аршаниды

Широкое распространение исследуемого имени в период IV в. до н. э. и последующих веков связано с целой серией политических событий, которые должны быть нами подчеркнуты. Самый рассказ Арриана о большом Хорезмском царстве, вызвавший заслуженное внимание со стороны крупных специалистов, как Гутшмид и Бартольд, позволяет заострить внимание на проблеме связей Восточной Европы со странами Востока и, в частности, со странами Средней Азии, гораздо более непосредственных, чем это обычно рисуется в нашей историографии.

Удо недавнего времени среднеазиатские связи Восточной Европы начинали проследиваться со времен арабов. На деле мы имеем более глубокую предисторию этих связей, и, по всей вероятности, сведения

такого серьезного и критического автора, как Арриан, близки к истине, и Фарасман Хорезмийский, действительно, имел основание претендовать на гегемонию над северокаспийскими племенами вплоть до Северного Кавказа.

Для II и I вв. до н. э. мы имеем еще более ясное и четкое свидетельство. Это свидетельство хроники младшей династии Хань. Согласно этой хронике, Кангюйское царство, которое, как мы показали в другой работе,¹ тождественно с Хорезмским царством и охватывало в этот период территорию Хорезма, средней и нижней Сыр-Дарьи, — это Кангюйское царство подчинило себе область аорсов-аланов северного Прикаспия и собирало дань пушниной с народов, обитавших в отдаленной северной стране Янь, в которой, следуя древнему чтению этого иероглифа «арь», мы должны, вероятнее всего, видеть отдаленных предков современных удмуртов — народа «ари» русских источников XVI—XVII вв.²

Повидимому, уже тогда потомки закаспийских массагетов — хорезмийцы — проложили дорогу на далекий тиссагетский северо-запад и привозили шкуры пушного зверя из будущей страны камских болгар, как и во времена Ибн-Фадлана.

В этой связи встает вопрос о возможности привлечения к анализу этой проблемы нового материала, полученного археологическими работами последних лет. Я имею в виду открытый в 1937—1938 гг. древнехорезмийский нумизматический материал — монеты, происхождение которых до того было неизвестно, но первые находки которых были сделаны именно в Прикамье.

Этот же хорезмийский нумизматический материал, охватывающий время с I по VIII вв. н. э., дал нам возможность сделать и более важные выводы, систематизировать царские знаки хорезмийской династии сиявушидов и сопоставить их со знаками других династий, управлявших на Боспоре и в других восточноевропейских областях.

В итоге выяснилось, что тамги сиявушидов не одиноки, что, представляя собой резко очерченный круг форм, тамги определенного комплекса восточноевропейских и восточных государств оказались сводимыми одна к другой.

На прилагаемых сравнительных таблицах типов царских тамг и карте тех областей, в которых эти тамги имели распространение, можно видеть, что хорезмская тамга имеет непосредственное родство с тамгой боспорских царей династии аспургидов, пришедшей к власти в начале нашей эры, в тот период, когда сармато-аланские племена особенно мощным потоком двигались на запад. Даже детали этих тамг (в частности, тип их асимметрии) оказались одинаковыми.

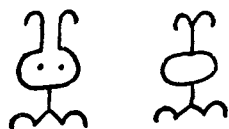
Сведения из китайской хроники династии Тан, что династии, управлявшие всей территорией царства Кан (так в танское время именуется территория древнего Кангюя, т. е. Хорезм, Согдиана и бассейн средней и нижней Сыр-Дарьи), были общего происхождения, подтвердились анализом тамг. Больше того, сведения тех же китайских источников о том, что династия Канского царства и великая кушанская династия «скифских» завоевателей, подчинивших себе Среднюю Азию и Северную Индию, генеалогически связаны между собой, также подтвердились анализом тамг.³

¹ С. П. Толстов. Цит. соч., стр. 8, 21.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. Тезисы, КСИИМК, XIII, 1946.

³ С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, № 4, 1938.

Хорезм



Восточная Европа

Боспор



Боспор



Кривой Рог



Боспор (скл. 1872г)



Боспор



{ Кривой Рог Боспор Смела Мощинск Маяцкое Цымлянское г-ще
 { (скл. 1872г) (Саргел)
 {      
 { Знаки Рюриковичей

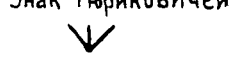
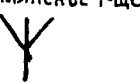
Цымлянское г-ще

Знаки Рюриковичей

(Саргел)

Цымлянское г-ще

Знаки Рюриковичей



Знаки Рюриковичей

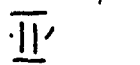


Таблица I. Сравнительная таблица тамг (родовых знаков)

Наконец, сведения хорезмской и персидской традиции, собранные ал-Бируни, о генеалогических связях парфянской династии аршакидов с хорезмским правящим домом сиявушидов, также подтвердились этим анализом.

В целом мы можем, таким образом, реконструировать целую систему государств, тесно связанных между собой политически, находившихся



X-XII вв

Варианты знака Рюриковичей
(по Рыбакову)МОЩИНСКИЙ
КЛАД

смела

Днепро-Докская область
VI-VII ввМаяцкое
городище
(по Макаренку)

САРКЕЛ

(Цымлянское г-ще)

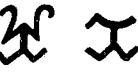
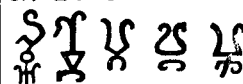
Тибериин
Евпатор
(155-171)Начало
II в.Савромат II
(208)Тоторс
(291)

СКЛЕП 1872г.

S

b

Кривой Рои



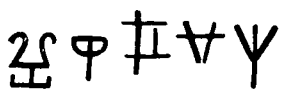
Царские знаки династии Аспургианов

Знаки на разных памятниках

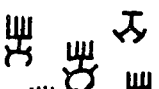
БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО II-III в.в.



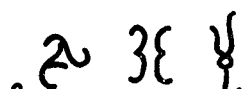
Эфталиты V-VI в.



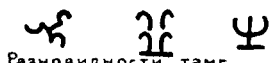
тамги на керамике



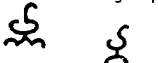
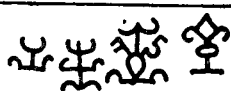
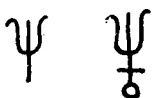
Великие Кушаны



Согдиана VIII в.

Разновидности тамг
на Хорезмийских монетах

Варианты тамги Сиявушидов

КАНГХА = Хорезм
I - VIII вв н.э.Восточный Иран
при СасанидахПАРФЯНЕ
(НЕСА)

Ташкент III в.

Таблица II. Сравнительная таблица тамг

в тесных политических взаимоотношениях и оформлявших эти взаимоотношения родственной связью между династиями, что было одним из путей, наиболее обычных для дипломатии тех эпох.

Любопытно, что эти выводы подтверждаются свидетельством еще одной литературной традиции, именно — армянской. Согласно армянской литературной традиции, отраженной у Моисея Хоренского, Фавста Византийского и других армянских авторов, существовало четыре

ветви аршакидской династии: парфянские аршакиды, армянские аршакиды, индийские аршакиды (кушаны) и, наконец, еще так называемые массагетские аршакиды, под которыми подразумевались не совсем определенные «правители Севера».¹

Видимо, здесь разумелись, с одной стороны, цари Хорезма-Кангюя, а с другой, — являвшиеся их ветвью боспорские аспургианы. Характерно, что не только традиция, но и политические события, описываемые армянскими источниками, свидетельствуют о тесных династийно-политических связях между этими странами. Мы имеем, в частности, свидетельство о том, что, когда к власти в Персии пришла новая династия сасанидов, низвергшая последнего представителя парфянских аршакидов, царь Армении аршакид Хосров пытался связаться с кушанами и опереться на них в неравной борьбе против сасанидов.²

Если мы учтем расстояние между северной Индией и Арменией, то мы поймем, насколько должны быть серьезными эти связи, чтобы самая эта попытка Хосрова стала возможной.

✓ Итак, мы можем сейчас сказать, что у истоков политической истории нашей страны стоят не отдельные, оторванные друг от друга, возникшие в разных местах политические центры, а некоторая более сложная и мощная политическая система, противостоящая, с одной стороны, западному политическому объединению — Римской империи, распространявшей свое влияние на западные окраины этой системы, и, с другой стороны, на востоке противостоящая третьему политическому центру тогдашнего мира — Ханьской империи Китая. Не единственная, господствующая над миром империя, а две империи плюс разделяющая их система средневосточных государств позднего эллинизма, возглавленных генеалогически связанными между собой массагетско-скифскими династиями, — вот что представляет собой политическая география мира той эпохи.

Учитывая это обстоятельство, древняя история нашей страны должна рассматриваться не как история стихийно взаимодействующих отдельных племен, а как история сложной системы политического взаимодействия могучих древних государств, культурно и политически тесно связанных между собой и с родственными племенами севера, втянутыми в орбиту их экономического, политического и культурного влияния.

IV. Рустам и его двойники

Возвратимся к роксоланской теории происхождения термина «Русь» и к роли роксолан в процессе формирования русской народности. Гипотеза Иловайского (с отмеченными выше коррективами) может быть теперь подтверждена целым рядом внушительных фактов. Прежде всего, как показали новейшие археологические исследования, история культуры поднепровских племен, того центра, где сформировалась впоследствии славянская Киевская Русь, представляет собой в первые века нашей эры процесс интенсивного скрещения местных элементов, связанных с культурной традицией «полей погребальных урн», и степных сармато-аланских элементов.

Существенные выводы позволяет сделать анализ наших сравнитель-

¹ М. Хоренский. История Армении, пер. Н. О. Эмина. М., 1893, стр. 239 и сл.

² Там же, стр. 118—119.



ных таблиц тамг. Уже Б. А. Рыбаков обратил внимание на родство тамги рюриковичей с тамгами боспорских царей — аспургианов.¹ Установив связь между боспорской тамгой и тамгами древнего Хорезма и других областей системы государств «четырех ветвей аршакидов» армянской традиции, мы имеем возможность протянуть эту нить дальше. Мы можем теперь утверждать, что не только Боспор, но и самое Киевское государство, пусть очень отдаленными линиями политической преемственности, было связано со средневосточным миром массагетско-скифских позднеэллинистических держав, ибо в ту эпоху тамга — символ слишком большого значения, чтобы совпадение могло быть случайным.²

То же, что мы проследили в материальной культуре и в преемственности политической эмблематики, не менее ярко выступает и в области духовной культуры.

В киевском пантеоне, созданном Владимиром накануне христианизации Руси, мы находим имена ряда божеств, несомненно, связанных с сармато-аланской средой. Если имя Хорса-«солнца» и поныне звучит в североиранских языках, как и имя Симаргл — Сэнмурв, недавно подвергнутое блестящему исследованию К. В. Тревер,³ то имя Сварога также является исторически связанным с самим этнонимом сарматов-свайров, являясь, как мы показали выше, носителем того же значения «солнце». Между тем, Сварог — это одно из божеств не только восточных, но и всех славян.⁴

Наконец, в русском былинном эпосе мы находим мощные пласты, восходящие к тем же сармато-аланским эпическим традициям. В этом отношении особенно важен образ Рустама, на русской почве отложившийся в образе сказочного богатыря Еруслана Лазаревича, сохранившего не только имя, но и отчество своего восточного собрата. С другой стороны, по линии сюжетной Рустамиада перекликается с комплексом былин, группирующихся вокруг центрального образа русского былинного эпоса — Ильи Муромца.

Эта связь, раскрытая в свое время Стасовым⁵ и Миллером,⁶ сейчас может быть обоснована еще более широко. Как известно, теория Стасова — Миллера встретила целый ряд возражений со стороны других исследователей. Отмечу, в частности, работу Потанина, который противопоставил гипотезе Стасова о связи образов Ильи Муромца, Еруслана Лазаревича со среднеазиатским и кавказским Рустамом широкий подбор аналогий из эпоса центральноазиатских племен. В имени Еруслана Потанин пытался видеть тюркское слово «арслан» — «лев».⁷

¹ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, VI, стр. 247 сл.

² Анализ семантики комплекса сиявшидских тамг показывает, что в их основе лежит знаменитая «трехфигурная композиция» — богиня (= дерево) + протомы двух коней — тот самый «дако-сарматский элемент», который вскрыт В. А. Городцовым в русском народном творчестве и который лежит в основе орнаментальных мотивов большинства народов Средней Азии и Восточной Европы, воспринявших киммеромассагетскую культурную традицию.

³ К. В. Тревер. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л., 1937, стр. 59.

⁴ Ср. культ. «Сварожича» (Zuarasici) у прибалтийских славян по Титмару: Гильфердинг. История балтийских славян, I. М., 1855, стр. 222.

⁵ В. В. Стасов. Соч., т. III, стр. 286.

⁶ В. Миллер. Эскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. 172 и сл.

⁷ Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 294 и др.; Миллер (166 стр. и сл.) видит в «Уруслан» искажение имени Рустам под влиянием тюркской народной этимологии.

Да будет мне позволено поставить вопрос о том, не звучит ли, напротив, в тюркском слове «арслан» имя Еруслана — Уруслана, ибо на территории древнего расселения тюрков львов не водится и вряд ли это имя принадлежит к особенно древнему пласту тюркской речи.

Характерно, что в политическом центре древних массагетов — Хорезме — образ льва имеет весьма широкое распространение в мелкой прикладной пластике, конкурируя с образами коня и всадника. Именно для Хорезма характерны украшенные головами львов ручки сосудов. Прототип таких львиноголовых ручек мы знаем уже в амударьинском кладе. В других областях расселения сармато-аланских племен типичными, как известно, являются ручки в виде кабана или барана. В связи с этим весьма вероятно предположить перенос на тотемное животное аорсов-аланов и их имени (префиксированного варианта этнонима роксолан), откуда и явно заимствованное в тюркском имя льва.

Большой интерес в этой связи представляет давно занимающая историков русского искусства проблема происхождения знаменитых владимирских рельефов, на которых среди разнообразных реальных и фантастических животных крупное место занимает лев. Бесспорный «восточный» отпечаток, лежащий на этом великолепном памятнике средневекового русского каменного зодчества, его бесспорные сюжетные и формальные связи с кругом «сасанидского» искусства, т. е. среднеазиатско-кавказского искусства I тысячелетия н. э.,¹ особенно поражают при учете огромного хронологического и территориального разрыва. Но если мы вспомним «сасанидских» львов русских народных вышивок, таких же традиционных, как блестяще раскрытые В. А. Городцовым образы богини и всадников, протянувшие нить непрерывной преемственности от искусства древних сарматов и фракийцев-даков нашего юга к крестьянскому искусству русского Севера XIX в.,² если мы вспомним, особенно, львов и другие звериные образы роскошной деревянной резьбы русского Поволжья³ (именно Поволжья, не Севера), то, может быть, проблема станет менее загадочной. Из художественной стихии русского деревянного зодчества,⁴ корни которого уходят в далекую предисторию славянского Поволжья, древнего, никуда не ушедшего славянского населения Хазарской державы и прото-славян нижневолжской Сарматии вплоть до птолемеевских сербов, вырастают могучие образы русских (некогда роксоланских) львов каменных рельефов Владимира, протягивающих в XII в. линию идеологической и политической преемственности между массагетской государственностью античности и русской государственностью средневековья.

Надо сказать, однако, что образ Рустама-Ильи имеет свою глубокую предисторию на территории самой Восточной Европы, восходя, повидимому, к древней массагетско-гетской, гесп. киммерийской, общности. Образ «скифского Геракла» Геродота тесно связан с образом Ильи-Муромца и Рустама.

Параллельный анализ легенд о «скифском Геракле» и «деве-змее»,

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, VI. СПб., 1899, стр. 45, 49 и др.

² В. А. Городцов. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве. Труды Гос. Ист. Музея, I, 1926, стр. 7 сл.

³ С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942, табл. 45, рис. 98.

⁴ Заслуживают внимания несомненные параллели в русской крестьянской резьбе Поволжья и деревянной резьбе до-мусульманской Средней Азии, известной нам по открытым А. Стейном памятникам восточного Туркестана. См. A. Stein. On Ancient Central Asian tracks. L., 1933, p. 49.

о Рустаме, Техминэ и Сохрабе, об Илье, Латыгорке и Сокольнике убеждает в тождестве исходного сюжета, архаический вариант первой части которого представлен у Геродота.

Для понимания смысла всех вышеприведенных наблюдений больше всего нам дает теория происхождения славян, сформулированная академиком А. И. Соболевским в его «Русско-скифских этюдах».¹ Конечно, в деталях его концепция подлежит уточнению, но нам представляется бесспорным, что А. И. Соболевскому удалось лингвистически установить, что в процессе славянского глоттогенеза решающую роль сыграл, с одной стороны, северо-иранский (я предпочитаю говорить о киммеро-скифо-сарматском) пласт и, с другой стороны, пласт, близкий к балтийскому (сейчас можно уточнить — иллиро-балтийский, с которым, вероятно, связан этноним «венеды»).

Во всяком случае, наши выводы целиком совпадают с основными итогами лингвистического анализа в работах Соболевского; несмотря на все различие между методом Соболевского и методом нашего учителя Н. Я. Марра, их выводы не противоречат друг другу, ибо помимо установления тех глубоких доисторических связей между различными народами Афреватии и Америки, которые были раскрыты работами Н. Я. Марра, нужно переходить к установлению более узких территориально и более близких хронологически связей, одна из групп которых прекрасно вскрыта А. И. Соболевским.

Таким образом, мы видим, что и роксоланская гипотеза выступает теперь в новой форме, и целый ряд ранее выдвинутых теорий о культурных параллелях Руси и Востока может получить новое осмысление в свете новых материалов. В частности, это относится к теории происхождения русского былинного эпоса.

Если для дискуссии времен выхода работ Стасова и Миллера вопрос стоял о том, является ли наш эпос заимствованным с Востока — из Индии и Ирана, как считал Стасов, или от тюрко-монгольских кочевников, как думал Потанин, или с Запада, как доказывали их противники, — то теперь стоит вопрос об общности истоков русского, иранского, среднеазиатского эпоса, восходящих к скифо-массагетской и сармато-аланской среде, одинаково участвовавшей в формировании нашего народа и братских народов нашего Востока. Между прочим, чрезвычайно интересен тот факт, что Рустам в иранском эпосе — герой страны, носящей название страны скифов-саков, Сеистана, древнего Сакастана, страны, в которую сакско-массагетская народность сакараваков, как доказал целый ряд исследований, вступила во II в. до н. э. из приаральских степей. В иранский эпос имя Рустама проникает, несомненно, очень поздно, видимо, около времени арабского завоевания.² В Средней же Азии эпос о Рустаме зафиксирован в согдийских письменных памятниках, и, как показали исследования А. Стейна, культ Рустама как божества существовал в Сеистане и Хотане.³

Белязори рассказывает, что, когда арабы пришли в Сеистан, они увидели святилище, посвященное культу Рустама и его священного коня Ракша.⁴ В этой связи любопытно вспомнить, что на средней Аму-Дарье существует теснина, носящая название «Прыжок Дуль-дуля». «Дуль-дуль» — священный конь Алиа, четвертого халифа, героя восточ-

¹ А. И. Соболевский. Русско-скифские этюды. Изв. Отд. Русск. языка и словесности Росс. Ак. Наук, XXVII (1922), стр. 321 сл.

² Brown. Literary History of Persia, I, стр. 117.

³ A. Stein. Цит. соч., стр. 65—66.

⁴ Geiger und Kuhn. Цит. соч., II, стр. 140.

номусульманского военного эпоса, который вытеснил всех героев-змееборцев и, в первую очередь, Рустама.¹ Есть основания считать поэтому, что «Прыжок Дуль-дуля» был первоначально прыжком не Дуль-дуля, а Ракша. Таким образом, тождественными оказываются имя коня «Ракш» и древнее имя реки «Аракс». «Прыжок Аракса» — бурная теснина — в легенде осмыслен мифологически как «Прыжок Ракша».

Новый пересмотр исторических источников позволяет также подкрепить гипотезу Ломоносова—Иловайского. Если мы отправляемся от исторических свидетельств, говорящих о роксоланах, и будем двигаться дальше, то мы увидим, что нить исторической преемственности между Русью и роксоланами не прерывается ни на один век. Если у Иордана² мы встречаемся при описании событий IV в. с народом росомонов, непосредственно ассоциирующимся с роксоланами, то у него же при описании тех же событий мы встречаемся с явно параллельным именем антов. А уже в VI в. мы находим первое упоминание народа «рос» у сирийского писателя Захария Ритора.³ У Табари-Балами⁴ мы встречаемся уже с «руссами» на Северном Кавказе в непосредственном соседстве с хазарами при описании арабо-хазарских столкновений VII в.

При этом чрезвычайно интересным является тот перелом, который происходит между V и VI вв. в самом образе роксоланов и пришедших к ним на смену руссов. Если раньше роксоланы выступают как тяжело вооруженная конница (в другой своей работе⁵ я показал, как, начиная с IV в. до н. э., так называемый «сарматский» тип военного доспеха проникает именно из Средней Азии от древних массагетов в Черноморье, так же как и в Переднюю Азию и в Китай), то в VI в. эта роксоланская тяжелая конница сменяется русской пехотой. Уже Захарий Ритор дает нам любопытнейший образ могучего пешего народа, которого «кони носить не могут». И эта традиция проходит потом

¹ О мифологических корнях образа Алия см. нашу работу «Очерки первоначального Ислама» (Сов. этнография, № 2, 1932). Заслуживает внимания параллелизм русского Ильи, хазарского богатыря Ильяса, сына Михраса Фирдоуси (см. Миллер, цит. соч., стр. 191) и восточномусульманского Алия. Поражает ономастическая близость и близость образов героев при полной неясности причин ассоциации их в первом и втором случае с библейским пророком, в третьем — с мусульманским халифом, образы которых в канонической традиции ничего общего с нашим сюжетом не имеют. Оставляя до специально подготовленной нами работы детальный разбор этой контроверзы, ограничусь пока выводами: русский Илья, хазарский Ильяс, среднеазиатско-иранский Али — это контаминация имени библейского пророка в двух первых случаях и арабского халифа — в третьем с древним, одним и тем же во всех случаях сармато-аланским именем, видимо, звучавшим Эля или Иля и в южноиранских языках имевшим закономерное соответствие в форме Айрья — «герой», «воин» (соответствие алаано-осетинского *il* древнеперсидскому *aig* доказал В. И. Аббаев). Это лишь эпитет к собственному имени героя, выступающему в прозвище русского богатыря — Муромец, Муравленин и в отчестве хазарского богатыря — «сын Михраса». В этом последнем варианте наиболее ярко раскрываются мифологически-ономастические связи Ильи. Михрас — среднеперсидское, эфталитское, вообще раннесредневековое произношение имени солнечного бога — воина, драконоборца Митры, персонализации «непобедимого солнца массагетов». Переход раннесредневекового *ih* → *u*, (*Mihr* → *mur*) при соседстве с губным — явление вполне закономерное для иранской фонетики (ср. *Seiger und Kuhn*, цит. соч., I, 2, стр. 29). А это дает нам отправную точку для формулировки равенства Митра = Рустам.

² *Iordanis. De origine actibusque Getarum. XXIV.*

³ Н. В. Пигулевская. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. ВДИ, № 1 (6), 1939, стр. 114 сл.

⁴ А. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 74

⁵ С. П. Толстов. Древняя культура Узбекистана. Ташкент, 1943, стр. 24—26.

через всю последующую мусульманскую литературу, продолжая жить много веков после того, как русские вновь стали «конным народом». Отсюда, между прочим, и образ гиганта-дикаря в «Искандер-Намэ» Низами. Любопытно, что даже сюжет борьбы руссов с амазонками тянется от Захария Ритора к Низами, воплощаясь у последнего в описание поединка пешего гиганта-дикаря из рядов руссов с прекрасной «китайской» амазонкой-лучницей, будущей возлюбленной Александра.

Видимо, в этих событиях отражен новый исторический этап в процессе слияния степных и лесных протославянских (роксоланских и венедских) элементов.

Однако, несмотря на то, что как раз в ту эпоху происходят крупнейшие события, связанные с падением Римской империи на западе и Ханьской империи на востоке, с широким движением кочевых народов из Центральной Азии на запад, перетасовывающих всю этнографическую и политическую карту, эта перетасовка оказывается лишь поверхностной, лишь внешние изменения из древности идущие этно-исторические пласты. Старые связи продолжают существовать, они восстанавливаются снова и снова. Угорские и тюркские элементы, внедряющиеся с востока в Нижнее Поволжье, Предкавказье, Причерноморье, лишь тонким слоем ложатся на древний сарматский, к тому времени в значительной степени славянизированный субстрат, культурно быстро ассимилирующий пришельцев или вынуждающий их искать новых мест, где, в конечном итоге, их постигает та же судьба, как, например, венгров, которые, сохранив в сильно измененном виде свой угорский язык, по культуре оказались почти нацело ассимилированными древним славянским населением страны.

Есть все данные предполагать, что сложившееся на базе древнего сармато-аланского, resp. роксоланского и аорского, населения северокавказское, подонское и нижневолжское славянство, политическую традицию которого несла еще в средние века приазовская Русь, продолжало жить в составе хазарских и болгарских политических объединений, оставшихся сармато-славянскими под тонким внешним покровом гунно-тюркских политических форм.

Не случайно в X в. царь волжских болгар Альмош именует себя «царем славян».¹ Не случайно славяне составляют вряд ли не основную массу населения хазарской столицы — Итиля. Не случайно орда северокавказских болгар Аспаруха (кстати, носящего имя, являющееся лишь вариантом имени эпонима — основателя боспорской сарматской династии Аспурга), вторгшаяся в Мизию, очень скоро оказывается чисто славянским народом, причем чрезвычайно близким именно к восточным славянам, что было бы мало вероятно, если бы славянский элемент мизийских болгар был балканского происхождения. Вторая гипотеза Иловайского — о славизме древних болгар, пропущенная через фильтр исторической критики, оказывается не менее плодотворной, чем его роксоланская гипотеза.

✓ Имя «гуннов-савилов» Предкавказья, севордик Армении, суваров камской Болгарии и наших балканских северян — имя одного народа, вошедшего в разные политические образования раннего средневековья и сохранившего в наиболее чистом виде древнее имя савро + матов.² И если мы в этой связи вспомним гипотезу Миллера,³ хазарскими связями объясняющего появление библейского имени древнего героя

¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Л., 1939, стр. 196 б.

² Сопоставление савроматов, северян и савилов см. у Иловайского, цит. соч., стр. 279.

скифо-славянского эпоса — Ильи Муромца,¹ то эта гипотеза тоже получит право на извлечение из недр забвения. В образе «старого казака Ильи Муромца» перед нами встанет герой юго-восточной степной «Хазарской» Руси, задолго до возвышения Киева несшей на себе тяжесть вековой борьбы с вторгшимися с востока ордами центрально-азиатских кочевников, действительный прообраз героев будущего казачества XVI и следующих веков. И в эпитете «казак», прочно сросшемся с образом Ильи, мы не можем не видеть лишь видоизменение древнего имени «хазар»² с тем же значением — «воин, охраняющий границы народа».³

V. Путь в Хвалиссы

Традиция восходящих к киммерийской эпохе и красной нитью проходящих через античность среднеазиатско-русских связей не рвется и в средние века.

В X в. и позднее Русь поддерживает теснейшие отношения с древним политическим центром массагетско-аланского объединения — Хорезмом, который еще не раз пытается претендовать на роль гегемона и политического арбитра Юго-Восточной Европы.

Хорезм для Руси X—XI вв. отнюдь не был далекой загадочной страной. Описывая географию Руси, автор начальной летописи пишет: «Ис того же (Оковьского) льяса потече Волга на Вьсток и вытечет семьюдесять жерл в Море Хвалисьское (вариант Хвалимское). Тьм же и из можеть ити в Болгары и в Хвалисы и на вьсток дойти в жребий Симов».

Основной путь из Руси на восток лежал по Волге в Хорезм, ибо название «Хвалимское» или «Хвалиское море» является, как давно доказано, русским произношением имени «Хорезмское море». Для соседей Руси, печенегов, «мусульманин» и «хвалис»-«хорезмиец» были понятиями равнозначными.⁴ Хазария, сыгравшая такую большую роль в первоначальной истории Киевской Руси, находилась в тесных сношениях не только с юго-восточными славянскими племенами, составлявшими по существу ее этническую базу, но и с Хорезмом. Так, мы имеем сведения Ибн-ал-Асира о том, что, когда Хазария переживала последний период своей политической истории, распадаясь под ударами руссов и тюркских кочевников, ее правители обратились за помощью к Хорезму и получили ее, при условии принятия ислама. Мы знаем, по Ибн-Хаукалю, что после похода руссов 969 г. хазары бегут через Каспий на Мангышлак, а потомки этих хазар до сих пор сохранились на территории приамударьинских Каракумов в виде туркменского племени хызр-или.⁵ Мы знаем, что эмир Ургенча ал-Мамун делает в эти же годы попытку завоевания Хазарии и подчинения ее Хорезму.⁶ С другой стороны, через Хазарию пролегает путь непосредственных сношений

¹ Миллер, цит. соч.

² Филологически связь этих имен установлена Гомбоцем (Mémoires de la Société Finno-Ougr., XXX, 1912); Рамstedом (Zur Frage nach der Stellungd. Tschuwaschen, 1922 стр. 32 и Марром, ЖМНП, 1915; см. его же: Чуваши — яфетиды на Волге, 1926, стр. 43, 61.

³ Имя хаз'ар' — каз'ак' входит, несомненно, в круг социально-этнических терминов, исследованных нами в нашей статье «К истории древнетюркской социальной терминологии». ВДИ, № 1, 1938.

⁴ Изв. ал-Бекри. Изд. Куника и Розена. Текст 43, перевод 60.

⁵ Уже Ховорс сопоставляет племя адаклы-хызыр, упоминаемое Абульгази, и хазар. Н. Howorth. The Khazars were they Ugrian or Turks? Труды III Междунар. съезда ориентал. в СПб., 1876, II, стр. 139.

⁶ Гаркави. Сказания мусульманских писателей. СПб., 1870, стр. 282.

Руси и Хорезма в IX—X вв. Недавно открытый В. Ф. Минорским и исследованный у нас Б. Н. Заходером¹ текст Марвази дает более раннюю версию рассказа Ауфи² о принятии Русью ислама при Владимире Святом.

Этот рассказ, повидимому, восходит к хорезмскому источнику начала XI в. Если это (что весьма вероятно) — утраченная «История Хорезма» ал-Бируни или другой труд этого автора, то изложенное там должно соответствовать историческим фактам, и этот рассказ, говорящий о деятельности хорезмских миссионеров в Киеве, об одном из этапов религиозной политики Владимира, связанном с колебанием в сторону ислама, представляет для нас первоклассный интерес.

Да и сама Хазария — своеобразный синтез различных этнических элементов; ее столица заселена не столько хазарами, сколько славянами и хорезмийцами, причем самое любопытное, что хорезмская наемная гвардия хазарского кагана носит в качестве имени один из вариантов того же названия «Русь». Название этой гвардии «арсия» — вариант имени аорсов, звучащего и в арабской передаче имени третьего центра древней Руси — Арсания.³

Несомненно, это же имя запечатлено в названии мордвы-эрзи, потомков тех раннесредневековых буртасов, которые выступают в рассказе Низами рядом с руссами, аланами и арками.

Мы знаем, что хорезмские колонии, помимо Итиля, существовали и в волжском Болгаре, где опять славяне и хорезмийцы сталкивались между собой.

Мы уже отметили выше, что связи Хорезма с областью волжских болгар восходят к глубокой древности. Находки эллинистических хорезмийских монет и художественных изделий локализованы именно в Прикамье, как и находки хорезмийских изделий VII—VIII вв.

В другом нашем исследовании, еще в 1931 г., мы показали глубокую общность в материальной культуре (в первую очередь в одежде) потомков закаспийских массагетов — туркменов,⁴ с одной стороны, и группы поволжских народов (удмуртов, чувашей, горных мари и некоторых групп мордвы-эрзи) — с другой.⁵ Характерно, что наиболее резко этот комплекс выступает у одной весьма своеобразной группы удмуртов, так называемых «бесермян», имя которых представляет собой хорезмское произношение слова «мусульман». А если мы учтем, что еще в XIX в. сохранялась традиция о происхождении этих «бесермян» из «Хивы»,⁶ то не будет ничего невероятного в том, что в лице их мы имеем потомков одной из древних хорезмских колоний в стране «Ари».

¹ Изв. Всес. геогр. об-ва, VI, 1943.

² В. В. Бартольд. Новое мусульманское известие о русских. ЗВО. IX, 1896, стр. 262; Е го же. Арабские известия о руссах. Сов. востоковедение, I, М.—Л., 1940, стр. 39.

³ Вряд ли возможно согласиться с принятым у нас чтением — Артанья. В рукописях мы, как правило, имеем не ت, а ث, не رثيه, آ, а رثيه, آ, а ث в арабской передаче неарабских слов, в особенности при учете иранской информации, должно заменять какой-то свистящий звук, вероятнее всего — йотированное S. Видимо, в арабском Арсания мы должны видеть Ars'an + iya от Arsi(—y—)an.

⁴ С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, № 1, 1938.

⁵ S. P. Tolstov. Les principales étapes du développement de la civilisation tierioukhane. Eurasia Septentrionalis Antiqua. VI, 1931, p. 16, ff., fig. 10a, 11, 12.

⁶ Н. В. Никольский. Сборник исторических материалов о народах Поволжья. Казань, 1919. 76: Д. Корепанов Бесермяне. Сб. «На удмуртские темы». М., 1931, стр. 99.

Надо сказать, что в создании средневекового и позднейшего населения Арало-Каспийского бассейна и более восточных областей связь древних аорсов и славянских руссов нашла свое отражение. Тюркская форма «урус» является закономерной разновидностью восточно-аланской — аорс.

Отметим также, что Потанин в своей полемике против Стасова и Миллера привел целый ряд образов так называемых «русских богатырей» в эпосе бурятского и других народов Центральной Азии. Сейчас эти богатыри осознаются как «русские», но анализ их образов, проделанный тем же Потаниным, не оставляет сомнения в их древности, несомненно, предшествующей соприкосновению центральноазиатских народов с русскими в современном смысле этого слова. Вряд ли не таково же происхождение и «руссов» Низами, которые явились отправными для моего исследования.

* * *

Мы далеко не исчерпали поистине безграничного богатства поставленной нами темы. Мы взяли лишь одну (правда, весьма немаловажную) из многих линий исторических связей Руси и народов советского Востока. Но выбор, определяемый, естественно, и специальностью автора, все же может быть обоснован и тем, что при всей важности древних среднеазиатско-русских, уже — хорезмско-русских связей, эта тема была совершенно не разработана, если не считать нескольких мимоходом высказанных замечаний В. В. Бартольда и весьма богатых интереснейшими идеями, но крайне устарелых по материалу и методу работ В. В. Григорьева.

Не менее (а может быть и более) богатую жатву дала бы разработка линии Русь — Кавказ, затронутая нами лишь постольку, поскольку она переплетается с нашей основной линией.

Мы лишь вскользь могли остановиться на вопросах зрелого русского средневековья, которое дает не менее значительный исторически и неизмеримо более богатый количественно материал для нашей темы. Но, естественно, мы не могли не ограничить себя, предпочитая вместо того, чтобы коснуться всего понемногу, исследовательски углубить хотя бы одну из сторон проблемы. Пусть наш материал ограничен, но и на нем мы можем видеть, что древняя политическая, хозяйственная и культурная история настолько тесно переплелась исторические судьбы народов различных областей нашей великой страны, что совершенно не случайно те же политические объединения, которые создавались на заре истории, многократно возобновлялись на той же (или близкой) территориальной основе.

В самом деле, завоевание Святославом Хазарии, походы руссов X в. за Каспий в свете этих древних связей должны рассматриваться нами как реализация одной из важнейших тенденций хозяйственного, культурного и политического развития народов нашей родины, начиная с первых шагов их истории.

Период феодальной раздробленности ослабил, естественно, эти связи, но порвать их не смог. И не случайным поэтому является объединение Хорезма, Поволжья, Черноморья, Предкавказья и Руси в рамках Золотоордынского государства. Хотя оно сложилось в результате вмешательства внешней силы, но составные его элементы были связаны между собой прежде и остались связанными и тогда, когда эта внешняя сила сошла на-нет. Не случайно сама Русь, оставив позади себя

период феодальной раздробленности, реализовала старые замыслы Святослава и вновь в расширенном виде восстановила то политическое единство, которое намечалось на заре нашей истории.

Народы востока и запада нашей страны связаны между собой глубокой общностью исторических судеб, древнейшими и многообразными культурными связями. Многократно в течение тысячелетий эти народы входили в состав общих политических объединений, распадавшихся и вновь возникавших, пока Великая Октябрьская Социалистическая революция не завершила этого процесса созданием братского Союза народов нашей страны.

Истоки культуры Руси, как и истоки культуры остального славянства, восходят к истории многовековых взаимоотношений народов северных областей нашей страны с ее южными районами, создавшими в древности свою могучую государственность, цветущую и своеобразную культуру, занимающую достойное место в культурной истории человечества.

М. Н. Тихомиров

Происхождение названий „Русь“ и „Русская земля“¹

О названии «Русь» писали много, и каждый, кто пытается заново поставить этот вопрос, как будто не в состоянии выйти из круга уже возникших теорий. И тем не менее вопрос о происхождении названия «Русь» не может быть снят с обсуждения, ибо он тесно связан с вопросом о происхождении русского государства и русского народа. Недаром же летописное сказание о начале Руси 200 лет служило темой для споров норманистов и антинорманистов, тех споров, которые всегда шли в накаленной политической атмосфере, начиная с полемики великого Ломоносова с немцами-академиками середины XVIII в.

К тому же общие итоги ученых исследований о происхождении термина «Русь» не могут быть признаны удовлетворительными. В настоящее время наиболее принята компромиссная теория Брима о двойном, северном и южном, происхождении слова «Русь». Но эта теория, как всякое компромиссное решение, по существу ничего не объясняет, потому что оставляет в силе и теорию, возводящую «Русь» к варягско-скандинавам, и взгляды о южном происхождении Руси.² Не больше ясности в рассматриваемый вопрос вносит и недавно опубликованная статья Л. С. Тивериадского.³ Как и ранее писавший С. В. Юшков, названный автор видит в терминах «варяги» и «Русь» классовое содержание: «термин Русь, принимая его автохтонно-южное происхождение, должен был относиться к местной, исконной славянской знати».⁴ Однако доказательств того, что словом «Русь» обозначалась только знать, а не отдельный народ или племя, автор в своей статье не приводит.

Для историка, изучающего происхождение термина «Русь», есть один способ определить, что понималось под Русью в IX—X веках, — это пересмотреть основные источники, знающие «Русь» и о ней упоминающие. В основном эти памятники делятся на две группы: русские и иноземные. Значение их, конечно, совершенно неравно, так как только русские источники могут с большей или меньшей точностью указать, что понималось у восточных славян под словом «Русь», какой народ и какая страна, тогда как иностранные памятники полны множества про-

¹ Переработанный доклад, сделанный на сессии по этногенезу славян (Москва, декабрь 1943 г.).

² В. А. Брим. Происхождение термина «Русь» (Россия и Запад, вып. II).

³ К вопросу о происхождении Руси в связи с этногенезом славян. Историч. записки, т. XIII.

⁴ Историч. записки, т. XIII, стр. 49.

тиворечий, в особенности источники арабского происхождения, которые могут быть привлечены только в виде дополнительного материала.

В исторической науке давно уже отмечено, что в XII—XIII вв. название «Русь» обозначало вполне определенную страну — собственно Киевскую землю. Примеров подобного словоупотребления можно указать немало и притом в разных русских памятниках. Так, Лаврентьевская летопись, памятник владими́ро-суздальского происхождения, рассказывает о походе киевского князя Святослава Всеволодовича и сожжении города Дмитрова: «Пожга (Святослав) город Дмитров, возвратится опять в Русь».¹ И это не случайное, а общепринятое выражение владими́ро-суздальских памятников. После смерти Андрея Боголюбского на совещании во Владимире говорилось: «Князь наш убьен, а детей у него нету, сынок его в Новгороде, а братья его в Руси». Итак, Владимиро-Суздальская земля — не Русь, а Русь — это южные княжества, где живут братья Андрея.²

Подобное же словоупотребление видим в Новгородской земле. Для новгородца под Русью понималась Киевская земля. Можно привести ряд выражений, характерных для новгородского понимания слова «Русь», но ограничимся двумя примерами. В 1135 г. «иде в Русь архиепископ Нифонт с лучшими мужи». В 1142 г. сообщается, что новгородцев не пускали из Руси, пока они не приняли князя Святополка.³ В отличие от жителей южной Руси, которых называли русинами, новгородцы называли себя словенами. Это противопоставление русина словенину с наибольшей четкостью бросается в глаза в краткой редакции «Русской Правды», которая, судя по всему, возникла в Новгороде. В свою очередь, киевляне называли свою землю Русью в отличие от Новгородской земли⁴ («бежающ же Святославу из Новгорода идущю в Русь к брату»).

Не причисляли себя к русинам и жители Смоленской земли, что явно вытекает из рассказа о походе Изяслава Мстиславича на Волгу в 1148 г. На устье Медведицы он соединился с новгородцами, а потом пришел его брат Ростислав «с всеми рускими силами, полкы, и с Смоленскими».⁵

Даже Галицкая земля, что особенно важно, также не считалась Русью. Победив в 1152 г. Владими́ра Галицкого, венгерский король пошел «в Угры, а Изяслав у Русскую землю».

Значит, можно с полным основанием считать, что в XII—XIII вв. название «Русь» обозначало определенную область: Киевскую землю в узком смысле этого слова.

Наряду с термином «Русь» как обозначением определенной территории употреблялось другое, более широкое понятие «Русской земли» в применении ко всем восточнославянским землям, входившим в состав Киевского государства. Примеров подобного словоупотребления много. Так, Изяслав Мстиславич заявляет: «мне отчины в Угрех нетуть, ни в Ляхох, токмо в Руской земли».⁶ Здесь Русская земля противопоставляется Венгрии и Польше как единое народное целое, а не просто как Киевская земля. Еще более четко и ясно под Русской землей понимается вся территория, населенная восточными славянами, в рас-

¹ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 368.

² Там же, стр. 352, (под 1175 г.).

³ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888 (под 1135 и 1142 гг.).

⁴ ПСРЛ, I, изд. 2, стр. 308—309 (под 1141 г.).

⁵ ПСРЛ, II, стр. 370.

⁶ ПСРЛ, III, стр. 52 (под 1150 г.).

сказе о Липецкой битве 1216 г. Там суздальский боярин говорит своим князьям: «не было того ни при прадедех, ни при дедех, ни при отце вашем, оже бы кто вшел ратью в силную землю в Суздальскую, оже вышел цел, хотя бы и вся Русская земля, и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская».¹ Здесь само Киевское княжество является лишь составной частью общей Русской земли. Так понимает Русскую землю и певец «Слова о полку Игореве», и Даниил Паломник, поставивший лампаду от всей Русской земли на гробе господнем, и автор «Слова о погибели Русской земли», обозначавший ее границы от Угорских гор до «дышучего моря», т. е. от Карпат до Ледовитого океана. Перед нами очень интересное явление. Термин «Русь» получил двойное значение: узкое для обозначения Киевской земли и широкое — для обозначения всей земли, населенной русскими.

Какое же из этих обозначений древнее? Слово ли «Русь», относившееся первоначально к Киевской земле, распространилось на остальные восточнославянские земли, или широкое понятие «Руси» сосредоточилось на понятии небольшой территории вокруг Киева? Наиболее обычным был, как известно, порядок, когда «название небольшого племени становилось названием целого народа, как, например, чехов и поляков».² Можно с вероятностью предполагать, что Русью первоначально называлась только Киевская земля, откуда это название распространилось на остальные земли восточных славян.

Чтобы доказать это положение, мы должны выснить, какое значение имело слово «Русь» в еще более раннюю эпоху, в X—XI вв. «Русь» и «Русская земля» неоднократно упоминаются в летописных известиях, но в такой форме, что трудно установить, о чем идет речь, о всей Русской земле в целом или об отдельной ее части.

Тем не менее некоторые места начальной летописи недвусмысленно доказывают, что авторы XI в. называли Русью именно Киевскую землю. Говоря о древних славянских племенах, летописец сообщает: «и поляне, **яже** ныне зовомая Русь»...³ Но поляне по той же летописи населяли Киев и его окрестности. Следовательно, Русь — это название Киевской земли, а не какого-либо другого участка восточнославянской территории. В свете подобного толкования термина «Русь» для нас становится понятным своеобразное выражение летописи, дающее расчет лет от цесаря Михаила до смерти Святополка Изяславича (в 1113 г.): «от первого лета Михайлова до первого лета Олгова Русаго князя лет 29, а от первого лета Олгова, понеже седе в Киеве, до первого лета Игорева лет 31».⁴ Итак, Олег признается русским князем с того времени, как он стал княжить в Киеве (понеже — потому что сел в Киеве).

Такое понимание летописного текста подтверждается другим местом «Повести временных лет»: «и седе Олег, княжа в Киеве, и рече Олег: се буди мати градом руским; беша у него варязи и словени, и прочи прозвашеся Русью».⁵ Здесь Киев — мать городов русских, а осевшие в нем варяги и словени прозываются Русью потому, что они стали жить в Киеве.

Для историка важен вопрос, к какому времени относятся приведенные выше фразы об Олеге, как, впрочем, и все летописные известия

¹ Летопись по Лаврентьевскому списку, СПб., 1872, стр. 470.

² J. Perwolf. Slavische Völkernamen. Archiv für slav. Philol., B. 8, 1884, S. 26.

³ ПСРЛ, I, стр. 11.

⁴ Там же стр. 17—18.

⁵ Там же, стр. 10.

о IX—X вв. Уже И. И. Срезневский и К. Н. Бестужев-Рюмин отметили, что в упомянутом расчете лет от Михаила до Святополка заметны три слоя. Так, в конце хронологического расчета читаем: «от смерти Святослава до смерти Ярославли лет 85, а от смерти Ярославли до смерти Святополка лет 60». По этому поводу Бестужев-Рюмин пишет: «Таким образом, само собой определяются три слоя первоначальных источников летописи: записки до смерти Святослава, до смерти Ярослава, до смерти Святополка».¹ Это наблюдение подтверждается тем, что в упомянутом расчете лет от Михаила до Святополка видим два способа изложения. Первый кончается словами: «а от первого лета Святослава до первого лета Ярополча лет 28». После этих слов меняется самый характер изложения: «а Ярополк княжи лет 8, а Володимер княжи лет 37, а Ярослав княжи лет 40». Следовательно, первоначальный расчет лет обрывался на Ярополке.

А. А. Шахматов, а вслед за ним М. Д. Приселков возводят большинство известий о событиях IX—X вв. к так называемому «Древнейшему летописному своду», составленному в 1037 г. Во всяком случае, некоторые известия X в. были записаны не позднее первой половины XI в. Так, летописец сообщает, что могила Олега Святославича находится «и до сего дне у Вручего», а под 1044 г. говорит о переносе костей Олега из прежней могилы в Десятинную церковь.

Тот, кто писал о могиле Олега у Вручего «до сего дне», явно не знал о последующей судьбе костей Олега. Отсюда вытекает, что рассказ о Ярополке и его братьях был написан до 1044 г.

Однако самое существование Древнейшего свода 1037 г. представляется недостаточно доказанным. Сводчик, работавший в 1037 г., должен был бы с особой подробностью рассказывать о своем времени, в частности, о княжении Ярослава. Между тем оказывается, что летописец говорит об его времени кратко и неточно. Наиболее подробно рассказана борьба Ярослава со Святополком Окаянным, но этот рассказ взят из особого сочинения: «Сказания о Борисе и Глебе». Особым повествованием являлся и рассказ о Мстиславе Черниговском, к тому же явно более благоприятный по отношению к Мстиславу, чем к Ярославу («не смяше Ярослав ити в Киев, дондеже смирилася»). Остальные известия о событиях времени Ярослава так кратки, что напоминают записки, сделанные на основании позднейших припоминаний или выдержек из синодиков.

В самом летописном повествовании о времени Ярослава имеются указания на то, что оно было составлено по позднейшим припоминаниям. Битва с печенегами под Киевом в 1036 г. происходила там, «иде же стоять ныне святая Софья». В похвале Ярославу под 1037 г. говорится о Ярославе: «отец бо сего Володимер взора и умягчи (землю), рекше крещеньем просветив; сь же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное». В этой фразе явно обозначены три поколения: первое — Владимир, второе — Ярослав, третье — «мы», т. е. уже не современники Ярослава, а люди более позднего времени.

С тем же самым встречаемся мы при изучении летописных известий о княжении Владимира. Летописец гораздо подробнее говорит о событиях княжения Владимира до его крещения, чем о последующем времени. За длительный промежуток времени с 988 по 1015 гг. встречаем лишь несколько кратких заметок, часть которых, как это указал еще А. А. Шахматов, взята из записей какого-либо синодика (время

¹ К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, стр. 35.

смерти того или иного члена княжеской семьи). Более подробные повествования восходят лишь к особым сказаниям: к «Слову о постройении Десятинной церкви» и «Похвальному слову или краткому житию Владимира». Как малочисленны были в руках летописца известия о второй, христианской половине княжения Владимира, видно из того, что в летописи вновь появляются легенды. Таковы рассказы о борьбе отрока с печенежским богатырем и об осаде Белгорода печенегами, с наивным сообщением о хитрости белгородцев.

Летописное повествование о второй половине X в. оказывается более подробным, чем рассказ о первой половине XI в. Отметим несколько фактов, которые были известны летописцу из истории второй половины X в., чтобы показать его осведомленность. Летописец, например, знает, что в 945 г. крещеную Русь водили к присяге в церкви Ильи, «яже есть над ручаем, конец Пасыньче беседы». Летописец знает о Свенельде, рисуя его отношения к Игорю в реальных тонах. Он знает, что Лют, или Мстиша, был сыном Свенельда; упоминаются древлянский князь Мал, полоцкий Рогволод, печенежский Куря; известно происхождение Владимира от ключницы Малуши, дочери Малка Любчанина. Если об этих лицах можно было что-то узнать из устных источников, то упоминание о персонажах, подобных «кормильцу» Асмуду и совсем неизвестному Варяжку, непонятно без предположения о существовании письменного источника. Поразительно то, что распри между сыновьями Святослава описаны с такой точностью и с таким отсутствием легендарных черт, что мы невольно должны предполагать письменный источник очень раннего происхождения, в котором рассказывалось о событиях, последовавших после смерти Святослава.

Летописный рассказ о распрах между сыновьями Святослава имеет любопытную особенность. Он написан человеком, благоприятно настроенным по отношению к Ярополку и враждебно к Владимиру. Виновником вражды Ярополка с Олегом представлен Свенельд, сам же Ярополк «плакал» над трупом брата. Рогнеда не хочет идти замуж за Владимира, «но Ярополка хочю». Киевляне были привязаны к Ярополку — «гражены же не бе лъзе убити его».

Наоборот, Владимир изображен в черных тонах, и летописец не скрывает не только его дурных деяний, но и низкого происхождения его как сына ключницы, «рабичича». Владимир перетягивает на свою сторону воеводу Блуда; по приказу Владимира убивают его брата Ярополка; Владимир «залече жену братьню грекиню», Владимир обманывает варягов и предупреждает об опасности с их стороны византийского императора; Владимир ставит кумиры и вводит человеческие жертвоприношения; наконец, Владимир — «несыт блуда».

Противоположение Владимира — язычника, грубого, хищного и развратного варвара — другому Владимиру, просвещенному христианством, сделано так ярко в летописи, что отразилось на всей нашей исторической литературе. Обычно это противоположение объясняют желанием летописца особенно ярко обрисовать резкую перемену в характере Владимира после принятия христианства. Но вполне мыслимо объяснение чисто источниковедческого порядка. Летописец имел в своих руках различные источники. Один из этих источников представлял собой подробный рассказ о распрах между сыновьями Святослава и первых годах княжения Владимира, написанный в отрицательном духе по отношению к последнему. Не имея других более или менее полных и достоверных источников о времени Ярополка, летописец воспользовался этим рас-

сказом, изображая Владимира-язычника, чтобы на основании других источников описать его деятельность в качестве христианина.

Но что это был за источник, и когда он был составлен? Некоторый ответ на это найдем в упомянутом ранее расчете лет. Начинаясь «от первого лета Олгова», он кончался словами: «до первого лета Ярополча лет 28». Таковы были примерные хронологические рамки нашего предполагаемого источника. Примерный его объем и содержание восстанавливается при помощи так называемой Новгородской первой летописи, которая, как доказал А. А. Шахматов, дает понятие о составе более древнего текста, чем «Повесть временных лет». Этот источник начинался словами «Начало земли Руской» и рассказывал об основании Киева и первых князьях. Конечно, эта повесть о начале Русской земли сохранилась в Новгородской летописи уже в измененном виде, ибо имеет черты обработки семидесятых годов XI в., но все-таки она более приближает нас к первоначальному тексту, чем текст «Повести временных лет», осложненный многими вставками. В частности, в ней уже находим рассказ о призвании трех князей, стоящий в явном противоречии с повествованием об Олеге как первом русском князе. Кроме того, рассказ разбит на годы, которые явно отсутствовали в первоначальной редакции «Повести о начале Русской земли», в чем сходятся все исследователи.

Эта повесть была несомненным произведением какого-либо южнорусского, точнее киевского, автора, отражая претензии киевлян на первенство во всей Русской земле. Подобный характер летописных известий о событиях IX—X вв. нашел отражение и в «Повести временных лет» и в тексте Новгородской первой летописи.

Когда же возникла «Повесть о начале Русской земли», как мы ее условно бы назвали, и где она примерно оканчивалась? Мы видели, уже, что эта повесть не могла возникнуть позже 1044 г., когда первоначальная могила Олега была потревожена. На это указывает и ссылка в тексте Новгородской первой летописи на то, что греки дают дань «и доселе князем Рускым»,¹ что едва ли может относиться к очень позднему времени, во всяком случае — не более позднему, чем княжение Ярослава Мудрого (умер в 1054 г.), при котором был предпринят последний русский поход на Константинополь.

Но в рассказе о начале Русской земли есть и другая тенденция, обнаруживающая время его составления. Летописец, как мы видели, благожелателен к Ярополку и враждебен к Владимиру. Когда же мог возникнуть рассказ с такой тенденцией? Конечно, не при Владимире и сомнительно, чтобы при Ярославе, который боролся со Святополком Окаянным, считавшимся сыном Ярополка и Владимира. Единственным временем, когда подобный рассказ мог возникнуть, можно считать период княжения Святополка Окаянного (1015—1019 гг.). «Володимир же, — пишет летописец, — залеже жену братью грекиню и бе непраздна, от нея же родися Святополк... бе бо от двою отцу от Ярополка и от Володимера».² В последних словах о двух отцах чувствуется какая-то неуверенность летописца. Поэтому позднейший редактор вставляет здесь рассуждение о греховности происхождения Святополка, выдавая тем самым руку автора, писавшего уже после смерти Святополка.

В свете известий летописи о рождении Святополка нужно рассматри-

¹ Новгородская летопись по харатейному списку. СПб., 1888, стр. 7.

² ПСРЛ, I, изд. 2, стр. 77.

вать его позднейшую историю, в частности, решительную расправу Святополка с братьями, которых он мог таковыми и не считать. Поэтому понятна и тенденция «Повести о начале Русской земли» рассматривать Киев как центр государства, а Новгород — как захудалый город. «Да еще бы кто шел к вам», — отвечает новгородцам Святослав в ответ на просьбу дать им князя.¹

Если принять нашу датировку «Повести о начале Русской земли», то известия о русских событиях X—XI в., помещенные в ней и не заимствованные из византийских источников, позволяют судить о том, что понималось под Русью и Русской землей в начале XI в., а тем самым и о более раннем времени, по крайней мере о второй половине X в. Для определения того, что первоначально входило в состав «Повести о начале Русской земли», служит текст Новгородской первой летописи, за исключением рассказа о призвании князей, о котором речь будет идти особо.

Анализ этих известий убеждает нас в том, что в X в. под Русью и Русской землей, как и в более позднее время, понималась Киевская земля. Приведем несколько примеров, пользуясь текстом Новгородской первой летописи. Рассказывая о походе Олега на Царьград, летописец говорит: «Игорь и Олег пристроиста воя многы, и Варягы, и Поляне и Словене и Кривичи».² Здесь варяги отличены от славянских племен; поляне — жители Киевской земли, словене — новгородцы, кривичи — жители Смоленской земли. Замечательно отсутствие даже упоминания о Руси. Но кто понимался под Русью — видно из дальнейшего рассказа. Древляне говорят об Игоре: «се князя убихом Русаго», но Игорь княжил в Киеве, значит Киевская земля — это и есть Русь. Говоря о покорении радимичей Владимиром, летописец замечает, что они «платять дань Руси, повоз везуть и до сего дни».³ Но что это за Русь? Конечно не варяги, которые при Владимире резко отличались от русского населения.

Летописные известия X в. ясно различают варягов и Русь. Для летописца не было никакого сомнения, что русская и словенская грамота — одно и то же, «а словенск язык и русский один... аще и поляне звахуся, но словенская речь бе». Это сознание единства русского и славянского языка еще более подтверждается летописными словами: «словеньску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есме Русь». Итак, анализ летописных известий IX—X вв. приводит нас к мысли, что эти известия были записаны уже в начале XI в., что они дают ясное представление о терминологии более раннего времени (X в.) и что в X в. под Русью, как и позже, понималась совершенно определенная область, именно — Киевская земля.

Наш вывод, впрочем, не противоречит летописному сказанию, по которому название «Русь» появилось не в XI—XII вв., а значительно раньше: в IX в. в Новгороде, в начале X в. в Киеве. Летопись присваивает название «Русь» варягам, от которых это имя перешло к славянам, — «и от тех варяг слывет Руская земля».⁴ В этой фразе заключается опорная точка, от которой вот уже два столетия исходят норманисты в своих представлениях о начале Руси. Недаром же Ф. Браун в своем исследовании о готто-славянских отношениях пишет: «Русское»

¹ Новгородская летопись, стр. 21.

² Там же, стр. 6.

³ Новгородская летопись, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 5.

государство как таковое основано норманами, и всякая попытка объяснить начало Руси иначе будет напрасным, праздным трудом».¹

Основные доказательства теории норманистов держатся, в сущности, на двух летописных известиях, которые ставят знак равенства между варягами и Русью. Первый рассказ заканчивает летописный перечень народов, ведущих свое происхождение от сыновей Ноя, легендарных Сима, Хама и Афета. Летописец пишет: «Афетово бо и то колено: Варязи, Свеи, Урмане, Готе, Русь, Агняне, Галичане, Волхва, Римляне, Немци, Карлязи, Веньдици, Фрягове».² Таким образом, Русь поставлена между готами и англичанами, хотя по точному смыслу может и не принадлежать к варяжским племенам, ибо к ним нельзя, например, отнести упомянутых далее римлян; кроме того, слово Русь вообще отсутствует в Троицком (утраченном) и Радзивилловском списках. Почти однородное место читаем в рассказе о призвании князей: «идоша за море к варягом к Руси, сие бо ся звахуть и варязе суть, яко се друзии зовутся Свее, друзии же Урмане, Англяне, друзии Готе, тако и си».³ Близость двух приведенных мест несомненна. Здесь последовательно упомянуты в числе варягов: свеи (шведы), урмане (норвежцы), англичане и готы (жители острова Готланда в Балтийском море). Однако второй отрывок представляет как бы выдержку из первого и комментариев к слову Русь: так назывались эти варяги Русью, как другие звали себя шведами, норвежцами, англичанами и готами, — вот смысл летописного текста.

Но зачем понадобился ученый комментарий к рассказу о призвании князей? Прежде всего потому, что необходимо было объяснить значение слова «Русь», с которым ассоциировалось понятие не варягов, а какого-то восточнославянского племени. Действительно, в руках составителя дошедшего до нас текста летописи находились материалы, противоречившие его представлениям о Руси. Следы этих материалов сохранились в летописи.

Обычная интерпретация летописного рассказа о призвании Рюрика и его братьев сводится к следующим положениям. Славяне ссорились между собой и решили обратиться к варягам. «И реша Руси Чюдь и Словени и Кривичи и Вся: земля наша велика и обильна»⁴... Иными словами, чюдь, словени, кривичи и весь приглашают к себе Русь, и в ответ на приглашение появляются три князя и «попояша по собе всю Русь». Историки уже давно обращали внимание на странную конструкцию фразы: «И реша Руси Чюдь и Словени и Кривичи и Вся». Однако дательный падеж «Руси», поставленный в печатном издании «Повести временных лет», встречается только в Радзивилловском и Академическом списках, тогда как древнейшие, Лаврентьевский и утраченный Троицкий, дают здесь именительный падеж «Русь». Тогда фраза имеет уже совсем иной смысл. К варягам обращаются Русь, словени, кривичи и весь, т. е. самая Русь по этому рассказу не является варяжским племенем. Что в данном случае мы имеем дело не с ошибкой, а с действительной особенностью древнейшего летописного текста, видно из того, что подобный же текст читается в Ипатьевской летописи: «Ркоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи».⁵ Между тем известно, что тексты

¹ Ф. Браун. Разыскания в области готославянских отношений. СПб., 1899, стр. 3.

² ПСРЛ, I, 2-е изд. стр. 5.

³ Там же, стр. 8.

⁴ ПСРЛ, I, изд. 2, 21—22.

⁵ ПСРЛ, II, изд. 2, стр. 14.

Лаврентьевской и Ипатьевской летописей возникли самостоятельно и восходят к одному общему источнику — первой редакции «Повести временных лет», возникшей около 1113 г. Следовательно, подобный текст уже читался в этом не дошедшем до нас памятнике, который явно отличал Русь от варягов. Наконец, Новгородская первая летопись упоминает о словенах, кривичах, мери и чуди, обратившихся к варягам за князьями, не называя этих варягов Русью, а только добавляя: «и от тех варяг находник тех, прозвашася Русь».¹

Этот вывод находит подтверждение в существовании двух кратких летописцев, известных нам в рукописях XIII—XIV вв. Первый из этих летописцев помещен в Синодальной Новгородской Кормчей 1280 г.² В нем прямо говорится, что Русь, чудь, словене и кривичи обратились к варягам и призвали от них князей. Другой краткий летописец, сохранившийся уже в рукописи XIV в., включает следующее известие: «при сего же цесарьстве (императора Михаила) придоша к Варягам Русь, Чюдь, Словене, Кривичи и рекоша им».³ Итак, перед нами старая традиция, отделявшая варягов от Руси.

Наша догадка находит себе подтверждение еще в одном интересном памятнике. Польский историк Длугош, умерший в 1480 г., как известно, пользовался русскими летописными сводами более раннего происхождения, чем известные в наше время. Вот что читаем у него о событиях в Русской земле после смерти Кия и его братьев: «К этому времени такого рода порядок наследования пришел к двум братьям, и именно Аскольду и Диру; в то время, когда они пребывали в Киеве, некоторые русские племена (*Ruthenorum nationes*), которые вследствие огромного увеличения искали себе новые поселения, тяготясь их властью, приняли от варягов трех князей, поскольку не было желательно выбрать кого-либо из своих ради равенства». (*Donec successio hujusmodi ad duos fratres germanos videlicet Oscald et Dir pervenit, quibus apud Kioviam manentibus nonnullae Ruthenorum nationes quae ex ingenti multiplicatione novas sedes sibi quaesierant eorum Principatum pertuesae a Varahis tres duces saacceperunt quoniam ex propriis neminem eligi propter paritatem placebat*).

Итак, Аскольд и Дир у Длугоша — русские князья, а Рюрик и его братья-варяги призваны русскими племенами.⁴ Длугош отразил старую традицию, отвергнутую «Повестью временных лет», традицию, которая отличала варягов от Руси.

Откуда же появилось отождествление Руси и варягов в летописном рассказе о призвании князей? Источником этого отождествления явно был отрывок о народах «Афетова колена», где Русь упоминалась наряду со славянами, урманами, англянами и готами. Зная предание о варяжском происхождении Рюрика, автор рассказа о призвании князей уподобил варягам неизвестную Русь, найденную им в отрывке об Афетове колене.

Но какое реальное значение имело слово «Русь» в самом отрывке? На этот вопрос отвечает содержание отрывка об Афетове колене. Оно добавлено в летописи к общему перечислению народов, составленному по византийским источникам, но обличает источник совсем иного, не южного, а северного происхождения. Перед нами перечисление

¹ Новгородская летопись, стр. 5.

² ПСРЛ, I, изд. I, см. приложение.

³ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Л., 1941, стр. 206—207.

⁴ К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868, стр. 68 (приложение).

народов Западной Европы, обнаруживающее значительную осведомленность автора. Уже Круг указал, что под именем волхвов, помещенных рядом с галичанами и римлянами, надо понимать жителей Нормандии — Valland скандинавских источников, а под карлязями летописи — carlenses, т. е. жителей позднейших Нидерландов.¹ Спорным является значение слова «галичане», которое, по мнению С. М. Соловьева, обозначает жителей Уэльса (pays des Gals),² а по мнению других ученых — жителей Галлии или Галисии в Испании. Для нас, впрочем, важно только отметить, что автор отрывка об Афетове колене был хорошо знаком с народами, прилегавшими к Балтийскому и Северному морям, и был осведомлен даже о таких странах, как Нормандия.

Однако нас поражает одна особенность отрывка об Афетове колене — отсутствие в ней упоминания о датчанах, что С. М. Соловьев объяснял тем, что «летописец смешивает датчан с англичанами вследствие тесной, постоянной связи, которая издавна существовала между этими двумя народами».³ В таком случае мы имеем дело с определенными датирующими указаниями, если принять во внимание непрерывную связь Англии с Данией до 1041 г. Отдельное упоминание о волхвах, Valland или Нормандии также понятно для времени, предшествующего завоеванию Англии Вильгельмом Завоевателем в 1066 г.

Итак, отрывок о колене Афетове, по нашему мнению, возник в первой половине XI в. и основывался на определенных и реальных данных; он был заимствован из определенного северного источника, хорошо осведомленного о народах Северной Европы. Если к этому добавить, что предание о призвании князей находит аналогию в сказании о призвании англосаксов, то источник сведений о северных народах становится ясным, его надо искать в каком-либо северном памятнике.

Спрашивается теперь, кого же имел в виду отрывок об Афетове колене под именем Руси, помещаемой рядом с готами, если этот отрывок имел в виду реальную действительность?

А. А. Шахматов считал, что позднейший редактор просто вставил Русь в перечень народов, чтобы оправдать свою теорию о варяжском происхождении русских князей. Но можно предполагать, что летописный текст заимствовал Русь из какого-либо особого источника. Действительно, в скандинавских памятниках XI—XII вв. Русь помещается обычно в соседстве со Швецией, Готией и Норвегией, но восточнее их. Такова, например, исландская карта XII в., составленная на основании древнейших сведений скандинавов о восточных странах.⁴ Что так именно и могло обстоять дело, доказывается подборкой сведений о скандинавских взглядах на Русь, сделанной П. П. Смирновым.⁵ Тщательный пересмотр скандинавских сведений о Руси привел П. П. Смирнова к мысли, что скандинавы помещали Русь к востоку от Балтийского моря и даже Гардарики, т. е. Новгородской земли. Однако П. П. Смирнов ищет в Рюсаланде, или Рисаланде, скандинавских легенд какую-то норманскую колонию в Восточной Европе очень

¹ Ph. K. g. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. Theil I. St.-Pb. 1848. S. 155.

² С. М. Соловьев. История России. Изд. «Общественная польза», кн. I, стр. 94.

³ Там же, примечание.

⁴ Щеглов. Первые страницы русской истории. ЖМНП, VI, 1876.

⁵ П. Смирнов. Волзьский шлях и стародавни Руси. Київ, 1928, стр. 59—75.

раннего времени (хотя и он считает, что скандинавы обозначали Русь приблизительно к востоку от Новгородской земли).¹ По нашему мнению, Русь появилась в перечне народов по своего рода недоразумению. Найдя в своем северном источнике Русь, помещенную в соседстве со шведами и готами, автор рассказа о призвании князей уподобил Русь варягам.

Что речь идет о своего рода домысле, поправке, которую древнерусский книжник делал к рассказу о призвании князей, видно из целого ряда пояснений к летописному тексту. Насколько же были запутаны представления летописца о происхождении Руси, видно из такой фразы «Повести временных лет»: «и от тех варяг прозвася Руская земля, ноугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода Варяжьска, преже бо беша Словени».² Если буквально переводить этот текст, то получится, что новгородцы сделались варягами, хотя раньше были словенами, тогда как новгородцы никогда не теряли своего славянского происхождения.

Летописец вынужден постоянно поправлять свой собственный текст, так как он прекрасно знал различие между варягами и Русью, знал, что и те и другие говорят на разных языках, ибо самые ярые норманисты все-таки не утверждают, что киевские князья, по крайней мере Святослав и Игорь, говорили на скандинавских языках, а не по-русски. Поэтому летописец порой совсем забывает о пресловутом заморском происхождении Руси.

Говоря о походе на Царьград 944 г., летописец сообщает: «Игорь же совкупив вои многи: Варяги, Русь и Поляны, Словени и Кривичи, и Тиверьце и Печенеги».³ Здесь Русь выступает отдельно от варягов, вместе с полянами, в отличие от словен и кривичей, как особое племя. В другом месте летописец дает перечисление составных частей в войске Олега: «Варяги, Чюдь, Словены, Мерю и (Весь), Кривичи». В этом списке указаны новгородские словени и кривичи, но нет полян. Что летописец понимал в данном случае под полянами Русь, видно из дальнейшего текста: «и беша у него Варязи и Словени и прочи прозвашася Русью».⁴ Все эти переделки, добавки и недомолвки в тексте «Повести временных лет» были отмечены А. А. Шахматовым, который признал, что первоначальный текст летописи был исправлен «на основании особой сложившейся у составителя «Повести временных лет» теории, признававшей, что в 862 г. в Новгород были призваны не варяжские, а русские князья».⁵

Однако, не придавая исторической достоверности «ученым мудрствованиям» составителя «Повести временных лет», Шахматов все-таки соглашается с ним в его исходных позициях. Для Шахматова «Русь это те же норманы, те же скандинавы; Русь это древнейший слой варягов, первые выходы из Скандинавии».⁶ При всем уважении к авторитету А. А. Шахматова мы должны признать, что его вывод не подтвержден доказательствами, ибо о двух исходах варягов в Восточную Европу ничего не известно. Так, знаток германских древностей проф. Браун в ответ на запрос Ламанского сообщал, что «более ясные геогра-

¹ П. Смирнов. Волзьский шлях и стародавни Руси. Київ, 1928, стр. 224.

² ПСРЛ, I, изд. 2, стр. 20.

³ ПСРЛ, I, изд. 2, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 23.

⁵ А. А. Шахматов. Розыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908, стр. 339.

⁶ А. А. Шахматов. Там же, стр. 325—329.

фические сведения о России начинаются в сагах только с самого конца X в.»¹

Речь должна идти не о двух потоках скандинавов, вышедших в Восточную Европу, а о двух литературных традициях: первая из них (южная) считала Русь славянским, а вторая (северная) — варяжским племенем. Эти две традиции были отмечены самим Шахматовым, который, однако, не сделал из этого факта должных выводов, уступая перед авторитетом более ранних исследователей. Северные источники придавали особое значение варяжскому влиянию, что и понятно, если вспомнить постоянную связь Новгорода со Скандинавией. Здесь и сложился рассказ о призвании варягов, упоминающий о трех северных городах: Новгороде, Изборске и Белоозере. Первоначальный рассказ о призвании князей говорил только о народах северной Руси: словенах, кривичах, мери и веси. Поэтому Русь отсутствует в Новгородской первой летописи в рассказе о призвании князей и названы просто варяги. Позже Русь была вставлена в число племен, призывавших князей, что отразилось в текстах Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Еще позднее Русь была отождествлена с варягами на основании отрывка о народах Афетова колена.

Пожалуй, наиболее загадочным и неясным рисуется для нас вопрос о взаимоотношениях между Рюриком и Игорем, с одной стороны, Игорем и Олегом — с другой. По летописцу Рюрик умер в 879 году и его сын Игорь был еще младенцем («бысть бо детеск вельми»). В 903 году Игорь женился на Ольге, а умер в 945 году, старше 70 лет. Рождение же Святослава по Ипатьевской летописи относится к 942 году, т. е. произошло после сорокалетней брачной жизни Игоря и Ольги. Ясно, что Рюрик и Игорь искусственно соединены друг с другом: недаром же старый Игорь проявляет необыкновенную прыть в походах против древлян. И эту-то явно сказочную хронологию пытаются оправдать различными домыслами.

Но когда и для кого понадобилась подобная сшивка известий? Мы видели, что рассказ о начале Киева и первых князьях, кончая Владимиром, возник в первой половине XI в., по нашему предположению — в 1015—1019 гг. Он возник в прямой связи с борьбой киевлян и новгородцев, Святополка Окаянного с Ярославом. В этой борьбе Святополк нашел поддержку в Польше, и летописец протянул прямую связь между полянами и поляками, что особенно четко отразилось у Длugoша. В древнейшем тексте под Русью понималась еще Киевская земля, а создателями Киева признавались поляне. Однако Святополк был изгнан из Киева и бежал в Польшу от Ярослава, одержавшего победу с помощью варягов. Эта победа и дала толчок к созданию нового рассказа о начале Русской земли. На первое место были выдвинуты варяги, которым было предписано создание Русского государства. Но старый текст, выставивший превосходство киевлян, или Руси, над словенами (или новгородцами), все-таки оставил следы в «Повести временных лет». Поэтому летописец противопоставляет Русь (или киевлян) новгородцам (или словенам). Отсюда насмешливый рассказ о Руси, получившей паволочитые паруса, и о словенах, взявшихся за свои толстины; поэтому летопись вкладывает в уста апостола Андрея насмешливо удивленный рассказ о словенских банях. В конечном итоге домысел писателя времен Ярослава о скандинавском происхождении слова Русь хотел только доказать, что русские князья вначале появи-

¹ В. И. Ламанский. Славянское житие св. Кирилла. Пг., 1915, стр. 70—76.

лись в Новгороде, а позже в Киеве, тогда как его предшественники говорили, что Русью первоначально называлась Киевская земля.

До сих пор мы касались главным образом летописного текста в том виде, как он известен нам в «Повести временных лет», но в ту же повесть внесены два подлинных документа X в.: договор Олега с греками 911 г. и договор Игоря 945 г. Оба договора обычно признаются несомненными доказательствами правильности домыслов летописца о варяжском происхождении названия «Русь», потому что в них «от рода Рускаго» выступают люди, носящие в договоре 911 г. почти исключительно, а в договоре 945 г. — преимущественно норманские имена. Попытки объяснить имена русских послов из славянских корней являются, пожалуй, наиболее компрометирующими для противников норманской теории происхождения Руси и доведены в работах Геденова и Иловайского до абсурда.

Было бы совершенно бесцельно и ненаучно делать славянами Ингелльда, Фарлофа и других посланных от имени Олега в Византию. Но скандинавские имена русских послов в Византии еще не доказывают, что Русь и скандинавские выходцы — одно и то же. Варяги, бывшие представителями «от рода Рускаго» в Византии, без всякого сомнения, и не могли бы себя иначе называть в официальном договоре, потому что они были представителями русского князя. К тому же роду Русскому в договоре 945 г. отнесены Володислав и Борич, лица, носившие имена, во всяком случае, не скандинавского происхождения.¹ Конечно, в договорах Руси с Византией не отмечали данных о происхождении того или иного гостя или посла, отправленного в Византию для переговоров о мире. Поэтому отрицать наличие славянских имен в договоре Игоря 945 г. столь же смешно и нелепо, как делать всех послов Олега и Игоря славянами. Несомненно, количество дружинников-варягов в войсках Олега и Игоря было значительным. В самой Византии варяги были хорошо известны и служили в придворных войсках императора. Вот почему они и выступают главными представителями русских князей в X в. Поэтому «Русь» X в. нередко отождествлялась византийцами с норманами, как это читаем, например у Симеона Логофета. Ведь писал же Титмар Мерзербургский, что в Киеве живет много данов (датчан), хотя самый ярый норманист не сказал бы, что в начале XI в. Киев был не славянским, а датским городом, тем более что даже имя датчан осталось, как мы видели, неизвестным «Повести временных лет». Впрочем, изучение имен русских послов в договорах Олега и Игоря могло бы дать все-таки неожиданные результаты. Зная о существовании болгарской надписи 904 года на греческом языке, где упоминается об Ольге-таркане, ученые остерегались бы делать Олега скандинавом.²

Из кого же состояла русская знать X в.: из славян или варягов? На этот вопрос дает ответ тот же договор Руси с греками 945 г.: «Мы от рода Рускаго слы и гостье, — читаем в его тексте, — Ивор, сол Игорев великаго князя Рускаго, и обьчии слы, Вуефаст Святославль сына Игорева, Искусеви Олгы княгыня, Слуды Игорев, нетий Игорев, Улеб Володиславль, Каницар Передславин». Перед нами два ряда имен: князья, посылающие своих представителей, носят имена Игоря, Святослава, Ольги, Владислава, Передславы, тогда как послы называются Ивором, Вуефастом, Искусеви, Слуды, Улебом, Каницаром. Не

¹ ПСРЛ, I, изд. 2, стр. 32 и 46.

² См. издание этой надписи в книге W. N. Slatarski. Geschichte der Bulgaren. 1 Teil, Leipzig, 1918.

будем заниматься лингвистическими изысканиями. Пусть имена послов, даже такие, как Ивор и Улеб, принадлежат к скандинавским именам, что, впрочем, сомнительно, но три княжеских имени из пяти (Свято-слав, Владислав, Передслава), бесспорно, славянские.

Итак, верхушка, князя — славяне, а их послы — варяги. Вот единственный вывод, который можно сделать из анализа имен в договорах Руси с греками X в. Напрасно ссылаться на быстрое ославянивание варяжской династии. Родовые имена держались обычно долго, как это видим в первой династии пришлого происхождения в Дунайской Болгарии, князья которой сохраняют титулы и имена неславянского характера почти два века.

Не проще ли считать, что варяги-наемники окрашивали своими именами дружину русских князей X в., а князья были славянами и пользовались славянскими именами? Поэтому Русь клялась Перуном и Волосом, а не Одним и Тором, как следовало бы ждать от норманских князей.

Анализ летописных известий, как мы видели, привел нас к выводу, что название «Русь» было древним для Киевской Руси и возникло значительно ранее X в. Теперь нам надлежит посмотреть, как этот вывод подтверждается иностранными свидетельствами.

В основном иноземные источники, упоминающие о Руси IX—X вв., относятся к трем группам: западноевропейской, византийской и восточной.

Западноевропейские авторы знали о Руси уже в IX в. В конце IX в. (по мнению Шафарика, между 866—890 гг.) написал свою работу анонимный «Баварский географ», произведение которого сохранилось уже в списке XI—XII вв. Перечисляя города и области к северу от Дуная, он называет некоторые восточнославянские племена, известные по летописи. В этом перечислении находим хазаров (Caziri) и русских (ruzzi).¹ Аноним знает русских как особое племя и помещает его тотчас же после хазар, отмечая тем самым их близкое соседство, как это и было в действительности. Ruzzi «Баварского географа» упомянуты в числе других славянских племен, и ничто еще не указывает на позднее, а тем более на варяжское происхождение их имени.

Замечательно, что в Венгрии существовало предание о том, что русские пришли к Карпатским горам вместе с венграми под предводительством венгерского вождя Альмы, как пишет это в своей хронике известный нотариус короля Белы. Насколько было древним в Венгрии имя русских, показывает свидетельство 1031 г., по которому сын короля Стефана Венгерского, княживший в Бихарске, назывался русским князем — *dux Ruizogum*.²

К еще более раннему времени относится известное упоминание о Руси в Бертинских летописях. В 837 г. к Людовику Благочестивому в Ингельгейм пришли послы от византийского императора Феофила и привели с собой «неких людей, которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос, и которых, как они говорили, царь их по имени Хакан отправил к Феофилу ради дружбы». Теперь уже нет сомнения в том, что речь идет о титуле «Каган», применявшемся еще в XI в. по отношению к киевскому князю, как показывает известное «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона.

¹ P. J. Šafařík. *Slowanské Starožitnosti*. W. Praze, 1837, p. 980—981.

² J. Husek. *Narodopisna hranice mezi slowaky a Karpatorusy*. V Bratislave, 1925, 20—21 (примечание).

Известия Бертинских летописей неоднократно подвергались анализу в ученых исследованиях, но все ученые одинаково исходили из мысли о том, что русские были неизвестны в Германии, что появление народа «рос» при дворе Людовика Благочестивого было неожиданным и вызвало соответствующую реакцию. Предвзятое мнение о появлении названия «Русь» только после пресловутого призвания князей всегда довлело на комментариях вышеупомянутого известия 837 г. Между тем русские были известны в Германии уже в 903—904 гг., как это доказал В. Г. Васильевский на основании Раффельштеттенского устава. Васильевский, кстати сказать, весьма насмешливо отнесся к скептицизму русских историков, упорно отвергавших мнение, что устав говорит о славянах, приходящих из Руси, несмотря на авторитетные замечания ряда немецких ученых. «Невероятным это, — пишет Васильевский, — продолжает казаться только русским исследователям; они как будто пугаются мысли, что уже во времена Олега русская торговля могла заходить столь далеко».¹ Итак, два западных известия — Раффельштеттенский устав и баварский аноним — уже знают русских, которые, следовательно, были известны в Германии в конце IX в.

Бертинские летописи обнаруживают, что русские были известны и в Византии. Император Феофил прислал к Людовику Благочестивому посланных из «народа Рос», с тем чтобы дать им возможность вернуться на родину безопасно. Что народ «рос» был известен в то время в Византии, уже доказано Васильевским. Ясно, что византийцы знали о существовании пути из Германии к народу «рос».

Если бы народ «рос» был совершенно неизвестен в Германии, то появление его представителей в Ингельгейме не вызвало бы никаких подозрений, но в том-то и дело, что прибывшие были варягами, а не русскими (*eos gentis esse Sueonum*), что и вызвало подозрение Людовика.

Оснований для подобных подозрений было тем больше, что прием в Ингельгейме происходил в особых условиях. Людовик готовился к войне против сыновей и вел переговоры с соседними славянскими племенами. Нет никакого основания отождествлять народ «рос» со шведами, так как расследование именно показало, что присланные называли себя народом «рос», а в действительности были шведами. Перед нами явление, отмеченное уже ранее: варяжские наемники называют себя народом «рос», у князей которого они находились на службе. Напомним, что дело происходило на верхнем Дунае, в Ингельгейме, в тех областях, к которым относится Раффельштеттенский устав.

Насколько могли быть древними торговые отношения между Русью и Германией в этой области, показывает одно не лишенное интереса обстоятельство. Суда, причаливавшие в Росодорфе (теперь исчезнувший город между Пассау и Линцем), платили таможенную пошлину в размере полдрахмы, т. е. один скоти (*id est scoti*).² Известно, что в «Русской Правде» словом «скот» обозначаются деньги, отсюда «скотник» — казначей, «скотница» — казна. Уже Болтин указал на связь русского слова «скот» с англосаксонской монетной системой. Перед нами, может быть, один из путей проникновения слова «скот» в значении денег в русский язык. Итак, западноевропейские известия не противоречат, а, скорее, подтверждают наш вывод, что слово «Русь» было местным, славянским и пришло не с севера, а возникло на юге восточного славянства.

¹ ЖМНП, VII, 1888, стр. 9.

² Там же, стр. 4.

Остановимся теперь кратко на византийских свидетельствах, из которых особенно ценные сведения находим у патриарха Фотия и Константина Багрянородного. Теперь уже едва ли кто-нибудь будет отстаивать мнение Куника о том, что беседа Фотия о нашествии Руси написана в 865, а не в 860 г. Фотий высокопарно говорит о Руси: «народ неименитый, народ непочитаемый, народ, поставляемый наравне с рабами, незнатный, но получивший имя со времени похода против нас, незначительный, но получивший значение, униженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства, народ, где-то далеко от нас живущий, варварский, кочующий, гордящийся оружием, неожиданный, незамеченный, без военного искусства».¹

В этих риторических словах бросается в глаза, что народ «рос» упоминается в связи с рабами. Только ли это риторика, или автор имеет в виду какую-то реальность? Вспомним, что рабский рынок в Константинополе довольно часто пополнялся пленными славянскими рабами. Народ «рос», повидимому, напоминал Фотию знакомые образы пленных, которые появлялись на улицах византийской столицы. Народ, напавший на Константинополь, жил где-то далеко от Византии, а это плохо походит на готов, населявших знакомый для греков Крымский полуостров, которых Васильевский принимает за росов, называемых патриархом Фотием. Тот же Фотий пишет, что «росы», «поднявшие руку против государства Ромейского, променяли свое прежнее языческое и нечестивое учение на чистую веру христианскую, ставши в ряд подданных и друзей». Они даже приняли из Византии епископа.

Это известие давно уже сопоставлено со свидетельством жития Кирилла-Первоучителя о русских письменах, найденных им в Херсонесе. Уже В. И. Ламанский убедительно доказал, что речь идет о первом крещении Руси в IX в., о чем сообщает и Фотий. Кирилл прибыл в Херсонес «и обрет ту евангелие и псалтырь рушскими письмены писано, и человека обрет глаголюща тою беседою, и беседовав с ним и силу речи прием, своей беседе прикладая различии письмен, гласнаа и согласнаа, и к богу молитву дръжа, и вскоре начат чести и сказовати, и дивляхуся ему, бога хваляще».²

Как это ни странно, ясное свидетельство о русской грамоте тотчас было принято такими видными учеными, как Голубинский и Васильевский, за указание на готскую азбуку, а русские письмена были признаны готскими. Но ведь известно, что Херсонес был городом, где в большом количестве жили восточные славяне. В договорах Руси с греками подчеркивается особое отношение Херсонеса к Руси, в Херсонесе оказались люди, предавшие город в руки Владимира Святого, позже херсонесцы побили камнями грека, отравившего тмутараканского князя Ростислава Владимировича. Не случайно и автор X в., черноризец Храбр, говорит, что до изобретения грамоты Кириллом славяне пользовались несовершенной азбукой, «чертами и резами», а также латинским и греческим алфавитом. Нам понятны слова жития о том, что Кирилл беседовал с человеком, читавшим псалтырь и евангелие на славянском языке, так как Кирилл сам был славянином; но каким образом Кирилл мог беседовать с готом, не зная готского языка, остается непонятным.

Очень решительным доказательством «скандинавского» происхождения слова «Русь» обычно считаются «русские» названия днепровских порогов у Константина Багрянородного, автора X в. По его словам,

¹ Г. Е. Кочин. Памятники истории Киевского государства. 1936, стр. 26.

² В. И. Ламанский. Указ. соч., стр. 18.

первый порог носил название Эссупи, что по-русски и по-славянски значило «не спи». Второй порог по-русски назывался Улворси, а по-славянски Островунипраг, что значит «остров порога». Третий назывался Геландри, что по-славянски означало «шум порога». Четвертый порог именовался по-русски Аифор, а по-славянски Неясыть, потому что в камнях его гнездились печенег. Пятый порог по-русски назывался Варуфорос, а по-славянски Вульнипраг, потому что он образовывал большую заводь. Шестой по-русски носил название Леанти, а по-славянски Веруци, что значит бурление воды. Седьмой порог по-русски назывался Струкун, а по-славянски Напрези, что значило «малый порог».¹

Составив список названий порогов на обоих языках, мы получим такой порядок: к русским отнесены Эссупи, Улворси, Аифор, Варуфорос, Леанти, Струкун, к славянским — Эссупи, Островунипраг, Геландри, Неясыть, Вульнипраг, Веруци, Напрези. Надо признать, что русские названия легче всего объясняются из скандинавских корней, тогда как славянский ряд названий производится из корней славянского языка, хотя гаданья Томсена и некоторых других авторов такого же толка о происхождении названий отдельных порогов имеют чрезмерно гипотетический характер. Но обычный вывод из этого наблюдения, сводящийся к тому, что русский язык означает скандинавский, представляется опрометчивым. Ведь список порогов, данный Константином Багрянородным, дошел до нас в явно дефектном виде. Славянское название Геландри, например, звучит не по-славянски; в свою очередь «русское» название Струкун найдет себе объяснение и в славянских языках.

Историк вообще не может обойти вопрос о тех источниках, которыми пользовался Константин Багрянородный при рассказе о порогах. Этот источник давал хорошие сведения о славянских названиях порогов, но эти сведения были не восточно-, а южнославянского происхождения, вследствие чего мы везде находим «праг», а не русский «порог». Можно думать, что славянские названия порогов у Константина Багрянородного были переданы ему каким-либо болгаринном, ходившим для торговли в Русь. Кто же сообщил «русские» названия порогов? Наряду с порогами Константин Багрянородный называет русские города, притом в наредкость испорченном виде, так что мы едва можем узнать в Милиниси — Смоленск, в Чернигога — Чернигов, в Телюце — Любечь, а название киевской крепости Самватас до сих пор служит камнем преткновения для лингвистов.

Кто же сообщил Константину Багрянородному испорченные названия русских городов? Конечно, тот же, кто Новгород называл Немогард с явным скандинавским окончанием на «гард», т. е. какой-нибудь варяг. Варяжский источник Константина Багрянородного и сообщил ему «русские» названия порогов в скандинавской окраске. Поэтому совершенно прав С. В. Юшков, когда он пишет, что русские названия являются не переводами славянских названий, а двумя разными географическими номенклатурами.² Позднейшие названия днепровских порогов звучат по-иному, чем славянские и «русские» названия у Константина Багрянородного. Каковы же они были в древности — не знаем, хотя древние названия многих урочищ Киевской Руси, запустевших во времена монгольских погромов, сохранились до сих пор. Путешествия варягов по Днепру нашли отражение в названии некоторых порогов, а визан-

¹ Известия византийских писателей о северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, в. 91, М.—Л., 1934, стр. 9.

² С. В. Ю ш к о в. История государства и права СССР, ч. I. М., 1940, стр. 43.

тийцы явно путали «Русь» с варягами, приходившими из Руси и служившими в византийских войсках.

Но у Константина Багрянородного есть еще некоторые сведения, показывающие, что в его время с областью руссов соединялось представление именно о Киевской земле. Он говорит, что Игорь был русским князем, совершенно так же, как называет Игоря летописец, заявляющий устами древлян, что они убили русского князя. Лодки собираются в Киеве, где их продают русским. Князья «выходят со всеми Руссами из Киева и отправляются в полудье и именно в славянские земли Вервианов, Другувитов, Кривичей, Севериев и остальных славян, платящих дань Руссам».¹

В этих словах видят прямое указание на отличие руссов от славян, им подчиненных. Безмолвно признается тем самым, что даже в юность Святослава руссы были особым народом и, значит, говорили не по-славянски, а на скандинавских языках. При этом не замечено только одно: среди подвластных руссам племен названы дреговичи, кривичи, северяне, нет только полян и древлян, а ведь те и другие должны были являться в первую очередь данниками руссов, если в последних признавать норманнов. Но отсутствие упоминания о полянах и древлянах понятно, ибо они и были Русью, т. е. жителями Киевской земли. Сильный варяжский элемент, окрашивавший дружину Игоря (о чем можно судить по именам Свенельда и Асмуда), заставлял византийцев видеть в руссах особый народ, подчинивший себе окрестных славян.

Последняя серия известий о древней Руси представлена трудами восточных, в основном арабских авторов, из которых для нас имеют интерес только древнейшие известия. На первом месте стоит «Книга путей и царств» Ибн-Хордадбе, писавшего примерно в шестидесятых годах IX в. «Что же касается пути купцов Руси, — сообщает Ибн-Хордадбе, а они принадлежат к славянам, то они вывозят меха бобров, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румскому морю, и царь Рума берет с них десятину. А если желают, то ездят Танасом, рекой Славян, проходят через Камлидж, столицу хазар, там их владетель берет с них десятину. Затем они плавают по морю Джурджана и выходят на любой им берег (диаметр же этого моря 500 фарсангов). Иногда они возят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад. Евнухи-славяне бывают здесь у них за переводчиков. Они выдают себя за христиан и потому платят подушную подать». Свидетельство Ибн-Хордадбе настолько красноречиво говорит в пользу славянского происхождения Руси, что не требует комментария. Замечательнее всего, что русские выдают себя за христиан, что перекликается с известием о русских письменах в житии Кирилла, славянский же характер языка русских подчеркивается тем, что переводчиками для них служат евнухи-славяне.

Близкие к приведенному выше свидетельству строки читаем у Аль-Джайхани, писателя конца IX — начала X в. Он пишет, что «Русы состоят из трех родов: 1) Русы, живущие в ближайшем соседстве с Булгаром, владетель этих русов живет в городе, называемом Куйаб; 2) Славия; 3) Тания». Нам нет никакой нужды вступать в длинные рассуждения о том, что такое Славия и Тания. Достаточно отметить, что Киев (Куйаб) как столица руссов уже был известен в это время в странах арабского халифата.

Более подробны и в то же время более неясны свидетельства арабских авторов X в. Ибн-Русте уже отличает Русь от славян, оба эти

¹ Известия ГАИМК, в. 91, стр. 10.

народа враждуют между собой. Замечательнее всего, что «Русь» имеет царя, который зовется хахан-рус, что совпадает с известием Бертинских летописей. Крайняя путанность восточных известий не позволяет воспользоваться ими для нашей темы. Отметим только, что арабские писатели IX в. считают русских славянами, а писатели X в. уже отличают славян от русских, что зависело от целого ряда причин, на которых мы сейчас остановимся.

Представление о варяжском происхождении Русского государства все еще держится на догадках о вековой отсталости Восточной Европы от Запада. Между тем уже в период господства готов в III—IV вв. среди славян выделились отдельные князья. Славянские племена стали объединяться для общей борьбы с готами, и предание сохранило нам имя одного из таких князей — Божа. Готский король «двинул новую силу в пределы антов и напал на них. В первом столкновении он потерпел поражение, но затем повел дело храбро и ради наводящего ужас примера распял вождя их Божа с сыновьями и 70 старшими вельможами».¹

Современная историческая наука признала неоспоримым фактом, что под именем антов в ранних византийских источниках выступают предки восточных славян.² Поэтому академик Б. Д. Греков вполне основательно отмечает «факт объединения огромных масс славян под единой властью в V в.».³ Самое имя Бож может быть сопоставлено с племенным названием бужан, живших по Западному Бугу, с городом Бужском (или Бозком!), известным уже со времени Киевского государства. Текст Иордана не оставляет сомнений в том, что Бож был князем, окруженным начальниками или боярами. Говоря о войнах славян с Византией, Б. Д. Греков в своей примечательной книге о начале русского государства делает такой вывод: «Славяне для проведения до конца своей борьбы и для укрепления своих побед должны были организоваться. Толпа народа не могла победить Империю».⁴

Если наше предположение о связи Божа со страной бужан имеет некоторые основания считаться достоверным, то другое свидетельство о возникновении славянского центра в бассейне Западного Буга получает особое значение. Арабский писатель X в. Аль-Масуди сообщает, что славяне составляют разные племена и имеют своих царей. «Некоторые из них исповедуют христианскую веру по якобитскому толку, некоторые же не имеют писания, не повинуются законам; они язычники и ничего не знают о законах. Из этих племен одно имело прежде власть (над ними), его царя называли Маджак, а самое племя называлось Валинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена, ибо верховная (власть) была у него и прочие цари ему повиновались». В другом месте своего сочинения Аль-Масуди еще раз называет Маджака, царя Валинаны, — племени, которое некогда имело превосходство над другими славянскими племенами.

В. О. Ключевский связывал предание о волинянах у Масуди с летописным преданием о дулебах, примученных аvaraми (обрами), о гибели которых на Руси сохранялась пословица (притча) еще в XI в. Мысль В. О. Ключевского в настоящее время поддержана и развита в виде

¹ А. В. Мишулин. Материалы к истории древних славян. Вестник древней истории, № 1, 1941, стр. 233.

² Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930.

³ Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. Ташкент, 1942, стр. 22.

⁴ Там же, стр. 25.

законченного построения Б. Д. Грековым в его исследовании «Борьба Руси за создание своего государства». Напомним, что царь аваров именовал себя каганом. Быстрая гибель авар объясняется не только их внешними поражениями, но и восстаниями против них славянских племен. На месте аварского каганата состоялось объединение славянских племен, глава которого принял титул аварских властителей; вместо аварского кагана появился хахан-рус.

Итак, существование славянских княжеств на протяжении IV—VIII вв. и притом княжеств на территории восточных славян может считаться доказанным. Недаром же среди русских городов нельзя указать ни одного со скандинавским названием. Новгород, Смоленск, Полоцк, Киев и другие древние города носят славянские названия. Следовательно, варяги явились позже основания древнейших русских городов. Город — носитель культуры. Значит, русская культура начала складываться среди восточных славян задолго и вне варяжского влияния.

✓ Среди восточных славян в VIII—IX вв. стало выделяться племя, жившее по среднему течению Днепра, в области полян, в древней культурной области, где когда-то была распространена трипольская культура. Но где первоначально находились поселения полян, самое имя которых обозначает людей, сидевших «в полях», тогда как окрестности Киева были лесистыми и город был окружен «великим бором», о чем еще помнил летописец? Трудно сомневаться в том, что основная масса полян жила к югу от Киева до реки Роси и по течению этой реки и ее притока Россавы. Здесь при впадении Роси в Днепр находился летописный город Родня, остатки которого видят в Княжьей горе, богатой археологическими находками. Сюда в град Родню «на устьи Роси» бежит Ярополк из Киева, убегая от своего брата Владимира Святого. Итак, Рось, Россавы, Родня соединены в одном месте.

✓ Река Рось — только небольшой приток Днепра, впадающий в него с правой стороны. Однако весь бассейн Роси обильно усеян городищами. «Города по среднему течению Днепра, — пишет Ю. В. Готье, — примерно от Киева до порогов существовали задолго до возникновения Киевской державы, но приурочивать их к определенным местам и тем более к позднейшим городам, известным из русских летописей, нет пока никаких оснований. А между тем эти города, действительно, существовали. Некоторые из них, вроде Киева, продолжают жить и до настоящего времени; память о других дошла до нас в виде городищ, которых в одной только Киевской губернии обнаружено свыше 400».¹ Центром указанной местности был бассейн Роси. Быть может, первоначальное название Роси распространялось на все среднее течение Днепра, а корень Рось, возможно, уже заключен в геродотовском названии Днепра — Борисфен. В области полян, по которой протекала река Рось, находим в IX—XIII вв. Русь, как об этом согласно показывают летописные свидетельства. Не варяги называли страну полян Русью, а осевшие в Киеве «словени и варязи и прочие прозвашася Русью».

Почему же в X в. иностранные источники начинают упорно говорить о варягах и путать их с Русью? Потому, что в X в. происходят новые события; в среднее Приднепровье вторгаются с севера варяги, уже осевшие в Новгороде. О завоевании Киева князем Олегом хорошо помнил летописец; он помнил и о том, что до Олега в Киеве сидели свои князья, как это отметил и Длугош на основании древних источ-

¹ Ю. В. Готье. Цит. соч., стр. 232.

ников. Варяжская дружина сопровождает Олега в его походах и сама начинает называть себя Русью. Но древние предания о славянских князьях хорошо были известны еще в начале XI в., во время борьбы Святополка с Ярославом, и нашли свое отражение в «Повести временных лет». Русь — это поляне, жители Киева. Однако с этим представлением не мирилось представление о варяжском происхождении династии Рюриковичей, не мирилось сознание того, что верхушку дружины в X в. составляли варяги. В X в. и начале XI в. идет непрерывная борьба между Новгородом и Киевом. В этой борьбе победа остается за новгородскими князьями, опиравшимися на варягов. Отсюда домysel летописца, который столько лет мешал правильному пониманию исторического процесса в Восточной Европе. Исторической науке пора уже отказаться от домysлов XI в. и сделать единственный возможный вывод о происхождении слова «Русь».

✓ Название «Русь» — древнее прозвище Киевской земли, страны полян, известное уже в первой половине IX в., задолго до завоевания Киева северными князьями.¹

¹ К этому же выводу около ста лет тому назад пришел А. Федотов в статье «О значении слова «Русь» в наших летописях» (Русский историч. журнал, т. I, стр. 104—121), теперь основательно забытой.

Б. А. Рыбаков

Поляне и северяне¹

(К вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре)

Размещение русских летописных племен на Днепре никогда не вызывало особых разногласий в нашей историко-географической литературе.

На всех исторических картах основные контуры племен размещены одинаково: в верховьях Днепра — кривичи со своим городом Смоленском, ниже — дреговичи и радимичи; в районе Киева и Переяславля Днепр отделяет правобережных полян от северян, которым отводятся весь левый берег Днепра и огромные пространства на восток вплоть до Дона.

Однако это установившееся распределение племен нуждается в коренном пересмотре, так как все более и более вступает в противоречие с накапливающимся новым материалом.

Прежде чем перейти к пересмотру традиционных взглядов, остановлюсь на основных историко-географических работах, затрагивающих размещение среднеднепровских племен и в первую очередь полян и северян.

Н. П. Барсов, подводя итоги всему сделанному в этой области, категорически утверждает, что полянам принадлежал правый берег Днепра, а северянам — весь левый с городами Любечем, Черниговом, Переяславом и Курском.²

М. С. Грушевский, изучая специально Киевскую землю, пришел к выводу, что племя полян занимало небольшую территорию на правом берегу Днепра, ограниченную в северной части городами Вышгородом, Белгородом и Василевом, а на юге доходившую в лучшие времена до р. Роси, а под натиском кочевников сократившуюся до берегов Стугны.³

Северянам он отводит также весь левый берег, считая их самым крупным из южнорусских племен. Для объяснения крайней незначительности территории полян, противоречащей их историческому удель-

¹ Переработанный доклад, сделанный на сессии по этногенезу славян (Москва, декабрь 1943 г.).

² Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 128—129 и 147.

³ Михайло Грушевський. Історія України-Руси. т. I. Львів. 1904. стр. 167—168. В этой и последующих работах М. С. Грушевский считал, что поляне ранее находились южнее, в настоящем «поле», и лишь впоследствии продвинулись на север, в киевское Полесье.

ному весу, Грушевский вынужден прибегать к различным натяжкам. Днепр признавался им «исконной границей полян и северян».

С. М. Середонин в своем курсе исторической географии размещает полян на правом берегу (расширяя их землю далеко на юго-восток), а северян локализует в левобережье, доводя границу северян до верховьев Десны и Оки.¹

Совершенно так же определяют границы северян многочисленные авторы монографий, посвященных левобережью Днепра: П. В. Голубовский, Д. И. Багалея, В. Ляскоронский, А. Андриашев и новейший исследователь — В. В. Мавродин.²

Признание Днепра границей между полянами и северянами стало настолько общим местом, что исследователи даже не считали нужным аргументировать свои положения и терминологию. «Северянская Черниговщина», «Северянская Переяславщина» — эти словосочетания стали обычными в историко-географической литературе.

Археологическая литература, посвященная племенам среднего Приднепровья, не занималась пересмотром установившегося взгляда, а лишь вписывала разнообразные археологические материалы в контуры племенных границ полян и северян, очерченные так, как было изложено выше. Д. Я. Самоквасов, посвятивший целый ряд работ северянским древностям, при определении племенной принадлежности курганов исходил из заранее обрисованной территории: все, что найдено близ Чернигова, Любеча, Переяславля, является северянским.³

Неудивительно, что древности северян при таком методе оказывались чрезвычайно пестрыми и разнохарактерными. А. А. Спицын в своей замечательной работе о расселении русских племен пошел по тому же пути, но отметил смешанный состав населения северянской области.⁴ Обобщающие работы Ю. В. Готье и Л. Г. Нидерле также считают Днепр постоянной границей между полянами и северянами.⁵

Противоречие между маленькой территорией полян и их важным историческим значением, с одной стороны, и огромной землей северян и их скромной ролью, — с другой, давно уже замечалось историками, но не побуждало к пересмотру самых основ размещения племен.

Рассмотрим вначале те летописные свидетельства, на основании которых производится определение племенных границ. Все сведения о полянах и северянах содержатся только в «Повести временных лет» и во включенных в нее «Древнейшем Киевском своде» 1039 г. и «Начальном своде» 1093 г.

Принимая шахматовское расчленение отдельных отрывков, рассмотрим сведения об интересующих нас племенах в порядке хронологии источников.

1. «Древнейший Киевский свод» 1039 г. Свод передает легенду о трех братьях: Кие, Щеке и Хориве, сообщая, что они «бяху мужи мудри и смыслени и нарицахуся Поляне. От них же суть Поляне Кыеве и до сего дне».⁶ После смерти трех братьев поляне были

¹ С. М. Середонин. Русская историческая география. Карта.

² В. В. Мавродин. Очерки истории левобережной Украины. М., 1940, стр. 54.

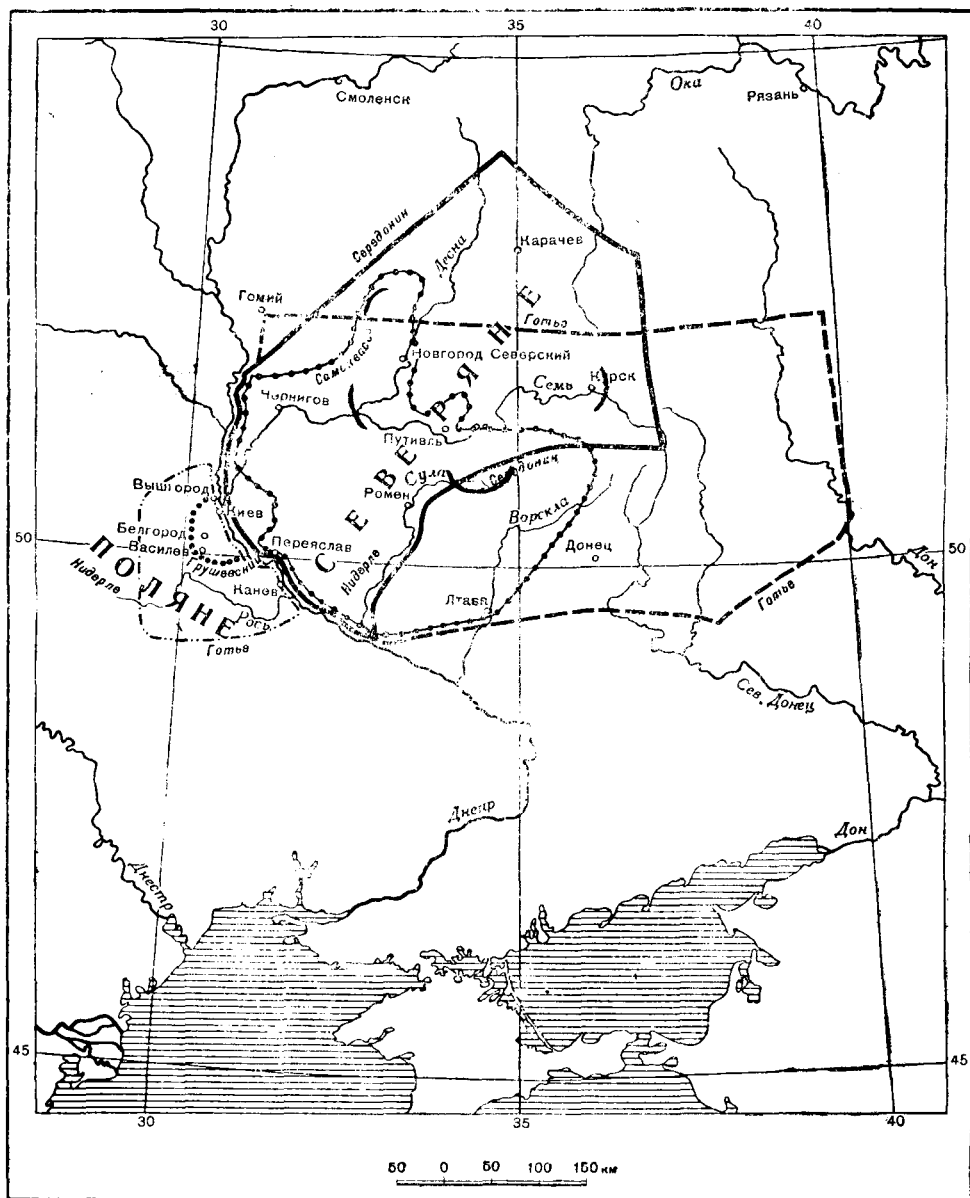
³ Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.

⁴ А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, VIII, 1899, стр. 340.

⁵ Ю. В. Готье. Железный век в восточной Европе. М., 1930. Карта. Восточный рубеж северянской земли лежит за Доном; Lubor Niederle. Slovanské starožitnosti. Původ a počátky slovanů východních. Praha, 1925, p. 178, 182.

⁶ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Пг., 1916, стр. 9 и 364.

«обидимы от Древлян». Далее передается легенда о полянских мечях, которыми они платили дань хазарам. Указан приход Аскольда и Дира,



Карта 1. Размещение полян и северян по данным Самоквасова, Середонина, Нидерле, Грушевского и Готье

которые «беста княжаща Кыеве и владеюща Полями»; отмечена вражда полян с древлянами и уличами.

Далее описываются вокняжение Игоря в Кыеве и войны Игоря и Свенельда с древлянами и уличами.

Отрывки Древнейшего свода в историко-географическом отношении мало интересны. Единственный прямой вывод: поляне находились на Днепре, а их главным городом был Киев, где поляне сохранились до начала XI в. Интересующий нас вопрос о Днепре как о границе между племенами здесь совершенно не затронут.

2. «Начальный свод» 1093 г. Начинаясь величественным сопоставлением Киева с Римом и Александрией, этот Свод дополняет лишь сведения о походе 921 г., когда «Игорь и Ольг пристроиста вои многи: Варяги и Поляны и Словены и Кривиче...».

3. «Повесть временных лет». Указано поселение полян на Днепре, отмечается, что они живут на пути из варяг в греки (но на каком берегу Днепра — не сказано). О северянах сказано: «... а друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле и нарекошася Север».

Эта фраза послужила основой для представлений о северянской территории. Обычно слова летописи понимались так, что северяне занимали все течение указанных рек, хотя против такого расширительного понимания предостерегает летописный текст о дреговичах: их территория указана «между Припятью и Двиной», тогда как на основании летописного же рассказа 1127 г. уже на середине этого пространства, близ Борисова и Минска, начинались земли кривичей, тянувшиеся далее на север до Двины. Следовательно, фраза «между Припятью и Двиной» должна пониматься ограничительно, а не в том смысле, что «от Припяти до Двины». То же самое можно сказать и о радимичах и о вятичах, занимавших лишь часть течения тех рек, которые упомянуты Нестором в качестве географического признака. В дальнейшем придется еще вернуться к вопросу о том, в каких пределах течение рек Десны, Сулы и Сейма было северянским. Пока отмечу лишь необходимость осторожного толкования подобных географических определений.

Далее «Повесть временных лет» приводит легенду о Кие, его походах в Царьград и на Дунай. Перечисляются племенные княжения (не указаны княжения радимичей, вятичей и северян). Описываются хорошие обычаи полян и «зверинские» обычаи соседей. Северяне вторично поставлены в одну группу с радимичами и вятичами. Отмечено, что северяне живут в лесах. При перечислении племен, плативших дань хазарам, упомянуты поляне, северяне и вятичи.

Аскольд и Дир владеют Польской (Полянской) землей. Олег с северными войми завоевывает среднее Приднепровье в таком порядке: Любеч, Киев, древляне, северяне, радимичи.

Этот отрывок, искусственное распределение которого по отдельным годам неоднократно отмечалось исследователями, все же очень важен для понимания среднеднепровской географии. Часто историки, перелагая этот отрывок, пишут, что Олег взял северянский город Любеч. Но северяне названы отдельно, и у нас нет никакого права приписывать им Любеч. Отмечу, кстати, что в летописи ни разу ни один город не фигурирует в качестве северянского.

Принадлежность северянам Любеча является лишь кабинетным домыслом, основанным на априорном утверждении, что все левобережье принадлежит северянам.

Далее для нас интересно примечание Нестора, относящееся к распространению славянского языка: «аше и Поляне звахуса, но словеньска речь бе; Полями же прозвашася, зане в поли сediaху».

Это место вызвало многочисленные комментарии, так как находится в явном противоречии с природой окрестностей Киева и ее описанием в летописи («баше около града лес и бор велик»). Одни исследователи

считали, что Нестор просто увлекся примитивной этимологией и написал это примечание вопреки реальному положению, другие же, признавая историческую добросовестность летописца, считали, что большая часть племени полян была расположена южнее Киева, в лесостепной зоне. М. С. Грушевский полагал, что поляне лишь впоследствии, в результате натиска кочевников, продвинулись из своих южных полей в северные киевские леса.¹

Думаю, что если бы реальная территория полян ограничивалась только Киевским полесем, то едва ли автор «Повести» стал бы приводить свою этимологию (от «поле»), которая показалась бы странной любому читателю киевской летописи в XII в. Гипотеза М. С. Грушевского представляется более убедительной.

Еще раз имя полян и северян встречается в «Повести временных лет» в связи с походом Олега 907 г., в котором оба эти племена принимали участие.

В пересказе мирных условий с Византией речь идет о Руси, приходящей с куплей. Далее следует перечисление городов, входящих в состав этой Руси: «Первое от града Кыева и пакы ис Чернигова и ис Переяславля». Эта же формула точно повторена в тексте договора 944 г. Это наиболее раннее территориальное определение собственно Русской земли, т. е. Руси среднеднепровской. Оно совпадает с позднейшим определением Руси XI—XII вв., в состав которой также входили Киев, Чернигов и Переяславль Русский. Если понятие Руси расширялось за эти пределы, то уже настолько, что включало в себя всех русских, всех восточных славян; Русь же в узком смысле всегда ограничивалась в представлении современников этими тремя городами на среднем Днепре.

Политическая близость обоих берегов Днепра еще раз подтверждена рассказом о деятельности Ольги, уставившей перевесища и по Днепру, и по Десне.

Последний раз поляне упоминаются в 944 г. как участники похода Игоря на Византию. Далее их имя исчезает со страниц летописи, и позднейшие источники XII—XIII вв. уже поясняют нам причины этого исчезновения: «Поляне, яже ныне зовомая Русь» (Лаврентьевская летопись).

Так, термин Русь, применявшийся к обоим берегам среднего Днепра, вытеснил собой термин поляне, или поли. О северянах летопись говорит последний раз под 1024 г. (термины «Северские города», «Северская земля» держатся значительно дольше, вплоть до XVII в.).

Мстислав Владимирович Тмутараканский с хазарами и касогами отправился завоевывать княжение своего брата Ярослава, отлучившегося в Новгород. Киевляне не приняли Мстислава, и он сделал столицей своего княжества ближайший к Киеву крупный город — Чернигов. Битва между Ярославом и Мстиславом произошла у Листвена. «Мстислав же с вечера исполни дружину и постави Север в чело противу варягам, а сам ста с дружиною своею по крилома».

Наутро после победы Мстислав произнес известную фразу: «Кто сему не рад? Се лежит Северянин, а се Варяг, а дружина своя цела». Из этой фразы посредством цепи логических соображений обычно делался вывод, что северяне — жители Чернигова, хотя источник уполномочивает нас только на одно утверждение: в головных полках обоих войск стояли наемные варяги и северяне, очевидно, тоже наемные.

¹ М. Грушевський. Указ. соч., стр. 167.

Связь северян с Черниговом совершенно не вытекает из прямого понимания текста.

Далее в летописи следует описание событий, послуживших фундаментом для теории об «исконном порубежном значении Днепра». «И разделиста по Днепр Русьскую землю Ярослав прия сю сторону, а Мьстислав ону» (1026 г.). На самом же деле этот раздел явился нововведением, результатом победы Мстислава. Как победитель он берет себе половину владений Ярослава, рассекая для этого Русскую землю, дотоле единую, на две половины. Ни о какой исконной границе по Днепру здесь речи нет. Тотчас же после смерти Мстислава в 1036 г. единство Русской земли было восстановлено: «Пряя власть его всю Ярослав и бысть самовластец Русьстей земли».

Подводя итоги обзору летописных упоминаний о полянах и северянах, можно сказать, что в нашем распоряжении нет ни одного бесспорного свидетельства о размещении этих племен по отношению к Днепру. Только расширительное толкование фразы «...седоша по Десне и по Семи и по Суле и нарекошася Север» позволило историкам отнести северянам весь левый берег Днепра с Любечем, Черниговом, Переяславлем Русским, хотя ни один из этих городов не выступает с эпитетом «Северский».

Текст «Повести временных лет» дает право объединять Киев, Чернигов и Переяславль в одно целое. Этим целым была «Русь», заменившая собой название «Поляне».

При неопределенности и отрывочности летописных данных произведенный выше анализ их сам по себе не достаточно убедителен и должен быть подкреплён дополнительными материалами. Приведу эти материалы отдельно по каждому племени.

1. Северяне

У Летописные термины, связанные с северянами, все тянут на восток от Чернигова и Переяславля: Новгород-Северский, Севск, Северский Донец.

Под 1183 г. упоминаются северские города при следующих обстоятельствах: князь Глеб Владимирович, обидевшись на Игоря Святославича Северского за то, что он не пустил его «ехать наперед», отправился грабить его вотчину — северские города.¹ В данном случае северские города, принадлежавшие новгород-северскому князю, противопоставлялись городам черниговским и переяславским, где в это время были свои князья.²

Северское княжество в XII в. рисуется нам в следующих пределах: вверх по Десне оно подходило к Брянску, вниз по Десне — до устья р. Сейма, на востоке доходило до Курска, а на юге шло по левому берегу Сейма, доходя до Выря. Таким образом, Северское княжество занимало среднее течение Десны, все течение Сейма и доходило в районе Выря до верховьев Сулы.³

Столица княжества Новгород-Северский, лежала на Десне. Западная граница проходила далеко от Днепра на линии Стародуб — устье Сейма.

¹ Ипатьевская летопись (1183 г.).

² К сожалению, летопись не называет ни одного города. Думаю, что речь шла о южных городах Северного княжества: Рыльске, Путивле, Глухове, Воронеже, Выре, ибо обиженный Глеб Владимирович возвращался из похода против половцев.

³ Б. А. Рыбаков. Восточная Европа в X—XII вв. Карта. Изд. ГУТСК. М., 1935.

Термины: Север, Северская земля, Севера встречаются нам часто и в более позднее время, но всегда прилагаются к этому же району.

С картой Новгород-Северского княжества XII в. интересно сопоставить данные о Северской земле XIV—XVII вв. Здесь мы прежде всего сталкиваемся с определенной группой населения Посемья — «севруками», которые по документам XVI—XVII вв. известны в районе Путивля и Рыльска.¹ В этих севруках справедливо видят потомков северян.

Интереснейшим историко-географическим документом является карта русских великих и удельных княжеств, дошедшая до нас в поздних копиях французских географов Гильома Сансона (1674 г.) и Гильома Делиля (1706 г.).² Границы княжеств относятся к XV в., но в некоторых случаях восходят к еще более раннему времени.

Северское княжество (*Duché de Severie*) на этой карте также занимает только среднее течение Десны и нижнее течение Сейма и по отношению к границам XII в. сдвинуто несколько к северу, захватывая Брянск и Карачев. Но западная его граница точно совпадает с границей XII в. и также далеко на восток отстоит и от Днепра и от Чернигова с Переяславом.³

По документам XVI—XVII вв. Северская земля опять-таки выступает в составе только средnedеснинских городов (Новгород-Северский, Трубчевск) и Посемья (Рыльск, Путивль). Такое же обособление Посемья от более западных районов, прилегающих к Днепру, дает нам и современная диалектология.

М. Халанский, изучая говоры Курской губернии, пришел к выводу, что в нижнем течении Сейма сохранился диалект, отличный и от украинского, и от русского. Население этих сел называлось «горюнами» и заметно отличалось своеобразной одеждой; горюны сохранили много архаичных черт в своем фольклоре.⁴

¹ В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 61.

² Guillaume Sanson. Carte de Moscovie ou Russie Blanche. Paris, 1674. Карта позднее не переиздавалась. Экземпляр ее с акварельной раскраской границ княжеств отыскан мной в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Guillaume De l'Isle Carte de Moscovie. Paris, 1706. Экземпляры этой карты имеются в Киеве и в Историческом музее в Москве. Часть карты издана В. Кордтом; полностью же она не воспроизводилась. Намереваясь посвятить детальному разбору обеих карт специальное исследование, изложу основные выводы: обе карты являются копиями русских оригиналов, попавших во Францию при посредстве дипломатов (стольника Потемкина в 1656 г. и А. А. Матвеева в 1705 г.). Оба русских экземпляра восходят к протооригиналу, составленному около 1524 г. кружком московских гуманистов, являвшихся информаторами С. Герберштейна. Последний пользовался этой картой при составлении своего описания Московии, но опубликованная им карта очень схематична и не идет в сравнение с детальной и точной русской картой 1524 г. Источниками при составлении карты послужили писцовые и межевые книги XV — начала XVI вв.

³ На всех иностранных картах XVI—XVII вв. надпись *Severia* точно совпадает с обозначенными мной границами Северского княжества в XII в. Некоторое вытягивание северной границы княжества, может быть, подтверждает мнение Н. П. Барсова и М. К. Любавского о небольшом колонизационном движении северян в междуречье Десны и Оки между радимичами и вятичами.

⁴ М. Халанский. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904, стр. 1—29. В каком отношении «горюны» XIX в. стоят к «севрукам» XVI—XVII вв. — неясно, но важно отметить географическое совпадение этих особых групп. М. Халанский для объяснения термина «горюны» привлек данные Татищева, взятые последним из Иоакимовской летописи «Славяне, живущие по Днепру, зовомии Поляне и Горяне...». См. В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, ч. I, М., 1768, стр. 35. Место это не заслуживает никакого доверия, а по его прямому смыслу относится к правобережному населению. Отмечу попутно, что Татищев размещал полян на обоих берегах Днепра (см. указ. соч., стр. 465).

✓ В. В. Мавродин убедительно доказывает, что «Горюны на Сейме — это остатки древних северян, уцелевших среди колонизационных потоков нового населения XVI—XVIII вв.».¹

Итак, начиная с XII в., все письменные источники, старинные карты и данные этнографии определяют местоположение Северской земли в пределах Новгорода-Северского, Севска, Путивля, Рыльска, т. е. на средней Десне и на Сейме.

Нам остается рассмотреть археологический материал, который зачастую оказывается решающим при определении точных палеоэтнографических племенных границ. Впервые данные археологии для решения вопроса о северянах были привлечены неутомимым энтузиастом-археологом Д. Я. Самоквасовым. В 1870 г. он начал обследование городищ близ Новгорода-Северского, а в 1872—1873 гг. расширил район своих работ и осмотрел городища Курской, Орловской, Полтавской, Киевской и Черниговской губерний. Тогда же он приступил к раскопке знаменитой Черной Могилы в Чернигове и других замечательных курганов близ Чернигова и Седнева, которые все были заранее объявлены им северянскими на том основании, что все левобережье Днепра считалось северянским.

На III археологическом съезде в Киеве в 1874 г. Д. Я. Самоквасов уже читал реферат «Северянские курганы и их значение для истории». Во время заседаний XIV археологического съезда в Чернигове Д. Я. Самоквасов производил раскопки в окрестностях этого города.²

Итоги своим многолетним работам Д. Я. Самоквасов подвел в 1908 г. в монографии «Северянская земля и северяне по городищам и могилам».³ Он отметил существование четырех типов курганов на Левобережье, выделяемых как по различию способа погребения, так и на основе инвентаря. Исключив почему-то юго-восточные курганы в верховьях р. Псел, Самоквасов остальные три типа курганов объединил под именем северянских, отметив их хронологическую близость. «Русская, именно северянская, народность описанных трех видов курганов доказывается совокупностью следующих данных: известиями русских летописей о Чернигове и Переяславле как политических центрах русского племени северян, обитавших в сказанных городах в X в., к которому относятся монеты, найденные в черниговских курганах; языческим способом погребения... полным сходством по формам и составу предметов быта, найденных в курганах, с кострищами, с погребальными сосудами и с костяками, раскопанными под Черниговым, Седневом, Переяславлем, Стародубом и в других местностях, бывших общественными селитьбами и могилами северян IX—X столетий».⁴

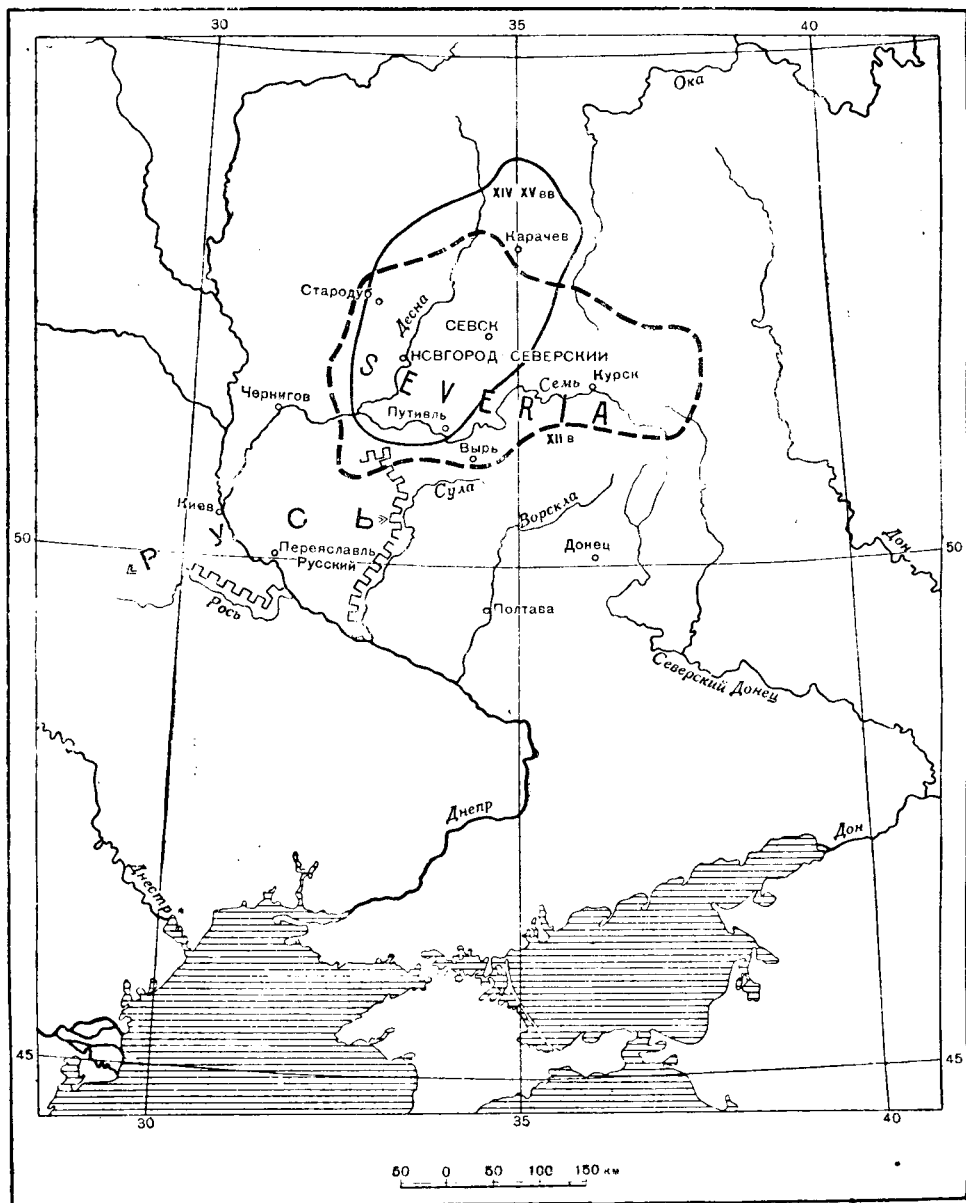
Ошибка Д. Я. Самоквасова заключалась в том, что он игнорировал те глубокие областные различия в одновременных курганах левобережья, которые были выявлены его же раскопками. Исходя из предвзятой мысли, что все левобережье от Чернигова до Курска представляло одну племенную массу, он отметил только разнообразие северянских погребальных обрядов, не задав себе вопроса о том, что, быть может, причина этого разнообразия лежала в сложности этнического состава

¹ В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 62.

² Д. Я. Самоквасов. Раскопки северянских курганов. Труды XIV археологического съезда.

³ Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1906. С рисунками и картой; см. также Д. Я. Самоквасов. Могиленные древности Северянской Черниговщины. М., 1917 г.

⁴ Д. Я. Самоквасов. Северянская земля, стр. 18.



Карта 2. Северская земля и Русь по историческим данным XII—XVII вв.

1. Зигзаговая черта—линия пограничных укреплений, ограждавших в XII в. «Русскую» землю
2. Пунктирная черта—граница «Северской» земли (XII в.)
3. Сплошная черта—«Северская» земля в XIV—XV вв.
4. Надпись «Severia»—расположение «Северской» земли на картах XVI—XVII вв.

населения левого берега Днепра. Археологический материал в данном случае был для него лишь иллюстрацией, а не основой для доказательств. Доказательством попрежнему являлась ссылка на летопись, ценность которой в отношении Чернигова и Переяславля была разобрана нами выше.

Значительно интереснее попытки Самоквасова определить племенные границы по группировке городищ. Основой такого определения служит допущение, что городища являются пограничными крепостями, отделяющими одно племя от другого. Нанеся все известные ему городища днепровского левобережья на карту, Самоквасов обратил внимание на белые пятна этой карты, на те области, в которых не было городищ. Эти необитаемые (а потому и не укрепленные) области он счел пограничными полосами.

Проводя подобное детальное картографирование городищ, Д. Я. Самоквасов находился на верном пути. Там, где не было городищ, не было и курганов; эти пустые полосы представляли собой или болота (Перистое, Замглай), или значительные лесные массивы, которые, действительно, могли в древности служить естественными рубежами. Процесс политической и культурной консолидации родовых групп в племенные и племенных групп в союзы племен протекал в рамках известного географического единства. Там, где это единство нарушалось естественно-географическими рубежами: болотами, лесами, горными хребтами, там устанавливался предел племенному объединению.¹

Граница северянской территории, проведенная Самоквасовым по городищам, действительно в своей северо-западной части может считаться племенной границей. На север от нее расположена территория радимичей, определяемая по всей совокупности археологических признаков.

Ошибочность выводов Самоквасова заключается в том, что он попытался связать некоторые группы городищ с определенными племенами, не проверив эти выводы по другим признакам. Правильно подметив необитаемую пограничную полосу на юге радимичской земли, он без особых оснований поместил южнее этой полосы, в Чернигове; северян. Впрочем, здесь вновь на сцену выступает старое утверждение: «Чернигов — северянский город», повторявшееся столь часто, что привычность этого словосочетания уже избавляла авторов, употреблявших его, от необходимости аргументировать.²

После Самоквасова вопросы расселения упомянутых в летописи русских племен занялся А. А. Спицын. Его обобщающая работа, вышедшая в 1899 г., представляет собой замечательный пример исторической интерпретации археологических данных.³

А. А. Спицын воспринял взгляды Самоквасова на обширность северянской территории и дополнил их выделением спиральных височных колец как специфически северянского украшения, оставив в остальном описательное отношение к разнородным древностям лево-

¹ Ср. Ф. Энгельс. К истории древних германцев. М., 1938, стр. 17. Название области Бранибор Энгельс объясняет как «защитный лес» и отмечает пограничное значение таких лесных массивов.

² Интерес начатой Д. Я. Самоквасовым работы состоит также и в том, что наряду с большими племенными территориями он пытался выделить и группы городищ внутри племен. Он называл их «волостями». Для нижнего течения Десны и Сейма он насчитывает их около десятка. К сожалению, сведения Самоквасова не полны и нуждаются в значительном уточнении. Разведка, произведенная мной в 1935 г. в районе Чернигова и Седнева, а в 1939 г. в районе Гочева, дала ряд городищ, неизвестных Самоквасову, а, с другой стороны, некоторые из холмов, обозначенных у него как городища, при проверке оказались останками на поиме без валов и без культурного слоя. Изучение же методом Самоквасова более точной археологической карты может привести к определению по гнездам городищ тех первичных племенных территорий (очень небольших), из сочетания которых сложились племенные союзы, известные нам из летописи.

³ А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, VIII, 1899. К сожалению, работа не снабжена картой.

бережья и не пытаюсь, исходя непосредственно из данных археологии, определить границы племени.

Итоги археологического изучения северян таковы.

1. Объем северянской территории определялся археологами традиционно со ссылкой на летопись, понимая ее указания расширительно.

2. На северянской территории обнаружено несколько различных, но сосуществующих обрядов погребения: трупосожжение на костре, урна с сожженными костями, погребение в ямах, погребение в срубах. На этом основании А. А. Спицын говорил о смешанном этническом составе Северянской земли.

3. Характерными признаками северянского курганного инвентаря признаны спиральные височные кольца и гривны со сгибными (наголовники).

4. Культура черниговских «Северян» IX—X вв. является очень высокой и находит ближайшие параллели в Киеве. Это стоит в прямом противоречии с характеристикой Нестора, который противопоставляет северян полянам и сближает северян с более отсталыми племенами радимичей и вятичей.

Попробуем проанализировать те местные археологические особенности, которые отмечались уже на обширной территории днепровского левобережья, и связать их с историческими данными. В 1932 г., касаясь радимичско-северянских взаимоотношений, я провел работу по картографированию типов погребений и инвентарей курганов северянского левобережья.¹ Не касаясь ранних курганов с трупосожжением в погребальных урнах, так как они не содержат инвентаря, остановлюсь на основной массе левобережных курганов с трупоположением. Они делаются по обряду погребения на два основных типа: погребения в ямах и погребения на горизонте.²

При нанесении обоих обрядов на карту бросается в глаза их резкая географическая обособленность. Если мы исключим три пункта, в которых встречаются оба обряда (Гочево, Ницаха, Глинск), расположенные непосредственно на границе со степью и имевшие смешанное население (что, вероятно, связано с комплектованием гарнизонов пограничных крепостей), то у нас останется два не совпадающих друг с другом района.

Первый район (погребения в ямах), начинаясь на Днестре близ Любеча, захватывает Чернигов, Стародуб и, не доходя на востоке до Новгорода-Северского и Путивля, поворачивает на юг, достигая Переяславля и Днестра. Внутри этого района имеется значительное неисследованное пространство между Осетром, Нежиным и Прилуками.

Второй район (погребения на горизонте) лежит непосредственно на восток от первого, занимая Десну близ Новгорода-Северского, среднее течение Сейма, Рыльск, Суджу и верховья Сулы.

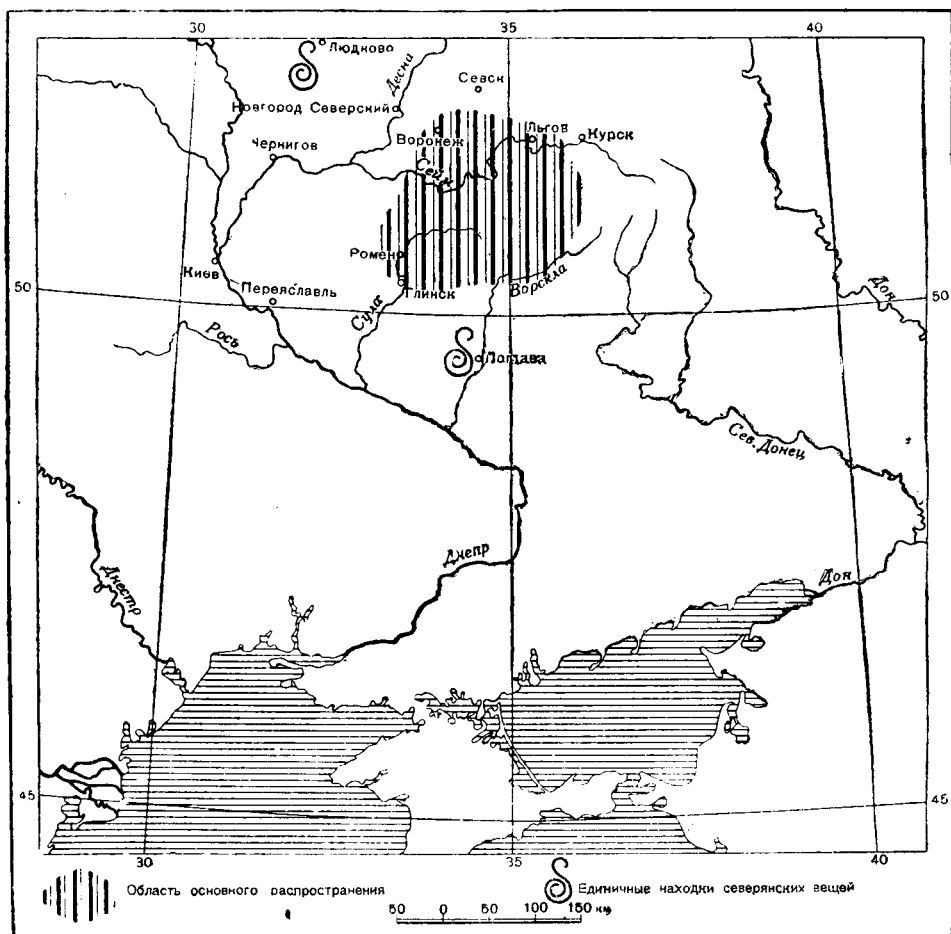
Погребения обоих типов одинаково датированы монетами X—XI вв. (Наср-бен-Ахмед 914—943 гг., Владимир Святославич — 1015 г., епископ Брунон — начало XI в., западные монеты 1037—1054 гг.).

Не менее интересно и картографирование курганных инвентарей.

¹ Б. А. Рыбаков. Радзімічны Менск. 1932, стр. 139.

² Курганы с ямами встречены в следующих пунктах: Болдино, Стрижень, Гушино (все три — близ Чернигова), Седнев, Мишкин, Березна, Боромык, Мена, Бахмач, Лариновка, Хворостовичи, Мериновка, Замчище, Глинск, Медвежье, Липовое, Переяславль, Любеч, Селище, Гочево, Ницаха, Липовицы, Липлява. Курганы с погребением на горизонте: Новгород-Северский, Волокитино, Белогорье, Гочево, Мирополье, Глинск, Студенец, Броварки, Ницаха.

Черниговская половина области ямных погребений содержит очень мало вещей. Особый вариант ямных погребений составляют курганы со срубными камерами (Шестовицы и Гушино близ Чернигова, Седнев, Левинка близ Стародуба). Там мы встречаем дружинные погребения, аналогичные киевским: воин с убитой рабыней, с конем и оружием. Дата их — также X в. В переяславльской же половине этой области вещи встречены часто. Наиболее характерной находкой следует считать

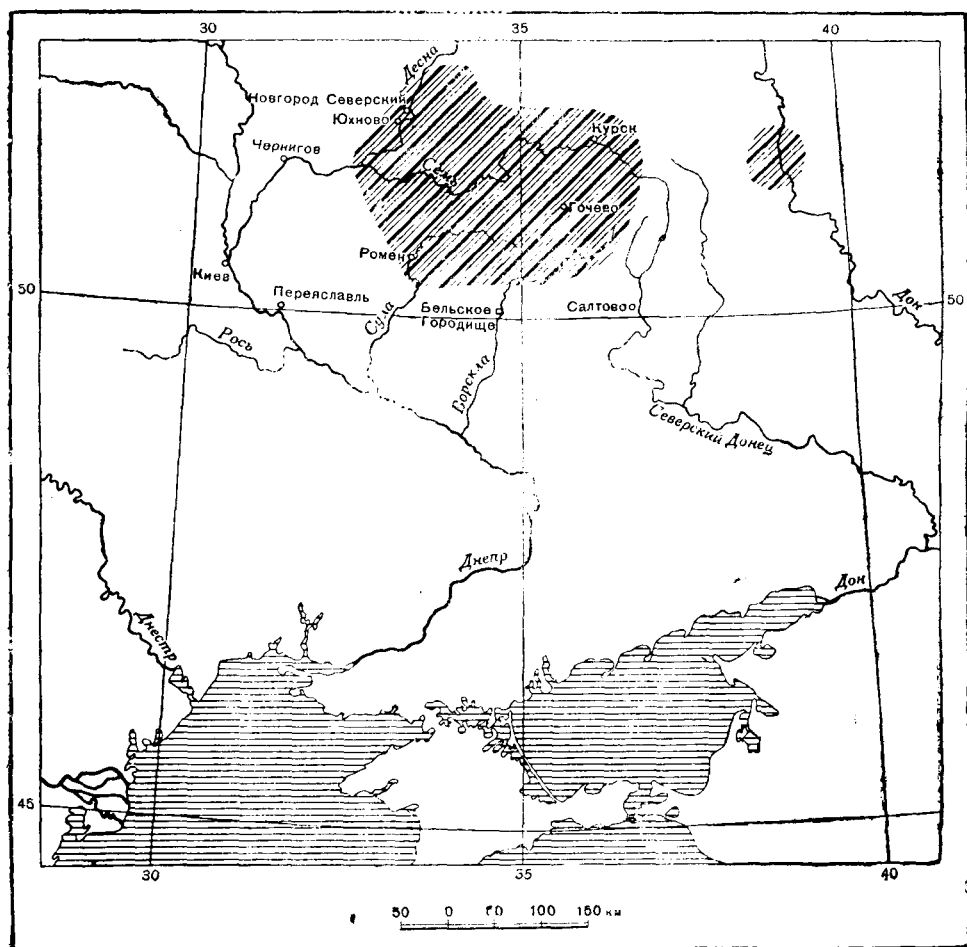


Карта 3. Курганы северян XI—XII вв.

небольшие височные кольца с одной или тремя грубозерными бусинами или трехбусенные узловатые кольца. Спиральных колец в погребениях с ямами нет совершенно.

В восточном районе (погребения на горизонте) характерными вещами являются спиральные височные кольца, серебряные очелья, ожерелья из мелких двустворчатых бубенчиков (аналогичные радимичским). Спиральные височные кольца, выделенные А. А. Спицыным как племенной признак северян, встречены в следующих курганных группах: Глинск, Гочево, Студенец, Белогорье, Мирополье, Воронеж Глуховский, Броварки близ Гадяча. Все эти пункты совпадают с районом погребений на горизонте. За пределами этого района спиральные кольца встречены

в одном кургане радимичской группы в Людкове, в кладе серебряных вещей в городе Полтаве и в смешанном кладбище пограничного гарнизона в Липляве. Отдельные находки не нарушают компактности основного района распространения спиральных височных колец, который совпадает с ареалом погребений на горизонте, а также с территорией Северского княжества XII в. и Северской землей позднейших столетий.



Карта 4. Городища роменского типа VI—IX вв.

✓ Общие очертания этого района можно вполне передать летописной фразой: «... по Десне (близ Новгорода-Северского), по Суле (в районе Ромен) и по Семи (Путивль-Льгов)». Эти курганы рисуют нам население очень близким по культурному уровню к соседним радимичам (с которыми северяне были местами перемешаны) и к вятичам. Здесь встречаются только рядовые крестьянские погребения с орудиями труда, с обычными деревенскими украшениями, погребения, прикрытые невысокими насыпями курганов. Они резко отличаются от богатых княжеских и дружинных погребений Чернигова, Шестовиц, Седнева и Переяславля.

Если население, оставившее нам курганы восточного района (со

спиральными кольцами), признать летописными северянами, — а к этому нас побуждает целый ряд фактов, — то археологический материал придет в полное соответствие с другой летописной фразой: «А Радимичи и Вятичи и Север о д и н о б ы ч а й и м я х у . . . ». Близость обряда погребения, одни и те же вещи (например ожерелья из бубенчиков) и однородность общей культуры — все это, действительно, свидетельствует об «одном обычае» и еще раз заставляет нас ценить этнографические наблюдения Нестора. Северяне оказываются очень небольшим племенем, территория которого была меньше вятичской и равнялась приблизительно земле радимичей.

Чернигов, Переяславль и широкая двухсоткилометровая полоса левобережья Днепра были заняты совершенно иным населением с особым погребальным обрядом, со своим набором характерных вещей, с высокой и яркой дружинной культурой, далеко опередившей живших «звериньским образом» северян и радимичей. Это различие в культуре приднепровского населения и населения северянского полесья наблюдается не только в X—XI вв., но уходит корнями и в более отдаленное время.

Городища роменского типа, исследование которых было начато Н. Е. Макаренко, относятся к периоду, непосредственно предшествующему появлению здесь курганного обряда погребения. Как показали мои раскопки Гочевского городища, роменская культура вырастала из своеобразного южного варианта дяковской культуры. Основной слой в Гочеве и в классическом городище Монастырище близ Ромен датируется VI—IX вв. Раскопанное П. П. Ефименко Боршевское городище очень близко к типу роменских, но относится только к последнему этапу этой культуры — к IX—X вв.

Область основного распространения роменской культуры охватывает Новгород-Северский, все Посемье до Курска на востоке, верхнее течение рек Сулы, Псла и Ворсклы. Совпадение с областью северянских курганов удивительное. Точно так же на западе эта довольно примитивная культура обрывается далеко от Днепра, и в нижних течениях рек Сулы, Псла и Ворсклы мы находим уже большие городища типа Бельского, которые существенно отличаются от роменских и предшествующих им в более восточных районах.

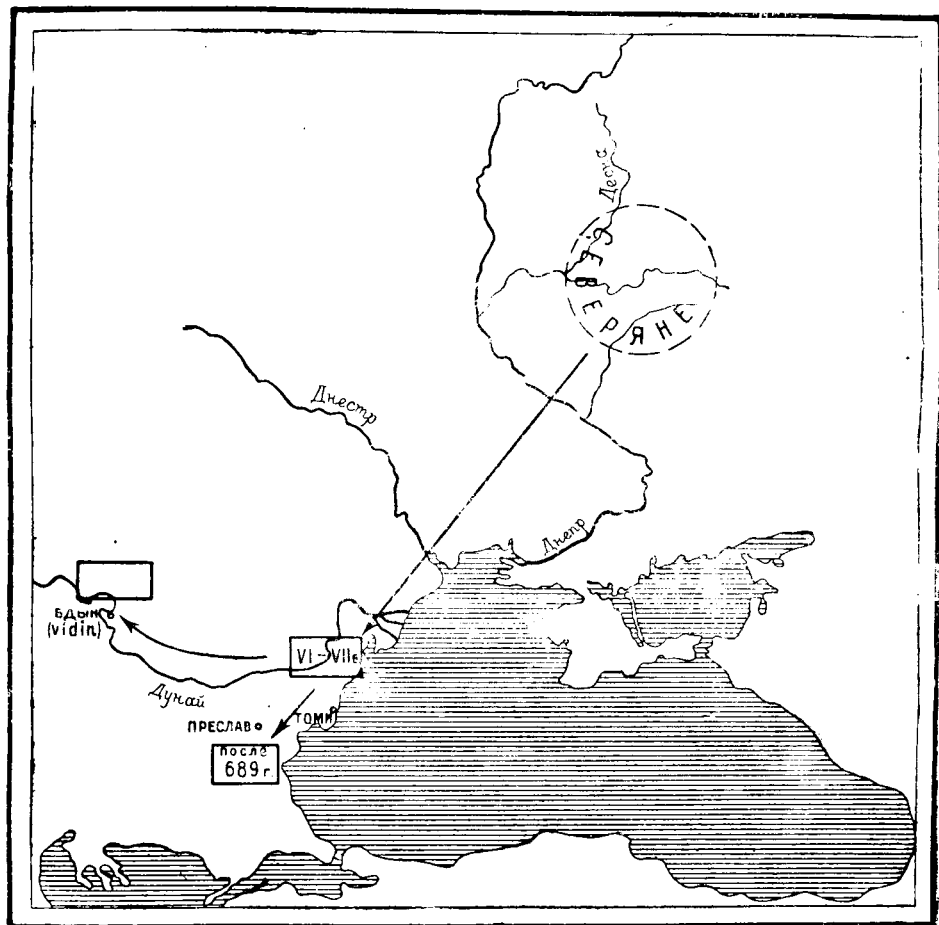
Очевидно, сложение северянского племенного союза имело вполне определенную почву — хозяйственно-культурное единство того лесостепного района, пределы которого столько раз уже обозначались выше. Возможно, что в VI веке северяне приняли участие в движении на Византию, где одна ветвь северян известна в Добрудже и была переселена южнее в 689 г., а другая — близ Видина.

Итак, итогом наших историко-географических изысканий является следующий вывод: область городищ роменского типа VI—IX вв. послужила основой сложения племенного союза северян, которые в X—XI вв. имели особый обряд погребения (на горизонте) и свои особые вещи; ареалы этих признаков полностью совпадают как с роменской культурой, так и с точным смыслом летописного текста: «а дружини седоша по Десне, по Суле и по Семи и нарекошася Север . . . », так как охватывают часть течения Десны близ Новгорода-Северского, течение Сейма и верховья Сулы с городами Глинском и Ромнами. Территория племени северян в основном совпадает с Северским княжеством XII в. В этих же самых пределах Северская земля выступает и в документах XV—XVII вв.

Юго-западной границей Северской земли во все эпохи была линия, шедшая параллельно Днепру от устья Сейма на юго-восток к Гадячу и Полтаве. Чернигов и нижняя Десна, Переяславль Русский и низовья

Сулы и Ворсклы никогда в состав Северной земли не входили, и население их существенно отличалось от северян более высоким уровнем культуры.

Вопрос о племенной принадлежности населения левобережного Приднепровья должен решаться в тесной связи с вопросом о населении правого берега Днепра как потому, что налицо совпадение многих эле-



Карта 5. Участие северян в колонизации византийских областей на Балканах и по Дунаю в VI—VII вв.

ментов культуры, так и потому, что реки никогда не являлись рубежами между этническими группами. Это особенно относится к Днепру, изобилующему в своем среднем течении многочисленными бродами и переправами. С одной из таких переправ, связующей оба берега Днепра, народная легенда сопоставляла имя первого полянского князя — Кья, будто бы бывшего «перевозником» через Днепр.

II. Поляне

Территория полян всегда вызывала недоумение историков. Громкая слава воинственного племени меченосцев не соответствовала тому небольшому куску прибрежной земли, от Киева до р. Роси, который

обычно отводился полянам на исторических картах. С. М. Середонин, например, сомневался даже в самом существовании полян как племени.

«Нет никаких данных, указывающих на существование особого полянского племени», — писал он.¹ Наряду с этим С. М. Середонин отмечал связь Киева с левобережным, а не правобережным населением.

На общем фоне историко-географической литературы, согласно размещающей полян на правом берегу Днепра, резко выделяется своеобразие своих построений В. А. Пархоменко. Он считает, что первоначально полян совершенно не было на Днепре, а они находились далеко на юге-востоке, в Хазарии, и лишь в начале X в. передвинулись к Днепру, где выдержали борьбу со старыми владельцами Приднепровья — древлянами и уличами. Не описывая точных границ размещения племен, Пархоменко считает Чернигов северянским городом, а Переяславль склонен признать полянским. Северян он заставляет путешествовать из приазовских степей вверх по Волге в Ростово-Суздальскую землю и оттуда с севера опуститься вниз на Десну около 970 г.² Гипотеза Пархоменко содержит отдельные интересные наблюдения, но в полном виде принята быть не может.

Попытки выделить территорию полян по археологическим данным IX—XII вв. не привели к положительным результатам. А. А. Спицын и В. В. Хвойко лишь описали разнообразие погребальных обрядов в окрестностях Киева, но не установили никакого принципа выделения собственно полянских древностей.³

Точно так же как и в отношении северян, Спицын говорит здесь о пестроте погребальных обрядов и о разнообразии инвентаря.

Трудность выделения специфически полянских черт в археологическом материале отмечалась исследователями неоднократно.

В последнее время к вопросу о допустимости использования курганных материалов при определении племенных границ подошел П. Н. Третьяков.⁴ Спицынский метод исследования он объявил ненаучным и заявил, что племена, перечисленные Нестором, «по археологическим данным в настоящее время еще почти не известны». Бесспорный факт существования местных, областных различий в костюме и украшениях XI—XIII вв. Третьяков объясняет наличием не племен, а «формирующихся феодальных областей».

Обнаружив в своей статье очень поверхностное знакомство как с летописью, так и с археологическими материалами XI—XIII вв., Третьяков полностью отрицает пригодность курганных инвентарей для определения племенных границ.⁵

¹ С. М. Середонин. Русская историческая география. Пг., 1916, стр. 144.

² В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности. Л., 1924, стр. 48—50 и 91. Карта, иллюстрирующая положения В. А. Пархоменко, приведена в моей работе «Радимичи», стр. 131, карта 7.

³ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 323; В. В. Хвойко. Древние обитатели среднего Приднепровья. Киев, 1913.

⁴ П. Н. Третьяков. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. Сов. археология, т. IV, 1937.

⁵ В дополнение к тому, что писал А. В. Арциховский, отвечая П. Н. Третьякову (статья «В защиту летописей и курганов» в том же номере «Советской археологии»), нужно сказать следующее:

1. П. Н. Третьяков считает височные кольца вышедшими из крупного центра (стр. 48), между тем как они отливались в сотнях мелких мастерских, обслуживавших небольшой район в 10—20 км. Единство же формы может быть объяснено в таком случае только культурной и этнической близостью.

2. Рассуждая о распространении тех или иных типов украшений, П. Н. Третьяков не пытается их картографировать, а между тем только точные и детальные карты с ареалами украшений могут решить спор.

Я, со своей стороны, продолжаю и после выхода в свет статьи П. Н. Третьякова сохранять убеждение, что надлежащий анализ местных особенностей инвентаря и погребальных обрядов X—XIII вв. во многих случаях позволит выявить не только границы племенных союзов, перечисленных Нестором, но и пределы тех более мелких групп, которые составили данный союз.¹

В применении к полянским древностям утверждение П. Н. Третьякова звучит неубедительно. Изделия киевских ремесленников вовсе не ограничивались пределами княжества, а расходились по всей Руси и проникали в Швецию, Польшу и в половецкие степи. По этому признаку определить границы княжества невозможно; впрочем, также невозможно определение и территории полян. Третьяков, подошедший ко всем племенам (и к болотным дреговичам, и к лесным вятичам, и к «мудрым мужам» полянам) с одной меркой, в отношении полян случайно оказался прав. Действительно, искать признаки этого древнейшего племенного союза восточных славян в материалах IX—XII вв. трудно. В эту эпоху и Киев, и его окрестности были местом собирания разноплеменных дружин: сюда попадали и пленные ляхи, и поселенные князьями словене, чудь и кривичи, и нанятые варяги, и торки («свои поганые»), и датчане, и ирландские монахи, и арабские купцы, и венгерские наездники. Да и сами современники ничего не говорят о племени полян. Ни у Баварского географа, ни у Константина Багрянородного, ни у арабов мы не найдем при перечислении русских племен ни одного упоминания о полянах. Только в XII в. автор «Повести временных лет», этот трудолюбивый киевлянин, собиратель местных легенд, преданий и былин, рассказал нам историю полян, начавшуюся при каком-то давнем цесаре, «его же не свемы», и окончившуюся в середине X в. при Игоре, после чего поляне уже не упоминаются, ибо это название было вытеснено другим: «Поляне, яже ны не зовомая Русь».

Молчание источников IX—X вв. о полянах может быть понято в том смысле, что к этому времени племенной союз полян или перестал существовать, или принял какое-то новое имя. Во всяком случае, мы

3. П. Н. Третьяков без всяких оснований отрицает значение этнографических пережитков для XI—XIII вв., хотя они продолжают существовать и в XIX в.

4. Ремесленное производство больших городов, действительно, имело очень широкий район сбыта, но П. Н. Третьяков не попытался выделить из всей массы инвентаря то, что относится к городскому производству, а что — к местному, деревенскому. Если бы он мог произвести подобную работу, то увидел бы, что район сбыта киевских или смоленских мастеров отнюдь не замыкался в недолговечные политические границы Киевского или Смоленского княжеств.

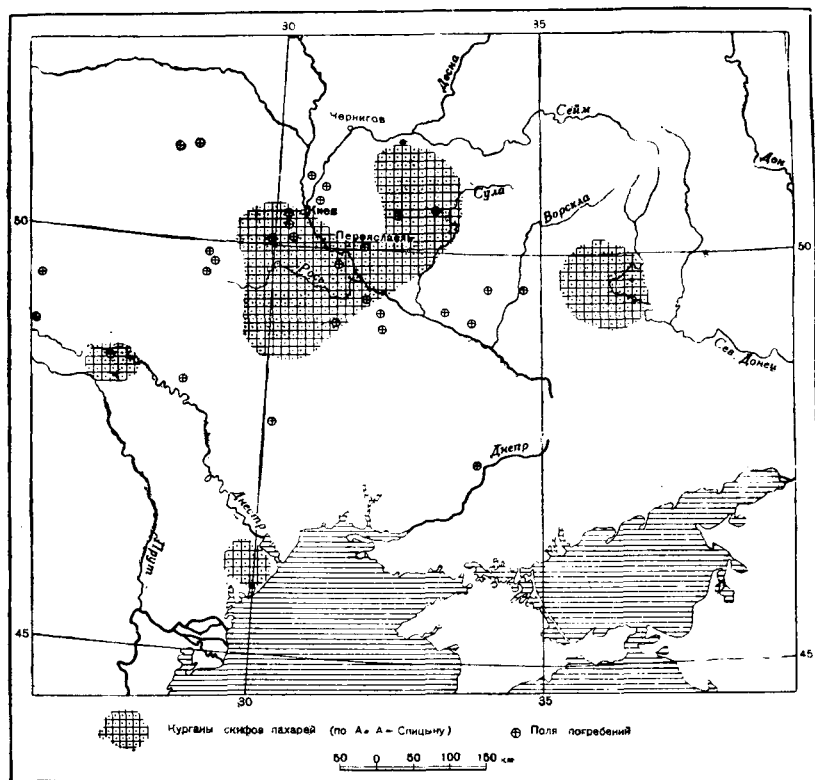
¹ Сопоставление русских «племен» с западнославянскими очень важно для понимания процесса консолидации мелких племенных групп. Возьмем для примера два равновеликих по площади племени: радимичей и лютичей. Лютицкий союз возник из следующих племен.

ране,	доленчане,
хижане,	ратари,
чрепняне,	гаволяне,
моричане,	шпреване.

Но во многих документах выступает только одно собирательное имя — лютичи. Для восточных же славян летопись сохранила нам всего лишь собирательное имя, а названия более мелких племен до нас не дошли. Впрочем, Баварский географ (IX в.) и Константин Багрянородный называют племена, не известные по русским источникам. Одной из задач археологического изучения славян должно стать выявление этих мелких компонентов летописных радимичей, вятичей, кривичей. Данные для этого имеются.

вправе предполагать для этой эпохи такое быстрое развитие внутренних отношений в среднем Приднепровье и такое сильное внедрение отовсюду посторонних этнических элементов, привлеченных богатством Киевского княжества, что о племенной замкнутости и обособленности не может быть и речи.

Единство полянскго археологического материала нужно искать в значительно более ранних вещах. Картографирование различных эле-



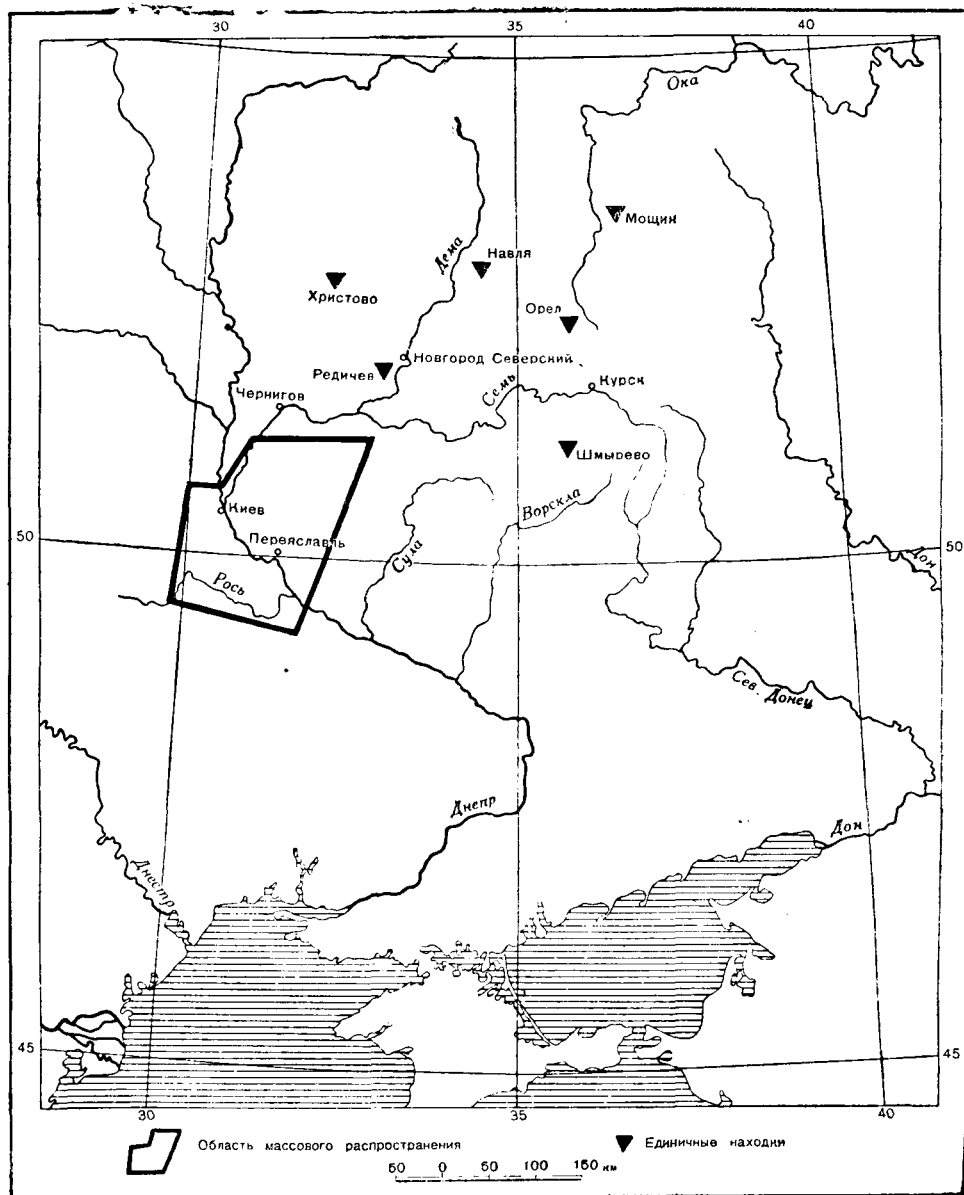
Карта 6. Распространение курганов скифов-пахарей и полей погребения по А. А. Спицыну

ментов культуры в пределах восточного славянства постоянно выделяет один и тот же район в качестве устойчивого географического целого. Таким районом почти во все эпохи является среднее Приднепровье.

Начиная со скифского времени, когда на обоих берегах Днепра мы находим культуру скифов-пахарей, мы и в дальнейшем продолжаем наблюдать устойчивую географическую закономерность: оба берега Днепра на пространстве от Киева до устья Роси живут одной жизнью, и жизнью очень яркой и интенсивной. В римское время именно здесь сосредоточены поля погребений, именно здесь найдена основная масса кладов римских серебряных монет. Монетные клады тяготеют к берегам Днепра и особенно густы на левом берегу близ Переяславля, а на правом — между Киевом и устьем Роси.¹

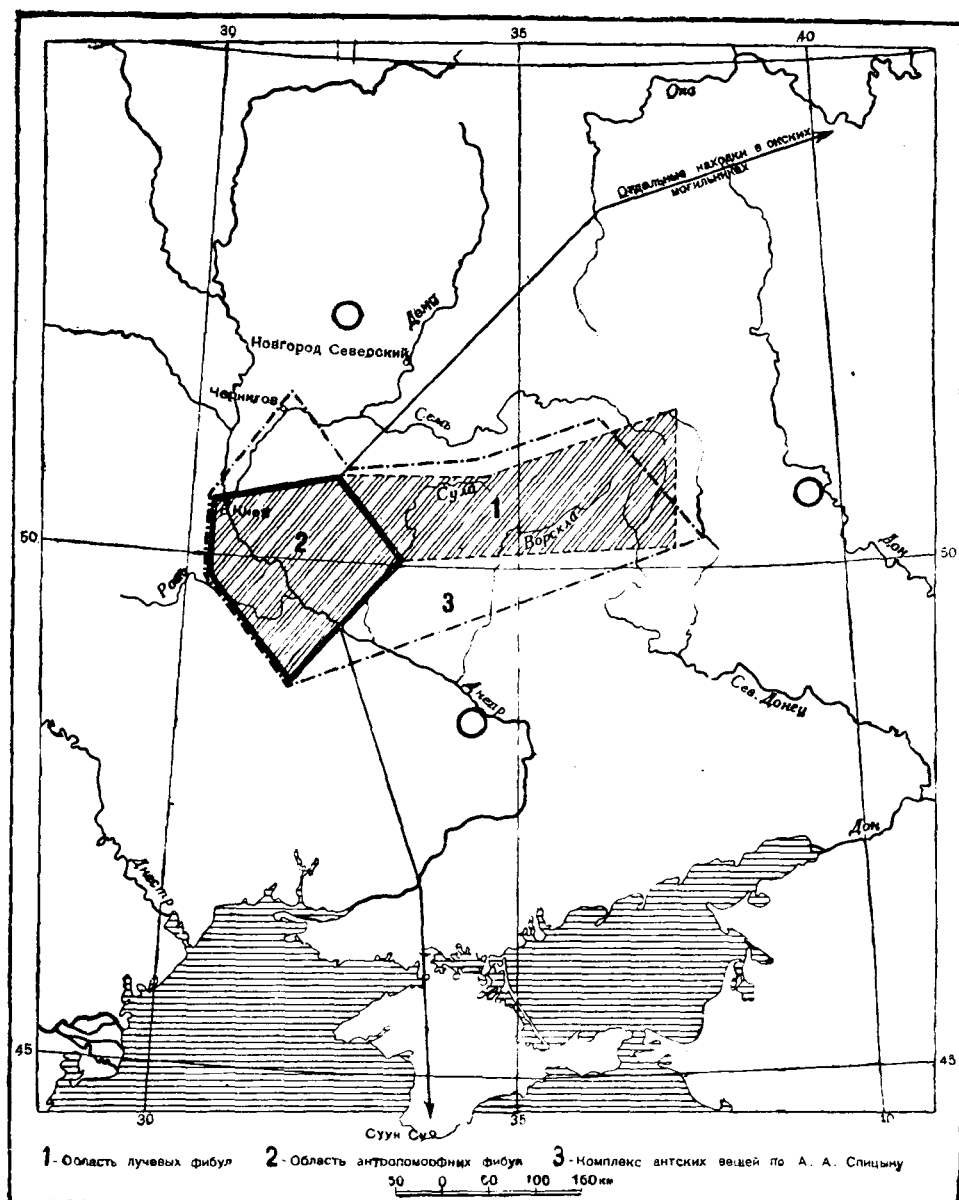
¹ В. Г. Ляскоронский. Находки римских монет в области среднего Приднепровья. Труды XI археологического съезда, т. I.

Конечно, находки монет не могут помочь нам в деле определения племенных границ, но они свидетельствуют об известной культурно-экономической общности обоих берегов Днепра.



Карта 7. Распространение вещей с выемчатой эмалью днепровского типа III—V вв.

✓ Более основательный материал для проведения границ дают нам предметы с выемчатой эмалью. Как я доказываю в другом месте, среднее Приднепровье было в III—V вв. центром изготовления ряда разных вещей с варварской выемчатой эмалью. Важнейшими из них являются изящные ажурные фибулы треугольной формы, украшенные красной, белой и зеленой эмалью. Основной район их распространения:



Карта 8. Распространение античных фибул VI—VII вв.

Киев — северная излучина р. Роси — устье Роси — Переяславль — Борзна.¹ Таким образом, основной район охватывает оба берега Днепра: и Киевский, и Переяславльский.

Отдельные находки ажурных фибул с эмалью тянутся и на восток в направлении на Курск, и на северо-восток вверх по Десне, и на верхнюю Оку, но это не нарушает компактности основного района, совпадающего с районом распространения полей погребальных урн.

¹ А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. ЗОРСА, т. V, в. 1, СПб., 1903, карта; М. Макаренко. Борзенські емалі та старі емал. України взагалі (Чернігов та Північне Лівобережжя). Київ, 1928.

Насыщенность этого же района римскими монетами придает ему определенную экономическую и культурную окраску. Географическое совпадение этих трех признаков — обряда погребения, местных украшений и кладов монет — едва ли случайно.

Следующий исторический период, эпоха VI—VII вв., точно так же дает нам очертания этого же района, но по другим материалам. Некоторые типы пальчатых фибул, условно называемых «готскими», и все типы антропо- и зооморфных фибул я считаю местным приднепровским изделием. Дата их — VI—VII вв.

Ареал пальчатых фибул довольно широк: они встречаются на правом берегу Днепра от Киева до Пастерского городища, на юг от Роси и на левом берегу доходят до верховьев Сейма, Ворсклы и Донца. Почти в этих же пределах распространяются и другие вещи, охарактеризованные А. А. Спицыным как «антские». Западная часть описанной выше области (примерно до нижнего течения Сулы на востоке) представляет район распространения антропоморфных и зооморфных фибул, являющихся дальнейшим видоизменением пальчатых. Ареал антропоморфных фибул VII в. почти полностью совпадает с ареалом выемчатых эмалей киевского типа: он также обнимает оба берега Днепра, низовья р. Роси, Переяславль и захватывает значительную часть лесостепного левобережья. Следует отметить, что все эти районы не совпадают с распространением роменской культуры и более поздних северянских курганов.

Такая устойчивость археологических материалов с III по VII в. очень показательна. Среднее Приднепровье (Киев и Переяславль) все время является передовым районом, наиболее связанным с римскими городами, насыщенным интересными памятниками местного художественного производства. Культурная неразрывность киевского правобережья и переяславльского левобережья невольно наталкивает на мысль об этнической близости населения обоих берегов Днепра. Какое же племя могло занимать берега среднего Днепра? Северяне должны быть, безусловно, исключены на основании всех высказанных выше соображений. Думаю, что единство среднеднепровской культуры нужно приписать полянам.

Территория полян рисуется в следующем виде: крайний северо-западный угол ее составляет Киев; западная граница идет от Киева на юг в направлении на среднее течение Роси и Пастерское городище; далее граница поворачивает на восток и доходит до Сулы, откуда она поворачивает на север к Нежину. Остается неясным вопрос о Чернигове. Невозможность включить его в северянскую землю я пытался доказать выше, но и в полянскую землю он, как будто бы, не входит. Ни выемчатых эмалей, ни фибул VI—VII вв. в Чернигове и его окрестностях нет. Лишь несколько позднее устанавливается близость Киева и Чернигова. Может быть, здесь следует вспомнить старую гипотезу А. А. Шахматова о принадлежности Чернигова и Любеча древлянам?

Некоторые общие черты Черниговщины и Древлянской территории в погребальных обрядах IX—XI вв. можно установить. Впрочем, эти же черты встречаются и в окрестностях Киева. Но вполне возможно, что в районе Чернигова обитало какое-либо особое племя, влившееся впоследствии в полянский племенной союз, но обладавшее специфическими чертами культуры. К сожалению, мы не располагаем для эпохи V—VIII вв. погребальными комплексами и лишены возможности уловить по ним этнические границы; привлекать же более поздний материал несколько опасно. Совершенно невозможно считать признаком полян трехбусенные височные кольца. Мощное ремесленное производство

Киева стирало племенную обособленность материальной культуры, и эти кольца встречаются почти во всех русских городах XI—XIII вв. Более консервативен погребальный обряд, и здесь, анализируя разнообразные погребения IX—XI вв., можно прийти к некоторым выводам. Естественно, что в Киеве, крупном международном центре, привлекавшем к себе население со всех сторон, пестрота погребений объясняется пестротой этнического состава. Но основных видов языческих погребений в Киеве два: трупосожжение и погребение в ямах со срубом. Последний тип А. А. Спицын считал более поздним, сменяющим первый.

Раскопки М. К. Каргера в Десятинной церкви в 1939 г. показали, что срубные гробницы, так же как и сожжения, относятся к X в. (так как сруб найден под фундаментом церкви).¹ Сходство же инвентаря в погребениях обоих типов отмечалось и ранее.

Двойственность обрядов погребения также хорошо прослеживается и на левом берегу. В Чернигове наряду с трупосожжениями типа Черной Могилы есть срубные камеры типа Шестовиц с однородным и одновременным инвентарем.

Курганы на правом берегу (Триполье, Стайки, Витичев) по конструкции и инвентарю почти неотличимы от левобережных (Переяславль, Глинск, Медвежье и др.).

Двойственность обряда погребения вполне согласуется с показаниями Ибн-Русте о трупосожжении у славян и о погребении в камерах у руссов. Оба обряда в равной степени характерны и для Киевщины, и для Черниговщины, и для Переяславщины.

Очевидно, смешение двух обрядов отражает какое-то скрещение двух этнических групп. Для нас сейчас важно отметить, что это скрещение происходило одновременно на обоих берегах и в тех же самых географических пределах земли полян, которые очерчены более ранними памятниками. Быть может, слова Ибн-Русте прольют свет на имена этих двух групп: одна из них — славяне, другая — Русь. Но к X в. обе группы переплелись, перемешались, жили в одних и тех же городах, рубились одинаковыми мечами, хоронили покойников на одних и тех же кладбищах и только в обряде погребения сохранили обычаи своих различных предков.

Вопрос о типах погребений в земле полян в IX—X вв. требует дальнейшего исследования, строгой классификации и картографирования, так как, несмотря на свой поздний возраст, эти курганы, возможно, дадут картину тех мелких племен, которые составляли полянский союз. Пока что удовольствуемся основным выводом: курганы Киева идентичны курганам Чернигова и Переяславля. Базой же для выводов оставим более ранние материалы III—VII вв., одновременные существованию племенного объединения полян, еще не переросшего в Киевское княжество.

В природном отношении земля полян представляла следующее: Киев стоял на самой границе двух ландшафтных зон: на юг шла черноземная лесостепь с островками дубрав, а на север и северо-запад простиралась значительная область песчаных почв, покрытых сосновым лесом. Это была земля летописных древлян, названных так: «зане седоша в лесех».

На правом берегу южнее Киева лиственные леса перемежались со значительными площадями луговых степей. Интересно отметить, что археологические памятники, связанные мной с полянами, встречаются в степных местах.

¹ М. К. Каргер. Краткие сообщ. ИИМК, вып. V.

✓ Луговая степь идет сравнительно узкой полосой вниз по правому берегу Днепра к бассейну Роси. С запада эта полоса ограничена значительными лесными массивами.

Луговая степь переходит с правого берега на левый, где лесных островков меньше и преобладают открытые черноземные пространства. Лесо-степная зона на севере кончается, не доходя до Чернигова, в окрестностях которого мы снова сталкиваемся с песчаными почвами и хвойными лесами.

Итак, земля полян представляется удивительно однородной в физико-географическом отношении — черноземная травянистая лесо-степь с островками дубрав.

✓ Совпадение ареала выемчатых эмалей III—V вв. и антропоморфных фибул VI—VII вв. с этой зоной полное; ни в древлянские леса, ни в открытую безлесную степь эти предметы не заходят. Область северян, прилегающая с востока, более лесиста и только в южной части близка к земле полян.

Если понимать под полянами только население окрестностей Киева, то этимология их имени от «поля» встречает ряд возражений, так как о Киеве прямо сказано в летописи, что там «бьяше бор велик». Если же принять предлагаемое мной размещение полян на обоих берегах Днепра, то полустепной характер этой территории явится серьезным аргументом в пользу топонимической этимологии имени полян от «поле» — степь. Впрочем, возможно и другое объяснение термина «поляне».

Обращает на себя внимание двойственность термина «поле»: 1) широкий простор, степь и 2) место боя, поединок.

Раздвоение термина, несомненно, древнее, как о том свидетельствует глагол «полевать» в смысле разъезжать, разбойничать, охотиться; отсюда былинные богатыри — «поляница удалая». Для внесения хронологической ясности в историю термина нелишне вспомнить глоссарий на полях перевода Георгия Амартола (XI в.), где читаем: «гигант — рекомый п о л н и к».¹

В связи с этим стоит и «и с п о л и н» в том же значении гиганта. Давно уже делались попытки сближения слова «исполин» (имеющего в живом народном языке лишь легендарное значение) с народом с п о л а м и, с которыми столкнулись готы в своем продвижении с низовьев Вислы на юг. Сполы-спалы, возможно, связаны с народом (Παλο-) упоминаемым Диодором Сицилийским. Крайне интересно в этой связи рассмотреть свидетельство псевдо-Захария Ритора (555 г.), который писал о народе рус (рос), обитавшем на северо-запад от Нижнего Дона, т. е. именно в среднем Приднепровье, может быть даже на реке Роси: «Народ им (амазонкам) соседний суть рус — люди, наделенные членами тела больших размеров... кони не могут носить их потому, что они наделены такими членами».² Вполне возможно, что Παλοί и Spalei являются первым упоминанием днепровских полян. Не стоит ли их имя в какой-то связи с греческим Πάλη — борьба, состязание, война? Русский книжник перевел в XI в. Πάλη — брань.³

Смысловая связь имени полян с «поляницей» — великанами, богатырями, а не только с полем-степью подтверждается ранним выделением дружины именно на территории полян. О воинственности полян свидетельствует и известная легенда об уплате дани мечами.

✓ Впервые полянский племенной союз сложился в первые века н. э., в эпоху полей погребальных урн. В это время в него входили племена

¹ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. I, СПб, 1920, стр. 33, 187, 487.

² А. П. Дьяконов. Указ. соч., стр. 84.

³ В. М. Истрин. Указ. соч., стр. 443.

обоих берегов Днепра. Спалы-поляне выдержали борьбу с готами. В VI в., вероятно, в связи с походами на Византию, союз приднепровских племен значительно расширился за счет вовлечения более восточных племен лесостепной зоны, включая и область роменской культуры, где найдены как пальчатые фибулы днепровского типа, так и клады византийских вещей. Этот кратковременно расширившийся союз мог привлечь к себе и более северные племенные дружины (например кривичей и дреговичей).

Победоносные походы антов на нижний Дунай и Фракию имели следующие последствия: 1) территория Приднестровья обогатилась кладами византийских вещей; 2) в восточной части Балканского полуострова появились поселения таких племен, как северяне, кривичи, дреговичи, попавших сюда, возможно, под водительством среднеднепровского военного союза. Когда закончилось движение антов в Византию, этот огромный союз распадается и исчезает временное единство большой территории от Киевщины до Воронежа. В VII в. археологический материал вновь указывает нам прежние границы полян — лесостепную область южнее Киева в бассейне Роси и близ Переяславля. Переяславль Русский (возможно, что до книжной переделки он назывался Преслав или Переслав?) имеет двойников на берегах нижнего Дуная (Великий Преслав и Переяславец Святослава), именно в тех местах, которые были колонизованы приднепровскими антами. Связь нижнедунайских городов с Русью сохранялась в сознании книжных людей вплоть до конца XIV в. (список русских городов в Воскресенской летописи).

Не исключена возможность того, что Переяславль был важным племенным центром, предшествовавшим Киеву. Недаром впоследствии он стал религиозным центром Руси: «бе преже в Переяславли митрополья». Киев, расположенный на крайнем севере Полянской земли, на самой границе древлянских лесов, по всей вероятности, обязан своим возвышением борьбе полян с древлянами и уличами.

Одной из ближайших задач изучения приднепровских племен является уточнение границ племени древлян и полный пересмотр вопроса об уличах, которые согласно летописи сидели до середины X в. вниз от Киева по Днепру. Их столица — Пересечен, взятая Игорем после трехлетней осады, находилась где-то близ Киева на Днепре. После ее падения уличи переселились на юго-запад.

Очень важно также изучение легендарного материала о Киеве для уточнения даты его основания. По некоторым соображениям время княжения Кия можно относить к первой половине VI в.

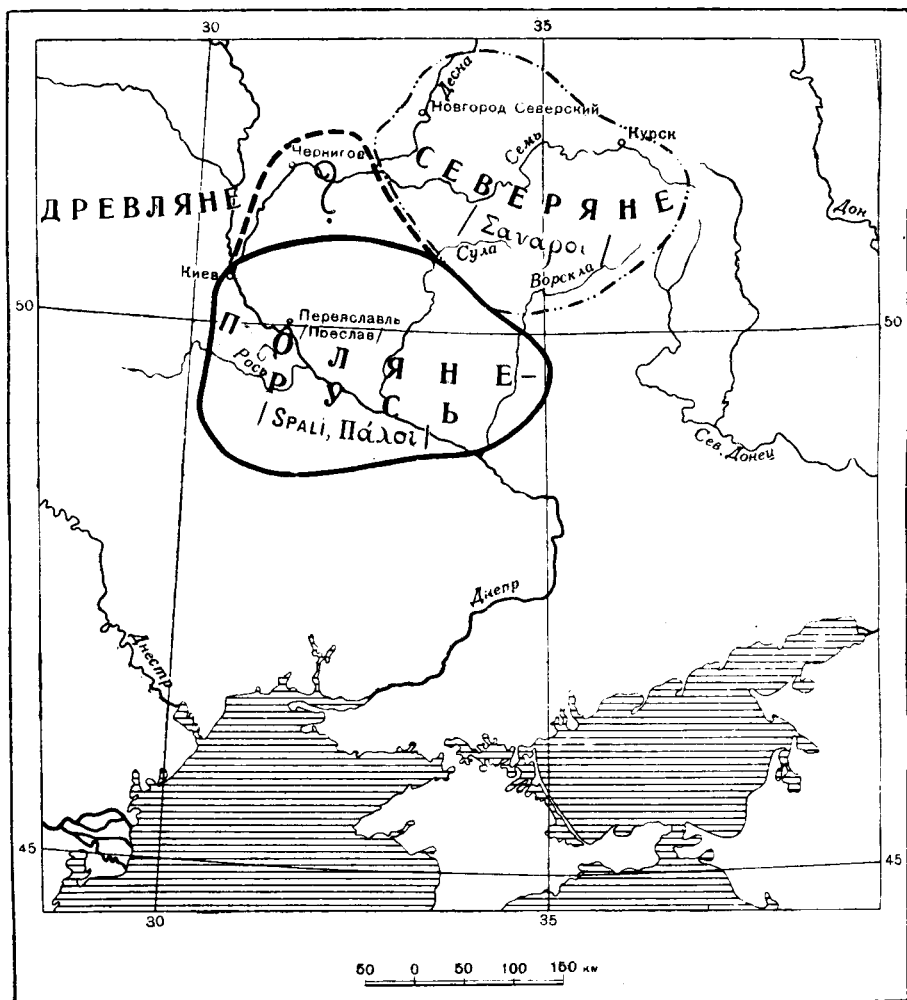
Четвертой задачей является установление времени скрещения полян с русью и самого хода этого процесса.

В X в., судя по договору Олега, Киев, Чернигов и Переяславль уже представляли единую Русскую землю. Поляне, бывшие ранее ядром антского племенного союза, теперь стали ядром всех восточнославянских племен, стали той Русью, которая объединила многочисленные племена русской равнины. Полянская племенная территория очень хорошо чувствуется в действиях Владимира, решившего укрепить свое княжение: «Се не добро, еже мало город около Киева и нача ставити города по Десне и по Востри и по Трубешеву и по Суле и по Стугне.»

Именно в этих пределах Киево-Переяславско-Черниговской земли и нужно размещать большое, мощное, прославленное в боях и с готами и с хазарами племя полян-исполинов, «поляниц удолой», которое в IX—X вв. стало называться Русью; старое название уже вышло из употребления, и его не знают ни Баварский географ, ни Константин

Багрянородный, и только киянин Нестор записал местное киевское предание о полянском княжении.

Как мы уже указывали, раздел Руси по Днепру в 1026 г. между братьями Ярославом и Мстиславом перерезал полянскую землю по



Карта 9. Приблизительные границы полян и северян по историческим и археологическим данным

живому телу и явился результатом победы Мстислава. Тмутараканский князь в результате военной удачи оттягал себе половину полянской территории, но едва он успел умереть, как обе половины вновь соединились под властью киевского князя. Считать Днепр границей между полянами и северянами так же ошибочно, как, например, принимать р. Угру, отделявшую в XV в. владения московского князя от литовских, за этнографическую границу русских и литовцев. Днепр был стержнем полянского союза, он не разъединял, а связывал оба берега и в равной мере носил на своих волнах ладьи киевских, черниговских и переяславских дружин, устремлявшихся в Царьград.

Академик Н. С. Державин

Кралеви́ч Марко и Илья́ Муроме́ц

(Палеознтологический очерк)

Наиболее значительное исследование о славянских богатырях, Кралеви́че Марко и Илье́ Муромце, крупнейших героях славянского богатырского эпоса, принадлежит покойному профессору Харьковского университета М. Халанскому.¹

После этого, насколько мне известно, о Кралеви́че Марко никто не писал, если не считать популярных курсов по истории литературы и народной словесности.

I

Профессор М. Халанский проделал в свое время большую и полезную работу. Она являлась вехой на путях исследования славянского богатырского эпоса, но дальше Халанского никто после него не пошел, а ограничиваться сейчас его исследованиями уже нельзя.

В своей работе проф. Халанский хотел, между прочим, установить влияние классического мира, богатого сказаниями о сношениях героев с нимфами, о происхождении героя от брака с ними смертных, на сказания славянских народов, связать самое представление у славянских народов о виле (от которой, по одной группе южнославянских сказаний, родился Кралеви́ч Марко) и тот же эпизод в новогреческих сказках, в русских сказках о Василисе Премудрой и в былинах о Михаиле Поте́не — с представлением о нимфах античного мира. «Предполагать влияние классических сюжетов подобного рода на южнославянские сказания, — говорит М. Халанский, — конечно, возможно, но доказать его трудно». В этом пункте греко-римские влияния, предполагает проф. Халанский, могли совпасть с традициями национальными, славянскими, и точно разграничить сферу взаимодействий невозможно.²

С нашей точки зрения, точно разграничивать сферу взаимодействий фольклорных традиций классической древности от аналогичных славянских не только невозможно, но и нет в этом никакой надобности. Наличие данного фольклорного эпизода, представляющего собой культурное наследие более ранних ступеней развития мышления, в античной, южнославянской, новогреческой и русской фольклорной традициях ясно говорит об общности стадияльного развития народного мышления на всей территории интересующего нас отрезка Средиземно-

¹ М. Халанский. Южнославянские сказания о Кралеви́че Марко в связи с произведениями русского былинного эпоса. 1892.

² Русский филол. вестник, № 1, 1892, стр. 116.

морья и его культуры, т. е. об общности и единстве на известном этапе развития древнейшего культурного наследия у античных народов, с одной стороны, и их преемников на той же территории — балканских и русских славян — с другой.

Национальная дифференциация фольклорной традиции — явление значительно более позднего времени, когда народы данной территории расстаются с системой первобытного мышления и под влиянием развития и роста производительных сил поднимаются на более высокую ступень культурного состояния, характеризуемого процессом формирования более или менее обособленных социальных коллективов — зародышевых элементов будущих этнографических образований. Однако после этого представления предшествующих этапов мышления не исчезают бесследно из народного сознания, но продолжают пережиточно сохраняться в виде верований и фольклорных аксессуаров и на более поздних этапах социально-экономического и культурного развития народов. Этими культурными переживаниями обильно насыщен славянский фольклор с древнейших времен и до настоящего времени, идя, однако, вместе с развитием новых производственных отношений все больше и больше на убыль вплоть до полного отмирания.

Общий характер народного творчества в его актуальном процессе определяется господствующим социальным строем с характерными для него производственными отношениями. Не поспевающие, однако, за ним отдельные социальные группы продолжают в своих недрах бережно хранить старое культурное наследие и в обстановке позднейших новых производственных отношений и нового социального строя. Лучшим образцом того, насколько сильна традиция в процессе народного творчества, могут служить, между прочим, сказы наших советских народных поэтов о современных героях, о которых они рассказывают обычно в старом былинном стиле.

Мотив рождения героя от змея, о чем рассказывает одна из групп южнославянских сказаний о Кралевице Марко, принадлежит к числу популярных у всех славянских народов культурных пережитков древности, отложившихся в позднейших народных преданиях и рассказах. Сербский героический эпос знает семь героев, рожденных от змеев: Милош Обилич, Змей Огненный Вук, Реля Бошнянин, Банович Секула, Банович Страхило, Лютица Богдан и Кралевиц Марко. Змеи и змеевичи популярны и в русском фольклоре. Таковы былины о Добрыне-Змееборце, об Олеше Поповиче, о Тугарине Змеевиче и княгине Апраксеевне, сказка-былина о Тугарине и Добрыне, сказка об Илье Муромце и Змее и др. Демонологическим элементом богато насыщен и болгарский фольклор.

Многое из этого элемента вошло в славянский фольклор из средневековых демонологических представлений (как это было отмечено, например, Вс. Миллером для русской былины о Добрыне и Маринке), а также из книжных сказаний о драконах, нашедших свое отражение, например, в русских былинах о Добрыне-Змееборце, оказавшихся, по исследованию Вс. Миллера, сходными во многих частностях, с одной стороны, со сказаниями о святых змееборцах Георгии и Федоре Тироне,¹ с другой — с германскими преданиями о Беовульфе, Зигурде и пр.

Группа названных выше русских былин об Олеше Поповиче, Тугарине Змеевиче и княгине Апраксеевне, сказка-былина о Тугарине и Добрыне, сказка об Илье Муромце и Змее оказываются сходными, с одной стороны, с сербской песнью «Царь Лазарь и царица Милица»,

¹ В. Ф. Миллер. Экскурсы в область русского эпоса, стр. 32.

с другой — с русской книжной повестью, известной по списку XVII в., о муромском князе Петре и супруге его Февронии, а также со сказанием о происхождении Александра Македонского. Весь этот материал дается в исследовании проф. М. Халанского в сопровождении обширной литературы предмета.

Тем не менее в основе славянских демонологических представлений, общих для южных и восточных славян, лежат, надо полагать, значительно более ранние космогонические представления, нежели позднейшие влияния средневековой демонологии и книжных сказаний, нежели влияние дуалистических космогоний Востока, о чем говорит А. Н. Веселовский в исследовании о Соломоне и Китоврасе, нежели, наконец, влияние символизма христианского вероучения, о чем в свое время писал профессор А. Н. Кирпичников в исследовании «Святой Георгий и Егорий Храбрый». В этом убеждают нас два следующих факта. Во-первых, наличие популярного во фракийско-фригийских культовых представлениях образа героя-змееборца, многочисленные барельефы которого открыты на территории Болгарии и Малой Азии, послужившие, как предполагают, прототипом для позднейших изображений христианского Георгия Победоносца (на этот интересный материал русские фольклористы до сих пор не обращали внимания); во-вторых, широкая распространенность в греко-римском мире верований в демонов: *δαίμονες ἀνθρώποι* и лары или гении — *lares, genii publici* — духи покровители места, страны, отдельных лиц и народа. Общераспространенным символом этих мифических существ у древних греков и римлян был змей — *serpens, draco*.

По воззрениям римлян, *genius* — *deorum filius et parens hominum, ex quo homines gignuntur*, т. е. гений — сын богов и отец людей, от которого они происходят.

Таким образом, происхождение людей в мышлении античной древности вообще увязывается со змеем, но в преданиях римлян был известен и ряд исторических лиц, с которыми специально, в частности, связывалось представление о рождении их от лара или гения дома, представлявшего в виде змея.

К числу этих лиц принадлежат, например: Сервий Тулий — шестой римский царь (578 — 535 гг. до н. э.), Сципион — знаменитый римский полководец (родился около 235 г. до н. э.) и Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.), носивший, начиная с 27 г. н. э., титул: *Imperator Caesar divi filius Augustus*, т. е. император Цезарь Август, сын божий.

Так как в народных воззрениях греков и римлян духи-покровители смешались с героями, то символ змея стал служить и для выражения понятия героя *ἥρωας*, т. е. черты змеев перешли и на змеевичей, героев, происходящих от змеев. Подобно этому, замечает проф. Халанский, по сербским песням, дети, рожденные от связи женщины со змеем (к числу которых принадлежит, в частности, и южнославянский Кралевиц Марко), бывают или вилы или змеевидные юнаки, змеевичи, народные герои-богатыри, непобедимые в битвах.¹

Аналогичными представлениями о змеях, змеевицах и змеевичах богато насыщен и болгарский фольклор, где змеи выступают также и под названиями: ламя, хала тройноглава, аджер ненаситни. Змей болгарского фольклора «огнен» или «горянин» (т. е. горящий), в связи с чем, вероятно, стоит и русская форма «горыныч». Когда змей проносится над лесом, деревья без ветра гнутся до земли, а когда он появляется над селом, село без огня зажигается. В болгарском фоль-

¹ Русский филол. вестник, № 1, 1892, стр. 131.

клоре змей чаще всего обращается в медведя-стервятника («мечка-стрвница»), который вступает в единоборство с героями (юнаками). В болгарском фольклоре, как и у других славян, различается два рода змей: змеи, враждебные человеку, и змеи добрые, благодетельные. Последние почитаются в домашних змеях и у болгар в так называемых смоках.¹

Отложения богопочитания змей, как известно, популярны в быту русского народа. Змея как воплощение бога известна и библейской мифологии. На изначальных стадиях развития мышления змея, как известно, представляется эпифанией нижнего неба, преисподней, т. е. богом. Здесь прежде всего и следует искать основной источник всех позднейших пережитков культа змеи. Дифференциация единого вначале бога-змея на двух богов, доброжелательных и враждебных человеку, повидимому, более позднего происхождения, как более позднего происхождения и образы героев — змеевичей, оборотней, каковы, например, русские Вольга Всеславьевич, сын княжны Марфы Всеславьевны и змея, или его двойник, князь Всеслав Брячиславович Полоцкий.

Фольклористы-компаративисты, встречаясь с тем или другим фольклорным сюжетом, бытующим параллельно у нескольких народов, спешат обычно видеть источник исследуемого сюжета, данного в славянском фольклоре, в любом чужеземном фольклоре, теоретически предполагаемом более старым по своему возрасту, и исследуемый сюжет славянского фольклора объявляют влиянием этого предполагаемого более старшего культурного наследия на более младшую культуру, каковой вообще и принципиально считается славянская культура, вроде, например, заимствования верований и преданий греко-римской античности славянами.

Возможность подобных фактов, т. е. международное влияние одной культуры на другую и международные заимствования одной культуры у другой, нами не только не исключается, но рассматривается как один из мощных рычагов роста культуры. Но в основном все же не здесь надо искать разрешения наиболее сложных основных фольклорных проблем, а прежде всего в обращении к истории мышления данного народа как части всего человечества, переживающей единый общий для всех народов процесс стадийного этногенетического развития, т. е. единый общечеловеческий процесс стадийного развития мышления в тесной увязке с развитием производственных отношений. Во-вторых, для разрешения наиболее сложных основных фольклорных проблем надо обратиться к истории мышления, переживающего этот процесс постоянно в межплеменных и международных культурных связях и взаимообмене. Только при таком подходе к исследуемому материалу мы скорее подойдем к подлинной правде, к подлинному пониманию исторической действительности, освободим свое мышление от искусственно навязанной и навязываемой ему, в частности, фантастической и нелепой идеи перманентно доминирующей и исключительной роли германской культуры в культурном развитии прочих и в первую очередь славянских народов.

II

Проф. М. Халанский в названном выше исследовании «Южно-славянские сказания о Кралевице Марко в связи с произведениями русского былинного эпоса» отметил, между прочим, три группы сказаний о про-

¹ А. Теодоров. Българска литература. Пловдив, 1896, стр. 30.

исхождении Кралевица Марко: в одной группе Марко — сын краля Вукашина и сестры воеводы Момчила, Евросимы; в другой группе отцом его называется Вукашин, а матерью является вила; в третьей группе Марко — сын змея.

Однако проф. Халанскому в свое время остались неизвестными (или просто он не обратил на них внимания) несколько вариантов на ту же тему, которые дает нам болгарский фольклор в своих сказаниях о Кралевице Марко и которых не знает сербская группа сказаний о том же герое. В болгарских сказаниях Кралевиц Марко выступает как сын реки Вардара, который одновременно является его отцом и его матерью. По этим сказаниям Марко в детстве живет в песке на берегу этой реки. Таким образом, эта деталь эпической биографии Кралевица Марко ведет нас в область древнейших народных космических представлений и в его лице воспроизводит какое-то речное божество. Это дает нам основание относить героя южнославянских сказаний Кралевица Марко по его исконному происхождению к той же группе героев, к которой относятся, в частности, и библейский Моисей и целый ряд других героев восточной древности, черты которых пережиточно отложились и в христианском культе. Попутно отметим, что имя известной македонской реки Вардар представляет собой сращенный термин, в состав которого входят две основы с одним и тем же первоначальным значением «вода»: первая основа — вар или бар, а вторая основа — дар. Первая основа — вар, в озвончении — бар, бытует и сейчас в языках балканских народов (да и за пределами Балканского полуострова) как в полном своем виде, так и в усеченной форме с утратой конечного плавного, т. е. в форме ва в значении: «вода», «низина», «мокрое место», «болото». До сих пор это и а живет в славянских языках во множестве наименований рек в качестве их второго компонента, вроде, например: Мора-ва, Суча-ва, Молда-ва, Моск-ва и т. д.

Другой вариант той же основы представляет собой основа бал — с чередованием конечного плавного, отложившаяся в алб. *bzl-te*, русское болото, славянское бла-то. С усечением конечного плавного мы встречаем ту же основу ба в качестве второго компонента тоже в наименованиях славянских рек, вроде, например, знаменитой славянской Ла-ба, известной сейчас обычно в германизированной форме Эльба. В своей исконной форме термин Ла-ба до сих пор бытует у нас на территории Советского Союза как имя одного из притоков р. Кубани.

Что касается второго компонента в наименовании реки Вар-дар, т. е. дар, то эта основа также хорошо известна в различных огласовках, преимущественно как дар, дер или дор-дур, на огромном пространстве на востоке и на западе, вроде, например, наименований: Сыр-Дарья, Аму-Дарья, Дарьял, Дарданеллы, Дардания, французская Дордонь, испанское Дуэро, в турецком дер-е «река» и в усеченной форме да. Эта же основа сохраняется до сих пор в наименовании множества рек на территории, в частности, русского языка (Шельда и др.).

Эти наименования рек в свое время были отмечены академиком А. И. Соболевским. В этих основах да, дер, дар, то же в стяженной форме др (русские Недра, Кадра и т. п.), академик Соболевский видел иранский элемент. Вернее, однако, видеть в нем не иранский, а до-индоевропейский элемент, отложившийся одновременно и в иранском. Подробно на эту тему я говорю в своей статье «Албановедение и проблема происхождения южных славян» в одной из довоенных

книжек журнала «Советская этнография» (III, 1940) и останавливаться сейчас на этом вопросе не буду.

Таким образом, наименование реки Вардар в переводе на современный русский язык значило бы «вода-вода». Вероятно, и наш славянский термин вода исконно принадлежит к этой же группе основ и представляет собой тот же скрещенный термин вар-дар с утратой плавных.

Таким образом, с именем реки Вардар болгарские сказания о Кралевице Марко связывают происхождение этого самого популярного в южнославянском фольклоре героя, называя отцом и одновременно матерью его р. Вардар.

Мы ждали бы отложения этой же основы вар и в собственном имени героя, нечто вроде Вар-да или Вар-дан и т. п., какие имена, действительно, и бытуют у некоторых соседних со славянами народов; однако интересующий нас уже историзированный герой южнославянского фольклора Кралевиц Марко — исконно речное божество — носит имя Марко.

Но что представляет собой основа мар в сравнении с основой вар? Она является не чем иным, как губным вариантом мар — той же основы вар или бар. И эту основу мы имеем сейчас в отложении в наименованиях множества рек на всей Европейской территории и в первую очередь на территории славянских народов, причем эта основа выступает здесь в самых разнообразных огласовках: акающая мар — болгарская Мар-и-ца, то же французская Марна; окающая мор или мур — болгарская, сербская и чешская Мор-а-ва, скрещенный термин с присутствием в нем в качестве второго компонента уже известной нам основы вар в усеченном виде, т. е. с отпадением конечного плавного ва; наконец, это — славянская река Мур-а и русская Мур-о-ма, в связи с чем стоит и наименование русского города Муром. Как и основа вар с отпадением конечного плавного дает основу ва, бытующую сейчас, как мы отметили выше, во множестве наименований славянских рек в качестве суффикса исконно значимого термина «вода», так же точно бытует сейчас во множестве наименований славянских рек и усеченная основа ма в роли второго компонента — суффикса — в таких наименованиях русских рек, как, например, Шелома, Полома, Муромы и т. п. Следовательно, наименование реки Муромы можно рассматривать как скрещенный термин с исконным значением «вода-вода», т. е. просто «вода».

Таким образом, имя наиболее популярного и любимого русского богатыря Ильи Муромца, как и имя южнославянского богатыря Кралевица Марко, стоит, несомненно, в какой-то связи с именем реки, представляющим собой исконный славянский термин, означающий «вода». Следовательно, можно предполагать, что и Илья Муромец в своей основе, или в своем субстрате, в своем прообразе представляет собой также речное божество подобно южнославянскому Кралевицу Марко. Поэтому-то оба они — богатыри и по своему сверхъестественному происхождению, и по своему физическому развитию, и по своей сверхчеловеческой силе, и по своим богатырским подвигам.

Выше мы отметили, что в болгарском фольклоре змеи выступают также в образе каких-то существ под названием ламя, хала троеглава, аджер. В некоторых болгарских сказаниях о Трояне хищная сураламя является владельцем озера, питающего своей водой жителей города Троема. Однако, чтобы получить эту воду, троемцы должны

были давать суре-ламию ежедневно по одной молодой девушке. Так прошло три года. На четвертый год подошла очередь отдать суре-ламию свою дочь и царю. Когда царская дочь пришла на берег озера и, горько плача, ждала выхода ламии, которая должна была ее проглотить, к ней явился в образе неведомого юнака на сером коне сам святой Георгий. Узнав из рассказа девушки, что она верующая христианка и обречена отцом-язычником, троемским царем, в жертву ламии, Георгий вступает в единоборство с ламией и, всадив ей копьё в пасть, с помощью царской дочери связывает ее и живьем доставляет в город в царский дворец, где и расправляется с нею. Ударил Георгий правой ногой ламию в сердце, и она выблевала 360 молодых девушек, которых проглотила в истекшем году. Все они оказались живыми и повели хоровод. Второй раз ударил Георгий ламию, и она выблевала вторых 360 девушек, которые оказались частью мертвыми, частью живыми. Ударил Георгий ламию и в третий раз, и она выблевала еще 360 девушек, которые все оказались мертвыми. После этого троемский царь со всеми троемцами обратились в христианскую веру. Георгий же обошел все 70 источников, бывших в городе; вместо воды, в которой очень нуждались троемцы, все они давали золото и серебро, которыми народ и без того был богат. Георгий ударил своим копьём, и из источников потекла холодная вода.¹

В южнославянском и в новогреческом фольклоре имеется целый ряд аналогичных сказаний, образующих в общем группу легенд и преданий о царе Трояне-Мидасе, представляющих собой, надо полагать, отложение старого местного наследия фракийской культуры, о чем в свое время говорил В. Ф. Миллер.² В других болгарских вариантах того же сюжета вместо хищной сура-ламию выступает «змея халовита». Таким образом, змея южнославянского и новогреческого фольклора в данном случае представляет собой водяное божество, охраняющее реки, озера и источники, и притом враждебное человеку божество, для умиливания которого народ приносит жертвы.

Как было отмечено выше, кроме наименований ламя, ламия или хала троеглава, змея халовита и т. п. в болгарском фольклоре это существо носит также название аджер ненасытный, которое ведет нас в Малую Азию, в Закавказье, в районы знаменитых древнеармянских вишапов и древнегрузинских вешапов, выступающих в сказках обычно как чудовища, с которыми герои вступают в борьбу. Вешапы имеют образ драконов, иногда гигантских змей, как, например, грузинский «гвел-вешап», т. е. «змей-вешап». Они часто являются свирепыми хранителями источников, пещер с несметными богатствами, а также стражами похищенных красавиц, заточенных в темницы. Часто в этих легендах и сказках проглядывает и древний образ вишапа как божества плодородия и воды.

Заслуга открытия в 1909 г. в Гехамских горах в Закавказье на летних кочевьях каменных изваяний вишапов принадлежит академику Н. Я. Марру и выдающемуся нашему археологу Я. И. Смирнову. Кочевья, где были открыты вишапы, по-курдски называются Аждака-юрт, по армянски Вишапнер. Большинство этих изваяний имеет форму рыб, напоминающих сома или же местную рыбу чапар. Кроме того Н. Я. Марр установил три пункта около Эчмиадзина, связанных

¹ Акад. Н. С. Державин. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.—Л., 1941, стр. 21 и сл.

² См. его статью: «По поводу Трояна и Бояна «Слова о полку Игореве». ЖМНП, декабрь 1878, стр. 119—121.

с древними местами почитания вишапов: 1) Мугни, древнее место культа дракона Моге, обращенное в монастырь змееборца, святого Георгия; 2) Аштахарский храм, сооруженный на развалинах капища дракона Аштарак-Аджахак; и 3) Ошакан как место культа дракона вишапа, обращенное христианской легендой в место упокоения Месропа, изобретателя армянского письма.

В знаменитом армянском эпосе, рассказывающем о богатырях из Сасуна («Давид Сасунский»), в первой части повествуется между прочим о том, как богатыри Санасар и Багдасар в одном безводном крае победили вишапа, запрудившего родник и лишившего тем самым жителей города питьевой воды. Чтобы получить воду, жители раз в неделю отдавали вишапу на съедение девушку. Когда богатыри убили вишапа и он, окровавленный, повернулся и издох, родник открылся, и из него потекла вода. По описанию легенды этот вишап был ростом с буйвола, а длиной как пять буйволов, имел зубастую пасть и хвост.¹

В одной из армянских легенд чудесная рыба вишап названа А ж д а х а к. Кроме вишапов, в армянском фольклоре выступает и другая группа злых духов под именем к а д ж и, местопребывание которых, по сообщению армянского историка Моисея Хоренского, было на Арарате. Основы обоих этих терминов а ж д и к а д ж или а д ж рассматриваются исследователями как тождественные.

Таким образом, наименование змеи в болгарском фольклоре (А д ж е р) совершенно ясно вскрывает его первоисточник, вероятно, тот же фригийский первоисточник, который лежит в основе южнославянских сказаний о Трояне-Мидасе. По сообщению цитированного мной выше Б. Б. Пиотровского, у армянских историков, согласно народным сказаниям, вишапами называются также мидийцы, а имя последнего мидийского царя Астиага передается как Аждахак. «Да и сам термин Мар-к, которым армяне называли мидийцев, — замечает автор, — ассоциировался, возможно, с иранским Мара, что значит «змея». Эта интересная деталь, наряду с наименованием змея А д ж е р в болгарском фольклоре, проливает некоторый новый свет на первоисточник имени героя южнославянского и, особенно, болгарского эпоса — Кралевица Марко.

Змеевич Марк южнославянского эпоса в своей протооснове воспроизводит вишапа древнеармянских и древнегрузинских сказаний, являясь, как и вишапы, одновременно и змеем, и рыбой, что нашло свое отражение в южнославянском фольклоре в разное сказаний о рождении Кралевица Марко, где он выступает то как сын змея, то как сын реки. Этот разный ведет свое начало, повидимому, от наличности в исконных космических представлениях двух эпифаний нижнего неба — змеи и рыбы.²

В некоторых болгарских сказаниях Кралевиц Марко носит, однако, явные черты и бога верхнего неба. Отправившаяся на поиски без вести пропавшего Марко его мать, обращаясь к солнцу с вопросом, где она могла бы найти своего сына, рисует его приметы такими чертами: на челе у него — ясное солнце, на груди — ясный месяц, а на руке — перстень. Таким образом, Кралевиц Марко, водяное божество по своему изначальному происхождению, одновременно выступает и как бог неба.

¹ Б. Б. Пиотровский. Вишапы — каменные статуи в горах Армении. Изд. АрмФАН СССР, 1939.

² Подробнее о вишапах см. Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов. Вишапы. Труды ГАИМК, т. I, Л., 1931.

Характерную черту южнославянских сказаний о Кралевице Марко, историческом герое XIV в., эпохи Коссова поля, составляет то, что они обильно насыщены пережитками древнейших народных космических представлений. Этот основной субстрат южнославянских сказаний о Кралевице Марко густо вплетается в сказания об исторических героях XIV в., начального периода героической борьбы болгарского и сербского народов с османскими турками (Момчил, Вукашин, Кралевиц Марко и др.), придавая им своеобразный фантастический колорит, перенося на исторические персонажи XIV в. представления более ранних эпох развития мышления и прикрепляя к ним же разнообразные эпизоды как культурного наследия тех же древнейших эпох, так и наследия позднейшего международного культурного обмена (в виде так называемых ходячих международных сюжетов) и чисто местные южнославянские героические предания и, наконец, отдельные эпизоды из южнославянской книжной словесности.

В результате многовековой творческой работы целого ряда поколений изначальный миф о некоем речном божестве вырастает, начиная с XIV в., в комплексный образ эпического героя, в котором в конце-концов к настоящему дню отложилось обширное и разнообразное по своим источникам культурное наследие славянского прошлого.

Эпизод южнославянских сказаний о том, как Кралевиц Марко был наполовину лишен своей богатырской силы, оказавшись не в состоянии поднять «земной сумки», дословно повторяется в русских былинах об Илье Муромце, о богатыре Анике, о Святогоре, о Самсоне, о Колыване. И хотя эпизод этот является общим для южнославянского и русского эпоса с иранским, кавказским (в сказаниях о нартах), византийским и германским эпосами, тем не менее общность в этом отношении болгарского и русского эпоса свидетельствует об общности его первоисточника, а равно и об общности стадийно-культурного развития двух братских народов.

Первый богатырский подвиг болгарского Кралевица Марко, не имеющий себе параллели в сербских сказаниях о том же богатыре, — «корчевание поля» — дословно повторяется в русской былине об Илье Муромце.

Рассказ болгарской былины о выезде Кралевица Марко на богатырские подвиги и его победном бое с обложившим Стамбул богатырем, разбойником Мусой, повторяется в известной былине об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, но кроме болгарского и русского эпосов он же знаком иранскому (Рустем в «Шах-Намэ» Фирдоуси), древнегреческому (Тезей) и германскому (крестьянский сын Тетлейф Датский из сказаний Тидрек-саги), что опять-таки и прежде всего говорит об общности первоисточника данного былинного мотива у названных народов, восходящего к доисторической давности, и о единстве их культурно-стадийного развития.

Эту точку зрения мы противопоставляем механической теории заимствований, которой Вс. Миллер пытался объяснить происхождение данного мотива в русском былинном эпосе, называя «прототипом Ильи» иранского Рустема,¹ или теории проф. М. Халанского, отмечающего поразительное совпадение в деталях характеристики богатыря и его деятельности в русской былине и в сказании Тидрек-саги о Тетлейфе, или Дитлейбе, Датском, занесенном, по предположению Халанского, на русский север и восток, в Новгород, Суздаль, Муром, Владимир

¹ Вс. Миллер. Цит. соч., стр. 105.

и др. немецкими певцами, художниками и гостями из северной Германии в XII—XIV вв.¹

Нас интересуют, однако, в данном случае не позднейшие культурные наслоения, отложившиеся в былинах об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, совершенно естественные для общего процесса развития народной культуры в обстановке международных общений и культурного взаимообмена, но основной субстрат, лежащий в основе данной быliny и уводящий нас в гораздо более отдаленные доисторические века общности культурно-стадиального развития народов интересующего нас участка Средиземноморья, прекрасно засвидетельствованной уже цитированным нами выше легендарным материалом, о чем я подробнее говорю в исследовании о Трояне «Слова о полку Игореве».

С этой точки зрения более был прав по-своему проф. Ф. И. Буслаев, видевший в основе быliny об Илье Муромце и Соловье-разбойнике отложение мифа о Перуне, подобно тому как в болгарских сказаниях о Кравевиче Марко отложился миф о речном божестве, заменившем собой первоначально, надо полагать, верховное божество, бога верхнего неба, т. е. того же Перуна, на более ранних ступенях развития народного мышления и его космогонических представлений (намек на это в болгарских сказаниях о Кравевиче Марко были отмечены нами выше). Нельзя забывать и того, что сохранившиеся до наших дней произведения южнославянского и русского богатырского эпоса представляют собой только обломки некогда огромного народно-песенного творчества древности, пережившего вместе с народом длительный путь доисторической и исторической жизни и развития мышления и испытывавшего на себе весьма значительные перемены в смысле постепенной утраты одних элементов и приобретения взамен их позднейших, новых элементов. Восстановить поэтому полностью образ древнейшей протоосновы того или иного народного сказания по данным только обломкам не всегда бывает возможно, и по необходимости чаще всего приходится в таких случаях ограничиваться только предположительными, более или менее вероятными допущениями.

«Предание о Соловье-разбойнике, — говорит Ф. И. Буслаев, — составляет один из существеннейших эпизодов русского эпоса об Илье Муромце, и если в этом богатыре народ создал свой бытовой исторический тип, то весьма естественно допустить, что в чудовище, им пораженном, миф тучи с дождем осложнился какими-нибудь бытовыми чертами и что этот бытовой слой очень рано налег на стихийный миф, точно так же, как сам Муромец с незапамятных времен перестал быть Перуном».²

Сближает, наконец, русского богатыря с южнославянским Кравевичем Марко и его прозвище «Муромец», в основе которого можно видеть ту же основу «мар-мор-мур» в значении «вода»; воду означает также и скрещенный термин «мур-о-ма», наличный, как мы видели выше, в собственном имени южнославянского богатыря «Мар-ко». Что касается имени «Илья», то, как известно, в христианской демонологии славян Илья, мчащийся на огненной колеснице по небу, явился заместителем бога Перуна, бога неба, дождя, воды и грома.

Приведенный выше фольклорный материал убеждает нас в наличности в культурно-историческом наследии южного славянства и,

¹ М. Халанский. Южнославянские сказания о Кравевиче Марко. РФВ, № 4, 1892.

² Ф. И. Буслаев. Народная поэзия. СПб., 1887, стр. 274. Цитирую по статье проф. М. Халанского, РФВ, № 4, 1892, стр. 325 и сл.

в частности, болгарского народа, с одной стороны, и русского народа, — с другой, элементов, характеризующих единство культурно-стадиального развития названных народов, ведущее нас в глубочайшую доисторическую древность культурной жизни народов днепровско-дунайского участка Средиземноморья, когда о славянстве как о сложившемся культурно-историческом типе еще не могло быть и речи. Это единство обусловило собой общность культурных переживаний, доживших до наших дней в древнейших фольклорных отложениях, общих для русского и южнославянских народов.

Эта общность культурно-исторических переживаний, восходящая к глубочайшей доисторической давности, наметила собой, в свою очередь, и пути культурно-исторических связей и взаимоотношений народов на днепровско-дунайской территории на последующих этапах их исторической жизни, когда на месте фракийско-фригийско-киммерийских племен, включая сюда и родственные им по стадильности развития скифские племена Причерноморья, сложились новые этнические образования — албанцы, славяне, валахи, как новые по стадильности своего развития культурно-исторические типы. Былое культурное единство и общность культурной жизни на предыдущей, доисторической стадии позже, в историческое время, принимает характер международных культурных связей и взаимоотношений, и в этом новом аспекте продолжают теперь жить и народное мышление, и язык, и поэтическое народное творчество.

Академик В. В. Струве

Арийская проблема

Арийская проблема является в наши дни одним из актуальных вопросов, поскольку термин «ариец», означающий якобы «благородные», или «господа»,¹ является основой основ расистского учения фашизма. Согласно последнему, «арийцы», тесно связанные с пресловутой «нордической» расой, говорили извечно на языке той системы, к которой принадлежит и язык «германцев». Арийцы с древнейших времен вплоть до наших дней, так утверждают фашисты, везде выступали завоевателями, «господами», властвующими над «неполноценными» народами, над «неарийцами». ² Противоположение расистской теорией повсеместно и во все времена «арийцев» и «неарийцев» служило обоснованием жестокой национальной и расовой розни, беспощадного угнетения и свирепой агрессии.

Такое противопоставление «благородных арийцев» и «неполноценных неарийцев» должно быть с научной точки зрения полностью отвергнуто. Это мое положение находит свое убедительнейшее подтверждение в подлинной истории термина «ариец».

✓ В области Средиземноморья мы встречаемся впервые с термином «арийцы»,³ примененным по отношению к крупному объединению племен, в труде Геродота и в древнеперсидских надписях. Знаменитый греческий историк свидетельствует (VII, 62) о том, что мидяне в древности назывались «арийцами». Одно из племен мидян, при этом не главенствующее, носило имя «Аризанту», т. е. племя «ариев». ⁴ В древнеперсидских надписях «ария» применяется по отношению к персам. ⁵

¹ Н. Я. Марр уже в 1922 г. в своем исследовании «Сена, Сона...» заявил, что «толкование, считаемое окончательным, этнического термина» «*Ἀριοί*», «*ariya*» и т. д., который значил, мол, «благородные» или «господа», «*domini*», не что иное, как «оскорбление законов палеонтологии». Данной справкой я обязан постоянной любезности Л. А. Мацулевича.

² Так, расист Reche определяет персов с точки зрения антропологии как «племя завоевателей североευропейского происхождения, которое вторглось в Иран и осело здесь в качестве слоя господ над покоренным туземным населением». См. *Reallexikon der Vorgeschichte*, т. X, стр. 80.

³ Я, конечно, не касаюсь таких sporadических упоминаний «арийой», которые мы находим на надгробных стелах Родоса. См. Pauly Wissowa, т. II, столб. 835, s. v. *Arioi*.

⁴ В своем списке шести мидийских племен Геродот (I, 101) перечисляет их на четвертом месте, а не на первом, как пасаргады, главенствующее племя персов в списке 10 персидских племен, данном Геродотом (I, 125).

⁵ В своей Накширустемской надписи а, стр. 14—15, Дарий I называет себя «арийцем арийского корня (семени)». Так же называет себя и Ксеркс в своей надписи о Дэвах, стр. 13 (изд. Herzfeld, *Altpersische Keilinschriften*, 1938). В § 62 и 64 Бехистунской надписи в эламской версии Ахурамазда назван «Оромашта бог арийцев».

Ни древнеперсидские надписи, ни Гаты,¹ древнейшая по мнению многих исследователей часть Авесты, не знают «арийцев» на востоке Ирана. «Арей» — название Геродотом (III, 93) населения Афганистана — восходит к древнеперсидскому «Naṛāiva», а не к девнеперсидскому «aṛiua». В Авесте также «Ариой» Геродота (VII, 62) соответствует «aṛiua», а «Арей» Геродота (III, 93), соответствует «Naṛāiva». И «aṛiua», и «Naṛāiva» упоминаются в одной и той же древнеперсидской надписи, в известной накширустемской надписи Дария I.² В Авесте в одном и том же Яште X мы находим «aṛiua» (строка 13) и «naṛāiva» (строка 14).

✓ Объединение персов и мидян одним общим этническим термином «арийцы» указывает на большую близость их между собой, несмотря на неоднократные военные столкновения при Фравартише, царе мидян, при Кире II и при Дарии I. У Геродота, как и у других греческих историков, очень часто персы назывались мидянами. У Геродота даже война эллинов с персами называлась «мидийской войной». Египетские тексты также обозначали персов мидянами.³ Южно-арабские надписи равным образом отождествляли персов с мидянами.⁴ Персидское племя сагартиев (Геродот, I 125) выступает, в Бехистунской надписи Дария I, под руководством самозванца, объявившего себя отпрыском мидийского царского дома.⁵ Ядром войска Дария и Ксеркса являлись не только персы, но и мидяне. Неоднократно Дарий в Бехистунской надписи заявляет о войске персов и мидян, которое было у него. Так, например, в § 25 Бехистунской надписи мы читаем: «говорит царь Дарий: малым было войско персов и мидян, которое было у меня. Тогда я послал это войско...» и т. д. В войске Ксеркса также персы и мидяне перечислялись рядом друг с другом (ср. Геродот, VII, гл. 61, где дается описание всего персидского войска, шедшего походом на греческие города-государства). Близость между персами и мидянами доходила даже до того, что, согласно Геродоту (VII, 62), вооружение и костюм мидян и персов были тождественны.⁶ Заслуживает внимания и то, что религиозные воззрения мидян и персов, отличаясь несколько от религиозных воззрений племен восточного Ирана, были тождественны.⁷

Все приведенные данные убедительно говорят за то, что исторические судьбы мидян и персов были веками объединены, и потому наименование их общим названием «арийцы» отнюдь не доказывает повсеместного использования этого этнического термина для обозначения племен завоевателей, «нордической» расы. Как известно, историки-расисты причисляют и персов к народам нордической расы.⁸

Уже давно было высказано предположение, что в древнейший период своей истории персидские племена были в географическом

¹ Гаты, несомненно, созданы на востоке Ирана, и мы не находим здесь упоминания «арийцев». См. слово Гат у Chr. Bartholomae. Die Gatha und die heiligen Gebete des altiranischen Volkes. Halle. 1879.

² Строки 14—14 и строки 22—23.

³ См. М. А. Коростовцев. Письмо и язык Египта (докторская диссертация), стр. 314.

⁴ См. Weissbach, s. v. Kambyses в Pauly Wissowa, X, столб. 1815.

⁵ Бехистунская надпись, § 33.

⁶ В главе 61 Геродот дает обстоятельное описание вооружения персидских воинов, а в главе 62 мы читаем о вооружении мидян: «точно в таком же вооружении выступили в поход и мидяне, потому что это собственно мидийское, а не персидское вооружение».

⁷ См. мою статью «Родина Зороастризма» в подготовляемом к печати сборнике «Средняя Азия и Иран».

⁸ См. примечание 2 на стр. 117.

отношении теснейшим образом связаны с мидянами. Дело в том, что ряд авторитетных ученых отождествлял первое известное нам местопребывание племен, называвшихся впоследствии персидскими, с областью Парсуаш, локализуемой к юго-западу и к югу от Урмийского озера, в непосредственной близости от Мидии.¹ Указанное предположение об исторической связи между страной Парсуаш и персидскими племенами находит теперь свое блестящее подтверждение в свидетельстве двух ассирийских клинописных таблечек, датированных 642—639 гг. В них упоминается «Кир, царь Парсуаш», очевидно, тождественный с Киrom I, дедом Кира II Великого.² Ко времени пребывания в стране Парсуаш этих племен может быть отнесено название их «персами» (парса), под которым они стали известными впоследствии.³ До того они не выделялись среди племен мидян и прочих кочевых племен северо-запада Ирана. Из страны Парсуаш они, следуя за другими им родственными племенами, постепенно спускались на юг в Персиду. Долговременной стоянкой во время их движения на юг была Эламская область Анзан, царями которой называли себя первые Ахемениды, вплоть до Кира II.⁴

В стране Парсуаш, упоминаемой и ассирийскими, и урартийскими текстами, персидские племена жили, несомненно, вместе с другими, не родственными им племенами. В этой области локализует Страбон (XI, 508) племя «парсиев», которое является, согласно его же свидетельству, частью народа «анарианов», т. е. «неарийцев». К имени этого племени «парсин» восходит, вероятно, название страны «Парсуаш». Здесь же, в области к югу от Урмийского озера и к юго-западу от Каспийского моря, Страбон⁵ находит и племя «амардов». Это этническое название нельзя отделить от «мардов», названия одного из персидских племен, засвидетельствованного тем же Страбоном в Персиде.⁶ Действительно, в ассирийских текстах мидяне назывались и «амадай» и «мадай»,⁷ племенное же имя «асагартин» древнеперсидских надписей передавалось греческими историками в виде «сагартин».⁸ Коль скоро «амарды» прикаспийской области тождественны с «мардами» Персиды, из этого следует что часть персидских племен продолжала оставаться и много столетий после первых ахеменидов здесь, в древней стране Парсуаш, и в соседних с ней областях.

Мидийские племена кочевали к востоку от страны Парсуаш, где обитали племена, называвшиеся впоследствии персидскими. Ассирийские же царские надписи называют всех своих восточных соседей «мадай», или «амадай», т. е. «мидянами». Очевидно, ассирийские писцы называли мидянами и племена страны Парсуаш, ближайшего восточного соседа ассирийской державы. Этот факт подтверждает вышесказанное мною положение, что в древнейшее время персы не выделялись среди мидийских племен. Вместе с тем ассирийские же источники доказывают нам, что племена мидян, обнимающие собой и персов, отнюдь не являлись однородной этнографической группой. Ряд исторических деятелей, известных в позднейшей традиции как цари и правители мидян и персов, в ассирийских летописях ставятся

¹ За подобное отождествление высказывались уже Раулинсон, Гоммель, Пра-шек, Тураев и др.

² См. E. Weidner. Archiv für Orientalforschung, VII, стр. 1 сл.

³ См. E. Herzfeld. Archaeological History of Iran, 1935, прим. к стр. 27.

⁴ См. E. D. Meyer. Geschichte des Altertums, I, § 363 A.

⁵ Страбон, XI, 508 и 514.

⁶ Там же, XIV, 727.

⁷ Ср. O. Schroeder. Reallexikon der Vorgeschichte, X, стр. 74.

⁸ Ср. Бехистунская надпись, § 52; Геродот, I, 125.

в связь с другими народами. Так, Дейока, основавший, согласно Геродоту, мидийское царство,¹ объявляется в анналах ассирийского царя Саргона II правителем области маннеев, расположенной к востоку от Урмийского озера.² «Кшатрита» было, очевидно, имя одного из древних мидийских царей, если этим именем назвал себя, согласно Бехистунской надписи, сатрап Мидии Фравартиш, восставший против Дария I.³ «Кшатрита» упоминается и в текстах ассирийского царя Асархаддона (681—668 гг. до н. э.), но он связан здесь с народом «кашшу», каспиями, народом, не входящим в состав иранской группы.

В особенности же заслуживает нашего внимания враг ассирийского царя Асархаддона, по имени Теушпа. Последний, названный ассирийскими анналами «киммерийцем», был разбит в 677 г. до н. э. царем Асархаддоном в области к северо-востоку от Ассирии.⁴ Этот киммериец Теушпа может быть вполне закономерно и с точки зрения лингвистической и с точки зрения исторической сопоставлен с Теиспой, прадедом Кира II.⁵ В имени Теушпа-Теиспес сохранилось имя бога Тешуба, почитаемого среди всех хурритских племен Передней Азии, говоривших на языках яфетической системы.⁶ К одному из хурритских личных имен «Мардуниш» восходит и имя родоначальника одного из знатнейших персидских родов «Мардуния».⁷

Чрезвычайно важным является то, что первый персидский царь Теушба-Теиспес, прадед Кира II, называется в анналах Асархаддона «киммерийцем». Ведь в качестве киммерийца Теушба-Теиспес может быть связан с армянским народом, поскольку и Н. Я. Марром допускается возможность возведения к киммерийцам происхождения армянского народа.⁸ С другой же стороны, имя Теушба-Теиспес связано с древним до-индоевропейским хурритским населением античной Армении, почитавшим, подобно прочим хурритским народам, также бога грозы и бури Тешуба.⁹ С Арменией же связаны еще два из персидских царских имен: Кир и Камбис. Действительно, и Кир и Камбис находят полное соответствие в именах двух рек, берущих начало, согласно античным географам, в армянских горах: «Киру» соответствует современная Кура,¹⁰ а «Камбис» некоторыми исследователями сопоставляется с современным «Гори».¹¹ Очевидно, в царских персид-

¹ Геродот, I, 96—98.

² E. Herzfeld. Archaeological History of Iran, стр. 20.

³ Бехистунская надпись, § 24 и 52.

⁴ См. Thureau. Dangin Tell Ahmar в Syria, X, 1929, стр. 194. О поражении, которое нанесли ассирийцы киммерийцам в начале царствования Асархаддона, свидетельствует и вавилонская хроника (столб. IV, 2). Вавилонская хроника и указывает на четвертый год царя Асархаддона, т. е. 677 г. как год поражения киммерийцев. См. Lehmann-Haupt, цит. соч., столб. 409.

⁵ См. E. Weidner. Archiv für Orientalforschung, VII, стр. 5 сл. Сомнения, высказанные Weissbach в Pauly Wissowa (серия II, полутом IX, столб. 154) по поводу этого отождествления, не являются вескими.

⁶ Мы находим его в государстве хеттов, в Угарит, в области митанийцев, Аррапки, и в Урарту. Было высказано предположение назвать хурритские народы народами Тешуба. См. изданную в Ереване докторскую диссертацию «История и культура Урарту» Б. Б. Пиотровского.

⁷ См. Scheil. Délégation en Perse, т. XI, стр. 98, № 366, строка 11.

⁸ Н. Я. Марр и И. А. Орбели. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, стр. 61.

⁹ Так, древняя урартийская крепость на южном побережье озера Севана около селения Алучалу называлась «городом бога Тейшеба», т. е. «городом Тешуба». См. указанную диссертацию: Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 39 и 139. Поскольку в имени Теушпа-Теиспес-Тешуб звучит «вишап», «змея-рыба» — объект почитания яфетических народов, то см. прекрасный труд Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова. Вишапы. Труды ГАИМК, т. I, Л., 1931.

¹⁰ См. Pauly Wissowa, т. XII, столб. 188, s. v. Kyros.

¹¹ См. там же, т. X, 1810, s. v. Kambyses.

ских именах «Кир» и «Камбис» скрываются имена двух древних речных божеств, почитавшихся в Армении и в соседних областях. О том, что в эпоху первых Ахеменидов могли быть общие имена у персидской и армянской знати, свидетельствует Бехистунская надпись Дария I. Здесь мы находим двух носителей имени Дадаршиш; один из них — армянин и был послан Дарием для подавления мятежа в Армении,¹ а второй был перс и являлся сатрапом в Бактрии, разгромившим восстание в Маргиане (современный Мерв).²

Можно установить близость мидийско-персидских племен к древнему населению Армении и в области религии. Из надписи о восьмом походе ассирийского царя Саргона II (714 г. до н. э.) мы узнаем, что женой главного бога, священного для племен древней Армении города Мусасира, была богиня «Бага-Мазда», которая должна быть поставлена в связь с великим богом Ахура-Маздой в надписи Ахеменидов.³ В фольклоре западного Ирана мы встречаем легенды о Семирамиде,⁴ которые являются столь популярными в Армении, согласно свидетельству Моисея Хоренского.⁵ Веские данные говорят за то, что архитектура гробниц Ахеменидов свидетельствует о тесной связи строительного искусства западного Ирана с архитектурой, свойственной древней Армении.⁶

На основании всех приведенных данных можно сказать, что персидские племена наравне с мидийскими пребывали в древнейшем периоде истории в непосредственной близости к Армении, этому котлу, переваривавшему самые разнообразные этнические и расовые элементы. Этот факт имеет для решения поставленной перед нами задачи громадное значение. Дело в том, что Армения, столь тесно связанная с племенами персидскими и мидийскими, называлась в ассирийских текстах именем «Уруатри», позже «Урарту», соответствующим библейскому «Арарат», армянскому «Айрарат». Вполне закономерно возникает догадка, что название мидян и персов — «арийцы» — восходит в конечном итоге к «Урарту—Арарат». Корень «ар» встречается и в имени древнего урартского царя Арама, и в топонимике Армении, начиная с имени самой страны Армении и кончая именем города Армавира⁸ и т. д.

Древнее до-индоевропейское население Армении находилось в отношении языка в теснейшем родстве с прочими хурритскими племенами и народами, как это устанавливается теперь новейшими исследователями.⁹ В том же языке «хурри» или «урри»¹⁰ мы находим соответствие для «арту» — второй части древнего названия Армении — «Урарту». На этом языке словом «арта» обозначалось «поселение», «город», а следовательно, и «область», в которой находится «поселение». ¹¹ — Поэтому древнее название Армении можно интерпретировать,

¹ Бехистунская надпись, § 26—28.

² Там же, § 38.

³ См. мою указанную выше статью в сборнике Института востоковедения АН СССР «Средняя Азия и Иран».

⁴ О связи Семирамиды с Бехистунской скалой, в свою очередь связанной с культом Ахура-Мазды и Митры, свидетельствует Диодор (II, 13).

⁵ См. исследование Н. Я. Марр Иштарь (Яфетический сборник, VII), и неоднократно цитированную диссертацию Б. Б. Пиотровского.

⁶ E. Herzfeld. Archaeological History of Iran. p. 17, 28, 33.

⁷ См. Н. Я. Марр. Термины из абхазо-русских этнических связей (Избранные работы, V, стр. 124, сл.). У Геродота (III, 94, VII, 79) мы имеем соответствие «Алародий». В языках яфетических весьма частым является замещение «л» и «р».

⁸ Армавира Птолемея.

⁹ J. Friedrich. Kleme Beitrage zur churritischen Grammatik, 1939. S. 62.

¹⁰ О закономерности чтения «хурри» и «урри» см. ниже.

¹¹ J. Friedrich. Цит. соч., стр. 49.

как «хуррийское (уррийское) поселение», или же «хуррийская (уррийская) область». Заслуживает внимания тот факт, что в персидском языке хурритское слово продолжало жить. Действительно, согласно античной традиции страна персов называлась «Артайа»,¹ а персы — «Артайой».² Хурритское «арта» — «поселение», «область» — живет и в наши дни в виде новоперсидского слова «арта» — «страна», «область».³

Этническое название «хурри» может читаться и «харри», так как первый слоговой знак, входящий в написание этого имени «хур-ри», может читаться и «хар», и «хур», согласно нормам вавилоно-ассирийской клинописи.⁴ Когда в 1907 г. в текстах вновь открытого Богазкеойского архива было установлено имя народа «харри» или «хурри», в специальной литературе было предложено чтение «харри», и к нему тотчас же приковалось острое внимание исследователей. Уже в 1907 г. выдающийся ассириолог Винклер, открывший Богазкеойский архив, высказал положение об отождествлении «харри» и с «арийцами».⁵ Подобное отождествление является с лингвистической точки зрения вполне закономерным, поскольку мы в клинописи имеем лишь один знак для обозначения любой гортанной согласной, начиная от сильнейшего гортанного звука, как арабское «h» с точкой и кончая слабым, еле слышным придыханием.⁶ Положение о тождестве «харри» с арийцами подкреплялось установлением текстом Богазкеойского архива имен индоарийских богов, личных имен и слов, включаемых исследователями в язык народа «харри».⁷ Когда же на основании более глубокого изучения текстов, дошедших до нас от народа «харри», была со всей определенностью доказана принадлежность языка «харри» к языкам яфетической системы, то отождествление «харри» с арийцами было отвергнуто.⁸

Я же полагаю на основании всего вышеприведенного, что сопоставление «харри» с «арийцами» вполне закономерно не только с точки зрения лингвистической, но и по существу. Сопоставляя народ «харри» с «арийцами», я тем самым утверждаю, что «арийцы» первоначально ничего общего не имели с индоевропейскими или «нордическими» арийцами, но должны быть включены в большую семью хурритских народов. Различное чтение данного этнического названия «харри» или «хурри» было, очевидно, обусловлено тем обстоятельством, что оно в одних диалектах произносилось как «хурри», а в других как «харри».⁹ О подобном факте свидетельствует идеографическое (не-фонетическое) написание в клинописи

¹ См. Weissbach. Pauly Wissowa, т. II, столб. 1302—1303 со ссылкой на свидетельство Гелланика.

² Геродот (VII, 61). Носителями имени «Артайос» являются два перса, упоминаемые Геродотом (VII, 22 и 66). О царе мидян с именем «Артайос» повествует и Диодор (II, 32) в рассказе, взятом у Ктесия (Ктесий, фрагмент 52).

³ См. S. Haim. New Persian-English Dictionary, т. I, p. 65.

⁴ См. Delitzsch. Assyrische Lesestücke. 1912, S. 29, № 234.

⁵ Mitteilungen d. Deutschen Orientalgesellschaft, 1908, 35.

⁶ A. Ungnad. Babylonisch-Assyrische Grammatik, 1936, § 4.

⁷ См. E. Meyer. Geschichte des Altertums, I, § 590.

⁸ См. J. Friedrich. Цит. соч., в котором приведена и предшествующая литература.

⁹ Это чередование «а» и «у» нельзя объяснить тем, что «х» в «харри» соответствует свойственному некоторым иранским языкам согласному звуку, в котором близко соединены звуки «х» и «в» (ср. авестийское «п», Bartholomae, Handbuch der altiranischen Dialekt., 1883, стр. 9), как, например, в географическом названии «Хорез — Хварезм». Подобному предположению противоречит транскрипция указанного географического названия в древнеперсидской, эламской и нововавилонской клинописи: uvaḡarimīš (древнеперсидский), maḡarimīš (элам) и huṡarizma (нововавилонский). Транскрипции взяты из Накширустемской надписи а Дария I (§ 3).

имени страны Урарту. Данная же идеограмма служила для обозначения названия севера Ирака — «Аккада» и для обозначения западных от Вавилонии областей — «Амурру». В первом случае эта идеограмма имеет чтение, наряду с «Аккад», — «ури», а во втором, наряду с «Амурру», — «ари».¹ Мы видим, таким образом, что оба варианта «харри» — «ари» и «хурри» — «ури» являются, действительно, лишь диалектической разновидностью.

Для нашей задачи тождественное идеографическое написание названий стран Урарту, Аккада и Амурру имеет еще и другое существеннейшее значение. Оно является ярким свидетельством пребывания племен «харри», «хурри» в Передней Азии уже в древнейшее время. Очевидно, и в Аккаде и в Амурру они являлись древнейшим населением, коль скоро эти области когда-то назывались их именем. К подобному же выводу о наличии хурритских племен в Передней Азии уже в глубочайшей древности приходит сталинский лауреат проф. Куфтин в своей замечательной книге «Археологические раскопки в Триалети».² Проф. Куфтин допускает, опираясь на дешифровку известным чехословацким ученым Б. Грозным древнейших индийских письменных памятников, нахождение хурритских племен и в северной Индии.³ Действительно, Б. Грозный установил (путем предложенной им дешифровки) в древнейших текстах (конец IV — начало III тысячелетий), найденных, начиная с 1922 г., в Мохенджо-Даро, Хараппе и в других пунктах долины Инда, наличие одних лишь хурритских имен, столь хорошо засвидетельствованных в клинописных таблечках Месопотамии (см. статью Б. Грозного в «Вестнике древней истории», № 2, 1940). Данное положение крупного славянского исследователя может быть подкреплено еще рядом новых аргументов.⁴ Если же и в долине Инда уже в глубочайшей древности засвидетельствовано пребывание «харри», то становится весьма вероятным вывод, что к ним же, к «харри», надо возвести известный и здесь, в Индии, этнический термин «ариец». Поэтому нас не должно удивлять, что «Урарту»-«Арагат» имеет свое близкое соответствие в санскритском «ариаварта» — «арийская страна».⁵ В таком случае и в Индии, как и в Передней Азии, названием «харри-«арийцы» именовали себя племена, которые в языковом отношении должны быть отличимы от народов, ставших впоследствии носителями указанного этнического термина.

Как в Иране, так и в Индии термин «ариец» и противоположение «ариец» и «не-ариец» долгое время не имели никакого значения. Мегасфен еще в III в. до н. э. в своем труде, посвященном Индии, ни слова не говорит ни об «арийцах», ни о «не-арийцах».⁶ Лишь в последующее время термин «ариец» начинает приобретать и в Иране, и в Индии свое значение средства выделения среди племен и народов Ирана и Индии

¹ Delitzsch. Assyrl. Lesestücke, стр. 97 (Силабарева), строки 72—73; ср. также Meissner. Seltene assyrische Ideogramme. Лейпц., 1907, стр. 306, № 5327—5328; ср. также Delitzsch, цит. соч., стр. 26, № 209.

² Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 24.

³ Там же, стр. 26.

⁴ По крайней мере, я надеюсь это показать в статье «Дешифровка протоиндийских писем» в сборнике «Индия», подготовляемом Институтом востоковедения АН СССР.

⁵ «Ārya-avarta» = «āryavarta». Данной справкой я обязан любезности молодого индianиста В. И. Кальянова.

⁶ Я полагаю, что на это умолчание Мегасфеном о «белых» арийцах, противостоящих «черному» покоренному ими населению, не было обращено должного внимания.

властителей и угнетаемых. В наши дни этот термин приобрел через расовую теорию — «этот пережиток средневекового мышления» (Н. Я. Марр)¹ — еще более зловещую окраску.

Этнический термин «ариец», восходящий к названию многочисленных не-индоевропейских племен, разбросанных на большой территории и подвергавшихся в течение веков сильнейшему воздействию скрещения и смешения с самыми различными племенами и расами, стал символом не существующей в природе «чистой индоевропейской (нордической) расы». Объективный исторический анализ вскрывает ложность этой основы основ расистской теории, пытавшейся разбить ею великую идею единства всего человечества.

¹ Эти слова Н. Я. Марра взяты из одного не изданного его курса, читанного им еще в 1908 г. Справкой я обязан любезности В. А. Механьковой.

Л. А. Мацулевич

Аланская проблема и этногенез Средней Азии¹

I

Почти в то самое время, когда в прикавказских районах Европы и в прилегающих к ним с востока областях, вплоть до Приаралья, слагалась в порах сарматского объединения огромная аланская военно-демократическая конфедерация племен, Птолемей (II половина II в. н. э.), вероятно, следуя традиции своего предшественника Марина (I треть II в. н. э.) или еще более ранней,² письменно фиксирует представления греко-римского мира о Восточной Европе как о двойной Сарматии. Последняя состоит у него, как известно, из Европейской Сарматии — к западу от Дона, поскольку Дон считался в то время восточной границей Европы, и из Азиатской — к востоку от Дона, до Волги.³ Подобное увековечение имени сарматов как раз в то время, когда близился крах сарматской знати, возглавлявшей сарматское политическое объединение племен, и незадолго перед тем, как имя сарматов исчезнет из обращения в самом исконном центре их (на Северном Кавказе, в Прикубанье и в Придонье) и будет перекрыто именем алан, — отнюдь не свидетельствует об отсутствии у Птолемея-географа исторической перспективы или о некритическом повторении им более раннего источника. Отраженные в его сочинении представления греко-римских информаторов о все еще ведущей культурной, объединяющей роли сарматов на северо-восточной периферии античного мира соответствовали действительному положению вещей и во времена Птолемея.

Историческая роль сарматов была поистине значительной. Она не оборвалась вдруг. С их именем связан один из определяющих периодов в длительном процессе взаимосвязей юго-востока Европы и северных

¹ Переработанный доклад на сессии АН СССР по этногенезу Средней Азии (Ташкент, 1942 г., август).

² Ср. представление о Сарматии (европейской) в Хорографии Помпония Мелы (около 44 г. н. э.): на западной границе «она отделена от соседних стран рекой Вистулой (Висла) и, спускаясь вниз, доходит до реки Истра (Дунай)» — кн. III, 33, ср. III, 55 (В. В. Латышев, *Scythica et Caucasica*, т. II, СПб., 1904, стр. 123, 126); ср. Геродот, кн. III, гл. 97; кн. IV, гл. 45.

³ Птолемеевой традиции следует часть западноевропейской историографии позднего средневековья. В частности, название «Сарматия» в применении к древней Руси и к России сохраняется до Матвея Меховского (1517 г. — «Трактат о двух Сарматиях». М.—Л., 1936) и даже до рубежа XIX в. у Яна Потоцкого (1761—1815 гг.) — *Essai sur l'histoire universelle et recherches sur la Sarmatie*. Варшава, 1789—1792; *Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves*. Брауншвейг. Берлин, 1796; *Histoire primitive des peuples de la Russie*, СПб., 1802.

областей Средней Азии, Узбекистана в частности. Наследие сарматов, результаты их культурного и политического расцвета и окончательно определившихся при них связей оставались действенными не только на ближайший от них отрезок времени, но на долгие века. Нерушимость сарматского единства прикавказского юго-востока Европы обусловит впоследствии органическое включение Придонья в Хазарскую державу; именно это восходящее к сарматам единство будет воспринято арабскими писателями IX—X вв. (Джайхани) как этническая реальность, как одно из трех основных слагаемых русского государства — Артания. Без уяснения исторического места сарматов оказались бы без надлежащего освещения и проблема алан, и ряд фактов в истории славян, и многие стороны этногенеза народов Средней Азии. Здесь древнейшим историческим следом сарматов обычно считается воспевание в Авесте «мужей праведных сайрима» и «жен праведных сайрима».

Авеста, только в одном гимне которой есть упоминание народа «сайрима», не дает географических указаний. Толкование «страны сайримов» как азиатских провинций Римской империи, как Запада, приняло конкретные очертания не при сложении Авесты, а значительно позже, уже на ином историческом этапе, в эпоху новых политических устремлений Ирана. Оформилось же это толкование на основе древних саг о разделении царем Феридуном некогда якобы единого иранского мира на три части по числу трех его сыновей. Родственные саги вошли затем и в Шах-Намэ Фердоуси. Авеста в своем упоминании сайримов хранит седую старину действительных соприкосновений и соседства подлинных творцов этого свода религиозных представлений и культовых образов с областями, уходящими от Хорезма, от Приаралья и от Прикаспия к северо-западу и западу до просторов Дона. Наименование «сайрима» может быть отождествлено с насельниками степей как раз к востоку от Дона — с савроматами, или сарматами. Они жили здесь с незапамятных времен. В этих местах их застает в V в. до н. э. «История» Геродота, здесь их знают последующие греческие и римские писатели, а Страбон (I в. н. э.) даже прямо называет «сарматскими равнинами» пространство к северу от Кавказа.

Раскинувшиеся по всему краю укрепленные поселения, так называемые городища, окружающие их могильники и курганы, — все они при археологических исследованиях полностью подтверждают, что культурная жизнь интенсивно развивалась здесь на протяжении долгих веков. В ней не было никакого перерыва, по крайней мере с конца V в. до н. э. вплоть до первых веков нашей эры; не наблюдается также ни резкой, ни внезапной смены культур. При дальнейших полевых исследованиях, вероятно, будут вскрыты и еще более древние слои поселений, непрерывно объединенные с последующими. Отсутствие перерыва свидетельствует, что не было ни прихода завоевателей, который нарушил бы однообразное течение жизни и потребовал бы времени для восстановления ее; не было ни значительного притока чужеродных племен со стороны с иной культурой, ни смены насельников этих мест. Прикубанье и Нижнее Придонье оставались стародавним сарматским центром.

Греко-римский мир связывал имя «сармат» с конкретной политической организацией того времени — с сарматским военно-демократическим объединением племен в Северном Прикавказье и, кроме того, также и с отдельными конкретными племенами в пограничных или вообще в важных для империи районах. Греко-римский мир встречал имя сарматов и на Дунае, и в Причерноморье, и на Кавказе. Территория Восточной Европы оказалась отождествленной греко-римским миром

с Сарматией, причем в ней различались две части: Европейская Сарматия — к западу от Дона, и Азиатская — задонская. Однако племена, известные на всем этом огромном пространстве под именем сарматов, не были этнически идентичны. Так, под сарматами, упоминаемыми античными авторами при описании событий первых веков нашей эры в придунайских провинциях империи, кроются сложные образования на местной скифской и дако-кельтской основе. Они, как это особенно наглядно проявляется на археологическом материале, не тождественны с племенами сарматского юго-востока, с теми сарматами Прикубанья и Придонья, которые составляли основное ядро собственно сарматского или савроматского прикавказского объединения. Границы территории последнего не были устойчивыми и пока в точности не известны ни для одного из периодов. Племенной состав его не был постоянным и неизменным. Единой, прочной организации оно не имело. Тем не менее сарматское единство прикавказского юго-востока Европы было действенным и мощным; территория его ширилась; оно охватывало и прилегающие районы Средней Азии.

Но термин «сармат» был связан не только с теми конкретными политическими единицами, с которыми соприкасался или о которых был наслышан греко-римский мир. Он появляется в местных наименованиях, непосредственно не зависящих на данном историческом этапе одно от другого. Этот термин, как однажды выразился Н. Я. Марр, наличествует и там, где «пребывание сарматов ни одним автором повестей минувших дней не удостоверено». Например, название гор «Карпат» является лингвистически не чем иным, как разновидностью термина «сармат». Тем самым наименование Карпатских гор говорит о не вполне еще раскрытых исторических связях, как, впрочем, и все Прикарпатье и все Придунавье сигнализируют о многочисленных, не вполне еще уловленных связующих нитях.

Так, у римского писателя Лукана (середина I в. н. э.) упоминается «варварская Кона» на рукаве Дуная, где он «теряет сарматские воды». В одной из рукописей схолий к Лукану указывается, что наряду с этой дунайской Коной существовала и другая: «государство или страна в крайних пределах Европы у сарматов». Не случайно, конечно, что в том тексте, где речь идет о дако-скифских районах Причерноморья, о территории гетов, вдруг (казалось бы, без прямой нужды и без непосредственного отношения) заводится речь о параллельно существующей восточной «Коне». Не скрывается ли под этой предельно дальней Коной имя среднеазиатской Канки («Кангюй» китайской транскрипции) — государства и страны в этнонимически родственной дахомассagetской среде Средней Азии?

В самом деле, при наличии Коны Лукана и наряду с ней получает особое значение название селения Концешты, тоже в бассейне Дуная, хотя еще не исследовано, к какому времени восходит данное топонимическое имя. В слове «Конц-ешты» лежит тот же термин, только в более полной форме «конц» (Konč), закономерно восходящей к среднеазиатскому «Kank»: Kont ← Konk ← Kank (Kankh). Наличие такой неусеченной формы в названии Концешты лингвистически оправдывает зависимость наименования придунайской «Коне» от имени «Kank». Это те Концешты, где обнаружено погребение, относящееся ко времени около 400 г. н. э., замечательное тем, что оно связано с рекой; это те Концешты, где наряду с прочими предметами в погребальном инвентаре находилась драгоценная накладка на ремень конской сбруи, представляющая собой птице-рыбу. По самому обряду погребение варварского князя в Концештах связано со сложным сарматским обрядом,

открытым, в частности, на р. Судже, сохранившимся на юго-востоке Европы до X в. н. э. — вплоть до времени Ибн-Фадлана. Погребение это, требовавшее навыков в устройстве хотя бы простейших гидротехнических сооружений типа головных устройств оросительных каналов, могло технически базироваться на многовековом опыте ирригационных работ соседящих областей Средней Азии и Закавказья.

Пережитки культового отношения к реке, явно выступающие в этом обряде, наряду с космической птице-рыбой на конской сбруе, поднимают перед нами не только образ яфетического коня-птицы, но и образ коня-реки, пережиточно сохранившийся, между прочим, в древнем названии реки Свани и Западного Кавказа Цхенис-цхали, по-гречески ἵππος — Конь-река. Быть может, усеченная форма лукановой варварской «Копе», вместо «Капка», привилась на Дунае (самое наименование которого связано, в свою очередь, с сарматской рекой «Дон» — «Танаис» и многочисленными Домами Кавказа) как раз под воздействием широко распространенного яфетического слова «hone» — русского «коня».

Не следует и в этом случае замалчивать древнейшие, еще доиранские позывные сигналы из Средней Азии, не только лингвистические. Как раз в районе Канки конь был одним из тотемов. Пережитками его культа (особенно в дахо-массагетской среде) полна последующая история. Мы не должны оставаться глухими к словам Геродота: «из богов массагеты чтут только солнце, которому приносят в жертву коней». Схолиаст, толкуя соответствующее место Лукана, отразил имевшиеся у него неполные и смутные сведения о реально существовавшем, приблизительно в его время, по соседству с дальними сарматами крупном среднеазиатском государстве Канке-Кангюе, идентифицированном С. П. Толстовым с Хорезмом. Но исходил-то Схолиаст при этом из наличия в Придунавье географического названия, являвшегося наследием древнейшего языкового напластования в культуре Причерноморья.

Придунавье на каждом шагу поднимает из бездны веков нити общности не только с юго-востоком Европы, но и со Средней Азией. Они гнездятся еще в яфетическом, доиранском пласте культурных, языковых и племенных соприкосновений и скрещений, утраченных преданием. Самому названию Балкан, кстати сказать, созвучны горы Большой и Малый Балхан в восточном Прикаспии (в районе Красноводского залива), хотя вопрос о времени появления этих названий еще не исследован. Среди всех подобных терминологических корреспонденций со Средней Азией особенно показательно для понимания этногенеза сарматов, что как раз термин «сармат» почти не встречается ни в этнонимике, ни в топонимике именно Средней Азии. К тому же ни лингвистически, ни филологически не доказано, будто термин «сармат» появляется здесь раньше, чем в Предкавказье, и что конкретные носители его савроматы-сарматы происходят из Средней Азии.

В защиту последнего мнения, казалось бы, можно выдвинуть то, что название сайримов в 13-м яште Авесты начинается с буквы «с». В случае же заимствования его с Северного Кавказа или проникновения его оттуда начальной буквой должно бы быть «ш», так как подлинное звучание слова было предположительно «шармат». Только греки и римляне, не имевшие в своем алфавите графемы «ш», ввели в употребление слово «сармат». Но вопрос о туземном произношении «шармат» еще далеко не решен; к тому же могли быть и диалектические различия. Однако попытка объяснить термин «сармат» всецело из иранского языка, предпринятая в свое время Вс. Миллером, кроме сближения по созвучию начала слова «сар» с иранским «Sarah» (голова),

не увенчалась успехом. Другие части слова, а, следовательно, и все оно в целом, остались самому автору, по его словам, «не ясны».

Ниберг, исходя из той же этимологии слова, толковал иранское «Sarah» в применении к наименованию сайримов в переносном смысле как «высший», «господствующий». Поэтому Ниберг считал, что слово «сарима» в целом могло быть просто переводом названия «царские скифы». Еще более абстрактное лингвистическое объяснение принадлежит Андреасу. Он считает, что «сауромат» образовалось из Sau + gom, что означает «черноволосые».

Термин «сармат» все же может и поныне быть выявлен на почве Средней Азии. Название туркменского племени йомудов «Jomut», как первым показал проф. С. П. Толстов, оказалось вполне закономерным вариантом «Sarmat». Самый термин, несомненно, древний, но научно еще не установлено, к какому конкретно моменту в истории сарматов восходит появление в живой речи этого термина (в письменный источник он попадает очень поздно: впервые, поскольку ныне известно, лишь в XVII в. у Абульгази) и с какой исторической обстановкой он генетически связан. Восходит ли этот термин непосредственно к древнему племенному наименованию, при этом связанному с территорией Средней Азии, или к названию политического объединения — сарматского военно-демократического объединения племен, или, наконец, к моменту становления сарматской культурной, языковой и этногонической общности, когда понятие «сармат» должно было указывать на включение в сарматское единство, на причастность к сарматской культуре?

Поучительны в этом отношении следующие параллели. Термин «йомуд», как разновидность «сармат», по своему характеру палеонтологически вполне совпадает с названием приволжского народа удмуртов. Нельзя при этом не подчеркнуть, что последние живут приблизительно в районе древних тиссагетов, самое наименование которых корреспондирует с массагетами, с территорией которых связаны и йомуды. Как вариант термина «сармат», наименование «удмурт» могло бы быть наследием древнейшего яфетического вклада в языке. Н. Я. Марром было установлено, что наряду с объединяющим названием «удмурт» одна часть народа называется калмезами, а вторая — ватками (вотьяками). «Нечто подобное с теми же племенными названиями, — писал Марр, — происходит и у черемисов: народы со стороны называют их *žeremis*, *žarņas* (по-чувашки), т. е. сарматами, а сами себя они называют *mar*».

Два генетически не совпадающих названия одного народа, причем одно личное, другое «стороннее», могут быть исторически объяснены различно в каждом конкретном случае. В рассматриваемом случае второе название — не то, которым они сами себя называют, не личное, а, так сказать, название со стороны, могло закрепиться за данными народами в результате тесного соприкосновения с сарматским политическим объединением или в результате вхождения в него, или частичного подчинения сарматам хотя бы в виде данников. Удмурты и мари — отнюдь не сарматы античных географов. К тому же на глухой окраине тогдашнего сарматского мира они, казалось бы, ничем в то время не выделялись, чтобы обеспечить имени сарматов живучесть на тысячелетия, после того как перестала существовать возглавляемая ими политическая организация и даже самое имя на территории собственно сарматов было быстро вытеснено именами других выдвинувшихся племен. По этому поводу могут быть повторены слова Плиния, сказанные им про скифов: «старинное наименование не осталось ни у кого другого, как у племен, которые занимают самые отдаленные страны и почти не известны прочим смертным».

Что же касается наименования племени йомудов, то генезис его, возможно, имеет отношение не столько к принадлежности к сарматскому политическому объединению племен, сколько к складывавшемуся сарматскому культурному единству.

По догадке, недавно высказанной проф. С. П. Толстовым, термин «сармат» скрыт в лингвистической среде Средней Азии в двучастном названии Хорезма — *Xore + zem*. Первая часть «хор(е)» из «хаг», действительно, — всего лишь спирантская разновидность «*saγ*». По мнению проф. Толстова, мы имеем в данном случае дело с родством не одного первого слагаемого, а с лингвистическим тождеством обоих слов в целом: сар-мат — хор(е)-зм. Вторые слагаемые их параллельны в смысловом отношении: в первом случае — народ саров, во втором — земля, страна саров (харов). Однако, при всей, казалось бы, очевидности этой догадки заманчивое по намечающимся перспективам открытие проф. Толстова еще не может приниматься за окончательный вывод в части отождествления сарматов, поскольку историческое соотношение обоих названий (этнонимического и топонимического) остается полностью еще не исследованным, особенно на хронологическом этапе сарматской военной демократии, с одной стороны, и государства Хорезма — Кангюя, — с другой.

Что же касается Причерноморья и Кавказа, то термин «сармат» или «шармат» в чистом виде там распространен широко и корнями уходит в глубину времен. Даже литературная история знает его уже с V в. до н. э.; первоначальная же письменная фиксация восходит по крайней мере к VI в. — к источникам Геродота, Гекатею и Аристею. В варианте «савр-мат», зафиксированном в письменных памятниках более раннего времени, главная часть термина находит прямую параллель в крымских «тавр-ах». «Савр» — «тавр» — два равноценных ростка из общей яфетической подпочвы Черноморья.

Любопытно, что имя славянского балканского народа «хорват» лингвистически, по словам Н. Я. Марра, не что иное, как разновидность термина «сармат», по форме близкая к названию «Карпат». Сарматизмами хронологически разных напластований полна топонимика и этнонимика Кавказа. Не менее показательны наличие рассматриваемого термина в словах культовых. У сванов «*taγmaʒ*» значит «бог», а у грузинов — «язычник», т. е. «поклонник сарматского языческого бога». Подобные отложения в живой речи и последующие трансформации их семантики указывают на исконность этнонима «сармат» в яфетической кавказской среде. Возраст его восходит за пределы письменной истории.

Однако связь с Кавказом сарматов, реально существовавших на юго-востоке Европы в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры, не может быть сведена лишь к терминологической связи и ею ограничена. В частности, сарматы и абхазы сближаются друг с другом не только вскрытым Н. Я. Марром «сарматским слоем» в языке, но и материальной культурой — археологически и в современном этнографическом быте.

Сарматы Прикубанья, Придонья и Нижнего Поволжья времени письменных и греческих и римских источников — это прежде всего военно-демократическое объединение ряда крупных и мелких племен прикавказского юго-востока Европы, населявших экономически связанные или экономически тяготевшие один к другому районы страны. При этом более крупные единицы, повидимому, были, в свою очередь, племенными союзами. Римский географ Помпоний Мела (около 44 г. н. э.) следующим образом определял их: «берегами (Дона) и районами, тяго-

теющими к его берегам, владеют савроматы — одна народность, складывающаяся из нескольких племен с разными названиями». Источники сохранили не только ряд этих названий, но и указания на географическое расположение самих племен. Показательно, что среди всех них обычно не упоминается племя или род собственно «сармат», которые и могли бы дать свое имя всему объединению. Из этого следует, что популярность имени «сармат» поддерживалась иным фактором, более значительным, чем рядовое племенное название.

Последние исследования академика И. А. Джавахишвили разъяснили, что термин «сар-мат» составной и может быть истолкован на основе северо-кавказских языков как «народ саров» или в других случаях как «народ суров—савров» (тавров), или в третьих — как «народ серов, или сюрров». Разночтения у античных писателей (то савромат, то сармат, то сюрмат) оказываются, таким образом, не звуковыми различиями, а генетически восходят к племенным названиям нескольких, хотя и родственных, но первоначально отличных одно от другого племен. Понимание такого происхождения наименований было утрачено уже в античное время. Так, Плиний толковал варианты «савромат» и «сармат» как греческую и римскую транскрипцию одного и того же туземного названия и сам пользовался безразлично то тем, то другим.

Однако термин «сармат», когда он появлялся на устах греко-римского мира, имел уже не только частное значение, не ограничивался только указанием на данное племя на определенной территории или на союз племен. Особенно важно и показательно, что с ним связывалось представление о культурном и языковом единстве, несмотря на различное происхождение племен, входивших в сарматский союз, — уже явном единстве, если и не вполне еще сложившегося этнического целого, то все же такого целого, сложение которого зашло уже далеко. Конечно, не нужно представлять себе дело так, будто процесс был односторонним, будто сарматы подавляли местные культуры и внедряли свою. Процесс был двусторонним. На стороне сарматской военной демократии была способность и сила организовывать и объединять разрозненные элементы, экономически тянущиеся друг к другу. Сарматизация означала скрещение и синтез своеобразных слагаемых, входивших в соприкосновение, причем на обширной территории образовывались местные культурные разновидности и местные диалекты.

Формированию единства не противоречило то обстоятельство, что племена сарматов, стоявших на ступени военной демократии, вступали между собой в военные столкновения, как, например, во время событий 49 г. н. э. после низложения Мифрадата Боспорского, или отдельными отрядами призывались враждующими государствами и, по свидетельству Тацита, «получив дары с обеих сторон, по обычаю своего племени, помогали и тем и другим». Вероятно, как раз к периоду военной демократии, ко времени деятельности этих дружин, восходит сарматский словарный вклад, который затем выявится в русском и в других славянских языках в форме слова «храбрый», лингвистически являющегося, по словам Н. Я. Марра, вариантом термина «сармат».

В этом определившемся в глазах греко-римского мира культурном, языковом и этническом единстве, в многогранности процесса становления его и нужно видеть тот решающий фактор, который обусловил и поддерживал живучесть у античных писателей термина «сармат». Едва ли для сохранения его на прикавказском западе и в Причерноморье имело решающее значение существование на среднеазиатском востоке сильного государства Хорезма — терминологически «земли

харов» (саров). Подобное воздействие могло бы иметь место, если бы дело шло не о параллелизме или родстве этнонимов, лингвистически оформившихся за пределами письменной истории, а об исторически едином и нераздельном организме.

Одним из наиболее крупных сарматских племен Прикавказья были шираки (сираки — по написанию греческих и римских географов). Значение их среди сарматов было столь велико, что Страбон их именем определял степные пространства, примыкающие к северокавказским предгорьям, называя их то «ширакскими равнинами», то просто «сарматскими». Шираки, повидимому, были, в свою очередь, объединением нескольких племенных единиц. Племенное название их «ширак» и название основной территории их распространения — долина р. Ахардея (нынешний Маныч) совпадают как с названием области Ширак в Армении, так и с названием р. Ахуряна, орошающего эту область.

Такая парность терминологических совпадений уже сама по себе не оставляет сомнений в генетической зависимости насельников дважды одноименных областей. Тем самым еще раз подчеркивается связь крупного сарматского племени с яфетическим миром Кавказа. Ввиду этого получает особую ценность и свидетельство Страбона, хранящее какое-то зерно исторической реальности, не только о соседстве, но и родстве с сарматами и скифами иверов, живущих в горных областях Грузии; Страбон указывал при этом, что иверы составляют большинство народа. А в другом месте, говоря о шираках и аорсах, он отмечает, что они «кажется, беглецы из племен, живших выше», т. е., повидимому, тех же иверов. Сами сарматы объясняли свою близость к народам Закавказья на основе предания, в смутных очертаниях которого хранилась легенда о переселении их из Мидии (Диодор); Плиний прямо называет сарматов «потомками мидян».

Вторая крупная составная часть северокавказских сарматов — аорсы — имеет тоже терминологические связи и сближения с этнонимикой Кавказа. Необходимо упомянуть утидорсов Плиния, двучастное имя которых состоит из племенного названия утиев или утидов (ср. «удины») и орсов или аорсов. Под абзоями и арзоями, включавшими, по указанию Плиния, многочисленные племена, повидимому, следует подразумевать тех «верхних, т. е. предгорных, аорсов», которые, по свидетельству Страбона, «владели обширной страной и господствовали, можно сказать, над наибольшей частью Каспийского побережья, так что даже торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян». Страбон, отмечая закавказские и транскавказские торговые связи аорсов, совершенно умалчивает о среднеазиатских связях. Торговый же путь из Китая к Волге, т. е. через аорсов, существовал по крайней мере со II в. до н. э. Он был открыт, во всяком случае, не позднее этого времени. Именно аорсы, в противоположность, повидимому, ширакам, были особенно тесно связаны со Средней Азией, географически гранича с ней. При посредстве аорской племенной среды скорее всего могло осуществляться проникновение в Восточную Европу элементов среднеазиатской культуры, особенно — новых форм вооружения; именно в лице аорсов с их среднеазиатскими связями прежде всего нужно искать подлинных создателей сарматского художественного стиля; возможно, в какой-то мере отразился в Придонье и образ среднеазиатского Сиавуша; самое греческое название хорезмийца *χωρασμιος* стало на западе, на Дону именем собственным в лингвистически закономерной форме — *Χορρασμιος* (Танаисские надписи 220—236 гг. н. э.).

Мюлленгоф, объясняя первую часть этого имени от авестийского «*hu*», переводил слово в целом «вполне содействующий». Такое объяснение уже Вс. Миллеру казалось «маловероятным», но он, по его словам, «лучшего не имел предложить». Вообще иранские этимологии Мюлленгофа—Миллера имен северного Причерноморья нужно пересмотреть заново, и не отвлеченно, а в свете конкретной истории. Томашек и Маркварт считали аорсов просто новым политическим наименованием иранских номадов Приаралья—древних «рыбоедов» (*massjaka*, *Μασσαγῆται*), хотя позднее сам Маркварт усомнился, возможно ли такое толкование, поскольку неизвестно, называли ли аорсы когда-нибудь сами себя «рыбоедами».

Терминологически племенному имени аорсов могут быть указаны параллели также и на среднеазиатской почве в упоминаемых Плинием арсах в нынешнем Гиляне; арсийской называет Птолемей местность в Гиркании; наконец, название языка *arši* в районе Кучи, открытого в диалекте «А» на основании материалов, привезенных из Восточного Туркестана экспедициями Грюнведела, Стэна и др. Обычное возведение этого термина к асиям и асианам античных писателей не раз оставляло в литературе неудовлетворенность в связи с недостаточной мотивированностью появления «г» в термине «*arsi*», при его отсутствии в «асии» и «асиане». Подобная неудовлетворенность отпадает при сопоставлении с термином «аорс».

Возможно, что при посредстве именно аорской среды термин «сармат» получал все более и более широкое хождение в Приаралье в процессе сарматизации. Слово «сармат» могло при этом, как отмечено выше, получить здесь значение указания на принадлежность к сарматскому единству, к сарматской культуре, на экономическую взаимосвязанность с сарматским миром. Возможно, что как раз к этой-то поре и восходит нынешнее наименование йомудов, что корни этого наименования первоначально сплетались с термином «сармат» именно в этом смысле.

Независимо от подобной посреднической роли имя самих аорсов получило свое распространение и могло преемственно сохраниться в названии племен, входивших в объединение, покрывавшееся именем «аорсы», «аорский союз племен». Оно, действительно, и сохранилось в названии приволжского народа «эрзя». В письме хазарского кахана Иосифа имя эрзя известно в форме, более близкой к основному наименованию: «арису» — «аорс». Но эрзя хранят, в отличие от удмуртов и мари, не только имя былого политического объединения, но в какой-то мере и наследие складывавшегося сарматского культурного единства в результате длительной и ширившейся аорсизации. Некоторые симптомы этого налицо в материальной культуре эрзя, в частности, в орнаменте вышивок.

Аорсы не изначально освоили огромные пространства к востоку от Танаиса и предгорий Восточного Кавказа, где они, в основном, жили согласно указаниям Страбона. Они постепенно включили в свое объединение и сарматизовали или, выражаясь термином Авесты, сайримазовали различные племена вплоть до Приаралья и нижней Сыр-Дарьи. Некоторое указание на это дают памятники материальной культуры, хотя заволжские — приуральский и приаральский — районы археологически еще мало исследованы. Аорсы были сарматами; в частности, они являлись одним из коренных элементов политического объединения — сарматской военно-демократической конфедерации племен, Азиатской Сарматии; вместе с тем они составляли, как это только что отмечено, одно из важнейших звеньев сарматизации.

Тем самым в применении к ним обозначение «сармат» имело по крайней мере тройное содержание: этническое, политическое и культурное.

Принято считать, что в китайских хрониках имя аорсов было транскрибировано, согласно открытому Фридрихом Хиртом закону о звуке «N» как китайском эквиваленте звука «R» иностранных слов следующим путем: *Aorso → Aysai → Jen-ts'ai. Однако, следуя этой схеме, пока еще не удалось подобрать закономерного «иностранныго» (т. е. греческого или местного) эквивалента названию владения «Янь», соседившего с Яньцай с севера. Поэтому, если даже считать, что терминологически «аорсы» и «яньцаи» не тождественны, что наименования эти первоначально относились не к одному, а к двум отдельным племенам, что яньцаи не аорсы, — все же они не могли не быть втянуты в орбиту аорсов и постепенно не сливаться с ними в процессе сарматизации. Самая территория яньцаев, локализуемая китайскими хрониками у Аральского моря, совпадает с территорией аланорсов Птолемея — Марина.

Яньцай уже около начала последней четверти II в. до н. э. было характеризовано в Шы-цзы как сильное кочевническое владение, могущее выставить войска более 100 000. В течение последующих полутора веков положение не меняется. Только Цянь-Хань-шу, сведения которой доходят до первой половины I в. н. э., дополняет характеристику указаниями на наличие оседлости и городов, на занятие земледелием и скотоводством. Правда, возникает вопрос, как увязать подобные дополнительные данные, поскольку они могут быть отнесены к Яньцай все-таки косвенным путем, с указанием Шы-цзы, что Яньцай — «кочевое владение, в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем». Последнее, в свою очередь, охарактеризовано там опять-таки как «кочевое же владение». В самом деле, подразумевает ли хроника Старших Хань Яньцай и Кангюй, сообщая в общей форме: «вообще почти во всех государствах западного края ведут оседлую жизнь, имеют города, земледелие, скотоводство и в обыкновениях не сходятся ни с хунну, ни с усунями». Последнее противопоставление быта западного края хунну и усуням, кстати сказать, вновь подчеркивает отличие их от подлинных кочевников. Приведенные сведения Цянь-Хань-шу следуют непосредственно за перечислением четырех владений запада, к которым ведет северная дорога: Давань, Кангюй, Яньцай, Яньци. Эти сведения тем самым и должны, в первую очередь, относиться к названным четырем государствам. Однако, поскольку хроника ограничивает свою характеристику введением слов «почти во всех», осторожность требует еще подтверждения, что именно ни Яньцай, ни Кангюй не выпадают из общей характеристики западного края.

Что касается Хорезма — центральной части Кангюя, то мы фактически знаем там как значительное число населенных центров, так и развитую ирригационную систему, а также показательную для оседлого земледельческого быта материальную культуру и космогонические образы. В пограничных областях Кангюя — в Сыр-Дарьинском заречье — олять-таки древняя ирригационная система обеспечивала занятия земледелием и местное ремесло, известное нам по раскопкам городища Каунчи-Тепе и по находкам в могильниках.

Эти фактические, добытые археологическими исследованиями данные позволяют связывать характеристику Цянь-Хань-шу в частности и с Кангюем, а тем самым распространить ее и на Яньцай, который, по словам, «в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем». Кстати

сказать, Цянь-Хань-шу сама ни разу не назвала ни Яньцай, ни Кангюй владением кочевническим.

Вообще, сообщения китайских хроник о каком-нибудь владении, что оно кочевническое, не должно быть понимаемо буквально и узко. Подобные характеристики населения больших районов, как номадов, встречаем и у греческих и у римских авторов, и они не вполне соответствуют более сложной действительности. Классовые государства, односторонне называя кочевниками отдельные племена или политические образования иного, чем сами, склада, повидимому, не всегда и не исчерпывающе отражали в подобном определении всю сложность и многогранность взаимоотношений между ведущими производственными отраслями варварских стран. Так, Вэй-шу и Суй-шу характеризуют канского владетеля, как типичного кочевника, говоря про него, что «безвременно переходя с места на место, он не имеет привязанности к оседлой жизни». Параллельно с этим в том же тексте непосредственно следуют сведения, что «климат теплый, способный для произрастания всякого хлеба. Жители прилежат к садоводству и огородничеству. Деревья роскошно растут... Много виноградного вина...». Подробное в данном случае изложение хроник позволяет видеть более полную картину жизни, не исчерпывающуюся начальной характеристикой владетеля, как кочевника чистого вида. Кочевнические элементы составляли только часть населения государства Кан; между этим слагаемым единого общественного целого и оседло живущими не менее многочисленными массами существовала полная увязка.

Такие косвенные соображения служат дополнительным доводом в пользу предположения, что ни Яньцай, ни Кангюй не должны быть исключены из числа стран, в которых, согласно характеристике Цянь-Хань-шу, была развита оседлая жизнь, а также, наряду со скотоводством, и земледелие.

Сведения Цянь-Хань-шу об областях Приаралья и Нижней Сыр-Дарьи относятся как раз ко времени расцвета сарматской военной демократии на прикавказском юго-востоке Европы, что в Средней Азии соответствует кангюйскому и кангюйско-кушанскому периоду. Эти сведения рисуют приблизительно ту же картину хозяйственной жизни, какая нам известна на крайнем западе сарматского союза в Прикубанье-Придонье, соприкасавшемся с периферией Римской империи. Показательным для западного ядра союза была тесная увязка земледельческого хозяйства городищ и кочевнического скотоводства степей; это была общность хозяйства, придававшая специфический характер всей жизни рассматриваемых районов, частью населенных опять-таки аорсами. Археологическим путем совместно с данными других источников относительно полно выяснены основные элементы их экономики. На восточном крае Сарматского союза в соприкосновениях с Китайской империей и с соседним среднеазиатским государством Кангюй-Хорезмом исторически сложилась в некоторых отношениях параллельная обстановка. Как видно из Цянь-Хань-шу, создались подобные западным условия для полужемледельческой оседлой, полускотоводческой кочевнической жизни. Конечно, и жизнь в целом и отдельные стороны хозяйства имели здесь свои своеобразные черты и особенности. Ничтожное количество археологических исследований этих областей пока еще не позволяет вскрыть картину того времени полностью.

Спустя века полтора-два, по сведениям, доходящим до первой четверти III в. н. э., в судьбе Яньцай произошли коренные изменения.

«Владенье Яньцай, — как сообщает Хоу-Хань-шу, — переименовалось в Аланья». Далее, оно попало в зависимость от Кангюя. Формы зависимости Хоу-Хань-шу не указывает. Возможно, что они выражались лишь в уплате дани пушниной, подобно приуральскому владению Янь, примыкавшему к Яньцай с севера, которое платило дань «шкурами зверьков мышиной породы». Несомненно, что переименование в Аланья не было вызвано фактом подпадения под зависимость от Кангюя. Сжатый текст китайской хроники и не связывает эти два события воедино. Возможно, что факт подпадения под зависимость от Кангюя нашел даже и терминологическое выражение в китайской хронике в специальном слове «Выньнаша». Такое наименование носило, по словам Вэй-шу, одно время в древности владение Яньцай (см. ниже стр. 144—145).

Любопытно сравнить понятие о «переименовании» в данном тексте китайского хрониста с внешне подобными замечаниями у Аммиана Марцеллина (конец IV в.). Он дважды определяет аланов как прежних массагетов. Но у римского писателя, в противоположность китайскому хронисту, факт нового наименования народа имеет совершенно иное содержание. Слова Аммиана Марцеллина фиксируют конкретный этап этногенеза народов Восточной Европы и Средней Азии. Они могут быть сопоставлены с более ранним указанием Диона Кассия (около 150 — около 235 гг.) на массагетское происхождение аланов. В словах же Хоу-Хань-шу о переименовании Яньцай отражены крупные политические сдвиги, происшедшие на рубеже II и III вв. н. э. в юго-восточной Европе и в связанных с ней районах Приаралья. То был крах сарматской военной демократии, падение руководящей роли прикубанско-придонской сарматской знати, уже в значительной степени охваченной быстро нараставшим и углублявшимся процессом классового образования. Крах был ускорен глубоким кризисом античного рабовладельческого мира на северо-восточной периферии его. Во всяком случае, он — не просто рефлекс политических перегруппировок в Средней Азии, последовавших за падением греко-бактрийского царства. Но эти перегруппировки, как и продвижение хунну, несомненно, наложили свой отпечаток на дальнейшее положение в Приаралье — Прикаспии.

Нет возможности входить здесь в рассмотрение причин и хода этих событий. Усилившиеся противоречия между экономически не тождественными районами не привели, однако, к полному распаду сарматского объединения. Такому распаду должно было помешать, с одной стороны, то своеобразие страны в целом, вызванное, в первую очередь, географическими и природными данными, а также ее историческим местом в системе окружающих стран, которое делало объединение прикавказского юго-востока Европы неизбежным политическим следствием; с другой стороны, распаду препятствовали и те длительно складывавшиеся внутренние взаимосвязи, которые превращали самое наименование «сармат» в показатель не только племенной принадлежности, но и обусловленного всем ходом развития страны культурного, языкового единства. В области материальной культуры и искусства это особенно отчетливо проявляется в повсеместной четкости и однородности сарматского стиля.

Распада не последовало, — произошли внутренние перегруппировки. Ведущую роль получили аланы. Сарматское единство сохранилось в форме нового политического объединения — аланского военно-демократического союза племен. Произошло это на рубеже II и III вв. н. э., как об этом свидетельствуют культурные напластования ряда

северо-кавказских городищ, а также вещественные данные могильников и курганов.

Хронологической вехой, вполне соответствующей этой дате, может служить таманская стела Херака (208 г. н. э.). Поскольку подобных памятников больше не сохранилось¹ и наша стела единственна в своем роде, она не позволяет делать выводов ни о времени появления аланов в Причерноморье, ни, тем более, видеть в факте постановки ее доказательства якобы прихода их из Заволжья, из Средней Азии. Ни в коей мере нельзя считать, что наличие института аланских переводчиков вызывалось в это время якобы новыми пришельцами с непонятным языком. Аланы известны в этих районах уже с середины I в., т. е. протекло свыше полутора столетий со времени первых сообщений греческих и римских авторов об их наличии здесь. Строго говоря, бесспорен один вывод: на рубеже II и III вв. на Боспоре была потребность в аланских переводчиках. Во главе специальной группы их в начале III в. стояло официальное лицо — «главный аланский переводчик». В 208 г. таковым был Херак. Пользовались ли эти переводчики письмом и какой употребляли алфавит, пока указаний нет, ввиду отсутствия соответствующих памятников. Текст самой стелы греческий. Но как ни одинока наша стела, она не изолирована и не выпадает из исторического процесса. По совокупности с остальными источниками, указание ее на наличие названных переводчиков может быть объяснено необходимостью систематических сношений уже не просто с племенным объединением аланов в предгорьях Кавказа и у Мэотиды, а с соприкасавшимся с Боспорским царством сформировавшимся к тому времени обширным и сильным многоплеменным союзом аланских военных демократий. Политическая роль его простиралась за пределы Восточной Европы.

Описанный политический переворот получил, как мы видели, немедленно отражение в китайской хронике династии младших Хань, современной событиям (25—221 гг. н. э.). Сообщение о «переименовании» Яньцай в Аланья свидетельствует, с каким вниманием следил Китай за своей западной варварской периферией и, тем самым, какое крупное значение имело в его глазах политическое объединение Приаралья яньцаев. «Яньцай» поэтому нельзя считать просто старинным китайским наименованием аланов, как это широко принималось от Клапрота до Шаванна. Вообще же отождествлению сызначала аорсов в целом с аланами препятствуют, в частности, и данные исторической географии. Аланы с самого появления их в письменных памятниках территориально связаны с предгорьями Центрального Кавказа, с Дарьялом — «Аланскими воротами» и с прилегающими степями, которые с большим правом можно назвать страбоновскими «равнинами шираков», т. е. даже территориально связывать аланов не с аорсами, а уже скорее с шираками.

Возможность сравнительно широкой осведомленности Китая, вместе с тем, еще раз подчеркивает факт исторического единства Арало-Прикаспия с Прикавказьем. Причерноморские события немедленно сказывались в Средней Азии. Посылка Александром Берды за Дон к европейским скифам (в страну выше Боспора) и привод оттуда скифских послов; рассказ о якобы имевшем место предложении Фарасмана, царя хоразмиев, быть проводником и доставлять войску провиант в случае, если Александр предпримет поход и захочет подчинить себе

¹ Вторая, тождественная этой надписи на стеле, хранившаяся в Таманском музее, есть грубая подделка начала XX в.

живущие у Понта Эвксинского племени, являвшиеся соседями Фарасманова царства, — все это отражает реальную историко-географическую обстановку древности.

II

Аланы, возглавившие на рубеже II и III в. н. э. бывшее сарматское объединение, появляются на страницах истории в середине I в. н. э. как-то внезапно, бурно, сразу на далеко отстоящих местах. Они страшат своей «дикостью» дунайские границы Римской империи (Сенека); «суровые и вечно воинственные», они подвергаются на Востоке преследованиям Помпея (Лукаан, Флавий Иосиф); они рвутся в Закавказье и в Парфию; парфянский царь Вологез вынужден просить у Рима помощи против них (Светоний); они сосредоточены и в Приазовье. Было бы понятно обилие одновременных сообщений о них древних писателей, если бы греко-римский мир представлял их себе, как и последующих гуннов, лавиной нахлынувших завоевателей. Ничего подобного писатели не изображают. Напротив, в первых же сообщениях есть какая-то будничность обыденных явлений, отводящая аланам два-три слова мимоходом, как бы в расчете на то, что образ их привычен и встанет в рост сам собой при простом упоминании. Они представляются выросшими всеми корнями в исконную этническую среду Северного Причерноморья. Флавий Иосиф в конце I в. н. э. прямо говорит: «племя аланов — это скифы, по Танаису (Дон) и Мэотиде (Азовское море) живущие».

Самое имя «алан» выводят либо из санскритского «агапа» в значении «обособленный в дали», т. е. как бы «живущий в степи», пытаясь тем самым связать наименование с представлением об аланах как исключительно о кочевниках. Но такому сближению препятствует отсутствие соответствующей формы в иранских диалектах. Большинство склоняется к этимологии от иранского «агу́йпа» → «алап». Заманчиво было бы привлечь для подкрепления этой этимологии сообщение Птолемея о том, что Приаралье «против устья Яксарта и среди обеих рек» (т. е. как раз территория, входящая в состав Аланьи китайских хроник) «населено ариаками». Имя их также могло бы генетически восходить к «агуа» и «агуапа».

Но вопрос о генезисе термина «алан» еще далеко не решен; особенно в связи с широко принятым на Западе толкованием *Агуа* «агуа», как «благородные», как «господа» — «господствующий слой» в среде покоренных и поработанных племен. Против такого толкования, являющегося, по словам Н. Я. Марра, «оскорблением законов палеонтологии», он восстал со всей силой. Предложенная им этимология «алап» — «*holap*» от корня «*hal*», лежащего в основе значительного числа кавказских названий и там обычная, показала необходимость искать источники имени «алан» в глубине яфетической среды. В самом деле, термин «алан» существовал в северокавказских степях еще до того, как конкретные аланы вступили на страницы письменной истории. Так, этот термин наличествует в имени роксолан. Вс. Миллер, сближая «рокс» по созвучию с древнеиранским и осетинскими словами, объяснял составное название «роксолан» как «светлые аланы». Марр, в противоположность ему, видит в «рокс» наличие яфетического племенного термина «гош» (*gaš*, *rask*, в греческом восприятии Ροῖ). Тем самым, аланы как бы вызревали в рошской племенной среде яфетического Кавказа; отсюда и самое название их «рошские аланы — роксоланы», название, построенное по типу «скифо-

аланы». Базируясь на той же звуковой основе с рокс — рош — руш, проф. С. П. Толстов связывает наименование «роксолан» со средневековым названием одной среднеазиатской области «Осрушана», т. е. «последний племена осрушан». Терминологически Толстов рассматривает последних как рушских, иными словами, как рокских осов. Самое же появление термина «рокс» на среднеазиатской почве может быть отнесено ко времени значительно более древнему. Он налицо в составном наименовании столицы сакской царицы Зорины — Роксанаке.

Столь исключаящие друг друга этимологии не оказываются решающими в определении этнической принадлежности тех конкретных аланов, деятельность которых зафиксирована в письменных источниках середины I в. н. э. и в последующих. Уже Клапрот, свыше ста лет тому назад, отождествив с аланами прошлого осетинов настоящего, показал иные возможности для определения этногенеза аланов. Дальнейшее изучение осетинского языка, преимущественно в сближении его с иранскими, выдвинуло гипотезу об иранском, в частности о среднеазиатском, происхождении осетинов. Наибольшая близость осетинского к хорезмскому диалекту и хорезмские предания о соседстве аланов или даже о переселении их, — все это выдвинуло вопрос, в частности, о Хорезме.

Осетины — это собственно осы или асы, если отбросить в их наименовании грузинирующий определитель «ети»; однако в Средней Азии налицо параллельный полному наименованию этноним «исседон». В древней Руси они известны именно под этим названием «яс», «ясыня»; «ясыг» — вариант с показателем множественности «г». Терминологически они связываются с многочисленными племенами Средней Азии и Семиречья с этнонимом «ас». На трактовку проф. С. П. Толстовым осрушан как юсских (осетинских) роксов и на связь этого термина с роксоланами уже обращено внимание выше.

Сами себя они называют «иг», что генетически обычно сближается с иранским «айгуа», а страну свою «Игон» — название, выводимое из «Айгуана». Словопроизводство это, долгое время казавшееся нерушимым, признано проф. В. Абаевым «явно ошибочным и основанным на случайном звуковом сходстве». Отождествление «иг»-«агуа» он считал просто недоразумением. Все подобные термины, по его мнению, «уходят корнями в кавказский этно-культурный мир и только в рамках этого мира могут найти себе толкование». И академик Н. Я. Марр, со своей стороны, указал на наличие в осетинском всего лишь 35% индоевропейских слов. «Осы, — писал он, — вне общих корней с окружающими народами, с речью прежде всего яфетической системы, абсолютно немислимы».

Наряду с подобными противоположными высказываниями, многаяжды и в разных смыслах говорилось и о приходе аланов в Европу после сарматов, именно на места последних. В сравнительно позднем приходе аланов и видели причину того, что они делаются известными в греко-римской литературе только с I в. н. э. Андреас даже утверждал, что аланы пришли в южноевропейские районы нашего Союза именно из Хорезма.

Предполагаемый приход аланов в северокавказские области не может быть оправдан археологическими материалами. Больше того, это опровергается фактическими показаниями кубанских и донских городищ, могильников и курганов. О таких изменениях в материальной культуре, какие позволили бы говорить о новых пришельцах, даже смене населения страны, ни в то время, ни во время, предшествующее появлению аланов в письменной истории, данных не имеется. Отдель-

ные новые формы — вооружения ли, быта ли — охватывали сравнительно широкие районы Сарматии лишь постепенно. Таковы некоторые перемены в вооружении: прямой лук, трехперые наконечники стрел с черенком, длинный меч; таково изменение покроя женской одежды, требовавшего употребления фибулы. Тем же путем, без резких смен шло и формирование сарматского художественного стиля.

Конечно, продвижение вооруженных дружин и даже каких-то групп могло иметь место при этом не только из-за реки Урала, в западном направлении, не только из-за Волги, но и за Волгу, в Приаралье. Памятники материальной культуры скорее намекают на последнее, чем опровергают. На памяти письменной истории совершалось немало крупных переселений. Неоднократно переселения, как бы они исторически ни были подготовлены, вносили в жизнь столько потрясений, обуславливая последующие перемещения других племен, что даже сравнительно крупные хронологические отрезки могут быть названы временем великого переселения народов. Еще совсем недавно, в середине XIX в., как напомнил мне ак. В. В. Струве, путешественники-европейцы в Африке оказались наблюдателями крупного переселения кочевых негритянских племен, сопровождавшегося столкновением с насильственными мест оседлого населения. Но не переселения племен являются основным двигателем мировой культуры. Гораздо значительнее роль коренных аборигенов страны, как в образовании народности, так и в выработке языка, в сложении материальной культуры, в мифотворчестве, в создании художественных образов. Именно так шел исторический процесс на юго-востоке Европы. Говорить об аланах как о недавних пришельцах, чуждых Предкавказью, нет оснований.

Аланы как народность вызревали в сарматской среде, в обстановке роста сарматского военно-демократического объединения. Показательно, что связь их именно с местным этническим массивом Прикавказья была подчеркнута уже Флавием Иосифом, т. е. в самом начале их появления в анналах истории. Также и позднее, в представлении греко-римского мира середины и второй половины II в., отраженном в ярких художественных образах Лукиана Самосатского, аланы и по языку, и по одежде были одинаковы с коренным местным населением, которое Лукиан продолжает называть скифами. Они отличались от последних будто бы тем, что не носили длинных волос. Напрасна попытка покойного Дегена-Ковалевского показать, на основании археологических данных, якобы несоответствие этого образа действительности. Конечно, он был бы прав, если бы дело шло о геродотовских скифах: у них одежда не требовала застегивания фибулой. Но под понятие «скиф» Лукиана нельзя подставлять прежних скифов, нельзя воспринимать его слова как историко-этнографический экскурс к геродотовским временам. Несмотря на то, что Лукиан употребляет наряду с термином «скиф» и другие племенные наименования, как то: «сармат», «синд», «махлий», «алан», — нельзя не признать, что «скиф» у него, как и вообще в то время, — понятие, равнозначное понятию «коренное население». Объединяя аланов со скифами, Лукиан тем самым связывал их (как и Иосиф Флавий за столетие до него) с исконными насельниками страны. А могильники Северного Кавказа показывают для этого времени такую общность материальной культуры, какая может свидетельствовать именно о сложившемся или, по крайней мере, длительно складывавшемся культурном единстве. Поэтому археологические данные не отвергают художественного образа Лукиана Самосатского, а как раз его подтверждают.

Место жительства аланов — их страна Алания, как ее назвал

Лукиан, находилась, по его представлениям, неподалеку от Боспора и по соседству с синдами, центром которых был район нынешней Анапы. По представлениям греко-римского мира середины II в., аланы находились, таким образом, в основном в тех же местах, где их знали с I в. н. э., — в предгорьях центрального Кавказа с Дарьяльским ущельем (Аланские ворота) и в прилегающей степи. С Кавказскими предгорьями они связаны, видимо, искони и своими корнями уходят в яфетическую племенную толщу. В словах Аммиана Марцеллина, будто «аланы получили свое название от гор», возможно, нашло отражение какое-нибудь аланское племенное предание о связи их с Кавказом.

Приблизительно в это же время, незадолго до возглавления аланами огромного политического объединения, внутренняя связь их с сарматами и созревание их на сарматской основе получает этнонимическое оформление в виде составных птолемеевских наименований: аланоскифы (οἱ Ἀλανοὶ Σκυθαί) и аланорсы (οἱ Ἀλανόρσοι). В самих наименованиях, таким образом, подчеркнуто представление греческих географов о том, что ни исконное население, определяемое обычным термином «скифы», ни, в частности, аорсы — крупнейшее племя сарматов, с одной стороны, ни аланы, с противоположной, не поглотили одни других. Тем важнее, тем исторически значительнее, что Птолемей помещает этих аланоскифов и аланорсов не на насиженной территории Северного Кавказа, где их наблюдали в течение двух веков и где палеонтология языка вскрыла их имя с незапамятных времен, а в Приаралье и в низовьях Сыр-Дарьи. Гора в том же районе (возможно, нынешние Мугоджары) называется Птолемеем, кстати сказать, Аланской (Ἀλανόρον).

Таким образом, в сарматском военно-демократическом объединении племен, к концу господства сарматской знати, аланы являются и в Средней Азии, как и на Северном Кавказе, не отдельными вкраплениями, не изолированными единицами, а чем-то неотделимым внутри тех или иных племенных массивов. Приблизительно около того же времени (возможно, несколько позже) происходит подчинение аорского Приаралья-Прикаспия Кангюю. В этом факте вскрывается историческая близость восточных сарматских районов к Средней Азии, ориентация их в сторону последней, в противоположность западной ориентации западных районов. Здесь наряду с Прикубаньем-Придоньем сложился второй крупный центр с сильными аланскими элементами — аланорский центр.

Образование его здесь, внедрение сюда аланской военной демократии осуществлялось на основе широкого сарматского единства. Происходило это тем легче, что отдельные районы сарматского союза значительно отличались один от другого ввиду неравномерности их экономического и социального развития. В то время как в основном ядре объединения (в Прикубанье-Придонье) шел ускоренный процесс распада родовых отношений и классовообразования, в других районах еще не было достаточной базы для развития рабовладельческих отношений античного типа; пережитки родового общества играли в них еще ведущую роль.

Аланская военная демократия и могла получить в таких районах преобладающее значение, поскольку аланы сравнительно в большей чистоте сохранили свое варварство. Конечно, не могло оставаться без воздействия на развитие аланов соседство и постоянные сношения с классовым рабовладельческим обществом восточного типа — с государством Иберией. Иберия обращалась за военной помощью прежде

всего к аланам. Когда Тацит сообщает об участии сарматов в закавказских событиях 35 г. н. э., мы должны подразумевать под сарматами не все племена союза, а, в первую очередь, именно аланов. Именно они, а не кто другой, будучи союзниками соседей иверов, могли закрыть горные проходы, так называемые Аланские ворота, перед дружинами, шедшими на помощь парфянам, и не допустить их в Иберию, о чем упоминает Тацит. Через земли аланов пролежала одна из главных перевальных дорог через хребет — нынешняя Военно-грузинская. Южным концом она упиралась в крупнейший иберский центр того времени — Армази (Harmosica античных писателей).

Как раз теперь, только за последние годы, грузинские ученые обнаружили там, при замечательных по результатам раскопках, яркую картину жизни первых трех веков нашей эры. Открытая во время раскопок двуязычная греческая + грузино-арамейская надпись на надгробии Серапитис, исследованная и только что опубликованная проф. Г. В. Церетели, а также грузино-арамейская надпись царя Михрдата, вполне уточняют наши представления о природе Иберийского государства как государственном организме восточного типа. Это выявляется с исчерпывающей наглядностью путем установления социальной иерархии I—II вв. на основании титулатуры.

В частности, восточный тип общества подчеркивается наличием в I в. питахшата — института, считаемого чисто персидским, введение которого в Иберском царстве до сих пор связывалось с концом IV — началом V в., с подпадением Иберии в зависимость от сасанидской Персии. Теперь можно утверждать, что питахши Иберии, которые были трех рангов — великие, малые и просто питахши, указывают не на подчинение сасанидам, а на исторически выработавшийся внутренний строй восточного рабовладельческого иберского социального организма.

Восточный вариант классового рабовладельческого общества Иберии должен был наложить специфический отпечаток на разложение родовых отношений у аланов, на их военно-демократическое объединение. Этот отпечаток был совершенно отличен от того, который накладывал греко-римский мир на сарматов Прикубанья-Придонья. К тому же, и Средняя Азия давала родственные политические образования государств восточного типа с сильными военно-демократическими элементами. Таковым, в первую очередь, повидимому, был сопредельный сарматскому союзу Хорезм. Этим также объясняется, почему военная демократия аланов могла получить в восточных районах сарматского союза преимущественное влияние. Она не была поглощена сарматской политической организацией; в таких условиях и имя «аланы» не растворилось и не исчезло из живого обращения. Всем ходом истории они оказались, говоря словами Аммиана Марцеллина, «обращенными к востоку». К моменту краха политического образования сарматов в руках аланской военной демократии оказались экономически более сильные присреднеазиатские районы, не затронутые кризисом на северо-восточной периферии Римской империи. Переход главенства в руки аланов был предрешен исторически.

Описывая времена наивысшего расцвета и могущества аланского военно-демократического объединения племен в последующие III—IV вв., Аммиан Марцеллин указывал на широкие влияния аланов: «истощая постоянными победами соседние племена, они мало-помалу распространили и на них свое племенное название» (31, II, 13). Перед нами типичная для военной демократии картина насильственного подчинения племен. Параллельно с этим шел внутренний процесс культур-

ного объединения, — продолжало складываться этническое единство. Различные племена, возглавленные аланской военной демократией, «с течением времени приняли, говоря словами Аммиана Марцеллина, одно имя, и теперь все вообще называются аланами за обычай, дикий образ жизни и одинаковое вооружение». В представлении римского писателя аланы были не только политической организацией, но, подобно сарматам, культурно-этническим единством. В значительной степени это единство должно быть отнесено еще на счет именно сарматов, на счет длительной сарматизации.

Показательно в этом отношении изучение материальной культуры на рубеже нашей эры в северо-восточном Узбекистане, особенно в Сыр-Дарьинском заречье, культуры, относящейся как раз ко времени сарматской военной демократии. Группы вещественных памятников из районов Чирчика-Ангрена и Фархадстрой вскрывают такое культурное единство с Предкавказьем, какое не может быть объяснено только стадильным совпадением. Подобная степень близости форм материальной культуры может служить только симптомом общности этногонического процесса. Ее нельзя отнести на счет приноса образцов якобы переселившимися племенами, так как нет никаких данных для оправдания мысли о смене в это время населения в этих районах; нет также ни указаний, ни признаков привода сюда или вывода отсюда горшечников. Напротив, технические показатели керамики обоих районов существенно отличаются одни от других.

Устанавливаемая нами исключительная и своеобразная близость явилась следствием общности исторического бытия юго-востока Европы и прилегающих районов Средней Азии. Народные массы среднеазиатцев оставались, в сущности, теми же коренными туземными племенами, только глубже и полнее втянутыми в процесс становления сарматского и аланского единства. Корни аланов Средней Азии нужно искать в сарматизованной дахо-массагетской, сакской среде. В европеоидности нынешних туркменов, тем самым, нужно видеть наследие исконного местного европеоидного типа. Предположение о возможности привнесения его, якобы, оседанием аланов, как этнически цельного и замкнутого массива, тождественного аланам Северного Кавказа, отпадает само собой. Ведь едва ли случайно, что антропологические исследования напали именно на европеоидный тип черепов в погребении I—II вв. н. э. в районе Ташкента, тогда как Нижнее Поволжье дает иной, не длинноголовый тип.

Отклики подлинного этногенеза в каких-то еще живых преданиях просочились к античным писателям. Дион Кассий (LXIX. 15) определяет аланов (албанов) как массагетов; Аммиан Марцеллин (XXXI. II. 12; XXIII. V. 16) характеризует их, как «прежних массагетов».

В процессе образования этнических общностей, еще неустойчивых по своему характеру, с племенными скрещиваниями и перегруппировками, имя сарматов, затем перекрытое именем аланов, могло закрепиться и на Сыр-Дарье, и в Сыр-Дарьинском заречье, и в Хорезме за исконными насельниками этих мест. Дожившее до ал-Бируни народное предание тоже считало аланов своими родственными племенами. Только природная катастрофа, будто бы изменившая географическую обстановку, побудила, по мнению Бируни, «род аланов или асов» переселиться на побережье Хазарского моря. Указанием на то, что «язык их теперь смешанный из хорезмского и печенежского», Бируни невольно подтвердил, что этногенез местных племен еще не завершился. Процесс дальнейших скрещений шел — это следует из его слов — уже в направлении тюркизации.

Этнонимические совпадения, как доказала антропология, не обязательно соответствуют антропологическим. Примером этого могут служить узбеки и казахи, у которых совпадают названия ряда родов, тогда как антропологически они совершенно отличны друг от друга. Сохранение имени «алан» в топонимике и этнонимике Средней Азии, сопровождаемое в отдельных случаях даже этнографическим своеобразием, а также в народных преданиях, подтверждает то же.¹ Источники этого — не у аланов Прикавказья, не в перемещении в том или обратном направлении якобы замкнутых племенных массивов, а в местном дахо-массagetском культурном прошлом страны.

Сообщение Цянь-Хань-шу о земледелии и скотоводстве, о значительной оседлости и наличии городов рисует сложные хозяйственные взаимоотношения в этих районах Средней Азии как раз во времена сарматской военно-демократической конфедерации племен, что соответствует кангуйскому и кангуйско-кушанскому периоду. Интересы кочевнического скотоводства увязывались с хозяйством оседлых районов, а интересы земледельца тесно сплетались с кочевническими. Безбрежность степи не разлучала, не отчуждала; она больше чем когда-либо объединяла, она органически роднила.

Преемственно, вслед за временем сарматского, затем аланского военно-демократического объединения племен единство прикавказского юго-востока и Приаралья остается нерушимым и в последующие века. Продвижение гуннов не только не нанесло ему ущерба, но позволило раскрыться еще полнее.

И античные писатели и Вэй-шу говорят о покорении в середине IV в. н. э. страны аланов гуннами. Однако уже из слов Аммиана Марцеллина можно усмотреть, что отношения между гуннами и аланами представлялись ему и его информаторам более сложными, чем покорение, каковыми они и были на самом деле. По его определению, часть аланов присоединилась к гуннам «по условиям мирного договора», оказывала гуннам военное содействие, что придавало им уверенность в успехе. В сущности Аммиан Марцеллин описывает не столько покорение, сколько образование гунно-аланского военно-демократического союза племен на территории бывшего сарматского, потом аланского объединения.

Это событие, казалось бы, должно было найти отражение в китайских хрониках, подобно тому как это имело место при образовании аланского союза. Хоу-Хань-шу отметила тогда, как известно, «переименование» владенья Яньцай и Аланья. Действительно, в Вэй-шу упоминается, что та же страна Яньцай носила одно время название Выньнаша или, по другому произношению, Уннаса. Маркварт рассматривал последнее как китайскую переделку слова «Хуннастан», т. е. «страна гуннов». Мысль связать это название с образованием гунно-аланского союза напрашивалась как бы сама собой. Но едва ли догадка Маркварта может быть принята. Дело в том, что китайцы пользовались устойчивым иероглифом для обозначения «Хунну». Поэтому было бы немотивированным, как подтвердил мне и проф. А. А. Драгунов, заменить только в одном данном случае обычный иероглиф «хун» другим, в таком значении не употреблявшимся, — «вынь» или «ун».

Отождествление названия Выньнаша с образовавшимся в Приаралье-Прикаспии гуннским союзом племен научно не обосновано и в другом

¹ Название столицы Ань (Бухара) в Тхан-шу — «Алан», а в Вэй-шу — наименование владетеля Му «Аланми», обозначено в китайских хрониках иным комплексом иероглифов, чем название «Аланья» в Вэй-шу. Поэтому оба термина нельзя считать тождественными.

отношении. Еще не установлено, можно ли приурочить появление и существование здесь такого наименования как раз к этому времени. Скорее, не кроется ли под китайским термином «Выньнаша» указание на более раннее подчинение этого района Кангюю-Хорезму, в течение какого-то срока имевшее место? По крайней мере при младших Хань данный район одно время, действительно, «состоит в зависимости от Кангюя». В позднейших хрониках сохранена традиция, что «владельческий Дом Кан есть отрасль кангюйского Дома» (Вэй-шу) или что «канский владелец есть потомок кангюйского Дома» (Суй-шу), причем «со времени династии Хань преемство престола не пресекалось. Собственно владелец прозывается Вынь, происходит из Дома Юечжы» (Вэй-шу, Суй-шу). Аналогичные данные сохраняет и Тхан-шу: «Прозвание государю Вынь. Он происходит из Дома Юечжы...» (пер. Иакинфа) — «Le nom de famille du prince est Wen...» (пер. Chavannes). Поскольку иероглиф «Вынь» семейного имени владельца, династически связанного с Кангюем, совпадает с начальным иероглифом «Выньнаша», это служит косвенным подтверждением возможности связывать наименование Выньнаша с фактом зависимости Яньцай от Кангюя-Хорезма. Китайские хроники, в таком случае, отразили как внутренние сдвиги в Приаралье, связанные с событиями на Западе (в прикавказском юго-востоке и в северном Причерноморье), так и внешние изменения в его судьбе, связанные с соседним Кангюем-Хорезмом. Первое увековечено указанием на «переименование» Яньцай в Аланья, второе — сообщением о временном названии того же района Выньнаша.

Что же касается времени гунно-аланского объединения, то к периоду формирования его (по вычислениям Аристов и Хирта к середине IV в.) можно возвести термин Суктак («Судэ») в приложении опять-таки к тому владению, которое, по словам Вэй-шу, «в древности называлось Яньцай и Выньнаша», т. е. именно к сарматско-аланскому Приаралью-Прикаспию. Самая форма термина — тюркская. Повидимому, это было гуннским обозначением данных районов, почерпнутым китайцами через купцов. Китайская хроника, включив это название, зарегистрировала тем самым умышленно или, скорее, невольно новые политические изменения, происшедшие здесь, — сложение гунно-аланской или алано-гуннской военно-демократической конфедерации племен.

Хотя в основе термина «Суктак» и лежит, по всей вероятности, слово «Согд», едва ли возможно считать, что с понятием «Суктак» связывалось то же содержание, что, например, с понятием «Сугдак» у Махмуда Кашгарского (1074 г.) в приложении к определенному району Семиречья. Согдийская колонизация последнего засвидетельствована не только письменными источниками, но и археологически. Данных же о массовой колонизации Приаралья-Прикаспия у нас нет. Суктакские купцы, которые, по свидетельству Вэй-шу, первоначально «во множестве» приходили в Китай из владения Суктак, в основном должны были быть аланскими и аланизованными туземными купцами.

Наименование Приаралья в данный период Суктаком бросает свет и на появление на противоположном конце сармато-аланского единства — на крайнем западе, в Крыму, тоже Суктака (нынешнего Судака). Названием своим он обязан не случайному заходу сюда каких-то согдийцев, отложивших в топонимике свой этноним, или стихийному продвижению сюда согдийских купцов непосредственно с Зеравшана. Китайская хроника засвидетельствовала более широкое, как установлено выше, значение термина «Суктак» в алано-гуннской среде Приаралья. Город раннего средневековья возник, повидимому, на основе античного поселения. На это указывают отдельные археологические находки на территории Су-

дака. Но в отношении названия Приаралья Суктаком необходимо подчеркнуть, что поселение это находилось в скифской племенной среде, этнонимически родственной, и, возможно, искони носило соответственное этнониму местное название. Как показал академик Н. Я. Марр, основа *sug* из *sgi* полностью соответствует основе *ski* термина *sku-za* «скиф». Исторически сложившаяся лингвистическая среда обусловила встречу обоих родственных терминов — местного причерноморского и приаральского. Наименование прибрежного центра в Крыму, в одном из важнейших районов его, — не рядовой перенос какого-то чуждого или случайного этнонима; это исторический след в топонимике давних взаимосвязей с Приаралем, со Средней Азией и с Узбекистаном.

Еще больший след векового сармато-аланского единства остался в памятниках материальной культуры и искусства не только сарматского времени, но и последующих веков. Сложение алано-гуннской военной демократии привело к новому культурному подъему в западных, причерноморских центрах. Культура и искусство Керчи, переживавшие с конца IV в. н. э. знаменательный расцвет, основными нитями связаны с аланским прошлым Причерноморья и Прикавказского юго-востока Европы. Но вместе с тем искусство Керчи складывалось в тесном контакте со Средней Азией на основе длительно формировавшегося сармато-аланского единства. Материальной базой для выработки своеобразного стиля данного периода служил широкий обмен и усилившаяся переброска художественных материалов и полуфабрикатов внутри огромных пространств гуннского объединения. Памятники этого искусства обнаружены по всей территории алано-гуннского союза племен. Они известны не только в Керчи и ее периферии, но и за пределами периферии во внутренних районах страны; находки их зарегистрированы не только в Причерноморье, не только в Придунавье и отдельных районах Западной Европы, но и повсеместно на Северном Кавказе, а также и в Средней Азии. При этом относительно предметов хотя бы обеих находок в Боровом (Северный Казахстан) можно с достаточным основанием утверждать, что они изготовлены не в причерноморских центрах, не ввезены оттуда, а связаны с местным производством.

На этом хронологическом этапе проблема вековых, тысячелетних взаимосвязей культуры Средней Азии и Прикавказского юго-востока Европы (включая Северное Причерноморье и Северный Кавказ) приобретает особое, обостренное значение. Дело в том, что предметы этого искусства, художественное ремесло этого времени обычно носили (да и продолжают еще у многих носить) название «готских», «готской культуры» в специфическом понимании термина «готский» как «германский». Своеобразие их выводят из особенностей творческого духа германского гения, а носителями и распространителями «культуры» в целом называют готов, считаемых за единый, этнически замкнутый массив германского происхождения. Нахождение подобных изделий в Крыму, на Украине, на Северном Кавказе было использовано германской националистической «наукой» как доказательство господства германцев на протяжении нескольких веков, якобы имевшего в то время место на значительной части территории европейских южных районов нашего Союза.

Не говоря уже о том, что многоплеменные союзы остроготов и вестготов сами по себе являются сложными образованиями и отнюдь не германским массивом, необходимо подчеркнуть, что формирование и расцвет художественного ремесла, о котором идет речь, относятся ко времени после распада этих союзов в Восточной Европе и крушения так называемого «царства» Эрменриха. Датировка рассматриваемых памятников обосновывается строго документально монетами и индикациями

последней четверти и конца IV в. Принадлежность художественных изделий этого рода времени гунно-аланской военно-демократической конфедерации племен делается тем самым несомненной. Искусство и культура сложились на основе исконных местных художественных образов и давних взаимосвязей со Средней Азией и Кавказом. Получить же полное выражение, яркие и специфические формулировки оно могло лишь благодаря небывало широким возможностям внутреннего обмена в алано-гуннском объединении племен, связавшем друг с другом отдаленные районы добычи сырья и соответственные ремесленные центры.

Проблема эта имеет глубокий исторический интерес и выдающееся значение. Она раскрывает общность исторического бытия между братскими республиками нашего Союза с древнейших времен. Однако на фоне всех этапов давних взаимосвязей прикавказского юго-востока Европы со Средней Азией, с северным Казахстаном и Узбекистаном, в частности, взаимосвязей, корнями уходящих за II тысячелетие до н. э., вопрос о гунно-аланском хронологическом этапе их получил особо животрепещущее значение.

А. Н. Бернштам

Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии¹

1

Изучение роли и значения тюркского этногенеза стояло в поле внимания ориенталистов, пожалуй, еще с середины XVIII в. Однако следует подчеркнуть, что до недавнего прошлого решение этих проблем не отвечало на прямо поставленный вопрос, — как шел процесс образования тюркских народов. Общие для индоевропейистики метафизика и идеалистическая философия являлись методологическими установками для решения вопроса о происхождении народов.

Несмотря на огромное значение тюркских народов, вопрос об их сложении и развитии до сих пор находится в весьма сыром состоянии. В настоящей статье мы ставим себе задачу рассмотреть только некоторые важные вопросы из области тюркского этногенеза, главным образом в связи с имеющимися в нашем распоряжении новыми материалами.

Сложение тюркского этнического типа датировать трудно. Во всяком случае к рубежу нашей эры, точнее к сложению гуннского племенного союза, уже фиксируется историками несомненная тюркская речь.² Этническая проблема скифов не вышла за пределы гипотез. Спор о тюркизме или иранизме скифов столь же древен, как и самая ориенталистика. Решение этих проблем содержится в археологических материалах.

Несомненно, что тюркский этногенез, связанный с развитием кочевничества, имеет в качестве своих сопутствующих компонентов определенные явления культуры. К таковым могут быть отнесены черты, нащупанные наукой, мы бы сказали, чисто эмпирически.³

Прослеживая по археологическим памятникам историю развития кочевых обществ и выявляя автохтонный процесс их развития, мы приходили к выводу, что там, где, начиная с эпохи бронзы, шел процесс формирования кочевого общества, там конечным результатом процесса являлся тюркский этногенез. Это в грубых чертах обрисованное положение по мере развития археологических исследований превращается из гипотезы в закон. Всякие отклонения от этой линии или осложнения другими явлениями общественного развития и культурного влияния дают другой результат этногенеза.

¹ Переработанный доклад, сделанный на сессии по этногенезу Средней Азии в 1942 г. в Ташкенте.

² К. Иностранцев. Хунну и Гунну. Ленингр. ин-т живых вост. языков. Л., 1926.

³ Мы имеем в виду такие явления, как тип жилища, орнаментальный декор. характер утвари и т. д.

Исходя из этой посылки, укажем на ряд характерных примеров для аргументации намеченного утверждения.

Прежде всего история центральноазиатских держав, когда она имела своим основанием происхождение в пастушеско-скотоводческом хозяйстве, приводила к тюркскому этногенезу (гунны — орхонские тюрки). Там, где кочевая культура имела своими истоками первоначально охотничье хозяйство, там мы имеем дело с сильной монголизацией процесса (жужане, кидане, монголы). Конечно, нельзя не принимать во внимание и процесс скрещений, ассимиляций, культурных влияний и тому подобных явлений. Среднеазиатский этногенез также разделяется на два отличных района: этногенез в районах с преобладанием земледельческой культуры — иранский — и в местах обитания со скотоводческим хозяйством — тюркский. В полном согласии с этим стоят и замечания Н. Я. Марра в его работах по поводу этногенеза якутов и в работах, посвященных изучению народов Сибири, когда Н. Я. Марр отмечает связанность тюркского этногенеза с кочевым скотоводством.¹

Сходство и различия в этногенезе имели своим результатом схождения и расхождения языковых явлений.

Указанная особенность тюркского этногенеза заставляет уйти для разрешения данного вопроса далеко в глубь, в эпоху бронзы.

На обширной территории от Красноярска до Ордоса, от Енисея до Сыр-Дарьи в эпоху бронзы почти везде мы наблюдаем процесс развития пастушеских скотоводческих обществ, в недрах которых складывались в органической связи друг с другом общества, давшие основу для сложения тюркских народов.²

Укажем на основные положения, из которых надо исходить при характеристике начальных этапов тюркского этногенеза.

Поскольку в гуннском племенном союзе мы с несомненностью сталкиваемся с четко выраженными проявлениями тюркского этногенеза, постольку в происхождении гуннов содержится ответ на древнейшие этапы тюркского этногенеза вообще.

II

Гуннский племенной союз является завершением длительного и сложного развития первого общественного разделения труда. Истоки этого процесса восходят к неолиту; территориально он тяготеет к пространству, разделенному р. Хуанхэ.

Уже в эпоху неолита мы наблюдаем расщепление культуры Яньшао, находящейся в тесном взаимоотношении с культурой Селенгола, представляющей собой типичное развитие кремневой индустрии, характерной для охотничье-скотоводческого хозяйства.³ В последующих этапах развития мы наблюдаем, как постепенно обособляются кочевые скотоводческие племена от земледельческих племен Северного Китая. Так, еще слабо расчленена инская бронза, в пиктограммах которой начинается процесс сложения будущего звериного стиля Северного Китая.⁴ Но со времени бронзы карасукского типа и «скифской» культуры различия между кочевниками и земледельцами становятся особо ощутимыми.

¹ Рукопись Н. Я. Марра о якутах хранится в его архиве при ИИМК.

² Ср., например, Агне. Die Wege über Steppen. Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities, т. I.

³ Egami Nard Mizunos, Inner Mongolia and the Region of the Great Wall. Archaeologia Orientalis, т. I, Tokyo, 1935.

⁴ C. Sowerby. Animals in Chinese Art. Journ. of the North China Branch of the Royal Asiatic Society, т. LXVIII, 1937.

Когда в Ордосе складывается бронза карасукского облика,¹ синхронная ей бронза Китая, архаического и среднего Чжоу,² весьма своеобразна и отлична. Носители степной бронзы (племена жуны) в это время входят в соприкосновение с тунгусо-маньчжурской группой племен — позднейших дун-ху. Таковы жунские племена: шань-жуны, гуань-жуны, икюйские жуны.

К VII в. до н. э. эти племена, согласно полулегендарным свидетельствам китайской истории, входят в соприкосновение с северокитайскими племенами и, что характерно, принимают наименование «байди» и «чиди», т. е., очевидно, несут в себе черты динлинского северокитайского этнического слоя. Эти сообщения относятся к тому времени, когда возникает пышная скифская культура типа находок из Сюань-Хуа (Хубэй) и Люан-Бина (Пекин),³ не без влияния которой в Китае на смену культуре архаического и среднего Чжоу появляется культура стиля «Хуай».⁴ В последней мертвые геометрические формы орнамента, воспроизводящие красочные росписи керамики Яньшао, начинают наполняться живыми реалиями, идущими из этой скифской культуры.

Процесс скрещения не прекращается и позднее, наглядно документируясь в памятниках Муянчэна⁵ и в соотношениях культур поселений в Ордоса и Наньшаньли.⁶ Сопоставляя с данными археологии свидетельства древнекитайских летописей, восходящих к записям на бамбуках, приходишь к выводу, что так называемые легендарные части летописи исходили из смутных представлений о реальной действительности. В самом деле, неоднократные свидетельства об уходе в степь жителей Китая, от которых происходили отдельные племена жунов, впоследствии гуннов, типа шуньвэй или гунлю, увязываются с нашими представлениями о расщеплении первоначального слоя динлин и отделении кочевников от земледельцев. Хронологически указанные связи жунов с ди также подтверждаются в памятниках скифской поры. Резкому этническому обособлению жунов от населения Северного Китая способствовало, вероятно, скрещение жунов с тунгусо-маньчжурским населением. Быстрота этих ассимиляций обеспечивалась тем, что племена этой поры, как свидетельствуют китайские источники, жили небольшими группами, только в редких случаях включавшими «до 100 семейств».⁷

И когда назрел окончательный конфликт между несовместимым для той поры комплексным существованием кочевников и земледельцев, тогда этот процесс, обусловленный также внутренним процессом развития кочевников и земледельцев, завершается началом строительства Великой китайской стены, установившей материальный рубеж между гуннским племенным союзом, с одной стороны, и Китаем династии Цинь — с другой.⁸

Наброшенная в самых общих чертах картина развития кочевников показывает, что тюркоязычный гуннский племенной союз как древнейшее проявление тюркского этногенеза есть результат сложных и длительных процессов. Во-первых, это результат расщепления динлинского слоя и

¹ См. статью Andersson в BMFEA (1932). (The Hunting Magic in the animal stule).

² B. Karlgrenn. New Studies on Chinese Bronzes. BMFEA, IX, 1937.

³ Материалы из этих комплексов опубликовал Arne в BMFEA, № 5.

⁴ B. Karlgrenn. Указ. соч.; см. его же в BMFEA, 13.

⁵ Материалы изданы в японской серии Archaeologia Orientalis.

⁶ Там же.

⁷ Ши-цзи, гл. 110; Цянь-Хань-шу, гл. 96а.

⁸ A. I. Tcheppe. Histoire du Royaume de Ts'in. Variétés Sinologiques, № 27, Chang-Hai, 1909, стр. 271.

выделения кочевников от земледельцев. Во-вторых, это процесс скрещения выделившихся кочевников с монголоидными, тунгусо-маньчжурскими племенами. В-третьих, это непрерывающийся процесс взаимоотношения кочевников и земледельцев.

Гуннскому племенному союзу выпала доля и первого этапа расширения сферы тюркского этногенеза, где он выступает в роли ускорителя автохтонных процессов тюркского этногенеза в северных областях: южной Сибири, Алтае и Семиречье.

III

Развертывающиеся исследования в Семиречье показали, что памятники эпохи бронзы на этой территории являются локальным вариантом широко распространенного круга памятников, укладываемых в известные три этапа развития бронзы: афанасьевский, андроновский и карасукский.

Количество пунктов в Семиречье, где обнаружены памятники эпохи бронзы, из года в год увеличивается. Зарегистрированные ныне свыше 50 точек находок памятников эпохи бронзы вышли из территории казахстанского очага бронзовой культуры и отмечаются также на территории Тянь-Шаня, как северного, так и центрального.¹

Киргизстанская бронза связана с казахстанской и южносибирской, но имеет свои местные отличия. Находки отдельных орудий, форм для литья, стоянки и т. п. показывают, что северокиргизская бронза — не продукт расселения казахстанских обществ, а автохтонно развивающаяся культура, так как наряду с общими явлениями включает в себе локальные черты.²

В отличие от северокиргизской бронзы памятники этого периода, происходящие из Ташкентского оазиса, имеют весьма любопытную отличительную деталь — измельчение форм.³ На памятниках эпохи бронзы Ташкентского оазиса наглядно выступают черты окраинной культуры кочевого мира, где скотоводство уступало место земледелию, победившему (особенно позднее) и вытеснившему кочевую культуру из районов от Ферганы до Хорезма.

Аналогичные явления можно было бы показать и по другим районам Азии, на примерах Центральной Азии и Китая, пустыни Такла-Макан и оазисов Алтын-Тага,⁴ но это не входит в задачи настоящей статьи. Исследования показали, что поздние этапы бронзы и памятники эпохи ранних кочевников-скифов по Минусинскому краю и Алтаю имеют несомненную связь. Более того, памятники скифского типа являются прямым результатом развития культуры эпохи бронзы. Эти наблюдения, прочно вошедшие в науку, находят свое подтверждение в памятниках Семиречья. Так, открытая нами каргалинская культура наглядно показывает генетическую связанность бронзы Алексеевского и Узун-Агачского типов со скифской культурой, причем последняя воспроизводит от первой конструкцию погребения (каменный ящик), бронзовое оружие (листовидный с уступчиком нож) и круглодонную посуду.⁵

¹ А. Бернштам. Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942. См. также: Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943.

² Там же, стр. 4. Ср. А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 20 и сл.

³ Материалы не изданы. Хранятся в кабинете археологии Истафа Среднеазиатского университета.

⁴ Публикацию материалов см. у А. Stein в Innermost Asia. Oxford, 1928, t. I, стр. 85 и сл.

⁵ А. Бернштам. Археологический очерк, стр. 24—25.

Каргалы VIII в. до н. э. развивается в погребение типа Айритан на Таласе, исследованное Гейкелом,¹ и Кара-Чоко в Илийской долине, исследованные нами и относимые к V—IV вв. до н. э.² В целом ряде элементов проходит красной нитью последовательная связь и преемственность форм.

Памятники саков Семиречья нашли свое отражение в многочисленных находках случайного происхождения и в раскопанных археологами объектах.³ Нашими исследованиями обнаружено, что в сакском инвентаре бытуют формы, в порядке преемственности идущие от эпохи бронзы, и наряду с этим происходит накопление новых форм и явлений. К таковым важно отнести сложение круглодонной и шаровидной посуды, известной под именем усуньской, с той лишь разницей, что для времени саков эта посуда делается из отдельных грубо спаянных полос, а во втором случае она принимает более правильные и законченные формы благодаря лепке по шаблону.

В культуре саков Семиречья наглядно выступают черты культурных влияний Ирана и Китая, ярко прослеживаемые в памятниках сакского времени, происходящих из Семиречья. Например, в кладе из Тюпа, особенно в бляхе с антилопами и кабанами,⁴ в исык-кульских жертвенниках с процессиями и борьбой зверей,⁵ в находках из Нарына (золотая бляшка с изображением яка),⁶ в сукулукской пряжке с геральдически поставленными львами⁷ и т. п.

При всех этих наслоениях сакская культура не только сохраняет связь с эпохой бронзы, но в то же время является основой для культуры усуней, широко распространенной в Семиречье⁸ и вышедшей за пределы Семиречья двумя клиньями: в Ташкентский оазис в виде бургулюкской культуры⁹ и в Фергану в период распада культуры Давань.¹⁰

Вышесказанное наше суждение покоится на анализе раскопок многочисленных курганов Таласа, Чуйской долины, Исык-Куля и Илийской долины.

Материалы из этих курганов располагаются в хронологический ряд от III в. до н. э. до I в. н. э. В качестве представителей ранних памятников в этой группе являются Бураинские курганы и Берк-Кара I, поздними — Кара-Чоко II, Каргалы II, Чильпек, Беркара II. Примыкают к этой второй группе усуньские варианты культуры Давань и Бургулюк.

Наконец, последними звеньями этого процесса являются памятники I тысячелетия нашей эры, среди которых должны быть отмечены в хронологической последовательности: 1) Джуван-тепе (р. Или) и Терсул

¹ Н. Heikel. Alterthümer aus dem Tale des Talas in Turkistan; Travaux Ethnographiques. 1918, табл. II.

² См. наш отчет об экспедиции 1939 г. в ҚСНИМК, 4, Л., 1940.

³ А. Бернштам. Археологический очерк, стр. 24 и сл.

⁴ Хранится в Историческом музее в Москве, воспроизведения в Ленинграде (Архив ИИМК).

⁵ Хранятся в Отделе востока Гос. Эрмитажа.

⁶ Хранится в Музее национальной культуры киргизского народа, г. Фрунзе.

⁷ Там же.

⁸ М. Воеводский и М. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 3/4, 1938.

⁹ А. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН СССР, 9, 1940.

¹⁰ Т. Оболдуева. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН СССР, 10, 1940. Наша датировка усуньской культуры Давань несколько иная, чем у цитируемого автора. Мы относим эти памятники к рубежу нашей эры.

(р. Талас); 2) Узун-Булак (р. Чарын) и Чуйские погребения; 3) кочкарские находки (Тянь-Шань).¹

В Семиречье, так же как на Алтае и на Енисее, к рубежу нашей эры относится вторжение в последовательные линии развития местных культур центрально-азиатских явлений в виде погребений типа Оглахты (на Енисее),² Яконур, на Алтае,³ Кенкол в Семиречье, — явно связанных с гунно-сяньбийской средой.⁴ Племенные образования кочевников (гуны и сяньби) в скрещении с местными племенами дают весьма аналогичные результаты, и Кенкол находит себе аналогии в инвентаре находок Стейна на Лобноре,⁵ Таштык — в погребениях и поселениях Муянчена и Наньшаньли в Корее, исследованных Кошито Харада и Казушико Комой (Муянчен), Козаки Хамада и Шимада (Наньшаньли).⁶ Это скрещение центральноазиатских держав с племенами южной Сибири и Семиречья дает в результате племена тюркской группы, т. е. кочевников-скотоводов, говорящих на тюркских языках.

Древнейшие свидетельства об этническом происхождении и языке, а также о названиях этих племен весьма немногочисленны, но доказательны. Наличие тюркских элементов в гуннском племенном союзе — явление общеизвестное.⁷

В результате синтеза динлинского пласта яфетического слоя с кочевыми центральноазиатскими племенами явилось создание тюркских племен южной Сибири и Семиречья. Роль центральноазиатских племен в этом процессе выявляется как элемент ускорителя. Мы подчеркиваем — как ускорителя, ибо спонтанное развитие динлинской группы племен, как показывает археологический материал, приводит к формированию тюркских племен и в том случае, если пути развития связаны только с кочевым хозяйством местных племен. Материалы южной Сибири и Семиречья дают достаточные этому доказательства (массагеты — эфталиты — тюрки).⁸ Характерно, что всюду, где мы впоследствии фиксируем тюркские народности, первоначально был динлинский слой племен (динлины — европеоиды Енисея и Алтая, памиро-ферганский тип усуней на Тянь-Шане). Тюркский этногенез, совпадающий по времени с вторжением гуннов и сяньби, вначале вносит в эту среду монголоидные элементы, которые кажутся диковинными на фоне европеоидного типа динлин. С победой же тюркского этногенеза эти европеоидные черты, наоборот, становятся странными в массе тюркского населения. И если первое обращало на себя внимание китайцев, то второе не прошло мимо мусульманской литературы.⁹

В Семиречье, где были блестящие условия развития кочевого скотоводства, тюркский этногенез шел особенно интенсивно. Последователь-

¹ Кочкарские находки хранятся в Гос. Эрмитаже. Одно из первых воспроизведений см. Альбом рисунков, помещенных в Отчетах Археол. комиссии за 1882—1898 гг., а также Strzygowski. Altal-Iran und Völkerverwanderung. Leipzig, 1917, стр. 294 и сл.

² Г. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника. Пробл. ист. матер. культуры, № 7—8, 1933.

³ М. Грязнов. Раскопки на Алтае. Сообщ. Гос. Эрмитажа, I, 1940.

⁴ А. Бернштам. Кенкольский могильник. Гос. Эрмитаж, 1940.

⁵ A. Stein. Innermost Asia, т. III, см. табл. XXIII и сл.

⁶ См. издание в серии Archæologia Orientalis.

⁷ С. нашу статью «Происхождение турок». Пробл. ист. докапиталистич. обществ, № 5—6, 1935, стр. 50 и сл.

⁸ С. Толстов. История народов СССР, т. I, глава об эфталитах.

⁹ Например, Таншу отмечает среди киргизов Енисея «потомков Лилина» — лиц с черными волосами и темной окраской глаз, а Гардизи (XI в.), наоборот, отмечает светловолосых и рыжих среди киргизов, принимая эти черты как свидетельство древних связей со славянами. О монголоидности на Тянь-Шане в связи с кенкольской культурой см. Е. Жиров. Об искусственной деформации черепа. Краткие сообщ. ИИМК, VIII, 1940, стр. 85.

ная цепь спонтанно развивающихся кочевых обществ, начиная с эпохи бронзы вплоть до создания тюркского каганата, свидетельствует об этом.

Семиречье выявляется в Средней Азии как узел, центр тюркского этногенеза. Отсюда еще в первой половине I тысячелетия нашей эры особенно интенсивно начали идти на запад племена, в свою очередь, определившие пути и скорость тюркского этногенеза среди других областей Средней Азии, быть может, и некоторых областей, расположенных южнее и восточнее (Алтай и Северотаримские оазисы, например Куча).

IV

Древнейшие этнонимы тюркских племен восходят по свидетельствам письменных данных к III в. до н. э. Для этой поры их количество минимально (2—3), но главным образом потому, что они отложились в китайских сочинениях, а историческая фонетика китайского языка — это еще дело будущего. Не останавливаясь на фактах и сопоставлениях, приведенных в специальной литературе (здесь прежде всего должны быть упомянуты имена Аристов, Пельо, Маркварта и многих других),¹ — укажем на то новое или вносящее поправки, что удалось нам внести на основании изучения этих первоисточников.

Прежде всего хочется отметить для наиболее раннего периода имя племени кыпчак, широко известное в средневековые века народности, вошедшей в состав казахских орд. Кыпчаки упоминаются уже в памятниках VIII в. как жители юго-восточного Алтая (в Селенгинском камне, открытом Рамstedтом).² Однако более ранние известия о кыпчаках содержатся в хорошо известном китайском тексте о завоеваниях Модэ Шаньюя, когда перечисляется пять племен, покоренных Модэ на север от территории гунинов.³ Среди этих племен в современном произношении китайских иероглифов фигурируют племена «цзюе ше». Однако эти иероглифы в старокитайском произношении звучали, если верить Берхарду Карлгренну,⁴ как «кыйчак». Нетрудно видеть в этом имени этнонима «кыпчак», тем более что речь идет о племенах, под тем же названием фигурирующих в VIII в. в Селенгинском руническом тексте. Опыт исследования исторической китайской фонетики показал, что китайцы очень точно передавали произношения названия иноземных племен. Достаточно ясно это следует, например, из точного восстановления произношения этнонима гэлोलу, т. е. карлуки. По существу соответственные иероглифы, составляющие транскрипцию этнонима «карлук», должны произноситься не «гэлोलу», а точно «ка-р-лук». Факты можно было бы намного увеличить. В этой связи следует снова рассмотреть после Радлова и Маркварта вопрос о племенах гаогюй.⁵

Китайская транскрипция этнонима гаогюй появляется сравнительно рано. Уже в эпоху владычества жуаньжуаней (т. е. при династии Бэй-

¹ Н. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897. Из многочисленных работ Пельо см. прежде всего его статью в журн. «Toung Pao» (т. XVI, 1915), L'origine de Tou-Kioue, nom chinois des Turcs; J. Marquart. Ueber das Volkstum der Komanen. Berlin, 1914, и мн. др.

² Г. И. Рамstedт. Перевод надписи Селенгинского камня. Труды Троицко-Кяхт. отдел. Приамурск. отд. РГО, т. XV, в. I, 1912, стр. 40, строчка 4.

³ Цянь-Хань-ш у, гл. 94, л. 8.

⁴ В. Карлгрэнн. Analytic dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Paris, 1923.

⁵ В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1891; J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.

Вэй) эти племена известны Китаю. Гаогюй — это транскрипция этнонима уйгур. Племена гаогюй претерпели целый ряд ударов со стороны центральноазиатских держав и в силу этого оказались рассеянными по большой территории.

Так, в конце V в. племена гаогюй оказались разбитыми на две части, причем одна часть жужанским каганом Дэулуном и Ногай-ханом была вытеснена в степи Казахстана, другая оказалась отброшенной в Центральную Азию. Западно-гаогюйские племена появились в Восточной Европе, где они известны историкам раннего средневековья под именем угров с различными атрибутивными префиксами (он, ут, сары, кут). Южная группа гаогюй еще сохраняла свое название уйгур. В дальнейшем эта группа племен была разбита еще на две части: одна из них оказалась на Селенге и стала известной под именем токуз-огузов и уч-огузов, а вторая, сохраняя древнее название уйгур, оказалась в положении коренного населения Восточного Туркестана.

Таким образом, первоначальная конфедерация племен гаогюй впоследствии оказалась расчлененной на три большие группы: западную, южную и восточную. Первоначальный этноним уйгур также испытал модификацию. Термин уйгур, точнее гур или угур (так как «уй» здесь также атрибутивный префикс), в силу закона тюркской фонетики утерел свою ротацирующую форму и принял «зекающее» окончание. Древнему «гур» соответствует более поздняя форма «гуз». Процесс этот совершенно аналогичен формам соответствия, например, чувашского и любого другого среднеазиатского тюркского языка, в соответствиях хер-кыз, тахар-токуз и т. п.

Очевидно, что древние гузы и являлись родоначальниками многочисленных племен гузов или огузов, часть которых стала впоследствии предками различных тюркских племен Средней Азии, в том числе и туркменов. Естественно, что в процессе образования тюркских племен Средней Азии участвовали многочисленные компоненты, но гузы были весьма сильны, во всяком случае — настолько, что их этноним в X—XII вв. был господствующим. Аналогичный процесс произошел и с восточными гузами. Основная же часть гузов, которая пребывала на юге, в Восточном Туркестане, сохранила свое старое фонетическое произношение.

Как указано в тюркологической литературе, термин огуз восходит к названию быка — тотемного животного.¹ Имя и образ его запечатлены легендами, записанными Юань-ши и Джувейни, и отражен в изобразительном искусстве (бляхи из Ноин-Ула).² Очевидно, судя по ноин-улинским находкам, племена гаогюй достаточно древнего происхождения.

Распространение племен тюркского типа обязано во многом событиям, предшествующим сложению западнотюркского каганата. Существенное значение в его развитии, видимо, сыграла конфедерация племен толес, которая, как следует из последних работ Хенинга,³ сыграла существенную роль и в тюркизации северной части Восточного Туркестана. Характерно, что китайцы включали в конфедерацию племен толес племена, расселенные вплоть до Паноннии, часть которых, как показал еще Хирт, никакого отношения к тюркам не имела.⁴ Однако такое представ-

¹ А. Бернштам. Происхождение тюрков. Пробл. ист. докапиталистич. обществ, № 5—8, 1935; С. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. Там же, № 9—10, 1935.

² А. Бернштам. Изображение быка в находках из Ноин-улинских курганов. Пробл. ист. докапиталистич. обществ, № 5—6, 1935, стр. 27 и сл.

³ Toxli and Argi, BSOS; IX; см. рецензию И. Умнякова в ВДИ, 3/4, 1940.

⁴ F. Hirth. Nachworte zur Inschrift des Tonjuquq. Alttürkische Inschriften der Mongolei, Zweite Folge.

ление составителей Суй-шу весьма характерно. Оно подчеркивает огромное значение толесской конфедерации, основу которой составили уйгурские племена, которые, как мы только что показали, из Семиречья двинулись на запад и вошли в тесные взаимоотношения с племенами нетюркской группы. В это время, видимо, и произошли процессы отуречивания эфталитской группы племен.

V

Если к началу I тысячелетия уже сложились тюркские племена, то с появлением первой формы классового общества складываются тюркские народности.

С формированием классов племенные союзы первобытнообщинного строя уступают место народностям; это положение достаточно ясно сформулировано Ф. Энгельсом, который писал: «афиняне продвинулись в своем развитии дальше, чем какой-либо из туземных народов Америки: вместо простого союза живущих рядом племен произошло их слияние в единый народ».¹ Для тюркских народов этот период в основном начинается в VI в.²

Для истории этногенеза этот период имеет особо важное значение. Прежде всего этот период важен потому, что наряду с сохранением старого племенного деления появляются «общенародные» элементы, а политическая власть того или иного племени над остальной массой племен (или данной тюркской народности над другой) несла за собой распространение частного явления на массу других племен. Вместе с тем большее значение имели культурные влияния и заимствования, когда последние находили себе поддержку в лице той или иной правящей верхушки.

Укажем на целый ряд важнейших явлений в этой области из серии тех, которые не нашли должного отражения в научной литературе.

В тюркском этногенезе Средней Азии ведущее значение имели тюрки Семиречья. Они объединили в западно-тюркском каганате ряд тюркских племен, накапливающихся в Семиречье издавна. Языком западнотюркского каганата стало одно из жекающих наречий, которое с течением времени подчинило себе все остальные йокающие.³ Характерен в этом отношении один пример, дающий основание датировать этот процесс VI в. Господствующим племенем Семиречья в V в. было племя юебань,⁴ ведущее свое происхождение от потомков северных гуннов, проникших в Семиречье в конце I в. н. э. Эти племена юебань в VI в. входят в конфедерацию дулу под этнонимом чубань. Несомненно, что юебань и чубань — это один и тот же этноним с закономерным видоизменением йокающей формы в жекающую.

Распространение власти западнотюркского каганата над племенами западнотюркского каганата повлекло за собой и исчезновение старых этнонимов. Так, этноним усунь, еще отмечаемый китайскими послами Гао-Мин и Тунюань в 436 г.,⁵ исчезает в VI в. Его сменяет не термин нушеби, как это предполагал Аристов сугубо гипотетически,⁶ а близкий ему термин «он-ок», т. е. «десять стрел», как именовались западные

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 89.

² См. мою работу: Социально-экономический строй орхоно-енисейских турок VI—VIII вв. н. э., М.—Л., 1946.

³ А. Бернштам. О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии. Сб. «Памяти академика Н. Я. Марра», Л., 1938.

⁴ F. Hirth, Ueber die Wolga Hunnen und Hiong-nu, стр. 268.

⁵ Вэйшу, гл. 102, л. I.

⁶ Н. Аристов. Цит. соч., стр. 24.

тюрки в рунических и китайских текстах. Пять племен входили в конфедерацию дулу, пять — в нушеби. Термин «усунь» для этого времени становится атавизмом, образным выражением. Последнее нам становится ясным из одного рунического текста — текста Тоньюкука. В нем есть следующий абзац:

«Sandun ba(lyqqa) talui ü(güz)ä tägürtim,
Üč otuz balyq sančdy,
Usyn bundatu jürtta jatu qalur ärti
Tabyač Qaγan jaγumyz arti
Onoq qany jaγumyz ärti». ¹

Как видно из этого текста, термин «усунь», подобно термину «шандун», становится географическим понятием, в то время как «опоц» и «tabyač» выступают как этнонимы.

Сложение западнотюркского каганата и его политическая активность сыграли значительную роль в тюркском этногенезе Средней Азии. С этого времени начинается сильная тюркизация земледельческих областей Средней Азии; если так можно выразиться, произошел культурно-этнический взаимообмен между иранским и тюркским этническими мирами. Так, тюркизация междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи начинается особенно активно со времени Далобяна или Аброя.

Политическая история этого периода и его значение отражены с необходимой полнотой и по-новому в работе С. Толстова.² Этот эпизод имеет особенно большое значение и в этническом отношении как факт массового проникновения тюрков в Среднюю Азию. Не случайно соответствующие слои городищ Зеравшана содержат массы статуэток с изображением тюркского этнического типа. Таковы находки из Афросиаба,³ Талибарзу⁴ и т. д. В это же время начинается поток влияний согдийской культуры в Семиречье, что находит свое отражение в массовых находках статуэток с тематикой зороастрийского пантеона и с изображением согдийцев, брактеатов с сасанидскими орнаментами, окаймляющими разные этнические типажи. Здесь можно обнаружить галерею портретов от Византии до монголоидного владыки включительно.⁵

Синкретизм других явлений мы уже отмечали в своей статье «Согдийская колонизация Семиречья».⁶ Согдийские влияния на Семиречье были сильны, но уже к концу XI в. они уступали тюркскому этническому элементу, как об этом повествует Махмуд Кашгарский.⁷

Меньше было культурное влияние тюрков на Согдиану, но и там этнически (правда, позднее) тюрки становятся «хозяевами» этногенеза. Очевидно, что политическая власть была одним из важнейших факторов в успешном исходе тюркского этногенеза Средней Азии. Успех тюркского влияния в Средней Азии был обеспечен тогда, когда в города проникала тюркская среда. Последнее в Семиречье началось при карлуках и стало господствующим явлением при караханидах. В Мавераннахре этот процесс начался при караханидах и достиг мак-

¹ Alttürkische Inschriften der Mongolei, Zweite Folge.

² С. Толстов. Тирания Аброя. Историч. записки, т. III, М.—Л., 1939. Ср. А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.

³ С. Treguer. Terracotas from Afrosiab. М.—Л., 1934.

⁴ Т. Григорьев. Поселения древнего Согда. Краткие сообщ. ИИМК, вып. VI; ср. Труды Отдела востока Гос. Эрмитажа, т. II.

⁵ А. Бернштам. Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942.

⁶ Краткие сообщ. ИИМК, в. VI, 1940.

⁷ См. в статье В. Бартольд. К вопросу об языках согдийском и тохарском. Иран, т. I.

симального успеха при тимуридах. Это запоздание объясняется тем, что в Семиречье тюркские племена примерно на два столетия раньше стали жителями городов. Они на два века раньше, чем в Мавераннахре, определили свое влияние на культуру городов, а город оставался всегда носителем культурного влияния на страну. Когда тюркское население стало хозяином городов Мавераннахра, то обеспечена была и господствующая роль тюркского этногенеза в Средней Азии.¹

В этот период мы имеем дело с процессом расширения тюркизации, т. е. влияния тюркского этногенеза, сложившегося в главном районе тюркского этногенеза — в Семиречье.

Из оседлых, земледельческих районов Средней Азии раньше всех подверглась влиянию тюркского этногенеза Фергана. Судя по источникам китайским и уйгурским, этот процесс начался еще в VII в. (в 659 г.), когда Фергану завоевывают племена из конфедерации дулу.² Тюркизация Ферганы с той поры уже не прекращалась, и в 739 г., когда против Таласа выступает некто Арслан Таркан, чигиль по происхождению, то посвященная ему рукопись манихейского содержания написана на уйгурском, т. е. тюркском, языке.³

VI

Вышеизложенное позволяет сформулировать ряд общих положений:

1. Тюркский этногенез — результат развития динлинского слоя племен, протекающий в условиях кочевого скотоводства. Оформление тюркских племен происходит в условиях скрещения о центрально-азиатским компонентом, северокайским по своему происхождению. Время: от начала III тысячелетия до н. э. вплоть до начала нашей эры.

2. Тюркский этногенез завершается (формирование народности) в условиях сложения первого рабовладельческого государства среди кочевых племен. Время: VI—VIII вв. н. э.

3. С установлением политической власти тюркских племен и народностей убыстряется процесс расширения тюркского этногенеза. Время: VII—VIII вв. н. э.

4. С приобщением тюркских племен к городской жизни и сохраняющимся значением сельской кочевой округи (наряду с земледельческим хозяйством иранского населения) происходит втягивание городского населения в процесс тюркского этногенеза. Время: для Семиречья VIII—XII вв., для Мавераннахра XI—XIV вв.

5. Тюркский этногенез проходил в условиях тесной культурной связи кочевников с иранским и китайским миром, нашедшей наиболее полное выражение в VI—VIII вв. н. э.

Центром тюркского этногенеза Средней Азии было Семиречье, главным образом южное.

¹ А. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Труды ИАИ, в. III, ч. I; W. Barthold. 12. Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Die Welt des Islam, Bd. 14—15, 1932.

² См. А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.

³ A. Le Qoq. Türkische Manichaica aus Chotscho I. Anhang AKAW. Berlin, 1911.

II. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ СССР

В. Н. Чернецов

К истории родового строя у обских угров

В нашем очерке в «Советской этнографии», II мы попытались дать характеристику обско-угорской фратрии, частью в той форме, в какой она сохранилась до наших дней, частью реконструируя уже исчезнувшие моменты.

В этой работе мы переходим к описанию рода, разбив его на ряд очерков. В настоящем очерке дано описание признаков рода, непосредственно вытекающих из сознания кровного родства членами родового коллектива.

Остановимся предварительно на термине «род». В очерке о фратрии мы указали, что (если не считать явно позднего термина *махун* — «народ»), наиболее распространенным как в значении «фратрия», так и «род» выступает слово *siṛ* («Советская этнография», II, стр. 20).¹ Но наряду с ним в смысле «род» применяется и слово *oparis*, *apṛas* «предки». Отсюда обычное *oparisname* — «родовое имя», «фамилия», буквально «предков имя».

Корень *or-* ~ *ar-* обозначает старших родственников не только в угорских языках, но и далеко за их пределами — (M) *or* «дед» (отец отца), (X) *ūr, ṓr*, старшая сестра, сестра отца и т. д.; в монгольском *ar-g-ən* (предки по материнской линии) — что позволяет рассматривать этот корень как очень древний.

Близок к нему, но более узок по своему значению термин (M) *og* — «сородичи по материнской линии, предки по матери», ярко показывающий сохранение значения счета родства по женской линии.

Одним из основных признаков, характеризующих род как группу кровных родственников, является экзогамия. В эпоху расцвета матриархального рода единственной формой экзогамии в обско-угорском обществе было запрещение браков внутри фратрии. О недопустимости брака внутри рода применительно к этой эпохе говорить не приходится. Род является лишь частью более крупного объединения кровных родственников фратрии. Но по мере разложения матриархата и шедшего параллельно с ним процесса дробления родов ослабевала и роль фратрии, ослабевала и нерушимость фратриальной экзогамии. На смену ей на первый план выступала недопустимость брака внутри рода. Л. Морган указывает в отношении племени сенека, что у него уже к середине XIX в. «ограничение» брака в пределах фратрии «давно отпало, сохранившись только по отношению к собственному роду».²

¹ Точно так же объясняет слово *siṛ* в хантыйском и мансийском языках W. Steinitz, Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien. Ethnos, № 4—5, 1938, S. 126.

² Л. Морган. Первобытное общество, стр. 54.

У ряда обско-угорских племен, как мы видели выше, в частности у сосвинских и обских манси, фратриальная экзогамия в значительной степени сохранилась даже до наших дней, а для конца XIX в., согласно указанию Н. Гондатти, «выйти женщине из поколения *moš xüm* замуж за человека, происходящего из того же рода (выражения «поколение», «род» следует понимать как «фратрия». — В. Ч.) считалось в высшей степени предосудительным».¹

У некоторых других племен, как например, у ваховских ханты, у кондинских манси, запрещение брака в пределах фратрии исчезло, очевидно, уже в довольно отдаленную эпоху, так что к настоящему времени в значительной степени стерлось и самое представление о фратрии. Мы видим, что процессы развития общественных институтов протекали среди обско-угорских племен не синхронично. Надо думать, что не было одновременным и возрастание роли родовой экзогамии над фратриальной.

О запрещении брака в пределах рода находим указания у многих исследователей, в то или иное время занимавшихся изучением обских угров.

«За грех и стыд у них почитается взять жену из того же рода и прозвища, — пишет Паллас на основании материалов Зуева об осяках ниже Березова. — Коротко: все свадьбы у них позволены, лишь бы жених и невеста не одним именем назывались».²

Совершенно аналогичное указание дает Ф. Белявский, посетивший остяков в самом начале XIX в.: «Она (невеста) должна быть совершенных лет и от другого рода — на родной же, даже на дальней, дикари ни за что не женятся».³ То же пишет Бартенев об обдорских осяках: «в своих брачных и наследственных обычаях осяки строго придерживаются гентильного родства... Браки возможны только между членами различных родов... Обычай не признает только тех браков, которые совершены были между членами одного и того же рода, хотя за давностью лет родственные отношения членов рода уже определены быть не могут».⁴

С еще большей определенностью высказывается А. Кастрен: «Осяки, подобно самоедам, распадаются на множество небольших родов... Каждый род состоит из нескольких семей, имеющих общее происхождение и состоящих в дальнем или близком родстве между собой. У осяков... встречаются роды, состоящие из сотен и даже тысяч лиц, не могущих уже определить степень родства между собой, но тем не менее они считают себя родственниками и не заключают между собой браков».⁵

Экзогамия — один из наиболее полно сохранившихся родовых институтов. Как манси, так и ханты в большинстве случаев дают отрицательный ответ на вопрос: «можно ли брать жену в своем роде», и, как правило, до сир пор невеста берется из другого рода. В некоторых случаях экзогамия приводит даже к усиленной метизации. Так, например, в селении Карым на р. Юконде (Кондинский район) живет почти исключительно один род — Вахрушевы. До недавнего времени

¹ Н. Гондатти. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. Труды Этногр. отд. Моск. об-ва люб. естествозн., т. VIII, М., 1888, стр. 37.

² Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. IV, 1773, стр. 68.

³ Ф. Белявский. Путешествие к Ледовитому морю. М., 1833, стр. 118.

⁴ Бартенев. Описание Обдорского края, стр. 97.

⁵ A. Castren. Nordische Reisen und Forschungen, B. IV, S. 106; Магазин земледения и путешествий, т. VI, вып. 2, стр. 184.

(во всяком случае до 1930 г.) браки заключались между Вахрушевыми и жителями соседних селений, но поскольку эти селения расположены довольно далеко, то чаще можно было наблюдать браки между Вахрушевыми и живущими в Карыме русскими, так как «Вахрушеву на Вахрушевой жениться нельзя — родня». Но там, где исторические условия способствовали более интенсивному разложению рода, экзогамия пошатнулась уже много лет назад. Так, Патканов пишет в отношении иртышских остяков (80-е годы XIX в.), что лишь «в некоторых местах избегают браков между лицами, которые носят одно и то же родовое имя (Familienname), хотя бы между ними и существовало лишь отдаленное родство. Это (избегание. — В. Ч.), — добавляет автор, — является остатком прежнего экзогамного брака остяков, когда женщину искали среди чужого рода и даже племени».¹

За последние годы, в условиях советского быта, экзогамия, давным давно утерявшая всякую актуальность и ставшая лишь обузой, стесняющей брак, начала ослабевать. Брак в пределах рода не допускается, — пишет М. Шатилов о ваховских остяках. «Но здесь же каждый считает должным добавить, что, конечно, в крайнем случае, если нет больше невесты, браки возможны. Лишь старое поколение («ике»), старики более категоричны в этом отношении и настаивают на недопустимости браков между родичами».² Разногласие между стариками и молодежью показывает, что здесь новое явление еще не укрепились в сознании более консервативной части населения. Даже среди сосвинских манси, сохранивших родовые нормы в очень значительной степени, все чаще и чаще можно наблюдать случаи нарушения экзогамии. Интересен также путь, по которому идет ее отмирание. Сфера действия экзогамии начинает ограничиваться кругом лишь более близких сородичей. Так, у ханты «в пределах рода браки допускаются только на четвертом и дальнейших поколениях, но между членами различных родов заключаются свободно».³ У сосвинских манси даже при нарушении родовой экзогамии преобладают случаи, когда брачующиеся происходят из различных и отдаленных мест. Так, мужчина из рода Анямовых с реки Ляпин женился на женщине из того же рода, но с реки Лозьвы (расстояние километров 300). Нарекания со стороны общественного мнения были, правда, и в этом случае, но очень многие считали, что «такой брак все же допустим, поскольку жених и невеста почти не могли считаться родней между собой».

Вторым признаком рода, вытекающим из сознания общности происхождения, является самоназвание. Мы уже видели, что каждый род имеет присущее только ему одному имя. При этом (как и следует ожидать) для общества, находящегося на стадии разложения рода, родовые имена представляют весьма пеструю в историческом отношении картину. В одних случаях родовым именем является название тотемного животного или птицы, в других — имя предка-богатыря, в третьих — в качестве родового имени употребляются прозвища, как то: *wa'i supət* — «Короткие рубашки», *sās sipal'* — «Берестяные ножны», *harkjūs* «Облезшая парка». Надо думать, что подобные прозвища являются наиболее молодыми из всех видов родовых названий, распространенных среди обских угров, и, как это высказал Л. Морган в отношении племени пиеган-черноногих, «возможно, что в некоторых случаях... они ... вытеснили настоящие названия».⁴

¹ S. Patkanov. Die Irtisch Ostjaken u. ihre Volkspoesie, т. I, стр. 139.

² Труды Томского музея, т. II, стр. 4, и т. IV, стр. 81.

³ П. Старцев. Остяки. Л., стр. 66.

⁴ Л. Морган. Цит. соч., стр. 101.

Уже априорно можно допустить, что наиболее древними из всех сохранившихся видов родовых имен являются самоназвания по имени животного-предка, тем более в тех случаях, когда этот предок рисуется в образе существа женского пола. К числу последних принадлежит упоминавшееся уже выше имя рода *naŋs naŋ taχum* «Народ лягушки», ведущего свое происхождение от *naŋs naŋ* *ekwa* «Лягушки Великой Женщины». Четко выраженный тотемный характер находим и в самоназваниях ряда других родов. Так, род *kukin* в селении *Mesi* на р. Ляпин именует себя также *toχlən rirj' taχum* — «Народ крылатого предка». Тотемом их является **орел**, изображение которого **хранится** в селении. Манси из селения *χəŋəm rāu* называют себя *irj' taχum* «Народ-филины». Своим предком они считают *irj'ekwa* — «Старуху и старика филинов».

Конечно, не всегда родовые самоназвания объясняются так легко. Так, манси селений *soma rāu* и *χəχən* именуются *Soiŋ*. Своим предком они считают *гагару*. Слово *Soiŋ* из современного языка не поддается расшифровке, но если мы обратимся к хантыйскому, то найдем там: *soi* (ХКд), *sai* (ХЮ) «гоголь» *Fuligula clangula* (Paasonen, 219), *soi* (X сев) «нырок» (водяная птица) (Ahlquist, NO. 134), откуда и название *Soiŋ* может быть этимологизировано как «нырок», «ныряющая водяная птица».

Род *Soiŋaχ* (р. Ляпин); тотем — щука. Как и предыдущее название, имя *Soiŋaχ* не объясняется из разговорного языка, но может быть понятно при привлечении фольклорных данных. Так, в текстах, записанных В. Munkácsi, находим: *nērpīŋ lēyipa jānj' sōjān χōjime* «с красным хвостом большая щука попалась», *nērpīŋ iāŋχrā jānj' sōjān χōjime* «с красными плавниками большая щука попалась...»

Близость слов *sōjān* и *soiŋaχ* позволяет объяснить последнее как производное от слова «**щука**». Род Монин, живущий в селении Петкаш, именует себя также *lorj*, множественное число *lorit* — «собаки». Родовое имя Шескиных (селение *lorən-ūs*), в грамотах XVIII в. именуемых «Шеш», должно быть, очевидно, связано со словом *Sēs* — «щегол». Укажем также приводившиеся выше самоназвания родов аганских остяков: *riri sir* — «медвежий род», *noχk sir* — «лосиный род», *məχk sir* — «бобровый род» и т. д.

Родовые названия по имени предка-богатыря, встречающиеся наряду с названиями, имеющими тотемный характер, относятся, вероятно, к эпохе несколько позднейшей, чем последние. Надо думать, что они возникли в основном в период развития патриархального рода, вытеснив старые тотемные имена. К числу родовых названий этого типа можно отнести такие, как Чукопеликов, (М) *Suk-pēl'ək* (род, включающий в себя фамилии *Osterop*, *Pēl'kor*), по преданию происходящее от имени предка-богатыря, получившего это прозвище (*Suk pēl'ək* значит «хромой»), после того как он потерял в бою ногу. Род *ŋura* ведет свое имя от предка *ŋura ŋika*, прозванного так за свою медлительность (*ŋika* значит «медлительный»); род *sampi'tal* — от предка, который якобы был слепым (*sampi'tal* — слепой), и т. д. К этим названиям примыкают и по существу мало от них отличаются упоминавшиеся выше родовые прозвища, как «Берестяные ножны», «Короткие рубашки» и т. д.

Очень часто род признает за собой два-три имени. Так, упоминавшийся выше род *Sēs(kin)* кроме этого имеет еще имя *toχlən sir taχum* — «Люди крылатого рода» (*toχl'ir* — крылатый). Последнее имя

¹ В. M u n k á c s i. *Vogul Népköltsi Gyűjtemény*, т. IV. Budapest, 1892—1902, стр. 237.

(также тотемного характера) является синонимом первого [toyləŋ voɪ (X), toyləŋ ūi (M) — «крылатое существо», т. е. птица]. Род *nar kūs* — «Облезшая парка» именуется также *litma* по имени предка-богатыря, носившего это имя. Род, упомянутый под именем *litma*, имеет еще второе название *raikin*, которое, возможно, следует связывать со словом *rakw* — «кедровая шишка». Род *Omapor* носит также прозвище *laplay* — «Обманщик».

В последних трех случаях параллельные имена относятся, очевидно, к различным историческим этапам, но новое название или не успело, или по каким-либо причинам не смогло окончательно вытеснить старое, и оба они продолжают существовать одновременно.

Имея общее самоназвание, владея, как увидим дальше, коллективной собственностью, род имел и о б щ и й для всех з н а к — *pos*, употреблявшийся как знак родовой собственности, как подпись.

Дмитриев-Мамонов (80-е годы XIX в.) указывает, что ханты, «в делах, вместо рукоприкладства, ставят усвоенную родом тамгу или знак, изображающий или крест, или зверя, или птицу».¹ То же говорит и Дунин-Горкавич: Тамга есть рукописный знак, исстари принадлежащий известному роду».² *Pos* (знак, тамга) был теснейшим образом связан с именем рода, так как исторически, по крайней мере, он был не чем иным, как изображением родового предка-тотема. Это мнение высказал в свое время и С. Руденко, говоря, что «не зная письменности... остяки и вогулы в XVII в. и позднее на документах вместо подписи, удостоверяющей личность приложившего руку, изображали свои родовые тотемы».³ За тотемическую основу тамги у остяков высказывается также Н. Харузин.⁴ Действительно, родовые тамги в большинстве случаев представляют собой рисунки животных, птиц, реже — растений. Так, остяки Сургутского уезда, входящие в состав той или другой инородной управы, имеют тамгу со следующим изображением:

Тундринской	управы	тетерев и олень
Юганской	»	тетерев, олень и соболь
Локосовской	»	олень и лук
Луипукольской	»	елка
Ларьятской	»	елка ⁵

Особенно богатый материал по изучению родовых знаков находим в документах XVII в. В «Столбцах Сибирского приказа» тамги или, как их называли в то время, «знамена» (в большинстве реалистические изображения животных и птиц), стоят на оборотах различных дел вместо подписей и снабжены пометами, указывающими их принадлежность и содержание. В одних случаях «знамена» играли роль личной подписи, в иных же ставились от имени группы лиц. Так, в «ясачных сысках» от 1657 г. (стб. 501)⁶ находим тамгу с пометой: «К сему досмотру Юганской волости князец Васька Локчаков⁷ за себя и товарищей своих место знамя приложил тетерь» (табл. 1, рис. 1, 2). Правда, эта помета еще не

¹ Дмитриев-Мамонов. Адрес-календарь Тобольской губернии, стр. 10.

² Дунин-Горкавич. Тобольский север, т. III, стр. 63.

³ С. Руденко. Материалы по этнографии Русского музея, т. IV, вып. 2, стр. 14.

⁴ Н. Харузин. Этнография, т. II, стр. 25.

⁵ Дунин-Горкавич. Цит. соч., стр. 68.

⁶ Столбцы Сибирского приказа хранятся в Гос. архиве феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ).

⁷ В других местах он именуется Лончаков, что, вероятно, более правильно.

дает указаний на то, какую социальную значимость играла настоящая тамга: была ли она родовой или же личной тамгой Локчакова. Но такие

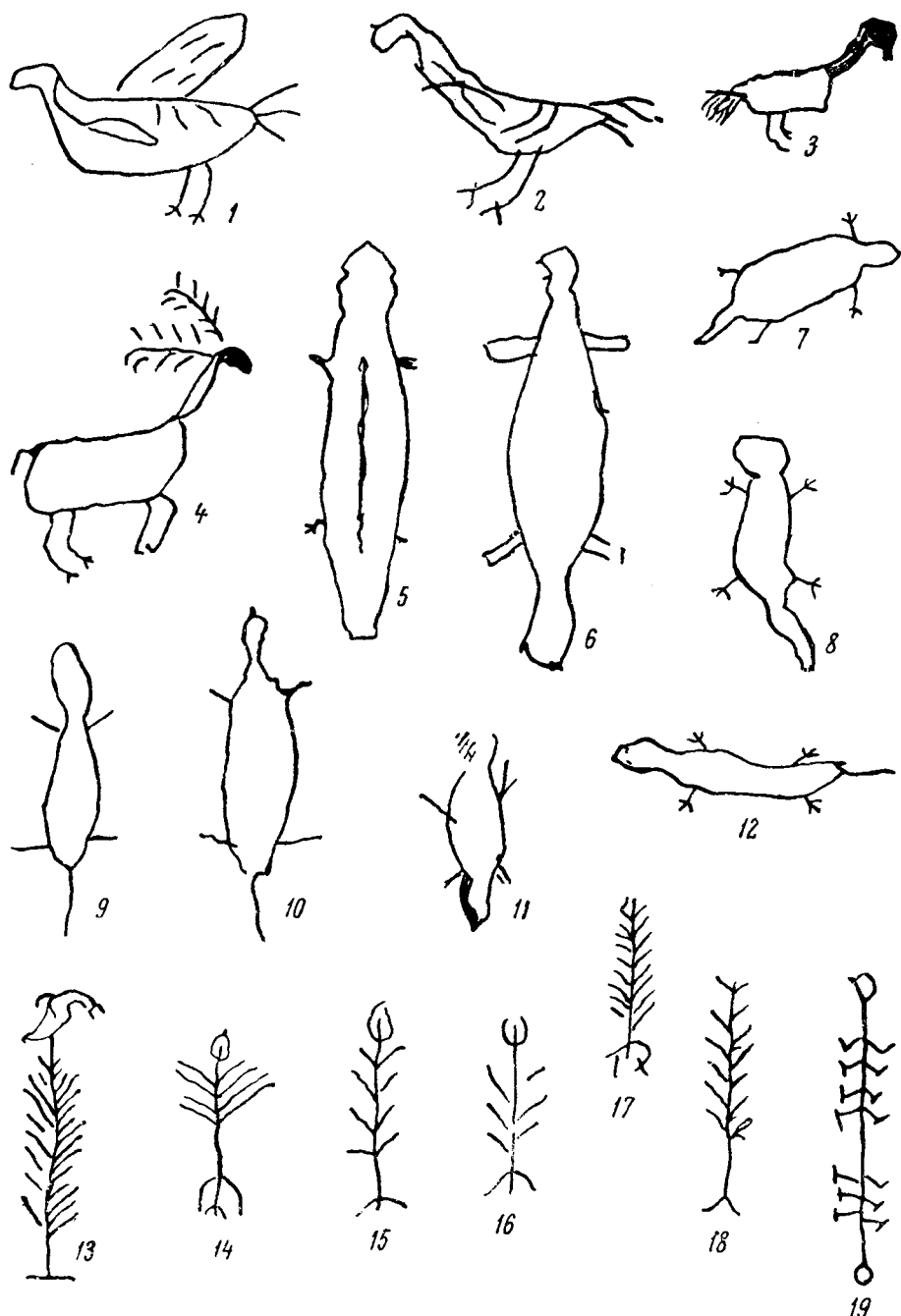


Таблица 1. Родовые знамена остяков

указания находим при просмотре более обширного материала. В столбце 88 лл. 544—545 на обороте «ясачного сыску», который давали «...Сургуцкого уезду юганские волостные и подгородные Васька Локчаков и

Кташ Ясгачев и Лана Латов, Мурза Чайшев, да Бардаковой волости Сана да Елта Тынгиреевы... и все ясашные люди...», находим ту же тамгу (тетеря) остяков Юганской волости (табл. 1, рис. 3). Но согласно дьячьей помете поставлена она «князцом Саной Тынгиреевым», который обычно встречается как представитель соседней с Юганом Бардаковой волости, имеющей знамя в виде оленя. Его за свою волость он поставил и в данном случае (табл. 1, рис. 4) рядом с тетерей. Таким образом, мы видим, что Тынгиреев ставит не личную свою тамгу, а, очевидно по доверенности, знамя, принадлежащее целой группе лиц.

Более определенные указания на социальный характер знамени находим в упомянутом выше столбце 501. На обороте «ясачного сыску» имеется знамя со следующей пометой: «К сему досмотру Васюганской волости лутчий человек Урбучко Тыкомин за себя и в товарищей своих место ясачных людей знамя приложил бобра» (табл. 1, рис. 8). Здесь дано совершенно определенное указание на характер знака — это «знамя ясачных людей», ставящееся одним из них от имени всей группы. Знамя это в неизменном виде повторяется и в других столбцах Сибирского приказа (табл. 1, рис. 6 — стб. 282, л. 77, 1647 г.; рис. 7 — стб. 308, 1648 г.; рис. 5 — стб. 88, л. 550, 1640 г.).

Аналогичные данные находим относительно знамени остяков Ларьякской волости. На обороте ясачного сыска (стб. 501) читаем: «К сему досмотру Ларьяцкой волости лутчий человек Нечко Минаков за себя и в товарищей своих место ясашных людей знамя приложил выдру» (табл. 1, рис. 12). В столбце 103, л. 311 (1640 г.) встречаем ту же тамгу (табл. 1, рис. 10) и тоже поставленную от имени «всех Ларьяцких ясашных людей», но уже «Ларьяцкой волости лутчим человеком Милкой Елимковым», о чем свидетельствует как дьячья помета («К сему обыску Милка Елимков и в товарищей своих место знамя приложил выдру»), так и текст самого сыска.¹ Знамя это повторяется на листе 314 того же столбца (табл. 1, рис. 9) и стб. 282, л. 77 (табл. 1, рис. 11).

В соседних с Ларьяком «трех Лунпукольских волостях» встречаем три знамени. Первое из них ель с сидящей на ее вершине птицей (табл. 1, рис. 13, а также табл. 1, рис. 14—19). Относительно этого знамени, так же как и в предыдущем случае, находим: «Лунпукольской волости лутчий человек Урнучко Пынжин за себя и в товарищей своих место ясашных людей знамя приложил ель» (табл. 1, рис. 16 — стб. 501). В другом месте текст пометы несколько иной: «к сему допросу Лунпукольской (волости) ясашный остяк П. Сычемин за себя и в место товарищей своих приложил волостное свое знамя — ель» (табл. 1, рис. 19).²

Вторая «Лунпукольская волость» имеет «...ясашных людей знамя филин» (табл. 2, рис. 1—5), третья — соболя (рис. 6 и 7).

Итак, устанавливаем, что в XVII в. по крайней мере параллельно с личными тамгами существовали знаки, или «знамена», принадлежавшие группам лиц и именуемые «ясачных людей» знаменами или «волостными» знаменами. Такое знамя являлось юридическим знаком данной группы и ставилось, как говорится в актах, «по своей вере и по шерти» от имени группы.

Что же представляли собой эти группы? Ответ, и вполне определенный, находим в следующем указании: «Все инородцы здешнего края (Тобольский север) управляются... инородными управами, которые со-

¹ «Ларьяцкия волости лутчий человек Милка Елимков, Юганчейко Вилянов, П. Легадеев, Огемпелеко Еногов, Ленбоги Легадеев, Кымдырчин Чалгитков, Тавасай Уляков, Мантасай Манаков и все ларьяцкие ясашные люди по сыску сказали по своей вере и по шерти...» (Сибирского приказа столб. 193, л. 311, 1640 г.).

² Зап. Уральского об-ва любителей естествозн., вып. XIII, I, стр. 7, рис. 104.

ответствуют русским волостным правлениям. Каждая... управа делится на волости или роды... заведываемые родовыми старостами...».¹ «Так остьяки Сургутского уезда разделены... на 5 управ и 21 род».² Таким образом, благодаря указанию Дунина-Горкавича на употребление слова *волость* в значении *род*, существование родовых знаков устанавливается с полной очевидностью. Следует отметить, что к этому же выводу, и не используя даже при том указания Дунина-Горкавича, приходит Н. Харузин, указавший, что «Волостные знамена (остяков) вероятнее всего совпадали с родовыми клеймами».³

В дополнение к изложенному небезынтересно привести данные о численности групп, охватываемых «знаменем». В делах о ясачных сысках за 1657 г. имеются записи:

«*И. Городка Демьяна ясачный лутчий человек В. Кармышаков и в место демьянского ж городка ясачных людей двадцати человек к своим речам приложил знамя копыто (табл. 2, рис. 8).*

...*Алегичаков и в место шеснатцати человек приложил знамя копыто (табл. 2, рис. 9).*

Ясаул Кама Накурыпов и в место десяти человек демьянских ясачных людей приложил знамя копыто (табл. 2, рис. 10, столб. 501).

II. Нарымского городка ясачный человек Чегола Колшаты к сыскным и распросным речам и в место нарымского ж городка ясачных людей тринадцати человек приложил знамя медведя (табл. 2, рис. 11).

Нарымского городка ясачный человек Байша Малабардаев⁴ к сыскным и распросным своим речам и в место нарымского ж городка ясачных людей десяти человек приложил знамя медведя (табл. 2, рис. 12).

Нарымского городка ясачный человек А. Ермаков к сыскным и распросным своим речам и в место пятнадцати человек нарымского ж городка ясачных людей приложил знамя медведя (табл. 2, рис. 13), (столб. 501)».

III. Нарымского городка ясачный лутчий человек Яхиба Кичаев к сыскным и распросным своим речам и в нарымского ж городка ясачных тридцати человек приложил знамя медвежья лапа (табл. 2, рис. 14).

В первом случае видим, что знамя «копыто» имеют 46 человек «ясачных Демьянского городка», во втором случае знамя «медведь» — 38 человек «ясачных» Нарымского городка, и в третьем — знамя «медвежья лапа» — 30 человек «ясачных» того же Нарымского городка. Учитывая, что ясачные считались по количеству мужчин-охотников, общее количество населения (т. е. включая женщин, детей и стариков) можно полагать раз в пять большим, т. е. в Демьянском городке имеющих знаменем копыто — 230 человек, в Нарымском имеющих знаменем медведя — 190 и имеющих медвежью лапу — 150 человек. Эти цифры более или менее нормальны для среднего по своим размерам рода и близки к тем данным, которые приводит Дунин-Горкавич для Сургутского уезда, по которым численный состав двадцати одного рода колеблется в пределах от 190 до 518 человек.⁵ При этом в отношении второго, менее численного рода из Нарымского городка можно по характеру его знамени (медвежья лапа) предположить, что он является частью, отделившейся от основного рода (медведь).

¹ Дунин-Горкавич, цит. соч., т. III, стр. 58.

² Там же, т. I, стр. 78.

³ Н. Харузин. Этнография, т. II, стр. 25.

⁴ Имя Малабардаев, учитывая искажения хантыйских слов в записях сысков (не существующие в хантыйском языке «б» вместо «п» и руссификация окончаний), очевидно, должно быть связано со словом поирэг «медведь».

⁵ Дунин-Горкавич, цит. соч., т. I, стр. 78.

Родовые тамги, изображавшие в основном тотемных животных, употреблялись, надо думать, не только в качестве юридического знака. Есть основания полагать, что они ставились и на жилищах, скорее всего над входом. На фронтоне современной вогульской юрты почти всегда имеется вырезанное из дерева или нанесенное краской изображе-

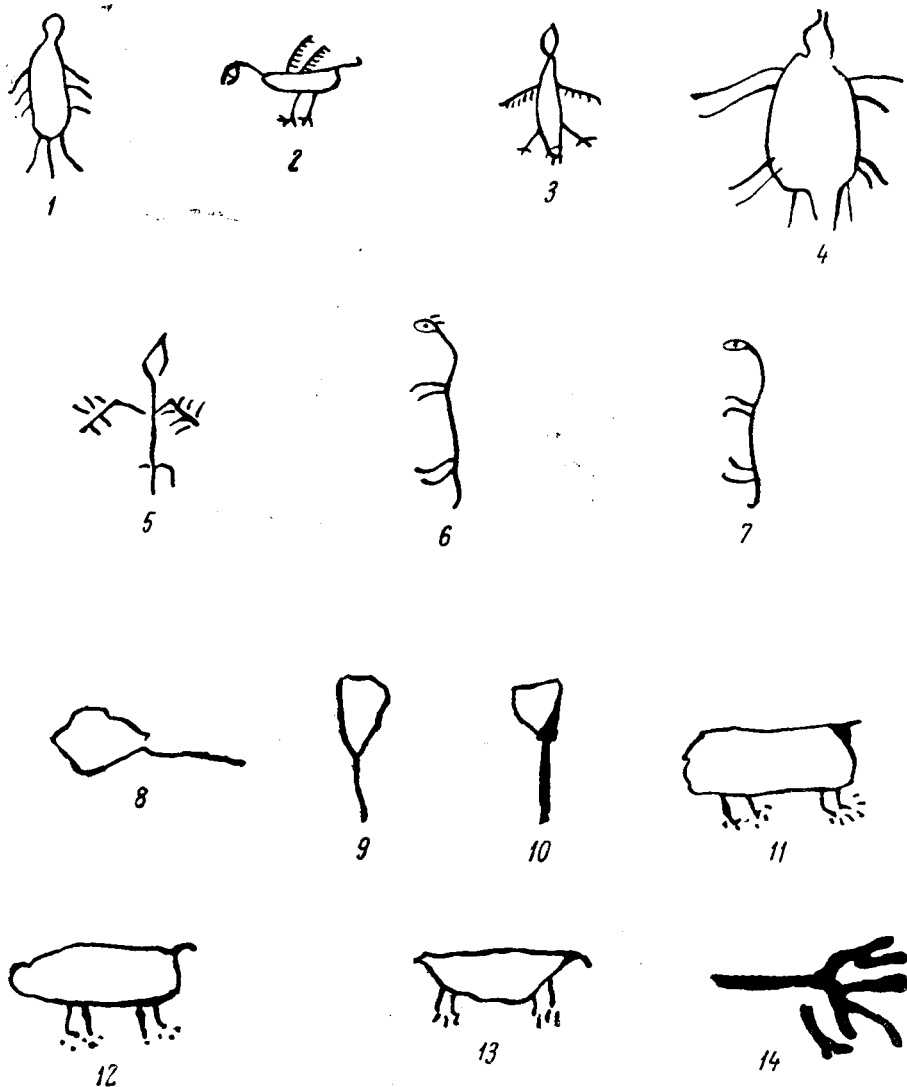


Таблица 2. Родовые знамена остяков

ние. В большинстве случаев это крестообразный мотив (табл. 3, рис. 1 и 2), но иногда встречаются знаки и другого характера, напоминающие птицеобразные тамги (табл. 3, рис. 3—6). Появление крестообразной фигуры может быть объяснено как упрощение изображения птицы (см. табл. 3, рис. 7—11); кроме того, безусловно, должна быть учтена христианизация, повлиявшая на замену изображения тотемного предка другой, имеющей также сакральное значение, фигурой — крестом.

Наконец, тамга как символ принадлежности данного лица к определенному роду татуировалась на теле. На связь татуировки со «знаме-

нами», а следовательно, и с изображением тотема, прямо или косвенно указывают многие авторы. В XVIII в. Новицкий писал, что остяки «имеют знамения некая: или взоры на руцех и персех, или нозах яже в различни виды и черты чернотию сие изображают еще здетска

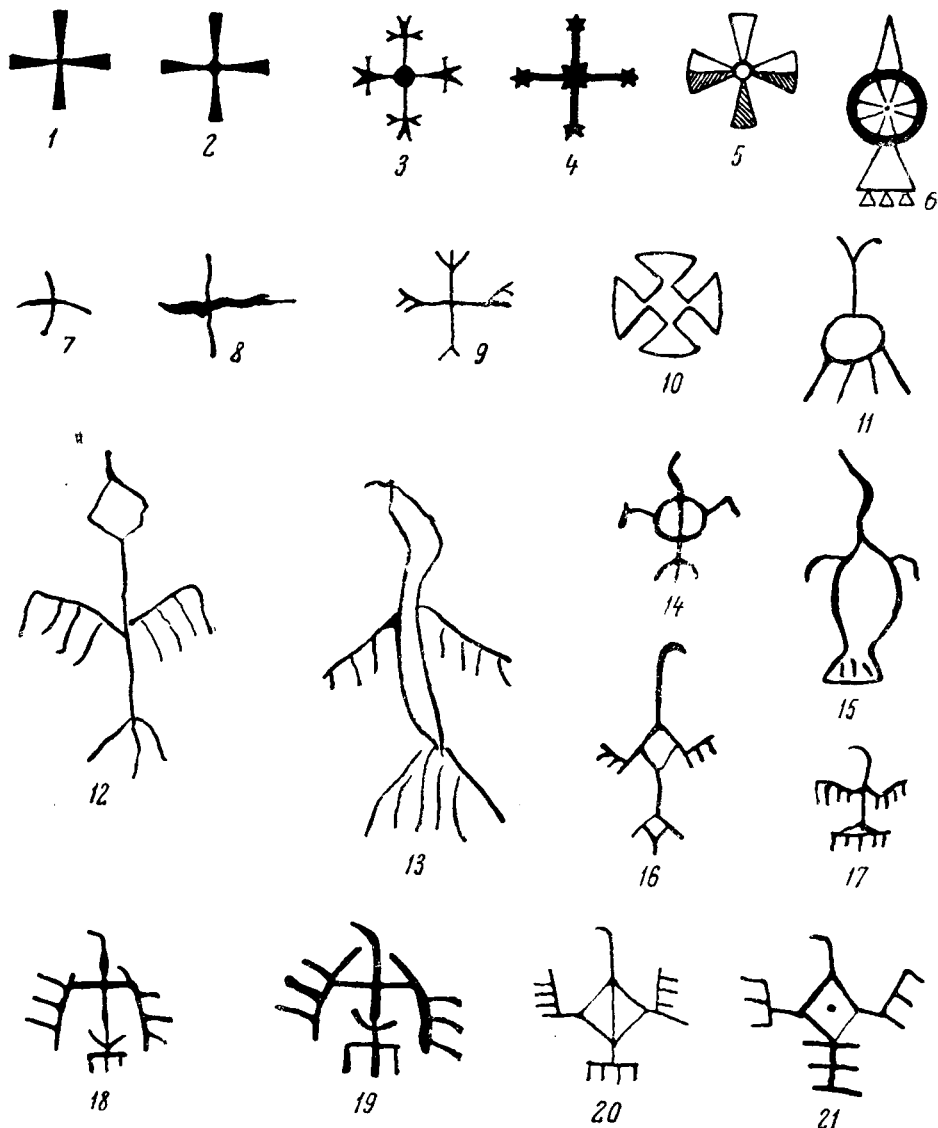


Таблица 3. 1—6 — Фронтонные знаки; 7—11, 12—17 — Остяцкие и вогульские родовые знамена и тамги; 18—21 — Татуировки у остяков и вогулов

руце или нозе или на персех иглою до крови избодрше сажею с иными утварями тако крепко натирают, яко сотеретися до кончины его не может. И сих употребляют знамений яже вместо подписания рукою своею черты своя выписуют и заемныя утверждают писания».¹ То же сооб-

¹ Г. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное в 1715 г., М., 1884, стр. 33.

щает и Паллас: «Мушчины делают тоже (татуировку), но только на одних кистях: и оные знаки записываются в ясапную книгу, что у них, так как и у других безграмотных народов, столько же важит, сколько рукой подписаться».¹ С этим совпадают указания Мельникова, писавшего уже в XIX в.: «У мужчин и женщин в 16 лет на правой руке, ниже кисти, выколачивают иглой знак и натирают сажей, отчего он не стирается во всю жизнь и служит в письменных делах тамгою для рукоприкладства».² Наконец, о связи татуировки со знаменами и изображением тотема говорит и С. Руденко.³ Современный мансийский термин для тамги — *katpos* буквально «ручной знак») может служить еще раз подтверждением изложенного. Близость начертания «знамен» и знаков, татуируемых на руках, видим из табл. 3, в которой приведены образцы тех и других (рис. 12—21).

С разложением рода появляется личный и семейный знак, выросший из родовой тамги. При этом исчезает реалистическое изображение, столь характерное для «знамени». Графически тамга превращается в рисунок геометрического характера, не теряющий тем не менее в ряде случаев своего смыслового значения. Личные тамги, развиваясь из общего знака, сохраняют его основное очертание, варьируя лишь в деталях.

На табл. 4 даются примеры вариации тамги рода Кукин из селения *mēsi* на р. Ляпин.

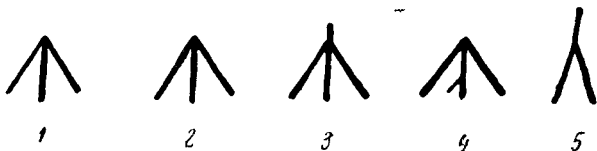


Таблица 4. Личные тамги рода Кукиных (Ляпинские вогулы)

Родовая тамга (рис. 1) изображает птичью лапу. Тотемическое происхождение этой тамги довольно очевидно, поскольку предком рода был филин (см. выше). У Петра Кукина (*poχlɔŋ pɪɣ*) рисунок тамги не отличается от рисунка общеродовой тамги (рис. 2). Возможно, что это объясняется отсутствием семейной традиции, так как отец его еще в раннем детстве остался сиротой и был воспитан одним из своих *jaʔlɔŋ* — групповых отцов, отчего за ним и укрепилось в качестве прозвища *poχlɔŋ*,⁴ откуда Петра называют *poχlɔŋ pɪʔ*, т. е. сын *poχlɔŋ*ʼа. У младшего брата Петра тамга имеет дополнительный отросток на остром конце (рис. 3), который объясняется как задний палец на птичьей лапе. Тамга Алексея, сына Петра, также отличается небольшим дополнительным штрихом (рис. 4). Там же (5) изображена тамга другой семейной линии Кукиных. Средний палец здесь отсутствует, а задний сильно вытянут. Несмотря на то, что связь с родовой тамгой очевидна и осознается, тамга называется, видимо в силу своего графического сходства, *Sopɔŋ ɲɔl*, т. е. v-образная стрела.

Обычай изображения родового тотема с целью показать свою принадлежность данному роду (не отрицая возможности параллельно с этим и других значений, как, например, предохранение от несчастия, зла, болезни и т. д.) оказал влияние и на орнаментировку одежды. Несмотря на крайнюю скудость материала по этому вопросу, два-три

¹ Паллас. Цит. соч., т. III, стр. 54.

² Мельников. Сведения о мансах. Вестник РГО, т. V, 1852, смесь, стр. 28.

³ С. Руденко. Цит. соч., МАЭ, т. IV, стр. 2 и 14.

⁴ Мальчик называет *jaʔlɔŋ* всех групповых мужей матери, мужчина называет *poχlɔŋ* всех сыновей своих групповых жен.

примера все же могут быть приведены. По верхнему течению р. Ляпин, населенному манси, принадлежащими к тотему «щуки» (роды *soiṇau*, *karjan*), встречаемся с чрезвычайной распространенностью орнамента *sōrti uləs* — «щучья челюсть» (табл. 5, рис. 2), изображаемого на верхней меховой одежде. По этому орнаменту манси сразу распознают ляпинские вещи, а об орнаменте так и говорят: «это ляпинского народа орнамент (*xap̄sa*)». Точно так же по р. Тапсую и отчасти по верхней Сосве распространен орнамент, изображающий соболя (табл. 5, рис. 1) — тотема одного из больших тапсуйских родов (*Aṇatun̄gor*). Излюбленным орнаментом в селении Ханглас на р. Сосве, где живет род *ṇagas* — «лягушки», является узор, изображающий это животное (табл. 5, рис. 3—4).

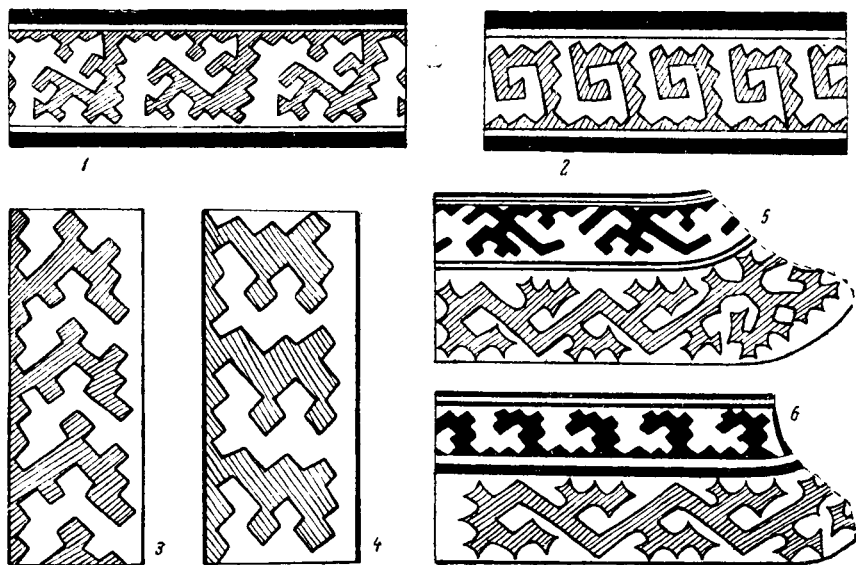


Таблица 5. Локализация орнамента на одежде по отдельным местностям и родам: 1 — Соболя (распространен главным образом на р. Тапсую); 2 — Щучья челюсть (р. Ляпин); 3—4 — Лягушки (селение Хангласам); 5—6 — Нарымские остяки; верхняя часть орнамента варьирует по родам

И. Мягков, описывая летнюю обувь юганских остяков юрты Навальцевых на р. Большом Югане, сообщает:

«Обувь в нижней части голенища орнаментирована орнаментом из окрашенных лиственничной корой кусочков замши. Орнамент изображает стилизованные ветви березы (табл. 5, рис. 5). В этой части орнамента изображение варьирует в зависимости от рода, к которому принадлежит носитель этого сапога (табл. 5, рис. 6). Колодка орнаментирована обычным для всех летних сапог орнаментом» (из описи коллекции Музея этнографии Академии наук СССР, № 2928, собранной И. Мягковым в 1922 г. Предмет № 1).

Третьим признаком рода были личные имена родового происхождения — явление, аналогичное описанному Л. Морганом для ирокезского общества: «Как правило, каждый род имел личные имена, которые составляли его исключительную собственность и, как таковые, не могли употребляться другими родами того же племени. Родовое имя давало само по себе родовые права. Эти имена либо прямо по своему значению

указывали на род, к которому они принадлежали, либо были в качестве таковых общеизвестны.¹

Имеется лишь одно указание на распространенность этого института в обско-угорском обществе, но зато по своей ясности и определенности оно не оставляет места для каких-либо сомнений. Наблюдение было произведено в начале XIX в. Ф. Белявским, описавшим его следующими словами: «Имена дают детям не ранее пяти лет, которые, впрочем, сохраняются ими только до пятнадцатилетнего возраста и переменяются уже постоянными, сохраняемыми до самой смерти. Притом каждый род или поколение имеет свои собственные имена, даваемые по назначению родных или в память покойных: присвоение же имени из чужого рода и без согласия считается величайшею обидою, и дело кончается не иначе, как дракой».²

Некоторые следы этого обычая, позволяющие по крайней мере попытку его объяснения, сохранились и до последнего времени. Как у ханты, так и у манси имена, даваемые детям, выбираются не произвольно. Ребенку дается имя того, чья душа «вселилась» в него при рождении. Это определяется специальным обрядом, для выполнения которого собираются женщины, причем руководящую роль играет наиболее пожилая из них. Мужчины обычно не принимают в нем никакого участия. Как правило, «определяется», что в ребенка «вселилась» (*ṛax̣tax̣atas*) душа недавно умершего ближайшего кровного родственника (отца, матери, деда, брата) или, по крайней мере, сородича. При этом в мальчиков вселяются мужские, в девочек — женские души.

Обряд определения имени базируется на представлении, что души, как и люди, принадлежат тому или иному роду, или, иначе говоря, каждый род имеет свои души, которые воплощаются лишь в его пределах. В промежутках между инкарнациями души обитают на родовом священном месте, где находится и изображение предка. Эта категория душ (*ṛax̣tax̣atne is* — инкарнирующая душа) по представлениям вогулов и остяков является самой важной — бессмертной душой, своим перевоплощением обуславливающей продолжение рода. При этом, как и большинству примитивных народов,³ обским уграм была свойственна вера в наитеснейшую связь имени и души, вера, по которой «мистические свойства имени не отделяются от мистических свойств существа».⁴ Отсюда понятно и то шепетильное отношение к имени, о котором пишет Белявский. Родовые личные имена являлись не только именами, принадлежащими данному роду, но душами этого рода. Следовательно, присвоение имени чужеродцами должно было рассматриваться как посягательство на личный состав рода и воспринималось, вероятно, почти так же, как и убийство. При этом должно было быть безразличным, принадлежало в данный момент это имя кому-либо из живущих или временно было «свободным».

Четвертым признаком обско-угорского рода следует считать веру в общего предка, являющуюся как бы идеологическим объяснением сознания кровного родства членами рода, и родовой культ этого общего предка.

Как уже указывалось, каждый род вел свое происхождение от того или иного предка, представлявшегося в виде зооморфного существа.

¹ Л. Морган. Цит. соч., стр. 47.

² Ф. Белявский. Цит. соч., стр. 122—123.

³ Л. Штернберг. Первобытная религия, 1928, стр. 309 и 109.

⁴ Леви-Брюль. Первобытное мышление. М., 1930, стр. 32.

Так, находим:

У вогулов по р. Ляпин

Селение	Род	Фратрия	Предок—его имя и облик
jā sunt	χатаһер	mos	Sakc tal'aχ tūr ōka «Старик озерных вершины р. Ляпин» или χōsa lēj' «Длинный хвост»—волк.
mañ-jā	Тихонов	mos (?)	mañ-jā χumj' kasum worsiki' «Мансинские» два человека — Желтые трясогузки.
sokur-jā	sojnaχ	mos	sort ōka—щука.
χōгәһ mañ χōгәһ	χōsumop l'asmanop	} por	{ χōгәһ pāul jipi' ēkwa j' ōkai' «Хорыпаульские старуха и старик—Филины».
muŋ kēs	rompanti		
mēsi	kukin	por	mesi paul touləŋ ōka «Селения mesi крылатый старик—орел».
lopəŋūs'	seskin или toχləŋ sir «крылатый род»	por	lopəŋūs pāuləŋ ōka toχlan sir χum «Ломповожский старик—крылатого рода человек» (точнее облик не выяснен).
rakti-jā	omanop	mos	rakti-jā mis nē ēkwa «Селения rakti-jā женщина mis» (облик не выяснен).

У вогулов по верховьям р. Сосвы

jani' pāul	sampil'tal	por	lēr tit ōka «устья р. Лэпы «Старик» — лось.
χal pāul	tasmanop	por	jipi' ōka «Старик Филин»
ñaχsəmwōl'	nomin	moš	ñaχsəmwōl' pāul na ēkwa «Селения Нясимволь великая женщина» — тетерка.
tapəs sunt	sekop	(por ?)	soχгәһ ōka—стрекоза.

Изображения родовых предков из дерева, реже металла, представляющие собой зоо- или антропоморфные фигуры, хранятся или в селении данного рода, или в специальных амбарчиках на родовых жертвенных местах, находящихся иногда в глубине тайги (рис. 3). Здесь же находились обычно и родовые сокровищницы (см. ниже). Охрана изображения поручается кому-либо из стариков, выбираемых из числа членов рода. Эти хранители ответственны перед родом за целостность как самого изображения, так и всего того, что находится на священном месте. В большинстве случаев родовые святилища находятся в глухих малодоступных уголках тайги, и путь к ним известен лишь членам данного рода. Они могут приходить в любое время как коллективно, так и в одиночку, поэтому амбарчик, в котором хранится изображение, и не должен запирается. Напротив, чужеродцам доступ на священное место запрещен, и они могут попадать сюда, лишь присутствуя почему-либо на родовом жертвоприношении.

Табу распространяется не только на самое изображение и амбарчик, в котором оно находится, но и на всю прилегающую к святилищу тер-

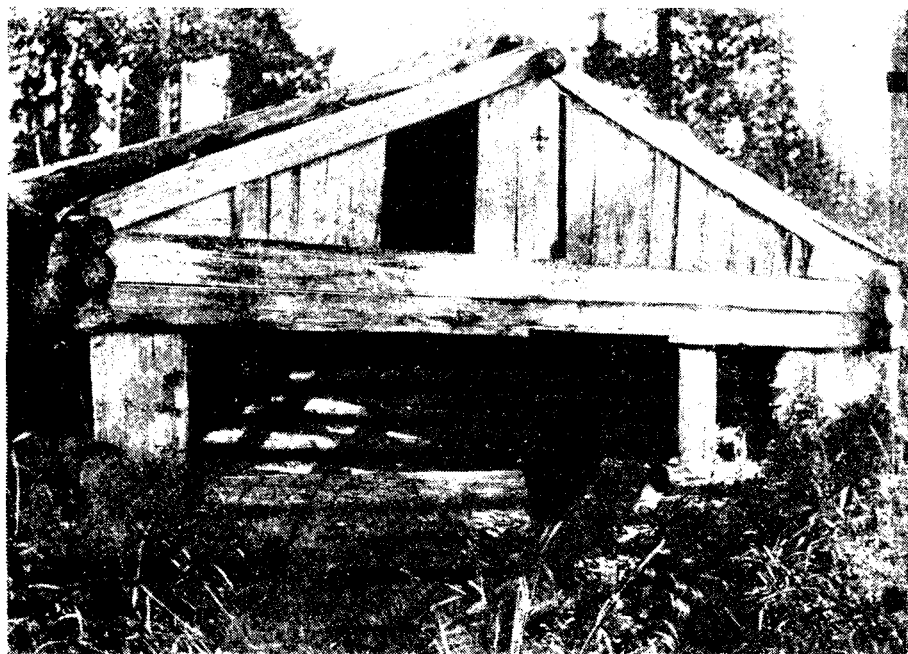


Рис. 1. Знак на фронте вогульской юрты (р. Лозьва, юрта Нерина)



Рис. 2. Изображение лягушки на мешочке для принадлежностей к добыванию огня (сел. Хангласам, р. Сосва)

риторию. Чужеродцам здесь не только нельзя охотиться и ловить рыбу, но даже и пить воду из соседнего озера или речки, высаживаться из лодки на берег, касаться веслом дна и т. д. Мало того, проезжая мимо на лодке, чужеродцы должны были за нарушение территориальных прав платить пеню в виде мелкой монеты, цветной тряпочки, пуговицы или другого подобного предмета. Таким табуированным местом являлось устье р. *jalrən ja* (приток р. Северной Сосвы в среднем ее течении), в вершине которой находилось священное место рода

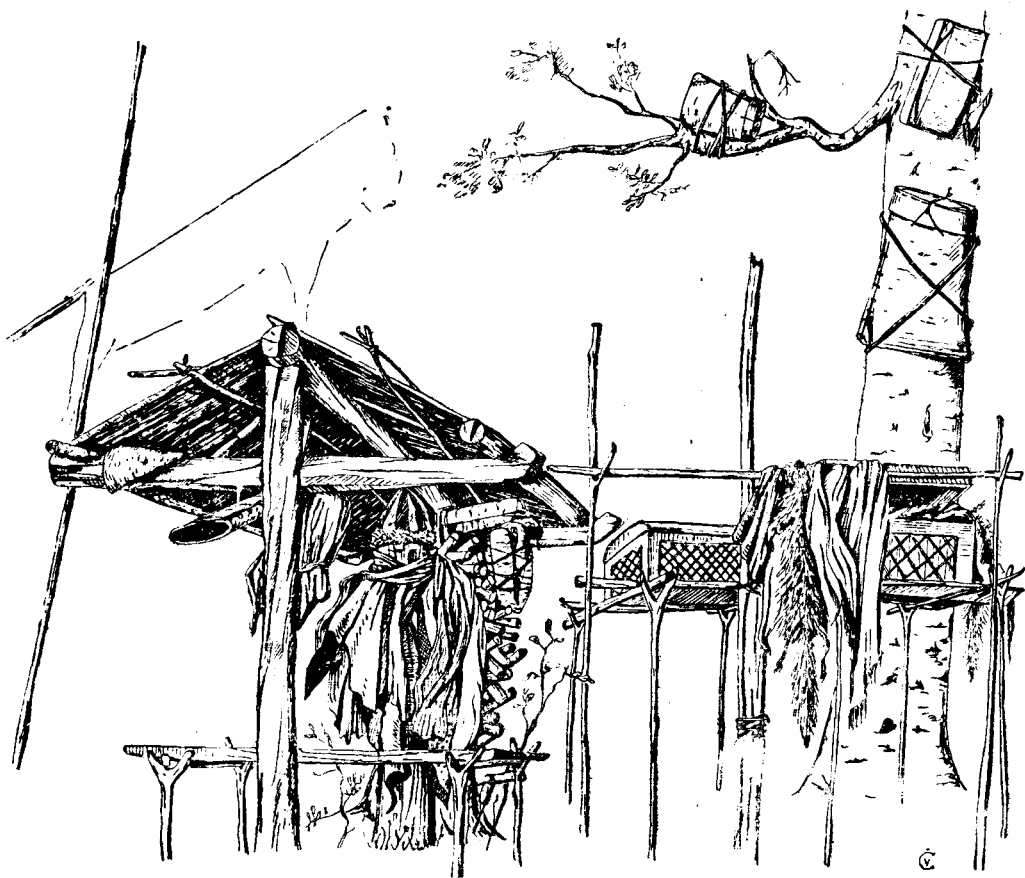


Рис. 3. Родовое священное место на р. Тапсуе; идол изображает *soxri'ōjka*

Гоголевых (сел. *Purəš pāul*), на котором «обитал» предок рода *ta'it kot'il'ōjka* «Среднесосвинский старик» или, как он еще именуется, *kēr ūrtu'n, olp ūrtu'n yūrin ətər* — «железного ястреба, серебряного ястреба образ имеющий богатырь». По родовому преданию его старое местообитание — устье упомянутой выше речки *jalrən ja. iis rogat ɔlne māte — ūšiol* — «в старое время место обитания его — Мыс Городка» (так называется мыс при впадении речки в Сосву). Очевидно, что в этом предании есть указание на старинное местожительство рода. Это тем более вероятно, что на названном мысе находится городище, ясно заметное по остаткам валов, рва и землянок. Следовательно, табуация устья речки для чужеродцев является не чем иным, как пережитком неприкосновенности родовой территории, сохранившейся в религии.

В некоторых случаях ловля рыбы в водоемах, находящихся близ священных урочищ, даже членами рода не производилась без особых на то причин. Обычно подобными причинами являлись голодовка, недолов рыбы. Таким образом, эти урочища являлись родовыми резерватами, к которым род прибегал в тяжелые для него периоды. В этом явлении мы встречаемся с пережитком первобытно-общинных отношений — коллективным использованием родовых угодий, сохранившимся в отношении родового священного места, вероятно, как следствие консервативности, обычной для явлений, связанных с культом.

Примером урочищ такого типа может служить *jaipæn tūr* — «Священное озеро», в вершине р. Северной Сосвы, принадлежавшее роду *Sampil'tal* и (в известной степени) связанному с ним многочисленными брачными узами роду *Moipin*. В обычное время ловля рыбы в этом озере разрешалась лишь, как говорилось, «на котел», т. е. не более чем на дневное пропитание. Массовый же лов производился лишь в тяжелые голодные годы по решению всего рода.

Покровителем рода считался предок, и от него зависело общее благосостояние. К нему обращались при различных невзгодах, постигавших род, у него же и спрашивали удачу в охоте и рыбной ловле. С этой целью устраивались коллективные жертвоприношения. Жертвы приносились иногда и в индивидуальном порядке, но это обычно бывали более или менее случайные явления, когда тот или иной член рода совершал обряд по данному им ранее обету либо отправляясь ранее остальных членов рода на промысел или по какому-нибудь другому поводу. Коллективные же жертвоприношения устраивались периодически: осенью — перед началом охотничьего промысла, зимой — в перерыве между осенним и весенним промысловыми сезонами, в начале лета — перед ловлей рыбы и т. д. Кроме того, раз в год или раз в три года (или в иной периодизации) устраивались празднества, посвященные родовому предку, на которых кроме жертвоприношений выполнялся и ряд других обрядов. О родовом жертвоприношении у лозвинских манси упоминает в своем описании Платон Любарских: «До крещения жертвоприношение отправляя они в лесу на пустынном, от жительства отдаленном месте в кумирницах, сделанных из досок, перед поставленными в оных деревянными болванами... Такое жертвоприношение было у них не всеобщее; но каждая деревня, а временами одна или две юрты оное совершали раза по три и по четыре в год».¹ Чужеродцы, как правило, на жертвоприношение не допускались. При этом строже всего запрещение соблюдалось в отношении жен и зятей, являвшихся не только чужеродцами, но и представителями другой фратрии. Так, например, в селении *loræn ūs* коренным родом (*sossa*) является *Seskin*, считающий своим предком *toxlæn sir χim* — «крылатого рода человека». Кроме *Seskin* в селении живут отдельные представители двух-трех других родов, поселившихся здесь в различное время. Когда совершали жертвоприношения своему родовому предку, их соседи-чужеродцы не только не принимали никакого в них участия, но даже и не ходили с ними на жертвенное место.

Правда, допуск посторонних на родовые обряды далеко не везде соблюдался с такой строгостью, но, и присутствуя, чужеродцы оставались лишь зрителями, не принимая активного участия в обрядах. При совершении жертвоприношения родом Тихоновых в селении *mañ'ja* в р. Ляпин (Тихоновы — основной род в этом селении, но кроме них здесь есть еще несколько семей из других родов) животные, предназна-

¹ Платон Любарских. Краткое известие о пермских чердынских вогуличах. Российский магазин, ч. I, 1792, стр. 84.

ченные в жертву, были сначала поставлены полукругом перед священными изображениями, после чего их повели вокруг домов рода Тихоновых. Обедая три раза, животных опять поставили перед *piri*¹ (изображениями духов), и один из присутствующих начал ворожить на сабле. После ворожбы вокруг животных обнесли всех грудных детей (опять-таки лишь из рода Тихоновых), что, по объяснению манси, должно было отвести от них болезни.¹

Руководящую роль в жертвоприношении и следовавшем обычно за ним камлании играли старики, но участие в самих процессах принимали все члены рода. Так, по данным этнографического обследования вогулов в XVIII в. «всякой деревни старейшина, за неимением жреца, вступал в его должность и приносил жертву от всей деревни или семьи».² При некоторых обрядах молодежь не допускалась совершенно. Так, к переодеванию изображения родового предка допускались лишь старики числом не более трех.³ В селении *Joræn ūs* переносить с места на место изображение родового предка могли только старики, «уход» же за ним: ежедневное окуривание, кормление и пр., поручался одной из самых старых женщин. Но в то же время четко выступает общественный характер обрядов и жертвоприношения. Так, выражением коллективности являлись всеобщие трехкратные выкрики при начале и конце убоя жертвенных животных,⁴ кидание вверх палок. Некоторые же исследователи приводят примеры и непосредственного участия всех присутствующих в заклинании. «В том случае, — пишет В. Павловский, — когда жертва бывает общественная, на шею жертвенного животного накидывают петлю и за веревку все затягивают ее, чтобы показать, что они принимают участие в жертвоприношении».⁵

Об аналогичном обряде у лозинских манси сообщает И. Глушков со слов некоего С., который наблюдал этот обряд во время жертвоприношения на Човальском камне (Северный Урал) в 1897 г. «У нарты с Пубыхом (*piri*¹ — изображение родового предка. — В. Ч.) была воткнута березка, к ветвям которой были привязаны два платка со ввязанными в углах серебряными деньгами... К березе или к нарте (С. хорошо не помнит) был привязан аркан: за него держались все шесть человек мужчин и кланялись на юг. После поклонов следовало шесть протяжных криков, за ними шесть поклонов с произношением слов и опять три раза крик; в это время работник (? В. Ч.) зажег заранее приготовленный костер из сучьев у лежавшей ели, взялся за конец аркана — все встали на колени и, подняв головы кверху, как бы целовали воздух, затем кланялись в землю. Еремей взял топор, ударил по темени привязанного к нарте белого оленя и вслед за этим вонзил нож в сердце. Сейчас же были заколоты и другие олени».⁶

О коллективном убое жертвенных оленей рассказывает также Д. Носилов, видевший его во время жертвоприношения на озере *jalræn tūr*. По его словам, оленей удавляли веревками и одновременно стреляли из луков, так что все присутствовавшие принимали в этом коллективном убое жертвенных оленей самое деятельное участие.⁷

¹ Чернецов. Жертвоприношение у вогулов. Этнограф-исследователь, т. I, Л., 1927, стр. 25.

² П. Богословский. История правительственного обследования в XVIII в. Пермского края. Изв. Об-ва археол., истор. и этногр. при Казанском ун-те, т. XXXIV, вып. 3—4, 1929, стр. 40.

³ Чернецов. Цит. соч., стр. 23.

⁴ Там же, стр. 25.

⁵ В. Павловский. Вогулы. Казань, 1907, стр. 214.

⁶ Этногр. обозрение, т. XV, вып. 2, 1900, стр. 72.

⁷ Д. Носилов. Цит. соч., стр. 93.

Наряду с коллективным закланием жертвы существовало и коллективное поедание жертвенного мяса. Убитое животное варят и делят на части так, чтобы всем присутствующим досталось хотя бы по куску. При этом, если жертвоприношение происходило не в селении, а на жертвенном месте, иногда вдали от поселка, часть мяса непременно привозилась домой, где делилась на тех, кто по каким-либо причинам не мог присутствовать на жертвоприношении.

Такой же порядок находим и в материалах правительственного обследования Пермского края в этнографическом отношении в XVIII в. «По окончании же всего (жертвоприношения. — В. Ч.) возвращаются они с остатками жертвенных мяс и напитков в свои деревни, где с домочадцами своими при всяком веселье доедают оные и допивают».¹

Таким образом, мы видим стремление к участию в жертвоприношении наибольшего числа членов рода. При этом и самое жертвенное животное приобреталось на общественные средства, которыми располагал каждый род (см. ниже).

Кроме повторяющихся три-четыре раза в год жертвоприношений, некоторые роды устраивали периодические празднества в честь предка. У одних родов они повторялись ежегодно, у других — через три года, через семь лет (например, у рода Šeskin в селении Iorəŋ us). Иные же роды (например, в селении teki на Оби ниже Березова) в течение семи лет справляли празднества ежегодно, после чего следовал семилетний перерыв. На этих празднествах исполнялись специальные пляски, посвященные данному духу, иногда носившие военный характер, при которых исполнители надевали особые костюмы. Далее пелись песни о жизни и похождениях духа-предка и, повидимому, справлялись какие-то магические обряды. К сожалению, мы имеем чрезвычайно скудные сведения о родовых празднествах этого типа. С большей или меньшей уверенностью можно утверждать лишь то, что в общих чертах они напоминали «медвежий праздник».

Относительно этих праздников у обдорских остяков мы находим некоторые указания у А. Кастрена. «Богослужение остяков состоит только в призывании богов и умиловлении их жертвами. Впрочем, иные (verschiedene) роды справляют еще и некоторые общественные празднества в честь богов. Из этих празднеств значительнее всех справляемое осенью, когда кочевые остяки возвращаются с тундр с богатой добычей к своим братьям, занимающимся рыболовством в Оби. Оно справляется каждый год разными родами, однако в нем участвуют не только члены (празднующего) рода, но и остяки других родов, которые привозят с собой для празднования и некоторых из своих старейших божков».²

Это сообщение Кастрена относится, очевидно, к празднеству, имеющему скорее племенной характер, на которое собирается несколько родов (семь, по данным Бартенева),³ но сослаться на него здесь все же уместно, поскольку Кастрен указывает, что в каждый отдельный год справляются обряды лишь одного рода. Приводя описание празднества со слов рассказывавшего ему о нем очевидца, Кастрен указывает: «По этому описанию выходит, что празднество совершается перед одним кумиром и при том одним только родом... Я слышал, что торжество это продолжается десять ночей сряду, что сейчас описанная пляска с оружием в руках выполняется перед идолами в первую ночь

¹ А. Щекатов. Словарь географический Российского государства, т. I, стр. 927; Богословский, цит. соч., стр. 40.

² Castren, цит. соч., т. I, стр. 112.

³ Барте́нев, цит. соч., стр. 96.

одним только шаманом, во вторую — двумя остяками, в третью — тремя и т. д. в той же прогрессии до последней ночи, в которую в ней участвуют все, даже и женщины. Кроме того, мне сообщили, что это празднество сопровождается и жертвоприношениями.¹ Бартенев добавляет, что на «этих празднествах остяки маскируются» масками, которые «делаются из бересты».² У вогулов рода *to, lʷŋ siŋ* в селении *lorəŋ ūs* эти празднества совершались в течение трех лет подряд через каждые семь лет. На празднике *piri'jikwsət* исполняли пляски духов. Танцевали, взяв в руки сабли и надев на головы шлемы (*tal'xʷəŋ kənt*).

Общий характер родовых праздников в основном одинаков как у вогулов, так и у остяков: сначала бывает танец с саблями или стрелами, затем поются *Kastəp ɛŋi'* — песни-заклинания, которыми вызываются духи и прежде всего родовой дух-предок. Вслед за песнями следуют танцы и сценки в масках, имеющие частью мифологический, бытовой, а частью магический и тотемный характер. Бартенев пишет, что в конце праздника, как ему передавали, «все участвующие предаются свальному греху».³ По некоторым данным, предполагаю, что в свое время беспорядочное половое сношение, имевшее, возможно, ритуальное значение, действительно, имело место в конце подобных обрядов.

Пятым признаком рода является наличие особого родового кладбища. Каждый род или часть рода, живущая в данном селении, имеет свое кладбище, на котором, как правило, никто из чужеродцев не хоронится. Да и вообще доступ посторонним на кладбище был затруднен. Мне приходилось даже слышать (проверить эти рассказы я не имел возможности), что бывали случаи убийства посторонних, зашедших на кладбище. В одном случае был убит ботаник, собиравший около могил растения. Правда, истинный мотив убийства не имел ничего общего с родовым культом, и преступление, если не ошибаюсь, было совершено с целью грабежа (у убитого было хорошее ружье), но объяснение, данное убийцей, имеет интерес для разбираемого вопроса. Убийца утверждал, что убил человека именно за то, что тот рвал на кладбище растения. Это объяснение, базирующееся на культовых мотивах, едва ли могло быть выдуманно и имело в своей основе представление о запрете для постороннего быть на кладбище и тем более брать там что-либо, даже растения, так как этими действиями мог быть нанесен вред душам покойников данного рода.

Существование родового кладбища, естественно, вытекает из общих принципов родового строя. «Умершие были и остались членами рода. Они зачастую похоронены на родовом кладбище, где не может лежать ни один человек, не принадлежащий к роду, где между покойниками сохраняется, таким образом, опять-таки родовая общность. Заботиться о благосостоянии этих отошедших членов рода лежит на обязанности родичей, уже по основному правилу, что они должны заботиться о нуждающихся сородичах».⁴ Поскольку покойники, лежащие на кладбище, продолжали быть частью рода, вторжение на это кладбище живого или мертвого чужеродца было недопустимо.

С другой стороны, каждый член рода должен был быть похоронен в кругу своих сородичей. В тех случаях, когда человек умирал вне

¹ Castren, цит. соч., т. IV, стр. 114.

² Бартенев, цит. соч., стр. 96.

³ Там же.

⁴ В. Харузина. Этнография, т. I, стр. 438.

дома, тело его привозили, если это было возможно, в родное селение, с тем чтобы похоронить на родовом кладбище. Если же доставить труп было нельзя, то дома устраивались фиктивные похороны. «Интересен факт, — пишет о вогулах Гондатти, — что над инородцем, умершим вдали от родины, например на Оби во время рыбной ловли, на родине всегда совершают обряд погребения, причем также вырывают могилу, также кладут разные вещи и даже также совершают нечто вроде поминок, как это бывает и с обыкновенными покойниками».¹



Рис. 4. Кладбище в селении Soma на р. Сосве (фото Д. Вяжлинского)

Если в одном селении кроме основного рода живут представители и других родов и кто-либо из них умирает, то покойника хоронят хотя и на общем кладбище, но несколько в стороне от могил коренного рода. Так, в селении *lorəŋ ūs* покойники рода *Seskin* (основного в этом селении рода) хоронятся в непосредственной близости к селению, причем могилы расположены довольно стройными порядками. Что же касается могил, принадлежащих переселившимся сюда в разное время семьям из родов *Alpin*, *Taratop*, *Nēmtasin*, то они находятся несколько особняком, без соблюдения какого-либо порядка.

Шестой признак рода — кровная месть за убийство сородича. Являясь тесно сплоченным организмом, род не оставлял безнаказанным убийство одного из своих членов. При этом мщение направлялось не только на непосредственного убийцу, но распространялось и на весь его род.

Термины, касающиеся вопросов мести: *nur* (MC) «мечь»; *Paas.*, *nūr* (XЮ) «злоба»; *nur* (XК) *idem*; *nurasi* (MC) «мстить»; *Ahlqv. NO. nur̄tlem* (X. Сев) *idem*; *nur wīʹ. n. kinsī, n. koī* «мстить», «жаждать, искать мести»; *aŋ iʒiʹ-piʹən nur ti koim̄iʹtejʹ* «теперь братья мести ищут (мстят)» (*Munk-Šzil* 322); *Paas. nūr kəntšā: nūr kəntšā χuīʹen məntəŋʹn* (XК)

¹ Гондатти, цит. соч., стр. 43.

«месть искать люди пошли» (Paas., 143); *nurəŋ ɣum* (МС) «мстящий человек», «мститель» (Paas., 143) *pŋ̌rəŋ ɬāms* (ХК) *idem*.

Многочисленные примеры, иллюстрирующие кровную месть, находим в фольклоре. В сказке *ɣūŋum ja'pɪ'* (три брата), записанной от Степана Səkoŋa в сел. *tarəs sunɬ*, братья начинают разыскивать своего пропавшего отца:

ākijanəl nupəl kiɬi'laɣteɪ': — *āki*, *āsɯɣ ɣotəl'minas?*

У деда спрашивают: — Дедушка, отец наш куда ушел?
āsən ūsət ta alwəs.

Отец ваш в городке убит.

man nur wiŋkwe ti mineɣ. — *nan in wa'tələt āsan, nanki alawen!*

Мы месть взять теперь пойдем. — Вы еще слабы, сами убиты будете!

alawɛɣ ke wos alawɛɣ! ākijanəl ɱall-joɣtəl Səpitasane.

Убьют коли, пусть убьют! Дед им луки-стрелы сделал.

ɣūŋum ɣum pusən ɱall-joɣtəl minasət

три человека все с луками и стрелами пошли.

В дальнейшем изложении сказки мстители находят убийц своего отца. Они нападают на городок, разрушают его, убивают врагов, а женщин берут с собой.

Кровная месть являлась не только правом, но и обязанностью членов рода. «Мстить за смерть отца или брата считалось священным долгом каждого богатыря», — указывает С. Патканов. Невыполнение мести вызывало осуждение ближайших родственников со стороны остальных членов рода:

jaɣəntəm-āŋkəntəm pɪ'! ti janit jor ti

Негодный ты парень! Столько силы ты

āŋse'ən, roɣ jor ti āŋse'ən, jaɣən nur

имеешь, (а) отцовскую месть,

āŋkən nur kinsanke maŋɪ' at mine'ən!

материнскую месть искать не идешь. (сказка

maŋ moɣ ɣum āɣiji'-pɪ'ɪ'

«Маленькие брат и сестра moɣ»).

Если убийство оставалось неотмщенным, обязанность мщения переходила к следующим поколениям, причем мстили не только ближайшие кровные родственники, но и более отдаленные члены рода. В фольклоре находим даже специальное выражение для переходящей по наследству мести — *jaɣə minam jaɣəŋ nur*, *āŋkwe minam āŋkwəŋ nur* (МС «от отца начавшаяся (идущая), отцовская месть, от матери начавшаяся (идущая) материнская месть»; *jaɣ pŋ̌r kənttsā' əs pŋ̌r kənttsā* (ХК. Paas. 143) «отцовскую (от отца происходящую, унаследованную) месть искать, материнскую (от матери происходящую, унаследованную) месть искать». Из этих выражений видим различие мести на «месть по отцовской» (*jaɣ'nur*) и на «месть по материнской» линии. Для мести по материнской линии встречается и более четкая формулировка, которую находим в одной из песен медвежьего праздника, записанной В. Munkácsi:

... *am juw-ɣul'təm jaɣəm-nur*

... я оставшуюся (унаследованную от) отца
моего месть

kwoss kojɱite'ım,

как отслеживаю,

juw-χul'təm āgəm-nur
 оставшуюся (унаследованную от) материнских
 родичей моих месть
 kwoss kisməje'im...¹
 как выискиваю...

āg nur «месть (унаследованная от) родичей матери», существующая параллельно с «местью, унаследованной от отца», дает нам весьма своеобразную картину, если подойти к этому явлению лишь с точки зрения норм отцовского рода. «Кровная месть... предполагает участие лиц единокровных в преследовании правонарушителя и его родственников».² Таким образом, в отцовском роде человек не может являться мстителем за убийство родственников матери. В данном же случае встречаем условия, в которых сочетаются нормы обеих как патриархальной, так и матриархальной, систем. «Любопытную черту (в кельтском роде), — пишет М. Ковалевский, — которая повторяется одинаково и в германском и в славянском быту и в которой надо видеть пережиток отношений, предшествующих счету родства исключительно по отцу, составляет то, что материнский род (т. е. род матери. — В. Ч.) участвует в платеже выкупа».³

Очевидно, и в нашем случае существование āg nur — «мести за сородичей матери» следует расценивать как яркий пережиток матриархального порядка, если только не счесть ее за признак существования переходной стадии от материнского к отцовскому роду в разбираемую эпоху или во время, незадолго ей предшествовавшее. Даже после начала русской колонизации отцовское право в мести еще не было прочно установившимся. Как пример можно привести эпизод из сказки «Богатырь Кедровое Ядрышко». Герой сказки, Кедровое Ядрышко, был убит «русским богатырем», которому в этом помогала жена убитого. Младший брат и подросший к тому времени сын Кедрового Ядрышка мстят за убийство. В конце сказки младший брат, убив «русского богатыря», становится втупик, что делать с женой Кедрового Ядрышка. Он говорит племяннику: «Я сам ее убивать не буду; убью, а ты, может, когда потом скажешь: «Мать мою убил» и против меня пойдешь».⁴

Несмотря на то, что женщина убила отца мальчика, т. е. своего мужа, брат богатыря боится возможной мести со стороны ее сына. Тождественный случай, как известно, имеется в «Орестей» Эсхила, и там же мы находим объяснение, почему убийство мужа является преступлением менее важным, нежели убийство матери: «С мужем, ею убитым, она в кровном родстве не была».⁵ Иными словами, муж — чужеродец, пришедший в род жены и не пользующийся во всей полноте правом родовой защиты, тогда как мать — наиболее близкий из всех кровных родственников, и по материнскому праву тягчайшим и наиболее неискупимым является убийство матери или неотмщение его. Но развивающиеся идеи отцовского рода и в нашей сказке, как и в «Орестей», берут верх: женщину убивают. Однако убийство выполняется так, чтобы не было непосредственного виновника ее смерти, на которого могла бы пасть вина.

¹ В. Мипкácsi, цит. соч., т. IV, стр. 260.

² М. М. Ковалевский. Родовой быт, стр. 82.

³ Там же, стр. 64.

⁴ В. Чернецов. Вогульские сказки. Л., 1935, стр. 17, 118.

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. К истории первобытной семьи. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 119.

Нерешительность, с какой действующие лица сказки приходят к заключению о необходимости и возможности убийства матери и жены из соображений мести, чрезвычайно симптоматична; очевидно, творцы этой сказки колебались, сторону какого рода следует принять родство по отцовской линии не имело еще в их глазах безусловного приоритета над родством по линии матери.

В фольклоре исполнителями мести выступают обычно либо сыновья (см. цитированную выше сказку), либо братья. Такое положение, когда мстителями являются ближайшие кровные родственники, и было наиболее нормальным для обско-угорского общества эпохи завоевания. Но не следует думать, что месть касалась лишь ближайших родственников. Она являлась делом всего рода, который и следил за ее выполнением.

ɣosa ɔ̌ɥm ɣalikwət.

В продолжении долгого житья моего,

wāt'i ɔ̌ɥm ɣalikwət

в продолжении (ли) короткого житья моего

iaɲi'nē ʂāŋkem ɣum'l'e iāwīli:

большая (старшая) женщина матушка моя как говорит:

„ti kē iɣ pāŋk l'ūl'it ūskeɣt

в нашем городке высотой в лиственницу, имеющую кору,

ti samɲ pāŋk l'ūl'it ūskeɣt

в нашем городке высотой в лиственницу, имеющую кожуру,

iaɣe mɪnam iaɣəŋ nɪɣ

(от) отца идущей (унаследованной) отцовской мести

maɲ at ɔ̌ŋsikeɣ

мы не имеем;

aŋkwe mɪnam aŋkwəŋ nɪɣ

(от) матери идущей (унаследованной) материнской мести

maɲ at ɔ̌ŋsikeɣ;

мы не имеем:

nē winne nēɣəŋ sāw¹

там, где женщины ходят, край с женщинами

maɲ² woss kisnuwū mont

итак пусть мы поищем бы

ɣum mɪnne ɣumɲ sām

там, где мужчины ходят, край с мужчинами

maɲ² woss kisnuwū mont...

итак пусть мы поищем бы...²

Приведенный отрывок показывает, что делу мести придавалось даже большее значение, чем приисканию невесты; к нему решают приступить, лишь учитывая, что над родом не тяготеет неотмщенное убийство.

Кровная месть воспринималась родом как общее дело не только в фольклоре, но и в быту, причем даже в сравнительно недавнее время.

¹ nē mɪnne nēɣəŋ sām и т. д. до конца отрывка — обычная фольклорная формула, выражающая идею поисков невесты и сватовства. — В. Ч.

² M u n c á z i. Цит. соч., т. II, стр. 26.

«Один ханты из селения Халапант был при каких-то обстоятельствах убит лет 20—30 назад тапсуйским манси. Кровная месть не была осуществлена лишь благодаря противодействию местных властей. Убийство осталось неотмщенным, но тем не менее не забывалось. Еще до недавнего сравнительно времени от халапантских ханты можно было услышать: «Если бы пошли мы тогда на Тапсуй, то все селение с землей сравняли бы».

Конечно, случаи, подобные приведенному, являлись пережитками достаточно давнего времени, и отдельные акты кровной мести не встречали одобрения и поддержки со стороны общества; от мести старались удержаться. Лет пятнадцать назад, в селении *janj' račl* манси Куриков, вследствие неосторожного обращения с оружием, застрелил мальчика из рода *Sampil'tal*. Дядя убитого, схватив ружье, хотел тут же пристрелить Курикова, но присутствовавшие при этом манси (главным образом из рода *Sampil'tal*) удержали его от выполнения мести. Убийство, однако, не забывалось. Брат погибшего (человек, довольно несдержанный) не раз порывался, особенно будучи в нетрезвом виде, мстить Курикову, которому приходилось от него прятаться.

Кровная месть могла заменяться выкупом. В одной из сказок про *ekwa-pj'gis* герой отправляется мстить лесному духу — *mēkw'u* (*ekwa-pj'gis* принадлежит к фратрии *moš*, а *mēkw* — к фратрии *poč*) за смерть своего младшего брата. Повстречав *mēkw'a*, герой говорит ему:

— *am apsirisum manj' juč-tēsłan, aň načən alilum*

— Братца моего зачем съел, теперь тебя убью!

— *anum ul alēln, anum tarateln, am načən sēməl-ūč, wj'ir ūč*

— Меня не убивай, меня отпусти, я тебе черного зверя, красного зверя (мехов),

man sawit ēri mjlum! mčkwe tāteln!

сколь много надо, дам (меха) дать отпусти!

— *ēlmčolzs ručk tpe saw, — ekwa-pj'gis lāwi...*

— человеческой головы цена большая, — Эква Пырищ говорит...

Размер виры и другие касающиеся ее подробности остаются пока не выясненными. Материалы здесь чрезвычайно скудны, тем более что «плата за кровь» отражена в фольклоре очень слабо. Возможно, что явление это, характерное скорее для более поздней стадии рода, чем та, в которой мы застаем угорское общество в описываемую эпоху, и не получило еще достаточного развития.

Таковы основные признаки обско-угорского рода, базирующиеся на сознании кровного родства.

В последующих очерках мы предполагаем дать производственные отношения в пределах рода, брачно-семейные отношения и систему родства в обско-угорском обществе.

М. Г. Левин

Деформация головы у туркмен

(К вопросу о туркменской долихокефалии)

Этно- и глоттогонические процессы формирования современных туркмен протекали в расоворазнородной среде. На протяжении длительного периода, в течение которого совершались эти процессы, расовый состав населения Закаспия не оставался неизменным.

Если данные археологии и истории, в значительной степени собранные за последние годы, несколько приподнимают завесу над прошлым туркменского народа, в общих чертах выясняют основные моменты в исторических судьбах его, то историческая антропология туркмен продолжает оставаться совершенно неразработанной.

При бедности палеоантропологических материалов по Туркмении и смежным областям особое значение для решения этих вопросов приобретает ретроспективный анализ — проекция в прошлое данных современной антропологии.

Современные туркмены представляют собой группу, смешанную в отношении рас первого порядка — европеоидной и монголоидной. Этот метисный характер группы проявляется, как показали исследования А. И. Ярхо, Л. В. Ошанина и др., по всем основным расово-таксономическим признакам.

Выделяемый среди туркмен основной европеоидный компонент определяется указанными исследователями как относящийся к большому кругу средиземноморской расы, монголоидный компонент — как характеризующийся чертами южносибирской расы.

Одним из основных признаков, по которому европеоидный компонент у туркмен диагностируется как средиземноморский и выделяется из круга европеоидных элементов, установленных у таджиков, узбеков и других групп Средней Азии («памиро-ферганский тип» А. И. Ярхо, «раса междуречья» Ошанина), является головной указатель. Именно своей долихокефалией туркмены отличаются от окружающих групп.

1

Вопрос о долихокефалии туркмен может считаться одним из наиболее интересных вопросов антропологии Средней Азии. По своему головному указателю (см. табл. 1) туркмены очень отличаются от окружающего населения, представляя собой резкое пятно на общем фоне брахикефалии Средней Азии.

Таблица 1

Головной указатель туркмен (по разным авторам)

Автор	Район исследования	Племенная группа	Головной указатель
Яворский	Мерв	Теке	75.6
Ошанин (по материалам Масловой и Фокиной)	Побережье Аму-дарьи между Ходжамбасом и Келифом	Эрсари	77.0
Ярхо	Порсинский район Ташаузского округа	Йомуды	75.16
Ярхо	То же	Чаудор	77.24

Естественно, что этот отличительный признак обратил на себя внимание всех исследователей антропологии туркмен и послужил ряду авторов основанием для выделения среди туркмен различных расовых типов, базой для сложных антропологических построений.

Заслуженный исследователь антропологии Средней Азии проф. Л. В. Ошанин посвятил долихоцефалии туркмен специальную работу.¹ В этой работе автор, основываясь на долихоцефалии туркмен, приходит к выводу об их скифско-сарматском происхождении. Мы не будем здесь излагать обширную антропологическую, этнографическую и лингвистическую аргументации автора; укажем лишь на его основные положения. Исходным для автора является сообщение арабского географа X в. н. э. Макдиси о физическом типе оседлого населения Хивинского оазиса — хорезмийцев. По Макдиси, хорезмийцы при рождении детей привязывали по обеим сторонам головы новорожденного мешки с песком, чтобы черепа их сделались шире, причем это практиковалось с целью отличить себя от окружающих тюрков-кочевников, которые, как заключает отсюда Ошанин, характеризовались долихоцефалией. О долихоцефалии тюрков-кочевников имеется и прямое указание у Макдиси, который сообщает, что длинноголовость хорезмийцы X в. приобрели благодаря смешению с окружающими их тюрками-кочевниками. Анализируя исторические данные, Л. В. Ошанин приходит к выводу, что этими тюрками-кочевниками были «гузы» — предки современных туркмен, которые «тысячелетие тому назад были такими же длинноголовыми, какими мы их застаем теперь». Далее автор пытается установить скифо-сарматское происхождение «гузов»-туркмен, причем и здесь он основывается на все той же долихоцефалии. «Туркмены, — пишет Ошанин, — утратили свой праязык, но в наибольшей чистоте сохранили характерную для исходного скифо-сарматского типа долихоцефалию».

Мы привели здесь краткое изложение работы Ошанина как иллюстрацию того, какие широкие обобщения имели своей базой только один антропологический признак — долихоцефалию туркмен. Вместе с тем самый факт наличия у туркмен долихоцефалии требует рассмотрения. Всякий, кто побывал в Туркмении, несомненно, обратил внимание на своеобразную форму головы у туркмен, форму, которая

¹ Л. В. Ошанин. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения. Опыт обоснования теории скифско-сарматского происхождения туркменского народа на краниологических и этнологических данных. Известия Среднеазиатского музея, вып. 1, Ташкент, 1926.

особенно подчеркивается характерной туркменской тюрбетейкой, очень мелкой, сидящей на макушке и оставляющей лоб и теменную область открытыми. Тюрбетейка — непременная часть одежды туркмен всех возрастов, и по существующему обычаю туркмен очень редко снимает свой головной убор.

Не надо быть специалистом-антропологом, чтобы, наблюдая типичную для туркмен форму головы, поставить вопрос о том, не является ли она результатом искусственной деформации, не связана ли она с обычаем изменять форму головы у ребенка особыми приемами. Объяснения местных жителей сходятся на том, что у туркмен практикуется искусственная деформация головы. При этих условиях кажется странным, что этот вопрос не привлек должного внимания исследователей антропологии туркмен. В работе проф. И. Я. Яворского¹ мы не находим указаний на искусственную деформацию головы у туркмен. В разобранном выше труде проф. Ошанин считает сообщение об искусственной деформации подлежащим проверке. К этому вопросу он возвращается в более поздней своей работе.² К этому времени им были получены от его учениц, проводивших антропологическое исследование туркмен-эрсари, проверенные данные об искусственной деформации головы. Но и в этой работе Л. В. Ошанин оставляет открытым вопрос о том, вызывает ли деформация удлинение головы, изменение головного указателя, каков характер этих изменений. Во всяком случае, Л. В. Ошанин считает долихокефалию присущей туркменам в качестве черты расовой и склонен рассматривать обычай деформации как «отголосок того обычая, который был широко распространен у предков туркмен — скифов-сарматов».

Следует еще упомянуть работу А. И. Ярхо.³ Автор приходит к выводу, что искусственная деформация не может считаться причиной долихокефалии у туркмен. Он ссылается на произведенное сотрудниками его экспедиции Е. Г. Либманом и Д. Полудской специальное исследование, которое показало, что надеваемый на голову грудного ребенка войлочный «капор» не может механически вызвать долихокефального изменения мозговой коробки; «у детей, так же как и у взрослых, отмечена была специфичная вытянутая форма головы». Против признания за деформацией причины долихокефалии у туркмен говорят, по мнению автора, и закономерности в сочетаниях мозговых осей: сравнительно значительная положительная корреляция длинника и поперечника головы у йомудов (+ 0.36).

К этому вопросу мы вернемся ниже, а сейчас перейдем к изложению собранных нами материалов.⁴

II

Наши этнографические данные относятся в основном к туркменам теке Ашхабадского района. По этим данным, до настоящего времени у туркмен полностью сохранился обычай повязывать ребенку при

¹ И. Л. Яворский. Антропологический и этнографический очерк туркмен. Краткий отчет о научной командировке в Среднюю Азию. Одесса, 1895.

² Л. В. Ошанин. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен. Ташкент, 1928.

³ А. И. Ярхо. Туркмены Хорезма и Северного Кавказа. Антропол. журнал, № 1—2, 1933.

⁴ Настоящая работа выполнена в Институте антропологии МГУ. Материалы собраны летом 1942 г. в Ашхабаде во время пребывания там Московского университета. К сожалению, намеченный объем исследования не смог быть выполнен, и настоящая статья поэтому не может претендовать на должную полноту.

рождении голову сложенным платком. Платок складывается косынкой, накладывается основанием на лоб, вершиной назад; концы косынки обводятся вокруг головы, проходят ниже выдающейся части затылка и спереди завязываются узлом. Повязка то накладывается низко на лоб, то выше, оставляя лоб открытым.¹ Накладывается косынка поверх тюбетейки. Детская тюбетейка отличается от обычной тюбетейки взрослых своей большой глубиной, имея скорее характер шапочки. Нам приходилось видеть на детях грудного возраста и тюбетейки с завязками типа капора («куладжин»). Повязывается платок-косынка очень туго. И тюбетейка, и платок надеваются ребенку сразу же после рождения и не снимаются ни днем, ни ночью независимо от сезона. Моют голову детям весьма редко. Сказанное относится и к мальчикам, и к девочкам. Мальчики носят платок лет до пяти, затем платок уже не повязывается, и ребенок получает новую тюбетейку, с которой, как и взрослые туркмены, расстается редко. Девочки носят платок до замужества и сменяют его на женский головной убор — характерный высокий колпак (бурук).

Обычай повязывать детям голову большинство туркмен и туркменок, с которыми мы на эту тему беседовали, объясняется желанием защитить голову: зимой — от холода, летом — от жары («все болезни от того бывают, что голову не берегут»). Интересно отметить, что даже в тех туркменских семьях, в которых от этого обычая уже отказались, при болезни ребенка все же накладывается на голову традиционная повязка.

По опросным данным, сходный с описанным обычай повязывать детям голову существует кроме туркмен-теке и у других племенных групп: йомудов (см. также у Ярхо), гокленов, эрсари (см. также у Ошанина), чаудоров и, повидимому, также у салоров и сарыков. Относительно мелких племенных групп туркмен мы данными не располагаем.²

Туркмены сами различают по форме: круглую голову — «тоголок-келле», продолговатую голову — «сўўри-келле» и голову неправильной формы, скошенную, асимметричную — «кесе-келле». «Кесе-келле» считается формой уродливой. Наложение повязки якобы гарантирует ребенка от этого. Большинство моих информаторов уверяло, что благодаря наложению повязки получается голова продолговатой формы «сўўри-келле».

В качестве курьеза приведем объяснение повязки, которое нам приходилось слышать от местных старожилков — не туркмен: туркмены якобы деформируют голову для того, чтобы придать ей форму, удобную для ношения тюбетейки.

III

Типичная для туркмен форма головы, о которой мы уже говорили выше, может быть характеризована следующим образом: лоб сильно покатый, переходит в темя полого, без заметного перегиба. Темя в профиль образует дугу, круто поднимающуюся сзади. Макушка

¹ Повидимому, это не безразлично для результатов (см. ниже).

² От двух наших информаторов, принадлежавших к племени ходжа, мы имеем сведения, что туркмены этой группы, в отличие от других туркмен, голову детям не деформируют. Племя ходжа — одно из мелких туркменских племен, считающее себя потомками арабов. Эти сведения весьма интересны, но требуют проверки. Особенно важно проверить, существует ли этот обычай у других «арабских» групп: ата, ших, сеид, махтум, меджеур и др.

резко выступает, тогда как затылочная область выступает не сильно. Темя в поперечном сечении — плоское. Отмечается заметное сужение в области лба. Наряду с указанной типичной формой головы следует отметить и другую, которая также несет на себе явные следы деформации и отличается прямым лбом, переходящим в темя с крутым перегибом и более выпуклым затылком; при этой форме темя в профиль образует более пологую дугу, макушка не выступает так заметно, как в первом типе. Оба типа образуют между собой гамму постепенных переходов и должны быть поставлены, повидимому, в связь со способом наложения повязки. При низком наложении повязки на лоб, создаются условия для деформации первого типа, при повязке высокой, оставляющей лоб открытым, — второго типа.

В связи с приведенными выше данными возникают следующие вопросы: в каком направлении идут изменения формы головы туркмен вследствие практикующейся деформации, как влияет деформация на головной указатель, и, наконец, может ли долихокефалия туркмен рассцениваться как результат практикующейся деформации.

Нами были исследованы 72 молодых туркмена — учащихся ремесленных училищ Ашхабада в возрасте 16—18 лет. В подавляющем большинстве исследованные нами относились к племенной группе теке.

Программа наших исследований включала, помимо обычно принятых измерений и описательных признаков головы и лица, также дополнительные признаки для характеристики деформации. Деформация в целом определялась нами визуально, и степень ее отмечалась в баллах: деформация отсутствует — 0, деформация слабая — 1, средняя — 2, сильная — 3.

Таблица 2

Средние по головному указателю при разных степенях деформации

Степень деформации	Количество случаев	Головной указатель
0 ¹	19	78.8
1	17	76.3
2	23	75.4
3	13	74.7

Для определения связи головного указателя со степенью деформации был исчислен коэффициент контингенции — головной указатель — степень деформации, который оказался равен: $C = 0.469$.

Коэффициент корреляции между продольным и поперечным диаметром головы оказался равным — 0.022. Однако приведенные здесь результаты, несмотря на свою, казалось бы, убедительность, не могли нас удовлетворить. Степень деформации определялась нами, как мы указывали, на-глаз, и это определение исходило из формы головы в целом. Таким образом, в оценку деформации вкладывалось уже заранее отношение основных осей головы. Ставя своей задачей

¹ Необходимо здесь же указать, что и в тех случаях, которые отмечены баллом 0¹ искусственная деформация под влиянием наложения повязки в детском возрасте не может быть исключена.

определение зависимости головного указателя от степени деформации, мы, конечно, должны исключить этот момент. Эта задача была бы решена в том случае, если бы удалось собрать материал заведомо без всякой деформации. С этой целью мы обратились к детскому населению, принимая во внимание, что в последние годы обычай накладывать повязку детям соблюдается не так строго.

В детских яслях Ашхабада нами было измерено 10 детей грудного возраста. Средний головной указатель оказался равным 80.74. Однако при проверке оказалось, что если днем в яслях дети остаются с открытыми головами, то на ночь дома матери, верные обычаю, накладывают традиционный платок.

Мы обратились в семьи туркменской интеллигенции Ашхабада и отобрали 21 ребенка (9 мальчиков и 12 девочек), которые не вызывали сомнений в том отношении, что им повязка никогда не накладывалась. Средний головной указатель в этой группе оказался равным 83.70. Возраст исследованных детей: от 1½ до 14 лет. Приводим данные по возрастным группам (табл. 3):

Таблица 3

Возраст	Число	Продольный диаметр	Поперечный диаметр	Головной указатель
1½— 4 года	9	160.7	135.2	83.24
5— 9 лет	6	165.7	139.8	84.48
10—14 „	6	173.7	142.3	82.08

Сопоставляя материалы по учащимся ремесленных школ, детям из ясель и детям, где деформация заведомо исключена, можно заметить, что дети ясель занимают промежуточное место. Мы склонны объяснить это изложенным выше обстоятельством: наложением повязки на ночь, тогда как в последней группе повязка не накладывалась вовсе.

Приведенные нами данные, как указывалось, относятся к различным возрастным группам и для своей оценки требуют учета возрастных изменений головного указателя. Возрастные изменения головного указателя, несмотря на очень обширную антропологическую литературу по данному вопросу, выяснены далеко не достаточно. Тогда как большинство авторов указывает на уменьшение головного указателя с возрастом, другие отрицают это. Следует ожидать, что возрастные изменения головного указателя, зависящие от неравномерного роста продольной и поперечной оси черепа, будут различны в долихоцефальной и брахицефальной группах: в первой возрастные изменения будут более значительны, чем во второй.

Однако, как ни отличаются друг от друга данные различных авторов по этому вопросу, все они согласуются в том отношении, что понижение головного указателя от рождения до взрослого состояния не превышает 1½—2 единиц индекса в самых различных группах. Таким образом, если мы и должны внести в наш материал поправку на возраст, то она, во всяком случае, не меняет основного вывода о влиянии деформации на головной указатель, ведущей к значительному уменьшению этого индекса в зависимости от степени самой деформации.

Выше мы указывали, что по нашим материалам, в отличие от данных А. И. Ярхо, не только не отмечается положительная корреляция между продольным и поперечным диаметром, но эта корреляция имеет даже отрицательный знак. Это не может быть истолковано иначе, как свидетельство значительного нарушения нормальных ростовых процессов головы у туркмен под влиянием деформации.

Все изложенное выше позволяет нам считать, что у исследованной группы туркмен-теке долихоцефалия стоит в непосредственной связи с практикующейся деформацией головы.

Рассмотренный в настоящей работе частный вопрос о головном указателе у туркмен при небольшом объеме материала и очень малом охвате территории не позволяет нам ставить вопрос о соотношении европеоидных расовых типов Средней Азии в целом, но, во всяком случае, побуждает внести коррективы в расовую диагностику туркмен.

III. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Новые материалы по этнографии Австралии

Публикуемые ниже материалы присланы недавно Институту этнографии Академии Наук СССР двумя австралийскими исследователями-этнографами Джолли и Розом и представляют значительный интерес.

Авторы работают в течение нескольких лет в округе Кимберлей Западной Австралии, собирая материал по этнографии местных племен. Выбрав в качестве базы город Брум, они изучили главным образом ближайшие к нему племена побережья и бассейна р. Фицрой: ниоль-ниоль, караджери, нгариньин и др. Они изучили социальный строй этих племен, брачные правила и терминологию родства.

На основе собранных новых материалов, используя также данные прежних собирателей, Джолли и Роз попытались составить схему эволюции первобытного общества и проследить смену форм брачно-половых отношений, экзогамной табуации, ранних стадий семьи и терминологии родства. Авторы подчеркивают свое стремление подтвердить правильность взглядов Льюиса Моргана, «величайшего из всех антропологов», и полемизируют с его критиками из реакционного научного лагеря. Однако собственная концепция Джолли и Роза не тождественна со взглядами великого исследователя. Хотя авторы многое заимствовали у Л. Моргана, они все же не сумели полностью овладеть его историческим методом и зачастую подменяют этот метод абстрактно-дедуктивным.

Изложению и защите своей примыкающей к Моргану концепции авторы и посвятили присланные ими в СССР работы. Самая большая из этих работ носит название «Место туземцев Австралии в эволюции общества (в защиту Льюиса Моргана)» (The place of the Australian aboriginal in the evolution of society. A vindication of Lewis Morgan). Из этой рукописи ниже печатаются выдержки. Помещаемая далее небольшая статья составляет как бы автореферат одной части этой рукописи. Наконец, те же по существу вопросы кратко излагаются авторами еще в двух небольших заметках. Одна из них носит тот же заголовок, как и большая рукопись; другая называется «Табу тещи и двучленное деление общества» (Mother-in-law taboo and moiety societies).

Авторы до сих пор почти не выступали в печати с изложением своих взглядов. Нам известна только одна их статья: F. Rose and A. T. H. Jolly. An interpretation of the taboo between mother-in-law and son-in-law («Man», 1942, № 5).

Работы Джолли и Роза содержат, несомненно, много ценного. Большое значение имеет самая тенденция продолжать моргановскую, наиболее прогрессивную традицию в этнографических исследованиях в противовес всем попыткам пресечь эту традицию.

С. А. Токарев

А. Джолли и Ф. Роз

(Брум, Западная Австралия)

Место туземцев Австралии в эволюции общества

Предисловие

Подзаголовок этой работы гласит «В защиту Льюиса Моргана». Морган пострадал за то, что не сумел распространить идеи, обогнавшие его поколение. Современные ему реакционеры безжалостно кромсали их, в течение ряда десятилетий Моргана замалчивали, и он был забыт.

Вот образец критики, обрушившейся на Моргана. Старке («Первобытная семья», 1889, стр. 13) пишет:

«Многие ученые люди слишком склонны искать объяснение существующих обычаев в ныне, быть может, уже исчезнувших условиях прежних времен. Конечно, обычаи продолжают жить по привычке даже тогда, когда вызвавшие их первоначальные условия давно перестали существовать. Однако едва ли нужно говорить, что такое обращение к древности разумно только в том случае, когда доказана невозможность найти причину данного обычая в тех условиях, в которых он встречается в настоящее время. Если мы не будем держаться этого основного принципа, то нас сможет завести в тупик всякая пустая фантазия. Если мы можем проследить причину какого-нибудь обычая в существующих условиях, то мы должны держаться этого объяснения, и ничто не может заставить нас искать другого объяснения, кроме определенного исторического свидетельства о его существовании в более древние времена».

Старке совершенно прав в своем «основном принципе», но перед нами сразу же возникает вопрос: как объяснить особые типы австралийской общественной организации? Ответ таков: она развивалась из моргановской кровнородственной семьи и группового брака. Существует, например, много соотношений между терминологией родства и социальной организацией определенного общества. Но надо подчеркнуть, что одно не является причиной другого. Таким образом, критика теории Моргана является чисто разрушительной, поскольку эта критика не предлагает никаких гипотез, могущих заменить эту теорию.

При помощи вполне правильных рассуждений Морган показал, что должна была существовать кровнородственная семья. Но его логика отвергается, повидимому, по той причине, что она доказала существование всеобщего промискуитета как стадии развития общества.

А это — постулат, не согласующийся с современными моральными требованиями.

Дальше Старке говорит: «Только определенное историческое свидетельство о существовании данного обычая в древние времена может заставить нас искать другого объяснения». В таком случае мы вправе спросить: «Разве эволюция вида (*species*) ограничивается теми весьма редкими мутациями, которые удалось наблюдать?». Если так, то нам остается предположить, что антропологу запрещается выдвигать гипотезы, касающиеся более раннего состояния общества, и что ему не дозволено пользоваться главным орудием ученого — индуктивным рассуждением.

Туземцы не имеют письменных, исторических сообщений о «прежнем существовании известных обычаев», но у них имеются мифы, говорящие о существовании в прошлом всеобщего промискуитета.

Табу «теща/зятя» много раз объяснялось всевозможными способами, начиная с того, что это есть пережиток брака умыканием, и кончая пошлостями Вестермарка: «присутствие зятя способно вызвать у тещи ассоциации идей, которые могут заставить ее покраснеть и как женщину и как мать». Но единственное логическое объяснение — это то, которое доказывает правильность морганистовской гипотезы кровнородственной семьи и группового брака. Морган сам не дал правильного объяснения табу тещи/зятя, но это не уменьшает ценности его аргументов.

Австралийские туземцы не представляют собой единого народа; это множество мелких независимых обществ, из которых, вероятно, ни одно не превышает двух тысяч человек. Каждое общество говорит на особом языке или диалекте. Между соседними обществами зарождаются социальные взаимоотношения, которые приводят сперва к дружбе, а затем к слиянию (*fusion*) и общественному прогрессу (*social advancement*).

Большинство белых, находящихся в контакте с туземцами, стоит на той точке зрения, что они «никчемные, безнравственные люди и по самой своей природе воры и убийцы». Причина такой оценки заключается в различии кодексов морали и законов белых и австралийцев.

Является ли туземец вором по своей природе? Когда австралиец находится в туземном госпитале, то за ним приходится внимательно следить, иначе все лучшее из того, что он получает, например апельсины или яйца, будут им розданы своим друзьям и родственникам.

Неиспорченный туземец не может себе представить, как он будет прятать про запас продукты питания. Когда он убивает кенгуру, то делится мясом кенгуру со всеми, а если его сосед убьет кенгуру, то добыча принадлежит ему, так же как и убившему охотнику, и он имеет право взять себе, сколько хочет, в любое время. Но если туземец применяет этот принцип к своему хозяину, то его немедленно объявляют «вором», — закон туземца и закон белого человека друг другу противоречат.

Безнравственен ли туземец? Единобрачия не существует в среде австралийцев. Определение степени родства (а все туземцы каждого данного общества являются родственниками) дает право на брак, и хотя один человек живет из экономии с одной или несколькими женами, однако половые сношения он может иметь с любым лицом соответственной степени родства; это не вызовет никакого осуждения.

Если человек на время покидает свой район, то он оставляет свою жену или жен кому-нибудь из своих братьев и получает по соглашению на время жену в том районе, куда он прибыл. Если же выявится наличие близких общественных отношений между запрещенными степенями родства, то это рассматривается как кровосмешение (incest) и карается смертью, даже если не было половых сношений. Туземцы гораздо строже соблюдают эти запреты, чем мы держимся нашего собственного кодекса морали, и очень часто можно видеть, что они сделают большой крюк только для того, чтобы не встретиться лицом к лицу с человеком, которого они должны избегать согласно табу. Наша собственная моногамия пронизана промискуитетом и проституцией. Можем ли мы считать себя нравственнее туземцев?

Убийца ли туземец? Если белый живет с туземкой, то его считают ее мужем и рассматривают соответственно. Если он имеет беспорядочные сношения с женщиной запрещенной степени родства, то в глазах туземцев он совершил худшее из преступлений — кровосмешительство, и его убивают копьем. Нравственность черного столкнулась с безнравственностью белого и нарушила закон белых людей. Возможно, что наш кодекс нравственности и наши законы лучше, чем туземные, но этот кодекс и эти законы будут вести австралийцев к гибели до тех пор, пока мы не сумеем дать им нового общественного уклада независимого народа. Черные женщины делаются проститутками для белых мужчин, а черные мужчины становятся укрывателями краденого и прихлебателями.

Эта статья является попыткой анализа туземного общества. Ее цель помочь этому злосчастному народу улучшить свое положение под руководством белых. Для этого мы расспрашивали возможно большее количество туземцев из самых различных обществ. В каждом отдельном случае мы обращали особое внимание на выяснение рода (lineage), на название степеней родства и на общественные запреты; везде, где это оказывалось возможным, исследовались также мифы и порядок, принятый на «корробори» (обрядовых празднествах и плясках). Все ответы повторно проверялись как с тем же свидетелем, так и с другими; всякое противоречие тут же на месте расследовалось путем расспроса самих туземцев. Наконец, везде, где это только было возможно, каждый туземец классифицировался; для этого мы показывали ему фотографии других туземцев и спрашивали, в какой степени родства с ними он находится.

Вся эта работа была написана целиком в Бруме, где можно было немедленно проверить и исправить все те пункты полевых записей, которые не были достаточно ясны.

Многие мнения, высказанные в этой работе, резко отличаются от взглядов современных антропологов, специалистов по Австралии, и подтверждают выводы более ранних исследователей, как Хоуитт, Риверс, Файсон и др.

Мы сделали попытку сопоставить туземное общество с обществами других социальных структур и показать как последовательность эволюции, так и те внутренние противоречия, которые ее вызвали. Мы собирали факты и соединяли их, стремясь создать сложную картину, а не подогнать их под свое какое-либо предвзятое представление.

Целью изложения этих взглядов является прогресс науки и польза для человечества, в полном сознании того, что закон и теория приложимы только при определенных условиях. Всякую критику мы будем

приветствовать, ибо знание растет из противоречий, а не от согласия, и никто из нас не является непогрешимым. Если здесь обнаружатся ошибки и несоответствия, не поддающиеся объяснению, тогда данный тезис должен быть отброшен; но на развалинах его можно будет построить нечто лучшее.

Введение

Последующие наблюдения и рассуждения покажут, что человеческое общество развилось от весьма первобытных к более высоким формам. Это развитие было очень неровным, главным образом благодаря окружающей среде: некоторые народы более или менее сильно отставали от других.

Описанные Льюисом Морганом американские индейцы в общественном отношении стоят выше, чем туземцы Австралии. А австралийцы, в свою очередь достигли более высокого уровня социального развития, чем также описанное Морганом гавайское общество, стоящее на ступени пуналуа.¹

Австралийцы представляют интерес благодаря тому, что, хотя различные орды их, рассеянные по материку, управляются одними и теми же социальными принципами, некоторые из них ушли в своем развитии дальше, чем другие. Фактически они стоят как бы на перепутьи и дают нам ключ к пониманию как предшествующей ступени их развития, так и того, что выявляется в более высоких социальных системах.

Развитие общества как целого зависит от сохранения и улучшения составляющих его людей. При этом определяющими являются два фактора: экономический и общественный. Сфера первого — добыча питания и средств существования. Область второго — это мужчины и женщины, вопрос об отцовстве и кровосмешительстве (incestuous relations).

Развитие любого типа общества есть медленный процесс, зависящий от законов естественного отбора, от попыток и ошибок. Однако переход от более низкого уровня к более высокому по самой своей природе совершается очень быстро, сохраняя все полезное, что было на прежней ступени, и прибавляя новые структуры. По существу это — динамический процесс эволюции.

Развивая теорию социальной эволюции, необходимо признать прежнее существование социального промискуитета. Его доказывают те табу и твердые законы (fixed laws) первобытных народов, которые изучались авторами и другими исследователями. Самое существование этих табу и законов есть результат условий предшествующей низшей формы общества.

В заключение отметим, что изложенное ниже есть не оригинальная теория, а только развитие теории Льюиса Моргана, величайшего из всех антропологов, показавшего в своей образцовой работе «Древнее общество», что в начальной стадии развития общества должны были существовать и всеобщий промискуитет, и кровнородственная семья.

¹ Авторы повторяют здесь явную, давно обнаруженную ошибку Моргана: в действительности уровень общественного и культурного развития полинезийцев (в том числе гавайцев) значительно выше, чем австралийцев. — *ред.*

Определения

Для понимания этой работы надо установить содержание следующих терминов:

1. М а т р и л и н е й н ы м (matrilineal) называется род (a lineage), прослеживаемый (traced back) от дочери к матери до общего предка.

2. П а т р и л и н е й н ы м (patrilineal) — род, прослеживаемый от сына к отцу до общего предка.

3. М а т р и л о к а л ь н о й (matrilocal) — семья (family), живущая на земле или становище матери.

4. П а т р и л о к а л ь н о й (patrilocal) — семья, живущая на земле или становище отца.

5. О б ы ч н ы м т а б у (custom taboo) — уклонение от встреч с определенными родственниками, половые сношения с которыми могли бы быть кровосмесительными.

6. Т а б у называется обычное табу, ставшее законом ввиду признания его таковым соответственным народом.

7. Ч а с т и ч н ы м т а б у (near-taboo) называется табу, относящееся не ко всем лицам, которые обозначаются определенным названием степени родства, а только к некоторым. Оно в особенности относится к лицам, состоящим в близком родстве.

8. П о л н ы м т а б у (full taboo) — табу, относящееся ко всем лицам, обозначаемым определенным названием степени родства.

9. Б л и з к и м и и с о б с т в е н н о р о д н ы м и (own and near relations) называются лица, входящие в тесный круг собственной семьи и обозначаемые определенным названием степени родства.

10. Д а л ь н и м и р о д с т в е н н и к а м и (distant relations) — лица, обозначаемые тем же названием степени родства, но не входящие в состав собственной семьи.

11. С е м е й н о й г р у п п о й (family group) — известное число лиц, состоящих в близком или собственном родстве между собой и живущих на одной и той же земле или на одном становище.

12. Т в е р д ы м з а к о н о м (fixed law) — табу, ставшее постоянным, автоматическим благодаря известному приспособлению (adjustment) социальной структуры некоторого данного общества.

13. Р о д о м (lineage) — известное число мужчин, женщин и детей, которые наследуют свое имя от общего предка либо по линии отцов, либо по линии матерей.

14. О р д о й (horde) — известное число родов, слившихся в двух-, четырех-, шести-, восьмиродовое общество, говорящее на одном языке и занимающее определенный участок земли.

15. П л е м е н е м (tribe) — объединение двух орд с равным числом родов в каждой. Обе орды распадаются на две половины каждая; орды, составляющие половину одной орды, объединяются с соответственной половиной родов другой; остальные роды обеих орд также объединяются, и образуются две экзогамные фратрии. Роды, входящие в состав каждой фратрии, становятся экзогамными кланами. Все племя говорит на одном и том же языке и занимает определенный участок земли.

16. П е р е к р е с т н о - д в о ю р о д н ы м и (cross-cousin) — дети брата по отношению к детям его сестры. У австралийских туземцев обычным названием такого родства являются выражения кузен, кузина или муж, жена.

17. П а р а л л е л ь н ы м и д в о ю р о д н ы м и (parallel-cousin) — дети мужчины по отношению к детям его брата, а также дети женщины по

отношению к детям ее сестры. Такое родство австралийские туземцы обычно обозначают словом брат, сестра.

Законы

В связи с приведенными выше определениями можно установить четыре закона. В дальнейшем мы покажем, что эти законы обязательны по отношению к исследуемым нами типам общества. Первый и второй законы относятся ко всякому первобытному обществу. Они помогут выяснить многое в истории развития человеческих обществ.

Первый закон. Развитие социальной структуры первобытного общества идет по линии постепенного стеснения браков между близкими родственниками.

Второй закон. Если между двумя индивидуумами существует табу, запрещающее им социальное общение, то оно предупреждает возможные кровосмесительные отношения. Если же оно не имеет никакого полезного назначения, то оно является остатком (vestige) такой стадии в эволюции данного общества, когда оно имело эту функцию.

Третий закон. Закон неравного слияния. Если чужой человек или народ, состоящий из меньшего количества родов (lineages), вступает в близкие отношения с двух-, четырех-, шести- или восьмипородовым обществом, то они автоматически размещаются в роды, определяемые родом первого или первых лиц, с которыми они столкнулись в этом последнем обществе.

Четвертый закон. Закон равного слияния. Когда два общества, состоящие из равного числа родов, приходят в тесное соприкосновение друг с другом, тогда каждый род одного объединяется с одним из родов другого,¹ причем выбор родов для объединения определяется теми лицами каждого рода, которые первыми вступают в близкие отношения.

Глава I. Однородовые общества на стадиях промискуитета, кровнородственной семьи и группового брака

Повидимому, однородовые общества (one lineage societies) существуют в настоящее время на маленьких изолированных островах Полинезии; повидимому, они существовали до недавнего времени и в Австралии в прибрежных районах юга и юго-востока. Изоляция помешала иммиграции новых родов и образованию орд и племен. Эти общества имеют мало названий родственных отношений. Если принять во внимание критику Моргана со стороны Лоуи, а также приводимые ниже аргументы, такими обозначениями родства были: отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, дед, бабушка, внук (внучка) и, может быть, муж и жена. Такая бедность обозначений степеней родства неизбежна для общества, находящегося в стадии общего промискуитета, где все мужчины являются мужьями всех женщин и возможными отцами всех детей, а все женщины женами всех мужчин и возможными матерями или мачехами всех детей, и все дети возможными сводными братьями и сестрами (half-brothers and half-sisters). У первобытных народов

¹ Дословно: «тогда каждое общество именуется (names) роды другого в своих соответствующих родах». — *Ред.*

мачехи всегда рассматриваются как матери, а сводные братья и сестры как родные братья и сестры.

Оба первичные табу, а также и вторичное существуют в этих обществах в настоящее время. Третичное и четвертичное табу также могут существовать.

Без введения большого количества родственных терминов, чем те, что были даны выше, были возможны только оба первичных и вторичных табу. Дальше станет ясно, что первичное табу «мать/сын» включает табу «теща/зять», так как в однородовом обществе теща могла быть матерью, а зять сыном.

До введения обоих первичных табу в однородовом обществе должен был существовать всеобщий промискуитет. Понятие отцовства и материнства должно было существовать до введения названий: отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, муж, жена. Понятие отцовства не включает понимания половых сношений и зачатия, а только наблюдение, что без мужчины женщина не имеет детей. Установление отцовства имело чрезвычайное значение для дальнейшего развития человеческого общества. Дальше было сделано наблюдение, что если матери жили со своими сыновьями, а отцы со своими дочерьми, то человеческая порода (stock of the people) ухудшалась. Это второе наблюдение вылилось в два первичные обычные табу:

- 1) матери не живут со своими сыновьями как их жены;
- 2) отцы не живут со своими дочерьми как их мужья.

Когда хорошие результаты этих обычных табу были замечены, они превратились в первичные табу:

- 1) матери не должны жить со своими сыновьями как их жены;
- 2) отцы не должны жить со своими дочерьми как их мужья.

Эти табу привели, вероятно, к созданию новых терминов для дедушки и бабушки и внуков и внучек. Деды и внуки стали классифицироваться соответственно как старшие и младшие братья и сестры. Брак между братьями и сестрами на этой стадии разрешался. При таких условиях мужчина являлся мужем для всех женщин, кроме матерей, и поэтому возможным отцом всех детей своих жен; женщина могла быть женой всех мужчин, кроме своих отцов, и следовательно, возможной матерью или мачехой всех детей своих мужей. Морган и предположил существование такого общества, называя его кровнородственной семьей.

Когда наблюдение показало, что состав племени ухудшается от браков близких братьев с близкими сестрами, то было введено второе обычное табу: близкие братья и сестры не живут как мужья и жены. Когда был замечен хороший результат этого запрета, то он сделался вторичным табу: близкие братья и близкие сестры не должны жить как мужья и жены. Это значило, что женщина была женой всех мужчин своего общества, кроме отцов и близких братьев, а мужчина — мужем всех женщин, кроме матерей и близких сестер. Для понимания табу «близкий брат/близкая сестра» необходимо должно было существовать понятие отцовства, которое исключало некоторых потенциальных отцов из числа действительно физически возможных отцов. Другими словами, табу «близкий брат/близкая сестра» стало признаком группового брака. Раньше, чем мог быть введен групповой брак, должны были существовать оба первоначальные табу и, кроме того, понятие отцовства должно было быть более развито, чем в кровнородственной семье.

Однородовое общество может развиваться дальше, уточняя свое понятие об отцовстве и запрещая браки между мужчинами и женщи-

нами, имевшими общего предка на расстоянии определенного числа поколений.

Повидимому, гавайцы, описанные Морганом,¹ достигли именно этого пункта своего развития. Они разрешали брак только между мужчинами и женщинами, находившимися друг с другом в отношении пуналуа. Так как это были однородовые общества, то они, естественно, могли иметь только очень ограниченное число названий степеней родства; но это число должно было расти по мере уточнения их понимания отцовства. Таким образом, дальняя мать (*distant mother*) могла превратиться в тещу, дальний сын — в зятя, дальняя сестра — в невестку или золовку, а дальний брат — в шурина или деверя.

Глава II. Двухродовое матрилинейное общество

Этот тип общества существует в Южной Австралии в районе озера Эйр. Так как все люди, к какому бы роду они ни принадлежали, рождаются от женщин, они все должны были происходить от одной прама-тери. Таким образом, все примитивные роды были и есть потенциально матрилинейными.

Если бы два чужие друг другу рода вступили в тесное общение и стали вступать в брак между собой, то обнаружилось бы хорошие результаты этих смешанных браков.

Рассмотрим два рода *A* и *B*. Женщины из рода *A* выходили бы замуж за мужчин из рода *B*, а женщины из рода *B* — за мужчин из рода *A*, и так как дети рождались бы от женщин *A* и женщин *B*, то свое происхождение они считали бы по роду матерей согласно взаимной договоренности. Когда каждый род становился экзогамным и матрилинейным, то табу «мать/сын» становилось обязательным законом и табу «близкий брат/близкая сестра» стало бы полным табу и обязательным законом (*fixed law*). Табу же «отец/дочь» оставалось бы еще необязательным (*unfixed*). Кроме того, мать женщины оказалась бы на допустимой ступени родства для того, чтобы вступить в брак с мужем своей дочери, и если бы это случилось, то ее дочери от этого брака были бы сестрами ее дочери, а следовательно, возможными женами мужа своей матери. Таким образом, получилось бы, что человек может жениться на собственной дочери. Это — неизбежное следствие неупорядоченности табу «отец/дочь». Такое положение вещей вызвало введение в жизнь третичного обычного табу:

тещи не живут со своими зятями как жены.

Когда удалось заметить хорошие результаты этого табу, то оно стало третичным табу:

тещи не должны жить со своими зятями как жены.

Этот тип общества породил несколько новых названий для степеней родства. Во-первых, братья и сестры не могли больше жениться между собой. Ведь брак был возможен между мной и детьми моего дяди со стороны матери или тетки со стороны отца. Тетка со стороны отца являлась для человека тещей, т. е. табу, а сын ее брата был для женщины зятем, т. е. тоже табу. Дядя со стороны матери назывался тестем, а дочери брата или сестры — невестками. Дети потенциальных тещи и тестя были бы перекрестно-двоюродными или мужьями и женами. Далее, поскольку бабки со стороны матери и деды со стороны отца были братьями и сестрами между собой и принадлежали к тому же роду,

¹ Об ошибке Морган в отношении гавайцев см. сноску 1 на стр. 195.

как и я, то я рассматривал их как старших братьев и старших сестер и называл особым термином, отличным от термина для дедов со стороны матери и бабок со стороны отца, ибо эти принадлежали к другому роду и рассматривались как старшие кузены, для которых требуется новое название. Если я был дед, то я отличал моих внуков из того же рода от моих внуков из другого рода разными названиями степеней родства. В первом случае это название обозначало младший брат и младшая сестра, а во втором случае — младший кузен.

Двухродовое общество автоматически вносит новые названия для нескольких степеней родства; брак в своей чистой форме происходит между кузенами, относящимися либо к поколению деда, либо к своему собственному.

Уже в однородном обществе существовало различие близких братьев и сестер от дальних братьев и сестер. Таким же образом и в двухродовом обществе различались ближние кузены от дальних. Это делалось с тех пор, как стало известно, что такое отцовство. Нельзя жениться на собственной сестре, но на троюродной и четвероюродной можно. Так родилось четвертичное табу близкого кузена:

двоюродные (neag-cousins) не должны жить друг с другом как мужья и жены.

Раз известно точно, что такое отцовство, то могли быть введены новые термины для родного брата родной матери, отличные от тестя, и для родной сестры родного отца, отличные от тещи. Однако эти два последние названия восходят, возможно, к четырехродовому матрилинейному обществу.

Можно было бы задать вопрос: почему всегда два рода, почему не три? Ответ дается законом неравного слияния. Рассмотрим двухродовое общество *AB*. С ними входит в тесное соприкосновение третий род *C*.

Женщина *A* выходит замуж за мужчину *C* и рассматривает его как мужчину *B*, а он рассматривает ее как женщину *C*. Она называет своих детей *A*, а он называет их *C*. Так как людей, которые называют этих детей *A*, больше, чем людей, которые называют их *C*, то скоро дети сами начинают называть себя *A*. Так как женщина *A* вышла замуж за мужчину из рода *C*, а его рассматривают как мужчину из рода *B*, то, значит, и женщина из рода *C* тоже должна рассматриваться как женщина из рода *B*. Поэтому женщина из рода *C* может выйти замуж за мужчину только из рода *A*, в этом двухродовом обществе *AB*. Она будет называть своих детей *C*, а он будет называть их *B*. Так как больше людей, которые будут называть их *B*, чем таких, которые будут называть их *C*, то скоро сами дети будут считать себя *B*.

Таким образом, потомство нового рода *C* разобьется между родами *A* и *B*. Благодаря неравному слиянию рано или поздно все однородовые общества будут поглощены (would be absorbed).

Если бы двухродовые матрилинейные общества стали патрилокальными, то соблюдение табу «теща/зять» весьма облегчилось бы.

Глава III. Четырехродовое матрилинейное общество

Табу «отец/дочь» и «теща/зять» становятся твердым законом двумя различными путями:

1) путем слияния двух двухродовых матрилинейных обществ, которые образуют четырехродовое матрилинейное общество;

2) путем превращения двухродового матрилинейного общества

в двухродовое патрилинейное общество; этот второй случай будет рассмотрен в отдельной главе.

Четырехродовые матрилинейные общества встречаются в крайних восточных и западных районах Австралий.

Первый случай: Мы имеем два двухродовых матрилинейных патрилокальных общества AB и CD .

Женщина A выходит замуж за мужчину C , и он с ее точки зрения оказывается мужчиной B , а она с его точки зрения женщиной D . Поэтому мужчина C с точки зрения мужчины B относится к одному с ним роду B , и мужчина B с точки зрения мужчины C тоже одного с ним рода C , а женщина D с точки зрения мужчины B — это та же женщина A . Женщина A называет своих детей A , а мужчина C называет их D . Поэтому дети одновременно относятся и к роду A и к роду D .

Женщина D называет своих детей D , в то время как мужчина B называет их A ; значит, и тут дети принадлежат одновременно и к роду A и к роду D .

Таким же образом, женщина B будет называть своих детей B , в то время как мужчина D будет называть их C , и дети будут одновременно и B и C .

Опять-таки женщина C будет называть своих детей C , в то время как мужчина A будет называть их B . Таким образом, дети опять будут одновременно B и C .

Скоро все дети будут иметь не одного, а двух общих предков.

Тут, вероятно, наступило изменение. На собрании старейшин было решено, что половина мужчин и женщин из родов A принадлежат к роду A , а другая — к роду D , и половина всех мужчин и женщин из родов BC должна принадлежать к роду B , а другая — к роду C . Так как женщина B принадлежала к BC то ее ребенок будет C , а не B . Таким образом, у женщины C ребенок будет B . Точно так же у женщины A ребенок будет D , а у женщины D ребенок будет A .

В конце концов старики постановили как закон, чтобы мужчины и женщины из рода A могли вступать в брак только с мужчинами и женщинами из рода C , и дети их должны были принадлежать к роду D , если мать A , и к роду B , если мать C . В то же самое время мужчины и женщины из рода B могли бы вступать в брак только с мужчинами и женщинами из рода D , а их дети должны были принадлежать к роду C если мать B , или к роду A , если мать D .

Таким образом, теща стала не только табу для своего зятя, но даже стала принадлежать к тому роду, из которого он не мог брать себе жены, а отец был не только табу для своей дочери, но еще и принадлежал к такому роду, из которого она не могла взять себе мужа.

Слияние двух двухродовых матрилинейных обществ и выросшая из этого слияния новая социальная структура сделала табу «отец/дочь» и «теща/зять» твердыми законами. И здесь так же, как в двухродовом матрилинейном обществе, двоюродные братья и сестры продолжали считаться наиболее подходящими для вступления в брак между собой.

Все остальные двухродовые матрилинейные общества поглощаются этим четырехродовым матрилинейным обществом путем неравного слияния, как только они входят с ним в тесный контакт.

Рассмотрим два общества: одно четырехродовое матрилинейное общество BCD и другое двухродовое матрилинейное общество EF .

Если женщина A выйдет замуж за мужчину E , то мужчина A может жениться на женщине E .

Из этого следует, что мужчины и женщины *C* будут вступать в брак с мужчинами и женщинами *F*. Женщина *A* будет называть своих детей *D*, а мужчина *E* будет звать их *F*. Точно так же мужчина *C* будет звать своих детей *D*, а женщина *F* будет звать их *F*.

Но так как больше таких людей, которые будут звать детей *D*, чем таких, которые будут звать их *F*, то скоро дети сами будут называть себя *D*.

Таким же образом, женщина *E* будет называть своих детей *E*, в то время как мужчина *A* будет звать их *B*, и мужчина *F* будет говорить о своих детях как *E*, а женщина *C* будет называть их *B*.

И так как больше людей будут называть своих детей *B*, чем *E*, то скоро все дети будут называть себя *B*.

Таким образом, двухродовое матрилинейное общество окажется поглощенным четырехродовым матрилинейным обществом, и рано или поздно все остальные двухродовые матрилинейные общества поблизости окажутся поглощенными.

Этот новый тип четырехродового матрилинейного общества дал каждому человеку по два общих прародителя, так что роды чередуются от поколения к поколению. Общество все еще представляется в виде двух линий, а не четырех, и перекрестно-двоюродные все еще представлены в своем поколении и в поколении дедов. Табу близких кузенов существует, но еще не закреплено как закон, и в этом отношении здесь нет прогресса по сравнению с двухродовым.

На этой стадии развития австралийские туземцы уточнили свои представления об отцовстве, введя новые названия для степеней родства: для родной тетки со стороны отца — отличное от тещи, для родного дяди со стороны матери — отличное от тестя, для невестки (снохи) — отличное от племянницы, для зятя — отличное от племянника, для деверя (brother-in-law) — отличное от мужа, для невестки (sister-in-law) — отличное от жены. Все это доказывает наличие первобытного представления о параллельных кузенах.

Уже самое наличие этих представлений показывает, что началось изменение системы орды в систему племени, при которой роды не чередуются от поколения к поколению, а прослеживаются прямо или через мать или через отца, и при которой все табу являются лишь пережитками прошлого.

[Далее следует перечень терминов родства у племен округа Кимберлей — караджери и нюль-нюль — и их брачные правила, опускаемые нами в переводе. — *Ред.*]

Племя нюль-нюль состоит из четырех родов: Бадиджари, Каримба, Бруму и Бунака. Как мужчины, так и женщины Бадиджари обычно вступают в брак с Каримба, а Бруму — с Бунака. Дети женщин Бадиджари всегда принадлежат к роду Бруму, дети женщин Каримба — к роду Бунака, дети женщин Бруму — к роду Бадиджари, а дети женщин Бунака — к роду Каримба.

Если браки происходят внутри одного и того же рода, то ребенок принимает род своей матери.

Если «камод»¹ женится на «камод» или «калод»² на «калод», и если он относится к роду Каримба, то их ребенок будет Бунака. Ре-

¹ «Камод» — это нюль-нюльское название степени родства, которым обозначаются бабушка со стороны матери, ее родные и близкие братья и ее родные и близкие сестры, а также ее дальние братья и сестры. Этим же термином обозначаются внуки и внучки от дочери, а также их родные, близкие и отдаленные братья и сестры. — *Ред.*

² «Калод» у того же племени нюль-нюль обозначает как деда со стороны отца, его родных, близких и дальних братьев и сестер, так и внуков и внучек от сына и от родных, близких и дальних братьев и сестер. — *Ред.*

бенок будет называть своего отца «ибал», а родных, близких и дальних братьев своего отца — «карга», что значит дядя по матери. Оба супруга называют как свекровь, так и тещу «уинджуп», и как свекра, так и тестя — «ибал», а братьев и свекрови и тещи называют «карга». «Карга» это есть вообще обращение со стороны детей ко всякому мужчине Бадиджари, который имеет право жениться на их матери, как будто бы их отец женился на женщине Бадиджари; и родные сестры этих мужчин называются «уинджуп». Обо всех остальных мужчинах Бадиджари эти дети будут говорить «рамба»¹ или «яла». Особенно интересным здесь является то обстоятельство, что не имеется табу на брак внутри одного и того же рода.

Эти приспособления названий родства к бракам внутри одного и того же рода подчеркивают важность рода вообще и материнского рода (mother lineage) в особенности. Чтобы удовлетворить требованиям рода, здесь отказались от табу «теща/зять» и «отец/дочь».

Нюль-нюль имеют гораздо более ясное представление об отцовстве, чем караджери.² Так как система родов нарушена и отмирает, то очевидно, что для племени нюль-нюль созрело время для перехода к новому типу общества. Этот новый тип общества, если бы позволили обстоятельства, оказался бы племенной системой с экзогамными фратриями и экзогамными кланами, при которой все табу, кроме пятиричного (гл. VII), оказались бы пережитками прошлого.

[Глава IV. «Восьмиродовое матрилинейное общество» в переводе опущена. — *Ред.*]

Глава V. Двухродовое патрилинейное общество и формы его развития

Значение табу, особенно табу «теща/зять», было рассмотрено в различных типах матрилинейных обществ, встречающихся у австралийцев.

Остается рассмотреть интересное двухродовое патрилинейное общество, еще сохраняющее табу «теща/зять», повидимому, как пережиток.

Мы уже видели, что табу «теща/зять» являлось самым важным, так как оно препятствовало кровосмешению отцов с дочерьми. Фактически табу «теща/зять» и табу «отец/дочь» дополняют друг друга.

Если мы представим себе, что современные двухродовые общества развились из более примитивных форм, имевших еще более слабое понятие об отцовстве, то станет ясно, что для них табу «теща/зять» должно было иметь еще большую важность. Даже в настоящее время обычай меняться женами, ссужать их, при полном незнакомстве с механизмом зачатия, делает систему родов чрезвычайно важной для туземных орд защитой от возможного кровосмешательства (incest).

Мы уже видели, как табу «зять/теща» превратилось в твердый закон при образовании четырехродового матрилинейного общества на слиянии двух двухродовых. Другим путем превращения табу «теща/зять» в твердый закон является переход матрилинейного общества в двухродовое патрилинейное. Непосредственный результат этого был бы регрессом, так как женщины стало бы возможно иметь кровосмесительные отношения со своим свекром, а в маленьком обществе свекор легко мог бы оказаться родным братом родной матери. Если бы табу «теща/зять» оставалось в полной силе, как дело и обстоит в патрилинейных ордах в Австралии, то население по всей вероятности начало бы

¹ Братья свекрови называются «рамба»; «яла» — это теща, зять. — *Ред.*

² Дальше нами выпущено несколько фраз, в которых довольно туманно сравнивается терминология этих двух племен. — *Ред.*

вырождаться. Кровосмешение «мать/сын» в патрилинейном обществе не имело бы места благодаря древнему запрету, а также благодаря тому, что дети знают свою родную мать. Сестры матери все еще оставались бы возможными мачехами, а их дети — возможными сводными братьями и сестрами.

Эта перемена не отменила бы табу близких двоюродных братьев и сестер, так как браки с детьми дяди по матери и тетки по отцу остаются возможными, а деды со стороны матери и бабки со стороны отца все еще считаются старшими кузенами и кузинами.

Ближайший результат перехода от матрилинейного общества к патрилинейному должен был быть катастрофичен; и во избежание этого табу близких двоюродных было превращено в абсолютное табу и возымело своеобразные, но успешные результаты.

[Далее авторы проводят более детальное сопоставление двухродового матрилинейного и патрилинейного обществ. — *Ред.*]

Миф племени уорора

Дж. Р. Б. Лов, рассказывая о туземцах уорора в книге «Лесные люди каменного века в современности», приводит интересный миф о Чилинджа — саранче-богомоле. Чилинджа была когда-то женщиной. У нее была дочка по имени Чилинджа-Кауилинджа. Они обычно ели людей, выщипав у них предварительно усы, бороду и все волосы на теле. Однажды она словила человека и бросила его в свое большое ведро, а сама нырнула в пруд, чтобы достать зеленых водорослей и выложить ими яму для варки. Пока она там ныряла, мужчина вдруг пришел в себя и бросил ее дочь в огонь, а затем убежал к своему собственному племени. Чилинджа выхватила свою дочку из огня и стала ее лизать. Лизала до тех пор, пока та не очнулась, и тогда сама погналась за этим человеком. Человек бежал по скалистой местности, чтобы Чилинджа не могла найти его следы, но Чилинджа была не такая, как обыкновенные люди, и она могла идти по следам только по твердой, а не по мягкой почве. Наконец, человек добежал до своего народа, но Чилинджа гналась за ним по пятам. Его родные побили ее камнями. Тогда она повернула обратно, побежала и превратилась в саранчу-богомол.¹

Вот почему богомол поднимает руки и прижимает их к голове.

Миф этот объясняется следующим образом. Чилинджа и Чилинджа-Кауилинджа изображают древнюю форму материнского рода. Человек, у которого выщипаны все волосы, знаменует вырождение народа. Бросание дочки Чилинджи в огонь мужчиной изображает переход в род отца. Однако идея тещи преследует его каким-то таинственным образом. Обнаружение Чилинджой следов человека на твердой земле обозначает невольное кровосмешительство женщины с братом ее матери. Наконец, то, что Чилинджу отогнали камнями, означает ограничение брака.

Прежде чем покончить с двухродовым патрилинейным обществом, нужно рассмотреть роль и место брата матери.

Мы уже видели, что он является возможным мужем для дочери своей сестры, но это было бы кровосмесительным отношением. Почему же такое общество не ввело табу на брата матери, вместо того чтобы сохранять в качестве пережитка табу «теща/зять»? 

Ответ на этот вопрос был уже отчасти дан, а именно: были введены ограничения брака при помощи полного табу на брак между кузенами.

¹ Насекомое *Mantis religiosa*.

Благодаря этим ограничениям брат матери продолжает быть покровителем детей своей сестры, так же как он это делал в двухродовом матрилинейном обществе. Если ребенок его сестры умирает, то он берет покойника и хоронит его на своей территории, совершенно так, как если бы он принадлежал к его собственному роду. Это тоже пережиток прежнего матрилинейного общества.

[Далее говорится о следах табу «теща/зять» и др. — *Ред.*]

Когда матрилинейное общество превратилось в двухродовое патрилинейное общество, то этим было заложено основание для возникновения первобытного племени (tribe). Когда сливаются два двухродовых патрилинейных общества, то табу на отношения между кузенами превращается в твердый закон. Половины того и другого общества объединяются между собой и образуют экзогамную фратрию.

Рассмотрим два таких общества *AB* и *CD*. Мужчина *A* женится на женщине *C*, и дети будут *AD*. Мужчина *B* женится на женщине *D*, и дети будут *BC*. Скоро весь народ будет или *BC* или *AD*. Наступили все условия для перемены. Половина мужчин и женщин *AD* будут *A*, а другая — *D*. Половина всех мужчин и женщин *BC* будет *B*, а другая — *C*. Мужчина *A* женится на женщине *C*, и его дети будут *A*. Эти дети не могут вступать в брак с людьми из рода *C*, а только с таковыми из рода *B*. Таким же образом мужчина из рода *D* женится на женщине из рода *B*, и его дети будут *D*. Они могут вступать в брак только с людьми из рода *B*. Таким образом, табу двоюродных братьев и сестер превращается в твердый закон, и ближайшим возможным браком становится брак с троюродными.

Такое общество называется племенем (tribe), ибо каждый род ведется прямо и не чередуется (does not alternate) от поколения к поколению.¹ Кроме того, один род каждого из первоначальных обществ становится экзогамным для одного из родов другого, и вместе они образуют экзогамную фратрию. Это раннее (early) образование племени вытекает из раннего превращения матрилинейного общества в патрилинейное.

Таким же образом восьмিরодовое патрилинейное общество образовывалось бы из слияния двух четырехродовых патрилинейных обществ.

Рассмотрим два четырехродовых патрилинейных общества *ABCD* и *EFG*. Мужчины *A* и *D* могут жениться только на женщинах *B* и *C* или *F* и *G*. Мужчины *B* и *C* могут жениться только на женщинах *A* и *D* или *E* и *H*.

Таким образом, *ADEH* превращается в одну четырехродовую фратрию, а *BCFG* — в другую четырехродовую фратрию, и каждая из этих фратрий экзогамна.

Если мужчина *A* женится на женщине *B*, то его дети будут *A* и могут вступать в брак только с родами *F* и *G*. А это только троюродные или четвероюродные кузены. Таким же образом, дети мужчин *D* и женщины *C* будут *D* и могут вступать в брак только с родами *C* или *B*, которые представляют собой троюродных или четвероюродных кузенов.

Такое общество допускает браки между лицами, находящимися в более отдаленном родстве чем двоюродные кузены. На первый взгляд кажется, что допускаются браки простых и двоюродных кузенов (first and second cousin), но более глубокое исследование обнаруживает иные возможности.

[Глава VI «Вопрос отцовства» в переводе опущена. — *Ред.*]

¹ Не разбивается на возрастные классы. — *Ред.*

Глава VII. Последовательность табу и количественные изменения

В предыдущих главах мы разобрали оба первичных, вторичное, третичное и четвертичное табу. Все эти табу относятся к лицам разного пола. Кроме них, однако, существуют еще табу на отношения между родственниками одного пола, особенно между мужчинами. Их называют ответвленными табу (off-shoot taboo), и они проявляются далеко не так резко, как те главные табу, от которых они происходят.

Мужчина — не только табу для его тещи, но ограничиваются и общественные сношения между ним и его тестем. Нужно еще раз подчеркнуть, что туземцы не имеют представления о том, как происходит зачатие. Человек во сне ловит ребенка или получает его из сверкания молний, когда он находится на расстоянии многих миль от своей жены.¹ Те же представления мы встречаем у туземцев, которые мало встречались с белыми. Простое присутствие мужчины или ежедневные обычные встречи между мужчинами и женщинами могут в их понимании вызвать зачатие. Обычно туземцы рассматривают совершение полового акта так же, как они рассматривают принятие пищи и питья. Они не только уступают свою жену или выменивают ее на копья или пищу, но и вообще везде, где ежедневно встречаются взрослые мужчины и женщины, там происходят беспорядочные половые отношения, и это не рассматривается как преступление. Раз разрешены ежедневные встречи, то брачные отношения между людьми дозволенных степеней родства вполне возможны. Поэтому, если бы тесть часто посещал своего зятя, то рано или поздно он мог бы иметь половые сношения со своей дочерью, которая ведь также была бы поблизости. Так же, если бы мужчина часто посещал своего тестя, то рано или поздно он мог бы вступить в половую связь со своей тещей. Туземцы заметили, что если не ограничить общественные отношения между определенными лицами, то состав народа ухудшается, и поэтому человеку на практике приходится избегать не только своей тещи, но и своего тестя.

Согласно Элькину, существует запрещение на отношения между братьями. Он отмечает также, что это явление редкое. Вероятно, это происходит в том случае, когда старший брат избегает младшего брата, который еще живет в своей семье вместе с сестрами.

Таким же образом перекрестно-двоюродные братья избегают друг друга по той же причине, а именно как ответвленное табу на отношения между близкими двоюродными братьями.

[Далее авторы рассматривают различные другие взаимоотношения между разными формами табу. — *Ред.*]

Глава VIII. Образцы туземного общества

В числе этих образцов будут даны более примитивные, а затем и более развитые типы общества. Будет показано, каким именно образом каждое из них согласуется с уже описанным теоретическим обществом. Надо подчеркнуть, что общество никогда не бывает статично, оно всегда находится в состоянии эволюции, и многие из более низких типов содержат предпосылки, которые помогут им перейти на более высокий уровень, как только позволят обстоятельства.

¹ Этот пример взят из работы Лова «Лесные люди каменного века в наши дни». — *Ред.*

Однородное общество

[Авторы далее приводят и подвергают критике имеющиеся в литературе сообщения об австралийских племенах, якобы не знающих никаких экзогамных делений; таковы племена: барда, ларакиа, какаду, науда, яралде, курнаи и др. В действительности эти племена или имеют экзогамные деления, или сведения о них слишком скудны, чтобы сделать определенные выводы. — *Ред.*]

Двухродовое матрилинейное общество

Такие общества существуют в районе озера Эйр в Южной Австралии. Хоутитт, Элькин и другие описали одно из таких обществ — диэри.

[Следует описание брачных обычаев у диэри.]

Пережитки группового брака

Как брак типпа-малку, так и брак пирауру являются пережитками группового брака, некогда практиковавшегося у диэри.

Очевидно, что когда-то все взрослые мужчины одного рода, кроме отцов, были мужьями всех взрослых женщин другого рода, исключая тещ. По мере того, как отцовство сводилось все к меньшему и меньшему числу мужчин, постепенно установилась система группового брака и как последняя ступень перед возложением отцовства на ответственность одного мужчины, стали практиковаться браки типпа-малку и пирауру.

Муж или жена типпа-малку рассматриваются как настоящие муж и жена и родные отец и мать потомства. Муж и жена пирауру рассматриваются как состоящие во второстепенном браке (*secondary marriage*) с мужчиной или женщиной правильной степени родства, причем на это необходимо получение согласия мужа типпа-малку. Однако раз брак пирауру заключен, то он уже является постоянным и связывающим. В отсутствие мужа типпа-малку женщина живет как вторая жена мужа пирауру, однако все ее дети считаются детьми ее мужа типпа-малку.

Раньше чем покончить с двухродовым матрилинейным обществом, надо еще рассмотреть один миф диэри, который приводит Гэсон.

После создания мужчин и женщин матери и отцы, братья и сестры и другие близкие родственники вступали в брак между собой, как хотели (*indiscriminately*), до тех пор пока не выяснились вредные результаты этого. Старики собрались на совет, который завершился обращением с молитвой к Мурамура, доброму духу. Мурамура приказал разделить весь народ на ветви или группы и назвать каждую именем какого-нибудь одушевленного или неодушевленного существа. Членам одной и той же ветви запрещалось вступать в брак между собой. Вероятно, этот миф восходит к однородному обществу на ступени группового брака.

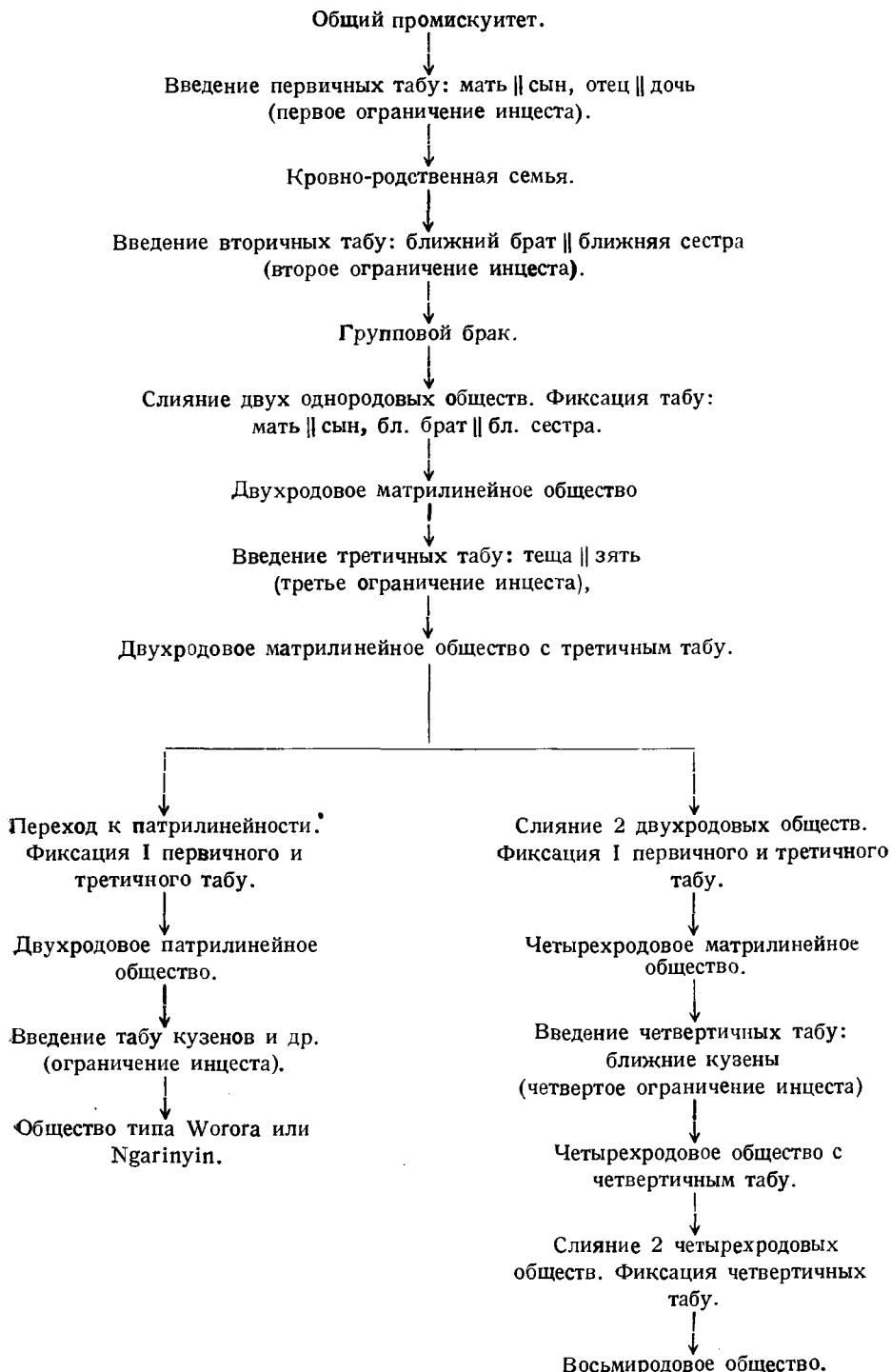
Понимание родов и табу, а также знакомство с этим мифом превращают кровнородственную семью древности из гипотезы в достоверность.

[Далее следует краткий обзор австралийских племен — представителей двухродового патрилинейного, четырехродового матрилинейного, четырехродового патрилинейного, восьмипородового матрилинейного, шестипородового матрилинейного обществ. Последний, необычный тип представлен племенами горы Маргарет в Западной Австралии. — *Ред.*]

[Главы IX «Географическое распределение типов туземного общества в Австралии» и X: «Слияние родов и тотемов» — в переводе опущены. — *Ред.*]

Схема эволюции первобытного общества

(по Jolly and Rose)



Глава XI. Заключение и критика

...В отношении австралийских туземцев мы рекомендуем проводить политику совершенной их автономии, однако под руководством. При этом какое бы то ни было соприкосновение между белыми и черными должно быть строго запрещено. Руководство должно осуществляться антропологами, а отнюдь не такими людьми, как, например, миссионеры или полицейские, чьи цели почти всегда диаметрально противоположны благополучию туземцев. Первые пытаются привить к расшатанным поверьям туземцев негодную форму христианства, а вторые стремятся навязать черному человеку закон белого.

Районы, где проживает большинство туземцев, отличаются очень редким белым населением и имеют очень малую экономическую ценность. Было бы не очень большой жертвой отвести эти районы полностью для туземцев. Начало этому делу было положено, когда туземцам отвели Землю Арнгема. Следом за ней легко можно было бы выделить для них большие пространства земли в Центральной Австралии, Кимберлее и в других частях Западной Австралии.

Правильное руководство подняло бы туземцев, и, пройдя различные стадии эволюции, они могли бы занять свое место рядом с нами в нашем обществе и перестали бы быть обломочным, бросовым человеческим материалом на окраинах цивилизации.

[Рукопись Джолли и Роза заканчивается критикой взглядов Вестермарка и Лоуи, после чего идут схемы развития первобытного общества и примечания. — *Ред.*]

А. Джолли и Ф. Роз.

(Брум, — Западная Австралия)

Значение табу в первобытном обществе

Эта статья ставит своей задачей проследить эволюцию общества от древнейшей семьи доисторических времен до первобытных обществ типа австралийских и прежде всего показать громаднейшее общественное значение табу, т. е. вынужденного избегания определенных лиц, показать, что без введения этого основного закона общественной жизни род *homo sapiens* никогда не поднялся бы выше уровня остальных животных.

Кроме того, если разобраться в исторической последовательности введения отдельных запретов табу, то получается достоверное доказательство теории промискуитета и кровного родства, впервые выдвинутой в конце прошлого столетия великим Льюисом Морганом, который впоследствии стал мишенью для нападок со стороны всяких реакционных антропологов.

Когда человек впервые появился, то самой важной чертой, выделявшей его на особое место из других животных, была его способность согласовывать свои наблюдения (*his power of correlating observations*); и около этого времени он сделал свою первую попытку создать общественный порядок (*a social status*).

Основой первоначального общества была семья. Группа кровнородственных между собой мужчин, женщин и детей ради взаимной защиты селилась вместе. Ввиду скудности своего хозяйства такая первобытная семья, вероятно, никогда не охватывала больше пятидесяти человек. При этом необходимо было преодолеть один инстинкт — мужскую ревность, иначе семья распалась бы на мелкие разрозненные единицы. Так семья стала промискуальной. Эти первобытные люди ничего не знали ни о физиологии половых сношений, ни о зачатии, ни об отцовстве. Современные туземцы Австралии стоят в этом отношении на той же ступени знания. Точно так же сначала они не понимали вредного результата кровосмешательства (*incest*).

При браке отца с дочерью или матери с сыном шансы появления на свет неполноценного потомства, т. е. глухонемых, гермафродитов, детей с перепонкой между пальцами рук или ног или с интеллектуальной дефективностью, другими словами — шансы проявления рецессивного гена, равняются одному к восьми. Именно это и происходило в нашей маленькой первобытной промискуальной семье, и человек сделал наблюдение, что его общество страдает от таких дефективных индивидуумов. Прошел громадный промежуток времени; наконец, ему пришлось в голову, что порода общества улучшилась бы, если бы поколение отцов и матерей было лишено возможности иметь какие бы то ни было

общественные сношения с поколением своих взрослых детей. Морган назвал такое общество кровнородственной семьей.

По необходимости дело должно было затрагивать целое поколение, так как понятие отцовства совершенно отсутствовало, и все дети могли бы быть потенциальными сводными сестрами и братьями и потенциальными пасынками и падчерицами всех родителей, за исключением их собственной матери. Так возникли два первичных табу: табу сношений отца и дочери и табу сношений матери с сыном.

Вероятно, первые термины родства вошли в употребление приблизительно около этого времени. Все дети одного поколения называли ближайшее старшее поколение отцами и матерями, а те в свою очередь считали всех детей коллективно сыновьями и дочерьми. Мужчины и женщины свое собственное поколение, по всей вероятности, коллективно называли мужьями и женами или братьями и сестрами. При этом лица старше на два поколения, т. е. поколение дедов, не оказывались под табу и поэтому также могли быть братьями и сестрами или мужьями и женами. Следы такой терминологии родства имеются в настоящее время у некоторых туземных австралийских обществ.

В течение всего этого периода человек улучшал свои орудия охоты и собирательства. С повышением жизненного уровня росла и численность населения. Первобытная семья, состоявшая из кровных родственников, разрасталась и раскалывалась на местные группы по близости и отдаленности родства.

При браке между родными братом и сестрой рецессивный ген проявляется как один к шестнадцати. Постепенно стало ясно, что члены местной семейной группы близких родственников должны вступать в брак с членами другой местной семейной группы, состоящей с ними в отношениях более отдаленного родства. Это породило групповой брак, при котором мужчины одной семьи коллективно женились на своих сестрах из более отдаленной группы. Признаком группового брака было вторичное табу — табу связи близкого брата с близкой сестрой.

На этой стадии братья и сестры одной и той же группы дифференцировались от братьев и сестер более отдаленной группы введением терминов для мужа и жены, отличных от терминов для брата и сестры. Общество такого типа существовало на Гавайских островах в более развитой форме, ибо муж или жена назывались пуналуа, а не брат или сестра.

Если бы такую семью изолировать на маленьком острове, как Гавайи, то она продолжала бы развиваться, прилагая табу ко все более и более отдаленным братьям и сестрам, до тех пор, пока не была бы достигнута форма брака, приближающегося к моногамии. Точно так же были бы введены новые термины родства, различающие, к примеру, близкую мать (close mother) от отдаленной матери (distant mother) и т. д.

Когда табу существует уже длительное время, то уменьшается суровость его проведения в жизнь, так как для человека делается уже невыносимым жениться, например, на своей родной матери.

Однако здесь влечется любопытное противоречие. Человеку не придет в голову жениться на своей родной матери, ну, а как, например, в отношении отдаленных матерей (distantly related mothers)? Ведь он женится на дочерях этих женщин. Эти женщины не состоят с ним в близком кровном родстве. Однако, если бы он имел с ними половые сношения, то могло бы случиться, что он женился на своей родной дочери от одной из них. Фактически первоначальное табу относится в большей степени к отдаленным матерям, чем к родной или близкой матери.

Как мы увидим в дальнейшем, такое табу является предвестником табу между тещей и зятем. Точно так же, если бы мужчина имел сношения со своей отдаленной дочерью, то могло бы оказаться, что он женился на своей собственной дочери от нее, которая была бы его отдаленной младшей сестрой (различие на два поколения). Таким образом, табу на отношения отца с дочерью должно бы также относиться скорее к отдаленному отцу, чем к близкому.

Рассмотренная до сих пор структура общества базируется целиком на кровнородственных отношениях, т. е. на общем происхождении (*one lineage*).¹

Каждый человек знал свою мать, но не своего отца; поэтому, думая о своем происхождении (*lineage*), он мыслил своего первоначального предка как женщину, а не как мужчину, т. е. этот уклад общества был потенциально матрилинейным.

И вот, если на одном континенте, как Австралия, жило много таких однородных обществ (*one lineage societies*), то между ними возникал и контакт и общественные взаимоотношения. Если представить себе такой контакт в небольшой общине, сотни в две душ, брачующихся между собой, то станет ясно, что в результате вливания новой крови получался лучший человеческий материал, лучшие охотники и собиратели пищи, лучшие воины для борьбы с враждебными обществами.

Когда такое улучшение породы при помощи брака с посторонними продолжалось в течение долгого периода, то оно доходило до сознания. Если два рода (*two lineages*)² жили длительно в близком общении друг с другом, то они начинали постепенно говорить на одном языке и со-обща занимать землю. В то же время дети по обоюдному согласию сохраняли свою материнскую линию, а мужчины и женщины вынуждались законом брать себе жен и мужей вне своего рода (*lineage*). Так возникло двухродовое матрилинейное общество (*two lineage matrilineal society*), состоящее из двух половин, причем каждая половина была экзогамна и члены ее вступали в брак только с членами другой половины.

Предположим существование двух таких матрилинейных родов (*lineages*) и назовем один род Бруму, а другой — Каримба. Мужчина Бруму не мог бы жениться ни на своей матери, ни на своих сестрах, так как они были бы также Бруму. Так, табу «мать/сын» и «брат/сестра» стали бы, если можно так выразиться, нормами закона (*fixed law*). Со-всем другое дело — отношения мужчины Бруму и его «тетки по отцу» из рода Каримба. Она замужем за его «дядей по матери» из рода Бруму, и в то же время по своему происхождению (*lineage*) она является подходящей по закону женой для него самого, так же как и ее дочь, также принадлежащая к роду Каримба, которую мужчина Бруму называет словом «жена» или «кузина». Таким образом, если мужчина имел сношения со своей «теткой по отцу», то он мог легко оказаться мужем своей родной дочери от нее. Поэтому изобретаются новые термины «теща» и «зять». Так рождается третье табу исключительной важности: «теща/зять».

Женщина Бруму могла оказаться подходящей по степени родства (*in the correct lineage*) для замужества со своим родным отцом из рода Каримба, а табу «отец/дочь» оставалось незакрепленным (*unfixed*).

Если бы общество долгое время продолжало оставаться двухродовым (*two lineage*), оно все же продолжало бы развиваться, и так же

¹ Английский термин «*lineage*» означает буквально: «линия происхождения», «родословная линия», «генеалогия»; мы переводим его здесь словом «происхождение». Но в дальнейшем изложении авторы употребляют слово *lineage* скорее в смысле «род», и мы будем переводить его этим термином. — *Ред.*

² См. предыдущее примечание. — *Ред.*

как в однородном обществе произошла дифференциация между близкими и отдаленными матерями, так и в двухродовом обществе близкая теща стала бы обозначаться иным термином, чем дальняя, и близкий отец иным, чем дальний. В каждом таком случае это табу сильнее подчеркивалось применительно к дальнему родственнику и меньше по отношению к близкому, брак с которым и без запрета казался немыслимым.

Вот по существу простое объяснение табу «тещи/зятя», о котором написаны уже многие томы, начиная с фрейдовских идей о половой психологии, вестермарковских соображений о половой скромности и кончая точкой зрения, что это пережиток брака умыканием. Все это только бесплодная трата мыслей и бумаги.

В двухродовом обществе человек вступает в брак со своей двоюродной сестрой или братом, которые называются теми же терминами, как муж или жена. В этих случаях необходимо появление нового термина родства, по мере того как развивается общество. Совершенно так же как оно дифференцировало близкую тещу от отдаленной тещи, так оно отличает близкую кузину от отдаленной кузины. Другими словами, мужчина из рода Бруму не женится на дочери своей близкой тещи из рода Каримба, т. е. на своей двоюродной сестре, но только на девушке из того же рода Каримба, которая является дочерью отдаленной тещи, т. е. на такой девушке, к которой относится термин жена.

В браках между двоюродными братьями и сестрами шанс проявления рецессивного гена равен 1 : 24. Это приводит нас к четвертичному табу, которое запрещает близкое (intimate) социальное общение между близкими двоюродными братьями и сестрами — членами разных родов.

Мы уже видели, что в матрилинейном двухродовом обществе табу «мать/сын» и табу «брат/сестра» сделались постоянными законами (fixed law) или воплотились в новом законе экзогамности родов. Ввиду этого эти табу стали только символическими (of a token observance), а незаконные табу «отец/дочь» или «теща/зять» соблюдаются столь же строго, как и прежде. Таково положение подобных обществ в Австралии в настоящее время.

Это подводит нас к следующему или к четырехродовому (four lineage) матрилинейному обществу. Представьте себе два двухродовых общества, живущих бок о бок. Назовем одно из них Бруму и Каримба, а другое — Бунака и Бадиджари. Они вступают в социальный контакт, и между ними начинают происходить браки. Через продолжительное время они будут иметь один язык и общую территорию. Если в таком случае мужчины или женщины из рода Бруму вступали в брак с мужчинами и женщинами Бунака из другого общества, то они бы имели двойной выбор супругов, т. е. или Бунака или Каримба. Каримба, мужчина или женщина, таким же образом имели бы двоякого типа выборы супругов, т. е. мужчин или женщин Бруму или Бадиджари. Другими словами, мужчины или женщины из рода Бруму рассматривали бы мужчин и женщин Бунака, как Каримба, а мужчин и женщин Бадиджари — как Бруму. И вполне естественно, что мужчины и женщины Каримба рассматривали бы Бадиджари, как Бруму, а Бунака — как Каримба. То же относится к Бадиджари и Бунака. Они будут рассматривать Бруму и Каримба как вариацию самих себя.

Когда слияние (fusion) закончится, то весь народ будет иметь по два матрилинейных предка вместо одного, т. е. или Бруму и Бадиджари, или Бунака и Каримба.

Оставалось бы сделать только простой шаг, чтобы фиксировать табу между тещей и зятем и табу между отцом и дочерью. И вот как это,

вероятно, происходило. Закон принуждал мужчин и женщин Бруму вступать в брак только с мужчинами и женщинами Бунака. В то же время все дети женщин Бруму стали бы называться Бадиджари, а не Бруму, и наоборот. А дети из рода Каримба назывались бы Бунака, а не Каримба, и наоборот. Таким образом, если я мужчина из рода Бруму, то моя жена была бы Бунака, а теща Каримба, т. е. она не подходила бы под категорию тех родственников, с которыми брак разрешается; или, если бы я была женщина Бруму, то мой муж был бы Бунака, а мой отец — Каримба. Так он опять-таки был бы недозволенной для брака степенью родства.

Теперь остается незакрепленным (unfixed) только одно табу: табу браков между близкими кузенами, так как муж и жена являются отдаленными кузенами и ближние кузены находятся на той ступени происхождения, на которой брак дозволен.

Если два четырехродовых общества сливаются (fused), то мы получаем восьмиродовое матрилинейное общество. В таком обществе каждый индивидуум имеет 4 общих предка по линии матерей. Введением этих законов с браке и о счете происхождения (lineage) табу на брак с кузеном из того же рода превращается в постоянный закон (fixed law). Теперь возможным супругом или супругой остается только троюродный кузен (a second cousin) соответствующего рода. Шансы появления рецессивного гена при таком браке только 1:112.

Во всех этих типах обществ известное количество близких братьев является фактически или потенциально мужьями некоторого числа близких сестер, причем каждая группа находится в отдаленном родстве друг с другом. Среди австралийских туземцев, хотя на первый взгляд каждый человек имеет одну или несколько жен, однако все его близкие братья могут иметь более или менее свободное половое общение с этими женщинами. По мере развития общества в сторону моногамии постепенно половые сношения начинают ассоциироваться с зачатием, и его понимание выражается во введении пятеричного табу или табу на брак между зятем и невесткой (brother-in-law/sister-in-law taboo). Это последнее из всех табу, и оно возлагает отцовство на ответственность одного человека.

Понимание значения полового акта открыло также дорогу для всевозможных других перемен, например, как общий переход от материнского рода (mother lineage) к отцовскому роду (father lineage). Таким образом, конечно, пятеричное табу сделалось очень важным. Мы фактически до настоящего времени имеем пережитки его в некоторых наших религиозных общинах (churches), запрещающих брак мужчины с сестрой его покойной жены или женщины с братом ее покойного мужа. В некоторых обществах Азии и Африки это табу еще весьма важно. И все это имело своей целью прежде всего возложить отцовство на ответственность одного человека.

Большинство этих типов общества продолжает бытовать в среде австралийских туземцев и в настоящее время. Это — однородовые, двух-четырех- и восьмиродовые матрилинейные общества. Продолжают также существовать и первые четыре табу.

Для примера возьмем народ нюль-нюль, живущий по берегу залива Бигль-бэй в северо-западной Австралии. Он распадается на четыре матрилинейных рода: Бруму, Бунака, Каримба и Бадиджари, брачные законы которых изложены выше. У них существует также миф о том, что когда-то, давным-давно Бруму и Каримба составляли одно общество, а Бунака и Бадиджари составляли другое. У них живы еще четкие табу: «дальняя теща/дальний зять», «дальний отец/дальняя

дочь». Эти запреты стали твердым законом. Табу «брат/сестра» имеет только символическое (token) значение. Табу «мать/сын» совершенно исчезло, но табу между близкими двоюродными братьями и сестрами ярко выражено. Общества однородовые, подобные тем, которые сохранились на Гавайских островах,¹ сохраняют еще в полной силе табу «мать/сын». Вероятно, это относится также ко всем сохранившимся однородовым обществам в Австралии. Но до сих пор авторы не имели возможности проверить это на месте.

Первыми сделали шаг по пути введения пятеричного табу туземцы острова Гроут-Эйланд. В общем оно существует, но не очень точно соблюдается. Насколько авторам известно, это племя является единственным, которое понимает взаимоотношение между половым актом и зачатием.

Имеется много свидетельств слияния (fusion) племен, и самым ярким свидетельством является то, что это слияние фактически происходит и в настоящее время. Дадим два примера: в северо-западной Австралии (Порт Джордж и Уалкот Инлет) живут племена уорора и нтариныи. Это два отдельные общества, говорящие на различных языках. Каждое из них распадается на два рода (lineages). Они находятся в той стадии, когда мужчины и женщины Бруму могли вступать в брак с мужчинами и женщинами Каримба или Бунака, как в приведенном выше примере.

У Каледонской бухты живет восьмиродовое общество, в котором слияние произошло полностью, но оба первоначальные четырехродовые общества продолжают еще говорить каждое на своем особом языке.

Современные антропологи, говоря о дву-, четырех- и восьмиродовых обществах, называют входящие в них роды (lineage) половинами (moities), секциями или подсекциями, подразумевая, что внутри обществ произошло деление. Это, конечно, совершенно ошибочно. Мы имеем не подразделения, а объединения родов (lineages which have fused).

Все теории о табу «теща/зять» становятся смешными, если учесть настоящую последовательность (sequence) этого табу; это объяснение просто, как дважды два—четыре. У цивилизованных и нецивилизованных народов по всему миру можно найти еще более важные пережитки этого табу.

Когда Морган изложил свои теории всеобщего промискуитета, кровнородственной семьи и группового брака, то это вызвало такую бурю нападок, которую можно сравнить только с озлоблением, вызванным книгой Дарвина «Происхождение видов». Однако здесь, в Австралии, мы находим все эти три стадии, переходящие непосредственно одна в другую, а также пережитки и мифы о групповом браке. При этом все табу полностью имеются налицо, и некоторые из них все еще выполняют свое полезное назначение. Морган, как и Дарвин, был в основном прав, и давно пора поставить Моргана на подобающее место рядом с его великим современником.

¹ Авторы следуют здесь ошибочному мнению Моргана о примитивности населения Гавайских островов, которое в действительности стояло на гораздо более высокой ступени развития, ибо на Гавайских островах существовало резкое деление на классы и сословия и складывалось государство. См. также сноску 1 к предыдущей статье Джолли и Роз (стр. 195). —Ред.

М. Г. Левин

К антропологии эскимосов

(По поводу книги „Catalogue of human crania in the United states National Museum Collections. Eskimo in general“. By Aleš Hrdlička. Washington, 1942)

Вопросу о происхождении эскимосов посвящена очень большая литература соответственно тому значению, которое имеет этногенез эскимосов для решения таких общих антропологических и этнографических проблем, как проблема генезиса отдельных вариантов монгольского расового типа, проблема этно-расовых взаимоотношений Северной Азии и Америки, проблема заселения Нового Света и др.

Антропологическая литература по эскимосам сравнительно богата серьезными исследованиями, в том числе и специально краниологическими, принадлежащими главным образом американским и датским антропологам. Появление новой работы проф. Грдлички по краниологии эскимосов вносит значительные дополнения в эту область. Работа содержит индивидуальные данные по огромной коллекции эскимосских черепов, включающей серии из разных районов расселения эскимосов (преимущественно западных) и насчитывающей свыше 2200 номеров. Большим достоинством работы является то, что все серии изучены лично самим Грдличкой и, таким образом, не оставляют желать лучшего в отношении унификации методики. К сожалению, программа краниологических исследований Грдлички не содержит вовсе описательных признаков, имеющих, особенно для дифференциации типов внутри больших рас, очень большое диагностическое значение; да и в отношении измерительных признаков программа недостаточно полна; так, в ней отсутствует угол выступления носа (признак, очень чувствительный в расово-диагностическом отношении), симметрический указатель, предложенный Мережковским и нашедший широкое применение в работах советских антропологов, измерительные признаки для характеристики горизонтальной профилировки и некоторые другие.

Но и при краткости программы материал дает основания для пересмотра некоторых наших представлений о краниологическом типе эскимосов. Значение краниологических материалов по эскимосам возрастает еще в связи с тем, что имеющиеся данные антропологического изучения на живых не только количественно уступают краниологическим материалам, но из-за недостаточной унификации методики не всегда сравнимы. Краниологический материал позволяет не только более унифицировать методику, но в некотором отношении имеет и специфическую ценность для расовой диагностики, так как позволяет учитывать признаки, недоступные при исследованиях на живых. Особое значение краниологические исследования получают тогда, когда

имеется возможность сравнения современного и ископаемого материала, что имеет место в нашем случае.



Среди эскимосов на огромной территории их расселения принято выделять два антропологических типа: западный и восточный.

Западный, распространенный среди эскимосов Аляски, на острове св. Лаврентия и среди азиатских эскимосов, характеризуется по сравнению с восточным типом более высоким черепным указателем, менее высоким черепом и более широким носом; восточный, распространенный у центральных эскимосов (Лабрадор, Баффинов залив) и у эскимосов Гренландии, отличается резкой долихокранией, высоким килеобразным черепом и узким носом.¹

По вопросу о взаимоотношении западного и восточного типов эскимосов и их генезисе в литературе существуют две противоположные точки зрения. По мнению Грдлички,² более древним является брахицефальный тип. Этот тип, сохранившийся у аляскинских эскимосов, претерпел, по мнению Грдлички, у восточных эскимосов значительные изменения вследствие приспособления к условиям арктического моря. Этот взгляд согласуется с общей концепцией Грдлички, по которой эскимосы, палеазиаты и индейцы Северо-Западной Америки антропологически весьма близки и представляют собой ответвления одного и того же расового ствола.

Противоположная точка зрения, особенно полно развитая в работах Дженнесса,³ рассматривает в качестве древнего протоэскимосского типа долихоцефальный тип восточных эскимосов. Согласно этой гипотезе, более 2000 лет назад эскимосы с высоким узким черепом распространились из Северной Аляски на восток и в свое время достигли Гренландии. В Гренландии, вполне удаленной от внешнего контакта, они сохранили свой тип лишь с небольшими изменениями. В Аляске они были поглощены более круглоголовым типом и кроме древних остатков, таких, как у мыса Барроу, не оставили никаких следов своего присутствия, за исключением смешанной группы на полуострове Сьюарда.⁴ Дженнесс указывает, что, согласно лингвистическим данным, зона вокруг Берингова моря должна считаться центром распространения эскимосских языков и что археологические материалы подтверждают прямую миграцию из Северной Аляски по направлению на восток. Теория приспособления к арктическому климату, развиваемая Грдличкой по отношению к западным эскимосам, как указывает Дженнесс, неосновательна уже и потому, что климат и условия окружения на Аляске не столь уже разнятся от таковых же в восточных районах, и это объяснение приходится отвергнуть, если даже принять сравнительно быстрые изменения расовых признаков под влиянием внешних условий.

Особняком стоит точка зрения, высказанная Боасом, который считает, что различия в антропологическом типе разных групп объяс-

¹ Мы касаемся только краниологических признаков. Западный тип, как известно, характеризуется по сравнению с восточным и более высоким ростом.

² Hrdlička, Anthropological Survey in Alaska. 46 Ann. Rep. of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1930.

³ D. Jenness. The problem of the Eskimo. In: The American Aborigines, their Origin and Antiquity. Toronto, 1933. Библиографию по данному вопросу см. А. М. Золотарев. К вопросу о происхождении эскимосов. Антропол. журнал, № 1, 1937.

⁴ Jenness, цит. соч., стр. 373.

Данные о черепах эскимосов

№№ по порядку	Территория	Пол и количество	Продольный диаметр	Поперечный диаметр	Высотный диаметр	Черепной указатель	Высота лица	Скуловая ширина	Личевой указатель	Длина (endobasion prealeolare)
1	Древние погребения района Барроу . . .	♂ 52	191.1	134.2	142.1	70.3	77.8	141.8	54.9	104.9
		♀ 44	180.2	127.3	132.8	70.6	71.3	131.4	54.7	101.1
2	Современные погребения мыса Барроу . .	♂ 49	187.4	138.4	137.8	73.9	78.6	142.6	55.1	103.9
		♀ 52	179.1	133.2	130.3	74.4	72.2	130.6	55.3	97.7
3	О-в св. Лаврентия, Гэмбелл. Древние погребения	♂ 5	185.0	134.6	133.6	72.8	73.4	137.2	52.6	102.5
4	Там же. Поздние погребения	♂ 14	183.4	140.9	136.8	76.9	81.0	141.3	57.7	106.5
5	О-в св. Лаврентия, Кукулик. Древние погребения	♂ 3	185.3	142.3	139.7	76.8	76.3	140.0	56.1	105.5
6	Там же. Поздние погребения	♂ 8	181.5	140.3	139.5	77.3	77.8	137.0	56.9	104.3
7	Мыс Хон. Древние погребения	♂ 32	184.4	140.9	141.1	76.4	77.1	143.8	53.9	105.2
		♀ 26	179.8	134.5	134.1	74.8	72.1	133.4	54.2	101.2
8	Там же. Поздние погребения	♂ 131	184.0	138.6	139.0	75.3	75.2	143.1	52.5	103.1
		♀ 92	175.7	134.3	132.0	76.4	70.6	133.2	53.1	97.2

няются смешением как восточных, так и западных эскимосов с индейцами, тогда как наиболее чистый эскимосский тип представлен в центральном районе Арктики. Однако, как показал Грдличка, этот взгляд не находит себе подтверждения в данных позднейших исследований. Тип центральных эскимосов ни в какой степени не обнаруживает черт более чистого типа по сравнению с западными и восточными эскимосами. Эскимосы разных районов различаются между собой не по их сходству с индейцами, а рядом специфических черт. Отсутствие сношений между эскимосами и соседними индейскими племенами также противоречит взгляду Боаса. Так, в наиболее выраженном виде западный и восточный типы представлены в Гренландии и на острове св. Лаврентия, т. е. в таких районах, где меньше всего можно ожидать смешения с индейцами. И наконец, как указывает Грдличка, ни западные, ни восточные эскимосы не обнаруживают каких-либо признаков гетерогенности, а, наоборот, представляют собой наиболее гомогенные в антропологическом отношении группы, что опять-таки говорит против метисации.

Таблица 1

древних и поздних погребений

Длина (endobasion subnasale)	Длина (endobasion nasion)	Лицевой угол	Альвеолярный угол	Высота орбиты (левой)	Ширина орбиты (левой)	Орбитный указатель	Высота носа	Ширина носа	Носовой указатель	Длина неба	Ширина неба	Небный указатель
93.7	106.8	70.0	56.2	35.9	39.7	90.6	54.6	23.7	43.4	55.8	66.3	84.3
90.7	101.5	69.9	55.2	35.7	38.7	92.4	50.8	22.9	45.2	53.5	62.4	85.7
92.3	105.4	69.0	55.9	36.2	40.1	90.2	54.8	23.1	42.2	56.3	64.7	86.9
87.3	99.4	69.0	55.0	35.5	38.8	91.5	51.1	22.9	44.9	52.5	60.1	87.4
91.2	101.0	67.9	53.6	34.3	38.8	88.4	51.4	24.1	46.9	55.2	63.0	87.7
91.2	101.6	63.1	52.3	36.8	40.2	91.4	54.8	24.6	45.0	56.0	68.6	83.1
95.0	105.0	67.8	57.5	37.3	39.8	93.7	53.7	24.5	45.6	55.3	65.3	84.7
92.6	105.1	68.7	55.3	35.8	39.7	90.2	54.2	24.3	44.8	54.9	66.6	82.4
92.9	106.4	69.5	54.9	35.7	40.2	88.8	54.3	24.4	44.9	54.0	64.8	84.0
89.8	101.7	68.9	53.6	35.5	39.4	90.2	50.8	22.9	45.0	55.0	63.6	86.5
92.8	104.9	70.0	57.0	36.4	40.2	90.5	53.6	23.9	44.6	55.5	65.4	84.9
87.2	98.9	70.0	56.5	35.4	38.9	91.2	50.4	22.8	45.3	52.1	61.9	84.3

Для решения вопроса о соотношении брахицефального и долихоцефального типов эскимосов огромный интерес представляет опубликованный в последние годы палеоантропологический материал из раскопок на Аляске, островах Берингова пролива и, в первую очередь, находки на мысе Барроу. Здесь в 1917—1919 гг. были обнаружены древние погребения (old igloos), датируемые началом нашего летоисчисления. Данные о черепах, найденных в указанных погребениях, были опубликованы Грдличкой.¹

Череп из древних погребений (old igloos) высокие, узкие и длинные, с очень низким черепным указателем. Они близки, по мнению Грдлички, к лабдорско-гренландскому типу, но выявляют черты этого типа в еще более резкой степени.

Грдличка склонен рассматривать древние черепа мыса Барроу как результат миграции в этот район небольшой группы или с юга (с полуострова Сьюарда), или с востока. Эта группа затем исчезла или в резуль-

¹ Hrdlička, Anthropological Survey in Alaska, стр. 318 и сл.

Данные о черепах эски

№№ по порядку	Территория	Количество	Продольный диаметр	Поперечный диаметр	Высотный диаметр	Черепной указатель	Вместимость	Высота лица	Скуловая ширина	Лицевой указатель	Длина (endobasion prealeolare)
1	Great Western Rivers, with Intermediate Coasts and Islands . .	135	182,3	141,1	136,0	77,4	1 505	77,5	140,8	55,2	102,6
2	Northeastern Bering Sea . . .	76	187,6	141,1	137,3	75,2	1 508	79,0	142,8	55,3	105,8
3	Seward Peninsula . .	110	186,8	137,6	138,6	73,6	1 489	77,9	141,5	55,2	105,4
4	St. Laurence, Punnuk Islands . .	231	183,9	141,4	137,3	76,9	1 465	78,4	141,5	55,5	104,7
5	Diomed Islands and Northeastern Asia . . .	23	185,4	142,5	137,2	76,9	1 470	78,3	141,6	55,8	104,3
6	Point Hope . . .	163	184,1	139,0	139,4	75,6	1 475	75,6	143,3	52,7	103,5
7	Barrow Region . .	35	189,6	137,8	137,7	72,6	1 545	77,5	142,9	54,3	105,1
8	Point Barrow and Nixerak	75	187,2	138,9	137,3	74,2	1 544	78,2	142,1	55,0	104,3
9	Northern and Northeastern Eskimo	43	189,1	140,2	139,1	74,1	1 555	76,7	143,5	53,5	104,9
10	Greenland	52	190,1	136,2	139,3	71,6	1 527	76,0	140,2	54,2	105,5

тате вымирания, или в результате поглощения ее брахицефальными элементами. Такое решение вопроса, несомненно, продиктовано общей концепцией Грдлички, который рассматривает брахицефальный тип как тип более древний.

Против взгляда Грдлички, говорят, как указывает Дженнесс,¹ данные археологии: культурные остатки древних погребений мыса Барроу не имеют параллелей на востоке и связаны с Аляской.

В рассматриваемой нами работе опубликованы данные не только по погребениям мыса Барроу, но и очень интересные материалы из раскопок в других районах. К сожалению, Грдличка не дает точной датировки и ограничивается указанием на «древние» и «поздние» погребения. Особенно интересны данные по черепакам из раскопок Коллинза на острове св. Лаврентия.

В работе Коллинза² имеется указание на черепа, связанные с так называемой культурой Берингова моря и характеризующиеся резкой долихокранией. Повидимому, черепа из «древних погребений» должны быть отнесены сюда. Данные о черепаках древних и поздних погребений приведены в табл. 1.

¹ Jenness, цит. соч., стр. 377.

² Henry Collins. Archeology of St. Lawrence Island, Alaska. Smithsonian Miscellaneous Collections, v. 96, № 1, 1937.

Таблица 2

мосов разных районов (♂)

Длина (endobasion subnasale)	Длина (endobasion nasion)	Лицевой угол	Альвеолярный угол	Высота орбиты (правой и левой)	Ширина орбиты (правой и левой)	Орбитный указатель	Высота носа	Ширина носа	Носовой указатель	Длина неба	Ширина неба	Небный указатель
91.0	103.8	68.8	55.6	36.0	40.0	90.0	54.2	24.1	44.6	54.9	66.1	83.0
94.2	108.2	68.0	57.5	36.5	40.5	90.1	54.0	23.4	43.3	56.4	67.5	83.5
93.9	106.2	68.6	54.9	36.5	40.6	90.0	54.1	23.6	43.6	57.5	68.2	84.3
92.9	103.9	67.6	57.7	36.7	40.2	91.3	54.4	24.6	45.3	56.1	67.5	83.1
93.0	104.9	67.2	55.7	36.7	40.5	90.6	54.9	24.9	45.4	55.7	66.1	84.3
92.8	105.2	69.9	56.0	36.2	40.4	89.7	53.8	24.0	44.7	55.3	65.3	84.3
93.8	106.2	70.3	58.9	35.5	40.7	87.1	54.7	24.4	44.6	56.3	65.4	86.1
95.8	105.7	69.0	55.7	36.2	40.3	89.9	54.8	23.4	42.8	56.2	64.6	86.9
93.3	106.4	69.9	55.8	36.1	40.4	89.1	54.0	23.0	42.7	56.9	67.9	83.9
93.3	106.0	69.6	55.2	36.6	40.0	91.7	52.5	22.7	43.3	56.5	66.1	85.5

Приведенные данные указывают на более широкое в прошлом распространение долихокранного типа и являются решающим аргументом в пользу большей древности этого типа по сравнению с мезокефальным, так называемым западным типом.

Но если рассмотренные материалы в этом важном выводе подтверждают уже ранее высказывавшееся мнение о большой древности долихокранного типа, то по отношению к диагностике этого типа вопрос нуждается в пересмотре.

Сравнение более древних и более поздних черепов показывает, что за исключением черепного указателя обе группы чрезвычайно близки друг к другу. Если в серии с мыса Барроу можно отметить уменьшение высотного диаметра в более поздних черепах, то черепа с острова св. Лаврентия дают обратные соотношения. Носовой указатель обнаруживает уменьшение во времени, но различия столь малы, что они не могут быть признаны реальными. Можно отметить некоторое повышение лицевого указателя (за счет увеличения высоты лица), но и в этом признаке различия очень незначительны.

К оценке различий мы вернемся ниже.

Данные по измерительным признакам черепов разных районов приведены в табл. 2. Нельзя не согласиться с Грдличкой, что вся эта серия в целом характеризуется большой однородностью и заметные вариации касаются лишь черепного указателя. И наиболее узкоголо-

вый, и наиболее широкоголовый типы, — пишет Грдличка, — визуально и по большинству метрических признаков являются истинными эскимосами и не могут быть разделены как различные расовые компоненты.¹

Как указывалось уже, восточный тип принято характеризовать как более высокоголовый и узконосый. По отношению к последнему признаку это представление надо признать неправильным; но и в отношении высотного диаметра можно говорить разве лишь о некоторой тенденции к его повышению у более долихокраних групп, тенденции, далеко не обнаруживающей строгой закономерности.

Анализ рассматриваемых материалов показывает, что и территориально так называемые западный и восточный типы нельзя представлять себе как строго разграниченные. Западный тип встречается в различных пунктах далеко за пределами основного района распространения, восточный тип также представлен и на западе, особенно на полуострове Сьюарда. Как западные, так и восточные группы эскимосов обнаруживают очень значительные различия по черепному указателю. Так, среди эскимосов Аляски он варьирует от 78.9 (Nushagak River, Ноорег Бай) до 72.4 (Golovin Bay); среди центральных эскимосов — группы Гудзона залива и пролива Смита имеют указатель 75.1 и 75.8.

Если признать, как мы это сделали, долихокраний тип более древним,² то, естественно, встает вопрос о том, как объяснить смену его мезокефальным. Мы указывали уже на те возражения, которые встречает взгляд Боаса о смешении эскимосов с отдельными индейскими группами.

Теоретически наиболее вероятным представляется предположение о примеси к древнему долихокранному эскимосскому типу брахикраничного типа, связанного с более поздней волной переселенцев из Азии в Северную Америку. В пользу этого предположения можно было бы привести географическое распространение черепного указателя — затухание брахикефалии с запада на восток.

Очень соблазнительно видеть представителей этой позднейшей брахикефальной волны в алеутах, культурная и лингвистическая близость которых к эскимосам стоит в таком противоречии с различием в их антропологическом типе.

Однако такое предположение встречает серьезные препятствия. Мы указывали выше, что поздние черепа обнаруживают очень большое сходство с более древними по всем основным признакам кроме черепного указателя и что если говорить о различиях, то следует отметить некоторое понижение носового указателя и увеличение высоты лица в мезокефальной группе.

Череп же алеутов³ помимо брахикефалии (указатель 81,1) и очень малого высотного диаметра (127,05) характеризуются сравнительно низким лицом (71,97) и более высоким, чем у эскимосов, в среднем носовым указателем (45,04).

Можно было бы продолжить наши поиски гипотетического второго, брахикефального компонента среди других расовых типов Азии. Однако

¹ A. Hrdlička. Catalog of Human Crania, p. 421.

² Грдличка в очень кратком общем заключении не склонен признать большую древность долихокраничного типа и рассматривает оба типа как синхронные варианты одного расового ствола, возникшие под влиянием геофизических условий и разделенные уже к моменту проникновения их в Америку, где более широкоголовый вариант распространился преимущественно на юго-запад, длинноголовый — на север и северо-восток (Catalogue of Human Crania, p. 421).

³ Т. Я. Токарева. Материалы по краниологии алеутов. Антропол. журнал, № 1, 1937.

морфологический анализ обнаруживает отсутствие сколько-нибудь реальных различий между древними и поздними эскимосскими черепами помимо черепного указателя. Справедливость такого же заключения и по отношению к так называемым западному и восточному типам современных эскимосов заставляет искать другое объяснение. Весьма вероятно, что смена долихокранного типа мезокранным является результатом эпохальной изменчивости, следствием процесса брахицефализации.

Эпохальная изменчивость черепа изучена еще крайне недостаточно, равно как и факторы брахицефализации. Однако накопленный антропологией материал позволяет считать брахицефализацию явлением очень широко распространенным и протекающим (по неизученным еще причинам) неравномерно в различных районах. Различие в интенсивности этого процесса при очень значительной изоляции отдельных групп эскимосов может быть привлечено для объяснения, хотя бы частично, тех локальных вариаций в черепном указателе, которые с большой полнотой выявляет рассматриваемый материал.

А. И. Андреев

Неизвестный труд А. Н. Радищева о Сибири

8 сентября 1790 г. А. Н. Радищев был отправлен в ссылку в Илимск. Благодаря хлопотам и заступничеству гр. А. Р. Воронцова во всех городах на пути к Иркутску Радищев встречал радушный прием со стороны местных властей. 25 октября 1790 г. он прибыл в Тобольск и оставался здесь до 30 июня 1791 г.¹

В этом городе благодаря содействию тогдашнего тобольского губернатора А. В. Алябьева, его старого друга,² Радищев имел полную возможность ознакомиться со многими материалами о Сибири, через которую ему предстояло ехать.

Пользуясь известной свободой, Радищев вошел в общение с местным тобольским населением и от него получил много ценных сведений о природе, населении, экономике и т. п. обширной Сибири. В письме А. Р. Воронцову из Тобольска от 15 марта 1791 г. он, между прочим, писал: «Время моего здесь пребывания, по возможности, стараюсь употребить себе в пользу приобретением беспристрастных о здешней стороне сведений».³ Позднее в одном из писем к тому же А. Р. Воронцову Радищев отмечал, что у него с юных лет была страсть к дальним путешествиям и ему давно хотелось познакомиться с Сибирью.⁴ Естественно, что, попав в Сибирь, хотя и на положении невольного путешественника, Радищев принялся за ее изучение.

Уже в дороге, начиная с Казани, Радищев стал вести дневник, записывая в нем свои наблюдения и впечатления, — среди них немало таких, мимо которых не пройдет вдумчивый исследователь тех мест и народов; тот же исследователь привлечет и другой источник, оставшийся от этого сибирского путешествия Радищева, — его письма, в которых много материалов, ценных для этнографа и историка.

Во время более чем семимесячного пребывания в Тобольске Радищев изучал печатные труды о Сибири Гмелина, Палласа, Лепехина, Лессепса и др. Он предпринимал самостоятельные розыски полезных ископаемых в окрестностях Тобольска и производил естественно-научные наблюдения и опыты. Насколько серьезно и внимательно подходил Радищев к поставленной задаче, можно судить на основании того же письма

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч. под ред. проф. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева, т. II, СПб., б. г., стр. 361.

² Некоторые считают, что он был адресатом «Письма к другу, жительствующему в Тобольске». А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I. Изд. АН, М.—Л., стр. 461.

³ Архив кн. Воронцова, кн. V, М., 1872, стр. 291.

⁴ Там же, стр. 350.

15 марта 1791 г.: «Если я столь счастлив могу назваться, что в глазах вашего сиятельства я почитаюсь зрителем без очков, то я и ныне тщуся видеть обнаруженно, ни в микроскоп, ни в зрительную трубу. Но, признаюсь, трудно уловлять истину, когда к достижению оной ведут одни только разногласные повествования, изрекаемые обыкновенно пристрастием, огорчением и всеми другими страстями, сердце человеческое терзающими».¹

Помимо печатных материалов Радищев, несомненно, ознакомился в Тобольске и со многими рукописями и в том числе прежде всего с теми, которые давали сведения о современном состоянии Сибири. В группе подобных материалов должно быть поставлено на первом месте «Топографическое описание Тобольского наместничества».

Тобольское наместничество было образовано на основании указа 19 января 1782 г. в составе двух областей: Тобольской и Томской. Позднее (6 марта 1783 г.) было учреждено Иркутское наместничество, ранее их обеих была создана Колыванская область, преобразованная затем в Колыванское наместничество.² В новых сибирских наместничествах на основании сенатского указа 1 ноября 1777 г. были начаты немедленно работы по составлению топографических описаний, программа которых была выработана Академией наук.

Об этих работах мы имеем, к сожалению, только отрывочные сведения. О том, как они производились в Тобольске, мы, в сущности, ничего не знаем. Составленное к 1784 г. «Топографическое описание Тобольского наместничества» не было напечатано и было известно до недавнего времени лишь по той переработке его, которая была сделана посланным на Урал корреспондентом Академии наук И. Ф. Германом. Составленное им на основании «Топографического описания Тобольского наместничества» «Краткое описание Тобольского наместничества» было прислано им в Академию наук в 1786 г. и напечатано в издававшемся ею Месяцеслове на 1786 г., откуда оно было перепечатано в «Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов за разные годы» (ч. VI, СПб., 1790, стр. 148—218). Исследователи, интересовавшиеся Западной Сибирью последних десятилетий XVIII в., обычно пользовались этим трудом И. Ф. Германа, крупнейшего минералога XVIII в., собравшего много материалов об Урале и Сибири, ныне хранящихся в Архиве Академии наук.

Но основной источник Германа для его «Краткого описания», к счастью, сохранился и обнаружен мной в собрании рукописей Всесоюзного Географического общества (разр. 55, «Сибирь», № 47, на 134 лл.). «Топографическое описание 11 уездов Тобольского наместничества 1784 г.» — название рукописи, данное ей в XIX в. и не вполне соответствующее ее содержанию. Она писана на бумаге 1785 г., имеет бумажный знак с этой датой и буквами ТФВК, что обозначает «Тобольская фабрика Василия Корнильева»; значит, рукопись писана на бумаге местного производства.

В рукописи читаем вопросы и ответы на них, касающиеся топографического описания Тобольска и Тобольского уезда, Тары и его уезда («Учинено 1785 г.»), Ишима и уезда, Ялуторовска и уезда («Учинено 10 июня 1784 г.»), Кургана и уезда, Тюмени и уезда, Туринска и Туринского уезда, Сургута и Сургутского уезда, Томска (но без уезда), Ачинска и уезда и, наконец, Каинска и Каинского уезда. Никаких официальных скреп в рукописи нет, и она, очевидно, является копией,

¹ Архив кн. Воронцова, кн. V, стр. 291—292.

² Полн. собр. законов, №№ 14868 и 15680.

сделанной не ранее 1785 г. Повидимому, ко времени снятия копии в Тобольске не было еще получено описание городов: Омска, Березова, Енисейска, Туруханска и Нарыма с уездами; отсутствует в рукописи также описание Томского уезда. Но, во всяком случае, все эти недостающие описания были получены в том же 1785 г. и не позднее 1786 г., как о том можно судить по упомянутому труду И. Ф. Германа, пользовавшегося «Топографическим описанием Тобольского наместничества» в его целом виде и уже в 1786 г. написавшего свое «Краткое описание», охватывающее все города и уезды Тобольского наместничества.

Но теперь можно утверждать также, что «Топографическое описание Тобольского наместничества» послужило основным источником не только для И. Ф. Германа, но явилось одним из источников для труда А. Н. Радищева, написанного им, вероятно, еще в Тобольске и пересланного им гр. А. Р. Воронцову, среди бумаг которого этот труд и хранится.¹ Он, кажется, неизвестен специалистам-литературоведам; полагаю, что он безусловно заслуживает внимания этнографов и историков Сибири.

На основе данных «Топографического описания Тобольского наместничества» и других подобных ему официальных, часто сухих по содержанию, материалов, а также сведений, полученных от местных жителей, и собственных наблюдений Радищев написал труд, в котором проявил тонкую наблюдательность и глубокое понимание многих явлений сибирской жизни. Он останавливается особенно внимательно на положении местных народов, очень подробно описывает торговлю края. В плане построения труда Радищева чувствуется зависимость от «Топографического описания», о времени составления которого говорит одно из примечаний Радищева на полях рукописи. О том, что труд Радищева составлен в Тобольске, красноречиво свидетельствует также имеющееся в нем описание города, которое мог сделать только человек, пробывший в нем не один день и довольно долго наблюдавший местных жителей, с тем чтобы дать им ту тонкую характеристику, которую мы находим в этом труде.

Ко времени пребывания Радищева в Тобольске следует отнести получение им многих материалов о Сибири; они будут использованы им в Илимске при составлении трудов сибирского периода его жизни: «Писем о китайском торге», «Сокращенного повествования о приобретении Сибири» и др.; на них будут основаны также многие ценные его замечания о Сибири в письмах к А. Р. Воронцову и другим 1791 и следующих годов.²

Судя по тем отметкам, которые были сделаны в рукописи А. Р. Воронцовым, замечания Радищева о китайской торговле, имеющиеся в его труде, привлекли к себе особое внимание А. Р. Воронцова и в какой-то степени были использованы им в происходивших в те годы переговорах с китайцами о кяхтинской торговле.

¹ Ленингр. отд. Ин-та истории. Собр. Воронцовых, № 477/438, л. 269—292. Весь труд писан собственноручно А. Н. Радищевым.

² Эти письма Радищева, а также труды сибирского периода, включая «Записки путешествия в Сибирь» и «Дневник путешествия из Сибири», следовало бы издать отдельно с соответствующими комментариями. В качестве приложения к такому сборнику необходимо напечатать также переписку о Радищеве, которую вел А. Р. Воронцов с иркутскими генерал-губернаторами И. А. Пилем и Л. Т. Нагелем в 1790—1797 гг. (об этой переписке см. Литературное наследство, № 9—10, 1933, стр. 441—452).

Описание Тобольского наместничества, составленное А. Н. Радищевым¹

Тобольское наместничество по последнему разграничению начинается от города Тюмени или от Туринска и простирается далеко за Енисейск, склоняясь от запада к юго-востоку, и от Омска до Таймурского залива, склоняясь от юга к северо-востоку. Разделяется оно на две области неравной величины. Первая, то-есть область Тобольская, составлена из десяти округ, а именно: Тобольской, Тюменской, Туринской, Курганской, Омской, Тарской, Ишимской, Сургутской и Березовской. Вторая, то-есть Томская, состоит только из шести округ, хотя пространство ее вдвое больше первой; округи ее суть: Нарымская, Томская, Енисейская, Каинская, Ачинская и Туруханская, или Мангазейская. Все сие пространство земли рассекается на три части большими двумя реками: Обью и Енисеем, протекающими в длину всея губернии от юга к северу (которые) соединяясь с другими большими реками, как то: с Иртышем, Тоболом, Кеттою,² Чулимою, Омью, Турою, Тунгузкою и др., омывают большую часть городов, открывая им легкий путь к внутреннему торгу, который, однако же, весьма мал по причине малого населения и образа жизни жителей. Внешне истечение менее свободно, ибо от Уральского хребта, Сибирь от Европы отделяющего, все реки течение имеют внутрь Сибири и, впадая в Ледовитое море, воспрепятствуют иметь водяное сообщение, и все, что вывозится из Сибири, вывозят гужом на пространстве пятисот верст. Перевоз весьма дорогой и затруднительный для товаров тяжеловесных и громостных. По сей причине многие вещи, которые бы для Сибири источником могли быть богатства, как то: лес, хлеб всякого рода, рыба в реках с избытком, икра, соленое мясо и другие многие вещи, остаются³ мертвыми без рачения и удобрения в земле, их родившей.

Все богатство сего края почитается ныне в мягкой рухляди, весьма посредственной, исключая голубых песцов и белку, которые количеством своим награждают за недостающую их доброту, сала и несколько рыбьего клея, отправляемого в Архангельск с Ирбитской ярманки.

При всей холодности небесныя полосы земные произведения созревают во всей полуденной части сего наместничества, садовые овощи исключая, которые пропадают от стужи, в мае случающейся и застающей их в цвету. Сие⁴ обстоятельство и показывает причину, для чего во всей Сибири пчелы не водятся. Итак, страна сия могла изобиловать всяким хлебом не менее прикосновенных земель к Украине. Пошва всего сего края есть наилучшая. В редких местах нужду имеют в удобрении земли и навозу не знают. Нужнее бы был для тамошних нив песок или глина для умерения чрезмерныя земляныя тучности, но необъятное пространство земель не позволяет земледельцу⁵ разрыскивать, в чем состоит недостаток нивы, им обрабатываемой, и чем оному пособить; по двух или трех жатвах оставляет свое поле и разрабатывает другое, в некотором от прежнего расстоянии. Доселе крестьяне нередко переселялись из одной округи в другую, пытая счастья, и в том им не возбраняли.

¹ В рукописи труд Радищева не имеет заглавия.

² Кеть. (Все примечания к данной статье Радищева, помещенные в виде сносок, принадлежат проф. А. И. Андрееву.)

³ В рукописи: остающиеся.

⁴ В рукописи: сии.

⁵ Далее в рукописи зачеркнуто: думать.

Сие пространство земель, нетрудное¹ оных разрабатывание суть, может быть, главная причина весьма приметной в народе склонности к лени, которая совокупно с пьянством, к которому он весьма пристрастился, нищим почти его сделали тогда, когда он все способы имеет быть богатым. Земли у него более, нежели ему нужно, а обрабатывает недовольно; паствы обширнейшия, а скота в соразмерности оных держит мало; да и о том не имеет попечения, мало оным пользуясь. Питается большою частию грубыми овощами. Множество лесу, а дома почти без крышек. О нем можно сказать, что лучше любит празную лень, нежели трудолюбивой достаток. Слово страда, означающее в их наречии жатву, довольно выражает отвращение его к работе. Может быть, что сия склонность к лени и распутству имеет другия причины, коих начало существует в первых преселениях или происходит от образа управления, до сих пор существовавшего. Но если первые не иначе истребятся могут, как течением времени и введением лучших нравов в будущия поколения, последние исчезнут, конечно, от благодетельности наша великия законодательницы, яко злые пары ноши исчезают при восхождении солнца.

Сии вкоренные повсеместно в жителях пороки суть препядствия к размножению народа. К сему присовокупляется, по нещастию, глупое любопытство древних жителей, чтобы не родниться с новыми селянами. От того происходит, что во многих местах целыя деревни не имеют женщин. Раскольники заблуждении, во всей губернии повсеместно существующие, почитать должно также немалым ко многолюдю препядствием. Целомудрие, не входя в правила раскольников, юношеству обого пола чуждо. Вдаваясь гораздо рано распутству, во брак вступают поздно, и многия живут в девстве, думая, может быть, делать богоугодное: известно, что самоубийство почитается у них способом к отверзтию врат неба.

Народочислие сея губернии на пространстве пяти миллионов квадратных верст по ревизии 1764 г. составляет не более 165 тысяч душ, платящих подушную подать, то-есть по одной душе на 26 верст квадратных. Изчисление сие не совсем верно, но, поверив оное, найдем еще меньше сея пропорции.

Положение Тобольской губернии есть плоское и во многих местах низкое и болотистое. Оттуда и происходит, что она есть наибеднейшая часть древняго Сибирскаго царства. В рассуждении ископаемых из земли сокровищ, исключая малаго числа подземных произведений, в Томской округе найденных, и некоторых саланчеков в округе Енисейской, во всей губернии нет никакой разработки. Места, ближайшия к Ледовитому морю, неудобны совсем к обработыванию. Уверяют, что в Березове земля никогда более четверти аршина не растаеет, так что тела, в юной погребенные, подобны египетским мумиям, невредимы пребывают во веки. Мнение сие опровергается тем, что вся земля там покрыта лесами непроходимыми.

Вся сия страна не имеет других жителей, oprичь диких остяков и самоедов, кочующих вдоль рек; внутрь земель совсем жителей не имеет, а может быть, не может быть обитаемо. Между сими кочевыми народами обдорския самоеды почитаются глупейшими, а живущие по берегам и в близости реки Таза остяки почитаются сильнейшими. Уверяют, что они болезней не знают или очень мало, что действием почитается целительных сей реки вод. Ниже в восточной части, по берегам Кеная² и Тима, другой, столь же дикий, народ, но видом стройнее и

¹ Первоначально было написано: легкое.

² Вероятно, река Кена.

опрятнее, известной под именем тунгусов. [У]¹ сего народа существует странной обычай угощать приежжаго или паче приятеля тем, что лутчее есть в доме, изготов[ляя] в то же время лук и стрелы на умерщвление того, который худо ответствовать будет приветствию угощающего.

По пространству земель народы сии суть весьма малочисленны. По переписи, произведенной в 1764 г. учрежденною для сего комиссиею,² считается оных около 36 тысяч душ, ясак платящих, то-есть от 16 до 50 лет возраста, следовательно, считая старого и малого, число оных простираться будет до 100 тысяч. Образ жития всех сих народов подобен житию человека, в первенственном состоянии человека находящегося. Пища их состоит из всяких зверей и рыб с малым примесом муки в похлебку. Соли они совсем почти не знают. Ездят они на оленях, а жительствоуют в шалашах или шатрах, сделанных и[з] оленьих кож. Одежда их весьма легкая в разсуждении несносная стужи, которую они терпят шесть месяцев в году. Просты в нравах, застенчивы,³ гостеприимны, а повсеместная их страсть есть пьянство. Толико они оному преданы, что принуждены были издавна уже совсем запретить продажу горячих напитков в их кочевьях. Они в сем случае не знают ни умеренности и не жалеют ни здоровья, ни имения. С начала зимы, начинающейся обыкновенно в октябре, народы сии оставляют свои шалашы и удаляются во глубину лесов весьма далеко, ходят на лыжах, таща за собою пищу свою на санках, которые нартами называют. На сей лавитве убивают всякого зверя, употребляя в пищу мясо и сохраняя шкуру. Иногда погибают с голоду за недостатком пищи, иногда умерщвлены дикими зверями. Возвращаются они около генваря месяца, когда глубина снега препятствовать им начнет продо[л]жить путь. Предпринимают оной паки в марте месяце и продолжают ловитву до совершенного снегов растаяния. Тогда, оставя лук и стрелы, принимаются за сети и ловят рыбу, разъезжая на лодках вверх и вниз по рекам. Пойманную рыбу сушат как для продажи, так и для своего во время зимы прокормления, но по большей части запаса их в зиму не достает, ибо страсть их к вину и алчность их городских заимодавцов грабят их заблаговременно, отъемля у них даже и мягкую рухлядь, остающуюся у них по заплате ясака. Сии зверския ростовщики выманивают у них летом запасенную ими пищу за дешевую цену, а при начале зимы продают им ее же чрезмерно дорого. Таким образом, несчастные сии бывают жертвою плутовства городских жителей. Другое утеснение бывает им от неистовства священных служителей. Разъезжая по почтово[му] без платежа прогонов из одного селения в другое, пьют и едят даром и выманивают у сих простяков все, что только можно, даже пересылают из одного прихода в другой письма с нарочными, не давая за то никакой платы. Уверяли меня, что священники безмерную берут [плату] за все духовныя требы. Не отрицаю и того, [что] многие воеводы и комисары гибелью были не последнею для сих несчастных двуногих. Но какой может быть способ пособить всем сим злоупотреблениям?

Пространство земли неизмеримое, и все почти изъеется от очей правительства. По сей-то причине [Сибирь] была всегда золотым дном для тех приставов, которые более радели о мощи своей, нежели о со-

¹ В рукописи зачеркнуто: между.

² Комиссия об. ясаке (Первая ясачная комиссия), отправленная в 1763 г. в Сибирь во главе с секунд-майором А. Л. Шербачевым, которого в 1764 г. заменил сибирский губернатор Д. И. Чичерин.

³ Первоначально было написано: нрав их прост, затем: нрав их состоит в простоте и застенчивости, но позже эти слова зачеркнуты.

вести. Но о заклад можно удариться: если все пойдет начатым ныне порядком, то менее будет на Сибирь охотников.

Ясак народы сии платят в декабре и в генваре месяце, но те, которые в сии сроки не могут исправиться, платят достальное в июне. Ясак в казну принимают мягкой рухлядью, а иногда деньгами по два рубля с души, в чем закон им не возбраняет. Расценка дорогой мягкой рухляди бывает в иных местах белками, в других местах песцами, но вся столь низко ценится, что хотя от казны продают их в Москве с барышем, но меня уверяли, что купцы покупают оную там, чтобы здесь продать паки с барышем. Для сей-то причины вся мягкая рухлядь, а особливо соболи и лисицы черные и чернобурые, дешевле в столице, нежели в Тобольске или далее.

В мягкой рухляди, как то я уже сказал, состоит главный здешней губернии вывозной торг. Она составляет главную отрасль внутренни мелочной торговли. Едва зима настанет, побуждаемые скукою или желанием получить прибыль, жители сельские отправляются на охоту за дикими зверями, коих они ловят или капканами, или убивают из ружья или лука. В сие [время] купцы, развезжая по деревням, договариваются с крестьянами о поставке мягкой рухляди, давая деньги в задаток. Часто подвергают данные вперед деньги опасности, но сим способом принимают¹ товары за столь низкою цену, что если из договоренного половину только получают, то с немалым остаются барышем. Равным образом закупается здесь и сало, которое, переплавляя, отпускают в Архангельск или на Ирбитскую ярмарку. Некоторые купцы, закупая также хлеб по мелочам, отвозят оной туда, [где] оной с барышем продать могут. Иные упражняются в рыбной ловле летним временем или солении рыб зимою и в приготовлении клея, в чем и состоит их весь торг. Енисейские жители ездят за Туруханск для закупки мягкой рухляди, как то другие делают в своем соседстве. Запасшись товар[ом], ярманку ожидают покойно, живучи без упражнения. Ярманочной купец всегда почастью должен малым торговцом; но в Тобольске других нет.² Или особые какие причины отъемлют у них способы на предприятия дальновидныя, или естественная склонность к лености удерживают их в недействии болышую часть года. Кажется, что они не более наживают, как³ сколько нужно им на житье, попойки и гуляние, в то время когда не бывает ярманки. По сей причине в старости своей всегда бывают убоги, ибо, не возмогши наживать столько, сколько могли прежде, ни отстать от привычки праздничать и веселиться, попускаются на всякие обманы и мошенничества и, наконец, объявляют себя банкротами.

Торговля Тобольской губернии, так как и всей Сибири, производится вся почти на ярманках. Первая из оных и из славнейших во всем государстве бывает на Ирбите, в Пермской губернии, около 360 верст от Тобольска. Начинается она около пятого февраля и продолжается до первого марта. На нее съезжаются из дальнейших мест в России: из Малороссии, Казани, Астрахани, Архангельска, Оренбурга и изо всей Сибири. Российские купцы привозят всякие европейские товары, как-то: сукна, шелковые материи, голланское полотно и другие, к роскоши служащие, вещи. Из Архангельска привозят сахар, кофе, вины всякого рода и пряные корения, из Оренбурга бухарския товары, из Астрахани товары персидския и из Сибири, то есть из Тобольска, Енисейска и Иркутска, мягкую рухлядь всякого рода и китайския товары. Сей торг

¹ Первоначально было написано: получают.

² На полях рукописи: NB (в России).

³ После того было написано и затем зачеркнуто: сколько хотят добывать.

состоит по большей части в мене. Тобольския купцы берут товары европейския и разсылают их по другим городам своея губернии, продавая их обтом и в розницу. По сделанным наблюдениям, торг сея ярманки возходит до 1 500 000 руб. ежегодно.

Странно кажется, что для произведения торговли всея азийския части Российского государства избрано сие местечко, которое незадолго пред сим была деревня, и что не предпочли для сего Тобольск или, что еще лучше, Екатеринбург. Сказать, что купцы архангельские и иркутские не могли бы приезжать и отъезжать в надлежащее время, будет доказательство неосновательное, потому что разницы в расстоянии не более ста верст. Ярманка бы была гораздо больше, будучи под руками, так сказать, правительства. Итак, мне кажется: или в прежния времена с правительством и дела иметь не хотели, желая находиться в отдаленности от онаго, или в начале Ирбит было место потаенного торга в то время, когда вывоз сибирских произведений не был свободен,¹ а время, прославив сие место, начало привлекать торгующих со всех сторон, и правительство получило о нем сведение тогда уже, когда течение усилилося, и за нужно почло дать ему волю, бояся оное уничтожить, давая другое ему направление.

Другая ярманка бывает в Енисейске в конце юлия месяца. На оную приезжают купцы из разных городов Сибири и некоторые из Москвы. Из Туруханска и Якутска привозят мягкую рухлядь, из Иркутска китайские товары, из Тобольска товары европейские, на Ирбите вымененные. Торг также производится меною по большей части. Товары из Тобольска возят водою вниз по Иртышу и вверх по Оби и Кету; возвращаются в Тобольск тою же дорогою. Но как расстояние очень велико, а ярманка оканчивается довольно позд[н]о,² то часто зима захватывает возвратные товары на дороге, что немалой² тобольским купцам причиняет убыток. На сей-то ярманке купцы иркутские и якутские и другие запасаются европейскими товарами на весь год.

Третья ярманка бывает в декабре месяце на границе китайской, в местечке, принадлежащем на половину России и на половину Китаю.³ На Кяхте производится торг всеми сибирскими товарами и товарами, из России привозимыми, как [то]: тонкими и ординарными сукнами и пр., выменивая китайские товары, как то: чай китайский, шелковые материи, фарфоровую посуду, лакированные вещи...⁴ и др. На Кяхте⁵ запрещается покупать или продавать на наличные деньги, но уповательно, что запрещение сие не весьма строго с обеих сторон наблюдается. Торг Кяхтинской простирается ежегодно до двух миллионов.

Четвертая ярманка бывает в Березове около 10 генваря, но на оную приезжают только зыряне из Архангельской губернии, остяки, ближний самоеды и несколько из тобольскаго купечества. Дикие народы привозят олению кожи, белку, песцов голубых и другую мягкую рухлядь, которую меняют на муку, вино, табак, горшки, кожи, топоры, иглы, гребни и пр.

Другая отрасль торговли, здесь производимая, происходит в пограничных крепостях⁶ Тобольской и Колывановской губерний: торговля, известная под именем сатовки или мены с киргис-кайсаками. Они пригоняют множество лошадей и скота всякого рода и привозят несколько

¹ Первоначально было написано: находился под запрещением.

² Далее зачеркнуто: здешним].

³ На полях рукописи: NB.

⁴ Далее одно слово не разобрано.

⁵ Первоначально было написано: здесь.

⁶ Далее зачеркнуто: здешний.

товаров из Бухарии, которые меняют на российские, как то: сукна и др. Нередко приводят они пленных колмыков всякого возраста, которые русские купцы у них выменивают.

Отрасль торговли, в которой богатые тобольские купцы берут¹ участие, есть морския промыслы, отправляемые из Охотска и других в Камчатке гаваней на разные в Южном океане лежащая острова. Промыслы сии состоят: ловить или выменивать разных зверей, как бобров, выдр, лисиц черных, чернубурх и др., волков и пр. Торг сей производится всегда обществом, в которое каждый из участвующих кладет столько паев, сколько желает; каждой пай ценою в 500 рублей. Возвращение с промыслов продолжается лет до шести, но ожидание с избытком награждается. Прибыль из оных промыслов бывает от 5 до 6 и 7 сот на сто. Но торг сей частым бывает подвержен опасностям, а иногда не иначе, как с отвращением на оной взирать можно, ибо отправляющиеся на промысел многия производят неистовства и ужасные² насилия против мир[о]любивых островских жителей, а иногда против своих соотечей, коих суда, не столь сильно вооруженные, не могут им противиться. Обыкновенно на каждом судне бывает до 60 человек работников, всегда из числа каторжных.

Основанием всего торго Тобольской губернии, так как и всей Сибири, можно почитать торг, производимой на Кяхте, ибо посредством онаго не токмо купечество имеет свое прокормление, но много остается в Сибири денег от торгу проходного. Но выгоды сего торго были бы гораздо больше, если [б] пошлина с товаров на Кяхте собираемая, не была в 50 процентов.³ Капитал, в торгу употребленной, возвращается не прежде почти двух лет, а между тем, oprичь платежа пошлин, которые платятся переводом в Тобольске, Екатеринбурге или Москве, бывают по торгу беспрестанныя издержки, и для того надлежит иметь в запасе другой капитал, равной почти употребленному на покупку товара. Тобольские купцы, не имея сами больших капиталов, а с малыми не в состоянии получить барыш в столь медлительном торгу, принуждены бывают занимать большия суммы, платя рост чрезвычайный, дабы можно было все нужные делать на торгу издержки. Таковы займы умаляют их прибыток и стесняют шествие торговли. Сверх того посрочка шестимесячная в платеже пошлин вместо Кяхты в Тобольске и в Москве становится только на пересылку векселя для взыскания. Оттого происходит, что тобольской купец, не в состоянии будучи платеж произвести в Москве, в рассуждении краткости в посрочке пошлин и если не удастся ему сделать щастливой какой оборот на удовлетворение платежу пошлин и своим заимодавцам, принуждается продавать большую часть своего каравана по какой бы цене то ни было для приобретения наличных денег. Иногда продают товар свой в половину той, чего оной ему самому стоит. Тогда-то бывает на улице праздник для тобольских жидоморов, которые, имея несколько тысяч лежащих денег, пользуются таковыми случаями и барыша получают по 200 и 300 на 100. Сии-то суть истинныя причины, для чего купечество в Тобольске не процветает.

Весьма выгодно бы было для торговли всего Сибирского края, если бы учрежден был в Барнауле или в другом каком сибирском городе торговый банк наподобие учрежденного в Астрахане, из которого бы выдавались деньги с условием платить оныя чрез несколько времени в Москве или Петербурге.

¹ Первоначально было написано: имеют.

² Первоначально было написано: чрезвычайныя.

³ На полях рукописи: NB. Неправильно.

Примечают еще, что медная монета весьма неспособна для произведения торговли в толико просторном краю, какова Сибирь.¹ За весьма малым количеством ассигнаций, серебра и золота всякие предприятия в обтовом или подоб[н]ом торгу становятся затруднительны, чего бы не было, если бы монета была легче.

Теперь бы время было говорить о казенном доходе Тобольской губернии, но малое что можно о нем упомянуть.² Несмотря на все старания казенной палаты для приведения сея важные части в ясность, невозможно ей будет прежде двух лет распутать то, что сорок лет запутывать старались. И для того я прилагаю здесь ведомость о доходах, не утверждая оной точность.³

Окончание сему сделаем, говоря о городе. Положение его прекрасно. Часть онаго построена на весьма высоком косогоре, и часть в долине, на берегу Иртыша, за 200 или 300 сажень от того места, где Тобол соединяется с нею двумя изливами. Главнейший из оных вырыт, сказывают, при князе Гагарине⁴ шведскими пленниками для свободнейшего выхода судов в Иртыш, коего стремительность далеко их уносила бы от пристанища, — предприятие смелое и благое! На другой стороне Иртыша виден луг, коего пределов глаз не достигает...⁵ усеяны рощами, кустарником и по местам деревнями, на пригорках построенными. Все сие вид составляет наиприятнейший.

Жители города, наипаче хорошее купечество, весьма вежливы, любят сообщаться, веселиться и пировать, хитры да обманчивы, охотно не сдерживают данного слова, если возможно, притом невоздержны, вдаваясь во всякие развраты⁶ под видом строгости, взор обманывающей. Что же касается до простого народа, то оной в рассуждении нищеты и распушества ничем не уступает и неаполитанским лацаронам, но превосходит их в тунеядстве и пьянстве. Мастеровой в Тобольске трудится для того, чтобы иметь что выпить. И для того всякого рода работники⁷ в Тобольске вдвое дороже петербургского, хотя хлеб и все съестные припасы вчетверо дешевле. Если денег дашь в задаток, то простишься с работою, если⁸ работника не принудит к окончанию условленного Управа благочиния. Если же ничего не дашь в задаток, то нет и работников. Сколь правительство не старается воздержать народ от таковых неправильных поступков,⁹ но мало надежды, чтобы в оном оно успело в скором времени, ибо, как возможно истребить пороки, столь давно уже вкоренившиеся, и¹⁰... в городе, наполненном прежде сего и до днесь людьми, носящими знамения нравов своих на лбу или на носу и живущими с прочими не отдельно; где военный служащий суть вымет из всего войска так, как жители суть вымет из народа других губерний, где, наконец, привыкнуть нужно, чтобы не ужасаться непрестанно, думая, между кем жительствоуешь и у какой извечной совести живешь под стражею.

Вот что могу я сказать о сем крае нашего отечества, путешествие в котором будет всегда привлекательно для любопытного человека, но в котором пребывание, говоря по совести, не может быть приятно.

¹ На полях рукописи: NB. Сие письмо писано в начале 1783 г.

² На полях рукописи: NB. Выключить.

³ «Ведомость» в рукописи отсутствует.

⁴ Сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин (1708—1719).

⁵ Далее одно слово не разобрано.

⁶ На полях рукописи: débauche.

⁷ Далее зачеркнуто: здесь.

⁸ Первоначально было написано: разве.

⁹ На полях рукописи: débordements.

¹⁰ Далее зачеркнуто одно неразобранное слово

Д. А. Ольдерогге

Северная Африка

Французская Северная Африка занимает западную часть северной оконечности Африки, омываемую Атлантическим океаном с запада, Средиземным морем — с севера и востока. Береговая линия ее составляет более чем 1500 км в западной части Средиземного моря, 450 км вдоль залива Габес, а на западе береговая линия, идущая вдоль Атлантического океана, достигает 700 км.

Основу рельефа Северной Африки составляют горы Атласа. Хотя они не представляют собой единого изолированного массива, тем не менее они являются непосредственным продолжением единой горной системы, которая от Австрии, направляясь к югу, проходит по всей Италии (Апеннины), через Сицилию, продолжается в Северной Африке и оканчивается в Испании горами Сьерра Невада.

Расположенные в непосредственной близости к Европе, области Северной Африки — страны, изрезанной горными цепями во всех направлениях, с ее долинами, ущельями и реками, представляют собой как бы остров, омываемый с севера Средиземным морем, а с юга ограниченный песками Сахары. Арабы называют Северную Африку Джезират аль Магриб — «остров запада», и этот «остров» тяготеет к Европе, а не к своему родному матерiku Африке. Сахара отделила его от Африки морем песка больше, чем отделяют его от Европы теплые волны Средиземного моря.

С южного побережья Испании в туманной дали на юге видны скалы Цеута — северные отроги Атласских гор. В этом месте Европа и Африка сходятся ближе всего. Гибралтарский пролив, разделяющий их, никогда не был серьезной меж ними преградой.

1

Остров Запада, т. е. три страны Северной Африки — Алжир, Тунис и Марокко — представляет собой лишь часть северного побережья Африканского материка. К востоку от них находятся Триполитания и Киренаика, входящие в состав итальянской колонии Ливии. К югу от стран Магриба лежит Сахара, которую часто представляют себе в виде сплошной пустыни, что не совсем верно. Сахара — это не сплошная бесконечная пустыня, но множество песчаных и каменистых пустынь разнообразного вида. Местное население различает несколько типов пустынь, называя их то хаммада (каменистая пустыня), то эрг (песчаная пустыня) и т. д. Пустыни эти переходят незаметно одна в другую, пески сменяются горами, местами среди пустынь встречаются оазисы. Сахара отделяет страны Северной Африки от плодородных степей Судана «Белед-эс-судан» (страны черных), как называют арабы

все страны, лежащие к югу от Сахары. Наконец, с запада — самая западная из стран Атласа, Марокко, омывается Атлантическим океаном, а на юго-западе граничит с испанской колонией Рио-де-Оро, которая по существу составляет лишь северо-западную часть Сахары.

Итак, отграниченные со всех сторон страны Магриба представляют собой и в географическом, и в культурном отношении нечто целое. С запада на восток они прорезаны горами Атласа, идущими почти параллельно побережью Средиземного моря. В восточной части Туниса горы выходят к самому берегу. Западная оконечность Атласа отклоняется к югу, отходя довольно далеко от побережья. Идущие с юго-запада на северо-восток горные цепи носят название Малого Атласа, Большого Атласа и Анти-Атласа. Они составляют как бы основной рельеф всей местности и с точки зрения геологии считаются новыми образованиями. Наряду с ними есть еще ряд горных цепей более древнего образования, идущих с севера на юг и пересекающих основные цепи, создавая тем самым множество изолированных долин. Если смотреть на карту Северной Африки малого масштаба, где рельеф очень упрощен, можно подумать, что с запада на восток между горными цепями лежат удобные пути сообщения. В действительности дело обстоит иначе.

Вся страна в целом представляет собой картину беспорядочно разбросанных высоких и скалистых горных цепей, причудливо пересекающихся и образующих долины, равнины и плато.

Деление страны на Алжир, Тунис и Марокко является позднейшим результатом и произошло под влиянием чисто исторических условий. Границы, разделяющие их друг от друга, являются только политическими границами, и ни одна из этих стран не может считаться вполне обособленной. Так, Тунис составляет непосредственное продолжение Алжира со всеми его характерными особенностями. Лишь Марокко в известной степени отграничен от Алжира горными цепями Атласа.

Как уже было сказано, горы Атласа составляют основу рельефа всей страны. Они разделяются на несколько горных цепей. Самая северная из них — Высокий Атлас — идет в направлении с запада к северо-востоку. Южнее ее находятся Средний Атлас и Анти-Атлас. Основное направление обоих хребтов — с юго-запада на северо-восток. Не доходя до берегов Атлантического океана, они понижаются и расходятся, оставляя между собой обширные равнины. Западная часть Марокко представляет собой равнину, которая к востоку глубоко вдается между горных хребтов. В этом состоит существенное отличие Марокко от остальной части Северной Африки; равнины в нем занимают несравненно большую площадь. Среди них особенное значение имеют две. Одна из них простирается от устья Вади Тенсифт до долины реки Мулуйя, где находятся долины Себу, Таза и низовья реки Мулуйя. В экономическом отношении это одна из наиболее важных областей Марокко. Другая равнина простирается от океана до подножий Высокого Атласа. К ней примыкает равнина Хауз, где находится один из главных городов Марокко — Марракеш. Все три горные цепи — высокий Атлас, Средний Атлас и Анти-Атлас — на востоке сходятся, теряя характер горных цепей. Сходясь вместе, они образуют возвышенность, края которой приподняты с севера и юга. Северная часть этой возвышенности в Алжире называется Тель, южная — Сахарским Атласом. Ни тот, ни другой не представляют собой непрерывной цепи гор. Отдельные горные хребты, беспорядочно пересекающие друг друга, образуют между собой долины и ущелья. Они прорезаны во всех направлениях

бесчисленными вади — горными речными долинами, большей частью безводными. Отдельные части Телля носят особые названия.

Сахарский Атлас, в отличие от Телля, состоит из нескольких рядов горных хребтов, идущих в направлении с запада на восток. Горные хребты эти разделены между собой и дают возможность легкого доступа со стороны Сахары на плоскогорье. Плоскогорья эти, составляющие южную часть собственно Алжира, в средней своей части понижаются, образуя цепь. В этой части по всему Магрибу тянется цепь соленых озер, называемых шоттами. Почти все горные хребты Сахарского Атласа, как, например, горы Улад Наиль, Джебель Амур, Джебель Аурес и др., в северной части своей имеют покатые склоны, постепенно спускающиеся к плоскогорью. Южная сторона их, обращенная к Сахаре, обрывается отвесной стеной и порою возвышается над пустыней на 4500—5000 футов. Эта часть страны, таким образом, оказалась совершенно недоступной для кочевников пустыни, что в значительной степени оказало влияние на исторические судьбы ее населения. Лишь, там, где существуют горные проходы между отдельными хребтами, где плоскогорье спускается постепенно на юг, открываются как бы ворота в пустыню, и кочевники Сахары издавна пользуются ими, перекочевывая со своими стадами из алжирской Сахары на север. Самое плоскогорье в западной части своей выше и постепенно понижается к востоку.

Соответственно понижается и уровень над поверхностью моря каждого из шоттов. Самые восточные из них находятся ниже уровня моря. Так как именно эти последние были изучены раньше других, то в XIX в. возник смелый проект создания в Северной Африке на границе Сахары внутреннего моря. Предполагали прорыть канал в южной части Туниса у Габеса и наполнить область шоттов водами Средиземного моря. Однако проект этот оказался неосуществимым. Неосновательность его стала очевидной после того, как был изучен рельеф всего плоскогорья и когда выяснилось, что западные шотты находятся значительно выше уровня океана.

Область Телль, состоящая из горных хребтов и возвышенностей, по мере продолжения на восток все ближе и ближе подходит к берегам Средиземного моря, пока, наконец, не обрывается у самой северо-восточной оконечности Туниса.

Берега Северного Туниса, Алжира и Марокко очень круты. Во многих местах горы подходят к самому берегу; линия берега почти прямая, и корабли находят себе убежище лишь в немногих местах. Наиболее известные порты Северной Африки почти все потребовали больших работ для создания безопасной стоянки кораблей. Зато побережья Алжира и Туниса располагают небольшим числом отличных портов. Наиболее известны среди них Оран, Алжир, Тунис и главная гавань французского флота — Бизерта. От всей береговой линии Северной Африки резко отличается восточная часть Туниса, которая представляет собой низкую равнину, полого спускающуюся к морю. В этой части побережья есть также несколько небольших портов: Габес, Сфакс и др.

В то время как климат и растительность Телля имеют средиземноморский характер, совсем иную картину представляют области, лежащие за горными хребтами. Восточное Марокко и области, лежащие южнее Телля в Алжире и Тунисе, почти лишены осадков. Климат их имеет континентальный характер, дожди выпадают редко, и все эти области подвержены знойному, сухим ветрам, дующим из Сахары. Эти области резко отличаются от прибрежных по своей растительности.

Леса на горных склонах переходят в низкий кустарник, меняется характер растительности, а далее к югу начинаются прерии и степи. Еще южнее, где влаги почти нет, степь переходит в полупустыню и сливается, наконец, с хаммадой — каменистой пустыней Сахары. Исключение составляют лишь оазы, расположенные вдоль вадий и в тех местах, где возможно получение подпочвенной влаги.

Такова общегеографическая характеристика всех стран Атласа.

II

Древнейшие периоды истории Северной Африки стали известны нам сравнительно недавно. Археологические исследования последних десятилетий открыли памятники, свидетельствующие о том, что человек жил в этих местах за много тысячелетий до нашей эры. Уже в середине прошлого века любители-археологи и краеведы обнаружили на территории Алжира и Туниса большое число каменных орудий. Долгое время эти находки не привлекали к себе внимания. Однако по мере того, как выяснялась древнейшая история Европы, оказалось возможным объединить данные, полученные в результате археологического изучения Франции и Испании, с африканскими находками. Этому способствовало также расширение археологической работы в Северной Африке, когда место случайных находок заступили систематические раскопки.

Исследования начала XX в., а в особенности в годы, последовавшие за империалистической войной 1914—1918 гг., принесли много нового. Выяснилось, что много тысячелетий тому назад, в эпоху обледенения Европы, горы Атласа были также покрыты ледниками. В эти отдаленные времена климат всей Северной Африки не был похож на теперешний. Осадков выпадало значительно больше, дождевые периоды были продолжительны. Горные леса, кустарниковые заросли и травянистые саванны покрывали всю Северную Африку и Сахару. Костные остатки, найденные в Алжире и Тунисе, свидетельствуют, что весь характер фауны был типично африканским. В этих местах водились слоны разных видов, два вида носорогов, гиппопотамы, львы, гиены, лошадь, олень, антилопа, предок быка *Bubalus antiquus*, различные виды коз и т. п. Древнейшие известные нам каменные орудия эпохи палеолита, найденные на территории Северной Африки, сходны с палеолитом Европы и Передней Азии. Орудия по преимуществу изготовлены из кремня, иногда из кварцита, известняка, базальта. Раскопки на местах поселений показывают, что обитатели их жили охотой на слонов, носорогов, жирафов и диких быков. Среди этих остатков нет следов верблюда, столь характерного в настоящее время для Северной Африки.

Археологические исследования позволили установить существование особой культуры, названной капсийской, которая распространена была некогда по всей Северной Африке и в Испании. Характерными орудиями капсийской культуры являются наконечники стрел особой формы. Самый способ изготовления их отличается от памятников других эпох. Форма этих наконечников чрезвычайно разнообразна, но все они имеют одинаковую технику изготовления. Наличие наконечников стрел предполагает, очевидно, знакомство с луком и то, что люди, изготавлившие их, были по преимуществу охотниками.

В эти отдаленные времена население юга Европы и Северной Африки вело охотничий образ жизни. От этой эпохи сохранились по преимуществу лишь наконечники стрел. Древки стрел, самые луки с их тетивой, вся несложная утварь исчезли бесследно. Исчезло все, что было изгото-

влено из дерева, сохранился только камень. Эти каменные части орудий дают нам тем не менее возможность утверждать, что капсийская культура в истории Африки сыграла значительную роль.

К счастью, помимо каменных орудий мы имеем еще наскальные рисунки в горных районах, выбитые, выцарапанные или нарисованные на скалах охрой, которые сохранились в местах, так или иначе защищенных от разрушительного действия времени. Обычно они сохранились в пещерах, служивших местами сборищ орд бродячих охотников. Некоторые из этих пещер служили им жильем, другие — местом, где совершались обряды, имевшие целью способствовать удачной охоте. Главнейшие находки наскальных рисунков были сделаны в Западной Сахаре, в Адраре, Адрар-Анете, Таззили Аджерском, Тибести, в Вади Хабетер, в оазисе Уэнат, в Ливийской пустыне и в пустыне к востоку от Египта.

Древнейшими из всех наскальных рисунков являются изображения, выбитые на скалах и изображающие животных либо вымерших, либо сохранившихся лишь в тропической части Африки. К этой группе относятся изображения слона, носорога, гиппопотама, особого вида быка, в настоящее время совершенно исчезнувшего, жирафа и др. Все эти древнейшие рисунки сделаны очень живо и как будто срисованы с натуры. Некоторые из этих рисунков изображают сцены из жизни животных. Так, на одном из них, найденном в пустыне к югу от Алжира, изображены слониха, защищающая своего детеныша, и нападающая на нее львица, на другом — бой двух быков, сцепившихся рогами, и т. д.

Изображения человека на наскальных рисунках появляются позднее и всегда в тесной связи с животными. В противоположность изумительной точности передачи животного, человек на этих рисунках передан очень условно, можно сказать, схематично.

Наскальные рисунки более позднего периода отличаются от первой группы как способом исполнения, так и иными сюжетами. Африканский характер фауны понемногу исчезает. Среди животных уже не встречаются ни гиппопотамы, ни носороги. Основным сюжетом являются попрежнему сцены охоты на кабанов, разного вида антилоп, оленей и т. п. Все это рисует нам быт охотников, живущих в травянистых степях.

Наконец, изображения еще более позднего периода дают нам право заключить о появлении скотоводства. Основное содержание их составляют фигуры домашних животных, преимущественно крупного и мелкого рогатого скота. Несмотря на несовершенство этих рисунков, они все же довольно точно передают характерные признаки того или иного животного. Благодаря совместной работе археологов и зоологов удалось определить многие из видов животных. Большинство из них до сих пор встречаются в степях Судана или в оазисах Сахары. Такова, например, овца, существующая в настоящее время у туарегов плоскогорья Аир, и др. Большой неожиданностью было открытие среди этих изображений лошади. До недавнего времени считалось несомненным, что лошадь появилась в Египте около 2000 г. до н. э., в эпоху нашествия гиксосов. Предполагали, что гиксосы, придя в Египет из Передней Азии, привели с собой лошадь, с которой и познакомили египтян. Таким образом, полагали, что лошадь, появившаяся на африканском материке, приручена была впервые в верховьях переднеазиатского Двуречья в горных районах Митанни. Однако вновь найденные рисунки в западной части Сахары свидетельствуют о том, что еще задолго до появления гиксосов в Западной Африке существовал

особый вид лошади — предок современной мавританской лошади. Нет сомнения, что дальнейшие работы приведут еще ко многим открытиям в области происхождения домашних животных.

Население тогдашней Сахары и стран Магриба уже было знакомо с земледелием. Во многих местах наряду с неолитическими орудиями найдены огромные жернова для размала зерна. Повидимому, земледелие здесь существовало в глубокой древности. До настоящего времени в некоторых оазисах Сахары сохранились следы примитивного земледелия. Если бы население этих оазисов познакомилось с земледелием позднее, то вряд ли многие приемы обработки зерна были бы столь примитивны. Некоторые зерновые культуры, как, например, злаки, называемые туарагами «туллуль», не сеются. Туллуль собирают как дикорастущее растение и готовят из него муку. Это, так сказать, «доземледельческая» стадия земледелия. То же можно сказать и о некоторых видах риса, которые употребляет в пищу население северной Нигерии и некоторых оазисов Сахары и которые используются ими в дикорастущем виде.

Наскальные рисунки показывают нам также и дальнейшее развитие общества. Наряду с домашними животными и сценами охоты мы впервые встречаем изображения большого количества людей. Место охотничьих сцен заступают сцены войны, в которых с обеих сторон участвует большое число воинов. Помимо стрел и луков воины имеют уже специальное вооружение — разной формы щиты, топоры, копья, дротики.

Эпоха, характеризующаяся этими наскальными изображениями, неотделима от следующей, от которой до нас дошли письменные свидетельства и с которой мы вступаем уже в историю.

Наиболее ранние сведения по истории Ливии, которыми мы располагаем, дают нам надписи древнего Египта, а с V в. до н. э. — греческие и, позднее, римские историки.

Первые письменные памятники показывают, что Ливия тех времен была богатой земледельческой страной. Но в ней помимо садоводческих районов были, вероятно, более засушливые области, пригодные для скотоводства. Так, первая связанная летопись древнего Египта, так называемая палетка царя Скорпиона, упоминает об огромном количестве скота, угнанного из пределов Ливии.

Ливийцы довольно часто упоминаются в надписях древнего Египта и почти всегда как враги. Повидимому, богатство Нильского оазиса всегда привлекало к себе ливийских кочевников, время от времени нападавших на египетские деревни в долине Нила. По мере того как крепло египетское государство, эти набеги становились реже. Но лишь только в египетском государстве усиливались внутренние междоусобия и власть фараонов ослабевала, снова появлялись ливийцы с гор запада и опустошали окраины Египта. Повидимому, Египет никогда не был в состоянии окончательно справиться с непобедимыми ливийскими племенами. Одни племена сменялись другими и постоянно грозили Египту.

Среди памятников древнего Египта нет ни одного, который рассказывал бы нам о быте и устройстве ливийских народностей. Все упоминания о ливийцах очень лаконичны и сообщают лишь о военных столкновениях с ними. Наиболее интересными являются победные отчеты фараонов Рамсеса III и Мернепта, которые сообщают о большом нашествии ливийских племен на Египет. С ними объединились все средиземноморские народы: критяне, филистимляне, дорийцы, сардины и этруски.

Во главе всего объединения стояло ливийское племя, названное в египетском тексте машауаша.

С удивительной, типичной для египтян, точностью на рельефах переданы особенности каждого из союзных племен; среди них выделяются ливийцы с их характерной одеждой, страусовыми перьями на голове, вооруженные луками, стрелами и мечами. Мы видим, что в эту эпоху одну из ливийских племен того времени было настолько могущественно, что оказалось в состоянии объединить вокруг себя все народы западного Средиземноморья.

Много раз пытались фараоны Египта оборониться от своих грозных соседей, привлекая к себе на помощь отдельные ливийские племена, составляя из них особые отряды и даже личную свою охрану. Все эти усилия не приводили ни к чему, и в истории Египта был даже момент, когда ливийцы завоевали его и ливийские вожди заняли трон фараонов. Это было уже в самом конце самостоятельного существования египетского государства. Ливийцам, завоевавшим Египет, пришлось столкнуться с персами, которые распространили свое могущество во всей Передней Азии и, наконец, заняли своими войсками Мемфис — столицу Египта.

Для греков той поры, страны, находившиеся на западе, были мало известны. Это были далекие области, места, где совершал свои подвиги Геракл, мифический герой Греции. Там, на краю света, стоял великан Атлас, держащий на своих плечах небесный свод. Первоначально Атлас был местным божеством маленькой горной страны Греции — Аркадии. Там, по преданию, находился сад богов, где стоял великан, держащий на голове небесный свод. Он считался богом неба и отцом богини земли. Но по мере того, как расширялся кругозор греков, край света, где стоит Атлас, отодвигался все дальше, пока, наконец, он не был отнесен к странам Северной Африки — горному массиву Атласа, в названии которого до настоящего времени сохранилось имя этого сказочного великана. Горы Северной Африки были его страной, там жили ливийские племена, которых греки называли его детьми — «атлантами», а за этими горами начинался беспредельный океан, в названии которого удержалась до наших дней память об атлантах.

К странам Африки было приурочено и другое предание — сказание о великане Антее, ливийском царе, с которым боролся Геракл. В этом предании отразились, повидимому, исторические воспоминания о борьбе, которую грекам пришлось вести с ливийскими племенами, жившим около Кирены, в нынешней Киренаике. По древнейшим вариантам мифа об Антее, этот великан выступает в виде царя местности Ираса, дружелюбно относящегося к переселившимся сюда грекам. Когда греки поселились в Кирене и основали там свои поселения (половина VII в. до н. э.), то сначала ливийцы отнеслись к ним дружелюбно и не препятствовали им. Позднее, по мере того как крепили и богатели греческие поселения, цари Кирены попытались расширить свои владения и изгнать ливийцев из соседних областей. В 544 г. до н. э. ливийские племена, объединившись, нанесли жестокое поражение грекам. О размерах этого поражения можно судить по тому, что в сражении было убито около 7 тыс. чел. Это было причиной того, что Антей в древних вариантах мифа выступает как герой, участвующий в общегреческих состязаниях, как представитель дружественных грекам ливийцев. Лишь в позднейших сказаниях он превращается во враждебного великана, который сурово встречал всякого пришельца и предлагал ему поместиться силами с ним (единоборство Антея и Геракла).

Когда в начале первого тысячелетия финикийские города взяли в свои руки торговлю на Средиземном море и проникли в западные его пределы, начинается собственно история Северной Африки, основанная на письменных источниках. Финикийские мореплаватели проникали все дальше и дальше на запад, создавая на берегах Средиземного моря свои колонии. Одной из наиболее древних была Утика, севернее нынешнего Туниса. Вслед за ней было основано еще несколько поселений в непосредственном с ней соседстве. Одно из таких поселений получило название Карт Хадешт, что означает «новый город», так сказать, Новгород. Это поселение благодаря своему удобному местоположению в устье реки Меджерта в скорое время расширилось, окрепло и превзошло все остальные финикийские колонии в Африке.

Эпоха расцвета Карфагена предшествует возвышению Рима. Когда молодая Римская республика, непрерывно расширяя свои владения, достигла берегов южной Италии, она встретила там уже мощного противника. К этому времени Карфаген держал в своих руках всю торговлю в западной части Средиземного моря. В его владениях находились побережья нынешнего Алжира и Туниса, Сицилия, Корсика и Сардиния, Балеарские острова, а позднее Испания.

Первоначально Карфаген, как и прочие финикийские поселения на африканском берегу, не имел прочной связи с окружающими его на материке землями. Все его интересы были направлены на заморскую торговлю, и отношения с местными племенами ограничивались тем, что карфагеняне обезопасили свои поселения укреплениями и заключали договоры с вождями ливийских племен. Однако по мере укрепления Карфагена и расцвета его морского могущества явилась необходимость создания более прочной основы. Аннону I, представителю могущественного дома Магонидов, приписывается превращение Карфагена из торговой колонии в африканское государство. Очевидно, Аннон путем завоеваний создал в области нынешнего Туниса карфагенское государство, границы которого были защищены укреплениями, а местное население было обращено в рабство. Земледелие в стране было доведено до высокой степени совершенства. Именно в Карфагене в эту эпоху написан был обширный трактат о земледелии. Автором его был Магон, которого некоторые историки называют даже «отцом науки о сельском хозяйстве». Трактат этот до нас не дошел, но, несомненно, он содержал описание сельского хозяйства, ведущегося на широкой рабовладельческой основе. Римляне неоднократно переводили этот трактат на латинский язык. Известно несколько таких переводов, сохранившихся в небольших отрывках. Один из этих переводов был сделан по постановлению римского сената вскоре после разрушения Карфагена, когда вся остальная литература побежденного города была уничтожена или подарена нумидийским царям. Этот трактат карфагенского рабовладельца был общепризнанным «основным кодексом рационального ведения сельского хозяйства» для всех позднейших рабовладельческих обществ Греции и Рима.

Завоевав Африку, римляне образовали в области нынешнего Туниса свою провинцию, разделив остальные области между туземными царями. К этому времени закончился процесс образования двух местных государств: Нумидии и Мавритании. Нумидия занимала области восточной части нынешнего Алжира и южного Туниса; Мавритания — западную часть Алжира и северные части Марокко. Наибольшее значение имела Нумидия.

К концу Второй пунической войны оба государства являлись уже силой, с которой приходилось считаться как Карфагену, так и Риму.

Цари их заботились о развитии земледелия, основывали города и всячески старались извлечь пользу из борьбы соперников — Рима и Карфагена. Принимая по очереди сторону того и другого, Нумидия и Мавритания заботились прежде всего о сохранении своей независимости. При Массинисе Нумидия достигла своего расцвета. Но ничто не могло помешать завоеванию этих царств Римом. Уже по смерти приемника его, Микипсы, произошел раздел Нумидии.

Таким образом, все остальные страны Северной Африки, кроме западной части Мавритании, вошли в состав Римской империи. Они были разделены на две провинции: Африку, в состав которой входили нынешняя Триполитания с Тунисом, и Нумидию, примерно соответствовавшую нынешнему Алжиру; к ней впоследствии была присоединена Мавритания, занимавшая северную часть нынешнего Марокко и западный Алжир. Постепенно исчезают всякие упоминания о нумидийцах, и все туземное население начинает называться маврами.

Под защитой римского оружия и римских укреплений¹ Северная Африка быстро приобщалась к римской культуре. Романизация эта коснулась Северной Африки в большей степени, чем других римских провинций. Вся страна покрылась новыми городами, поселениями и виллами крупных землевладельцев. Особое внимание римляне уделили земледелию, стремясь превратить эту страну в житницу Рима. Римляне улучшили и расширили прежнюю ирригационную систему. Специальные инженеры (*aquilegi*) наблюдали за состоянием в исправности оросительных каналов и прочих сооружений. Поля обрабатывались с помощью огромного количества рабов. Были возделаны до той поры не возделанные пространства; вся страна покрылась оливковыми рощами и виноградниками. Повсюду в Алжире, Тунисе и Триполитании встречаются и ныне остатки римских храмов, общественных сооружений, частных домов, мощеных улиц и дорог. Римские пути сообщения использованы в настоящее время французами, так же как римские укрепления послужили основой большинству военных постов. Многие из этих построек были использованы позднейшими завоевателями — арабами и турками — для своих построек, мечетей и крепостей, другие послужили строительным материалом для местного населения. Более полутора тысяч лет население Северной Африки привыкло употреблять римские памятники на постройку своих домов, и тем не менее число оставшихся памятников римского зодчества очень велико.

Многие из этих развалин находятся в настоящее время в областях, совершенно не пригодных для земледелия или даже совершенно пустынных. Возможны два объяснения: либо за это время климат изменился до такой степени, что земледелие стало невозможным, либо изменились условия орошения. В пользу последнего мнения приводятся часто ссылки на то, что в Сахаре сохранились следы наскальных рисунков, указывающие, что Сахара некогда была обитаема и, следовательно, климат был несравненно более влажным. Однако тщательное изучение памятников античной культуры и свидетельств римских писателей показало, что климат Северной Африки с того времени не изменился, количество осадков, колебания температуры и т. п. остались теми же. Не произошло существенных изменений ни во флоре, ни в фауне. Таким образом, нынешняя непригодность этих районов для земледелия объясняется исключительно тем, что система орошения в течение последующих веков была разрушена. В XIX и XX вв., осно-

¹ Римские крепости в Северной Африке были построены по определенному плану, у выходов в горные проходы и ущелья, чтобы предохранить страну от нападений кочевников пустыни и гор Атласа.

ывая свои поселения, французы старались придерживаться мест старых римских поселений, раскапывая полузасыпанные колодцы и источники.

Почти повсюду в Северной Африке проблема водоснабжения имеет исключительное значение. Знаменитые города древности — Цирта (нынешняя Константина), Кесария (нынешний Шершель) — получали воду по водопроводам за несколько десятков километров (до 30 км), а водопроводы Карфагена имели протяжение более 150 км. Римские историки сообщают, что доставка воды для войск Цезаря во время его похода в районе Гадрумета (нынешнего Суса) требовали больших забот. Воду приходилось доставлять издалека на специальных транспортах. Свидетельства подобного рода показывают, что все благосостояние римской Африки было основано на неустанном наблюдении за системой орошения, непрестанном совершенствовании и расширении ее. Римляне покрыли всю страну водопроводами, колодцами, водоемами, плотинами, и это дало возможность поддерживать очень интенсивное земледелие.

В задачу этой статьи не входит изложение дальнейших исторических судеб Северной Африки. Появление вандалов, эпоха византийского господства и, наконец, завоевание Северной Африки арабами — все это наложило отпечаток на формирование населения Северной Африки.

Римская культура оказала на местное население большое влияние. Племена, поскольку они входили в состав территорий римских владений, сохраняли свою прежнюю организацию и находились под наблюдением военных постов и отдельных поселений (*coloniae*).

Следы римской культуры сохранились не только в развалинах городов, лагерей и храмов, но и во многих обычаях и обрядах. Многие усовершенствования в земледелии, виноделии, маслоделии и т. п. ведут свое начало от эпохи римского владычества. Это видно, между прочим, и из названий орудий, применяемых в этих отраслях хозяйства. Однако, как ни велико было влияние римской культуры, оно не может сравниться с теми изменениями, которым подверглись берберские племена под влиянием мусульманской культуры. Завоевание арабами Северной Африки привело к тому, что она стала одной из частей мусульманского культурного мира. Когда говорят об арабском искусстве, арабской культуре и т. п., никогда не следует забывать, что оно было делом рук не столько самих арабов, сколько народов, оказавшихся под влиянием ислама. Многие из мечетей, крепостей, зданий школ-медресе и других памятников мусульманской архитектуры в Северной Африке были построены местными архитекторами, берберами по происхождению. Арабская наука в Фецце, Марракеше, Кайруане и других городах достигла высокого расцвета; не надо забывать той роли, которую играли в ее развитии и берберы. Многие блестящие представители арабской науки XIV—XV вв. были берберами по происхождению, например известный путешественник Ибн-Батута, Лев Африканский и т. д. Достаточно сказать, что из среды берберов вышли многие мусульманские династии, правившие не только в странах Северной Африки, но управлявшие Египтом и Испанией. Все это показывает степень влияния, оказанного арабами на местное население.

Племена Северной Африки, прежде называвшиеся нумидийцами, мавританцами и пр., в арабской литературе называются все без различия берберами. Со времени появления арабов термин этот начинает встречаться все чаще, и в настоящее время он обозначает все туземное население Северной Африки, в отличие от арабов. Термин «берберы» считается видоизменением латинского слова *barbari*, т. е. варвары.

Вторжению арабов противостояли берберы групп зената и ссанхаджа. Две эти группы племен распадались на множество самостоятельных племен и подразделений, не зависимых друг от друга и нередко враждовавших между собой. Зената были преимущественно кочевниками и в те времена вели образ жизни, почти во всем сходный с арабами. Они разводили верблюдов и жили в палатках. Зената жили отдельными группами, преимущественно в степях и пустынях, от нынешней Триполитании и Гадамеса вплоть до южного Марокко в прилегающих к Атласу областях Сахары. Вторая из групп — ссанхаджа — отличалась от них как по языку, так и по своему образу жизни. Большая часть племен ссанхаджа были оседлыми и занимались земледелием. Среди них наиболее известными были три группы: берберы массмуда, жившие в нынешнем Марокко, берберы кетама, населявшие горы так называемой Малой Кабилии в Алжире, и собственно ссанхаджа, жившие южнее Марокко. В культурном отношении среди всех этих групп выделялись массмуда. Они занимались земледелием и отчасти скотоводством и вели оживленную торговлю. Большое значение в их хозяйстве имело разведение фруктовых деревьев: орехов, миндаля и арганового масла (из плодов особого дерева) и т. д. Массмуда были знакомы с обработкой железа и меди, и некоторые области славились своими ювелирами. Массмуда были обращены в ислам еще в VII в. и приняли участие в походах в Испанию. Многие из берберов массмуда занимали видные посты при дворе испанских Омейядов.

Завоевание Северной Африки для арабов было нелегкой задачей. На протяжении нескольких лет арабские войска в странах Магриба потерпели ряд поражений. Лишь после того как удалось внести раскол между отдельными племенами, арабы смогли добиться успеха. Пользуясь междоусобными распрями, завоеватель Северной Африки Мусабен-Насейр всячески старался привлечь берберов на свою сторону. С помощью некоторых племен ссанхаджа ему удалось в короткое время не только завоевать всю Северную Африку, но распространить свои завоевания на Европу. Политика привлечения берберов в ряды мусульманских войск велась им очень умело. На сторону арабов переходили не только отдельные группы берберов, но и целые племена со своими вождями. О той роли, которую сыграли берберы в дальнейших арабских завоеваниях, мы можем судить уже по тому, что завоевание Испании было совершено в значительной степени именно берберами. В 710 г. один из военачальников Тариф, бербер по происхождению, переправившись в Испанию с небольшим отрядом, состоявшим из пятисот его соотечественников, начал завоевания в Европе. Его дело продолжал Тарик — арабский завоеватель Испании, полное имя которого носит вполне арабский характер — Тарик-бен-Зийяд-бен-Абдаллах. Тарик, по имени которого назван Гибралтарский пролив, был бербером племени навза группы зената.

Основную часть населения Северной Африки в настоящее время составляют арабы и берберы. Теперь обе эти группы смешаны между собой до такой степени, что отделить их друг от друга невозможно.

Несомненно, что к VII в. н. э., к эпохе проникновения ислама, берберские племена населяли все страны Магриба. Арабские племена, появившиеся в Северной Африке сначала в VII в., затем в XI в. (нашествие Хилали и Сулайм), были скотоводами. Придя в страны Атласа, они встретили в пределах византийских провинций не только потомков римских колонистов, но и смешанное по своему составу оседлое население; потомки ливо-финикиян составляли, вероятно, основную часть населения этих провинций. Большая часть берберов групп зената и

саснахаджа — жителей горных долин и склонов Атласа, которые оказали наибольшее сопротивление арабам, — также были оседлыми земледельцами. Таким образом, в ту эпоху арабам-завоевателям, кочевникам, противостояло по преимуществу оседлое земледельческое население. Вероятно, на этом основано традиционное мнение, что туземное население Северной Африки состоит из арабов-кочевников и оседлых берберов. Но это мнение совершенно неосновательно. Однако оно не только широко распространено, но встречается и в специальных работах по истории и этнографии Северной Африки. Специалисты по арабскому языку и этнографии иногда говорят о «грубых берберях с их примитивными нравами и обычаями» и в виде контраста приводят арабов — творцов высокой арабской культуры Испании и Магриба. Но в создании арабской культуры принимали участие самые различные народы, оттого-то арабская культура Персии столь отлична от культуры Испании и Магриба. Кроме того, трудно видеть в арабах VII в., завоевавших культурные страны Передней Азии и Египта, носителей высокой культуры, стоявших много выше местного населения.

Берберы, составлявшие некогда коренное население стран Магриба, в настоящее время до такой степени перемешаны с арабами, что в целом ряде случаев нет возможности определить, какое из племен является по своему происхождению берберским и какое — арабским.

Надо иметь в виду, что берберы еще в первые века нашей эры (а возможно, и много раньше) не представляли собой однородной массы. Разделение на скотоводов и на земледельцев, «это первое великое разделение труда», как говорит Энгельс, для Северной Африки уходит в глубокое прошлое. Уже археологические материалы указывают на наличие земледельческого населения в долинах рек и на побережье, в то время как в степях одновременно с ним существовало скотоводство. Античные писатели также сообщают о скотоводческих и земледельческих племенах Атласа и Ливии. Как те, так и другие уже в первые века хиджры приняли ислам, затем переняли многие обычаи арабов, потом их язык и, словом, во всем уподобились пришельцам. Со своей стороны, за тысячелетний срок пребывания своего в Северной Африке многие арабские племена перешли к оседлому образу жизни, занялись земледелием и сами, в свою очередь, восприняли многие обычаи берберов.

В результате обе группы населения до такой степени перемешались между собой, что в настоящее время нет никакой возможности выделить из общей массы населения основной части страны (на побережье и в равнинах) чисто берберские или чисто арабские племена. Были сделаны попытки решать этот вопрос при помощи антропологии. Но данные антропометрических измерений, произведенные в массовом масштабе, показали, что они не находятся ни в какой связи ни с современными лингвистическими делениями, ни с данными истории, ни с местными преданиями племен. Более того, группы, считающиеся наиболее берберскими, в расовом отношении не отличаются от групп «самых чистых арабов». Итак, у нас нет должного критерия, чтобы отделить берберские племена от арабских. Ни язык, ни религия, ни экономика не могут служить для этого надежными указаниями. Даже такой, казалось бы, в высшей степени важный источник, как предания племени о своем происхождении, ненадежен.

Многие как арабские, так и берберские племена зачастую включают в число своих предков известных мусульманских святых или считают своими прародителями библейских патриархов либо известных деятелей ислама. Историческая ценность большинства этих генеалогий очень

невелика, и на поверку редкие из преданий оказываются старше XVI—XVII вв. — эпохи вторичного обращения в ислам многих берберских племен. К этим легендам и преданиям можно отнести слова арабского ученого Ибн-Хальдуна (XIV в.): «Эти сведения надлежит рассматривать как сказки, порожденные естественным чувством пристрастия, которое побуждает людей возвеличивать их родной город, страну, из которой они происходят, науку, которую они изучают, ремесло, которым они занимаются».

Что касается обычаев и обрядов, то многие из берберских племен до такой степени арабизованы, что и в этом отношении ничем не отличаются от арабов. Большинство берберских племен утратило свой язык, так что, когда мы отделяем племена, говорящие на арабском языке, от племен, говорящих на берберском языке, то это только лингвистическое деление. Данные официальных документов и переписей в которых туземное население делится на арабов и берберов, надо понимать лишь как деление на две группы: население, говорящее на арабском языке, и население, говорящее на берберском языке. Всегда надо иметь в виду, что в число первой группы включено много берберских племен.

Лишь в горных районах, на плато и в пустынях, словом, в труднодоступных и изолированных местностях сохранились берберские племена, удержавшие еще свой язык. Естественно, что эти племена удержали и многие черты своей старой культуры. Хотя они, как и все остальные группы берберов, приняли мусульманство, тем не менее в их обычаях и обрядах сохранились все основные черты их древней религии, тесно связанной с аграрными культами. В этнографическом отношении эти берберские племена представляют исключительный интерес, так как сохранили свои занятия, ремесла и обычаи, способы обработки земли и орудия производства. По ним можно составить себе понятие о древней культуре стран Атласа. Разбросанные небольшими островками по всей территории Магриба, они лучше всего сохранились в горах Среднего и Высокого Атласа, в Марокко, в горах Кабилии и Джурджура, в Алжире и в Ауресе, в юго-западном Алжире. Повсюду они представляют собой небольшие группы населения. Численность их более значительна в Марокко, меньше — в Алжире; в Тунисе их почти нет.

За пределами Магриба небольшие группы, говорящие на берберском языке, рассеяны на огромном пространстве. Они встречаются в непосредственном соседстве с Египтом, в оазисе Сива, далее в других оазисах Ливийской пустыни вплоть до Тибести и стран Хауса в Судане, около озера Чад, по среднему течению Нигера и, наконец, в Сенегале. К числу их относятся также туареги.

История Северной Африки эпохи после арабского завоевания вплоть до появления турок полна бесконечными распрями султанов, эмиров и других более мелких владетелей. Лишь на короткое время Северная Африка оказывалась объединенной, с тем чтобы через несколько десятилетий опять распасться вследствие междоусобий. Берберы и династии берберского происхождения постепенно начинают сменять арабских властителей и несколько веков спустя после арабского завоевания им удается не только объединить в своих руках большую часть страны, но и подчинить себе Испанию. Господство Альморавидов и вслед за ними Альмогадов было недолговременным. Их владения не были связаны прочно между собой, и постепенно происходит обособление трех главных частей: Алжира, Туниса и Марокко. Турецкое завоевание не оказало значительного влияния на страну. Лишь в 30-х годах

прошлого века, когда Франция приступила к завоеванию страны, начал понемногу меняться ее облик и началось превращение ее в колонию.

В настоящее время большинство населения Северной Африки говорит на арабском языке. Другим языком местного населения является берберский. Официальным языком Алжира считается французский, который также весьма распространен в Тунисе и Марокко. В пределах испанской зоны Марокко официальным языком является испанский.

Арабский язык, на котором говорит население стран Магриба, отличается от классического арабского языка, на котором написаны произведения великой арабской литературы, во многих отношениях: как в области фонетики, морфологии, синтаксиса, так и по своему словарному составу. Многие диалекты, в том числе магрибский, утратили некоторые звуки, появились новые составные глагольные формы. Многие арабские слова, бывшие в употреблении несколько веков тому назад, в настоящее время исчезли; с другой стороны, в язык вошло много новых слов, обозначающих новые понятия.

Большое влияние на словарный состав оказали европейские языки, в частности французский. Много слов, обозначающих одежду, утварь, некоторые виды пищи, некоторые земледельческие термины, а также названия готовых изделий, получаемых при переработке сырья, взяты из европейских языков. В северной части Марокко сказывается влияние испанского и итальянского языков, в Тунисе — испанского. Однако эти заимствования незначительны по сравнению с влиянием французского языка, который принят в официальных бумагах, судопроизводстве и т. д.

Надо сказать, что французские слова, попадая в арабский язык, подвергаются изменениям согласно нормам арабского: так, например, бидон (французское *bidon*) превращается в арабском языке в бейдун, откуда множ. число буадин; судебное постановление (французское *jugement*) в арабском — джеджмен, множ. число джуаджем; автомобиль (французское *automobile*) в арабском — томобиль, множ. число тимабула и т. п.

Магрибский диалект арабского языка не представляет собой единства. Так, например, в одном только Марокко различают три группы диалектов, причем основным отличием их друг от друга является произношение некоторых звуков. Берберский язык, или, лучше сказать, берберские диалекты, относятся к группе хамитских языков. В основе своей они представляют известное единство, что и дает право говорить о едином берберском языке. В настоящее время численность говорящего на нем населения относительно невелика, и оно встречается лишь в некоторых частях Алжира и Марокко.

III

Центральную часть Магриба составляет французская колония Алжир. Занятием в 1830 г. города Алжира французы положили начало своему господству в Северной Африке. Уже к началу XX в. Алжир был окружен французскими колониями: с запада он граничил с Марокко, с востока — с Тунисом, а прилегающие к нему области Сахары граничили с территорией французской Западной Африки. В отличие от Марокко, где до последнего времени сохранились еще независимые племена и где численность населения может быть установлена лишь приблизительно, в Алжире на протяжении многих десятилетий периодически проводилась перепись. В 1830 г. местное туземное население

определялось французами приблизительно в 2,5 млн. чел. Трудно сказать, в какой степени эта перепись была точна, и можно ли утверждать, как это делает французская пресса, что за годы господства Франции туземное население увеличилось почти вдвое. Во всяком случае, переписи последних десятилетий показывают непрерывное возрастание численности населения, правда, в том числе и за счет европейских иммигрантов. По данным 1921 г., общая численность населения Алжира составляла: 5 802 464 чел., из них 4 971 424 чел. (т. е. 82 %) туземцев-мусульман, и 831 040 чел. (т. е. 18 %) европейцев и пр. По переписи 1931 г. общая численность населения Алжира 6 553 451 чел., из них 5 632 663 чел. местного населения и 920 788 чел. европейцев.

Алжир делится на две резко отличающиеся друг от друга части: территорию собственно Алжира, или Алжирии, и южные территории. Первая занимает центральную часть Магриба, т. е. Средиземноморское побережье, горы Большой и Малой Кабилии и далее к югу прилегающие к ним высокогорные районы Ауреса. К югу от них полупустынные области Сахары, переходящие в пустыню, были объединены в так называемые «территории юга», которые имели особое управление. Большая часть населения сосредоточена в северной части страны, где живет 9/10 всего туземного населения и почти все европейское, южные же территории населены весьма слабо. На огромных пространствах алжирской Сахары в поясе оазисов и собственно в Сахаре живет немногим более 550 тыс. чел. Плотность же населения в северной части Алжира в некоторых местах достигает 240 чел. на 1 кв. км.

Основную массу туземного населения составляют арабы. Как было уже сказано, под арабами следует разумеать по существу туземное население, говорящее на арабском языке, независимо от их действительного происхождения. По данным переписи 1931 г. они составляли 80,4 % общего числа населения (4 512 577 чел.). Остальную часть туземного населения составляют кабилы, т. е. берберские племена Большой и Малой Кабилии и Ауреса, где живет 17,9 % (1 002 227 чел.). Отдельную группу составляют мозабиты (точнее, мзабиты), жители страны Мзаб. В сельском населении Алжира преобладают берберы, большая часть которых арабизована. Городское население по своему составу значительно сложнее населения сельских местностей: кроме берберов и арабов в городах живут евреи, кулугли—потомки турок — и европейцы.

Общую численность населения Марокко установить невозможно. По данным 1936 г., можно полагать, что она составляет около 5 млн. чел., из которых 500 тыс. чел. живет на территории испанской зоны и в Танжере. Марокко населено весьма неравномерно в зависимости от рельефа местности и плодородия почвы. Наиболее густо населены равнины западного Марокко между массивом Джбала на севере и горами Большого Атласа на юге, а также районы Гарб, Шавийя, Тадла, Дуккала и Абда. В них сосредоточено около 2/5 всего населения Марокко. Горы в Марокко по самому характеру своему не дают возможности для заселения их в той степени, как горы соседнего Алжира. Поэтому в горах Джбала, Риф и Среднем Атласе население немногочисленно. Сравнительно мало населены также южная и юго-восточная части Марокко, прилегающие к Сахаре. Население этих частей страны сосредоточено по преимуществу в оазисах, в Вади Гир и Вади Зиз, Тифилельте и Вади Драа. На равнинах и в пустынных областях юга живут арабы и арабизованные группы берберов. Берберские племена, удержавшие свой язык, сохранились в горных областях, кроме области Джбала, население которой подверглось влиянию арабов. Племена, говорящие на берберских языках, составляют три группы. В северной

части Марокко живут племена риф: гелайся, темсаман, боттова, уриаген, бену и саид. К ним близки также живущие в низовьях реки Мулуйя племена бену изнасен. Другую группу составляют берберы Центрального Марокко, живущие в верховьях реки Мулуйя, Себу и Вади Драа между городом Фесом и Микнаса вплоть до оазиса Тафилельта на юго-востоке, около городов Рабата и Сала. Эту группу составляют берберы зуага (группы санхаджа) и брабер (иначе барабир, берабер). Наконец, третью группу составляет многочисленное племя шилха (шлюх, или шилух), живущие в западной части Высокого Атласа и Анти-Атласа. Оно занимает всю местность южнее Могадора и Марракеша, долины гор Большого Атласа и Анти-Атласа, Атлантическое побережье, прилегающее к ним, области Сус и Вади Нун. К числу берберов, несомненно, относятся также племена, населяющие горы Джбала северо-восточнее Феса. Однако они утратили свой язык и говорят в настоящее время по-арабски.

Особую группу составляют харатин — население с оазисов Сахары. Оно отличается от берберов и арабов темным цветом своей кожи. Трудно сказать, являются ли они остатками темнокожего населения или результатом смешения берберов с суданскими неграми. Вопрос о происхождении харатин остается открытым.

Арабы появились в западной части Магриба много позже, чем в Алжире и Тунисе. Лишь в XIII в. первый из Альмогадов халиф Абд-аль-Мумин поселил в Марокко арабские племена хилали, незадолго до того вторгшиеся в Тунис и восточный Алжир. Его ближайшие преемники Альмогады, а также сменившие их Мериниды, ведшие непрестанную борьбу со своими соотечественниками, не желавшими подчиниться им, пытались опереться на арабские племена. Альмогады, как и Мериниды, по происхождению своему были берберами, но тем не менее они предпочитали найти себе опору в арабах, сначала хилали, позднее макиль, чем иметь дело с непокорными племенами берберов. Марокканские правители проводили постоянно политику арабизации берберов и пытались оттеснить непокорные племена в горы. Это обусловило деление всей территории Марокко на две части: область казны, называемую Билад-эль-Махзен, и область независимых племен — Билад-эс-Саиба. Это деление сохранилось до наших дней, и султанат Марокко фактически располагал лишь областями Махзен, в то время как независимые племена горной части сохраняли до последних дней свою самостоятельность. Область Махзен населена потомками арабских племен, занявших все наиболее плодородные равнинные области Марокко. Бену Хилаль населяют равнины у предгорий Атласа и степи восточного Марокко. Арабы макиль живут в долине верхней части течения реки Мулуйя и на равнинах Южного Атласа. Впрочем, в составе населения этих областей находятся также арабизованные берберские племена. Это видно из того, что некоторые из этих племен сохранили в названиях подразделений племени берберские имена.

Особую группу населения Марокко составляют евреи. Они живут по преимуществу в городах и отчасти среди племен Большого Атласа. Население некоторых из городов, например Дебду и Демната, почти целиком еврейское. Марокканцы различают две группы евреев. Одну из них они называют плиштим, другую — форастерос (forasteros). Происхождение первой группы неясно. Во всяком случае, это более древняя группа, поселившаяся в Марокко еще до появления ислама. Вторую группу составляли евреи, бежавшие из Испании в XVI в. от гонений инквизиции. Общая численность еврейского населения составляет около 150 тыс. чел.

Наконец, в составе населения Марокко довольно много негров. Они не образуют особой замкнутой группы и встречаются как в сельских местностях, так и в городах. Большую часть их составляют потомки рабов, захваченных среди суданских племен еще в XVI—XVII вв., когда султаны Марокко владели Тимбукту и странами по течению рек Нигера и Сенегала. В среде городской буржуазии часто встречаются негрские типы. В знатных домах обычно бывали в услужении черные рабыни, чем и объясняется наличие негрской крови в этой среде. При дворе марокканских султанов негры-наемники составляли некогда основу их гвардии.

Во многих городах Марокко встречаются также потомки мусульман, выселившихся из Испании после реконкисты, т. е. после изгнания арабов с Пиренейского полуострова. Часть их составляют потомки арабского населения средневековой Испании, часть — потомки берберов, переселившихся в Испанию при мусульманском владычестве, особенно при Альморавидах и Альмогадах.

Третья, самая восточная часть Магриба, Тунис, по площади своей значительно меньше Алжира и Марокко. Но это одна из наиболее густо населенных областей Северной Африки. По данным 1926 г. общая численность населения Туниса достигала 2 159 708 чел. Из этого числа огромное большинство составляет местное мусульманское население, а именно 1 932 184 чел. По сравнению с ним число европейцев крайне незначительно: 173 281 чел.; на долю французов приходится всего 41 %, в то время как итальянцев 51,5 %. Итальянская иммиграция составляла предмет особых забот французского правительства. Всеми мерами оно пыталось повысить численность французской части населения. Большую часть французов составляют чиновники, купцы и колонисты. Состав итальянского населения Туниса иной. В основном это рабочие, приезжающие из Сицилии и Сардинии: каменщики, горнорабочие (в Ле Кефе) и рабочие, занятые в сельском хозяйстве и на виноградниках. Французы и итальянцы представляют собой основную массу европейского населения; остальные составляют незначительное меньшинство, среди которого больше всего мальтийцев, являющихся английскими подданными. Большинство европейцев сосредоточено в районе Туниса, где живет 60 % их общего числа, остальные по преимуществу в городах: Бизерте, Ферривиле, Сусе и Сфаксе. Особую группу представляют евреи, число которых в 1926 г. составляло 54 243 чел. Так же как и европейцы, они сосредоточены по преимуществу в Тунисском округе, где живет более половины всех евреев, остальная часть — в городах: Бизерте, Сусе и Сфаксе. Кроме того, они живут компактными группами в южной части Туниса, в Габесе и в особенности на острове Джерба, где составляют более 1/4 всего населения.

Тунис арабизован больше всех стран Магриба. Как и в Марокко, до XI в. местное население, состоявшее из берберов, потомков римских колонистов и других народов, побывавших в этой стране, оставалось почти не затронутым арабским влиянием. Первое время после завоевания арабы сосредоточились по преимуществу в Кайруане и некоторых других городах, бывших их опорными пунктами. Но с появлением в конце XI в. арабов хилали, а за ними арабов сулаим все изменилось. Арабские племена загнали берберов в горы, заняли всю страну, словом, в Тунисе произошло то же, что и в Марокко. Однако в то время как во многих горных массивах Марокко берберские племена сохранили свою независимость до настоящего времени, в Тунисе они полностью асиммилировались с пришельцами. Остатки первоначального

населения сохранились лишь в южной части Туниса и ведут до наших дней свой прежний образ жизни. Это так называемые «троглодиты» — матматы и варгамма. Они живут в пустынной части Туниса на границе Сахары. Эти племена живут в подземных жилищах. На весеннее время они перебираются в палатки, где проводят весну и первую половину лета. Главным их занятием является скотоводство и в незначительной степени земледелие. Несколько севернее их, между Габесом и Эль-Джема, недалеко от берега, живут арабские племена массалис, агарба, махазба и др.

IV

Ко времени начала войны 1939 г. в административном отношении все три страны Магриба — Алжир, Тунис и Марокко — были различны. Марокко считалось султанатом под протекторатом Франции; Алжир является французской колонией; наконец, Тунис сохранял еще тень былой независимости, считаясь страной, находящейся под покровительством Франции. Практически все три страны находились почти целиком в руках французов,¹ а различия сказывались лишь в различии системы управления.

Последовательнее всего система колониального управления была проведена в Алжире. С 1848 г. он считался частью французских владений. В главе его стоял генерал-губернатор, являвшийся представителем французской республики. В его руках находилось все управление страной, не только гражданское, но и военное. Эта система была проведена так последовательно, что даже военные и морские власти не могли сноситься со своими министерствами помимо генерал-губернатора. Во всех делах обороны страны он сносился непосредственно с представителями французского управления в Тунисе и Марокко.

В Алжире сосуществовали две системы управления. Вся страна была разделена на две части: одна из них находилась в ведении гражданских, другая — военных властей. К первой группе относились территории, уже давно освоенные французами, а именно: вся береговая часть страны, область Телля и большая часть плоскогорий. Вся остальная часть страны, область Сахарского Атласа и Алжирская Сахара, находилась в ведении военных властей. Страна, находящаяся в ведении гражданских властей, была разделена на три департамента: Оран, Алжир и Константина. Эта часть страны имела управление, более всего сходное с устройством департаментов в самой Франции. От этой части страны избирались депутаты в парламент. Каждый департамент состоял из более мелких подразделений, называемых по французскому образцу «коммунами».

В отличие от метрополии, где все коммуны организованы по одному образцу, в Алжире они различны. Коммуны с европейским населением назывались полноправными коммунами, коммуны с местным мусульманским населением были смешанными — *communes mixtes*. Во главе их стоял хаким, назначаемый французскими властями из среды местного населения.

Местное туземное население, как арабы, так и берберы, с точки зрения французского колониального законодательства считались не гражданами, а подданными Франции. Различие заключается в том, что

¹ За исключением северной области Марокко, находящейся под влиянием Испании и Танжера, имевшего особый международный статут. Во время войны Танжерская зона была захвачена франкистской Испанией.

хотя они и причислялись к французам, но не пользовались избирательным правом. Во всем, что касается целого ряда правовых норм, они подлежали мусульманскому закону. Они могли быть приняты на военную службу, однако производство в офицеры допускалось лишь при ряде ограничений. Не все административные посты были открыты для них. Их представители в разного рода комиссиях назначались французскими властями. Словом, положение мусульманского населения существенно отличалось от положения французских граждан, как уроженцев страны, так и жителей метрополии.

Эти же ограничения сказывались и в других отношениях. Туземное население выплачивало особые подати под общим названием «арабская подать» (*impôt arabe*). Она состояла из уплаты десятины с урожая, определенного налога на скот и вьючных животных и целого ряда специальных местных налогов. В юридическом отношении туземное население было подчинено французскому суду, но для некоторых случаев существовали особые суды, в которых имелись и туземные представители. Административные власти, кроме того, во многих случаях имели право самостоятельно накладывать взыскания на мусульманское население. Так, например, мусульмане должны были получать особое разрешение на передвижение по территории страны, паломничество в Мекку, устройство религиозных процессий и т. д. За нарушение этих правил они подвергались ответственности в административном порядке.

В отношении образования положение мусульман также несколько отличалось от положения французских граждан: образование было обязательно только для мальчиков. Начальное образование они получали либо в обычных школах, либо в особых школах, специально предназначенных для мусульман. Специально мусульманское духовное образование велось в особых школах корана и при некоторых мечетях.

Вопрос о положении туземного мусульманского населения неоднократно обсуждался французским правительством. Здесь существовали две крайние тенденции: либо добиваться полного слияния с французами, либо полностью обособить туземное население. Практически, как мы видим, туземное мусульманское население в значительной степени было обособлено и противопоставлено пришлому европейскому населению. Теоретически всякий мусульманин мог сделаться французским гражданином. Однако подобные случаи бывали очень редки. Судя по отзывам французской печати, местное население смотрело всегда на это неодобрительно, расценивая эти случаи как отступничество.

В Тунисе до 1939 г. сохранялось туземное управление, возглавляемое беем. Правительство бея состоит из трех министров: премьер-министра (вазир-аль-акбар), министра пера (вазир-аль-калам) и министра юстиции (вазир-аль-адлийя). Вся страна была разделена на 37 округов; во главе каждого стоял каид. В руках каида была сосредоточена вся власть в округе. Он же заведывал сбором податей, вершил суд и имел в своем распоряжении отряды туземной жандармерии. До последнего времени в Тунисе сохранялся еще старый восточный обычай: каид получал свое содержание из податей, собираемых им для себя со своего округа. Каждый из округов состоял, в свою очередь, из небольших районов, управляемых шейхами. Эти шейхи считались ответственными за порядок и за своевременный сбор податей.

Такова в общих чертах была система местной администрации. Внешне вполне самостоятельная, на деле она полностью находилась

в руках Франции. При бее состоял главный резидент (*resident général*). Система французской администрации была установлена в 1883 г. За последние годы перед второй империалистической войной она была дважды изменена: в 1922 г. и в 1926 г. К началу войны при резиденте существовал кабинет из высших гражданских советников и военный кабинет. Были созданы Главное управление общественных работ, финансов, народного образования, земледелия, торговли и колонизации, внутренних дел, тунисской юстиции, почт и телеграфа. Подобно Алжиру французские власти разделили Тунис на две зоны: северную и южную. В южной находилось Бюро по туземным делам, и она управлялась военными властями. Северная часть Туниса была разделена на пять районов с центрами в Бизерте, Тунисе, Ле Кефе, Сусе и Сфаксе. Они, в свою очередь, были разделены на 19 более мелких областей, называемых гражданскими контролями (*control civil*). Во главе каждого из них в соответствии с фикцией самостоятельности Туниса стоял назначаемый министром иностранных дел Франции вице-консул. Военные части, находившиеся в Тунисе, были подчинены верховному коменданту войск Туниса, который, как было сказано, подчинен был генерал-губернатору Алжира. Хотя в военном отношении Тунис был подчинен алжирскому генерал-губернатору, однако, ввиду того что Бизерта представляет собой исключительно удобный и хорошо защищенный порт, главная квартира морского управления всей Северной Африки находилась всегда в Тунисе.¹

¹ Сведения о численности населения, об административном делении и системе управления французской Северной Африки составлены на основании статей и материалов, опубликованных в *Bulletin de la Société géographique de l'Afrique du Nord* (Алжир) вплоть до 1941 г., а также в издании *Encyclopaedia Islamica* (тт. I—IV) (изд. Лейден).

Д. К. Зеленин

Обзор рукописных материалов ученого архива Всесоюзного Географического общества о народах Прибалтики

Латыши

1. Абрамович Василий. О латышах. Перевод с польского из газеты Dziennik Warszawski, 1853 г., № 177—178. 14 стр. в четвертку. Рукопись 1855 г. Переводчик—священник села Яполотки, Ровенского уезда, Волынской губ. — Шифр рукописи: А. V — 75.

Численность латышей в разных губерниях. Вероисповедание их. Наружность: у детей светлорусые волосы и голубые глаза. Одежда: у женщин рубахи (krekls) с рукавами; исподницу (юбку) из домашней холстинки носят на помочах через плечи; на рубаху надевают род шнуровки обыкновенно синего цвета, без рукавов, которая спереди застегивается на пуговицу; поверх — кафтаник темного цвета с широкими рукавами. На шее платок (kakla auts) или большие янтарные четки (wirklea).

Замужние женщины заплетают волосы в две косы и обвивают их вокруг головы; чепец (mīssa) на голове привязан платочком под подбородок. Девочки же только обвязывают голову вокруг разноцветным платком. Металлические пряжки и булавки служат для застегивания воротничка у рубахи (arkaks) и у рукавов (arhokli); круглые или звездчатые бляшки — для украшения груди. Обувью служат светлогрешеные или синие чулки (sikke) и лычанные лапти или хо-даки (wirzas). У мужчин рубаха с воротником, застегнутым на пуговицу, и короткие холстинковые штаны (biksēs). В праздники надевают еще жилетку и камзол (kamzole) с оловянными пуговицами и swahrki — род сермяги; зимою — бараний тулуп и на шее красный платок. Волосы зачесывают направо, некоторые подстригают за ушами по-русски á laipoujcie. Жилые дома (maīna) строят из

круглых бревен, затыкая щели мхом, крыша соломенная. Входные двери устраивают с боковой стороны дома, а не от фасада. Сперва входят в кухню, где посредине очаг, а над ним висит котел для варки пищи; дым выходит через отверстие в крыше. Из кухни дверь ведет в другую избу, где стоит большая печка без камина, но душник выведен от челюсть (устя печи) под крышу, на которой установлена деревянная труба для защиты от искр. Деревянного пола в избе нет, а только утоптанная глина. Зимой избу освещают лучиной (skalka), для которой в стену вбивают железный крюк. Вблизи жилого дома амбар (klechts); бани (pirts) устраивают по русскому образцу. — Помещичьи мызы (muisza). Занятия. Пища; любимый хлеб из картофеля пополам с ржаной мукой. Лакомое народное блюдо skabaratre приготавливается в деревянной посуде, нарочито для этого сделанной: в эту посуду в течение целой недели сливают сладкое и кислое молоко, примешивая туда же сыр, кашу или муку, вареный картофель и другие приправы, а когда эта смесь укинет, ее едят. — Лучшим наречием латышского языка считается то, на котором говорят в окрестностях городов Митава (теперь Елгава) и Бауска. Литература о латышском языке. Три народные песни с переводом их на русский язык.

2. Гринберг Валентин. Курляндские короли и свободное население Курляндской губернии. 34 стр. в полулист. Писано, вероятно, в 1895 г. Подписано: Рига, 1886 г. — Вологда, 1895 г. — Шифр: А. 1—29.

«Курляндские короли» (по-латышски: киони́ни) — группа свободных крестьян «фрейзассен», а в древнейших записях: «ландфрейе», живущая искони в окрестностях города Гольдингена (теперь: Кулдига), частью на берегах р. Виндавы (те-

¹ Чтобы возможно точнее передать характер рукописных материалов, они излагаются с сохранением стиля авторов. Ср. «Советская этнография», IV, 1940, стр. 193.

перь Вента); всего семь деревень, в которых 42 двора. Деревни, причисленные к Липайкенской лютеранской церкви: Земель, Лаук-Земель, Каллей, Пликкен, Кионинюцес, или Куриш Кениген; эта последняя отстоит всех дальше от Гольдингена, а именно в 22 верстах на юго-запад, по дороге в Газенпот. Деревни, причисленные к Гольдингенской лютеранской церкви: Драгун, Весальген и Саугзаллен. Все эти деревни свободны от налогов; с 1800 г. для них стал обязательен закон, запрещающий раздробление недвижимого имущества и переход его в чужие руки. История их. Документы 1320, 1333 и других годов написаны на пергамене, древнейшие — на латинском языке, а позднейшие — на немецком. Фамилии жителей; количество земли; занятия; статистика населения; численность скота, земледельческих орудий и строений по спискам 1853 г. Обычай. Прежняя одежда состояла из длинного сюртука темного цвета, сшитого из грубого домашнего сукна (вадмаль), войлочной шляпы и лаптей. В отличие от соседей, они носили широкий кожаный пояс. Старшина деревни имел пару сапог, которые он надевал, идучи в город «к господам». Управление. В жены «короли» берут только дочерей своего же сословия или, по крайней мере, из свободных крестьян. Дочери «королей» выходят замуж и за чужих, но мужья их не наследуют недвижимого имущества своей жены. Гербы (стр. 23). Изображение на колоколе Липайкенской церкви.

Пять других групп вольных *крестьян в Курляндской губернии: двор Бугуд, двор Муйжнек, двор Либарт, двор Думпйт, деревня Буткунен или Новадкен (пограничные), иначе: Литовская деревня — на границе с Ковенской губернией. Жители этой последней деревни — католики, их одежда и язык такие же, как у литовцев; по преданию, они некогда были подарены вместе с землей одним литовским князем курляндскому вельможе. Перечень документов, относящихся к этой деревне и к другим селениям.

О тех же «королях» имеется в архиве еще одна рукопись 1846 г. на немецком языке: «Die Kurischen Könige»; автор ее Фелькерзам (Foelkersahm) 10 стр. в большую четвертку — Шифр рукописи: А. 1—14.

3. Записка об отыскиваемых вольными крестьянами семи курляндских деревень правах и преимуществах. 36 стр. в полулист. Получено в 1847 г. Рукопись официального происхождения, за подписью управляющего отделением В. Философова и столоничальника А. Перцова. — Шифр: А. 1—16.

В семи деревнях Гольдингенского уезда Курляндской губернии: Куриш-Кениге, Пликен, Семельн, Каллейзем, Весальген, Драгун и Саугзаллен, по восьмой ревизии, числилось 382 души обоего пола. Крестьяне этих семи деревень помогали освобож-

ждения их от платежа податей и повинностей, равно как от выполнения работ в пользу казенной мызы Гольдинген и от платежа оброчной подати или вака. В подтверждение своих прав они представили в 1810 г. 11 ленных грамот гермейстеров — 1320 г., 1333 г., 1439, 1459 и других годов, кончая 1621 г., и 9 повелений и распоряжений бывшего в Курляндии, до присоединения ее к России, правительства, например, повеление герцога Якобуса от 20 июня 1644 г., герцога Казимира 1688 г. и др.

4. Несколько слов о латышских народных песнях. 16 стр. в полулист. Писано, вероятно, в пятидесятых годах XIX в. — Шифр: А. V—101.

Автор пишет по поводу напечатанной в «Виленском вестнике» статьи Спрогиса, в дополнение к этой статье. Автор имеет в виду «прибалтийских латышей». Латышская мифология в песнях: «место древнего Перкона занимает главным образом благодушный «бог» или «наш боженок» (мусу девиньш), отчасти, быть может, также и Иван Купала. Лиго есть богиня песен и веселья. Лайме или Мара (Мария), богиня судьбы, есть женщина добрая, щедрая, обладающая кое-какими секретами. «Божьи сыновья» сватают «солнцевых дочерей» или встречают их на работе так же, как это бывает в обыкновенном крестьянском быту, и отличаются от крестьянских парней и девушек разве только своим богатством, золотом и серебром. Чорт, Юзис или Июзис, оказывается скорее бессмысленно диким, чем страшным пугалом. «Процесс очеловечивания явлений природы в латышских песнях уже завершился».

Шесть песен на латышском языке писаны русскими буквами с переводом на русский язык: 1) «Считает матушка своих дочерей в четверг вечером: все были (2 раза), утренней звездочки одной не было»; 2) «Вороночек сидел на дубе (или на горе), поигрывая на золотой лире; не видал ли ты, вороночек, куда увезли нашу сестрицу»; 4) «Душа парня, умершего с тоски по любимой девушке, превратилась в цветок»; 5) «Мелкие птички играют в свадьбу; дрозд бегаёт с плачем, кого избрать в дружки: у зайчика ноги кривые, ... у урсы когти востры, ... плиска бойкая бабенка, той принимать гостей».

5. Действительный член Географического общества Е. Р о м а н о в. Рисунки белорусских и латышских музыкальных инструментов. 2 стр. в полулист и препроводительное письмо от 8 сентября 1891 г. на 2 стр. в восьмушку. — Шифр: А. V—88.

Рисунки карандашные, но не плохие, с масштабам. Латышские инструменты: 1) жулейка (свирель) и 2) гусли (верх и низ).

6. Предисловие к старинной латышской книге, изданной в 1725 г. Перевел с латышского языка эйхенангерский, Лиф-

ляндской губернии, священник Андрей Поляков. 4 стр. в полулист. Получена в 1850 г. — Шифр рукописи: А. 1—18.

Мнения некоторых ученых о происхождении латышского народа. Языческие боги латышей в старину: Юммалс (Jum-mats), вырезанный из дерева в виде мужчины, сидящего на алтаре. На голове его венеч, украшенный 12 дорогими камнями, на шее золотая цепочка, на коленях золотое блюдо, на которое приносили в жертву золотую и серебряную монету. Этот Юммалс стоял в березовой роще, окруженный только палисадом, без всякой крыши и стен. Перун (Pehrkons), бог грома, был вырезан из дерева наподобие человека с ужасным молотом, огненными глазами, черной бородой; на голове его венеч, изображающий пламя. Во время бури и грозы брали они на плечи кусок сырого свиного сала и носили кругом идола, приговаривая: «Любезный Перкун, не делай мне никакого изъяна на моих нивах, тогда я тебе отдам этот кусок свиного сала». Но когда буря стихала, тогда они сами съедали свое сало, ничего не давая Перкуну. — Еще был идол Земледелец (Semneens); этому идолу они ежегодно осенью приносили в жертву свинью, петуха, гуся и теленка: при этом они сами пили и ели, но предварительно брали от каждого яства по части и кидали по всем углам горницы, говоря: «Прими, о Земледелец».

Женские боги: Лайме (Lai-me — счастье), поселяла во время родов, Декла (Dehkla) усыпляла в колыбелях новорожденных младенцев. — Девичий бог Вайц-Сантус (Waiz-Santus), которому ежегодно приносили в жертву пирожное, а потом, стоя на одной ноге на стуле или на скамье и держа в правой руке кувшин с пивом, а в левой — липовую кору, говорили: «О Вайц-Сантус, прикажи, чтобы в этот год вырос такой высокий лен, как высока теперь я, и не доведи нас до того, чтобы нам ходить голыми». Сказав это, они выпивали пиво и, наполнив кувшин снова, выливали пиво на землю в честь идола. Когда все это могли исполнить, стоя на одной ноге, тогда они верили, что будет хороший урожай льну.

Праздники «божии дни» (deewa decnas), когда они кормили умерших и пели в честь них различные песни. Дни Курзума или поста (Kurzuma deenas), которые ознаменовывались многодневием и пьянством. «Вечер бревен» (blukki wakkars) — «вечер перед рождеством христовым, когда они, нося бревно кругом, почитали оно вещь святою».

7. Илукштское гауптманшафтство. 7 стр. в полулист. Писано, вероятно, в пятидесятых годах XIX в. Судя по приписке в начале рукописи, автором был учитель Динабургской гимназии Соколов, которому принадлежит также рукопись, содержащая записи белорусских песен крестьян Курляндской губернии, имени Варновичи, ле-

жащего на берегу Даугавы (Западной Двины). — Шифр: А. 1—28.

Илукштское гауптманшафтство составляет юго-восточную часть Зельбургского обер-гауптманшафтства, прежней Семигалии; река Даугава отделяет его на севере от Витебской губернии, речка Рубеж на юго-востоке — от Виленской губернии (на пространстве 2 км). На юго-западе граничит Ковенская губерния, на северо-западе — Якобштадтское гауптманшафтство. Местность изобилует горами, оврагами и озерами, носит еще названия: Oberland и Barenlana. Растения и животные. Жители принадлежат к славянскому племени, исключая северо-запада, начиная от гор Илукшты, где живут латыши, и некоторых участков по берегу реки Даугавы, например имения Нейборн и Калкун, где живут литовцы. На юго-востоке живут белоруссы, сплошь до имения Солоней, где они начинают смешиваться с великороссиянами — раскольниками, занимающими все пространство земли около местечка Скрудолина и деревень Войчишки и Копчишки, где находятся и раскольничьи церкви. Автор считает этих белоруссов обрусевшими латышами на основании латышских имен местностей, например Кальнишки, и латышских фамилий, например Кальниш. Прежде тут могли жить и литовцы: имя маленькой речки в имении Варновичи «Шалупой» литовское: «шалта» — холодная и «упа» — речка. От границы Виленской губернии до имения Солоней жители — католики; от имения Солоней до города Динабурга Витебской губернии — униаты, принявшие в 1839 г. православие. На северо-западе, около местечка Илукшты, — опять католики, а на границе Якобштадтского гауптманшафтства — лютеране.

Летняя нарядная одежда мужчины: белая, из тонкого холста, сибирка с черными пуговицами; красная лента стягивает ворот белой прямоворотной рубашки. Черная суконная фуражка с козырьком и черные кожаные сапоги. Зимой белый овчинный тулуп и такая же шапка с черным суконным верхом. У женщин летом длинное холстинное пестрядинное платье; бисерные нитки и крест украшают шею и грудь, лента яркого цвета стягивает ворот рубашки, в косу влетается также лента яркого цвета. На голове шерстяной, довольно большой красный платок с бахромой, украшенный маленьким букетом цветов и руты. Зимой — заячья шуба. Вместо цветов голову украшают зимой павлиньими перьями, галунами или лентами. У старых женщин на голове повойник — ситцевый чепчик цилиндрической формы, обвитый небольшим ситцевым платком. Некоторые старухи повязывают голову одним белым платком, выпуская назад угол платка для прикрытия шеи, а на плечи накидывают тонкую белую простыню, сложенную пополам: это отличительный наряд белорусских католичек. Раскольники одеваются, как и

все великороссияне, а латыши на рубашку надевают жилет — красный, синий, черный и других цветов или камзол.

Эти общие замечания относятся к жителям имения Варновичи, где автор собрал 59 песен. Эти песни частично приведены в рукописи того же автора под шифром: А. I — 26. Песни записаны без всяких к ним примечаний на хорошем белорусском языке. Весенние песни: 1) «Ты весна, ты красна, что же ты нам принесла? Принесла, привезла на лесочек листочек, на зямлицу травуцу, на травуцу расицу, молойцам по канику, девицам по венку, а малым детям по яйку»; 2) «Деука па садочку хадила, белаго молойца будила: устань, устань, белейшый молойдец, устань, устань ты, белушенький. Атарвауся вароний коник, атарвауся варанушенький ад тачонаго стаупочка, ад шалковаго павадочка, да паламау мой сад виноград. — Цихо, деука. Не плачь, маучи. Кани лайдещь за мяне замуж, я твой зяленый сад высажу, твой зялезный тын выгаражу»; 3) «Гдеж тая крыниченька, што голуб купаеся. Гдеж тая дявушенька, што я залецауся»; 4) «Да и дуб з сасною звивауся; да и брат с сястрою витауся. Кали ш у мяне у госци будешь. Тагды, сястрица, у госци буду, як с гор снег пазганяець, а ручайки посбегаюць, пастуки на пасту пагайняюць, канюхи на ночлег поедутся»; 5) «Пасцила удоука семь панядеукоу, а васьмую нядзелку; паслала удоука семь падушечек, а васьмую пырыночку; пришли же, боже, лисбога госця на мою пасцелечку. Да пришоу казак, пришоу дурак на мою пасцелечку: брау бы я удаву, брау бы я маладу, да у вдавы дяцей многа»; 6) «Выдра кали речки хадила, выдра гарнастайку будила: устань, устань, гарнастайку, ня ляжи. Уже рыбаюуци надходять, шелковую сеть закидаюць, цябе, гарнастайку, паймаюць... Ганулька Спецпучку будила: устань, Спецпачка, абудись, на вулицы люди гукаюць»; 7) «Горький полынь у гараде, горька молойцу у дарозе, а мне маладе гарчей таго: ни деукой жиць, ни замуж ии; деукой жиць — людзка абмова, замуж пашоуши — вялика гора»; 8) «Ой, гора, гора, гараванейка. Где паделася красаванейка. Каника бог дау, и волика бог дау, а мне маладенькой бог доли не дау... Парадз, татулька, парадз, радникий, як мне не з любым век векавась»; 9) «Пасварыуся мой муж са мною, пасварыуся, ня гукаець. Матулька моя радима, на што ж мне спародила, гаркой долей надялила»; 10) «Беда малойцу не забытая, пашла жонка прочь нябитая, недалечешла через вулицу, через мой дварок по вадицу идеться, иена беленька вымываець... Идеться маленкий прытмиушис, просить естеньки не памышис»; 11) «Ёлачка, ёлачка, что ня зелена стойш. Як же мне ёлочце зеленюсенькою быць: соверху ёлочце ясно солнце пачеться, сыспаду ёлочце быстра речка пачеться. Девушка красна, што ня весело

сядишь... Меньшую сястрицу перву замуж отдаецься»; 12) «У польскаго карала вышла нова новина — завут войта со двора, а соцкаго со села: да будим мы раду братс, каго у рекруты падатся»; 13) «Свечитсь месяц да ня греець, дяучиноче сердце млеець; там за речкой за рекой любил парын дяучину, любил, любил да пакинул»; 14) «Расплылася белая лисыцянка по быстрой ваде, разашлася наша родина по усей старане; да естсь у мяне две сястрицы у маей старане; вы пайдице у сад виноград вишеньки шипатсь, щипайце и мне».

8. Статистические сведения об эстах, латышах, полуверцах и ливах Лифляндской губернии. 7 стр. в полулист, письмо Кеппена на 1 стр. в полулист и заметки на 1 стр. в восьмушку. Рукописи 1846 и 1847 гг. — Шифр А. I—8.

Две официальные бумаги лифляндского губернатора, адресованные в Академию наук: от 8 октября 1846 г. и дополнительно от 20 марта 1847 г. Губернатором сведения получены от орднунгс-рихтов. — Полуверцев в губернии нет, а есть в разных местах раскольники. Полуверцы живут на границе Верросского уезда, в Псковской губернии, говорят по-эстонски. Ливов только 4 человека на мызе Ней-Салис, на взморье в Вольмарском уезде. Ливы, жившие прежде в Венденском приходе на мызах Фрейденберг и Вейсенштейн, смешались с латышами.

Тут же, под № 9 рукописи академика Кеппена от 24 апреля 1846 г., на немецком языке: Жители Курляндии и Лифляндии вообще и Ливы в особенности. — D Bewohner Kur- und Livlands im Allgemeinen und die Liven insbesondere. 3 стр. в полулист и 13 печатных страниц в четвертку; эта рукопись напечатана в Известиях Академии наук в С.-Петербурге, по Историко-филологическому отделению, в томе III № 17, стр. 257 и след.

В архиве Географического общества имеются еще две рукописи о Латвии: 1) Статистические сведения о состоянии торговли льном и коноплей в Риге 1852 г. Рукопись Досса (Doss) на 18 стр. в полулист и 2 стр. в четвертку, писано в 1852 г. — Шифр А. I—23; 2) Материалы для климатологии города Риги: сведения о погоде за время от ноября 1849 г. по декабрь 1850 г. и таблица с указанием времени вскрытия и замерзания реки Двины близ крепости в Риге с 1812 по 1851 гг., рукопись Николая Неезе (Neese), 1851 г., на 11 стр. в полулист; подписано: Рига. — Обе эти рукописи на немецком языке. — Шифр А. I—19; 3) имеются также раскрашенные рисунки с изображением ливов в их национальных костюмах.

Литовцы

9. Чернецкий Осип. Описание быта литовцев Красновской гмины, Сейнского уезда. 10 стр. в полулист. Писано,

вероятно, в восьмидесятых годах XIX в. Автор из деревни Бурбишки. — Шифр: А. V — 107.

Занятия литовцев. «Слишком 20 лет тому назад многие из литовских селений поделились на колонии и живут поодиночке, каждый на своем участке земли. Жилище; в селениях, еще не разделенных на колонии, жилые дома стоят концом к улице; в избе глиняный пол; нет перегородок, чтобы изба была достаточно просторна на случай свадеб или похорон. Одежда; рубашку носят всегда белую. Обувь деревянная, обшитая кожей. Пища; хлеб ржаной, только иногда с примесью ячменной муки или картофеля. Летом приготавливают квас из ячменного хлеба.

Наружность: небольшой рост, светлорусые волосы, серые глаза. Грамотность. Язык. «Живущие в разных местах называются: жмудяне, веленцы, занавици, каты, дзуки, райки и занеменцы; в южных частях многие слова производят с большим изменением: вместо л, ч, д, а, я выговаривают л, ц, дз, у, а». Кое-что из грамматики литовского языка. Приветствия. Похороны. Занятия. Телеги всегда с одним дышлом. Лошадей запрягают в шлеи с нашьлейником у дышла, пахут землю на лошадях. Рожь косят, а в гористых местах жнут хлеба серпами и боронят деревянной плетеной бороной. «В деревне не увидишь ставней у окон, ни на окне цветов; редко белят стены известью». Печь топят из избы, а в других местах из сеней.

Свадьба; после венчания каждая сторона уезжает в свой дом, «на следующий день собираются подарки и жениха уже провожают к молодой или же он отправляется, чтобы ее привезти, а тогда уже свадьба провожает молодую к жениху». Увеселения. Религия; «при дорогах, божницах и на кладбищах издавна прохожими почитаются большие кресты, непременно с фигурой спасителя, а часто украшенные разными другими фигурками и предметами».

Почва. Болезни; сваленных колтуном волос не хотят стричь, опасаясь, чтобы эта болезнь не перешла в другие части тела; от зубной боли курят мак. Наем батраков.

10. Новяк В. Домашний быт литовцев. 12 стр. в полусти. Писано, вероятно, в восьмидесятых годах XIX в. Автор — учитель Сапержишского начального училища. — Шифр: А. I—190, № 7.

Описан быт литовцев, живущих на левом берегу реки Немана, в 16 и более километрах на запад от города Каунас (Ковно), около границы Мариампольского и Владиславовского уездов Сувалкской губернии.

Жилища деревянные, крытые соломой; состоят обычно из общей комнаты — «стуба», сеней — «премене», светлицы — «секличя»; за светлицей другая малень-

кая комнатка — «камарайте» и кухня — «кукня».

В общей комнате возле дверей при стене стоит хлебопечка печь, которую топят извне, т. е. из кухни. За печкой вдоль комнаты под балками повешена жердь — «картис», на которую вешают платье. В сенях стоят скамья и лестница, ведущая на чердак. Перед домом по обеим сторонам крыльца устроен цветник — «дарже'лис».

Одежда: шапки «шли'кас» как зимой, так и летом носят суконные, обыкновенной формы с козырьком; редко у кого встречается зимняя «кепуре». У женщин: «андарокас» — юбка из шерстяной ткани домашнего изделия; корсет «штол-тас» — короткое платье до пояса, без рукавов; полушубок или кожих — «скранда» или «кайлиней»; кафтан на вате — «яке», или «якса», и передник домашнего изделия «жюрстас». Нарядное зимнее пальто — «жюпонас», красиво сшитое из толстого трико. На голове платки, но девушки часто ходят без платка, а только красиво заплетают волосы, надевают ленточку — «каспина» и украшают цветами голову. Обыкновенная обувь мужчин и женщин — «курлес» или «клумпес», а в праздники у мужчин сапоги — «чебата'й», у женщин башмаки — «чеверикай». Волосы старики подстригают и зачесывают вниз на лоб, а молодые стригут коротко и зачесывают вверх; бороду все вообще бреют; усы носят, но большей частью подстригают. Женщины и девушки заплетают волосы в две косы — «касас», которые потом завивают на голове.

Пища: осенью, когда начинают колоть домашних животных, варят «юху» из свежего гусиного, бараньего или свиного мяса, вливая свежей крови этих же животных. Кисель приготавливают из овсяной муки: заливают ее теплой водой и ставят в квашне киснуть; на следующий день выжимают смесь, процеживают через сито и жидкость варят. «Карваюс» — коровай: сдобная свадебная большая булка, верхняя сторона которой украшается разными птичками из теста и позолоченными цветами. Нечистыми считаются, между прочим, лошадь, лисица, волк, барсук, канарейка, соловей, жаворонок, аист, трясгузка («келе»).

Крестины; перед уходом гостей с крестин повивальная бабка собирает шапки всех мужчин, и они, выкупая свои шапки, дают ей по несколько копеек. Молодежь на крестинах не бывает: считается неприличным. — Свадьба; «мергу вакарас» (девичий вечер). Во вторник рано утром жених со своим сватом и друзьями приезжает к невесте; перед избой их встречают девушки с песнями, но жених не входит в комнату до тех пор, пока не выйдет невеста и не пригласит его в светлицу. Товарищи жениха идут в общую избу, где места за столом заняты девушками: они поют песни и не освобож-

дают своих мест до тех пор, пока сват и дружки не дадут им по бутылке пирожного и бутылочке вина. Вскоре приходят «шерикай» (кормители лошадей) — несколько мужчин с граблями и вилами в руках, и тоже поют свату до тех пор, пока не получат вина и пирожного. Когда едут в костел, невеста со сватом садится на один воз, жених со сватом и своими «бролейс» (дружками) — на другой, дружки невесты — на третий; потом едут музыканты и молодежь. После отъезда свадьбы в костел приезжают от родителей жениха 3 или 4 «крайткей»; они складывают все приданое невесты на возы, а потом берут разные вещи тайком и «тащат себе на воз для большей славы, что они много своровали». Приданое в деньгах («пасога») жених получает перед бракосочетанием или после, смотря по условию. Приданое в вещах («крайтис») составляет один или два сундука с одеждой и полотном, постель и несколько мебели.

Похороны; поминки: «у здешних жителей есть такой обычай, что каждый гость, приглашенный на какое-нибудь празднество, приносит с собой — кто бутылку хлеба, кто пирожного, кто кусок мяса или ветчины, так что каждому почти хватает на его долю».

• Занятия; пашут сохой «жагре»; рожь и другие хлеба жнут косой «дальгис», а не серпом.

11. Мисюревич И. Этнографические сведения, собранные в окрестностях деревни Ольвита, Волковышского уезда, Сувалкской губернии. 153 стр. в полути. Писано, вероятно, в восьмидесятых годах XIX в. (ср. Известия Географического общества, 1887, т. 23, стр. 80). Автор — учитель Ольвитского гминного начального училища. — Шифр: А. II—8.

Наружность жителей: средний рост, голубые глаза, светлорусые волосы. Болезни. Характеристика. Рассказ о прежней барщине («бауджевос»). Пять сказок, 59 песен, 38 поговорок, 10 рассказов, 83 пословицы, около 100 загадок, 18 примет, 17 снотолкований (все на литовском языке, без перевода). Предания: 1) об Ольвитском озере: в озере утонул колокол, который в прежнее время выплывал и звонил, пока после нескольких неудачных попыток достать этот колокол ксендз не залял его; 2) на месте болота Лаумэжерис (Ведьино озеро) было прежде озеро, где ведьмы обучали чародейству своих детей и где после заката солнца они мыли белье; 3) рассказ на литовском языке, о человеке, который занял деньги у чорта. — Имена деревень и фольварков. Названия построек и частей жилого дома, одежды, хозяйственных и музыкальных орудий, кушаний.

Постройки из дерева, на каменном фундаменте, крыты соломой. При входе в избу по левой стороне — кухонная печка с трубой; вокруг всей хаты дере-

вянные лавки. Планы жилого дома и всей усадьбы крестьянина деревни Кирше Ольвитской гмины. — Одежда: девицы изредка носят на голове бумажные колпаки «пакальке», украшенные широким золотым или серебряным галуном и убранные в цветы (дан рисуночек такого колпака). Будничная обувь «клумпес» — род башмаков на деревянных подошвах, у мужчин с запятками, а у женщин — без запяток. Даны рисуночки обуви: «клумпе» мужская и «шлюре» женская.

Пища; во время возки навоза, жатвы и других тяжелых полевых работ едят «скиландис» — свиной желудок, набитый нежирным свиным мясом с перцем, солью, чесноком, луком, горчицей и другими пряными приправами и хорошо выкопченный. Не едят мяса лошади, собаки и кошки.

Крестины; кумовья после крещения при входе в избу с ребенком ничего не говорят, соблюдая некоторое время тишину, чтобы ребенок был тихим. Под конец торжества обоих кумовей сажают за стол, и женщины с обеих сторон сжимают их, чтобы «выжать» что-нибудь: тут кумовья опять должны дать по бутылке «мештос» (кипяченое вино с медом), чем заранее запасаются. Женщины наряжают бабушку невестой, сажают за стол и ставят тарелку. Бабка притворяется плачущей невестой, которая собирается ехать на брак, а все присутствующие гости кладут ей по гривеннику или пятачку, как невесте на венки. Когда бабка соберет деньги, тогда несколько сильных мужчин сажают ее в лоток и везут с собой в корчму.

Свадьба. Знакомство парня с будущей невестой («дабонимасис» или «мергавимас»). Сватовство бывает обычно в четверг. Сват «пиршлис» в доме невесты вынимает из кармана и ставит на стол бутылочку хлебного вина, убрannую рутой, чем и дает знать о цели своего приезда. Речь свата. Жених отыскивает невесту, которая обычно не показывается, а ожидает и наряжается в отдельной комнате, и ведет ее к столу. Приданое. Со времени первого оглашения невеста ходит всегда с открытой головой, с венком или букетом за косой, нарядной, но принимает печальный вид, хотя в душе, может быть, и радуется. Это время называется «нуотакавимас». В четверг перед последним оглашением как со стороны жениха, так и со стороны невесты высылается верхом на хорошем коне, убранный в цветы, «квеслис» — пригласитель на свадьбу, с пригласительным знаком «квесле». Это трехствольная веточка с поперечником (дан рисунок), на который девицы-соседки навешивают множество разных лент, ленточек, перстней, крохотных колокольчиков, цветов. Квеслис объезжает всех родственников, соседей и друзей; при входе в избу сунет вперед квесле, а сам, стоя у порога и потряхивая квесле, произносит длинную пригласительную речь

(текст ее приведен на литовском языке), после чего подает квесле девицам, будто бы поправить. Девицы, осмотрев, квесле, обязаны прибавить что-нибудь: завязать пояс, или подвязку, или ленту. В понедельник бывает «мергвакарис», или «вакаринос», — девичник, или вечеринка с песнями. Во вторник рано утром жених и его друг, с букетами у шапок, а невеста с дружкой в колпаках, украшенных цветами, обходят всю деревню, целуются со всеми и, низко кланяясь, просят на свадьбу. Состав поезда — «пулкас». Выкуп стола в доме невесты (стр. 127). Мать невесты приглашает жениха со сватом в клеть, где невеста дарит жениху новую ему шитую рубаху; жених свою рубаху снимает, а полученную от невесты в дар надевает. Невестина сваха ставит на стол перед невестой тарелку, куда всякий желающий кладет несколько копеек «невесте на венок» — «нуотакайан вайники». В это время двое жениховых друзей подходят к столу для вручения невесте венка от жениха. Венок этот заранее приготовлен и прикреплен к белому платку, натянному на подстаканник, в котором звенят несколько серебряных монет (дан рисуночек). Вручающий невестиную дружку венок читает «орацию» (ряд взаимных ораций женихова и невестиного «дружантов» приведен на стр. 128—132). Дружка передает венок свахе. Сваха развязывает платок, вынимает деньги из блюдечка и снимает венок, который передает друзьям, а они прикрепляют его к колпаку невесты. Деньги из блюдечка, равно как и положенные невесте «на венок» в тарелку, сваха завязывает в платочек и прячет в карман, чтобы передать впоследствии невесте.

После венчания вся свадьба заезжает ненадолго в речку, а оттуда к свахе невесты, где и ночуют: всю ночь веселятся, причем женихова сваха кормит свой поезд, а невестина сваха — свой. Утром жених едет к своим родителям, а невеста — к своим, но с невестиным поездом жених посылает двух своих старших друзей как верных стражей невесты. Поездка к невесте за ее приданым («шарвиникай», «крайтиникай» — коробейники). Приезд жениха с поездом за невестой; шуточная покупка приданого коробейниками. «Ужгерос» (запивки): все, начиная с родителей невесты, подходят к столу и кладут в тарелку деньги — кто сколько может и желает. Невеста стоит печально с поникшей головой, но каждый раз, услышав звук монеты, поднимает голову, целует дарителя и низко кланяется, а один из дружантов подает ему рюмку вина и девицы приветствуют песней. Если кто из родственников не подходит, то квеслис срамит их речью, становится на лапку и постукивает поленом в балку. Только своего жениха невеста при этом не должна целовать публично, хотя он и добивается этого хитростью,

и если это ему удастся, то женихов поезд изъясляет в таком случае большую радость. — Вручение невесты жениху. Надевание на невесту женского головного убора, после чего жених целует ее и каждый из гостей несколько танцует с нею. Встреча новобрачных в доме жениха (стр. 142). Брачное ложе — «сугулту-вес» — бывает в клетке. Второй день брака.

Похороны (стр. 146). Женщины-родственницы ходят вокруг покойника и, глядя его то по лицу, то по груди, то по всему телу, заламывая руки, причитают — «апрауда», «гарбсто». Дан образец такого причитания. Осенние поминки по умершим.

Отжинки, когда девицы плетут венок из колосьев и, надев его на одну из своей среды, идут домой с песней, а парни, спрятавшись в кустах и в сенях, обливают их водой. — Занятия. Расчет жизненных средств.

В 1886 г. автор этой рукописи был удостоен малой серебряной медали от Географического общества. — Литовские слова, песни и сказки писаны в рукописи русскими буквами.

12. Гродецкий Агтон Осипович. Этнографический очерк литовцев (Пренского прихода), Хлебешской гмины, Мариампольского уезда, Сувалкской губернии). 16 стр. в полулист и 2 письма на 5 стр. в восьмушку. Рукопись 1890 г. Автор — дворянин, не-литовец, родился и вырос на Литве. Подписано: город Прены, а второе письмо: деревня Вейверы Сувалкской губернии. — Шифр: А. V—65.

Родины; повитуха разбивает яйцо, белком его смазывает голову новорожденного и легонько сдавливает ее, чтобы голова имела красивую, овальную форму; потом сжимает у новорожденного нос в том месте, где носовая кость соединяется с хрящем. Детское место, или так называемую сорочку, закапывают в землю под печкой или порогом непременно той самой избы, где ребенок родился. По поверью, если какое-нибудь животное дотронется до этой сорочки, то родильница будет долгое время болеть. Всякий мужчина, входящий в дом родильницы, дает повитухе денежный выкуп за шапку, которую та прячет.

Крестины; кум с кумой, окрестивши ребенка, обыкновенно гуляют в кабаке, а потом уже идут домой. Войдя в дом родильницы, они садятся и некоторое время молчат, в противном случае, если они сразу будут говорить, ребенок будет криклив и задорист. Беременные девицы для умерщвления плода пьют с водой истертое в мельчайший порошок стекло белой прозрачной бутылки или тертый же ружейный порох. — Дети литовцев вообще не уважают своих родителей; в Пронском гминном суде ежегодно разбирается до 30 жалоб родителей на детей

за побию или за недодачу ординарии (провианта).

Смерть представляют себе в виде огромного скелета с косою в руках. Если кукушка кукует, сидя на доме, значит, тут скоро будет покойник. Около умирающего зажигают восковую свечу («грабничя»), освещенную в один из праздников богородицы. Если литовец хочет с презрением сказать о ком-нибудь из умерших, то говорит: «даже грабничю не следовало зажигать». Обычного и одетого в чистое платье покойника кладут на покрытые белой простыней скамейки посреди избы, положив под голову подушку; на столки в головах его ставят зажженную грабничю и распятие. «Похороны отчасти напоминают свадьбу»: сидящие в избе у покойника, особенно молодежь, ведут себя очень весело. Прежде был обычай голосить по умершему, но католическое духовенство его искоренило. После погребения отправляются в корчму справлять поминки. Когда плотник делает гроб, то надо украть у него щепку с дырой от выпавшего сука, лечь с этой щепкой на порог и смотреть на покойника: тогда увидишь, что делается с душой умершего; таково поверье, но все это считается самым тяжким грехом, и потому никто так не делает. Души некоторых умерших ходят по земле; лет двадцать тому назад у подлесничего умерли два сына, один 12 лет, а другой — 14: оба они каждую ночь приходили в дом своего отца, где разбрасывали тарелки, ломали ложки и т. п., потом начали ходить к леснику и делали то же. Могилу их освятили, и они перестали являться. Лет 25 тому назад в деревне Бочкениках, Погермоньской гмины, умерла некая Керназицкая, которая после своей смерти постоянно приходила по ночам; родственники ее откопали могилу, отрубили ей голову и положили между ног: тогда она перестала ходить. После своей смерти ходят так называемые фармазоны, т. е. те люди, которые не ходят на исповедь. О некоем фармазоне Формачевском рассказывают, что во время его кончины весь дом трясся и самые смелые должны были убежать из дома; после своей смерти он являлся в виде большой черной собаки.

«Девотками», т. е. давшими обет безбрачия, обычно объявляют себя девицы, которых никто не берет замуж; у них иногда рождаются дети, и народная поговорка гласит: «что девотка, то курва». — Известная сказка о сыне, который увез зимой на санках своего старика-отца в лес и там оставил; сыншник встретил его вопросом о санках: когда ты состаришься, на чем я тебя из дому увезу?

Народная медицина; болезнь от испуга — «припеуолис» — лечат так: у испугавшего человека стригут на голове волосы крестообразно, на лбу, на затылке, с боков повыше ушей, и жгут их на легком огне, окуривая дымом больного. Также окуривают дымом от горящих ногтей испу-

гавшего. Дают испугавшему один глоток воды: эту воду он должен трижды взять в рот и обратно выпустить изо рта, а потом ее дают больному. Если же испугало животное, то окуриваются дымом от его шерсти и дают ему трижды откусить от куска хлеба, остатки которого съедает потом больной. Большой лихорадкой («другие»), идя мимо еврейского кладбища, просовывает руку в щель ограды или ворот и берет с земли, что случится — траву, щепку и т. п.; он не должен смотреть на взятое, не должен оглядываться, а дома окуривается дымом принесенной вещи.

Или же: больной обрезает себе крестообразно волосы, а также ногти, связывает все это в тряпочку, куда предварительно кладет копейку; узелок этот он кладет в ящик, в котором евреи везут покойника на кладбище; покойник-еврей увезет болезнь с собой в могилу. Средства от головной боли. Знахари собирают лечебные травы накануне дня св. Ивана. — Характеристика литовцев. Словом «бурлокас» называют русских и разбойников.

13. Рыбинский Осип Осипович. Описание окрестностей приходского села Благоденствие и жителей, населяющих эту местность. 20 стр. в полулист. Писано, вероятно, в восьмидесятых годах XIX в. Автор — учитель одноклассного Благоденственного гминного начального училища. Шифр: А. II—10.

Село Благоденствие находится в гмине того же названия, во Владиславском уезде, Сувалкской губернии, на левом берегу реки Неман, которая отделяет эту местность от Ковенского уезда. Об имени села. Жители — литовцы; их наружность: средний рост, голубые глаза, темнорусые волосы. Мужчины бреют бороды и подстригают усы так, что волосы на губе чуть заметны. Волосы на голове стригут и причесывают гладко, безо всякого разделения на темени, на половину лба. Женщины заплетают волосы в две косы и в концы их вплетают тесемки, которые потом обматывают вокруг головы, связывая концы. Девицы, идя по праздникам в костел, закладывают за этим кругом кос руту и разные другие цветы, а замужние женщины никаких цветов на голове не носят. — Походка. Болезни.

Имена деревень. Жилые дома стоят концом или боком к улице, они построены из тесаных бревен, без фундамента, а прочие постройки — из круглых бревен. Между жилой избой и кладовой («камара») сени («премене»); иногда рядом с кладовой бывает светлица. Если жилой дом стоит концом к улице, то в стене на улицу делаются два больших окна, а в боковой стене, которая обращена на скотный двор, — одно большое, а другое маленькое. При уличной или боковой стене стоит длинный стол для еды. В стене, которая отделяет жилую комнату от сеней, проделано отверстие, и в нем по-

ставлена развальная печка; она стоит в середине стены и вся почти вдается в избу. Топится печь из сеней, почему и дым выходит в сени: над печкой на чердаке копят мясо. За печкой в избе «ушпечикс» — помост для спанья. Кроме развальной печи в сенях находится еще очаг — «кукня», на котором варят кушанья, причем дым расходуется по всему чердаку и сеням. Перечень надворных построек. План двора и пояснение к нему.

Одежда: женщины и девицы надевают на голову маленькие разноцветные платки из хлопчатой бумаги или даже шелковые; поверх этого маленького платка надевают большой платок, бумажный или шерстяной, концами которого иногда опоясываются. Праздничная юбка «андарокс» делается из шерстяной ткани домашнего изделия: прядут нитки из овечьей шерсти, красильщик окрашивает их, и тогда из них ткут разноцветную ткань «аудимас» для юбок. Передники «жюрстас» уже выходят из употребления. Повседневная мужская обувь «клумпес» состоит из деревянной подошвы («па'дас»), пятки («у'шкульнис»), каблука («у'шпенжис») и из кожного передка («перя'дкас»); передок и пятка прибиты к дереву проволочными гвоздями. Женские «шлюркес» — это клумпы без пятков.

Пища: постный борщ состоит из воды, порезанной на куски кислой свеклы, соли и небольшого количества ячменной крупы. Едят такой борщ с хлебом или с печеным картофелем. Копченый «скиландис»¹ во время жатвы прорезывают, варят и едят, хотя его можно употреблять и сырым. «Крупникс» — водка, вареная с медом или сахаром, с прибавкой перца и разных других кореньев. Во время поминок по умершим варят пиво из ячменя с хмелем.

Загадки на литовском языке с переводом: яйцо, дым, рак, роса, небо, корова, самопрялка, морковь, свекла, дверная клямка, порог, человек, скрипка, жернова, ножницы. Четыре песни «дайнос» без перевода; между прочим, песнь рекрута.

14. Милевский Иосиф. Литовцы. Сведения о литовском, или жмойцком (самогитском), народе в этнографическом отношении. 23 стр. в полулист. Рукопись 1886 г. Подписано: Рига. — Шифр А. V—60.

Предисловие. О названиях: Литва, Жемайтис, Жмудь; gudas Zamsitei — это, собственно, прозвище, основанное на том, что литовцы часто называют друг друга Zemaiteis, т. е. земляк, а иностранцев называют gudai, от слова gudieji — болтаты (ср. великорусское «гудеть»), т. е. говорящими непонятно. Польское название Zmudz (Жмудь) автор ошибочно выводит от польского слова Zmuda, мешкота: в виду имелся чрезвычайно хладнокровный и

нерешительный характер литовцев. Из литовского языка объясняются названия: янтарь, Балтийское море и Балканы (bal-tas — белый и Kalnas — гора).

Наружность и рост литовцев; в Ново-александровском уезде почти все мужчины высокого роста. Черные волосы бывают только у женщин. Волосы зачесывают с пробором от левого глаза направо и подстригают на шее ровно с ушами, а старики часто зачесывают без пробора прямо на лоб, подстригая спереди повыше бровей до висков и далее вокруг ровно с ушами. Девицы расчесывают волосы на две стороны с прямым разделом от середины лба к затылку и сплетают их в две косы, по три или по четыре пряди в каждой; носят косы, выпуская их позади и приплетая иногда к ним по бокам по одной косичке ото лба мимо ушей (это, впрочем, только у малолетних). Длинные косы позади головы свивают в кружок или же опоясывают ими голову повыше лба наподобие пары обручей на боченке. Женщины стыдятся показаться с распушенными волосами при мужчинах. Форма носа; о дьяволе гсворят, что у него, когда он показывается в человеческом виде, не достает носовых дырок (ноздрей), а потому он всегда говорит с носовыми звуками. Нижняя челюсть обыкновенно меньше верхней. Взгляд на красоту. Характер. Промыслы. Походка мужчин и женщин. Болезни и их лечение; при кровохаркании пьют пиленую медь с водкой. Характеристика; образование. Беса именуют «немчиком» — vokiecziukas.

О содержании сказок и песен.

Подробнее всего описан физический тип литовцев.

15. Михайлов Константин. О свадебных обрядах у литовцев. 7 стр. в полулист. Рукопись 1889 г., написанная «вследствие предписания Ковенской дирекции народных училищ». Автор — учитель Липковского училища, Поневежского уезда, Ковенской губернии. — Шифр рукописи: А. V—64.

Ряд кратких ответов на вопросы Э. А. Вольтера, напечатанные в «Памятной книжке Ковенской губернии за 1889 г.» Между прочим: свадьбы играют большей частью осенью. Сватанье бывает в четверг или субботу, а венчанье — по воскресеньям и вторникам. Девичник бывает в последний вечер перед венчаньем; собираются парни и девицы, к потолку подвешивают четырехугольные деревянные рамы или такие же рамы из соломы, украшают их бумажными цветами; наконец, один из подгулявших поджигает это украшение спичкой. На третий день свадьбы мать невесты везет приданое в дом зятя, причем сидит сама на сундуке; прибыв в дом зятя, дарит свату свиток полотна, которым тот опоясывается. Дружкам дарит по полотенцу, а они ей дают деньги — по три рубля каждый.

После венчанья все собравшиеся бьют

¹ Свиной желудок, набитый нежирным свиным мясом с перцем, солью, чесноком и пр.

свата толстыми соломенными плетками, поднимают его на тех же плетках и вытаскивают через дымовое отверстие курной избы на крышу дома.

После венчания съезжают к свaxe, затем к невесте, а потом к жениху. Дружки жениха воруют одежду и обувь невесты и уносят все это в отдельную комнату; дружки невесты приходят выкупать эту одежду невесты, причем они платят орехами; парни предлагают им выпить стакан свежесквашенного кваса, неприятного на вкус, и они обязаны выпить. — Венок с невесты снимают и ее раздевают ее подружки, причем парни со стороны жениха не допускаются снимать венки; так как это происходит поздно вечером, то парни иногда обманывают, покрывая чепцом не новобрачную, а подставленную девушку. Невеста позволяет снять венки только по предложению свахи. После снятия венка невеста плачет, и тогда, желая рассмешить ее, перед ней выделывают забавные штуки. Обряд надевания чепца на новобрачную происходит в присутствии всех. На брачное ложе в клеть молодых провожают с музыкой и танцами; в клетку при этом все выпивают и закусывают.

В доме жениха новобрачных встречают с хлебом, с солью и со стаканом домашнего пива. Мать жениха при этом дает новобрачной новую одежду. — Новобрачные ведут в клеть, где она вешает утиральник у дверей, другой кладет на закромы, а третий — на стол. Детское место или так называемую сорочку зарывают в землю. — Общие поминки по умершим бывают 1 ноября.

16. Петкевич Антоний, священник. Суеверие, легкое верие и предрасудки жмудского народа. 56 стр. в полулист. и отзыв действительного члена Географического общества В. Полевого 1859 г. Писано между 1851 и 1859 гг. — Шифр рукописи: А. V—19.

Гора Шатрия в Тельшевском уезде с давних времен славится сборным пунктом жмудских колдунов или чаровниц: в ночь на праздник св. Иоанна Предтечи они мажут чародейским составом свои стопы, ладони и подмышками, садятся на метлы и вылетают из домов через кухонную трубу или щит крыши; на горе бывает у них общее совещание и пляска. — Гора Мадзекальн в Росиенском уезде, близ местечка Ерожвилки, некогда была, как видно, кладбищем, теперь считается страшным местом; тут богоотступник может заключить условие с нечистым духом, отдав ему душу свою взамен денег. — Гора Виспиль под Юрбургом, над ручьем Имстра, с окопом на ней, была, по преданию, моленной язычников, куда, приходя молиться, они умывались в ручейке; теперь считается местом пребывания нечистых духов. — На горе Пикальнис, в местечке Вельона между Каунас и Юрбургом, на берегу Немана, слышны ведьмы; тут была

бани, в которой однажды ночью перед праздником парилась женщина: утром нашли тело ее на месте бани без кожи, а кожа была распнута на горе. Теперь на этой горе показывается страшная женщина, виски которой перевязаны платком; она преследует проходящих.

На Жмуди показывают много мест, где бани поглощены землей вместе с парившимися в них «неприлично со взрослыми обоим пола лицами и детьми в непозволительное время годовых праздников и в великую субботу»; теперь в эти дни на тех местах слышны из-под земли человеческие голоса, говор, шорох и удары венниками. — Кто купается в праздники в реке или в пруду, у того во время купанья появляются написанные детем или смолой на ладонях знаки, и часто купающихся в эти дни кто-то непонятным образом тянет в глубину, чтобы утопить.

Клады: на сундуках с деньгами лежат для стражи прикованные на цепях черные собаки необыкновенной величины. — Продажа души черту; цветок папоротника.

Птица «каукас» (в Тельшевском уезде kaukas, а в прочих местах айтарас — aytaras) — это огромная ночная птица, покрытая черными железными перьями с железными и постоянно накаленными клювом и когтями, огненными глазами с длинейшим хвостом из пламени и искр. Она питается серебром, золотом и мушкетерами (талерами), пьет уваренный с медом спирт, обитает в стране, покрытой неприступными горами, оврагами и утесами. Эта птица в полночь летит эллипсом, оставляя после себя огненные клубы и искры, влетает в крытый шитом дом, на чердаке испражняет афедроном кучу денег и улетает, но уже с малым блеском. Это она носит деньги тем людям, которые добровольно отдают свою душу айтарасу.

Лауми имеет отвращение к сороке, а потому хозяева держат живую сороку или вешают в конюшне убитую сороку, или, сняв с сороки кожу и набив ее сеном и паклей, вешают в конюшню или в своих горницах над печкою. Сложенные наподобие метлы ветви на деревьях жмудяки называют метлой Лауми. — Перед несчастными годами ведьмы стригут овец клочками на задних и передних лопатках; так было перед Кракуской войной 1831 г. и перед Венгерской войной, когда видны были даже и овечьи кожи, развешанные на заборах. — Грешно не почитать огонь, бранить его; видели, как огонь в глубокую ночь выступал из своего очага, проходил невредимо через соломенную крышу, возносился на воздух до облаков, вроде как бы для прогулки, и опускался обратно на свое место; во время пожара он миновал ближайшие дома и сжигал отдаленные строения. В пожар бросают хлеб св. Агафьи. Огонь шипит — сердится на кого-нибудь.

Охотники, чтобы метко стрелять, принося св. причастие, уносят его из церкви, помещают в лесу на дереве и стреляют в

него. В старину озера, например Паршовское, Плинкшовское, Лукштовское, в осенние ночи переходили с неудобных мест на новые места, поднимаясь в гору со всей массой воды в виде черной тучи. — От ведем хорошо держать в доме змею; владеlec старого замка Гелгуда, что на правом берегу Немана недалеко от Юрбурга, привез два боченка змей и распустил их в саду около замка; они были ручные, вползали в сени и в комнаты, играли с ребятами и часто ели молоко с одного блюда с ними; кормили их молодыми цыплятами. Гелгуды были во всем счастливы, но при жизни еще все свое утратили.

Если сова кричит на каком-нибудь дому, то девушка в этом доме утратит девичество раньше брака. — Резные деревянные пеликаны в местных костелах. — После крещения, прямо из церкви, младенца вносят в еврейскую корчму и пеленают на еврейской постели, чтобы младенец был в жизни богат, как еврей. После брака вся свадьба прямо из церкви отправляется в корчму, где у дверей встречается новобрачных хозяйка-еврейка с бутылкой водки, солью и пирогом, обложенным рутой и украшенным позолотой; за это еврейка получает стан (5 локтей) холста и булку хлеба. — Пожар от молнии можно погасить только кислым молоком.

Статья отличается многословием и витиеватостью языка; изложена частью в виде разговора и вообще в полубеллетристическом роде. — На листе 18 встретились выражения: «наши озера Тельшевского уезда», откуда можно заключать о местожительстве автора.

17. Максимов Иван. Жмудские песни и этнографические сведения по Олясдской местности, Тельшевского уезда, Ковенской губернии. 42 стр. в полулист и препроводительное письмо на 1 стр. в четвертку. Рукопись 1886 г. Автор — учитель народного училища. Подписано: местечко Олясыды. — Шифр рукописи: А. V—95.

30 песен, большей частью свадебных, на литовском языке, без перевода, с указанием лиц, от кого песни записаны. Предание о горах. Имена урочищ — гор, болот, ручьев, озер. Луг «Вяльни ком» получил название от камня, на котором видели отпечаток чортовой лапы. Слова уничижительные и ласкательные. Отличия местного говора (стр. 20; дуунас — хлеб, руунка, дыйбас вместо девас).

Жилище: живут не селениями, а отдельно; если и встречаются деревни, то по 3—4 двора. Дома из сосновых или еловых бревен, с соломенной крышей. В избе направо от дверей — печь; около печи — дверь, ведущая в маленькую комнату — «алькерис»; через сени иногда вторая половина — «пришники». Чертежи: план дома и план двора. Одежда; у стариков — «бурнусас» без всякой талии, длиной ниже колен, «сярмега» — род армяка с малым

воротом, а в праздники «сурдутас» наподобие длинного сюртука; у старух — «шнурялка», имеющая форму казакина, с фалдами кругом талии; у девиц — «нажутки», короткая кофта без талии. Старухи носят длинные волосы, подстригая концы их кругом головы, прическу носят на боку. Девушки заплетают волосы в две косы («биза»), завертывают их на затылке в кольцо и засовывают булавки. Старухи заплетают также две косы, с лентами в них, обертывают косы вокруг головы и завязывают выше лба узлом. Девушки складывают платок треугольником и завязывают его у подбородка. Старухи завязывают большой платок кругом головы, поверх него завязывают другой платок треугольником, а третий платок завязывают кругом шеи. На свадьбе девушки употребляют особый головной убор: из проволоки делается круг соразмерно с величиной головы, кругом на проволоку навешивают цветы из кисей разных цветов — красного, синего, зеленого и желтого, а сзади висят две красные или синие ленты.

Обувь — «клумпи» из осины, наподобие мелких галош, без всякого подбора; «нагини»: берется козья или телчья кожа по величине ноги, в носках сшивается, а по бокам вдеваются шнурки, которые переkreпчиваются в подъеме и обматываются кругом голени на портянку. — Пища.

На второй день после венчания новобрачные приезжают вместе с гостями в дом жениха; здесь невестина сторона («пасекей»), желая отомстить женихову свату за похищение невесты, старается повесить его, а женихова сторона («веуля») защищает свата. Опоясавшись полотенцем, сват садится в углу за столом между женщинами жениховой стороны. В это время в избу вносят изображающее свата чучело и ставят его в углу около печи. Тогда кто-нибудь с невестиной стороны читает свату декрет («пирши докретас»; приведен на литовском языке без перевода), после чего музыканта просят играть, а сами берут всех женщин из-за стола плясать. Тогда один из «пасекей» вытаскивает свата и берет в свою пользу полотенце; чучело выносят на двор, вешают на дерево и стреляют в него.

Во вторник на первой неделе великого поста («ужгавене») мужчины рдятся в лохмотья и в военную форму, с масками, и делают чучело женщины в белом платье. Чучело ставят на кибитку так, чтобы оно постоянно вертелось по сторонам. В сани запрягают цугом 5 или 6 исхудалых лошадей. В кибитку садятся музыканты. В таком виде ездят по домам, пляшут, поют и получают от зрителей угощение и вознаграждение. — В день воссоединения униатов мальчики в белых рубашках с синими лентами вместо пояса и через плечо ходят по домам и посыпают зелень, за что получают вознаграждение.

При первом выгоде скота весной в поле пастухи перебрасывают через стадо яйцо,

которое они получили от хозяйки: скотина все лето будет пастись вместе. — На крестинах, когда повивальная бабка моет ребенка, ей бросают в воду или на тарелку деньги, а потом повивальную бабку сажают на борону и везут в кабак, где она должна угостить водкой и пивом. — Во время пожара обносят вокруг горящего здания хлеб св. Агаты, освященный 5 февраля, и бросают его вверх: от этого пламя должно уменьшиться и подняться вверх.

Средства от разных болезней. Занятия. Уселения. Расчет жизненных средств.

16 ответов на вопросы, помещенные в № 64 «Ковенских губернских ведомостей»: 1) слово «ушкурето» означает обзаведение хозяйством; 2) условия принятия в дом зятя; 6—7) о наследовании; 10) за прижитого ребенка вне брака уплачивается 10—15 рублей; 12) на двух горках в Ольсядской волости, носящих имена: Алкас-кална, стояли идолы; приносимых в жертву этим идолам животных обмывали в ручье Алка-упе; 13) слово «девайтис» означает: идол (бога красоты) — деревянный или каменный, или металлический; 14) «Каука» — змей наподобие кота, который по ночам летает по воздуху и носит деньги хозяину. Одна старуха кормила каука яичницей, и корова давала много молока; умирая она передала свою молочную цедилку («пинкоштис») другой женщине, и та стала богата молоком. Но однажды она увидела в молочной комнате кого-то, похожего на кота, и ударила его палкой; после этого корова ее стала давать меньше молока. Покойница из могилы на кладбище объяснила ей ее ошибку и советовала поставить в молочной комнате яичницу, после чего у ней опять стало много молока; 15) одно семейство рвало лен; поднялся сильный ветер («весулис»). Сорванный лен взлетел на воздух и начал кружиться. Один из работников взял нож и бросил его в то место, где кружился лен. Лен улетел по воздуху, а вместе с ним пропал и нож. Года через три-четыре работнику этому случилось быть в городе Мемеле (Клайпедэ). Здесь в доме одного немца он увидел свой нож. Немец объяснил, что нож этот принес его работник откуда-то в своей ноге и подарил ему; 16) жабу («рупуже») язычники считали за молочного бога и держали в молоке. — Об «атжиндулис» говорят, что это очень опасный человек: если он посмотрит на скотину, то она издохнет; если взглянет на человека, тот заболает.

52 загадки на литовском языке без перевода. — Наружность жителей: рост выше среднего, сутуловаты, глаза голубые; бороду бреют. Походка. Признаки красоты.

Все литовские тексты и слова писаны русскими буквами.

18. Витковский Владислав. Этнографические сведения, относящиеся к изучению быта и обычаев литовского племени. 11 стр. в полулист. Рукопись

1886 г. Автор — учитель Людвиновского гминного начального училища. Подписано: посад Людвиново.

Характеристика литовцев Сувальской губернии. Их наружность: высокий рост, темноголубые глаза, темнорусые волосы. Прическа. Жилище. Одежда. «Клумпи» бывают и совсем деревянные, а чаще только с деревянными подошвами. Пища.

На крестины гости-мужчины приносят водку, а женщины — яичницу и жареные в масле булки. Если кто придет из неженатых и не даст ничего бабке, то отбирают у него шапку или другую какую-либо вещь, которую он должен выкупить: деньги идут будто бы на мыло для ребенка. Свадьба; жених со сватом идет в дом невесты, которая после обычных приветствий тотчас же уходит, если предложение не будет принято. В противном случае ее сажают рядом с женихом, уговариваются о сроке свадьбы, а при прощании заставляют ее поцеловать жениха. На свадьбу гостей приглашают от имени жениха и невесты так называемые «квестис» (послы): они верхом на лошади с длинной палкой в руках, украшенной ленточками; при шляпе у них венки из руты. Посол жениха отправляется прежде всего к невесте, а посол невесты едет к жениху. Приглашительная речь посла приведена только в русском переводе. Свадьба обычно начинается в понедельник вечером, который и называется девичьим. В костел едут — жених с друзьями верхом, а невеста — в одной бричке со сватом и свахой; в пути музыканты играют веселые песни. После венчания идут в корчму на закуску.

Новобрачную перед обедом ведут в амбар и предлагают ей надеть чепец, но она отказывается до тех пор, пока его не наденет сам молодой. Во время обеда один из друзей собирает деньги на чепец для молодой, которая после обеда идет в амбар и там раздает гостям подарки.

Похороны; мужчину хоронят без верхней одежды и без сапог, на голову ему надевают шапку. Холостого украшают цветами и ленточками, девушку одевают в венчальный наряд. Собрание гостей, пришедших проститься с покойником, происходит среди смеха и попойки.

Семейные отношения. Занятия; доходы и расходы. — Песни имеют грустный и заунывный напев; они разделяются на «дайнос» — житейские — и «гесмес» — религиозные. Музыка: кларнеты, бубенчики и скрипки. Три песни, без перевода, писаны латиницей.

19. Рачилло Казимир. Этнографическое описание Литвы Копедзкой гмины, расположенной в Волковышском уезде, Сувальской губернии. Две тетради: 12 и 96 стр. в полулист. Рукопись 1889 г. Автор — учитель Курпикского начального училища. — Шифр рукописи: А. I—190, тетради № 3 и 4.

Сообщение о трех древних предметах,

находящихся у автора; среди них каменный топорик, так называемый «перкуно кулка». — Наружность местных литовцев: рост выше среднего, глаза голубые, волосы белокурые. Волосы носят подстриженными наравне с бровями, бороду бреют все, от усов оставляют лишь пучок волос под носом. Болезни и их лечение. Характеристика. Одна свадебная песня и одна свадебная орация, 43 загадки и 64 поговорки — на литовском языке, без перевода, писано русскими буквами.

Во второй тетради описание горы Пилекальнис и предание об исчезнувшей с лица земли деревне Пастерей. «Дейвес» (духи). Сорок две дайны (песни), 25 преджоджей (прибаутки), 151 загадка, 10 сказок, предание о «перкуно кулка» (каменном топорике). Все на литовском языке, без перевода.

20. Гилис Матвей. Литовские этнографические материалы, собранные в гмине Гришкабуда, Владиславовского уезда, Сувальской губернии. 18 стр. в полулист и препроводительное письмо на 1 стр. в полулист. Рукопись 1886 г. Автор — учитель Гришкабудского училища. — Шифр: А. I—190, тетрадь № 6.

Поверья и фольклорные материалы. Все на литовском языке без перевода; писано русскими буквами. Частично напечатано в журнале «Живая старина» (I, 1890, № 1, стр. 16—18) под заглавием «Литовские поверья».

21. Кравцев В.ас. Литовские народные песни. С переводом на русский язык. 11 стр. в четвертку. Писано, вероятно, в девяностых годах XIX в. Автор — учитель Таврогинского народного училища. — Шифр рукописи: А. I—190, тетрадь № 5.

Пять песен: 1) «Солнышко красное, вечер недалеко; пошел бы домой, лег, да спать не хочу»; 2) «Каужи калина, каужи... Кого провожаешь, братец»; 3) «Рыбачил рыбак... Выватал девицу»; 4) «Матери сердце веселит, меня выносила на белых руках»; 5) «Где был, там был, такого дива не видал». 12 литовских слов.

22. Кайрукштис Антон. Литовские народные песни, загадки, пословицы, поговорки, скороговорки и сказки. 32 стр. в полулист. Рукопись 1886 г. Автор — учитель Гелгудышского гминного начального училища. Подписано: деревня Гелгудышки. — Шифр А. I—190, тетрадь № 2.

154 загадки, 142 пословицы и поговорки, 8 скороговорок, 11 песен, в их числе «дайны». Песни записаны в деревне Гиришки, Мариампольского уезда, и в деревне Альбектишки и Наркупы, Владиславовского уезда. Три сказки в стихах. — Все записи на литовском языке, без перевода; писано русскими буквами.

23. Витковский Марцеллин. Литовские песни и пословицы. 102 стр.

в четвертку. Рукопись 1886 г. Автор — учитель в городе Вержболове, Сувальской губернии. Подписано: Вержболово. — Шифр: А. V—99.

Ряд звукоподражательных слов литовского языка, 11 пословиц, 21 песня. Все на литовском языке, без перевода; писано русскими буквами. Карандашная приписка (Э. А. Вольтера) гласит, что это большей частью новейшие и искусственные песни, часть которых переведена с польского.

24. Кулин Жмудские пословицы и поговорки, 35 стр. в полулист и препроводительное письмо от 22 мая 1854 г. на 1 стр. в полулист. Автор — учитель Гродненской гимназии, прежде работавший в городе Тельшах и в Ковенской гимназии. Подписано: Гродно. — Шифр: А. V—94.

Триста переводов на литовском языке, с русским переводом. Записаны от крестьян Тельшевского и частью Росненского уездов. Распределены по алфавиту главных (а не начальных) слов в каждой поговорке. Между прочими: 65) «Зуб выбросила» (говорится о девицах: родила ребенка); 72) «Если хочешь сплетни послушать, позови девотку» (монашку); 87) «Дурак всем брюхом» (т. е. кругом дурак); 90) «Стучит, как некрещеная душа»; 113) «Скотина из черного стада» (говорят о людях развратного поведения); 119) «Кто в молодости стар, тот в старости будет молод»; 138) «Ступай к ста пням» (ругательство); 208) «Шипит, как змея (уж? — Zaltis), когда молока хочет» (жмудины-язычники читли ужей, держали их в своих домах и кормили большей частью молоком); 242) «В Тельшах и небо темнее»; 243) «Тельшевский простачок»; 252) «Вторник-мятежник (patobielis): девок в бабы ведет» (у жмудинов браки совершаются почти всегда по вторникам); 259) «И ворон моется, а всегда черный»; 269) «Свою телячью шкуру отдать в выделку» (т. е. поступить в школу); 280) «Откуда-то волк вытьем приманил» (т. е. пришел издалека); 291) «Седина в бороду, а чорт в хвост».

25. Жмудинские пословицы и загадки, собранные Л. А. Ивинским. 1 + 160 стр. в четвертку, в переплете, и препроводительное письмо на 2 стр. в полулист. Рукопись 1870 г. Автор — бывший старший учитель. Подписано: имение Ренново, Тельшевского уезда, Ковенской губернии. — Шифр: А. V—22.

Автор собрал пословицы и загадки в местностях, лежащих: 1) при реке Юре, притоке Немана, в Росненском уезде, 2) при реке Венте, от ее истоков до границы Курляндии, в Шавельском уезде, и 3) по средней полосе реки Невяжи, в Поневежском уезде. Часть их была уже напечатана Ивинским в изданных им календарях 1851 и 1852 гг. В записях отражены три различных литовских говора: по реке Юре говорят: рипа — хлеб, dīna — день, turēte — иметь. По реке Венте те

же слова произносят уже иначе: *dojna, dejna, turiete*; по реке Невяже: *duona, dejna, turete*.

Ряд пословиц и загадок «заимствован из сочинений прусских писателей», каковы: Шлейхер. Кумайтис, Марольд, Брониковский 1713—1744 гг., Нессельман, Руиг (Ruhig), Глогаус, Лепнер 1690 г. (напечатано в 1744 г. в Данциге), Довконт, Рагайнис. При каждой пословице отмечено, где она записана или откуда заимствована. Загадки составляют особый отдел (стр. 133—160), распределены по алфавиту отгадок. Пословицы разделены на 4 отдела: 1) прозаические; 2) в виде песен; 3) заимствованные из литовского календаря на 1869 г., изданного в Тильзите; 4) заимствованные из рукописей Дионисия Тышкевича. — Все записи без перевода.

В 1870 г. автор был удостоен за эту рукопись медали от Географического общества.

26. Ивинский Лаврентий Августин. Пословицы жмудские, 159 стр. в восьмушку, в трех тетрадах. Получено в 1871 г. — Шифр: А. V—21.

В первой тетради (89 стр.) — пословицы из книги «*Patarlesz zimaiejzin*» (см. № 5101 в «Сборнике библиографических материалов» Балтрамайтиса, 1904, стр. 317).

Во второй тетради (50 стр.) — пословицы, выписанные из первого тома книги И. И. Крашевского «Литва. Древние события, законы, язык, вера, обычаи, песни, присловья», изданной в Варшаве в 1847 г. (на польском языке). Большая часть этих пословиц приведена в двух написаниях — польскими буквами, как у Крашевского, и литовским правописанием Ивинского.

В третьей тетради (18 стр.) — пословицы в виде стихотворения; начало: «*Ankstie pabalnosi, wielaj te iszjoai*». — Все записи без перевода.

27. Песни жмудские. 30 стр. в четвертку и препроводительное письмо Л. А. Ивинского на 1 стр. в полулист. Подписано: город Шавли, Ковенской губернии, 1871 г. — Шифр А. V—20.

28 литовских песен с нотами и краткое предисловие к ним Симона Станкевича. Все списано с книги 1829 и 1833 гг. Фердинанда Ивановича (см. в «Сборнике библиографических материалов» Балтрамайтиса, 1904, № 5484).

28. Довойна-Сильвестрович Мечислав. Литовские легенды, басни, сказки, речи и т. д., собранные в окрестности города Россиеи между 1883 и 1887 г. 159 стр. в четвертку. Рукопись 1888 г. Подписано: Довойново. — Шифр рукописи: А. V—61.

Введение (первые шесть страниц) писано на русском языке, а все прочее — по-литовски без перевода. Во введении сообщается о способе собирания материалов, о

местном говоре и о правописании. Место-жительство автора в 60 км к югу от города Россиеи, где сходятся границы трех литовских говоров: полесского (прусского), жмудского и литовского. «Мои свадебные речи (орации), а особенно две с латинскими макаронизмами, суть последствие польских шляхетских речей из прежних веков, очень в то время распространенных». — В рукописи 25 фольклорных номеров, каждый в особой тетради.

29. Литовские песни и плачи из окрестностей Россиеи собрал Мечислав Довойна-Сильвестрович в 1874—1882 гг. и записал по говору к западу от города Россиеи, Ковенской губернии. 22 стр. в большую четвертку. Получено в 1891 г. — Шифр: А. V—102.

22 песни; из них 18-я имеет заглавие «*Daniulas*», а 22-я: «Пасхальная песенка-орация при собирании яиц». Три коротких насмешливых причета. — Все на литовском языке, без перевода (ср. «Известия Географического общества», том 31, 1895, стр. 647).

30. М. Довойна-Сильвестрович. Литовские сказки и легенды. 20 стр. в большую четвертку. Рукопись 1886 г. — Шифр: А. V—103.

Девять легенд: о Перкуне, Лайме, Таленте, о сотворении света. — Все на литовском языке, без перевода.

31. Бурба Алекс. Литовские народные песни. Собраны в окрестностях Лабонар. 42 стр. в четвертку и приложение на 38 стр. в четвертку. Получено в 1888 г. — Шифр: А. V—62.

21 песня с нотами, без всяких примечаний. В приложении — перевод этих песен на русский язык, исполненный П. Мостулянисом и исправленный А. Л. Погодиным.

32. Гродецкий Антон Иосифович. Литовские песни. 88 стр. в большую восьмушку, в четырех тетрадах, приложение на 4 стр. в полулист и препроводительное письмо от 4 октября 1892 г. Подписано: деревня Модлица, почтовая станция Тушин, Петроковской губернии. — Шифр: А. V—63.

104 песни без перевода. Писано русскими буквами. Собраны песни в Мариампольском уезде, Сувалской губернии, в гминах: Вейверской, Хлебшской, Гудельской, Фреда, отчасти в гминах Покойне и Михайлишки и в окрестностях села Годлева.

В приложении пояснительная записка, главным образом о правописании, и перевод некоторых употребляемых толков в поэтической речи слов. «Песни, помещенные мною, суть чисто народные, еще не искаженные новыми литовскими «поэтами», которые, взяв ту или другую на-

родную песню, переделывают ее на свой лад и затем распространяют в народе».

33. Кудырка В. Литовские песни и поговорки. 15 стр. в четвертку. Получено в 1896 г. Автор — учитель из Сувалкской губернии. — Шифр: А. V—67.

Рукопись на литовском языке, без перевода и без заглавия. Пять песен; при двух даны ноты; 41 поговорка (priežodžiai).

Ср. печатный сборник литовских песен на 4 голоса, изданный тем же автором в Тильзите в 1895—1899 гг., под заглавием: „Kankles“ («Гусли»).

34. Мигловарис Иосиф «Rasztaï». Литовские стихотворения. Выпуск второй и третий. 39 и 37 стр. в полулист, в двух тетрадах и препроводительное письмо от 20 сентября 1895 г. на 3 стр. в полулист. Подписано: город Шавли. — Шифр: А. V—69.

Рукопись на литовском языке, а письмо — на русском. В письме сообщается о среднелитовском наречии (между реками Дубисой и Юрой), на котором написаны стихотворения, и о правописании автора, а также кое-что о «литовском поэте низшего полета». Матеуше Слончевском.

В первой тетради 14 стихотворений, №№ 11—24, среди них поэма в семи главах: „Zemaitė“, т. е. Жмудь. Во второй тетради 10 стихотворений, № № 25—35. Первые 10 стихотворений вышли в печати в Тильзите в 1884 г. под тем же заглавием: Rasztaï; эта книжка (32 стр. в 8°) приложена к рукописи.

«Мигловарас» — псевдоним Милевского (ср. ниже его рукопись под № 38).

35. Словарь российско-литовский. 1193 стр. в восьмушку на отдельных листках. Писано, вероятно, в первой половине XIX в. — Шифр: А. V—111.

Алфавит слов от А до Дешевый включительно, большей частью с примерами на них. Например, под словом Глаз (akis, būktas, igimtas, regėjimo) переведены на литовский язык выражения: черные, серые глаза; свой глаз лучше чужого; быстрые глаза; зажмурить, сомкнуть, смежить глаза, мигнуть; вытаращить глаза; глаз с глазом не сошелся; очи суть зеркало души; открыть кому глаза; глаза потупить; бросить на кого глаза; видеть своими глазами; в глаза лгать; пыль пускать в глаза; правда колет глаза; пожирать кого глазами; говорить за глаза про кого.

Под тем же шифром другая рукопись: «Словарь русско-литовский с латинско-польским». 95 стр. в большую восьмушку.

Алфавит слов от А до Ау включительно, с переводом русских слов на литовский, латинский и польский. Например: «Алекстерь, ... а, м. — Gajadis, Gallus gallinaceus. Cis Kogut, kug». Слова те же самые, что и в первом словаре, с весьма редкими дополнениями.

36. Микуцкий Ст. Несколько слов о литовских местных и личных названиях. 8 стр. в большую четвертку и 4 письма на 7 стр. в четвертку же: два на имя Вл. Ив. Ламанского и два на имя Л. Н. Майкова; одно из этих писем писано А. Гильфердингом. Рукопись 1867 г. Подписано: Варшава. — Шифр: А. V—25.

Ср. статью С. П. Микуцкого, напечатанную под тем же заглавием в «Современной летописи», 1865, № 5, — В письме Микуцкого к Вл. Ив. Ламанскому от 9 апреля 1868 г. говорится о певце Д. А. Славянском и приводится свадебная песня: «Ой, закукала сива кукавэчка за бором», которую поют мазуры, сажая новобрачную на дежу (квашню) и надевая на нее вместо девичьего венка бабий чепец.

37. Дыдзюль (Didžiulis) Станислав Иванович. Заметки о литовском говоре в окрестностях села Андронишек, Вилкомирского уезда, Ковенской губернии. 18 стр. в четвертку. Получено в 1886 г. Автор — дворянин. Подписано: имение Гречаны (Gręzionis) через станцию Оникшты. — Шифр: А. V—58.

В Вилкомирском уезде проходит граница двух литовских говоров: 1) жителей из окрестностей местечка Оникшт и 2) из окрестностей местечка Купишек; первые звук *e* в середине и в конце слов произносят мягко, а купишкены — твердо, почти как *a*. Ответы на 40 вопросов программы, несколько местных слов и две дайны (песни) без перевода: одна записана в деревне Подворниках около села Андронишек, а другая — вблизи местечка Ракишек, Ново-Александровского уезда.

Здесь, равно как и в дальнейших рукописях, имеется в виду изданная Географическим обществом «Программа для указания особенностей говоров Литвы и Жмуди». СПб., 1886.

38. Милевский Иосиф Фердинандов. Заметка о литовском языке. По программе Русского географического общества. 11 стр. в полулист и письмо на 2 стр. в четвертку. Рукопись 1887 г. Автор — отставной коллежский секретарь. Подписано: местечко Радзивилишки (Шавельского уезда). — Шифр рукописи: А. V—66.

Описывается наречие литовцев в бассейне реки Дубиссы, особенно близ местечка Кельмы. Это кельменское наречие, по словам Милевского, весьма сходно с тильзитским, литературно обработанным литовским наречием.

Принятое автором правописание. Ответы на 40 вопросов «Программы для указания особенностей говоров Литвы и Жмуди». — В окрестностях Кельм и дальше к востоку и югу литовцы неохотно слышат наименование их «жемайтами», а слово «жмудин» им даже вовсе непонятно, хотя и «литовцами» они себя тоже не называют, а называют

себя по именам приходов: Kelmiszkei и т. п. Только в Тельшевском уезде и в части Шавельского, к северо-западу от Шавель, народ часто называет себя жемайтскими (zemaitei). В Царстве Польском все литовцы зовут себя поляками (liankai), а в Пруссии — прусами (prusai), хотя свой язык и называют «литовским». — Ряд местных слов. Образец принятого автором правописания: одна свадебная песня из сборника Ив. Юшкевича (изд. 1883 г.). О неудобствах русского алфавита для литовцев.

Автор прислал одновременно свой сборник (10 стихотворений) 1884 г., изданный под псевдонимом Иосифа Мигловары. В письме сообщает о своих работах по составлению литовского словаря.

39. Ляцкий З. А. Литовский язык. 7 стр. в полулист. Получено в 1886 г. Подписано: город Поневеж, Ковенской губернии. — Шифр рукописи: А. V—59.

«Неподвижность» (консерватизм) литовского языка. Критика изданной Географическим обществом программы для указания особенностей говоров Литвы и Жмуди. Словарные доказательства того, что литовский язык ближе всего стоит к русскому.

40. Ужупис Франц Яковлевич. Сведения о литовском языке. 88 стр. в четвертку, в папке, и препроводительное письмо Э. А. Вольтера от 13 января 1897 г. на 1 стр. в четвертку. Рукопись 1887 г. Автор — старший учитель Владиславовского двухклассного училища. Подписано: город Владиславово.

Указание особенностей говора литовцев Владиславовского уезда, Сувалкской губернии, по программе Географического общества. Местные слова, между прочим — наименования соседних народов. Сказка о двух братьях на литовском языке без перевода; писано русскими буквами. Замечания о литовских говорах. — Русско-литовская азбука. Латино-литовская азбука. Две сказки. Литовские издания, напечатанные русскими буквами. Заключение о двух азбуках для литовского языка.

41. Виссендорф Г. Г. Докладная записка об употреблении латинского шрифта в литовской письменности. 49 стр. в полулист. Адресовано в Особый отдел Ученого комитета Министерства народного просвещения. Писано, вероятно, в 1898 г. — Шифр: А. V—105.

Изложение обстоятельств, при которых произошло запрещение употреблять для литовских книг латиницу. Главный начальник Северо-Западного края граф М. Н. Муравьев в 1864 г. распорядился ввести в употребление в начальных училищах литовские учебники, печатанные русскими буквами. В 1866 г. последовало высочайшее повеление все казенные издания на литовских наречиях печатать впредь только русскими буквами. Вредные последствия этого запрета. Автор предлагает

разрешить повсеместно в России печатание жмудско-литовских книг и газет латинско-литовским шрифтом.

Отмена запрета последовала лишь в 1904 г.

42. Переписка 1866 г. по вопросу об издании литовских учебников: три письма на 10 стр. в большую четвертку. — Шифр: А. V—23.

а) Письмо Н. Милютина А. Ф. Гильфердингу от 11 февраля 1866 г.; б) копия письма Николая Милютина Федору Федоровичу Витте от 6 июня 1886 г., на 7 стр. (упоминаются Гиллис, Жилинский, Микуцкий, Ивинский); в) препроводительное письмо главного начальника собственной его величества канцелярии по делам Царства Польского на имя А. Ф. Гильфердинга, от 6 июня 1866 г.

Продолжение этой же переписки в рукописи под шифром: А. V—24, на 11 стр. в большую четвертку. Здесь письмо Ф. Витте от 5 апреля 1866 г. на имя Н. А. Милютина. В приложении — копия записки С. Микуцкого о литовско-русском словаре, где указана литература предмета: кроме печатных словарей названы рукописные: монаха Доминиканского ордена ксендза Суткевича; викария Вилькийского костела ксендза Антония Юшкевича, который за составление литовско-польского словаря «подвергался неприятностям со стороны ополченных литвинов»; учителя начального училища в местечке Биржах, Поневежского уезда, Христофора Даукаша; уроженца Августовской губернии Акилевича; Лавр. Ивинского.

43. Жичковский Фома. Сведения по этнографии края. 31 стр. в полулист. Писано вскоре после 1886 г. Автор — учитель Мариампольского одноклассного 1 городского начального училища. — Шифр рукописи: А. V—96.

Историко-географическое исследование о литвилах. Древние свидетельства об «эстах», которых автор считает «древнейшими предками настоящих литовцев» (стр. 11). «Все народы, носившие имена: Эстов, Галиндов, Куронов, Хоров, Борушков, Судинов, Шалаянов, Яцвингов, Аланов, Гирулов, Агатырсов, составляли один Летицкий, Литовский народ» (стр. 17). Этимология 22 географических и этнических имен: Литва, Жмудь, Курляндия, Семигалия, Балтия, Клайпеда и др. Описание уездного города Мариамполя (стр. 26—28). «Песня, верно описывающая город Мариамполь» (на литовском языке, без перевода; писано русскими буквами).

44. Шульц Доминиан. Содержание сочинения «О значении древней Пруссии». 3 стр. в полулист. Писано, вероятно, в шестидесятых — восьмидесятых годах XIX в. Автор — старший учитель Варшавской гимназии. — Шифр: А. II—3.

Незаванный автор, основываясь на гра-

мотах архива Царства Польского и на Кенигсбергских актах, пришел по вопросу о происхождении Голяди, о Бартах и Ятвгах к выводам, противоположным мнению Иоанна Voigt'a: «Земля Ятвгагов, составляющая ныне Бебжанский повет в Царстве Польском и часть Белостокского уезда с б. городом Ятвежем, с Дановым, Гонёдзем, Райгородом, согласно с грамотами литовских князей Миндовга и Кейстута, была одного с Пруссией, т. е. польского, начала до Литца или Прегеля».

45. К литовской библиографии. 13 стр. в четвертку. Писано не ранее 1894 г. Шифр: IV—14.

О содержании рукописи см. в книге Д. К. Зеленина «Описание рукописей ученого архива Географического общества», 1, Петроград, 1914, стр. 124.

46. Кушлис Франц Яковлев. Этнографические сведения. Уездный город Россиены и окрестности его. 42 стр. в полулист. Получено в 1887 г. — Шифр: XVII—8.

Содержание рукописи изложено в «Описании рукописей Ученого архива Географического общества» Д. К. Зеленина, II, стр. 636—640.

47. Рутковский Григорий Иванович. Описание литовской свадьбы Купишского прихода, Вилкомирского уезда. Стр. 32 в четвертку. Рукопись 1885 г. Автор — учитель Тыльгшского народного училища. — Шифр: XVII—10.

См. «Описание рукописей» Д. К. Зеленина, II, стр. 640—641.

48. Рисов Я. Описание литовской свадьбы в Вепровской волости, Вилкомирского уезда. 4 стр. в полулист. Автор — учитель Вепровского народного училища. — Шифр: XVII—11.

См. «Живая старина», 1, 1890, стр. 122—123, и «Описание рукописей» Д. К. Зеленина, II, стр. 641—642.

49. Юридические обычаи, собранные в Товянской волости наставником Нотоцкого народного училища Григорием Феофиловым. Стр. 16 в полулист. Поступило в архив в 1872 г. — Шифр: XVII—4.

См. «Описание рукописей» Д. К. Зеленина, II, стр. 634—635.

50. Малевич. Описание народных юридических обычаев. 28 стр. в полулист. Писано, вероятно, в семидесятых годах. Автор — учитель Гиртакольского народного училища, Россиенского уезда. — Шифр: XVII—5.

См. «Описание рукописей» Д. К. Зеленина, II, стр. 685.

51. Мицкевич Осип. Песни, записанные в Россиенском уезде. Стр. 160

в четвертку. Рукопись на литовском языке, 1886—1887 гг. Автор — житель деревни Видгири, Шимкайской волости, Россиенского уезда. — Шифр: XVII—7.

См. «Описание рукописей» Д. К. Зеленина, II, стр. 636.

52. Спудулис Иван. Куртоянский говор. 27 стр. в четвертку. Рукопись 1889 г. Подписано: город Ташкент. Автор — врач. — Шифр: XVII—9.

Описан жмудский говор Шавельского уезда. См. «Описание рукописей» Д. К. Зеленина, II, стр. 640.

53. Цитович Осип. Несколько слов касательно развития русской речи в Жмуди, или Самогитии. 7 стр. в полулист. Рукопись 1851 г. Автор — учитель Понежского дворянского училища. — Шифр: XVII—6.

См. «Описание рукописей» Д. К. Зеленина, II, стр. 635—636. См. еще «Описание, рукописей», I, стр. 443.

Эсты

54. Соловский Илья. Крестьянский домашний быт эстов. 9 стр. в полулист. Получено в 1848 г. Автор — Алтанский священник, Верского уезда. — Шифр: А. 1—27.

Крестьяне эдские живут рассеянно, большей частью по одному или по два жихаря (жителя); редко где находится пять дворов вместе. Несколько жихарей, рассеянные по разным местам, составляют одну деревню. Эсты живут во рьях (ригах для молотбы хлеба), а особые домов для жительства не имеют. Около рья находятся амбары для хлеба, хлевые для скота, маленькая кухня, сделанная из лису, без крыши или же из кольев в виде пирамиды. У многих есть бани, иногда земляные, т. е. находящиеся в земле, а не на поверхности. В жилых рьях имеются мары (нары), сделанные из досок и укрепленные к стене. К ночи эти мары покрывают соломой и на них спят, а днем на этих же марях потребляют пищу.

Впрочем, у некоторых есть скамьи, кровати и небольшие столы. В одном рью помещается не одно семейство, а два или три: 1) хозяин со своим семейством, 2) бабыль, т. е. постоялец, со своей женой и детьми и 3) работник со своим семейством.

Обувь мужчин и женщин — пастулы (постолы, поршни) из кожи. Только в праздники некоторые мужчины ходят в сапогах. Мужчины и женщины Анпенской мызы и некоторых соседних мыз носят серые кафтаны, а крестьяне некоторых других мыз, особенно ближайших к городу Дерпту (Тарту), носят черные кафтаны. Мужчины летом ходят в серых камзолах или куртках и в белых холщевых штанах, зимой — в серых суконных кафтанах и в таких же штанах. Женщины ле-

том ходят в белых рубахах и шерстяных юбках, а на голову надевают таники или мички, похожие на дамские ночные чепчики. На груди носят серебряные (а некоторые — жестяные или оловянные) бляхи, имеющие вид, подобный лейке. Осенью женщины ходят в камзолах, а зимой в серых суконных кафтанах, некоторые — в шубах. Голову покрывают платком. Эсты не стригут своих волос, бороду же бреют очень многие. Некоторые девицы ходят с распущенными волосами.

Главная пища — «пугра»; она готовится из ржаной муки, гороху, бобов, капусты, крупы, картофеля, молока и пр. Варят ее в большом котле, обычно на целую неделю: в субботу варят, а в прочие дни только подогревают. Из грибов едят только опенки и петушки. Огурцов вовсе не едят. Крайне не любят постного масла. Пирогов никогда не пекут, а делают иногда сырники из свежего сыра (творога) и едят их с коровьим маслом.

Жених три раза приезжает в дом невесты со своим вином и угощает им всех, в доме находящихся, и самую невесту. Если все три раза родители (или родственники) невесты вина от него не примут, то это означает отказ; если же приняли и выпили, то это знак согласия, и жених тогда уже смело невесту сватает. После венчания жених со своими родственниками и знакомыми отправляется в свой дом, а невеста — в свой. По приезде новобрачной в свой дом ее сажают за стол, надевают на голову таник и угощают гостей вином, пивом и пр. На другой день новобрачную везут к ее мужу. По входе в дом свекровь снимает с нее таник и надевает ей другой. Тогда новобрачные садятся за стол вместе. По краям стола кладут два хлеба, которыми благословляют молодых их родители, чашку творогу и масло, которых во время брачного пира никто не трогает: их едят новобрачные и их родные, когда все гости разъедутся. Для гостей ставят на стол «ляник» или большую чашку с вином, в чашке — поварешка (большая ложка); каждый из присутствующих подходит к столу, черпает этой поварешкою вино и пьет, сколько ему угодно. Кроме вина ставят на стол горячее пиво, сваренное с молоком, творог, масло, вареную свинину и т. д.

По умершим родные не платят. Тело умершего большей частью полагают на пол в том же рью, где живут сами. Пока покойник в доме, они не спят и ночью, а ходят с места на место и поют псалмы. В гроб кладут покойника почти в одной рубахе, связывают покойнику руки и надевают на них перчатки, а на голову шапку, после чего заколачивают гроб деревянными гвоздями. — Занятия. Увеселения.

55. Фон-Берг Р. Этнографические сведения об эстах, или эстонцах, коренном народе Эстляндской губернии. 15 стр. в полулист и 2 таблицы рисунков. Руко-

пись 1854 г. Автор — управляющий Эстляндским окружным управлением государственных имуществ. Подписано: Ревель. — Шифр рукописи: А. I—24.

Кое-что из истории эстов. Наружность и рост. Язык. Говоря по-русски, произносят ч вместо ч и щ, з — вместо ж и с: ноц, цотка (вместо щетка), зивой целовек.

Дома — от 18 до 20 сажень (38—40 м) длиной, в один этаж, без фундамента и без трубы, крыты соломой. Жилая комната служит вместе и сушильной для хлеба; она делается из дерева, а пристроенная к ней молотильня — из камня. В жилой комнате налево — печь из плит, которая разделяется на две половины. Задняя половина — для топки, передняя — для варки. Посреди комнаты — большой деревянный стол, длиной до 3 сажень (6 м), по обеим сторонам которого большие скамейки. Напротив — хлев и конюшня, в стороне — небольшой амбар и колодец. Утварь.

Одежда; у мужчин «кубо» — кафтан темнокоричневого цвета из толстого сукна домашней работы, позади три или четыре фалды, образующие талию. Штаны короткие, по колено, зимой — из того же сукна, а летом — из толстого холста. Обувь — шерстяные чулки и «пасели» из сыромятных воловьих кож, сушеных на солнце. Зимой — длинная нагольная овечья шуба и жилет — суконный или пестрой шерстяной ткани. На голове зимой теплая шапка с козырьком из черной кожи; два боковых клапана шапки, из овечьего или тюленьего меха, привязываются на макушке. Летом — круглая низкая шляпа или суконная шапка. У женщин суконный кафтан или суконная цветная куртка и пестрая шерстяная юбка — «селик». В праздники летом вместо куртки носят полурубашки из тонкого полотна; полурубашка эта вышита красной шерстью, украшена бляхами, застегивается вперед большой серебряной бляхой. Шею нередко украшают одной или несколькими серебряными рублевыми монетами, особенно старинного чекана с изображениями. Обувь такая же, что и у мужчин, только чулки нередко цветные, на острове Даго (Хиумаа) — темнокрасные или синие. На этом острове и мужчины и женщины носят башмаки с деревянными подметками и каблуками. На голове у женщин круглый колпак — в будни из ситца, а по праздникам — из шелковой ткани. Колпак украшен двумя широкими шелковыми лентами со шлейфами наверху; ленты спускаются вдоль спины. У замужних — колпак обшит белой коленкоровой ленточкой. Впрочем, почти в каждом приходе встречаются некоторые отличия в одежде и головном уборе женщин. — Все мужчины подбривают бороду, но ни мужчины, ни женщины не подстригают волос, у мужчин длинные волосы падают по спине в растрепанном виде; женщины носят две косы,

которые в одних местах спускают на спину, а в других завязывают вокруг головы.

Пища. В большие праздники, особенно на рождество, готовят колбасы с начинкой из крови и ржаной муки или же из кислой ячменной каши. Делают еще «кек» — небольшие хлебцы из ржаной муки и бычьей крови. В некоторых местах к праздникам варят домашнее пиво.

Обычая поминать умерших нет. Сватовство: жених приходит в дом невесты и после обычных приветствий вынимает рожок с нюхательным табаком и угощает им сначала мать невесты, потом отца и, наконец, всех присутствующих. Принятие табаку служит знаком согласия на брак. Тогда жених вынимает из кармана бутылку с водкой и в том же порядке угощает присутствующих. Тогда и невеста, которая пряталась в особой комнате, выходит и начинает разговор с женихом. Свадьба длится у бедных три дня, а у зажиточных — целую неделю с непрерывной пляской под звуки волынки. В церковь дружки, или шаферы, едут верхом, с ружьями через плечо; они опоясаны красными шерстяными поясами; вернувшись из церкви домой, они стреляют из ружей.

Занятия. На островах весной ловят тюленей, мясо которых едят в свежем и соленом виде. Музыка — волынка и скрипка, для всех песен одна и та же мелодия. Бюджет: годовой доход 179 р. 64 к., расход — 149 р. 57 к. Общественный быт; управляют крестьяне на основании положения 23 мая 1816 г. — Пьянство. Земельный вопрос.

В приложении — чертежи на двух листах: 1) фасад и план дома с масштабом; 2) три раскрашенные фигуры, каждая спереди и сзади: мужчина в кафтане и шляпе, женщина в кафтане и колпаке с желтыми лентами; на юбке продольные полосы — синяя, красная, белая; женщина в полурубашке, с двумя косами, на юбке ее продольные полосы — желтая, зеленая и красная.

56. Этнография эстов. Перевод с немецкого из «Статистики и географии Эстляндской губернии» профессора доктора П.-А.-Ф.-К. Поссарта, Перевел корпуса штурманов прапорщик Ф. Шульц. 62 стр. в полулист. Рукопись 1847 г. Подписано: Ревель.

Переводчик добавил к тексту Поссарта два образца эстонской народной поэзии: 1) происхождение реки Эмба и 2) песнь Ваннемунне — по записям Фельмана, напечатанным в Записках Эстонского учебного общества в Тарту; 3) две статьи: языческие боги эстов и сказание о луне; эти статьи составил сам переводчик по сочинениям Кооля: «Курляндия, Лифляндия и Эстляндия», Поссарта и энциклопедическому словарю, изданному в 1844 г. в Штутгарте. — Извлечения из книги Поссарта напечатаны в русском переводе в

«Журнале министерства внутренних дел», часть 31, 1850, стр. 47—91, «Этнографические сведения об эстах».

57. Сведения об эстах. 5 стр. в полулист. Получено в 1850 г. — Шифр: А. V—79.

Наружность. Некоторые из мужчин волос своих не подстригают и ходят, распустив оные. Напротив, некоторые из женщин, особенно девушек, остригают волосы кругом, как говорится «в подсежку». — Жилище; под одной крышей устраиваются и жилая изба, где также сушат хлеб в снопах, и кладовая, и хлев для скота. Полов нигде нет. — Одежда; обувь. Праздничный головной убор женщин — высокий острый кокошник, обшитый белой тканью, а некоторые носят зимой шапки, вроде мужских, четверугольные, с околышем. Такие шапки носят и девушки, которые чаще покрываются платками. — Кушанье «путра». — Все грамотны.

Предание о двух глубоких ямах и колодце на 46-м километре от города Пернова по почтовому тракту в город Вольмар.

Описаны эсты в районе города Пернова. Автор жил в 5 км от описанного им урочища — ям и колодца.

58. Заметки на статью г. Шульца об обычном праве сельского населения Эстляндской губернии. 2 печатные стр. в полулист и препроводительное письмо Эстляндского статистического комитета от 26 мая 1867 г. — Шифр: А. I—25.

Вырезка из № 108 «Ревельской газеты» 1867 г., где помещена анонимная статья на немецком языке под заглавием: «Berichtigung» (поправки). — Статья Шульца была напечатана в № 102 и 103 той же газеты и является, повидимому, переводом «Программы для собрания народных юридических обычаев», напечатанной в приложении к вып. VI «Этнографического сборника» Географического общества 1864 г. В этой программе немало замечаний об обычном праве в остзейских (прибалтийских) губерниях, сообщенных действительным членом Общества Шульцем, который 20 лет находился при гидрографических работах и триангуляции остзейских губерний (стр. 8).

59. Заос Адам Балтазарович. О происхождении некоторых эстонских слов. 4 стр. в полулист. Рукопись 1890 г. Подписано: Царское Село (город Пушкин). — Шифр: А. V—87.

Этимологии автора большей частью ненаучны. Например, эстонское слово *lumi* (вин. падеж *lind*) — снег он объединяет с немецким *Lohn* — выкуп. Русское слово *тспор* считает заимствованием из эстонского *таррап*, а не наоборот, обосновывая тем, что у эстов есть глагол *тарра* — убить. Бонапарта эсты называли,

по созвучию, Purnairdrai, т. е. красная утка.

60. Из журнала гидрографических работ, произведенных в лето (так!) 1846 г. в Нарвском заливе под ведением лейтенанта Казакевича. 15 стр. в полулист и отзыв об этой статье, 1867, на 2 стр. в полулист. — Шифр: А. I—13.

Публицистическая статья о тяжелом экономическом положении крестьян Эстляндской губернии, свободных от крепостной зависимости, но не имеющих земли, которая всецело принадлежит помещикам.

61. Статистические сведения о русских и о православных жителях Эстляндской губернии. 2 стр. в полулист и 2 официальных письма на имя П. И. Кеппена, на 2 стр. в четвертку. Рукописи 1848 г. — Шифр А. I—17.

Ведомость о числе православных эстов в уездах и перевод этой ведомости на немецкий язык. Одно из писем на французском языке, другое — на немецком. — Одними русскими населены два поселка Вирляндского уезда, Эстляндской губернии, у Чудского озера: село Сыронец и деревня Ям.

62а. Ведомость о числе мещан, вольных людей и вольных шведских крестьян, дворовых людей и крестьян, живущих на землях помещичьих и разным ведомствам принадлежащих, по Эстляндской губернии к 1843 г. 2 стр. в полулист и препроводительные письма на 2 стр. в четвертку. Рукописи 1843 г. — Шифр: А. I—6.

Эти и дальнейшие рукописи предназначены были, повидимому, для академика П. И. Кеппена при составлении им «Этнографической карты Европейской России» (СПб., 1852); объяснительная записка к этой карте издана была Географическим обществом под заглавием: «Об этнографической карте Европейской России», СПб., 1852 (ср. ниже № 68 и 63).

62б. Ведомость о числе жителей в городах и селениях уездов Эстляндской губернии, показанных по 8-й народной переписи 1834 г. в число положенных в оклад людей. 6 стр. в полулист и переписка по поводу этой ведомости на 4 стр. в полулист и в четвертку. Рукописи 1843 г. — Шифр: А. I—7.

Предназначено было для карты Кеппена (ср. выше № 62а).

63. Ведомость о числе жителей Эстляндской губернии, каждого народа, по городам и уездам, по 8-й ревизии 1834 г. 2 стр. в полулист и письмо на 2 стр. в полулист. Рукописи 1846 г. — Шифр: А. I—10.

Статистическая таблица за подписью эстляндского гражданского губернатора Гринальда. В таблице кроме русских, эстов и немцев означены еще поляки,

финны, татары и вольные шведские крестьяне. Письмо писано рукой П. И. Кеппена.

64. Список именам Эстляндской губернии, в которых обитают вольные шведские крестьяне, по 8-й народной переписи, к 1846 г. 3 и 3 стр. в полулист, письмо на 1 стр. в полулист и заметка на 1 стр. в восьмушку. Рукописи 1846 г. — Шифр: А. I—12.

Статистическая таблица, доставленная Эстляндской казенной палатой, и копия этой таблицы. Письмо и заметка (последняя — на немецком языке) писаны рукой Кеппена.

65. Коеррен Р. V. Die Bewöhner Esteanus. 2 стр. в полулист и 3 печатных стр. в малую четвертку. Все на немецком языке. Рукопись 1846 г. — Шифр: А. I—11.

Напечатано в «Известиях отделения исторических наук», том III, № 1, стр. 346—347.

66. Baron von ersen. Verzeichniss der zem Dorpatschen Kreise gehörigen Dörfer am Peipus-Strande, so wie auch landeinwärts, welche von aussen gewohnt sind. 2 стр. в полулист и препроводительное письмо от 20 июня 1850 г. на 1 стр. в четвертку. Автор — ордингсрихтер Дерптского (Тартуского) уезда. — Шифр: А. I—20.

Перечень 28 селений Тартуского уезда, с указанием для каждого селения числа жителей — русских и эстов.

67. Статистические сведения о населении Эстляндской губернии. 7 стр. в четвертку. Писано около 1852 г. — Шифр: А. I—22.

Составлено, вероятно, П. И. Кеппеном для его этнографической карты 1852 г. Три таблицы: 1) ведомость о сельских жителях; 2) ведомость о городских жителях; 3) перечневая ведомость. Общие цифры и процентные отношения.

По той же программе составлена рукопись под шифром: А. I—21, о Лифляндской губернии; 9 стр. в четвертку.

68. Кеппен П. Материалы для этнографической карты Эстляндии. 22 стр. разного размера. Рукопись 1847—1849 гг. на разных языках. — Шифр: А. I—3.

Письма Кеппена, адресованные разным лицам, выписки из книг и черновые наброски.

Такие же материалы и в рукописи под шифром: А. I—2, по Лифляндии; 21 стр. разного размера, на русском, французском и немецком языках.

69. О числе жителей в Лифляндской губернии по племенам, в 1842 г. 6 стр. в полулист. — Шифр: А. I—4.

Статистические таблицы с распределением населения по народностям, полам, городам и уездам. — В рукописи под шифром: А. I—5, 1843 г. (8 стр. в полулист и 2 стр. в четвертку), подобные же статистические таблицы по городам и уездам, за подписью губернатора Егора фон-Фелькерзама.

70. Статистические сведения об эстах, латышах, полуверцах и ливах Лифляндской губернии. 7 стр. в полулист, письмо Кепена на 1 стр. в полулист и заметки на 1 стр. в восьмушку. Рукописи 1846 и 1847 гг. — Шифр: А. I—8.

Две официальные бумаги лифляндского губернатора, адресованные в Академию наук — от 8 октября 1846 г. и дополнительно от 20 марта 1847 г. Губернатором сведения получены от орднунгсгерихтов. — Полуверцев в губернии нет, а есть в разных местах раскольники. Полуверцы живут на границе Верроского уезда, в Псковской губернии, говорят по-эстонски. Ливов только 4 чел. на мызе Ней-Салис, на взморье и в Вольмарском уезде. Ливы, жившие прежде в Венденском приходе на мызах Фрейденберг и Вейсенштейн, смешались с латышами.

М. Г. Левин

Роды „карындаш“ у алтайцев

Настоящая заметка имеет целью обратить внимание работающих по этнографии Алтая на некоторые вопросы социальной организации алтайцев, недостаточно освещенные до сих пор в этнографической литературе. Во время поездки, совершенной в 1929 г. по поручению Московского музея народоведения для сбора этнографических коллекций в Усть-Канский аймак Ойротской автономной области, мы обратили внимание на наличие у алтайцев группировок сеоков, охватывающих несколько родов. Отдельные сеоки рассматриваются как родственные между собой. Эти отношения между сеоками обозначаются термином «карындаш». Так же обозначается родство по отцовской линии («карындаш» — единоутробный).

Сведения о наличии у алтайцев родственных сеоков имеются у ряда авторов (Потанин, Дыренкова, Токарев, Потапов и др.). Авторы приводят отдельные названия таких родственных сеоков и предания об общности их происхождения. Основным признаком, выявляющим эти междуродовые родственные отношения, является запрет браков между сеоками-«карындаш». Однако междуродовые отношения «карындаш» (мн. ч. «карындаштар») проявляются не только в регулировании браков. Так, наши информаторы указывали на обычай родовой взаимопомощи, который распространяется не только на членов своего сеока, но и на членов сеоков-«карындаш».

Проявляются эти отношения и в культе. Как известно, наряду с духами, почитаемыми всеми алтайскими сеоками, имеются духи родовые, которые почитаются только определенными родами. Сеоки-«карындаш» часто имеют общих родовых духов. Косвенные указания на это имеются в работе Л. Э. Каруновской,¹ где дается перечисление сеоков, жертвующих тому или другому духу. По нашим материалам таким общим духом у сеоков Телес, Кёббк и Алмат является «Бахтыган».

Укажем еще на одну черту из области

культа. Культ так называемых посвященных животных, т. е. животных, посвящаемых тому или другому духу, играет важную роль в алтайском шаманстве. Эти посвященные животные остаются в стаде, но связаны с целым рядом табу. Так, женщинам, а также мужчинам чужих сеоков пользоваться ими запрещено. Ездить на посвященной лошади разрешается только хозяину и мужчинам его сеока. Это распространяется также на членов сеоков-«карындаш», приравниваемых в этом отношении к сородичам. Рассмотрение культа посвященных животных, широко распространенного у народов Сибири, выходит за пределы настоящей заметки. Имеется основание видеть в нем тотемические черты; в связи с этим отношения «карындаш», проявляемые в культе, приобретают особый интерес.

Наши информаторы указывали также, что многие сеоки-«карындаш» имеют общие тамги или тамги, происшедшие от общей формы. Общность тамги далеко не является сейчас правилом для сеоков-«карындаш»; многие из них имеют разные тамги. При этом надо учесть, однако, что в настоящее время тамги уже потеряли в значительной степени свой первоначальный родовой характер.

Происхождение отношений «карындаш», повидимому, различно. В некоторых случаях это результат разделения первоначально одного рода на несколько более мелких родов, в других — следствие более поздних междуродовых взаимоотношений. Наши информаторы указывали, что различается несколько степеней близости в этих отношениях «карындаш». Собрать более точные сведения по данному вопросу, к сожалению, не удалось. По нашим материалам, один сеок может состоять в отношении «карындаш» с сеоками, входящими в разные группы. Таким образом, получается довольно сложная цепь междуродовых отношений. Эти отношения напоминают междуродовой институт «дох» тунгусо-манчжурских народов Амура (гольды, ульчи). Эти вопросы, как и целый ряд других, связанных с институтом «карындаш», остаются далеко не выясненными и требуют дальнейшего кропотливого исследования.

¹ Л. Э. Каруновская. Представление алтайцев о вселенной. Сов. этнография, № 4—5, 1935.

Приводим список сеоков-«карындаш», как они записаны нами в Усть-Канском районе:

1) Тангды, Модор, Могол, Аара, Төр-бот;

2) Тодош, Кыпчак, Мундус, Оочы, Тонжаан, Кергиль, Чапты, Көжө;

3) Иркыт, Чаандык, Коболы, Сойон, Байлагас;

4) Телес, Көбөк, Алмат;

5) Чапты, Юты;

6) Каал, Майман (Найман);

7) Модос, Юс.

Сеоки каждой группы — «карындаш» между собой.

По другим сведениям, «карындаш» также сеоки:

1) Сойон, Тумат, Коболы;

2) Оочы, Тодош, Өжө, Каал.

Лужичане (материал к библиографии)

Пояснительная заметка

Лужичане (лужицкие сербы, * венды, сорбы) — славянская народность, обитающая в Германии, в верховьях реки Спрэвы (Шпрее), в пределах саксонской и прусской Лузаций, в Верхней и Нижней Лужице. Часть лужицких сербов (верхних) входят в состав населения Саксонии. Главный их центр — город Будышин (Bautzen). Остальные лужичане (часть верхних и все нижние) находятся в Пруссии. Главный город их Хоттебуз. Численность около 1.6 млн. чел.¹ Имеют два литературных языка: верхнелужицкий с более развитой литературой и нижнелужицкий, на котором говорит часть лужичан Пруссии. Лужичане представляют остаток некогда многочисленной ветви славян, подвергшейся германизации.

Агрессивная ассимиляторская политика, проводившаяся немецкими колонизаторами с конца IX в. и до последнего времени, особенно сказалась на языке лужичан (в Прусской Лузации было строжайше запрещено преподавание на родном языке, и немецкий язык насильственно насаждался среди лужичан). В последние годы германизация лужичан резко усилилась; местные представители фашистской власти в г. Будышине, культурном центре лужичан, официально объявили: «Через 10 лет не будет ни одного лужичанина». Но преследования и угнетение не могли вполне подавить роста национального самосознания среди лужичан. И в течение столетий, с конца VIII в., со времен Карла Великого лужицкие наречия противопоставлялись напору немецкого языка. С начала XVI в. начинается оформление верхнелужицкого и нижнелужицкого литературных языков.

В XIX в. оживляется борьба за национальную письменность, за национальную культуру, нравы и обычаи; тогда же развивается и вся лужицкая литература. «История возрождения лужицкой народности, говорит Н. Пыпин, представляет один из самых удивительных примеров славянского движения, энергии славянского народного чувства. Маленькое племя, составлявшее исключительно низший класс общества, лишенное всяких материальных

средств, издавна подвергавшееся опасности быть совершенно поглощенным немцами, вдруг возрождается, увлекается общим потоком национального славянского движения. Движение это распространилось из городов в села, из школ в народные массы. Главными вождями этого нового движения были преимущественно лица духовные и народные учителя. Оно уже по своему характеру своему было главным образом демократическим, вследствие чего подробное изучение народного быта, языка, песен и преданий сделалось главной основой воздвигаемого здания народной литературы.² Об этом же говорит и немецкий ученый Андреас. Несмотря на свое явное нерасположение к лужичанам он отмечает их добрый веселый нрав и любовь к песням.³ Об этом же говорят и их песни.

21 мая 1937 г. существующее с 1907 г. в Праге «Общество друзей Лужицы», издающее журнал «Лужицко-сербский вестник», устроило огромную манифестацию протеста против германизации лужичан, за сохранение своего языка и своей литературы.

Лужицкая литература распадается на две ветви: верхнелужицкую и нижнелужицкую. Историю сербо-лужицкой литературы можно разделить на два периода: от начала печатания книг на лужицких наречиях (1754 г.) до эпохи возрождения лужицкого народа, т. е. до Смоляра (1817—1884 гг.), и от Смоляра до настоящего времени — период возрождения. В первый период печатались большей частью книги духовного и поучительного содержания, книги богослужебные, сборники проповедей и духовных песнопений, а также учебники. Пробуждение национального чувства вызвало у лужицкой молодежи большой интерес к изучению родной старины и народности, к исследованию народной сло-

² А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур СПб., 1865. Цитировано по В. Ивацевич. Собрание памятников народного творчества у южных и западных славян. СПб., 1883, стр. 162.

³ R. Andree. Wendische Wanderstudien zur Kunde der Lausitz und der Sorbenwenden. Stuttgart, 1874, S. 73.

¹ З.д. Неелды. Лужицкие сербы. Славяне, № 1, 1942, стр. 54.

весности. Имена А. Зейлера, Э. Муки, П. Любенского и др. были известны всему лужицкому народу. Но настоящим отцом новой верхнелужицкой литературы и главным создателем лужицкого возрождения является Я. Смоляр, который вместе с Гауптом и нашим русским славистом И. И. Срезневским в 1842—1843 гг. издал сборник произведений сербо-лужицкой поэзии.

Литература этого маленького славянского народа, занимающего территорию, равную небольшому району Советского Союза, хотя и скромна в смысле абсолютном, но весьма значительна в сравнении с количеством наличных сил народности. Песни, обычаи, поверья и т. д., изданные в сборнике Смоляра и других ученых, показывают, что сербы-лужичане, несмотря на вековой нажим немцев, еще много сохраняют в себе славянских черт.

Почти вся лужицкая научная литература за последнее десятилетие написана по-немецки и нередко тенденциозна, с фашистской трактовкой; поэтому пользоваться ею нужно очень осторожно. Этнографическая же литература последних лет вообще небогата.

Библиографические сведения о лужичанах появляются уже с XVIII в. (1766 г.), причем материал дается с XVI в. (1597 г.). Каждая последующая библиографическая работа показывает национальный рост лужицкой народности. Последним по времени библиографическим трудом сербов-лужичан является книга Jatzwauk'a¹ на 4713 библиографических названий. Автор дает краткий обзор предыдущих библиографических указателей и выясняет метод составления библиографии сравнительно с другими библиографическими трудами. В библиографию Jatzwauk'a вошла литература, касающаяся лужичан, на всех языках, но эта литература, несмотря на большое количество библиографических названий, по словам самого составителя, далеко не полна.

Из сочинений русских ученых в ней отмечены работы: Новикова (1849 г.), А. Н.

Пыпина, А. Петрова (1874 г.), Т. Флоринского (лекции 1897 г.), Р. Брандта (1880 г.), Васильева (1893 г.), Е. Петухова (1898 г.), А. А. Шахматова (1916 г.).

Кроме указателя Jatzwauk'a имеются и другие, но за недостатком места о них здесь мы не говорим, а отсылаем к указанной ниже статье Д. К. Зеленина,² где они отмечены. В задачу нашей статьи не входит перечисление иностранной литературы о сербо-лужицком народе. Наша цель — показать литературу на русском языке, вышедшую в различные годы.

Русские слависты проявляли и проявляют большой интерес ко всем славянским народам и, в частности, к западным славянам и к сербам-лужичанам как одному из народов-борцов за свою независимость. Об этом свидетельствуют факты из истории русской литературы и общественной мысли [участие И. И. Срезневского в издании сборника Смоляра, издание монументального словаря Муки (лужицкого Дала) частично на средства Академии наук]. Еще Государственная дума в 1911 г. по ходатайству Академии наук ассигновала средства на издание этого словаря. В 1921 г. в Петрограде вышел первый том. Печатались и печатаются журнальные статьи русских славистов в славянских и других иностранных журналах. Наши слависты ведут главным образом лингвистические, фольклорные, а также и этнографические изыскания. Имеется и оригинальная, и переводная литература о лужичанах на русском языке.

Предлагаемая здесь библиография является началом более подробного библиографического труда, который ждет своего составителя. Расположена она в хронологическом порядке и имеет шесть разделов; тематика не выделена ввиду небольшого материала. Местами даны рецензии на книги и статьи. По обстоятельствам времени не все источники удалось просмотреть, вследствие чего библиография имеет существенные пробелы; некоторые работы даны условно.

Библиография литературы о лужичанах

Маркс К. и Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. VIII—IX (поляки, чехи и немцы — панславизм, Шлезвиг-Гольштинская война). Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. VI, М., с. 57—63.

О германизации оставшихся островов славян... вендов или сорбов в Лужиции.

¹ J. Jatzwauk. Wendische (sorbische) Bibliographie, Т. II, 1929, 353 с. («Veröffentlichungen» Славянского ин-та при Берлинском ун-те).

1. Статьи о лужичанах в энциклопедических словарях

П р. Лужичане. — Русск. энц. словарь, изд. проф. С.-Петербургского ун-та И. Н. Березиним, отд. III, т. I. СПб., 1874, с. 509—510, библиогр.

Л-ий А. Полабские и прибалтийские

² Д. К. Зеленин. Современное изучение славянства в Западной Европе, «Советская этнография», № 3 и 4, 1932, литература о лужичанах.

славяне. — Энци. словарь, т. XXIV, изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, СПб., 1896, с. 258—259.

Лужичане. — Там же, т. XVIII, с. 77—81.

1) Ир. П. Общие сведения, с. 77; 2) С. Б.-ч. История, с. 77—78; 3) Степанович А. Лужицкая литература, с. 78—81.

Погодин А. Л. Лужичане. — Энци. словарь Библиогр. ин-та Гранат, т. 27 (2-е стереотипн. изд., стб. 433—435, библиогр.).

Погодин А. История и литература лужичан. Там же, стб. 435—438 (приложение).

Лужичане. — Большая советская энциклопедия (БСЭ), т. 37, 1938, стб. 470—471.

Луижцкая (лузацкая) марка. — Там же, стб. 499, библиогр.

Луижцкие наречия. — Там же, стб. 469—470, библиогр.

Бросов А. Луижцкая культура. — Там же, стб. 468—469.

II. Библиографические обзоры

Пыпин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865, гл. V.

О литературе верхних и нижних лужичан.

Срезневский И. И. Взгляд на современное состояние литературы у западных славян. — Московский литературный и научный сборник на 1847 г., с. 667—688.

Лебедев И. Последняя борьба балтийских славян против онемечения, ч. I и II. М., 1876.

Ч. II. Обзор источников истории балтийских славян с 1131 по 1170 год.

Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изд. 2-е, вновь перераб. и доп., т. I, СПб., 1879, с. 11, 15—16, 19 и посл.; т. II, СПб., 1881, с. 1062—1092.

Ред. Будилович А. С. История славянских литератур А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изд. 2-е. т. I, СПб., 1879, т. II, СПб., 1881, 35 с.

Его же. То же. — Журн. мин. нар. просв., ч. ССIII, отд. 2, 1879, Критич. и библиогр. заметки, с. 277—311.

Ламанский В. И. — История славянских литератур А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. — Русь, 1880, № 1, 3, 5, 7; 1881, № 8.

Качановский В. В. О задачах современной луижцкой литературы. — Журн. мин. нар. просв., 1881 (декабрь).

Ивацевич В. Собрание памятников народного творчества у южных и западных славян (Библиогр. обозрение). СПб., 1883, гл. VI, с. 162—173.

Срезневский И. Очерк сербо-луижцкой литературы. — Журн. мин. нар. просв., ч. XLIII, 1884, отд. II, с. 26—65.

Мильчанин. Сербо-луижцкая литература. — Славянское обозрение, СПб., 1892 (июль—август), год I, т. 2, с. 453—466.

Библиогр. обзор литературы за 1890—1891 гг.

Францев В. А. Матица сербская в Будущине (1847—1897). СПб., 1897, 32 с. [Оттиск из Журн. мин. нар. просв., 1897 (июнь)].

Славяноведение в поврежденных изданиях. Сист. указатель статей, рецензий и заметок за 1900 г. СПб., АН, 1901. XVI, 112 с. Дополнение I: статьи по славяноведению во французских журналах, с. 112—115.

Лужичане: язык и литература, история, этнография, некрологи, с. 54—56.

То же в 1901 г. Систематический указатель трудов по языкознанию, литературе, этнографии и истории. СПб., 1903, 216 с. Лужичане: библиогр., язык, литература, этнография и фольклор, история, биографии и некрологи, с. 108—112.

Флоринский Т. Д. Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению. Киев, 1903—1913, т. XIII, с. 43.

Указаны все основные работы о лужичанах.

Мука Э. Литература луижцких сербов с 1548 по 1899 г. — «Славянские известия», 1906, № 1, с. 56—67.

Обозрение трудов по славяноведению, сост. В. Н. Бенешевичем, Вс. И. Срезневским, М. Р. Фасмером и А. А. Шахматовым, под ред. В. Н. Бенешевича. 1908—1909 гг., вып. 1 (до 1 июня 1909 г.), СПб., 1909. 369 с.

То же. Сост. А. Л. Бемом, М. Г. Долобо и Ю. И. Клецанда, С. С. Лисовским, Вс. И. Срезневским, М. Р. Фасмером и А. А. Шахматовым, под ред. В. Н. Бенешевича, 1912 г. СПб., 1913, вып. 1, с. 19, 21—40, 106—109; вып. II, с. 175 и сл.

Археология, этнография. язык, народная словесность.

То же, 1913 г., вып. I (до января 1914), Пг., 1915, с. 37—38, 70—76.

Язык, этнография. Зеленин Д. К. Современное изучение славянства в Западной Европе. I. Литература на славянских языках. II. Литература на неславянских языках. — «Сов. этнография», 1932, № 3, с. 103—109; № 4, с. 135.

Разбор научной лит-ры за последнее десятилетие.

III. Словари

Шлейхер А. Всеславянский словарь. — Записки имп. Академии наук, т. IX, 1866, кн. 2, с. 206—210.

Ред. Срезневский И. И. Замечание о словаре славянских наречий... Там же, с. 211—245.

Мука Э. Словарь нижнелуижцкого языка. Сост. проф. Э. Мука, Фрейберг, Саксо-

ния. Вып. I. Петроград. Изд. Отд. русск. яз. и словесности Российской АН, 1921, I т.

Лужицкие слова переведены на русск. и нем. яз.; в словарь вошли также топонимические и личные имена.

Селищев А. М. Славянское языкознание, т. I, Западнославянское языкознание, М., 1941. В конце приложен словарь.

Головацкий Я. Географический словарь западославянских и немецких земель и прилежащих стран. Вильна, 1884.

Рец. А. Н. (Пыпин А. Н.). — Вестник Европы, 1884 (март), с. 393—397.

IV. Карты (этнографические, диалектологические и др.)

Этнографическая карта славянских народностей с 1-го издания 1867 г. М. Ф. Мирковича, дополн. А. Ф. Риттихом. С.-Петербургский отдел славянского благотворительного комитета, СПб., 1874.

Головацкий Я. Карта западославянских и югославянских земель и прилежащих стран. Масштаб: 50 в. в 1 дм. СПб., Ильин, 1882.

Заряно Н. С. Карта славянских народностей. Изд. 2-е, пересмотр., В. В. Комаров, СПб., 1890.

Нидерле Л. Обзорение современного славянства. СПб., 1909, 160 с., 1 карта (Энциклопедия славянской филологии, изд. Отд. русск. яз. и словесности АН, под ред. орд. акад. И. В. Ягича, вып. 2).

Нидерле Л. Этнографическая карта западного славянства и Западной Руси. Киев, 1911, 1 л.

Флоринский Т. Д. Этнографическая карта западного славянства и Западной Руси. Источники и пособия. Статистические данные, поправки. Киев, 1911, 27 с.

V. Персоналия

Грот К. Михаил Горник. — Славянское обозрение, год 2-й. Сборник статей по славяноведению, под ред. И. С. Пальмова, СПб., 1894, с. 170—194.

Очерк жизни и деятельности известного сербо-лужицкого поэта (1833—1894).

Брюль-Сербин И. Я. Доктор Эрнест Юрьевич Мука. — Русский архив, 1914, № 5, с. 110—141.

Лужицкий славяновед и общественный деятель.

Будилович А. С. Ян Коллар и западное славянство. Речь, прочитанная А. С. Будиловичем, б. м., 14 с.

Флоринский Т. Ян Смоляр¹ (Некролог). — Изв. С.-Петербургского славянского благотворительного об-ва, 1884, № 7 (июль), с. 23—25.

¹ Популярнейший представитель лужицкого возрождения, основатель «Сербской матицы» и ряда журналов, пропагандист лужицкого языка; этнограф, фольклорист и лингвист, участник славянского съезда в Москве.

Янчук. Ян Эрнест Смоляр (Из истории сербо-лужицкого возрождения). — Журн. мин. нар. просв., 1885 (август).

Смоляр Я. Эрнест (1817—1886). Энци. словарь, т. XXXa, Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, СПб., 1900, с. 577—578.

VI. Отдельные работы (в хронологическом порядке)

a) 1837—1860 гг.

Шафарик П. И. Славянские древности. Соч. П. И. Шафарика. Пер. с чешского О. Бодянского. М., 1837.

Его же. То же. Изд. 2-е, испр. и доп., М., 1848, т. II, кн. III, отд. X, § 43, 44, с. 1—203 посвящены полабским славянам, в том числе и лужичанам.

Срезневский И. И. Донесение адъюнкта Срезневского г. министру народного просвещения, из Вены, от 8 (20) февраля 1841 г. — Журн. мин. нар. просв., ч. XXXI, 1841, отд. IV, с. 15, 34—36.

Шафарик П. И. Славянское народописание. Сост. П. И. Шафариком. Пер. с чешского И. Бодянского (с картой). М., 1843, гл. III, 22—26, с. 95—101, 165—167. О сербо-лужицком языке, образцы верхне- и нижнелужицкого наречия.

Рец. Срезневский И. — Журн. мин. нар. просв., ч. XXXVIII, 1848, отд. VI, с. 1—30.

Срезневский И. И. Публичные чтения о славянах. Денница. — Славянское обозрение, ч. 2-я, 1843, с. 127—141.

Срезневский И. И. Путевые письма к матери Елене Ивановне Срезневской. — Живая старина, 1844, вып. 4.

Кавелин К. Юридический быт Силезии и Лужиц и введение немецких колонистов. — В кн.: Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единоверных и единоплеменных, т. I, 1845, с. 11—50.

О городской жизни, сословиях, налогах и немецком праве в Силезии и Лужицах.

К статье приложен очерк под названием «Города немецкие и славянские».

Новиков Е. П. О важнейших особенностях лужицких наречий. Рассуждение, писанное на степень магистра Е. Новиковым. М., 1849, III, 136 с.

Рец. Максимов, М. ... «Московитянин», 1850, № 1, ч. I, кн. I, отд. 4, с. 19—28.

Срезневский И. И. О городищах в землях славянских, преимущественно западных. — Записки Одесского об-ва истории и древностей, 1850, т. II, отд. 2 и 3, с. 532—549.

1851—1860 гг.

Песни разных народов. Пер. Н. Берга, М., 1854, с. 37—63.

Лужицкие лирические песни.

А. Г. (Гильфердинг). Известие из Нижних Лужиц. Париж, 1856, с. 127—128.

О возрождении лужичан Нижней Лужицы.

Гильфердинг А. Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии. Письмо к А. И. Кошелеву. — Русская беседа, 1856, кн. I, отд. «Смесь», с. 1—35.

Его же. То же Собр. соч., т. II, с. 19—49.

Об общественно-культурном возрождении в среде лужичан в 20—30-х годах XIX в. и его деятелях: Зейлере, Смоляре; особо выделен вопрос о взаимоотношениях с немцами. В конце письма образцы лужицкого языка и тексты народных песен.

Гильфердинг А. Западные славяне. — Русская беседа, 1858, М., т. IV, кн. 12, отд. «Обозрение», с. 35.

О возрождении лужичан и развитии лужицкой литературы несмотря на притеснения немцев.

Его же. То же. Собр. соч., т. II, гл. XIII, с. 53—54.

Статья написана по личным наблюдениям автора во время путешествия по славянским землям в 1855—1857 гг. Вначале была напечатана в Париже брошюрой на французском языке под заглавием «Les slaves Occidentaux», а затем напечатана по-русски в «Русской беседе» 1858 г.

Его же. Славянские народности в Австрии и Турции (Очерк). Народное чтение, 1860, с. 6.

Его же. То же. Собр. соч., т. II, с. 3—15. О времени покорения лужичан немцами.

в) 1861—1870 гг.

Гильфердинг А. Борьба славян с немцами на Балтийском побережье в средние века, СПб., 1861, 124 с.

Клемм (Г). Отзыв о лужичанах (вендах) саксонских. С прим. И. И. Срезневского. — Изв. Русск. геогр. об-ва, т. II, 1866, № 7, с. 215—217.

Ламанский В. И. Чтения о славянской истории в И. С.-Петербургском ун-те, СПб., 1867 (Извл. из Журн. мин. нар. просв.).

Гильфердинг А. Венгрия и славяне. — Собр. соч., т. II, 1868, с. 122, 147.

О причинах порабощения лужичан, как и других западных славян, немцами, о стремлении к единению и самобытному развитию народных начал.

Срезневский И. И. Об успехах изучения народной поэзии у западных славян. — «Русский» (газета), 1868, № 1, с. 5, 21.

Павинский А. Полабские славяне. Историческое исследование, СПб., 1871, 169 с.

г) 1871—1880 гг.

Микуцкий С. П. Остатки языка полабских славян. Варшава, 1873.

Гильфердинг А. История балтийских славян. — Гильфердинг А. Ф. Собр. соч., т. IV, 1874, с. 6—10.

Кроме исторических сведений в общей части лужичанам посвящена вся IV глава.

Котляревский А. Древности права балтийских славян. Прага, 1874.

Майнов В. Германизация лужицких славян. — Изв. Русск. геогр. об-ва, т. X, 1874, № 1, с. 62—63.

Перволюф И. Славянская взаимопомощь с древнейших времен до XVIII в., СПб., 1874, 294 с.

Будилович А. С. Статистические таблицы распределения славян: а) по государствам и народностям; б) по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам (наречиям). С объяснит. запиской А. С. Будиловича. СПб., 1875, 23 с. Приложение к «Этнографической карте славянских народностей» М. Ф. Мирковича. Изд. С.-Петербургского отд. славянского благотворительного комитета.

Лебедев И. Последняя борьба балтийских славян против онемечения, М., 1876, ч. II.

Обзор источников истории балтийских славян с 1131 по 1170 г.

Перволюф И. И. Германизация балтийских славян. Исследование, СПб., 1876, I, 260 с.

Будилович А. О литературном единстве народов славянского племени. — Славянский сборник, т. 2, СПб., 1877, отд. III, с. 4.

Горник М. Минувшее десятилетие у сербов-лужичан. — Там же, 1877, с. 85—99.

О современном положении сербо-лужицкой народности.

Будилович А. С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян, ч. 1—2, Киев, 1879—1882 (Извл. из «Изв. Историко-филологич. ин-та им. Безбородко» в Нежине за 1879 г.).

Рец. Микуцкий С. П. Несколько слов по поводу соч. А. С. Будиловича «Первобытные славяне...», Варшава, б. г., 15 с.

д) 1881—1890 гг.

К. Г. Из поездки к лужичанам (летом 1882 г.). — Изв. С.-Петербургского славянского благотворительного об-ва, 1883, № 1, (октябрь), с. 19—22.

О культурном возрождении лужичан. Ламанский В. И. Обзорение славянских наречий и народностей. Лекции, читанные проф. ... В. И. Ламанским в 1882/83 акад. году. Изд. по запискам студ. Бороздина. СПб., 1883, 165 с.

Ламанский В. И. Обзорение славянских наречий и народностей. Лекции, читанные ... В. И. Ламанским в 1883/84

акад. году. Сост. студ. Добровольским, СПб., 1884, 40 с.

Брандт Р. Рецензия на книгу: „Syntax der Wendischen Sprache in der Oberlausitz von Geórgni bsch“, Варшава, 7 с. (Отд. оттиск из «Русского филологического вестника», 1884).

Григорович В. И. Славянские наречия. Лекции проф. В. И. Григоровича. (Отд. оттиск из «Русского филологического вестника», Варшава, 1884, VI, с. 3, 123—140).

Лужицкие наречия; приведены образцы лужицких песен.

Смоляр Я. Э. Большой праздник у самого малого славянского народа. — Изв. С.-Петербургского славянского благотворительного об-ва, 1884.

То же. Киев, 1898.

Т. Ф. (Флоринский). Сербская Матица в Будышине. — Изв. С.-Петербургского славянского благотворительного об-ва, 1884, № 9 (сентябрь), с. 15—16.

О деятельности Сербо-лужицкого просветительного об-ва (обзор).

Его же. Рец. на кн.: Boguslawski W. a Gornik W. Historia serbskeho naroda. Spisastaj Wilhelm Boguslawskia Michal Gornik. Budysin, 1884. — XVI, 144 с., 1 карта сербо-лужицких земель от VI до XI вв. Изв. С.-Петербургского славянского благотворительного общ-ва. СПб., 1884, № 6 (июнь), с. 32.

Его же. Рец. на кн. Pypin A. N. Cas serbisch-wendische Schriftthum in der Ober- und Niederlausitz, von A. N. Pypin. Aus dem russischen übertragen, sowie mit Berichtigungen und Ergänzungen versehen von Traugott Pech, Leipzig, Brokhaus 1884b. — Изв. С.-Петербургского славянского благотворительного об-ва, 1884, № 6 (июнь), с. 32.

О той части обширного труда А. Н. Пыпина «История славянских литератур», которая посвящена сербо-лужицкой литературе.

Ламанский В. И. Чего нам особенно желать, и что нам нужно делать в западнославянских землях (речь). СПб., 1885, 62 с. [Отд. оттиск из Изв. С.-Петербургского славянского благотворительного общ-ва, 1884, № 12 (декабрь)].

Первоульф И. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. I. Очерки истории славян до XVIII в., Варшава, 1886, 208 с.; т. II. Славянская идея в литературе до XVIII в., Варшава, 1888, 616 с.; т. III. Славянская идея в политических и культурных сношениях славян до конца XVIII в., ч. I. Западные славяне, Варшава, 1890, 262 с.

Т. I, гл. II, с. 15—21; т. II, гл. I, с. 11—22; т. III, гл. I, с. 1—19 посвящены балтийским и полабским славянам.

Рец. на тт. I и II. А. Н. Пыпин. — Вестник Европы, 1888 (сентябрь), с. 400—403.

Рец. А. П. (Пыпин А. Н.). Там же,

1890 (июль), Отд. «Ист. обозрение», с. 422—423.

Святополк К. Qui vivra, verga. — Несколько замечаний по поводу современного состояния лужицких сербов. — Изв. С.-Петербургского славянского благотворительного общ-ва, 1887, № 2, с. 62—63.

О попытках немцев полностью германизировать сербов-лужичан и усилиях последних сохранить свою самобытность, язык и культуру.

Смоляр Я. Современное положение сербов-лужичан. — Славянские известия, 1889, № 12, с. 297—300.

О культурной жизни, выдающихся деятелей, языке и религии.

Срогоз. Стоит ли помогать сербам-лужичанам? — Славянские известия, 1889, № 16, с. 413—414.

Об ассимиляции лужичан.

Западным славянам! Предостережение. Из прошлого лужицких сербов. — Славянские известия, 1890, № 37, с. 663—664.

О систематическом истреблении лужичан немцами в результате политики полного равнодушия со стороны их соседей славян.

Срезневский И. И. Путевые письма и заметки о сербах-лужичанах. — Живая старина, год I, 1890, вып. I, с. 84—102.

Его же. Сербо-лужицкие народные поверья. — Там же, вып. 2, с. 57—62.

Его же. Сербо-лужицкий народный календарь. — Там же, с. 55—57.

е) 1891—1900 гг.

Немцова Божена. Бабочка (бабушка). Пер. с чешского. — Русский вестник.

(Ссылка в «Русском вестнике», 1891, ноябрь).

Бытовой рассказ из жизни лужичан.

Черный А. Картинки из жизни лужичан.

(Ссылка в «Русском вестнике», 1891, октябрь).

Его же. Лужицкие рассказы. 1. Старички, 2. Колокола. Пер. с чешского. — Русский вестник, т. CCXVII, 1891, № 1 (ноябрь), с. 265—280.

Петров А. Л. История славянских народов. Лекции по славяноведению, читанные на Высших женских курсах проф. А. Л. Петровым в 1891/92 акад. году, СПб., 1892, 422 с. Библиогр. То же, в 1896/97 акад. году, СПб., 1897, 423 с.

Мильтанин. Названия и границы земель лужицких сербов в разные времена. Исторический обзор, СПб., 1893.

Пыпин А. Н. Новые данные о славянских делах. Вестник Европы, 1893, кн. 6 (июнь), с. 712—759, кн. 7 (июль), с. 281—334; кн. 8 (август), с. 758—802.

Погодин М. П. 1820 г. Слав. путешествия 1835, 1839, 1842 гг., с. 744; Венеция, 1830—1831 гг.; Срезневский

И. И., 1839—1842 гг., кн. 7, с. 327; Прейс П. И.; Григоров В. И. и др.

Срезневский в годы путешествия по славянским землям (1839—1842 гг.). — Вестник Европы, 1893, № 7 (июнь), с. 281—334.

Рец. Пыпин А. Н. — То же, август, с. 327.

Погодин М. П. О лужичанах. — В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., т. III, 1890, с. 126, 128, 129; т. V, 1892, с. 224; т. VII, 1893, с. 25; т. IX, 1895, с. 152; т. XVI, 1902, с. 430.

Срезневский И. И. Путевые письма Измаила Измаиловича из славянских земель 1839—1842. СПб., 1895, X, 374 с. с илл., 1 карта.

Флоринский Т. Д. Западные славяне в начале и конце XIX ст. Киев, 1895, 20 с.

Краткое упоминание о лужичанах. В стране последних лужичан. — Правительственный вестник, 1897, № 138, 139.

Флоринский Т. Лекции по славянскому языкознанию, ч. 2. Киев, 1897, с. 583—685.

О сербо-лужицком языке. Петухов Е. В. Лужицкие сербы (лужичане). Из путевых заметок летом 1897 г. Юрьев. 26 с. Библиогр. (Отд. оттиск из Сборника Учено-литературного об-ва при имп. Юрьевском университете, вып. I), 1898.

О национальном возрождении, культуре и быте.

Сказки славянских народов, сербов, босно-герцоговинцев, болгар, хорватов, словинцев, моравов, чехов, лужичан, кашубов поляков, русин. Перев. М. А. Ялиной, с. 20 рис. слав. художников. В. И. Губский, СПб., 1899, 149 с. с илл.

ж) 1900—1910 гг.

Погодин А. Из истории славянских передвижений. Изд. С.-Петербургского археологического ин-та, СПб., 1901, гл. X, с. 112—141, 133—137.

Распространение славян на Западе, лужицкая полоса славянской колонизации, лужицкие местные названия.

Прусский дух в Сербских Лужичах. — Изв. С.-Петербургского славянского благотворительного общ-ва, 1902/03, № 5, с. 53.

Заметка по поводу речи Вильгельма II, произнесенной им в связи с освящением памятника славы немецкого фатерланда в Гёрлице (столице Верхней Лузии).

Куликовский И. В. Национальное движение у лужицких сербов. — Изв. С.-Петербургского славянского благотворительного общ-ва, 1903/04, № 6, с. 65—75.

О культурном развитии лужичан в XIX в.

Большой праздник у самого маленького славянского народа. — Славянские известия, 1904/05, № 1, с. 65—76.

Об открытии сербского «Народного дома» в г. Будышине и деятельности «Сербской матицы» и других общественных организаций.

Томсон А. И. Общее языкознание. Со многими рисунками в тексте. Одесса, 1906.

То же. Изд. 2-е, 1910, с. 57, 62—63 и сл. с илл.

О месте лужицкого языка среди всех славянских языков.

Флоринский Т. Д. Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства (с прил. двух этногр. карт), гл. VIII, Киев, 1907, с. 155—164, Библиогр.

Сербы лужицкие (лужичане), Сербо-лужицкая область и ее границы; две народности; численность; этнографические особенности и политическое положение.

Его же. То же. Университетские известия, Киев, 1907, № 8—10.

Нидерле Л. Обзорение современного славянства (с картой). СПб., 1909, с. 63—68. Библиогр. (Энциклопедия славянской филологии. Изд. Отд. русск. яз. и словесности И. Академии Наук. Под ред. орд. акад. И. В. Ягича, вып. 2).

Границы расселения лужичан, статистические данные.

Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910, VIII, 961 с. (Энциклопедия славянской филологии ..., вып. I, СПб., 1910).

Его же. То же, 1911.

з) 1911—1917 гг.

Флоринский Т. Д. Славяноведение. Лекции, читанные в 1910/11 акад. году. Изд. слушательниц Историко-филологического фак-та Киевских высших женских курсов. Киев, 1911, с. 11, 12, 20, 27, 28, 174—184. Библиогр. 183—184.

О лужичанах.

Джурович Д. П. Говоры общеславянского языка (с лингвистической картой). Варшава, 1913, 153 с.

Сербин Я. Лужицкие сербы. — Славянские известия, 1913, № 22, с. 352—355; № 29, с. 464—429; № 32, с. 502—503.

О культурной и общественной жизни; обществах и кружках. О «Сербской матице», ее основании и деятельности.

Сиротинин А. Кашубы и лужичане. Самый маленький славянский народ и его поэзия. — В кн. Сиротинин Андрей. Россия и славяне, отд. III, СПб., 1913, с. 174—220.

Очерк современного состояния лужичан.

Есипов З. 3. Очерки правовой и общественной жизни славян. Обычай славян. Славянское богослужение в Польше. Славяне и германцы. Варшава, 1914, 39 с.

Библиогр. (на с. 35—39 список трудов автора).

Песни славянских народов. Великорусские, малорусские, червонорусские, белорусские, польские, болгарские, сербские, чешские, моравские, словацкие, хорутанские и лужицкие, со вступ. статьей Г. В. Поссе, Петроград, 1914, 95 с. с илл.

Пичета В. И. I. Исторический очерк славянства В. И. Пичета. II. Состав современного славянства Ч. М. Иоксимовича. М., 1914, 184 с. (Славянская б-ка, № 1).

Бречкевич М. В. Полабские славяне. Лекция, прочитанная 14 декабря 1914 г. учащимся в старших классах средних учебных заведений г. Казани, Казань, 1915, 18 с.

Его же. То же. Ученые записки имп. Казанского университета, 1915, кн. 10 (октябрь), с. 1—18.

Погодин А. Л. Краткий очерк истории славян, М., 1915, 126 с. Библиогр.

Погодин А. Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915, с. 207—216.

Лужицкие сербы. Историческое прошлое; статистика; национальное возрождение и современная национальная жизнь.

Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие, т. I (с приложением текстов). Петроград, 1915.

Его же. То же. Записки историко-филологического факультета Петроградского университета, ч. СХХVIII.

Рец. Шахматов А. А. Заметки по истории звуков. По поводу книги Л. В. Щербы: «Восточнолужицкое наречие, т. I (с приложением текстов). Петроград. 1915». Петроград, И. Академия Наук, 1917, 2, 40 с. (Отд. оттиск из Изв. Отд. русск. яз. и словесности Академии Наук, т. 21, 1916, кн. 2).

и) 1917—1942 гг.

Ястребов Н. В. Лекции по истории западных славян (студ. записи, просмотренные лектором), ч. 1—3. Прилож. Изд.

Комитета при Историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета, СПб., б. г. 3 тома, 5 л. карт.

Об участии лужичан в борьбе с немцами, с. 75—89.

Его же. То же. Изд. 2-е, исправл. и доп. Лекции, читанные в 1910/11 г. СПб., 1915, с. 59, 60, 68, 69—70, 89—90, 97, 111, 117. О лужичанах.

Нидерле Л. Быт и культура древних славян. Авторизованное издание с введением и дополнением автора. Предисл. акад. Н. П. Кондакова. Прага, «Пламя», 1924, 285 с. илл., портр. авт., библиогр. с. 280—285.

Рец. Соболевский А. Заметки по славянским древностям. — Изв. Отд. русск. яз. и словесности АН, т. 31, 1926, с. 1—9.

Разбор третьей части «Славянских древностей».

Ред. Лужичане в Германии. — Советская этнография, 1937, № 4, с. 212—213.

О протесте лужичан против их германизации.

Селищев А. М. Славянское языкознание. Допущ. ВКВШ при СНК СССР в качестве учебного пособия для студентов гос. ун-тов и пед. вузов, т. I, Учпедгиз, М., 1941, с. 221—267, §§ 138—209.

Лужичане. Общий обзор; литературный язык; процессы и явления в языке лужичан; взаимоотношения лужицких групп; тексты лужицких наречий; словарь.

Зд. Н. (Неедлы Зденек). Лужицкие сербы (Краткий исторический очерк борьбы с германской агрессией с XVIII в. до наших дней). Подпись: Зд. Н. — Журнал «Славяне», 1942, I, с. 54.

Много мелких статей и заметок о лужичанах напечатано в: «Изв. Славянского благотворительного об-ва», «Славянские известия», «Славянском мире», «Благовесте», «Вестнике славянства», «Журн. мин. нар. просв.», «Русском вестнике», «Москвитянине» и др.

Е. Бинкевич.

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, IX, изд. АН СССР, 1941

Появление рецензируемого сборника, несомненно, — значительное событие в нашей этнографической и археологической литературе. Сборник вышел накануне Великой Отечественной войны, и только событиями переживаемого нами времени, отвлекшими научных работников нашей страны к другим областям деятельности, можно объяснить то, что сборник не нашел до сих пор отклика в нашей печати.

Перед нами сборник отчетных материалов, очень выгодно отличающийся от публикаций подобного типа тем, что центрирован вокруг одной основной проблемы. Таким тематическим стержнем является проблема этногенеза. Сборник состоит из нескольких разделов. Первый, наиболее обширный, посвящен докладам на совещании по этногенезу народов Севера, состоявшемуся в Москве 28—29 мая 1940 г.

Разработка проблем этногенеза стоит в последние годы в центре внимания советских этнографов и археологов и позволяет по-новому подойти к использованию данных исторической антропологии для решения вопросов этногенеза отдельных групп. Будучи поставлены на конкретную историческую почву, исследования вопросов этногенеза открывают возможность в целом ряде случаев не только проследить основные этапы этногенетического процесса, но и выяснить конкретное размещение отдельных групп по территории в различные периоды, проследить пути их переселения, смещений и т. п. Конкретные этнографические и археологические материалы с данными исторической антропологии нашла в настоящее время свое наиболее полное оформление при разработке вопросов этногенеза народов Северной Азии.

Это является следствием не случайного совпадения интересов отдельных работников в различных областях науки, но имеет и свои более глубокие причины. Благодаря географическим особенностям данной территории, создавшим условия для длительной изоляции и своеобразия исторических процессов, именно здесь удается для ряда районов проследить прямую связь между древним и современным населением как в культуре, так и в расовом типе ее носителей.

Материалы совещания открываются вводной статьей С. П. Толстова, подводящей итоги научным результатам совещания.

В докладе А. П. Окладникова «Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока» поднят ряд основных вопросов этногенеза народов Северной Азии. Автор устанавливает периодизацию сибирского неолита, намечает территориальные группировки неолитического населения и прослеживает их позднейшие исторические связи. Наиболее подробно автор останавливается на этногенезе тунгусов. Анализ инвентаря энеолитических памятников позволил установить тесные связи современных тунгусов с неолитическим населением Сибири и выявить совпадения, проявляющиеся в костюме («фрачный» покррой), украшениях, производственном инвентаре, искусстве и религии. Выводы о преемственности современных тунгусов с древним населением Прибайкалья находят, как известно, свое подтверждение и в данных антропологии, и автор совершенно прав в своей критике теории южного происхождения тунгусов. Однако, убедительно доказывая несостоятельность миграционных построений Широкогова и Копперса, выводящих тунгусов со всей их культурой из Кореи, Манчжурии и Китая, автор в полемическом увлечении отрицает вообще наличие южных элементов в культуре тунгусов, с чем вряд ли можно согласиться. Южные элементы, особенно в культе, выступают у эвенков

достаточно отчетливо, и признание их вовсе не означает солидаризацию с миграционистами.

Доклад В. Н. Чернецова «Очерк этногенеза обских угров» устанавливает основные этапы формирования современных остяков и вогулов на основе скрещивания древнего аборигенного населения (арктических и таежных охотников) с пришельцами с юга — югорскими племенами, принесшими на север степную культуру, близкую к скифской культуре западно-сибирских степей. Проникновение на север самодийских племен-оленьеводов с востока и юго-востока автор датирует X в. н. э. Антропологии угров посвящен доклад Н. Н. Чебоксарова и Т. А. Трофимовой «Антропологическое изучение манси». Наряду с монголоидными компонентами — «енисейским», «уральским» и «лапоноидным» — авторы впервые в антропологической литературе выделяют среди манси мезоцефальный европеоидный восточномедиземноморский тип.

Если выше на примере эвенков мы имели случай сравнительно простого согласования этно-археологических данных с данными исторической антропологии, то по отношению к уграм и самодийским группам дело обстоит значительно сложнее. Как согласовать данные антропологии с теми этногенетическими процессами, которые обрисовываются по данным археологии, этнографии и лингвистики в докладах В. Н. Чернецова и Г. Н. Прокофьева?¹

Антропологические исследования последних лет установили среди восточных самоедов преобладание енисейского антропологического типа. Енисейский тип естественно связать с древним палеоазиатским пластом — «тянь» по терминологии Прокофьева. Но как мы должны представлять себе тогда антропологический тип тех самодийских групп, которые Прокофьев выводит из Алтае-Саянского нагорья и с которыми он связывает проникновение на север оленеводческой культуры? Такие же трудности встают и по отношению к антропологической характеристике древних угров. Возможно, что в свете антропологических данных придется пересмотреть и некоторые выводы указанных этнографических исследований и, в частности, алтае-саянскую теорию происхождения самоедов и в новой ее редакции у Прокофьева.

Г. Ф. Дебеч в докладе «Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеонтологии» на основании палеоантропологических данных устанавливает распределение основных расовых типов Сибири в эпоху, предшествовавшую началу нашей эры, и приходит к выводу, что лесная полоса западной Сибири была заселена не с юга по течению рек, как это можно было бы предположить, а с востока.

¹ Доклад последнего не помещен, так как работа Прокофьева опубликована в сборн. «Советская этнография», т. III, 1940.

Происхождению ананьинской культуры посвящен доклад А. В. Збруевой. Интересный материал приводится в докладе Трофимовой «Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье». Исследованные ею черепа из Луговского могильника обнаружили своеобразный монголоидный тип, характеризующийся относительно небольшой высотой лица. С этим типом автор связывает генезис так называемых лапоноидных форм.

Этногенезу коми посвящены доклады М. В. Талицкого и Н. Н. Чебоксарова, этногенезу якутов — доклад С. А. Токарева, который подвергает критике традиционную миграционистскую точку зрения на происхождение якутов. Якутская культура — это результат сложного взаимодействия скотоводческой культуры прилхых степных групп с таежной охотничье-рыболовческой культурой местных тунгусских и палеоазиатских племен. При современном состоянии наших знаний дифференцировать в якутской культуре тунгусские и палеоазиатские элементы не представляется возможным. То же в еще большей степени относится и к антропологии. Среди якутов, как известно, отмечают два антропологических типа, которые хотелось бы связать с двумя вышеуказанными культурными пластами. Однако якуты в антропологическом отношении изучены так недостаточно, что всякие заключения были бы сейчас преждевременными.

Обзор прений по докладам на совещании дан в разделе информации (стр. 129—132).

Во втором разделе: «Доклады на Уче-

ном совете Института» помещен доклад А. П. Окладникова об итогах работ Ленинградской археологической экспедиции в 1940 г. Мы не будем излагать содержание доклада и отошлем читателя к более поздним работам Окладникова.

Раздел третий: «Статьи» представлен работой А. В. Мачинского: «Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове». Автор публикует очень интересные археологические коллекции с Чукотского полуострова из собраний Государственного этнографии в Ленинграде. Несмотря на плохую датировку коллекций, являющихся результатом случайных сборов, они с несомненностью указывают на наличие развитой культуры Берингова моря (по терминологии американских археологов) на азиатском материке. В разделе: «Полевые археологические исследования» помещены заметки: В. И. Смирнова «Стоянка на реке Кузнечихе в г. Архангельске», Б. Ф. Землякова и И. М. Покровской «О геологическом возрасте неолитической стоянки на р. Кузнечихе в г. Архангельске», Г. А. Чернова «Стоянки древнего человека на р. Колве, Колва-вис и Сандибей-ю в Большеземельской тундре», Г. И. Горечкого «Неолитические стоянки в районе г. Кемь», Н. Н. Гуриной «Результаты работ археологической экспедиции в Карело-Финскую ССР в 1940 г.».

В разделе «Критика и библиография» помещена пространная рецензия А. П. Окладникова на работу Г. А. Бонч-Осмоловского «Грот Кник-Коба».

М. Левин.

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, X, Л., 1941.

Данный выпуск «Кратких сообщений ИИМК» вышел в свет во время войны и задержался в осажденном Ленинграде.

Рецензируемая книга ярко показывает тот высокий уровень археологической работы, который был достигнут перед войной. Это служит залогом того, что и после военных испытаний археологические исследования в СССР получают новый, еще более широкий размах.

Первая же статья X выпуска — доклад В. А. Шишкина «Исследование городища Варахша и его окрестностей» — знакомит с новыми первоклассными открытиями на окраине Бухарского оазиса, на границе безжизненных теперь Кызыл-Кумов.

Изучение этого района доказало его более широкое в древности освоение под земледелие. Многочисленные тепе, укрепления и остатки оросительных систем говорят о некогда царившем здесь оживлении. Особенного развития заселение этих мест

достигло, судя по находкам, в I—III вв. н. э., после чего наступил упадок, и до VI—VII вв. продержалось лишь одно значительное поселение (Кызыл-тепе). О начале освоения окраин Кызыл-кумов, возможно, говорит находка бронзовых стрел скифского типа. Дальнейшие исследования должны объяснить постигший эту область упадок, начавшийся еще задолго до арабского завоевания.

Начатые в связи с этими вопросами стационарные работы на городище Варахша подарили археологии Средней Азии исключительно важными памятниками культурно-исторического развития. На территории небольшой цитадели городища были обнаружены развалины дворца бухархидов, доарабских правителей Бухарской области. При расчистке продолговатых помещений и соединявшего их коридора в нижнем этаже дворца были открыты остатки отделки нарядных комнат исчезнувшего второго этажа, — свыше 5000

обломков шутовой архитектурной декорации из алебаstra. Большинство этих фрагментов сохранило резьбу и лепку большого художественного и историко-культурного значения. Здесь и простейшие геометрические узоры, и более сложные розетки, подпальметы, пальметы, плоды, напоминающие ананас, виноградные лозы и, несомненно, листья олеандра. Этот репертуар находит себе параллель как в древневосточных и местных, так и в эллинистических орнаментах Парфии, Гандхары, Айортама (Термез).

Исключительный интерес представляют изобразительные мотивы: деревья, водоемы с плавающими водорослями, рыбами, змеями и разными птицами. На отдельных фрагментах видны рельефы лани, коня, лягушки и птиц.

Изображение человека представлено двумя формами: маской юноши в диадеме индо-синцианского типа и головой бородастого мужчины с повязкой, стягивающей волосы; покатым лоб и другие характерные черты дают этой голове необыкновенную выразительность. Изысканность индоиранского эллинистического искусства проявилась и в многочисленных фрагментах рук, торсов, складок одежды и птиц-женщин, столь близких к Kinnari Гандхары и Синциана. В этот же круг изображений органически входит большая рельефная фигура одетого в легкие одежды человека, найденная на обломках глиняных плит в северо-восточной части дворца. Здесь же в помещении, забитом забутовкой позднейших перестроек, найдены замечательные стеновые росписи, выполненные красками по глиняной штукатурке. Уцелевшие фрагменты двух панно сходны по композиции и сюжету. На обоих в центре изображен боевой слон, вожатый которого в одном случае стреляет в грифона, а в другом случае поражает копьем поднимающегося на задние лапы льва. Грифон и лев нападают на слона и сзади. Этим обеим композициям придается равновесие.

По общестиллистическим особенностям и сходству деталей украшения и одежды росписи Варахши сближаются с опубликованной А. Стейном живописью храмов кушанского времени в Миране около Лобнора и с росписью I в. н. э. в Кули-Ходжа в Сеистане. Однако эта живопись обнаруживает большую зависимость от эллинистического искусства Гандхары и Бактрии и заставляет росписи Варахши отнести к несколько более позднему времени. Этим временем, по мнению автора, были III—IV вв., когда после распада государства великих кушанов приобрели значение династии местных владетелей и среди них род бухар-худатов.

Как бы предварительны ни были высказанные В. А. Шишкиным определения, нет никакого сомнения в том, что ему посчастливилось обнаружить памятник первостепенного значения, доказывающий глубину проникновения и стойкость элли-

нистического воздействия на культуру Средней Азии. Без всякого преувеличения можно сказать, что искусство Варахши начинается в этом отношении следующую страницу в истории культуры после блестящего открытия Айртама и Нессы.

Открывая свое содержание столь ценным докладом В. А. Шишкина, рецензируемый выпуск «Кратких сообщений» и в дальнейшем отличается новизной и свежестью публикуемых статей, докладов и экспедиционных отчетов.

В этом отношении показательна, например, статья А. П. Окладникова о палеолитических жилищах в Бурети (Ангара). Умело разобравшись в нагромождении костных остатков вокруг жилищ и впутри их и сравнив полученные данные с историко-этнографическими сообщениями о применении костей и рогов в качестве строительного материала у чукчей, коряков и эскимосов, А. П. Окладников дал остроумную реконструкцию верхнего строения жилищ в Бурети. Их куполовидное перекрытие составляли жерди, подпертые массивными костями и бивнями мамонта. Просветы же между ними были «заплетены» многочисленными рогами оленей, поверх которых накладывался слой шкур, коры или дерна.

Вместе с тем работа А. П. Окладникова ценна тем, что автор не переоценивает значения сходства своих реконструкций с жилищами тех же эскимосов Северной Америки и не идет за исследователями, утверждающими прямую генетическую связь между современными арктическими племенами и древним мадленским населением, якобы откочевавшим на север вслед за стадами северных оленей. Автор справедливо подчеркивает связь эскимосской культуры не с палеолитом, но с неолитической стадией культуры тихоокеанских береговых племен.

Сходство же жилищ эскимосов и других племен с Буретью скорее объясняется близкими природными условиями современной Арктики и Сибири в конце ледникового периода.

Стоянка Буреть, уже подарившая науке ряд замечательных памятников, вполне заслуженно стала объектом и пристального геологического изучения. Некоторые результаты в этом отношении приведены в докладе Н. В. Тюменцова «К вопросу о геологическом возрасте стоянки Буреть». Детальный анализ строения террас р. Ангара и стратиграфии их напластований приводит автора к выводу, что «время поселения человека в Бурети мы можем отнести к концу последнего оледенения и назвать последнеледниковой эпохой. Тем самым определяется и относительный возраст террасы 12-м высоты, поскольку отметки культурного горизонта соответствуют этому уровню. Соответственно возраст 18-м террасы должен быть повышен, так же как и возраст 6—8-м, которую мы можем считать первой последнеледниковой, соответ-

ствующей времени позднего палеолита и раннего неолита (Олонки, Усть-Белая).

В этой же серии вопросов истории заселения Ангаро-Ленского севера выдающийся интерес приобретает сообщение В. В. Карачаровского «О находке зуба домашнего быка в ранней стоянке близ г. Якутска». Олекминская стоянка, на которой найден этот зуб, относится А. П. Окладниковым ко второй половине II тысячелетия, ко времени, в отношении которого в свете предшествующих данных можно говорить лишь о незначительном изменении старой неолитической охотничье-рыболовческой культуры таежной зоны Сибири, в частности — о первом появлении там медных орудий и украшений явно южного происхождения. Вполне возможно, что и олекминский, домашний бык явился результатом сношений со скотоводческим югом андроновского времени. Во всяком случае, наличие на Средней Лене домашнего быка задолго до XII—XIV вв., когда скотоводство, по господствующему мнению, распространилось в этих областях вместе с проникновением сюда южан — родоначальников современных якутов, заслуживает пристального внимания при дальнейших исследованиях в Якутии.

Проблема позднелепидических культур севера Европейской части СССР затрагивает сообщение А. Я. Брюсова об археологических работах 1937—1940 гг. в Вологодской области.

Наиболее древними памятниками, исследованными А. Я. Брюсовым, являются стоянки так наз. Каргопольской культуры у с. Погостище (IV—III тысячелетия до н. э.) и у Гостинного берега р. Модлоны (III тысячелетие до н. э.). С Модлонской стоянкой одновременны поселения и могильники в местности Караваиха, описанные А. Я. Брюсовым в Трудах Государственного Исторического музея (вып. XII).

К более позднему времени относится открытое в 1938 г. на р. Модлоне свайное поселение. Находка на нем янтарных украшений и сланцевого наконечника стрелы позволяет относить его к началу II тысячелетия до н. э.

Добытый обширный кремневый и костный инвентарь (главным образом стрелы, клиновидные топоры, гарпуны и удильные крючки), а также керамика и кости исключительно диких животных позволяют считать еще господствующим старый охотничье-рыболовческий быт. От жилых сооружений уцелело значительное число свай и бревен настила, а также бревна с развилкой, которые могли служить опорой кровли домов. Однако исследователю не удалось пока найти убедительные доказательства в пользу своей группировки остатков по отдельным домовым комплексам (см. план раскопок на стр. 103). Необходимо настаивать на дальнейшем продолжении раскопок этого высокоинтересного памятника.

Кроме отмеченных древностей А. Я. Брюсов исследовал и более поздние стоянки типа Веретье на оз. Лача (раскопки М. Е. Фосс), а также посетил место уничтоженного добычей гравия могильника, содержавшего позднелепидические вещи.

В связи с последними работами М. Е. Фосс и А. Я. Брюсова по каргопольской культуре, а также в связи с проблемой северных петроглифов безусловный интерес представляет и опубликование В. И. Смирновым с известной стоянки Кубенино обломков венчика круглодонного сосуда, украшенного рисунками птиц, обнаруживающими, несмотря на свойственный фигурному орнаменту на керамике геометризм, явные черты сходства с изображением лебедей на петроглифах Онежского озера.

В статье А. В. Збруевой «Из работ Куйбышевской экспедиции» содержится сообщение о продолжении раскопок на Луговском могильнике ананьинской эпохи, исследуемом автором в поселке Луговом Елабужского района. Среди 20 новых погребений, вскрытых в 1940 г., выделяется № 57. В нем наряду с типично ананьинским кельтом, бляхой и костяными наконечниками стрел (из них один тупой для бития белки) найден железный кинжал скифского типа, украшенный золотой инкрустацией и бронзовыми накладками с геометрическими прорезями.

По форме навершия и по наличию инкрустаций А. В. Збруева склонна сравнивать этот кинжал не только со скифскими, но и с галлыштатскими. Необходимо вспомнить и сибирские железные кинжалы скифского типа, также украшавшиеся золотой инкрустацией. Это тем более уместно, что ананьинско-тагарские параллели в оружии (клевцы) и в украшениях уже неоднократно отмечались.

Сообщение В. П. Левенка — «Археологические работы Трубчевского музея» показывает, каких значительных результатов могут достигнуть местные научные организации при наличии необходимой энергии и научного энтузиазма. Нужно надеяться, что в освобожденном от гитлеровских громил древнем Трубчевске возобновится плодотворная работа. Она много обещает, судя по материалам, опубликованным В. П. Левенком. Не говоря уже о группе эппалеолитических стоянок Десны, и более поздние стоянки в районе Трубчевска имеют выдающийся интерес. Они не только отмечают аккумуляцию северной пережиточно-неолитической культуры деснинских стоянок со степными элементами срубного времени эпохи бронзы, но еще раз сигнализируют о неслучайности находки в Окско-Деснинском междуречье вещей явно абашевского типа.

Не менее интересны и Деснинские городища, культурные слои которых охватывают время с V—III вв. до н. э. до

VII—X вв. н. э. Особенно замечательно городище, расположенное в черте самого Трубчевска, отличающееся необыкновенно мощным культурным слоем (выше 4 м). Нижний ярус этого слоя содержит керамику, сходную с керамикой скифских городищ Полтавщины. Верхний слой датируется XI—XIII вв. Как это Трубчевское городище, так и все другие средне-деснинские согласно говорят о преемственности позднейших культурных напластований от скифской древности и в этом отношении представляют исключительно важный материал по вопросам, связанным с проблемой славянского этногенеза.

Палеоантропологические исследования приобретают все большее значение при решении этногенетических проблем. Известно, как широко распространены характеристики древнего населения по строению черепа и какое значение придается при этом двум группам — брахикефальной и долихокефальной. Многие вопросы этнических взаимоотношений и изменений трактуются в теснейшей связи с наблюдающимися изменениями внутри этих групп или в связи с метисацией. Е. В. Жиров в статье «Разновидности брахикефалии» поднимает большой важности вопрос о значении искусственной и бытовой деформаций для сложения брахикефальных форм (см. ниже рецензию на эту статью Е. В. Жирова).

Критическое рассмотрение брахикефалии Е. В. Жиров проводит по ископаемым сериям, характеризованным различными палеоантропологами. Здесь он также склонен видеть недооценку деформации и не соглашается с рядом брахикранных характеристик, например «усуней» Семиречья и алано-хазар из Зливинского могильника. По той же причине автор расходится с Г. Ф. Дебецом в оценке палеоантропологических материалов эпохи бронзы в Минусинском крае. Вместо пяти последовательных напластований он считает достаточным допустить, что на Енисее иммигрировавшим элементом были только носители карасукской культуры, которых нельзя рассматривать как промежуточную стадию между андроновцами и тагарцами. Здесь многое еще нуждается в дополнительных исследованиях на столь же обширном материале, который был проработан Г. Ф. Дебецом, но, во всяком случае, к поправке на деформацию; например, при обсуждении различий между афанасьевцами и андроновцами необходимо пристально приглядеться.

Вопросы происхождения восточного славянства за последнее время заслуженно привлекали к себе внимание специалистов и прежде всего наших археологов-славистов. Последние работы в этом направлении показали необходимость специальных полевых исследований в ряде районов и прежде всего в среднем Поднепровье. Эти работы и были организованы ИИМК и Институтом археологии УАН в Киеве.

Краткая информация П. Н. Третьякова «Славянская (днепровская) экспедиция 1940 г.» дает представление о результатах первого года специальных работ. Они охватили обширный район по Борскле на левобережье и на правом берегу — в районе Искоростеня и Киселевки и по речкам киевского Полесья (реки Тетерев, Звизж и Ирпень).

Одним из важных результатов работ 1940 г. являются, несомненно, исследования на городище у Киселевки, где удалось проследить непрерывность наслоений в течение всего I тысячелетия н. э.

Затем весьма существенно выяснение ограниченности распространения городищ так называемого романского типа, не являющихся характерными для всех или большинства поднепровских славянских племен. Их культура имела ограниченное распространение только в лесостепной зоне левобережья.

Особенно же важным результатом исследований 1940 г. являются впервые обнаруженные в большом числе остатки поселений собственно среднеднепровских славян середины и второй половины I тысячелетия н. э. При этом выясняется (особенно по напластованиям Киселевки) возможность установления генетической связи между культурой славянских племен и культурой «полей погребений», в свою очередь, обнаруживающих все в большей степени близость к предшествующему развитию населения Поднепровья в скифо-сарматское время.

Уже эти основные результаты первого года работ на Днестре имеют настолько большое значение, что служат несомненным основанием для дальнейшего развертывания раскопок, как только это станет возможным.

Редко в археологии встречаются эпизоды прошлого, от которых веяло бы таким жизненным драматизмом, как от обнаруженного М. К. Каргером тайника под развалинами Десятинной церкви в Киеве. Из анализа найденных в тайнике украшений, оружия и орудий и рассмотрения его завала частями обрушившихся сводов церкви исследователь делает вывод о том, что в тайнике спасались киевляне в страшные дни 5 и 6 декабря 1240 г., когда последним оплотом против Батия им послужили город Владимира и Десятинная церковь. Тайник представляет собой колодец в 4,6 м глубиной. В его стенках были вырублены ниши. В одной из них прятался какой-то знатный киевлянин с собакой. Судя по находке частей ведер, веревок и заступов, в тайнике во время осады копали горизонтальный ход к откосу горы, надеясь на спасение из осажденного храма. Когда же произошел обвал храма сверху, в тайник упали и люди и их имущество. Так попал туда и замечательный набор из 19 литейных формочек для котлов, серег, височных колец и браслетов. Оче-

видно, тогда же упали в тайник железный меч, шлем, горшок, энколпион, топор и другие вещи. На дне тайника в момент катастрофы искали спасения молодой человек и старая женщина в пышно украшенных одеждах (шитые жемчугом и золотые колечки и бляшки). Здесь же оказалась серебрянная витая гривна, перстень с камнями, ожерелье из медальонов с изображениями святых, трехбусинные височные кольца, крестики и подвеска — монета венецианского дожа Дандоло (1192—1205 гг.). Но и укрывшихся на дне ждала смерть — они сгорели среди обрушившихся горящих обломков. Эти находки в тайнике имеют и большое научное значение. Впервые в руки исследователя попал точно датированный разнообразный материал — целый маленький музей киевских древностей. Несомненно, при детальном изучении эти находки позволят многое уточнить и в отношении других серий, особенно в блестящей коллекции киевских кладов XI—XIII вв.

Вопросам прошлого Эстонии посвятили свои статьи Г. Моора («Археологические исследования в Эстонии за последние 20 лет»), Х. Пеетс («Город Таллин в XIII—XVIII вв.») и Л. А. Мацулевич («Новгород и Таллин»).

Г. Моора в очень сжатом виде знакомит читателей с организацией и основными достижениями археологических изысканий в Эстонии. Уже этот краткий обзор свидетельствует о широте поставленных работ, охватывших разнообразные памятники на всем протяжении «археологической» истории Прибалтики, от неолита до средних веков. Обращает на себя внимание последовательное проведение всех видов изучения памятников — от первичной регистрации до раскопок, обработки найденного и публикации в специальных изданиях.

Х. Пеетс в своем любовно составленном очерке знакомит нас с древностями Таллина, с его замечательной средневековой архитектурой, сохранение которой делает честь эстонскому народу.

Статья Л. А. Мацулевича поднимает интереснейшую проблему культурных взаимоотношений Новгорода и Прибалтики. Рассматривая серию поразительных аналогий, которые представляет отделка фронтона таллинских домов XV—XVI вв. со щипцовыми завершениями стен новгородских и псковских храмов XIII—XV вв., автор справедливо видит в этом отражение той художественной связи, которая и в более раннее время существовала между Северной Русью и прибалтийскими центрами. О древности этих связей говорит, по мнению автора, новгородская роспись XII в., сохранившаяся в Гарда на острове Готланде, а о широте их — наличие не только в Эстонии, но и Финляндии приемов украшений церковных стен XIV—XV вв., аналогичных издавна применявшимся в Новгороде

и Пскове (например пояса кирпичных зубцов и клиньев).

Археологическим проблемам нашего юга в X выпуске «Кратких сообщений» посвящены две работы.

Статья Т. Н. Книпович «Некрополь на территории Ольвии» знакомит с серией новых погребений, вскрытых в 1940 г. на участке И. Большинство из них относится к VI в. до н. э. и подарило исследователям ряд прекрасных образцов коринфской, самосской и навкратийской керамики. В этом отношении особенно примечательно погребение № 30. В нем найдено типично ольвийское зеркало с рукояткой, украшенной изображениями зверей, и прекрасные образцы керамики, из которой выделяются навкратийский кубок и коринфский арибалл середины VI в. По устройству из общего числа погребений выделяется № 32. Его стенки укреплены срубом столбами по углам. По мнению автора, «не подлежит сомнению, что этот тип восходит к местным погребениям области Приднепровья».

Доклад А. Л. Якобсона «Гончарные печи средневекового Херсонеса» посвящен реконструкции керамических печей XI—XII вв., обнаруженных при раскопках 1940 г. в северном прибрежном квартале города. Привлеченный автором сравнительный материал показывает, что система средневековых херсонесских печей сохранила еще античные принципы, в частности, графигиум вынесено за пределы обжигательной камеры, а не устроено под ней, подобно топкам печей Мадары и других керамических центров славяно-византийского средневековья. Касаясь организации керамического ремесла в средневековом Херсонесе, А. Л. Якобсон прежде всего подчеркивает отсутствие строгой специализации внутри мастерских: один и тот же мастер, например, клеймивший свои изделия маркой Гее, выделявал и черепицу, и амфоры. Затем автор останавливается на находке возле изученных им трех печей изделий с несколькими клеймами и видит в этом отражение объединения в одном производстве нескольких мастеров. В заключение А. Л. Якобсон отмечает, что самый факт наличия в XI—XII вв. гончарных печей в северном приморском квартале свидетельствует об окраинном его значении и тем самым подтверждает то сильно запущенное, которое пережил Херсонес в X в.

Десятый выпуск «Кратких сообщений» закончил первую серию этого издания, с честью выполнившего свою задачу своевременной информации не только о жизни ИИМК, но и о прогрессивном развитии советской археологии в целом. Данный выпуск заканчивается перечнем содержания всех предшествующих книжек, что весьма облегчает пользование этим столь разнообразным по тематике изданием.

Внешне рецензируемый выпуск вполне удовлетворяет требованиям археологиче-

ской информации, снабжен необходимым иллюстративным материалом, в значительной части на превосходных меловых таблицах. Из них некоторые, как, напри-

мер, воспроизведения росписи Варахши, имеют самостоятельное научное значение.

С. Киселев

Е. В. ЖИРОВ. Разновидности брахикефалии. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, X, 1941, стр. 63—75

Вопрос о влиянии деформации на головной указатель, в течение ряда десятилетий дебатированный в антропологии, отнюдь не утратил своей остроты.

Из различных видов деформации наибольшее значение имеет затылочная деформация, которая является результатом длительного давления на область затылка при лежании ребенка на спине.

Затылочной деформации и ее влиянию на головной указатель посвящена рассматриваемая работа покойного ленинградского антрополога Е. В. Жирова, который с характерной для него тщательностью дает обзор работ по данному вопросу и подвергает анализу различные следствия деформации. Автор использовал метод, предложенный американским антропологом Шапиро для установления влияния деформации на величину продольного и поперечного диаметров головы. Исходя из высокой корреляции между продольным диаметром и диаметром основания черепа, Шапиро предложил формулы коррекции, основанные на вычислении регрессии продольного диаметра по длине основания черепа, а также соответствующие поправки для ширины черепа.

Истинная ширина черепа исчисляется из указателя черепного модуля: модуль (длина + ширина + высота), умноженный на 100 и деленный на величину наибольшего продольного диаметра. По данным Шапиро, межгрупповой коэффициент корреляции указателя черепного модуля и наибольшего поперечного диаметра равен + 0.71.

Принимая метод Шапиро для коррекции продольного диаметра, автор подвергает критике ту часть его построений, которая касается поперечного диаметра, как основанную на ошибочном предположении о равномерном компенсаторном увеличении поперечного и высотного диаметров при соответствующем уменьшении продольного. На черепном материале Е. В. Жиров убедительно доказывает отсутствие такой равномерной компенсаторной зависимости.

Для коррекции поперечного диаметра при затылочной деформации автор принимает поправку в 2 мм для серий, где средний балл уплощения затылка больше двух (при пятибалльной схеме определения уплощения) или где разность между величиной эмпирического продольного диаметра

и величиной коррегированного по методу Шапиро превышает 5 мм, и 1 мм — для серий с меньшей деформацией.

Используя указанные приемы, автор исчислил «истинные» размеры продольного и поперечного диаметров, а также черепной указатель для целого ряда черепных серий. Полученные в результате этой математической манипуляции цифры черепного указателя почти для всех серий (исключение составляет серия черепов с характерной кольцевой деформацией) оказались ниже обычных, и целый ряд брахикранных серий перешел в ряд долихокранных и мезокранных. Величина коррекции черепного указателя оказалась наименьшей для бурятской серии.

На основании изложенного автор считает нужным различать в Европе и Северной Азии 4 различных типа брахикефалии: 1) истинная брахикефалия — буряты, монголы, киргизы, казахи и др.; 2) псевдобрахикефалия, являющаяся результатом сильной затылочной деформации, — Средняя Азия; 3) псевдобрахикефалия в результате комбинированной затылочной и кольцевой деформации — Передняя Азия и Закавказье; 4) «переходящая» брахикефалия, зависящая помимо относительно слабой затылочной деформации также и от иных, но не расовых факторов. Этот тип брахикефалии характерен для Европы.

Автор, безусловно, прав, выступая против отрицания влияния деформации на черепной указатель.

В работе о долихокефалии туркменомы пытались показать влияние практикующей туркменами деформации иного типа на понижение головного указателя. Несомненно, что затылочная деформация, в частности та, которая вызывается «бешиком» (люлькой) у узбеков, оказывает влияние на головной указатель в сторону его повышения. Однако далеко идущее обобщение автора вызывает ряд возражений, которые должны быть отнесены и к заимствованным им у Шапиро приемам коррекции. Е. В. Жиров вслед за Шапиро исходит из определенного коэффициента корреляции между длиной основания и продольным диаметром, который был исчислен Шапиро на ряде серий как межгрупповой коэффициент. Этот последний принимается как стандарт при исчислении внутригруппового коэффициента. В этом

кроется основная ошибка метода. Внутригрупповая зависимость между отдельными признаками в разных группах, являющаяся результатом определенного исторически сложившегося сочетания их, не может исчисляться из межгрупповой средней как некоторой отвлеченной величины.

В частности, величина коэффициента корреляции между длиной основания и продольным диаметром априори может оказаться не одинаковой для долихоцефальных и истинно брахикефальных серий.

Использование приема коррекции требует тщательного предварительного анализа коэффициентов корреляции для разных типов недеформированных черепов. В приводимой Е. В. Жировым сводной таблице, к сожалению, опущен коэффициент корреляции между продольным диаметром и диаметром основания черепа для бурятской серии, которая представляет особый интерес как истинно брахикефальная, по автору.

Приводимые самим автором в сводной таблице данные показывают очень значительные вариации этого коэффициента в различных сериях.

Так, для узбеков он равен $+0.68$, для армян $+0.48$, для чехов $+0.49$, для русских (Москва XV—XVIII вв.) $+0.42$, для русских (Томск XVI—XIX вв.) $+0.51$. Справедливо отказываясь от указателя черепного модуля Шапиро, автор применяет для коррекции ширины также недостаточно обоснованный и в большой степени субъективный метод, ибо объективных критериев для различения искусственной

уплощенности затылка от расово-обусловленной в настоящее время не выработано.

Сказанное выше о связи между продольным диаметром и длиной основания черепа в различных типах в не меньшей степени относится и к связи между длинником и поперечником черепа.

Автор правильно подчеркивает, что деформированные черепа отличаются от недеформированных качественно иным строением. Естественно было бы сделать отсюда вывод, что и связь между продольным и поперечным диаметром в деформированных и недеформированных сериях должна быть различной и различно учитываться при коррекции размеров.

Приведем примеры из данных той же таблицы автора. Для русских Томска эмпирический черепной указатель равен 79.54 , скорректированный — 77.38 ; для русских Москвы — соответственно 79.50 и 77.68 , тогда как коэффициент корреляции между продольными и поперечными диаметрами в этих сериях равен $+0.10$ и $+0.48$.

Все это указывает, что применение метода коррекции без учета типовых различий в связях признаков, равно как и перенесение данных, полученных на недеформированных черепках, для коррекции деформации недостаточно обосновано.

Все это заставляет отнестись к выводам автора с осторожностью и считать преждевременным заключение его, что «систематика европеоидных рас построена на неправильной основе и нуждается в коренной переработке».

М. Левин

МИКЛУХО-МАКЛАЙ Н. Н. Путешествия. Академия Наук СССР. Институт этнографии. Ответственный редактор акад. В. В. Струве. Подготовили к печати И. Н. Винников и А. Б. Пиотровский. Изд. АН СССР, М.—Л., т. I, 1940, 353 стр., 5 рис. в красках на отдельных листах, 38 иллюстраций в тексте; т. II, 1941, 298 стр., 42 иллюстрации в тексте.

Появление двух томов, содержащих все этнографические и важнейшие антропологические работы путешественника и исследователя Н. Н. Миклухо-Маклая, представляет крупное событие в научной жизни нашей страны. Со времени смерти Миклухо-Маклая были отмечены две юбилейные даты: двадцатипятилетие (1913 г.) и пятидесятилетие (1938 г.) со дня его смерти. Обе эти даты заставили русское общество вспомнить о невыполненном им долге перед памятью своего великого соотечественника.

Один из авторов, посвятивший специальную статью Миклухо-Маклаю и его трудам в 1913 г., причислял его имя ко многим именам, непростительно и неспра-

ведливо забытым даже в той области, которой эти люди самоотверженно служили в течение всей своей жизни. В 1938 г. и в науке и в широких кругах было сказано и написано гораздо больше, и значение деятельности Миклухо-Маклая и как ученого, и как защитника и друга темнокожих рас получило свою оценку. Однако по-прежнему большая часть работ Миклухо-Маклая оставалась или вовсе не подготовленной к печати, или рассеянной по изданиям, нередко трудно доступным для русского читателя. А между тем можно без преувеличения утверждать, что каждая страница, написанная Миклухо-Маклаем о народах Океании, должна быть предметом изучения современного исследователя

вследствие необыкновенной точности его наблюдений, объективности их оценки и глубокого знакомства с жизнью изучаемых народов. Работы Миклухо-Маклая не представляют собой законченной системы знаний по антропологии и этнографии Океании. Миклухо-Маклай только в 1887 г. окончательно вернулся на родину, с тем чтобы приступить к подготовке для издания своих трудов, уже будучи больным, и умер в следующем году, успев осуществить лишь немного из своего плана. Однако и того, что он успел написать и опубликовать в виде отдельных статей и очерков, достаточно, чтобы признать его огромную роль как антрополога и этнографа, во многом обогнавшего современную ему западную науку.

В рецензируемом издании впервые дается почти полное собрание работ Миклухо-Маклая по этим наукам. Материал расположен не хронологически, а по географическим областям, что следует признать вполне правильным с точки зрения научного использования этого материала. Первый том посвящен Новой Гвинее, а во второй вошли работы по другим островам Океании, а также результаты путешествий на остров Лусон и на полуостров Малакку.

Содержание первого тома составили: 1) дневники пяти путешествий Миклухо-Маклая на Новую Гвинею (впервые они были напечатаны в 1923 г. под редакцией Д. Н. Анучина); 2) две статьи по антропологии и этнографии папуасов берега Маклая, напечатанные впервые на немецком языке в одном из голландских журналов; 3) ряд мелких заметок о папуасах берега Маклая; 4) статья о папуасах берега Ковийа и первое дополнение к этой статье «О папуаско-малайских помехах на восточных Молуккских островах»; 5) составленные Миклухо-Маклаем списки слов диалектов папуасов берега Маклая и берега Папуа-Ковийа. В приложении дан список предметов этнографической коллекции, собранной Миклухо-Маклаем на Новой Гвинее. Кроме того, первый том снабжен портретом Миклухо-Маклая работы К. Е. Маковского, важнейшими биографи-

ческими датами, небольшой, но очень содержательной статьей от издателей о значении исследований Миклухо-Маклая для этнографической науки и 27 таблицами с изображениями предметов из коллекций Миклухо-Маклая.

Во второй том вошли работы:

а) по Меланезии: 1) острова Адмиралтейства; 2) островок Андра; 3) острова Агомес; 4) путешествие на острова Меланезии; 5) четвертое посещение острова Новая Гвинея; 6) по Микронезии; 6) остров Вуап; 7) архипелаг Пелау; в) по Полинезии 8) острова Рапа-Нуи, Питкайри и Мангарева; 9) о папуасах (негритосах) на острове Лусон; 10) дневник первого путешествия по Малайскому полуострову; 11) этнологическая экскурсия в Йохор; 12) этнологические экскурсии по Малайскому полуострову; 13) о диалектах меланезийских племен Малайского полуострова.

Кроме того, в приложении даны: 1) сообщение о путешествиях, сделанных Миклухо-Маклаем в Русском географическом обществе в 1882 г.; 2) описание его пребывания в Сиднее с августа 1878 г. по март 1879 г.; 3) список предметов этнографической коллекции, собранной Миклухо-Маклаем на разных островах Океании. Кроме того, второй том содержит весьма ценный указатель терминов (русских и иностранных) и 11 таблиц с изображением предметов из океанийских коллекций.

Издание сделано очень тщательно как в смысле подбора материала, так и его редакции. С внешней стороны оба тома также вполне отвечают задаче издания — познакомить широкие круги читателей с жизнью и трудами знаменитого ученого. Не соответствует этой задаче чрезвычайно малый тираж — 3000 экз. Принимая во внимание большое научное и социальное значение трудов Миклухо-Маклая, в частности с точки зрения раскрытия несостоятельности так называемых расистских теорий, следует считать необходимым увеличение тиража этого весьма ценного издания.

Я. Рогинский

С., ЗАБЕЛЛО, В. ИВАНОВ, П. МАКСИМОВ. *Русское деревянное зодчество*. Гос. архитектурное издательство Академии архитектуры, М., 1912, 72 стр. текста + 216 стр. альбома.

Издательство Академии архитектуры выпустило ценную книгу по русскому деревянному зодчеству, входящую в серию «Памятники русской архитектуры», издаваемую кабинетом теории и истории архитектуры Академии архитектуры. Это монументальное издание, насчитывающее несколько сот планов, эржежей и фотографий, является ценнейшим вкладом в дело изучения русской народной архитектуры.

Предваряющий альбом текст под общим

заголовком «Русское деревянное зодчество» охватывает главы: 1) Конструктивные приемы и архитектурные формы; 2) Жилые и хозяйственные постройки; 3) Крепостные сооружения; 4) Культовое зодчество и 5) Хоромы. Кроме того, даны введение и заключение; в последнем подведен итог отдельным наблюдениям авторов. Авторы не ставили себе задачи широкого охвата всего имеющегося материала по деревянным постройкам в раз-

личных областях нашей страны. Текст является не столько исследованием отдельных особенностей деревянных зданий, той или иной «школы», в той или иной области, сколько обобщающей сводкой основных сведений о деревянном русском зодчестве. Дается описание отдельных типов зданий, наиболее важных деталей, приемов постройки, конструкций и украшений. Несмотря на это, круг охватываемых памятников концентрируется по преимуществу на северных районах, где до сих пор сохранилось значительное количество исключительных по своему мастерству деревянных, жилых и церковных построек, часть которых относится еще к XVI в. В связи со специфическим историческим интересом авторов к деревянному зодчеству большинство приводимых ими памятников произведения XVII—XVIII вв. Лишь небольшая часть опубликованного материала относится к более позднему времени. Этот историзм, древность постройки являются основным критерием для привлечения того или иного памятника.

Несмотря на обобщающий характер текста, авторы делают целый ряд тонких замечаний и наблюдений. К ним относится общий обзор композиции русского села, т. е. создание русского сельского архитектурного ансамбля. Бытовые и жилищные условия заставили поставить церковь, отличающуюся обычно своеобразным и резко очерченным силуэтом, на краю села, что повело к соответствующему направлению его улиц и расположению некоторых построек. Много ценного дают наблюдения авторов над архитектурно-строительными приемами русских плотников, повышающими архитектурную выразительность сооружения. Так, например, плотники, применяя городчатый лемех или так называемый «красный» тес, учитывали не только их вырезанный рисунок на концах отдельных тесин и лемеха, но и отбрасываемую ими тень в разное время дня и при различном освещении. Это «украшение тенью» является одним из интересных приемов декорации здания. Сюда же относится постепенное укорочение тесин в верхних завершающих частях здания, что дает усиление перспективного сокращения. Благодаря этому здание кажется выше, чем оно есть на самом деле. Этот прием в первую очередь относится к церквям.

Однако, несмотря на эти бесспорные качества рецензируемой книги, необходимо отметить то, что прошло мимо внимания авторов. Изучение архитектуры, в частности общественных зданий, должно отрываться от изучения архитектуры жилого дома. Жилой дом является тем архитектурным организмом, в котором заложено развитие всех архитектурных сооружений; в особенности это относится к деревянному зодчеству. Этого-то основного положения авторы не учли. Архитектура крестьянской избы изложена скорее в виде перечня отдельных составных ее элемен-

тов, нежели в виде исследования специфических свойств этого здания в целом. Этому разделу книги отдается должная дань, но в нем нет тех интересных выводов и характеристик, которые так рельефно выступают на следующих страницах, посвященных церковной архитектуре. Это же сказывается и на построении альбома. В то время как каждой церкви, даже небольшой и ограниченно интересной, посвящена соответствующая аннотация, крестьянские постройки — избы, амбары, бани, мельницы, мосты — не имеют даже приблизительной датировки, не говоря о равноценных текстах, сопровождающих каждое здание.

Планировке деревень не уделено достаточного внимания, хотя этот вопрос до сих пор остается почти совершенно не освещенным в научной литературе. Несмотря на верность основных определений авторов, планировке деревень должно быть отведено значительно большее место. В этом разрезе планы северных деревень представляют собой большой интерес. Их изучение может дать ряд любопытных выводов о древнейших системах планировок поселений края, так как Севера меньше всего коснулася регламентация планировки деревень, усиленно проводившаяся в жизнь в XIX в. в средней полосе России.

Рассмотрение самих крестьянских построек проведено почти лишь с одним учетом их конструктивно-архитектурной стороны. Отражение же непосредственного жизненного уклада того или иного района на планировке зданий, на положении его в окружении других построек и т. п. также рассмотрено, к сожалению, бегло. Иными словами, из исследования совершенно выпал живой русский человек с его миром, с его жизненным укладом, с его привычками, навыками и т. д. Несмотря на обобщающий характер статьи, человек, создавший все эти исключительные по качеству, интересу и красоте здания, обойден, о чем можно лишь пожалеть. Ведь русский человек строил эти здания для своих совершенно конкретных и определенных нужд!

Глава о крепостном строительстве написана по известной книге Ласковского, вышедшей в свет около ста лет тому назад, но, несмотря на это не утратившей до сих пор своего значения. Все же эта глава не охватила тех сведений о деревянных русских крепостях, которые появились за последнее время и во многом уточнили положение Ласковского. Так, мимо внимания авторов прошла ценная статья Фриде, опубликованная в известиях ГАИМК'а (она отсутствует и в приведенной в книге основной библиографии по деревянному зодчеству).

Лучшие страницы книги относятся к разбору и анализу церковных зданий, как мы уже указали. Можно пожалеть лишь о том, что авторы не говорят, откуда ими взят материал по датировке памятников (повидимому, это клировые ведомости?).

Отдельные опечатки (например, дата церкви в Кижях) и незначительные неточности описания отдельных архитектурных форм зданий не умаляют общей историко-архитектурной ценности этого раздела и легко могут быть исправлены даже не специалистом.

В итоге можно лишь пожелать, чтобы

это ценное начинание Кабинета истории и теории архитектуры Академии архитектуры было продолжено. Еще многие ценные памятники русского народного мастерства ждут своего издания и исследования.

М. Ильин

РАХМАТУЛИН К. Великий патриот — легендарный Манас. Фрунзе, 1943, 80 стр. (то же на киргизском языке: Улуу Патриот Укмушту Манас, Фрунзе, 1942).

Киргизский институт истории, языка и литературы выпустил исследование старшего научного сотрудника института — историка литературы и одного из лучших знатоков киргизского эпоса «Манас» — К. Рахматулина под заглавием «Великий патриот — легендарный Манас».

Эпос «Манас» представляет собой огромное героическое сказание о действиях богатыря киргизского народа Манаса, о его сподвижниках и походах. Продолжением эпоса Манас является сказание о его сыне Семетее и внуке Сейтеке. Эта огромная трилогия, по образному определению Чокана Валиханова, является Иллиадой и Одиссеей киргизского народа.

Рецензируемая книга представляет интерес с двух точек зрения: во-первых, как попытка рассмотреть эпос в качестве исторического источника, во-вторых, на основе эпического материала рассказать о героических традициях киргизского народа. Несомненно, что то и другое стремление автора заслуживает всяческого одобрения. Попытки рассматривать эпос как исторический источник весьма многочисленны, хотя и сталкиваются с рядом существенных трудностей.

Огромная трудность заключается в том, что наука не выработала приемов исторической критики эпического текста и находится в этой области в творческих поисках.

О том, что эпос — грандиозный, почти неиссякаемый источник исторических фактов, со всей полнотой и четкостью сказал Ф. Энгельс в известной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Соч., т. XVI, ч. I). Уместно вспомнить, как высоко оценивал Ф. Энгельс труд Бахофена «Материнское право», в значительной степени на основании которого был утвержден вопрос о материнском роде, его месте и значении в истории первобытно-коммунистического общества. Можно привести большое количество примеров, когда эпос привлекается для реконструкции исторического прошлого. Достаточно напомнить прежде всего огромную литературу, связанную с исследованием Илиады и Одиссеи, начиная с фанатической веры в абсолютную историческую

точность этого эпоса у Шлиммана. Широко использовался эпос западноевропейский — эдды, саги, песни о Нибелунгах и многое другое. В советской исторической литературе эпос занял весьма видное место. Критическому освоению эпоса и установлению исторических фактов, в нем освещенных, немалое внимание уделял академик Н. Я. Марр во многих своих работах. Проблемы генезиса классового общества были талантливо разрешены С. Толстовым в значительной степени на основе эпического материала. Построение истории народа на эпическом материале пытались провести якутоведы. Таких примеров можно привести немало.¹ И все же в большинстве работ мы не видим еще установления точных приемов критики текста в целях исторического исследования.

Совершенно естественно, что эпос не может каждой своей строчкой служить истории в буквальном и узком смысле слова. Не говоря уже о чисто литературных отрывках текста, мы в эпосе сталкиваемся с явно окостеневшими формами, требующими своего выделения, подобно тому как в летописях мы имеем дело с трафаретами, в письмах и документах — с эпистолярным стилем и т. п. Выделению этих элементов может помочь критическое сопоставление записей вариантов сказаний. С другой стороны, в эпосе мы имеем дело с «бродячими» сюжетами, возникновение которых обязано либо общим стадийным условиям сложения эпоса, либо прямым фактам культурного взаимодействия и как следствие этого — заимствованиям. Отсюда следует, что вначале надлежит провести собственно историко-литературное исследование к критике текста.

В этом плане эпос «Манас» не избежал участи, аналогичной другим. Мы в нем найдем и античных циклопов в образе Макелдоо, и следы общегероических

¹ Ср. нашу статью: Эпоха возникновения киргизского героического эпоса «Манас». Альманах «Киргизстан», Фрунзе, 1946

Пусть проклятье ляжет на его племя.
Пусть его потомство погибнет без
остатка!

Слова «клятвы» характеризуют огромную любовь к народу, к стране, к родине. Отсутствие «клятвы» и ее анализа в работе К. Рахматулина — несомненное упущение автора, особенно для темы, которую он избрал — патристические идеи в эпосе «Манас». Автор несколько увлекся «биографическими» и «физиономическими» данными эпоса, которые, как и следует ожидать, показаны в гиперболическом виде, за счет важных идеологических моментов, как показал наш пример, имеющих большое воспитательное значение.

Хотелось бы еще отметить, что в рецензируемой книжке вследствие отсутствия сравнений эпоса «Манас» с другими недостаточно ясно показан его исключительно народный характер. Действующие в нем лица — народные богатыри. В нем нет и намека на куртуазную рыцарскую литературу средневековой Европы, равно как нет еще и синкретических типов персидской литературы, где фольклор спорит с придворным стихом, как это, например, явственно звучит в образе Рустема из бессмертного творения Фирдоуси «Шах-Намэ».

Эпос «Манас» корнями своими еще связан с гиперболой якутского эпоса, с богатырством минусинских сказаний; с другой стороны, в нем нет еще ясного контура рыцаря Роланда и точного исторического лица, как, например, в эпосе об Эдиге. Вместе с тем, несомненно, что в

полумиллионе строк «Манаса» по одному из вариантов и 1 200 000 строк всех записанных вариантов, хранящихся в сейфах Киргизского института истории, языка и литературы, содержится огромное количество исторических фактов; многие герои эпоса списаны акынами с конкретных исторических образов, найти и отождествить которые с реальными личностями из истории киргизского народа — настоятельная, предстоящая еще задача. Наши предложения, в частности об отождествлении Манаса с именем Яглакар-хана, автором приняты (ср. нашу работу «Историческое прошлое киргизского народа», Фрунзе, 1942, стр. 11—12, и Рахматулин К., указ. соч., стр. 36—37).

Несомненно, что автором сделан первый, весьма важный и полезный шаг в деле изучения выдающегося эпоса мира — цикла сказаний о Манасе. Следует пожелать, чтобы эта работа была развернута в большем историко-литературном плане, с большим размахом. Без этого нельзя должным образом понять эпос, справедливо его оценить. Автор показал своей первой работой на эту тему и трудами, изданными на киргизском языке, например о сказителях эпоса Манас (Манасчылар, Фрунзе, 1942), что он это может сделать.

В заключение хотелось бы обратить внимание на прекрасную литературную обработку стихотворных цитат, предельно близких к смыслу и ритму текста, проведенную Г. А. Шенгели, несомненно украсившую книжку и необходимую для научной аргументации К. Рахматулина.

А. Н. Бернштам

А. П. ОКЛАДНИКОВ. *Исторический путь народов Якутии* (К 20-летию юбилею ЯАССР). Якутское гос. изд., Якутск, 1943, 92 стр., тираж 3 000.

Эта небольшая книжка — значительный вклад в изучение истории не только Якутии, но и всей северо-восточной Азии. Имя автора хорошо известно в советской археологической литературе в связи с открытиями палеолитических и неолитических памятников в Прибайкалье и на Ангаре (Буреть и др.), а особенно благодаря уникальной находке мустьерского человека в Тешик-Таше (Узбекская ССР) в 1938 г. За этими ценными открытиями А. П. Окладникова последовали не менее замечательные его исследования в долине р. Лены в 1940—1942 гг. На основе материалов этих исследований и составлена в большей своей части рецензируемая книга.

Открытия А. П. Окладникова в ленской долине, изложенные, хотя пока и кратко, в разбираемой книге,¹ позволяют ставить

совсем по-новому вопрос о древнейшей истории бассейна Лены и о ранних этапах истории якутского народа. Достаточно напомнить, что до сих пор о палеолите в бассейне Лены (кроме ее истоков) у нас вообще не было никакого представления (считалось, что так далеко на север палеолитические поселения не заходили), неолитическая культура на средней Лене была до последнего времени известна только по случайным недатированным находкам; эпоха бронзы из культурной истории Якутии совершенно выпадала, и бронзовые вещи, эпизодически здесь находимые, считались привозными с юга. Наконец, и об эпохе раннего железа в Якутии у нас имелись лишь весьма смутные представления.

Все это совершенно меняется теперь, после трехлетних работ ленской историко-археологической экспедиции А. П. Окладникова. За короткий срок экспедиции удалось пройти маршрутной археологической разведкой всю долину Лены, от верховьев до устья — 4500 км. На этой огромной

¹ Первые материалы работ ленской экспедиции (1939 г.) были опубликованы автором в IX томе «Кратких сообщений ИИМК».

трассе экспедиция обнаружила и частью раскопала ряд археологических памятников разных эпох — от позднего палеолита до эпохи раннего железа.

Впервые доказано существование чело-веческих поселений на Лене в конце палеолитической эпохи: стоянки между Качугом и Верхоленском, а также на средней Лене — Дубровская, Нюя, Точильная. Здесь обитали охотники на мамонта, северного оленя и дикуую лошадю. Они оставили замечательные памятники искусства — писаницы, из которых наиболее интересные, богатейшие во всей Сибири, обнаружены у деревни Шишкиной.

В эпоху неолита человек заселил и отдаленные районы крайнего севера. Неолитические памятники прослежены А. П. Окладниковым вплоть до устья р. Лены. Поражают богатство и своеобразие ленской неолитической культуры: шлифованные орудия из черного кремнистого сланца, белого нефрита, полупрозрачного халцедона, агата, яшмы и других ценных пород камня. Замечательным открытием А. П. Окладникова является нахождение в неолитических стоянках костей домашнего рогатого скота, притом в большом количестве.

Итак, неолитическое население Лены жило не только охотой и рыболовством, но и разводило коров. Иначе говоря, предки современных якутов или, если угодно, их предшественники на средней Лене были скотоводами (притом быководами, а не коневодами) уже несколько тысячелетий тому назад. Все это настолько ломает наши привычные представления, что при всем доверии к солидности и научной точности добытых экспедицией материалов невольно хочется получить дальнейшее подтверждение и уточнение сообщаемого факта.

Существование бронзовой культуры в Якутии до сих пор считалось не доказанным. Автору удалось показать, что и эта стадия культуры была пройдена населением средней Лены: помимо известных и ранее бронзовых изделий из различных районов Якутии, считавшихся не местными, автором найдены теперь остатки медно- и бронзоволитейных мастерских, глиняные плавильные формы, фрагменты горна (село Покровское, стадион города Якутска). По качеству и размерам изделия якутских бронзолитейщиков (кельты, ножи) не уступают лучшим образцам бронзовой техники из других районов Сибири, а то и превосходят их.

Изученные экспедицией памятники раннежелезной металлургии бассейна Лены дают более полное представление и об этой культурной стадии. Особенно интересна найденная около Мухтун мастерская древнего кузнеца-литейщика, выплавлявшего самодельное железо в примитивном сыродутном горне.

Изложением всех этих свежих и чрезвычайно интересных материалов занята

большая половина рецензируемой книги (гл. 1—3). В этом — ее главная ценность. Вторая половина книги посвящена дальнейшему периоду «исторического пути народов Якутии». Но здесь читатель найдет гораздо меньше оригинального и нового, хотя и эти главы (гл. 4—6) не лишены интереса.

Глава 4 посвящена «происхождению якутской народности». Автор старается заново обосновать старую традиционную концепцию переселения предков якутов из Прибайкалья на среднюю Лену. Предками их он считает курыканов (гулигань по китайской транскрипции), которые, как полагают, жили в V—X вв. на Ангаре и верхней Лене. Автор дает довольно подробное описание быта и культуры курыканов по археологическим данным и китайским сообщениям. Однако он по существу не приводит убедительных доказательств в пользу отождествления носителей раннежелезной культуры Прибайкалья с курыканами, а этих последних — с предками якутов. Поэтому данная точка зрения, защищавшаяся еще в старой литературе, остается и сейчас простой гипотезой, вопреки излишне догматичному тону ее изложения у автора.

Впрочем, А. П. Окладников вовсе не стоит на старой упрощенно-миграционной точке зрения в вопросе о происхождении якутов. Он совершенно правильно указывает, что формирование якутской народности и якутской культуры было сложным процессом взаимодействия местных и пришлых, таежных и степных элементов. «В результате оформилось нечто совершенно новое, возникли новая культура и новый народ, представлявшие, однако, не некую механическую смесь чужеродных элементов, а гармоническое целое, своего рода сложное химическое соединение, в основе которого лежал мощный передовой пласт южного происхождения. Возникла и продолжала расти, как представитель передового начала в развитии культуры всего населения Севера, якутская народность» (стр. 74).

Предпоследняя, 5-я глава малоинтересна. Автор дает в ней беглый обзор истории Якутии от момента прихода русских до Великой Октябрьской социалистической революции. Он, в сущности, ограничивается тут простым упоминанием или одной только общей оценкой фактов, которые он считает, очевидно, известными читателям. Несколько конкретнее последняя глава — «Народы Якутии при советской власти», но и она носит сугубо конспективный и несколько схематичный характер.

Таким образом, отдельные главы книги весьма неравноценны. Эта неравноценность объясняется двойственностью ее назначения. Сообщение ценнейших материалов ленской археологической экспедиции в первых трех главах книги составляет крупный научный вклад в литературу.

Автор сумел изложить этот материал в популярной форме, — тем больше его заслуга. Но стремление к популярности заставило его слишком далеко, заставив расширить хронологические рамки работы, с тем чтобы непременно охватить и позднейшие эпохи истории Якутии. Это сделано, в сущности, напрасно. Нового материала здесь автор не дает и ограничивается чисто формальным обзором, как бы стре-

мясь заполнить какое-то пустое место. Общего очерка истории якутов, а тем более «народов Якутии», как обещано в заголовке книги, все равно, не получилось, а книга потеряла свою цельность и единство плана.

Несмотря на отмеченные недостатки, выход книги А. П. Окладникова надо приветствовать.

С. А. Токарев

Проф. М. О. КОСВЕН. Матриархат (Этнографические материалы). Ученые записки Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова, вып. 61. История, т. II. Изд. МГУ, М., 1940, стр. 92—152.

Рецензируемая работа представляет собой публикацию материалов, которая, как пишет автор, «имеет целью представить матриархат в его живых образцах, сохраняющихся в этнографическом мире — в Океании, Индонезии, Африке и Северной Америке, и таким образом показать этот строй на различных стадиях его развития и распада и в различных конкретных вариантах его проявления». Автором использована обширная литература (196 названий), в том числе и многие новейшие трудно доступные иностранные издания (до 1937 г.).

Публикуемые материалы относятся к ряду племен различных областей земного шара. Большая глава посвящена меланезийцам; сюда же примыкают и заметки по населению островов Добу (к северо-востоку от Новой Гвиней) и Ауа (Бисмарков архипелаг). Добуанцы и туземцы Ауа были лишь в недавнее время изучены в этнографическом отношении и обнаружили ряд интересных черт своей социальной организации, в том числе и многие черты матриархата. Сведения по Борнео относятся к ряду индонезийских групп, главным образом кайан, кениан и мурут. Материалы по Африке касаются разных областей и охватывают туарегов, группу гвинейских негров эве, группу лоби (обитают в бассейне верхнего течения реки Вольты — французская Западная Африка — и отно-

сятся к обширной группе нигритов). Для последней особенно интересны данные по дуальной организации.

В главах IX—XI публикуются материалы по Северной Америке: по племени сери — почти вымершее в настоящее время племя, относящееся к группе калифорнийских индейцев; по алгонкинам и по племенам северо-запада, главным образом хайда и тлинкитам.

Каждая глава представляет собой очерк социальной организации рассматриваемой группы, которому предпосылается общая этнографическая ее характеристика. В описании социальной организации особенно акцентируются черты матриархата.

Публикуемый материал не носит хрестоматийного характера; в подборе его отражаются теоретические установки автора, но, в отличие от многих подобных сводок, фактический характер изложения автором сохранен.

Нужда в такой сводке при обширности и разбросанности этнографических материалов по социальной организации отдельных народов, несомненно, велика, и надо пожелать, чтобы автор продолжил серию публикаций по матриархату, которую он начал в свое время в журнале «Советская этнография» и куда входит рецензируемая работа.

М. Левин

ROBERT REDFIELD. The Folk Culture of Jucatan (The University of Chicago Publications in Anthropology. Social Anthropology Series). Chicago, 1941, XIV+416 p.

Автор — Роберт Редфилд, профессор антропологии и декан Отделения социальных наук Чикагского университета, — изве-

стен рядом своих этнографических работ по Центральной Америке, в частности — двумя монографиями, посвященными описанию ту-

земных селений: «Tepoztlan, a mexican vil'lage», «Chan Kom, a maya village», этнографическими очерками: «Notes on the ethnography of Tzeltal communities of Chiapas» и «The Maya of East Central Quintana Roo» и др.

Настоящая работа посвящена сравнительному описанию четырех различных населенных мест Юкатана: испанского города Мерида, с населением около 100 тыс. чел., маленького городка со смешанным, испанским и туземным, населением — Дзитас, туземного селения Чан-Ком, находящегося на расстоянии одного дня пути от

железной дороги, и маленького туземного селения Тузик.

Контраст между городской испанской культурой и примитивной жизнью туземцев-мая, взаимовлияние и слияние этих культур — таковы точки зрения, с которых автор рассматривает наблюдаемые им явления. Анализ конкретных фактов приводит автора к широким обобщениям, характеризующим процесс урбанизации и испанизации туземного быта. Особое внимание уделяет автор семейному быту и религии с ее синкретическим слиянием примитивного анимизма с католицизмом.

М. Косвен

По Советскому Союзу

Сессия по этногенезу Средней Азии

Ниже мы помещаем программу сессии Комиссии по этногенезу и этнографии при Отделении истории и философии Академии Наук СССР по вопросам этногенеза Средней Азии и тезисы докладов, зачитанных на сессии.

Сессия происходила 27—29 августа 1942 г. в Ташкенте.

Значительное запоздание в опубликовании ниже печатаемых материалов объясняется длительным перерывом выхода в свет «Советской этнографии», вызванным военными обстоятельствами.

ПРОГРАММА СЕССИИ

- А. Д. Удальцов. Теоретические основы этногенетических исследований
С. П. Толстов. Основные проблемы этногенеза Средней Азии
Л. В. Ошанин. Этногенез народов Средней Азии в свете данных антропологии
К. В. Тревер. Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э.
С. П. Толстов. Аральский узел этногонического процесса
И. И. Умняков. Тохарская проблема
Л. А. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии¹
А. Н. Бернштам. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии¹
М. М. Герасимов. Восстановление типа ископаемого человека и его значение для решения вопроса этногенеза узбеков
Ц. Д. Номинханов. Следы монгольских племен и родов XIII века, встречающиеся на территории Узбекской ССР
Н. А. Кисляков. К вопросу об этногенезе таджиков.
В. В. Гинзбург. Этногенез таджиков в свете данных антропологии
А. Ю. Якубовский. Из истории этногенеза туркменского народа в VIII—X вв.
Г. И. Карпов.² Этнический состав туркмен
Г. Ф. Дебец.² Данные антропологии о происхождении туркмен

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

А. Д. Удальцов

Теоретические основы этногенетических исследований

1. На наших глазах возникает новая научная дисциплина — этногенетика, изучающая вопросы этногенеза. Такая научная дисциплина может получить подлинную научную постановку и развитие только в Советском Союзе, на основе теории марксизма-ленинизма, с использованием такого прогрессивного учения в области лингвистики, как новое учение о языке Н. Я. Марра, — в противополож-

¹ Тезисы не публикуются, так как в данном сборнике помещен полный текст доклада.

² Ввиду неприбытия докладчиков на сессию текст докладов был зачитан по рукописям.

ность буржуазным этногенетическим построениям, создающимся или кустарно, эмпирически, или же на основе ставшей теперь тормозом для научного прогресса в этногенетике индоевропейской теории, либо еще более реакционных теорий, вроде «расистой» теории германского звериного, разбойничьего фашизма.

2. Ни один вопрос этногенетики не может быть решен правильно, всесторонне, окончательно на основе одного какого-либо приема исследований: археологического, антропологического, лингвистического или исторического, — но только путем одновременного комбинирования всех этих приемов исследования.

3. Этническими единицами в период первобытной общины являются: «племя», состоящее из братрий и родов, и «народность», охватывающая ряд племен; организационной формой, объединяющей в это время племена, является союз племен. В периоды классового общества, при рабовладельчестве и феодализме основными этническими единицами являются: «народ», обычно образующий свое классовое государство, и «народность», а в период ликвидации феодализма и развития капитализма возникают современные «нации».

4. Под этническими особенностями племен и народов мы разумеем конкретную совокупность специфических особенностей, отличающих данную группу людей (племя, народ, народность) от других групп в отношении языка, быта, духовной и материальной культуры. Такая общность в периоды первобытной общины, рабовладельчества и феодализма является устойчивой и отличается от нации — «исторически сложившейся устойчивой общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (Сталин, Марксизм и национальный вопрос).

5. Советская этногенетика изучает не метафизический, раз навсегда установившийся «этнос», но процессы этногенеза в жизни племен и народов, протекающие на основе развития производительных сил и производственных отношений, исторически развивающихся все более тесных взаимных сношений и объединений, скрещений и культурных влияний. Племена и народы развивают свои этнические культурные особенности не в одиночку, изолированно друг от друга, но одновременно, но в результате общих усилий, взаимных сношений, физических и культурных скрещений. «Ни о едином языке (в смысле народ) утвердить невозможно, чтобы он сначала стал сам собою без всякого применения» (М. В. Ломоносов).

6. Основной, ведущий процесс этногенеза — от множества к единству, от множества языков и культур мелких племен и народностей к более крупным племенам и их союзам, к более крупным народам и народностям и, наконец, к современным национальным языкам и куль-

турам. Одновременно может проходить и вторичный, побочный процесс распада племени и народов (на почве их роста) на дочерние племена и народы, процесс, не отрицающий первый, ведущий процесс от множественности к единству. Такова внутренняя диалектика этногенетического процесса, создающая своими противоречиями и неравномерностью развития конкретную для данной эпохи этническую многообразную действительность.

7. В связи с этим разнообразный смысл приобретает и понятие «предков» тех или иных народов и наций. Под «предками» мы разумеем такие племена и народы, которые, качественно отличаясь от своих потомков, в дальнейшем ходе общественного развития, физических и культурных скрещений и этнических трансформаций, участвуя в них целиком или частично, дают качественно новые этнические образования, новые племена и народы и целые народности. Роль этих компонентов в сложении новых этнических единиц может быть различной: то основной, то побочной, причем возможно вхождение их в состав нескольких новообразований.

8. В процессе этногенеза в жизни племен и народов намечаются переломные, критические периоды, когда происходят коренные изменения в общественном строе, когда явления скрещения, укрепления более тесных сношений или внутренней консолидации, переплетаясь и усиливаясь, обуславливают возникновение новых этнических качеств, когда складываются новые племенные группировки, новые народности. К таким периодам, например, относится момент достижения племенами высшей ступени варварства, период развития у них «военной демократии», когда начинают складываться классовые отношения, а военные столкновения с соседями и далекие экспедиции и завоевания становятся повседнежным делом в жизни племен. Так идет развитие рабовладельческого строя, но часть племен, минуя рабовладельческую формацию и переживая лишь рабовладельческий уклад, переходит непосредственно в феодальную формацию (например славяне и германцы). Таким переломным периодом в жизни народов является и период ликвидации феодализма и развития капитализма, когда в конце средних веков складываются современные нации.

9. В основу изучения глоттогонического процесса советская этногенетика кладет новое учение о языке Н. Я. Марра, связанное с представлением о единстве глоттогонического процесса и о его стадийности, отражающих единство языка и мышления, складывающихся в качестве надстроек над развитием конкретных производительных сил и производственных отношений в тот или иной период истории. Это учение связано с отрицанием индоевропейских понятий «праязык» и «пранарод», с отрицанием

изолированных, замкнутых в себе языковых «семейств» и их расовой подосновы.

10. Вместе с тем советская этногенетика опровергает механические и упрощенческие извращения учения Марра, допускающие, например, полное отрицание возможности миграций или сводящие этногенетический процесс к однолинейности и к одним лишь явлениям объеди-

нения, этнической интеграции, с отрицанием явлений этнической дифференциации, подменяющие живые, конкретные племена и народы абстрактными «стадиями» этнического развития населения тех или иных территорий или ограничивающиеся одним формальным палеонтологическим анализом явлений языка и т. д.

С. П. Толстов

Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии

1. Этногенез народов Средней Азии: узбеков, таджиков, туркмен, казахов, киргизов, кара-калпаков и др. — представляет собой сложную комплексную проблему, которая может быть разрешена только совместными усилиями специалистов по истории, археологии, этнографии, лингвистике и антропологии, причем проблема происхождения каждого народа в отдельности не может разрабатываться изолированно ввиду тесной связанности и переплетенности истории этих народов. Проблема должна решаться в масштабе Средней Азии на общем фоне мирового глотто- и этногонического процесса.

2. Проблема этногенеза Средней Азии, как и любой другой страны, разделяется на два центра исследования: а) историю становления тех широких этнолингвистических общностей, в которые входят отдельные народы, — конкретно в данном случае — становления народов, говорящих на языках иранской ветви индоевропейских и тюркской ветви урало-алтайских языков; б) историю становления отдельных этнических единиц — конкретных народов современной Средней Азии. Обе эти проблемы тесно связаны между собой и должны также разрабатываться одновременно. В данном докладе мы, естественно, остановимся в основном на второй проблеме, лишь вскользь затрагивая первую.

3. Обе проблемы представляют капитальный исторический интерес. Первая особенно актуальна в настоящее время в связи с необходимостью борьбы с фашистскими фальсификаторскими «теориями», в которых вопросы этногенеза индоевропейцев и тюрков занимают не малое место. Разрешение второй имеет первостепенное значение для подготавливаемых ныне в республиках Средней Азии сводных трудов и учебников по истории среднеазиатских народов.

4. Мы до сих пор имеем еще не изжитые отголоски индоевропейской концепции этногенеза, выражающиеся в стремлении рассматривать источники этногенеза как групп народов, так и отдельных народов в метафизическом однолинейном плане. Авторы этих теорий пы-

таются найти для каждого народа один основной этнический корень, который стремится проследить как можно глубже. Между тем только отказ от этой концепции, признание изначальной сложности этнических истоков каждого народа может обеспечить подлинно научное разрешение проблемы.

5. Это не означает отказа от исследования наиболее глубоких исторических корней культуры каждого народа. Однако эти исследования должны вестись по линии изучения движения этнического состава той территории, где обитает данный народ, или (в сравнительно редких случаях) той территории, где он сложился, если (как это имело место с киргизским народом) основной его массив пришлого для теперешней территории происхождения. Прослеживание процессов этнических взаимодействий в рамках определенных, естественно и исторически ограниченных территорий или социально-политических объединений, оказывавшихся территориально стабильными и воспроизводившимися не раз в ходе исторического процесса, и составляет содержание этногенетического исследования. Установление той древнейшей территориальной общности, в рамках которой начался процесс складывания исследуемой народности, и древнейшего этнического состава населения этой территории и есть выяснение древнейших исторических корней данного народа как этноисторической индивидуальности.

6. Для народов Средней Азии такими древнейшими территориально-политическими общностями, в рамках которых начался процесс их этногенеза, являются устанавливаемые для второй половины I тысячелетия до н. э.

а) для узбеков — Кангхское царство (Кангюй китайских источников);

б) для таджиков — Бактрия (Тохаристан);

в) для туркмен — дахско-массагетские племенные союзы;

г) для казахов — сакские племенные союзы;

д) для каракалпаков — племенные союзы «массагетов болот и островов»;

е) для киргизов, основной процесс

сложения которых протекал вне территории Средней Азии, — динлинские племенные союзы.

Каждое из отмеченных объединений было этнически крайне сложным, включая частью одни и те же — в различной комбинации, частью различные этнические элементы, взаимодействие которых с последующим включением разнообразных внешних компонентов (хунны, тюрки, персы, монголы) в конечном счете привело к завершению процесса этногенеза среднеазиатских народов. На заре истории на территории Средней Азии взаимодействуют:

а) яфетические еще народности с архаическим языковым строением протоурало-алтайской (сумерский и протоугорский тип) и протоиндоевропейской (хеттоидный и фрако-киммерийский тип) ветви;

б) уже сложившиеся группы индоевропейских языков (североиранская или, вернее, скифо-сарматская ветвь) — согдийцы, хорезмийцы, аланы и др.; представители большинства всех этих групп были налицо почти в каждом из перечисленных выше объединений, в разных, однако, пропорциях.

Инфильтрирующиеся с востока и запада пришлые группы в значительной мере представляют результат происшедшего вне среднеазиатской территории скрещения сходных этнических элементов; индоевропейская и тюркская системы речи не проникли в Среднюю Азию извне, хотя, когда та и другая уже сложились, народы этих систем не раз проникали извне в Среднюю Азию.

Средняя Азия представляет собой один из важнейших узлов и индоевропейского и урало-алтайского глоттогенеза; роль ее в этом процессе определяется ее географическим положением.

7. Важной задачей является определение того узлового исторического момента и того территориально-социального объединения, когда и где этногонический и глоттогонический процесс данного народа достигает ступени, близкой к завершению, когда становятся ясными его грядущие этно-лингвистические результаты.

В данном случае такими моментами и территориями являются:

а) для **узбеков** — государство караканидов XI—XII вв.;

б) для **таджиков** — основная территория государства саманидов IX—X вв.;

в) для **туркмен** — западноогузские политические объединения IX—XI вв.;

г) для **казахов** — восточнокипчакские (половецкие) политические объединения XI—XII вв.;

д) для **каракалпачков** — печенежские политические объединения IX—XI вв.;

е) для **киргизов** — Киргизское государство VI—VIII вв. и государство каракитаев XII в., с которыми, видимо, связано переселение киргизов в Семиречье.

Мы видим, таким образом, что примерно в одно время (с незначительными отклонениями в ту или другую сторону) этот процесс достигает у разных народов Средней Азии своей кульминационной точки, за которой язык и культура этих народов до конца средневековья не претерпевают качественных изменений, меняясь лишь количественно. Характерно при этом, что заложенные к этому периоду основы этнической общности оказываются настолько значительными, что все последующие политические изменения играют лишь сравнительно незначительную роль, добавляя новые ингредiente к уже сложившемуся этническому массиву.

С точки зрения единства исторического процесса важно отметить, что время, когда складываются основные ядра среднеазиатских народностей, почти совпадает с временем сложения основных народностей Европы.

Мы видим, таким образом, что при наличии очень давно сложившихся этно-территориальных общностей, на базе которых из разнородных, аборигенных и пришлых этнических элементов шел процесс консолидации современных среднеазиатских народов, ни один из этих народов не восходит непосредственно к какой бы то ни было из этнических групп древности. Наоборот, как правило, как древние местные, так и пришлые народы вошли в различных пропорциях в состав нескольких, а иногда и всех народов Средней Азии, а частью и народов за ее пределами.

Так, согдийцы вошли в состав узбеков и таджиков, массагеты — в состав туркмен, узбеков, частично таджиков, частично кара-калпачков, динлины и раннесредневековые киргизы — в состав хакасов и алтайцев и т. д. Близкие родственники среднеазиатских савов — европейские скифы — принимали участие в этногоническом большинстве восточноевропейских народов; древние тюрки и более поздние тюркские группы — печенеги, кипчаки, канглы, частично огузы — в этногенезе различных групп татар Восточной Европы; печенеги и огузы — в этногенезе украинцев и русских и т. д. Таким образом, народы Средней Азии связаны древними кровными и культурными узами с большинством народов нашего великого Союза.

8. Если основные черты этнических типов современной Средней Азии складываются к X—XII вв., то это не значит, что этногонический процесс на этом и заканчивается. Он продолжается и дальше, осложняя состав каждого народа новыми ингредидентами, развивая процесс скрещения и аккультурации. И лишь для XIX—XX вв. мы можем говорить о консолидации современных среднеазиатских народов, процесс которой окончательно завершается лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Важнейшими моментами этого процесса являются:

а) монгольское завоевание XIII в., приведшее к внедрению некоторых монгольских племен в состав кочевых народов Средней Азии и к передвижению ряда немонгольских восточных групп на ее территорию (монгольские племена найманов, барласов, джелаиров, мангытов и др.; кытай, уйгуры и т. д.); однако эти новые ингредиенты ассимилируются местной языковой и культурной средой, лишь в очень слабой степени влияя на ее особенности;

б) государство Тимура и Тимуридов, способствовавшее консолидации восточно-среднеазиатских тюркских групп и сыгравшее крупную роль в оформлении средневекового узбекского литературного языка;

в) образование узбекского и казахского союзов и внедрение золотоордынских узбеков в Среднюю Азию.

Л. В. Ошанин

Этногенез народов Средней Азии в свете данных антропологии

1. Всякое национальное объединение включает в себя в процессе своего исторического формирования различные этнические элементы (племена и роды) и различные человеческие расы (локальные биологические типы людей).

2. В ряде случаев различные национальные объединения включили одни и те же этнические элементы и одни и те же расы, в других случаях — разные расы, но одни и те же этнические элементы, в третьем ряде случаев — разные племена и роды, но одни и те же расы.

3. Поэтому при разрешении проблем этногенеза необходимо четко различать такие понятия, как нация, племя, род, язык, относящиеся к социальным категориям, от понятия «человеческая раса», относящегося к биологическим признакам людей, населяющих ту или иную территорию.

4. В силу сказанного проблемы этногенеза в целом настолько сложны, что для их разрешения требуются совместные труды историков, лингвистов, этнографов, археологов и антропологов. Данные антропологии могут дать особенно ценные указания для разрешения вопроса о том, вошло ли в состав данного национального объединения местное население или пришлое из других областей; если же имело место смешение местного и пришлое население, то какое из них преобладает.

5. Для разрешения этих вопросов необходимо пользоваться методом сравнительно антропологического изучения различных этнических групп с выявлением их расового состава и определением исходных центров распространения различных человеческих рас. В этом отношении Средняя

Еще для XIX в. нельзя говорить о полном завершении национальной консолидации. Пережитки феодализма сказываются в этнической раздробленности (племенные группировки и противоречия у туркмен и казахов, деление на социально-этнические группы и пережитки племенных делений у узбеков, территориально-лингвистические деления у таджиков).

Великая Октябрьская социалистическая революция, покончив с пережитками феодализма, определила быстрое развитие и завершение процесса национальной консолидации, выработку единых национальных языков, изживание социально-этнической раздробленности, завершение процесса формирования национальных по форме и социалистических по содержанию культур народов советской Средней Азии.

Азия, частью благодаря исследованиям московских и ленинградских антропологов, частью благодаря нашим исследованиям, является одной из наиболее изученных областей Союза.

6. Население Средней Азии, однако, не стоит изолированно, а является лишь частью населения, во всяком случае, большей восточной половины Европейско-Азиатского континента. Поэтому при изучении антропологического состава народов и племен Средней Азии необходимо принимать во внимание и антропологический состав населения сопредельных с ней стран, в особенности Передней Азии, Ирана, Индии, Восточного Туркестана и Монголии, с которыми Средняя Азия находилась в той или иной степени в многовековых исторических связях. Относящиеся сюда материалы частью собраны нами среди групп, пришедших из сопредельных стран (арабы, жанцы, белуджи), частью же нами использованы материалы зарубежных исследователей (по антропологии Индии, Тибета и Восточного Туркестана).

7. Помимо изучения антропологического состава современного населения Средней Азии и сопредельных с ней стран сугубо важным является изучение палеоантропологии, т. е. костных материалов из этнически и хронологически датированных погребений. Такие исследования только начинаются. Пока же нет достаточных палеоантропологических материалов, имеют свое значение исторические известия об антропологических признаках различных племен и народов прошлого. Таковы, например, сообщения китайских летописей о типе населения от Давани (Ферганы) до Аньси (Парфии); их же сообщения об

усунях; сообщения Аммиана Марцеллина, Иордана и Прокопия Кессарийского о гуннах и так называемых «белых гуннах», или эфталтах; сообщения Макдиси о длинноголовости современных ему гузов; сообщения Гардизи о типе современных ему киргизов или сообщения Гиппократов о физических особенностях скифов.

8. Конечной целью сравнительно-антропологического изучения всех собранных материалов является восстановление истории формирования населения Средней Азии в целом и отдельных населяющих ее народов (наций) и племен при неперменном условии согласования данных антропологии с данными истории и сравнительного языковедения. Лишь в том случае, когда выводы антропологии не только не противоречат выводам историков и лингвистов, но с достаточной степенью убедительности подтверждаются ими, проблемы этногенеза можно считать в основном разрешенными.

9. На основании двадцатилетнего изучения антропологического состава населения Средней Азии и сопредельных с ней стран, пользуясь указанным методом «тройного параллелизма» (сопоставление данных антропологии с данными истории и лингвистики), автор выделяет в населении Средней Азии и сопредельных с ней стран следующие шесть «антропологических пластов», каждый из которых занимает свою определенную территорию и отражает в основном этногенетический процесс данной области.

10. I. Северная область. Эта область, говоря суммарно, лежит к северу от Сыр-Дарьи, в пределах Казахстана и Киргизстана и заселена одноименными национальными объединениями, окончательно сложившимися на ныне занимаемой ими территории. Сравнительно-антропологическое изучение казахов и киргизов показывает, что их основу составляет монголоидный (азиатский) расовый тип лишь с небольшим примесью европеоидных рас. Это вполне согласуется с географическим положением данной области как ближайшей к исходному ареалу большой монголоидной расы. Согласуется такой расовый состав и с данными истории и лингвистики. Так, с точки зрения последовательных смен этнического и языкового состава данная территория характеризуется следующими особенностями: а) ранним исчезновением здесь таких древнейших насельников, как сз, юзжчи и усунь (к VIII в. н. э.); двум последним, согласно историческим известиям, мы можем приписать европеоидный тип; б) ранним появлением здесь (II в. до н. э. — V в. н. э.) монголоязычных (жужани) и тюркоязычных (сяньби) племен и последующим господством ряда тюркских племен, которых историки считают выходящими с Алтая; в) незначительным проникновением сюда выходцев из среднеазиатского междуречья (согдийские колонии), которое

является центром распространения особой европеоидной расы.

11. II. Центральная область, или среднеазиатское междуречье. Эта область лежит в равнинах между бассейнами Аму-и Сыр-Дарьи и заселена ныне узбеками и таджиками. Сравнительно-антропологическое изучение узбеков, таджиков, казахов и киргизов показывает, что среди таджиков и узбеков, в противоположность казахам и киргизам, явно преобладает своеобразный брахицефальный европеоидный тип, которому автор дал наименование расы среднеазиатского междуречья. Покойный московский антрополог А. И. Ярхо назвал этот тип памиро-ферганской расой. Параллельно тюркизации Мавераннахра по языку шла монголизация его населения по типу. Эта монголизация значительно сильнее выражена у узбеков по сравнению с таджиками, что вполне согласуется с данными истории и лингвистики.

12. III. Южная, или закаспийская, область. Ныне заселена различными туркменскими племенами. Сравнительно-антропологическое изучение этих племен показывает, что среди них явно преобладает долихоцефальный европеоидный элемент — особый вариант так называемой средиземноморской расы. Географически этот вариант средиземноморской расы можно проследить в виде двух ветвей: северной и южной, сходящихся в пределах Северной Индии. Южная часть представлена рядом племен Северной Африки, кочевыми арабскими племенами (бедуинами) Аравии, некоторыми племенами Ирана и Северной Индии. Северная ветвь в прошлом входила в состав скифских (сакских) племен Закаспия и Хорезма и скифо-сарматских племен прикавказских, приазовских и причерноморских степей. На основании сопоставления некоторых известий арабских географов и западных историков автор считает туркмен «потомками» местных скифских (сакских) племен, позднее тюркизированных по языку и вошедших в состав гузов и тюрков-сельджуков. Параллельно с тюркизацией по языку шла антропологическая монголизация местного средиземноморского европеоидного типа. Монголоидные элементы выражены у некоторых туркменских племен даже сильнее, чем у узбеков.

13. IV. Памиро-Алайская область Лингвистически обособленные мелкие иранские племена Памиро-Алая (ягнобцы, язгулемцы, рушанцы, шугнанцы, ишканимцы, горанцы и ваханцы) вовсе не подверглись монголизации по типу. Свойственный им брахицефальный европеоидный тип занимает, по некоторым признакам, промежуточное положение между брахицефальными европеоидами Мавераннахра и Передней Азии. Таджики Каратегина, Дарваза и верховья Зеравшана ближе стоят к расе среднеазиатского междуречья, чем перечисленные выше мелкие иранские племена. Заселение Памиро-Алая шло со сто-

роны Согда и Бактрии еще до тюркизации этих областей по языку и монголизации их по типу.

14. V. Хорасанская область. Вследствие многовековых связей Средней Азии с Ираном необходимо было учесть приток населения из сопредельных областей последнего. Однако в состав исследованных автором персов Хорасана и азербайджанцев персидского Азербайджана вошел своеобразный европеоидный долихоцефальный тип, отличный по ряду признаков от туркменского. Этому типу, по центру его распространения, автор дал наименование «хорасанской расы». Она явно преобладает и среди иранцев (по языку персов) и среди тюрков (по языку азербайджанцев). Степень весьма вероятного участия ее в расовом составе туркмен пока не может быть уточнена.

15. VI. Переднеазиатская область имеет своих представителей в Средней Азии в лице евреев, сохранивших, в противоположность среднеазиатским арабам, распространившимся в местном населении Мавераннахра, ярко выраженный переднеазиатский расовый тип. Тип этот не принял сколько-нибудь значительного участия в формировании населения Средней Азии, как показало сравнительно-антропологическое исследование автором евреев, арабов и таджиков. Вместе с тем Передняя Азия представляет большой интерес для изучения Средней Азии благодаря наличию ярких параллелей в этногенезе и расогенезе двух междуречий: переднеазиатского и среднеазиатского.

К. В. Тревер

Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э.

Вопрос об этногенезе народов, населявших Среднюю Азию в древности, имеет большое значение для освещения вопросов сложения современных народов Средней Азии, Узбекистана в частности.

Несмотря на отрывочность и разноречивость сведений, которыми мы располагаем относительно и состава и судеб этих народов, на основе и письменных, и археологических, и лингвистических данных мы имеем все же возможность проследить линию развития некоторых народов, как, например, линию «массагеты — аланы — огузы — туркмены» или линию «саки — согдины — таджики», с одной стороны, и «саки — согдины — тюрки — узбеки», с другой стороны.

В настоящем сообщении речь может идти только об основных народах, и целый ряд положений может быть высказан только в виде рабочих гипотез.

Вопрос о саках. В тексте Накши-и-Рустемской надписи Дария дается перечень трех сакских народов. Наиболее ве-

16. Сопоставляя свои материалы с данными по антропологии Индии и Восточного Туркестана, автор приходит к заключению, что европеоиды Индии, не говоря уже о дравидийских племенах, не приняли существенного участия в формировании населения Памиро-Алая и Мавераннахра. Расовая связь туркмен с долихоцефалами Пенджаба отмечена выше. Из исследованных автором народов дравидийский тип ясно выступает у белуджей. Что касается Восточного Туркестана, то сюда имел место со стороны Мавераннахра заметный приток населения, принадлежащего к расе среднеазиатского междуречья.

17. Объективное изучение антропологического состава населения Средней Азии и сопредельных с ней стран решительно опровергает расистскую «теорию» германофашистского антрополога Ганса Гюнтера, выпустившего недавно тенденциозную книгу о «северной расе среди индо-германцев Азии». В этой книге Ганс Гюнтер стремится доказать, что все древнейшие культуры Средней Азии и сопредельных с ней стран обязаны своим происхождением переселению сюда «высшей», «арийской», «нордической» расы, пришедшей из Центральной Германии.

На деле в состав населения Средней Азии вошли местные европеоидные и монголоидные расы, последовательно включившиеся в состав различных ее народов, творивших культуру Средней Азии в прошлом и творящих ее в современности.

роятым представляется следующее их историческое и географическое расселение в VI—V вв. до н. э.: сака-хаумаварка — в Фергане, где они начали переходить к оседлым формам жизни; сака-тиграхауда — за Сыр-Дарьей и в Семиречье, сака-тара-дарайя — или европейские саки (скифы) или же обитавшие за Аму-Дарьей массагеты.

Вопрос о массагетах. Гипотеза об идентичности массагетов с «заморскими», или «заречными», саками, с которыми боролись Кир и Дарий и которые представляли собой большой союз племен (mas-sakuta по Christensen'у и Junge), находившихся на различном уровне своего общественного развития.

Отсутствие массагетов в перечне народов Средней Азии в надписях Дария.

Данные за и против точки зрения Ремюза—Клапрота—Франке—Толстова, отождествляющих массагетов с да-юэ-чжи (quet-ti) китайских текстов.

Несостоятельность точки зрения Марк-

варта, основанной на использовании народной этимологии термина «массагеты».

Вопрос о генетической связи массагетов с сарматами-аорсами-аланами и туркменами.

В о п р о с о д а я х. Гипотеза, основанная на данных Авесты (где среди неарийцев перечисляются и даи) и сводящаяся к тому, что название это — собирательное имя для тех местных племен, которых здесь застали арийцы и которые обитали «к востоку от Каспийского моря» (Герцфельд называет их каспиями).

Невозможность установления при наличии данных их этнической принадлежности.

Широкий диапазон их расселения, частичная ассимиляция их с саками и ошибочное отождествление их с последними.

Какая-то связь даев с сарматами ввиду упоминания их в Авесте рядом с народом Сайрима.

В о п р о с о с о г д и й ц а х — одном из сакских народов, очень рано перешедшем к оседлым формам жизни. Предпочтительность гипотезы Марра по сравнению с теорией В. Миллера и Томашека.

В ассимиляции с другими народами согдийцы вошли в состав не только таджикского, но и узбекского народа, передав ему богатый опыт земледельческой и городской культуры.

В о п р о с о с к и ф а х - а б и я х и сопоставление их с народом апасака («водными саками»).

С проблемами этногенеза народов Средней Азии связан вопрос еще о двух народах, упоминаемых у Геродота: о париканях и саттагидах, из которых последние упоминаются и в надписях Дария под именем саттагуш или чаттагуш.

Герцфельдовская точка зрения на идентичность как подчиненных Дарию париканьев Геродота, так и Паркана Бундахишна с Ферганой находит подтверждение в некоторых данных китайских источников, а также в археологических данных.

Гипотеза об отождествлении саттагидов Геродота (чаттагуш надписей Дария), исходя из контекста этого названия в обоих случаях, а также на основании некоторых археологических данных, не с Пятиречьем Индии, а с нашим Семиречьем.

С. П. Толстов

Аральский узел этногонического процесса

1. С момента возникновения сравнительного индоевропейского языкознания бассейн Аральского моря становится в концепциях подавляющего большинства исследователей проблемы этногенеза индоевропейцев центральным узлом этногонического процесса. В бассейне Аральского моря и питающих его великих среднеазиатских рек ищут родину индоевропейцев Роде (1820), Шлегель, Потт, Клапрот, Риттер, Лассен, Л. Гримм, М. Мюллер, Пиктэ, Шлейхер, Сэйс, Линк, Юсти и многие другие авторы XIX в.

2. После принятия в конце XIX в. теории Латама (1851) о европейской прародине индоевропейских народов Средняя Азия отстает в теориях индоевропейского этногенеза на второй план. Однако в проблеме происхождения индоиранских народов Аральский бассейн еще долго занимает центральное место. Лишь в XX в. под влиянием открытий, сделанных в Богазкейском архиве, в европейской, особенно немецкой, литературе все больше выдвигается гипотеза западного происхождения индоиранцев и юго-западного (малоазиатско-кавказского) пути их движения на Средний Восток.

3. Однако и до настоящего времени очень значительная часть исследователей-иранистов склоняется к старой концепции, ведущей индоиранцев с северо-востока (из Средней Азии) на юг и на запад, предпочитая северный, циркумкаспийский путь

их движения в Среднюю Азию с древнейшей европейской прародиной.

4. Ряд исследователей-индоевропейцев, как Шрадер, попрежнему включают Аральский бассейн в достаточно широко конструируемую прародину индоевропейцев, простирающуюся, по мнению этих авторов, от Центральной Европы до Окса и Яксарта.

5. Открытие Пумпелли культуры Анау (1903—1904) выдвинуло теорию среднеазиатского происхождения древнейшей цивилизации Сумера и Передней Азии в целом. Черты урало-алтаизма в шумерском языке, подчеркнутые уже давно, заново выдвинутые Гоммелем и подхваченные турецкими историками и лингвистами, послужили основанием для конструкции среднеазиатской прародины тюркских народов, древнейшие следы которых якобы связаны с носителями культуры анау-сузианского типа, распространявшимися из Средней Азии в Элам и Сумер.

6. Вместе с тем уже Томашек выдвинул гипотезу о том, что в Иране и Средней Азии индоиранскому и тюркскому элементам предшествовал более древний, который Томашек сближает, с одной стороны, с кавказскими, с другой — с тибето-гималайскими племенами. Эта теория получила впоследствии развитие в работах Гюзинга и особенно Герцфельда, который сконструировал особую «каспийскую» этнолингвистическую группу. Этой группе им

приписывается создание памятников крашеной керамики Ирана, Ирака, Индии, Анау. «Каспии» Герцфельда соответствуют «алародийским» или «азиантическим» народам и «яфетидам» Марра. Индоевропейские народы рассматриваются в этих новейших теориях как пришельцы, причем инлы и иранцы ведутся с запада через Малую Азию и Кавказ, а родственные иранцам саки — с севера, из аллювиальных равнин Окса и Яксарта, из Аральского бассейна.

7. Опыт дешифровки Б. Грозным мохенджодарских иероглифов привел его в его последних работах к новому выдвижению Средней Азии на роль древнего и крайне важного узла в процессе индоевропейского этно- и глоттогенеза.

8. Яфетическая теория Н. Я. Марра поставила по-новому проблему этногенеза и индоевропейцев и урало-алтайцев, сняв старые дискуссии о локализации индоевропейской и урало-алтайской прародинны.

Установив в языках обеих групп доисторические пласты, роднящие их с яфетическими языками, и придя к теории стадильности в истории языковых трансформаций, Н. Я. Марр вместе с тем подчеркнул особую роль средиземноморского бассейна как центра наиболее интенсивного развития глоттогонического процесса, под влиянием которого идет развитие языков более или менее отдаленной периферии Старого Света.

9. В работах учеников Н. Я. Марра эта конкретно-историческая сторона его теории отошла на второй план. Теория Н. Я. Марра свелась в социологической концепции стадильной трансформации языков к общей формулировке тезиса о «единстве глоттогонического процесса», без вскрытия его конкретно-исторического содержания, и к критике теории праязыка и прародинны. Принимая целиком эту критическую и социологическую стороны теории Н. Я. Марра, мы не можем, однако, этим удовлетвориться. Для настоящего этапа развития этногенетических исследований важным является установление тех конкретных для каждой страны путей, на которых проявляется констатированное Н. Я. Марром единство глотто- и этногонического процесса. С этой точки зрения старые споры о роли среднеазиатского Двуречья в индоевропейском и урало-алтайском этногенезе вновь становятся для нас неизбежными.

Что касается конкретно-исторической концепции Н. Я. Марра, то его тезис о Средиземноморье как основном центре глотто- и этногонического процесса в свете новейших археологических открытий и этнолого-лингвистических исследований может быть принят лишь с весьма существенными оговорками. Крупнейшую историческую роль, несомненно, играл пока мало исследованный индоокеанский бассейн, в сфере этнических взаимоотношений которого решаются многие проблемы лингвистических корреспонденций между ныне

весьма далекими этническими группами. Видимо, есть все основания предполагать, что в мировом процессе этногенеза индоокеанский очаг сыграл не меньшую, а скорее большую роль, чем средиземноморский, имевший более ограниченную сферу влияния.

Положение Средней Азии на стыке обоих великих мировых очагов этногонического процесса делает ее роль в нем особенно крупной и позволяет поставить вопрос о ней как о третьем, внутриконтинентальном очаге этногонического процесса.

10. Археологические исследования в Аральском бассейне позволяют установить для неолита и бронзового века наличие двух культурных провинций: а) земледельческая культура крашеной керамики предгорий, близко родственная аналогичной культуре Мохенджодаро, Суз, Малой Азии и, видимо, соответствующая «каспийским» народам Герцфельда, и б) микролитовидная культура охотников и рыболовов, а впоследствии — пастухов-скотоводов и примитивных земледельцев со штампованной керамикой — в аллювиальной равнине, родственная культурам евразийского севера и, видимо, через бассейн Гильменда-Гамуна связанная с не входящими в круг мохенджодарских форм культурами Северной Индии.

Если для первой группы есть основания предполагать палеояфетические формы речи, следы которых отложились в тохарском, то для второй возможно искать родство с дравидийскими и, может быть, частично, с австроазиатскими (мунда) языками.

Следом этого являются, с одной стороны, мунда-дравидийские элементы в финно-угорских языках, привнесенные, повидимому, в неолите и ранней бронзе в родственную палеоазиатам среду северных языков, с другой — вершицкий (буришский) язык Гиндукуша, связываемый, с одной стороны, с яфетическими языками Кавказа, с другой — с мунда и частично дравидийскими, а также родственный дравидийским язык брагуев Белуджистана.

Возможно, что с этими процессами связано проникновение незначительных негроидных примесей в состав населения Восточной Европы и Западной Сибири.

11. В бронзовом веке в процессе скрещения каспийско-яфетических и мунда-дравидийских элементов складывается на востоке индоевропейская лингвистическая общность. Повидимому, в бассейне Аральского моря этот процесс идет особенно интенсивно, причем древнейшим пластом индоевропейского глоттогенеза оказывается тот же палеоиндоевропейский пласт, который представлен, с одной стороны, в так называемом индоевропейско-хеттском и в Средней Азии проявляется в тохарском, с другой — в языках народов фрако-фригийско-илирийского круга. Этот последний широко отражен в этно- и

топонимике, в мифах и верованиях и в большом количестве языковых фактов в Средней Азии.

Видимо, лишь значительно позднее, в процессе скрещения этих палеоиндоевропейских языков между собой, так и с сохранившимися еще доиндоевропейскими языками, в бассейне Нижней Аму- и Сыр-Дарьи, в Приаралье, складывается индоиранская группа языков, распространяющаяся отсюда на северо-запад (иранский элемент в скифском и сарматском, аланы), на юго-запад (мидяне, персы), на юг (индо-арийцы).

Этот процесс разворачивается на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и связан с первым великим общественным разделением труда и возникновением первых примитивных государственных образований, из которых в данном процессе решающую роль играет Айрьянем-Веджо—Кангха—Хорезм, область Приаралья и нижнего и среднего течения Аму- и Сыр-Дарьи с их притоками.

12. С образованием палеоиранского центра в Хорезме и на нижней Сыр-Дарье связана волна культурно-языковых влияний этого центра на народы Западной Сибири, Урала и Восточной Европы, отразившихся, помимо образования близко родственных хорезмийцам североиранских групп на Северном Кавказе (аланы, осетины), в многочисленных следах языковых и культурных палеоиранских влияний, до сих пор сохранившихся у угорских и финских народов евразийского севера. Видимо с этими же процессами связано формирование ираноидного пласта в языке и культуре вендо-славянских племен.

13. Однако кочевое и охотничье-рыболовное население среднеазиатских аллювиальных равнин и казахстанских степей оказывается слабо втянутым в этот процесс, продолжая в значительной мере сохранять доиндоевропейские и палеоиндоевропейские племенные языки. Так, видимо, массагеты говорят на языке, род-

ственным фракийскому, дахи и тохары — на яфетидо-хеттоидном и т. д.

Среди этих языков наиболее приспособленными к функциям межплеменной коммуникации в условиях подвижных кочевых политических объединений оказываются языки сингармонически-агглютинирующего типа. Их роль особенно повышается в связи с втягиванием в эти процессы народов более глубоких областей северной и северо-восточной Азии, говорящих на языках групп, близких к палеоазиатским. Процесс этот, выступающий с особой силой в событиях II в. до н. э. — IV в. н. э., приводит в конечном счете к формированию на базе скрещения протоггорских языков Казахстана, динлинских языков южной Сибири, гуннских языков Монголии с яфетическими и палеоиндоевропейскими языками Средней Азии тюркской системы языков, в которой сингармонически-агглютинирующий строй достигает своего расцвета.

14. Данное скрещение идет встречными волнами — более ранняя инфильтрация на север и восток приаральских групп (тохары, массагеты и др., проникающие, видимо, уже около середины I тысячелетия до н. э. до северо-западных границ Китая, не говоря уже о более ранних археологически установленяемых волнах) и ответное движение центральноазиатских и сибирских групп кочевников в Среднюю Азию во II в. до н. э. — VI в. н. э.

15. В этот процесс втягиваются постепенно и палеоиранские группы Аральского бассейна: хорезмийцы, согдийцы и палеоиндоевропейцы-тохары, составляя ту крайне скрещенную тюрко-индоевропейскую лингвистическую среду, на базе которой идет последующее развитие узбекского языка. В частности, еще в X—XI вв. регистрируется наличие скрещенного тюрко-иранского языка устюртских аланов и не тюркского и не иранского языка области Кердера в правобережье Нижнего Хорезма.

И. И. Умняков

Тохарская проблема

1. Современное состояние вопроса о тохарах позволяет расчленить этот вопрос и выделить два этнических комплекса: а) тохары, вторгшиеся со стороны Яксарта в Бактрию и в числе других народностей принявшие участие во II в. до н. э. в разрушении Греко-бактрийского царства и затем осевшие на территории, впоследствии по их имени называвшейся Тохаристаном, и б) народ или народы, обитавшие в Центральной Азии, языку которых в Западной Европе присвоено название «тохарский».

2. Греческий географ Страбон, писав-

ший в начале I в. н. э., единственный из античных авторов говорит о тохарах как непосредственных участниках в числе других народностей в разрушении Греко-Бактрии. Остальные античные писатели периода I в. до н. э. — IV в. н. э. лишь упоминают тохаров в числе других народностей Центральной Азии.

Сведений о тохарах за предшествующее время в античной литературе, повидимому, нет.

Тохаров (Tukhara, Tusare) индийских источников скорее можно рассматри-

вать как соседей Китая, чем как обитателей позднейшего Тохаристана.

Византийские авторы знали тохаров, но сообщаемые ими о них сведения, повидимому, почерпнуты из античных источников, вследствие чего в византийских источниках нет более подробных известий о среднеазиатских тохарах.

Тожество тохаров с ассирийскими Tuhassu (Tuhusu, Tuhisin, может быть Tuhissu) в анналах Синнахериба — VIII—VII вв. до н. э. и с Tsekkašio (может быть, Takkesi, Zakkasi) египетской надписи Рамсеса III (XII в. до н. э.) до сих пор признается спорным и требует дальнейшего изучения. В пользу этой идентификации нельзя привести никаких веских доказательств, кроме сходства звуков.

3. В древнейших памятниках китайской государственной историографии («Исторические записки» Сама-цзяня и «История старших Хань» Бань-гу) нет упоминания о тохарах (китайское Ta-huo-lo). Впервые тохары в форме ту-ху-ло встречаются в анналах династии Северной Вэй (IV—VI вв. н. э.) (Вэй-шу, Бэй-ши), где тохары причислены к народам Западного края (их город Бо-ти отождествляют с Бактрами). Только при династии Суй (VI—VII вв. н. э.) ту-хо-ло вступила в более тесную связь с Китаем.

4. В анналах династии Тан (VII в. — начало X в. н. э.), Тянь-шу территория ту-хо-ло отождествлена с территорией древней Да-ся (Ta-hia). Этим именем Чжан-цзянь (II в. до н. э.) называет покоренную юэ-чжийцами Бактрию.

Вопреки мнению некоторых исследователей, теперь можно считать установленным различие между Да-ся — областью в пределах Китая и Да-ся — Бактрией с ее жителями-тохарами. Подтверждением этому может служить свидетельство Птолемея (II в. н. э.), который, с одной стороны, говорит о тохарах как о «большом народе» в Бактрии, а с другой стороны, упоминает о городе Тогара (Θούρα, сакское Thaugara и тибетское Phod-kar), лежащем в провинции Гань-су, и о тагурах (Θαγυροι), идентифицируемых с тохарами, обитавшими в той же провинции.

Не вызывает сомнений сближение Да-ся с даями, жившими, по Страбону, на берегах Каспийского моря. Из данных Орози также можно заключить, что дахи (даи) жили в пределах современного Туркменистана. Однако в пользу такого сближения нет других данных, кроме сходства звуков. По созвучию можно сближать Да-ся с именем туркменского племени та-ке.

5. В «Ши-цзи» Сы-ма-цзяня (II—I в. до н. э.) и в «Цянь-Хань-шу» Бань-гу (I в. н. э.), где нет упоминания о тохарах, говорится о юэ-чжи, живших между Дуньхуаном (теперь на крайнем северо-западе провинции Гань-су) и хребтом Ци-дяньшань (современный Няньшань), которым пришлось вести длительную борьбу с

хунну при шаньюях Тумане, Маодуне и Лаошане (III—II вв. до н. э.). В результате этой борьбы юэ-чжи, разбитые и искорененные при Маодуне, при его сыне Лаошане двинулись в сторону запада.

Эту первую фазу движения юэ-чжи датируют периодом примерно между 174—160 гг. до н. э.

6. Незначительная часть юэ-чжи, не способных к передвижению, удержалась у князов (повидимому, они были родственны по языку с тибетцами) Няньшаня, и их называли «малыми юэ-чжи».

В китайской историографии нет упоминания об особом владении «малых юэ-чжи», за исключением указаний в Бэй-ши, где говорится о существовании резиденции владетеля «малых юэ-чжи» г. Фу-лэу-ша (индусское Pususariga, ныне Пешавер).

Эти «малые юэ-чжи» северо-западной Индии, которые, по китайским источникам, утвердились в областях к югу от Дуньхуана, должны быть теми «малыми юэ-чжи», которых Kumarajiva (IV—V вв. н. э.) идентифицировал с тохарами. Следовательно, должен отпасть довод синологов Гадуна, по мнению которого Kjmaiauiua знал, что «малые юэ-чжи», обитатели Няньшаня, называли себя тохарами.

Других сведений о владениях «малых юэ-чжи» в китайской историографии, повидимому, нет. Следовательно, «малые юэ-чжи» после V в. н. э. не играли роли и постепенно исчезли с исторической арены.

7. Основная масса юэ-чжи, так называемые да-юэ-чжи («большие юэ-чжи»), двинулась на запад, где столкнулась с народом сэ (сэ) китайских источников (некоторые предпочитают именовать Sal, или Sai - иан — «сэ-ван» в значении «царь сэ»), разбила их и заняла их территорию, заставив сэ удалиться на юг. Некоторые время спустя, разбитые их восточными соседями — усунями, да-юэ-чжи двинулись далее на запад, направив свой удар, повидимому, всецело на Бактрию (Да-ся), и завладели ею. Сэ устремились, вероятно всего, через Памир на юг в Гибнь (на Инде в низовьях Кабул-Дарьи).

Вторая фаза движения да-юэ-чжи падает примерно между 139—129 гг. до н. э., что соответствует данным античных авторов.

Сведения о владениях да-юэ-чжи датируются в китайской историографии периодом от II в. до н. э. до VI в. н. э. включительно. В более поздних китайских исторических источниках нет специальных указаний о владениях да-юэ-чжи, но встречается термин «ту-хо-ло» (Тохаристан, в состав которого, по данным мусульманских авторов, входила область к северу и к югу от верхнего течения Аму-Дарьи).

8. Вопреки установившемуся мнению, китайские источники не дают ясного доказательства принадлежности к юэ-чжи «пяти ябгу» (китайское хи-хэу), среди которых ябгу гуй-шуан по имени Кюй-цзюй-

кэ (индусское Козулокадфис) в I в. н. э. положил начало кушанской династии.

Эти «пять ябгу» ко времени господства юэ-чжи, вероятно, жили в юго-восточной части Да-ся (Бактрия).

9. Старая гипотеза, поддержанная теперь некоторыми исследователями, о тождестве китайских да-юэ-чжи и греческих массагетов не подтверждается лингвистическими данными после исследований Карлгрена о фонетике термина «юэ-чжи» и Н. Я. Марра о толковании термина «массагеты».

10. Вопрос о тождестве греческих тохаров и китайских юэ-чжи самый сложный в «тохарской проблеме».

Уравнение: юэ-чжи — тохары — индоскифы византийских источников впервые было выдвинуто еще в XVIII в. Дегинем в результате изучения китайских известий о народе юэ-чжи.

Позже к этой проблеме возвращались все исследователи, занимавшиеся тохарским вопросом, и почти все без исключения пытались так или иначе обосновать предложенную Дегинем идентификацию юэ-чжи с тохарами (ту-хо-ло).

Последний по времени исследователь этого вопроса синолог Галун выдвинул два уравнения: 1) тохары — юэ-чжи в Бактрии и в Няншане и 2) тохары — юэ-чжи — скифы (в качестве гипотезы).

Установить фонетическую связь между терминами «тохары» и «юэ-чжи» никому из исследователей не удалось.

11. Новое учение о языке Н. Я. Марра и, в частности, его исследования по скифскому вопросу дают основания поддерживать гипотезу о тождестве тохаров (юэ-чжи) со скифами, т. е. считать тохаров как одну из ветвей скифов-яфетидов по происхождению.

12. Согласно яфетической теории скифы-яфетиды сыграли с течением времени известную роль в процессе зарождения «индоевропеизма» (по терминологии Н. Я. Марра «прометеизма») и перевоплощения яфетических языков в иранские. Далее, если полагать, что тохары были ветвью скифского народа, т. е. яфетидами по происхождению, то отсюда можно сделать следующие выводы:

а) тохары — сначала одна из ветвей скифов-яфетидов, затем «перевоплотились» в иранцев;

б) язык, обнаруженный в Центральной Азии и первоначально условно обозначенный как язык II, а теперь обычно именуемый «сакским» (скифы, сак-сак — разновидности одного и того же термина), имеет больше прав на наименование «тохарский», чем язык I, именуемый теперь кучарско-карашарским или тохарским, ибо тохары-скифы-иранцы скорее могли говорить на языке II (иранский по грамматическому строю и в значительной степени индийский по словарному составу), чем на языке I (индоевропейский, стоящий ближе к евро-

пейским, чем к азиатским языкам индоевропейской группы).

13. Какие народы говорили на языке I, мы из дошедших до нас памятников (письменных и вещественных) не знаем.

Носителем языка I не могли быть индоевропеизированные народы (понимая под ними в данном случае одну цельную массивную народность), ибо, как выясняет яфетическая теория, индоевропейцы ниоткуда в Европу не вселялись: они возникли там, где их застаёт история. Миграция всего народа сверху донизу как норма — иллюзия, но миграция отдельных слоев, классов и ее сравнительная легкость, если даже не иметь в виду торговцев, не подлежит сомнению.

14. Из предшествующего положения яфетической теории вытекает, что ни о каком переселении индоевропейцев в целом из Азии в Европу или обратно (вопрос, вызвавший громадную литературу и горячие споры среди буржуазных ученых Западной Европы) не может быть речи и тем более нельзя рассматривать индоевропейские языки как независимые образования с особой родиной.

15. Об иммиграции тохаров в Западную Европу и в страны к северу от Причерноморья (теория Бенвениста) исторических сведений нет. Проникновение же некоторых терминов из языка I (по терминологии некоторых ученых «тохарского», который соотносился с итало-кельтским и который соприкасался с прибалтийским, славянским, с одной стороны, и с греческим, армянским и фрако-фригийским, — с другой) в Западную Европу (см. теорию Покорного) показывает, что дело идет не о переселении цельной массивной народности в Европу, а лишь о «тохарском» социальном слое, который мог возникнуть при одинаковых условиях по всей Евразии с глубокими на местах корнями независимо от миграции.

Такое же примерно явление происходило и на Востоке, где скифский язык с языками гибридного строя выявился в иранском слое, позже сдавшем свои позиции арабскому языку, который раньше в виде другой своей разновидности (арамейской) оказал влияние на пехлевийскую речь подлинного Ирана.

16. Наличие Tauga (тохары) в сакском документе 2-й половины VIII в. н. э. и включение его в состав племенного образования тардудшей (огузов) вероятнее всего объясняется тем, что тохары-иранцы, жившие на территории между Турфаном и Маралбаши, к этому времени смешались с господствующим тюркским элементом, тардудшами, которые находились в VII в. в области к северу от Турфана.

Таким же порядком можно объяснить наличие *tükär*, лингвистически сближаемого с тохарами, в списках огузских племен.

17. Под уйгурским *toxri* (так уйгуры называли язык, с которого они переводили

буддийские произведения), вероятно, следует понимать иранский диалект, на котором говорили в Тохаристане, т. е. язык Тохаристана; может быть, это был согдийский язык, на котором были найдены документы I в. н. э. и литературные памятники VII—IX вв. на пути от Лоб-нора до Дунь-Хуана. Согдийский язык был распространен от Самарканда до Китая.

18. Опираясь на яфетическую теорию (новое учение о языке), докладчик считает целесообразным вновь пересмотреть «тохарский» вопрос на базе материала, собранного им в статье «Тохарская проблема». По мнению докладчика, некоторые спорные вопросы могут быть признаны решенными при условии, если основное положение: тохары — это яфетиды-скифы-иранцы — будет признано приемлемым.

М. М. Герасимов

Восстановление типа ископаемого человека и его значение для решения вопроса этногенеза узбеков

1. Чисто эмпирическим путем доказана возможность восстановления по черепу не только типового этнического, но и индивидуального портрета.

2. Несомненно, что различные этнические типы имеют различной мощности мягкий покров лица, и тем не менее при восстановлении лица «неизвестного» прежде всего следует исходить из данных его черепа, учитывая развитие рельефа, пол, возраст, конституционные и патологические особенности. Скрупулезное использование этих конкретных данных обеспечит достоверность восстанавливаемого лица.

3. Плосколицость монголоидов, а равно и мягкие очертания вообще женского лица, определяются не степенью развития подкожного слоя клетчатки, а более спокойной горизонтальной профилировкой лицевого скелета.

4. Асимметрия лица является одним из основных элементов портретности. Так называемое семейное сходство чаще всего и определяется не сходством отдельных черт лица, а единой гаммой его асимметрии. Асимметрия лица находится в прямой зависимости от формы черепа.

5. Методика пластической реконструкции, возникшая в результате эмпирического опыта и проверенная на ряде восстановлений современных людей, дает возможность объективного построения лица ископаемого человека.

6. Едва уловимые описательные признаки, следы метисации или семейного родства на черепе становятся очевидно наглядными при восстановлении мягких покровов.

7. Контрольные опыты получения пор-

19. Для внесения еще большей ясности в «тохарский» вопрос в целом необходимо прежде всего изучить природу так называемого «тохарского» языка под углом зрения нового учения о языке, взяв за образец многочисленные лингвистические работы Н. Я. Марра, который, к сожалению, не сказал своего веского слова о тохарах и их языке.

Затем необходимо дальнейшее изучение китайских источников, которые, может быть, дадут новые материалы о народе юэ-чжи и исторически подтвердят их тождество с тохарами.

Археология и антропология, в свою очередь, могли оказать существенную помощь в деле решения темных и спорных вопросов «тохарской проблемы».

третьей реконструкции подтвердили правильность принятой методики, тем самым определив ее место как вспомогательной дисциплины в плане применения ее в антропологии, истории и криминалистике.

8. С незапамятных времен Средняя Азия становится одним из очагов формирования человеческого типа. Неандерталец из Тешик-Таша, живший еще в пору ранней ступени дикости, т. е. еще в период собственно становления человека, является блестящим доказательством данного положения. Длинноголовые люди, типичные представители *Homo sapiens* из Мачайской пещеры, сменившие неандертальца и жившие в конце верхнего палеолита, видимо, и являются тем основным древним прото-европейским слоем, следы которого в разной степени сохранности дошли до наших дней, пройдя через все волны метисации.

9. Современное население Ташкентского оазиса до сих пор сохранило в несколько смягченной форме отдельные черты типа, четко представленного портретом, воспроизведенным по черепу из курганного захоронения II—III вв. н. э. (раскопки на трассе Северо-Ташкентского канала): сильно округленный выпуклый лоб, глубокий корень короткого носа с значительной прохелией припухлых губ и т. д.

10. Уже в IV—V вв. вполне сформировался так называемый фергано-памирский тип, представленный портретом согдианки, реконструированным по черепу из Ташкентского оссуария. Этот этнический тип документирован в большом количестве найденных лепных изображений Согдианы и в некоторых элементах сохранился в современном населении Узбекистана.

11. Динарский тип населения Хорезма V—VI вв. н. э. по данным двух восставленных черепов из оссуариев.

12. Пример этногенетического процесса формирования современного узбекского

типа, иллюстрируемый династией тимуридов по материалам реконструированных портретов Тимура, Шахруха, Улуг-бека и Мухаммед-султана.

Ц. Д. Номинханов

Следы монгольских племен и родов XIII века, встречающиеся на территории Узбекской ССР

(к вопросам этногенеза узбекского народа)

1. Монголы под предводительством Чингиз-хана в XIII в. завоевали Среднюю Азию. После ухода главных сил Чингиз-хана на родину, в Монголию, в Средней Азии остался второй сын Чингиз-хана — Джагатай с полученными от отца в наследство монголами.

2. Монголы, оставшиеся в Средней Азии, быстро ассимилированы местным населением, но все же в продолжение ряда веков (XIII—XV) играют известную роль в жизни народов Средней Азии. Ведение переписки на монгольском языке, употребление монгольского платья при Тимуре (Клавихо, посланник Генриха III Кастильского ко двору Тимура, Абуль-гази и др.), издание монгольско-тюркского словаря «Muqaddimat al-Adab» (XV в.) и т. д.

3. Из тех монголов, которые пришли в Среднюю Азию с Чингиз-ханом, на территории Узбекистана зафиксировано 15 родоплеменных названий: мангыт, кунград, конегез, катаган, джалаир, дурмен, барлас, каучин, кутчи, барки, могол, джерас, алот, татар, дуглат, и народы: джагатай, джете, калмак, представители которых в настоящее время называют себя узбеками.

4. Исследование топонимики Узбекистана показало, что на территории Узбекской

ССР имеется 86 кишлаков, носящих названия монгольских этнических групп; основных — 10: монгол, джалаир, кунград, чапар, хутчи, каучин, барлас, буркут, турбат, дурмен, и народы: калмак, джагатай, уйрат, чонгар, и 33 кишлака носят названия монгольского происхождения: дархан, дарга, карши, конук, паулган и др. Кроме того, отмечены монгольские географические названия: кок-котель (перевал), сандадь (пик), ташагун-бель (перевал), шаста-даван (перевал) и др.

Территориально кишлаки с монгольским этническим названием встречаются главным образом в Самаркандской (26) и Бухарской (24) областях.

5. Выводы. На основании данных материалов по районированию Средней Азии (Бухара и Хорезм), которые использованы по вопросу распространения монгольских племен и родов в Узбекистане, а также по данным топонимики Узбекистана подтверждаются данные хроники, что монгольские племена и роды, действительно, жили на территории Узбекской ССР и оставили свои следы в названиях узбекских этнических групп, что, несомненно, показывает участие монгольских элементов в формировании узбекского народа.

Н. А. Кисляков

К вопросу об этногенезе таджиков

1. Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники и памятники материальной культуры, свидетельства античных писателей, персидские клинописные надписи, китайские свидетельства, равно как и находки первых четырех десятилетий XX в. в Центральной и Средней Азии, с достаточной определенностью говорят об этническом составе населения северных районов современной таджикской оседлости в древности, о согдийцах, населявших, вероятно, уже и тогда бассейн р. Зеравшана, и о саках, кочевавших в прилегающих к оседлым районам степях. Как те,

так и другие принадлежали, как это теперь вполне уже доказано, к числу иранских народностей.

Родственно близкое им население проживало и на территории современного северного Афганистана. Я имею в виду иранское же население Бактрии, так называемых бактрийцев.

2. О районах современного горного Таджикистана к югу от Гиссарского и Алайского хребтов и к северу от Амударьи имеется очень мало исторических данных. Это положение остается вполне справедливым и для первых четырех-пяти

веков исторической жизни Средней Азии. Можно лишь догадываться, что горный Таджикистан в древности был заселен племенами, близкими согдийцам и бактрийцам, возможно даже — и сакам. Можно предполагать, что часть рассматриваемой территории была заселена бактрийцами.

3. Во II в. до н. э. на территории современного южного Таджикистана впервые появляется народность, известная под названием юэ-чжи (юе-ши) или тохаров, в китайской транскрипции ту-хо-ло; тохары известны также под названием кушан. Иранское происхождение кушан в настоящее время, насколько мне известно, хотя и оспаривается еще, но лишь очень немногими. Местность по верхнему течению Аму-Дарьи получила название Тохаристана по имени указанного народа, и название это сохранялось еще в первые века арабского завоевания.

В эпоху, предшествовавшую арабскому завоеванию, территория, заселенная в настоящее время таджиками, продолжала делиться на две части: Согдиану и Тохаристан, как это нам достоверно известно из свидетельства Сюэнь-Цзяна (630 г. н. э.). Последний указывает границу между Согдианой и Тохаристаном, которая проходила по Байсунским горам, а далее, как можно думать, по хребтам Гиссарскому и Алайскому. Как население Согдианы — согдийцы, так и население Тохаристана являлось, вероятно, тем основным элементом, который принял участие в формировании таджикского народа.

О населении Согдианы — согдийцах мы имели на всем протяжении древности, а также на протяжении средневековья, вплоть до XI в., довольно обильные сведения. Нам известны благодаря более ранним находкам в Центральной Азии и недавним — в северном Таджикистане язык и письменность согдийцев. Мы знаем также довольно много фактов из области материальной культуры согдийцев, их социального устройства, верований; нам хорошо известна их широкая торговая и колонизаторская деятельность.

4. Совершенно иначе обстоит дело в отношении нашей осведомленности о тохарах как в эпоху до арабского завоевания, так и в эпоху, наиболее обильную сведениями исторического и этно-географического характера, в эпоху арабских географов и династии саманидов. Правда, в эту последнюю эпоху нам довольно хорошо известна политическая и культурная жизнь Тохаристана.

Области Тохаристана, особенно — западные, по рекам Сурхану, Кафирнигану, Вахшу и Кызыл-су, в это время были густо заселены и жили хотя и несколько обособленной, но культурной жизнью. В политическом отношении они делились на ряд владений, управляемых самостоятельными династиями, лишь номинально зависевшими от саманидских эмиров. Крайней на западе областью являлся Саганиан, где

имелось до 16 тысяч селений; в главном городе была цитадель, крытые базары с мечетью посредине; в каждый дом была проведена вода; окрестности города были покрыты густой растительностью. В южной части была расположена другая область с большим городом Тармизом. На территории современного Гиссара находились области Ахерун и Шуман, между Кафирниганом и Вахшем — области Вашгирд и Кувадиан. Первая из них славилась производством шафрана, а из второй вывозилась марена.

Область Вашгирд граничила с владениями турок, против набегов которых здесь было возведено до 700 укреплений. Между Вахшем и Пянджем находилась область Хутталъ или Хутталан; это было могущественное владение, правители которого выводили свою родословную от династии сасанидов. К востоку, на территории современного высокогорного Таджикистана, находились области: Рашт, Керран, Шикинан, Вахан, которые, хотя и уплачивали подати мусульманам, жили тогда, как и много веков позднее, своей обособленной жизнью.¹

Я позволил себе несколько задержаться на этих известных в науке из сочинений арабских географов сведениях, с тем чтобы подчеркнуть, насколько подобная полнота известий о культурно-политической жизни резко контрастирует с полным отсутствием известий об этническом составе населения, о его языке и письменности. Сведений этих мы не находим и у Сюэнь-Цзяна, который отметил лишь существование в Тохаристане письма из 25 букв, вероятно, согдийского происхождения, так как писали слева направо. Ни слова о языке или письме населения Тохаристана не говорят также и мусульманские авторы; единственным исключением является упоминание автора XII в. Самани о «буквах, бывших там в начале Ислама, известных, записанных в книгах».²

5. Отсутствие сведений о языке и письменности населения Тохаристана является одним из наиболее крупных пробелов в выяснении вопроса этногенеза таджиков. Раскопки, произведенные в начале текущего века в Центральной Азии, и находки письменности на двух языках, один из которых (язык I) обнаружен в Куче, а другой (язык II) — в Хотане, породили многочисленную литературу, связанную с попытками определить то один, то другой из обнаруженных языков как язык тохарский. Не вдаваясь в подробности, напомним лишь, что язык I, достаточно изученный, приближается скорее к европейским языкам, в то время как язык II следует счи-

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, СПб., 1900, стр. 66 и сл.

² В. В. Бартольд. К вопросу о языках согдийском и тохарском, Иран, I, Л., 1927.

тать иранским. Находка документов на языке II в местности к востоку от Хотана, именно там, где находилась страна ту-хо-ло Сюань-Цзяна (по Биучурину, малые юэ-чжи), привело некоторых исследователей, в частности Сталь-Гольштейна и Стейна, к тому выводу, что именно язык II следует считать тохарским, хотя ряд ученых, в особенности немецких, считали тохарским язык I, относя язык II к сакским языкам. Повидимому, мнение Сталь-Гольштейна, разделенное и покойным Бартольдом, имеет под собой больше оснований, но отсутствие данных о языке и письменности населения южного Таджикистана в ту эпоху лишает возможности, как известно, сделать соответствующие выводы. Мы не можем здесь пройти также мимо мнения Стейна, пришедшего к убеждению, что современные горные таджики являются родственными населению Хотана VIII в., о чем, по его мнению, говорят не только характер языка II, но и антропологические данные.

6. В период арабского завоевания и в эпоху саманидов происходит процесс утраты согдийским населением своего языка и замена его таджикским, одновременно с чем в восточной части согдийской оседлости идет процесс замены согдийского языка тюркским. До настоящего времени не имеется ни исторических, ни лингвистических исследований по этому, весьма интересному и существенному вопросу. В. В. Бартольд приводит любопытное свидетельство Махмуда Кашгарского о двуязычии во второй половине XI в. согдийцев Семиречья и о последней стадии утраты ими согдийского языка, когда были люди, говорившие по-согдийски, но уже не было людей, говоривших только по-согдийски. Вероятно, такую же стадию двуязычия переживало и население собственно Согдианы, и говорило оно по-согдийски и по-таджикски, а впоследствии стало говорить только по-таджикски.

7. Тот же процесс замены местного языка (вероятно, одного из иранских наречий, может быть, тохарского) языком таджикским происходил, как можно предполагать, и на территории Тохаристана. Когда и как длительно совершался этот процесс, для нас остается неизвестным. Было бы совершенно бездоказательно и вряд ли правильно считать, что в Тохаристане таджикский язык существовал еще до или в эпоху арабского завоевания или что он вытеснил местные наречия ранее X—XI вв., т. е. ранее того, как в Согдиане таджикский язык пришел на смену согдийскому.

Известно, что носителями и проводниками таджикского языка в первую очередь являлись культурные слои общества, знать, группировавшаяся при дворе правителей, вероятно сначала в Хорасане (Нишапур, Мерв), а затем в Бухаре; затем этот язык сделался языком городских слоев общества и лишь впоследствии проник в деревню; постепенно он стал проникать

в менее культурные, географически более изолированные горные районы Тохаристана, и стал проникать туда позднее, может быть, даже значительно позднее, чем распространялся в городах и в более доступных внешнему влиянию сельских местностях равнины.

После этих предварительных замечаний переходжу к изложению, на основе языковых и этнографических данных, моих сообщений о том, на каком языке говорили предки современных горных таджиков и какова была их этническая принадлежность.

8. Как я старался показать выше, таджикский язык мог проникнуть в Тохаристан с запада, может быть, с северо- или юго-запада, с равнин, игравших и в политическом и в культурном отношении более значительную роль, чем интересующие нас горные районы. Спешу оговориться, что я отнюдь не хочу представить процесс проникновения таджикского языка как явление насильственное, связанное с истреблением носителей старого языка. Мне думается, что проникновение это явилось результатом мирных сношений, широкого культурного общения носителей того и другого языков между собой, и лишь отчасти результатом выселения с равнин в горы отдельных групп таджиков, бежавших, может быть, от опасности, которую им несло вторжение тюркских и других завоевателей.

На основании только что сказанного мне представляется вероятным, что распространение таджикского языка в Тохаристане происходило постепенно, в направлении с запада на восток.

9. Это представление, на мой взгляд, подтверждается еще и тем фактом, что таджики так называемых припамирских районов, восточных районов Таджикистана, и до настоящего времени сохранили свои особые, отличные от таджикского иранские языки: язгулямский, рушанский, шугнанский, ишкашимский, ваханский, с рядом наречий.

Если мы, действительно, допустим, что исчезновение местных языков или наречий в результате продвижения таджикского языка происходило постепенно с запада на восток и что этими местными языками являлись языки, близкие современным припамирским, являющимся лишь немногими остатками ранее более широко распространенных языков, то мы имеем основание думать, что следы припамирских языков могут быть встречены в современных таджикских горных говорах.

10. В этой связи остановимся на открытых в 1915 г. И. И. Зарубиным в долине реки Ванджа остатках старованджского языка. В это время еще живы были старики, которые в детстве слышали от своих дедов старый ванджский язык и могли сообщить из него несколько слов, сохранившихся в их памяти. По словам И. И. Зарубина, несмотря на немногочис-

ленность, эти слова позволяют судить о принадлежности исчезнувшего языка к памирским.¹ Автор приводит 33 старованджских слова и прибавляет, что в современном ванджском говоре, несомненно, имеются значительные остатки вымершей речи и что некоторые термины, в частности термины, относящиеся к жилищу, весьма сходны с памирскими.

Открытие следов одного из старопамирских языков именно в долине р. Вандж, т. е. на территории, непосредственно соседящей с областью распространения современных памирских языков, является лучшим доказательством исчезновения старых языков в горном Таджикистане и именно в направлении с запада на восток.

11. Горные таджики, населяющие районы к западу от р. Ванджа — Дарваз и верхнюю часть долины р. Хингоу — употребляют особые таджикские говоры, известные в настоящее время под именем дарвазских; дарвазские говоры распространены и среди современного населения долины Ванджа.

Не являясь специалистом лингвистом и тем более специалистом по памирским языкам, я могу говорить лишь о некоторых соответствиях и сходствах, наиболее бросающихся в глаза, и полагаю, что лингвисты в свое время займутся более глубоким анализом этого вопроса.

Дарвазские говоры имеют много интересных особенностей, отличающих их от других таджикских говоров, но насколько эти особенности вызваны влиянием памирских языков во всей полноте, судить трудно. Укажу хотя бы на такую особенность, как перестановка частицы «те» на конец глаголов в формах настоящего времени.

Другие особенности дарвазских говоров, равно как и особенности говоров Каратегина, недавно изученных А. З. Розенфельд, имеют прямое соответствие с памирскими языками. Отмеченные ею особенности в каратегинских говорах в связи с памирскими языками можно отнести и к дарвазским говорам. Укажем среди них спондизацию *b* и замену его губно-губным *w* и губно-зубным *v* (*law* || *lab*, *ova* || *oba*, *sitow* || *sitob*).

Переход *ī* в *i*, столь характерный для дарвазских говоров и встречающийся также в говорах Каратегина, характерен и для памирских языков. Употребление форм «*bī*», «*bij*» вместо «*būd*» является одним из характерных признаков дарвазских говоров вообще. Отметим и другие примеры в каратегинских говорах: «*gizašt*, *zardoli*».

Укажем также наличие и большое распространение в памирских языках редуцированного гласного *ə*, в ваханском языке, являющегося даже фонемой. Этот же глас-

ный крайне характерен и для дарвазских говоров, однако он не является здесь фонемой. Гласный *ə* встречается также и в Каратегине и лишь как редкое исключение далее к западу, например в Гиссаре. М. С. Андреев этот гласный звук в слове «*dəl*» (сердце) отмечает только для Дарваза и Каратегина, а в слове «*zəmiston*» (зима) — для Дарваза и Гиссара. В северо-западных таджикских говорах этот звук, насколько мне известно, отсутствует.

12. Еще более характерным является наличие лексических соответствий памирских языков и дарвазско-каратегинских говоров таджикского языка.

Приведу несколько наиболее ярких, с моей точки зрения, примеров.¹ Из области материальной культуры отмечу такие, например, слова как «*qidoğa*» — глиняная миска — в рушанском языке и в том же значении в Каратегине и Дарвазе; «*gaqza*» — местное сукно — в бартагском языке, в Каратегине и Дарвазе; «*biček*» — козленок — в бартагском и рушанском, «*bīca*» — в Вахио. Из других областей лексики отметим следующие слова: бартагское «*āīca*», каратегинское «*eśa*||*heśa*» — гнездо; «*qai*» — заисгливый, ревивный, зложелатель — в бартагском, недобрый, горячий — в Вахио-боло; «*āi*» — свободный, освобожденный — в орошорском, «*ot*» — свободный в Вахио-боло в некоторых значениях, например: «*damam ot s d*» — мне легко стало дышать; «*vēgā*» — вечер — и в орошорском, и в Вахио-боло; «*palit*» — сор, отбросы — в мунджанском, и то же слово в значении скверный, гадкий в Каратегине; «*kalaroi*» — в рушанском — вниз, «*kalaro*» в том же значении в Вахио-боло; орошорский глагол «*luv*», «*luvd*» — говорить — находит себе соответствие в выражении «*lu kunt*» — позови — в Вахио. Отметим еще слово «*qal*» в орошорском языке и в дарвазских говорах, означающее сейчас, пока еще и, насколько я знаю, не встречающееся в других таджикских говорах. Слово это встречается, между прочим, и в местной дарвазской поэзии, например: «*qal bedime ki tu ʕi zulfā ragaʕsu karaʕi*» «сейчас, когда знаю, что ты, душенька, распустила свои локоны», или в форме «*nam qalake*» *guft rame nanj avau boz bijamam pmoqalake*» — сказала: я иду туда, сейчас ворочусь» (Мулло Дуст Ягидский).

13. Остановлюсь еще на вопросе топонимики. К сожалению, топонимика юго-восточной части Таджикистана еще почти совершенно не изучалась, и материала по этому вопросу имеется очень мало. Одним из любопытных названий, встречающихся как на Памире, так и в Дарвазе и Каратегине, является слово «харф» (харв), служащее обычно второй составной частью названий кишлаков или местностей. Можно указать

¹ И. И. Зарубин. К списку памирских языков. ДРАН, 1924, апрель—июнь.

¹ Памирские соответствия взяты из опубликованных И. И. Зарубиным материалов.

кишлаки Шихарф, Сарышхарф в Вахане, перевал Шитхарф на Памире, кишлак Вшихарф в Язгуляме, кишлаки Рохарв, Техарв на Вандже, кишлак Висхарв || Висхарви и перевал того же имени в Дарвазе; там же кишлак Пшихарф, кишлак Сабзихарф в долине Хингоу, Муджихарф в Каратегине и, наконец, Гусхарф в долине Варзоба. Как видим, самый крайний из известных нам на западе кишлак с окончанием названия на «харф» встречается в Гиссаре, в северо-западном углу Тохаристана. Каково бы ни было значение слова «харф», его распространение, одинаково в припамирских районах, в Дарвазе, Каратегине и Гиссаре, крайне симптоматично.

Из других географических названий мне хотелось бы указать название реки «Хингоу», первая часть которого не находит себе объяснения ни из таджикского языка, ни у местных жителей. Однако орошорское слово «*хё*» — синий, может быть, позволит нам расшифровать название «Хингоу» как «синяя река», «синяя вода».

Слово «*ришта*» в Каратегине и Дарвазе и «*ришта*» в Орошоре одинаково означает нагорье, горы. В долине Хингоу это слово мы находим также в названии кишлака Пуштарог. Отметим попутно, что и самый термин «*тог*», входящий второй составной частью в ряд географических названий, является столь же загадочным и вызывает не менее интереса, чем термин «харф». Отмечу еще орошорское слово «*вип*» в значении дно, основание, нижняя часть, встречающееся, например, в названии кишлака Дашти-бун в Вахио-боло и могущее быть объяснено из орошорского как «нижняя равнина», что соответствует и действительно местоположению кишлака.

Заканчивая рассмотрение памиро-таджикских соответствий и следов памирских языков в горнотаджикских говорах и в топонимике края, сошлюсь здесь на слова И. И. Зарубина в той же работе о средне-ванджском языке, где он говорит, что, несомненно, сравнительно недавно количество памирских языков было значительно, чем в настоящее время и вымирание их происходит почти на глазах. Здесь Зарубин ссылается на Гриссона, которым сделано подобное же предположение относительно Бадахшана.

14. Этническая общность, единство происхождения памирских таджиков и таджиков Каратегина, Дарваза, Гиссара, возможно и Куляба, говоривших в отдаленные времена на общих, близких наречиях или языках, находит себе подтверждение и в том факте, что таджики только что перечисленных местностей отличаются резко бросающейся в глаза культурной общностью. Более всего обращает на себя внимание единство материальной культуры; здесь я остановлюсь кратко лишь на двух явлениях в этой области — на земледелии и жилище.

Как и самый земледельческий процесс, иногда даже в мельчайших подробностях,

так и сельскохозяйственные орудия в Каратегине, Дарвазе и в припамирских районах сходны между собой. Стоит только приглядеться к приемам молотбы или к сноске урожая на спине с гор, и сразу можно заметить, что никакой или почти никакой разницы в этих приемах не существует. Отмечу в этой связи, что название сохи в юго-восточных таджикских говорах «*siro*» в отличие от северо-западных «*ота*» распространено также и на Памире: мунджанское «*səpəga*», язгулямское «*səpīg*», ишкашимское «*wuspīg*», шугнано-рушанское «*səpəga*», бартагско-орошорское «*səpəg*», ваханское «*səpudr*». Укажу еще на слово «*web*», обозначающее в бартагско-рушанском сноп и встреченное мной в том же значении в долине р. Хингоу.

Но, пожалуй, наиболее разительным примером общности материальной культуры таджиков указанных районов может служить старый тип жилища, которому в 1939 г. я посвятил одну из своих статей. Указание на общность типа жилища населения юго-восточных горных районов Таджикистана и жилища населения Припамирья было сделано в литературе еще в 1925 г. И. И. Зарубиным, который говорит о своеобразном типе жилища горцев, «едином от Каратегина до Канджута». Этот тип жилища, который мы находим в Каратегине, Вахио, Дарвазе, Вандже и Припамирье, характеризуется массивностью самой постройки, имеющей прямоугольную форму, с плоской кровлей, глинобитный пол с системой возвышений и с проходом посредине, отсутствием окон, заменяемых колодцеобразным отверстием в крыше, и отоплением помещения при помощи очага «по-черному», т. е. без дымохода. Колодцеобразное отверстие это носит в Каратегине и Дарвазе название «*guzan*», а у припамирского населения «*guzm*» и имеет свой прототип в древних архитектурных сооружениях, одно из которых приводит Лекко в его «*Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens*», привлекая для сравнения фотографию Стейна с заснятым на ней припамирским жилищем. Сходны и многие термины, относящиеся к жилищу, не говоря уже специально о термине «*guzan-guzm*». Например, орошорское «*būca*» — проход, вход из сеней внутрь жилища, дарвазское «*rica*» — стенка, отделяющая этот проход от очага в Вахио-боло; «*calak*» — углубление в глинобитном полу — в Орошоре для стока воды, в Вахио — для разведения огня. Весьма любопытно отметить, что указанный тип жилища распространен только в бассейне верхнего течения Аму-Дарьи, т. е. на территории древнего Тохаристана, и что по соседству с Каратегинем, но уже в бассейне Зеравшана, мы встречаем отличный от описанного тип горного жилища.

15. Из области социальных отношений следует обратить внимание на церемонию свадьбы и целый ряд связанных с ней об-

рядов, ибо именно в свадебных обрядах сохраняются наиболее древние пережитки. Здесь же мы могли бы указать на тождество обрядов, связанных с определением и передачей калыма в прошлом, на самый характер калыма, которому велся счет на единицы ценностей — «kola», и т. п.

16. В области поверий и народных преданий отмечу два обычая, связанных с наличием упомянутого отверстия в крыше (*guzap, guzin*), встреченные как в Припамирье, так и в Дарвазе. Первый обычай — бросание ложек в *guzap* на предмет гадания о будущем урожае, в зависимости от того, как упадет ложка — дном кверху или вниз. Второй обычай — отмечать время дня и время года по солнечному лучу, проникающему в *guzap*. Любопытным является наличие особого счета-календаря по частям человеческого тела, известного на Памире и встреченного мной также в Вахио-боло. Из числа поверий обращает на себя внимание обычай запрещения в течение семи дней после выхода на летнее пастбище появления на нем мужчины, известный в Припамирье, в Каратегине и в Дарвазе.

Все указанные явления красноречиво говорят о единстве культуры всего населения юго-восточного горного Таджикистана,

несмотря на различие в языках.

17. Подводя итоги всему сказанному, я полагаю вполне вероятным, что: а) припамирские иранские языки, сохранившиеся теперь на незначительной территории, в прошлом были языками всего населения Тохаристана или по крайней мере занимают по отношению к этим последним примерно такое же положение, какое язык ягнобский занимает в отношении согдийского языка; б) современное ираноязычное население, живущее на территории древнего Тохаристана, т. е. горные таджики Припамирья, говорящие на особых языках, и таджики Дарваза, Каратегина, Гиссара (возможно, и Куляба) имеют общее происхождение.

Окончательный ответ на эти вопросы, а также на вопрос об отношении утраченного коренным населением языка к языку тохарскому и связи населения юго-восточного Таджикистана с тохарами возможен лишь в результате обнаружения новых археологических материалов на территории Таджикистана и, в первую очередь, письменных памятников, на что указал уже В. В. Бартольд в цитированной нами статье «К вопросу о языках согдийском и тохарском».

В. В. Гинзбург

Этногенез таджиков в свете данных антропологии

1. Предположений о происхождении таджиков было высказано весьма много. На основании локальных и даже индивидуальных вариаций расового типа таджиков и исходя при этом из метафизических миграционных установок во взглядах на образование расового типа, широко распространенных в конце прошлого и в текущем веке в буржуазной науке, таджикам в целом или их отдельным локальным и даже социальным группам приписывалось самое различное происхождение. В таджиках предполагали и местное население в его различных комбинациях, и пришельцев из Ирана, Афганистана, Индии, Передней Азии и даже Европы. Сводку высказываний, при которых учитывались антропологические данные, можно найти в моей книжке «Горные таджики».

2. В настоящее время признано, что таджики являются потомками древних аборигенов страны. Наиболее поздними их предками являются согдийцы, обитавшие во II тысячелетии до н. э. и в I тысячелетии н. э. в южной части области среднеазиатского Междуречья до Гиссарского хребта на юге. Южнее Гиссарского хребта до Гиндукуша предками таджиков, повидимому, являются тохары, о которых, в противоположность согдийцам, имеется очень мало сведений.

3. Многочисленные завоеватели Средней Азии, под власть которых на большее или меньшее время подпадала Согдиана, хотя и оказывали иногда громадное влияние на ее культуру и развитие общественного строя, но большей частью сами растворялись в массе местного населения, смешиваясь с ним. Процесс значительного поглощения завоевателей местным, более культурным населением происходил и позже, при образовании в середине II тысячелетия н. э. узбекского государства.

4. Местное население, как указывает В. В. Бартольд, стало называться таджиками лишь к концу I тысячелетия н. э. Вначале так назывались завоеватели-арабы по имени одного из арабских племен, потом этим именем стали называть вообще всех лиц, применявших ислам, — как завоевателей, так и местных аборигенов. Этим термином именовали и персов, попадавших в Среднюю Азию, а потом турки распространили его на говоривших на иранских языках местных аборигенов, за которыми это название и осталось.¹

5. Гористая местность способствовала тому, что население разных районов обита-

¹ В. В. Бартольд. Таджики. Исторический очерк. Сборник «Таджикистан», Ташкент, 1925.

ния таджиков соприкасалось с завоевателями в разной степени: в низменностях и предгорьях значительно больше, чем в высокогорных районах. Население малодоступных долин и ущелий этих районов развивалось в условиях сравнительно большей изоляции даже друг от друга. В результате этого здесь сохранились малые количественно, но многочисленными народы (рушанцы, шугнанцы, ваханцы и другие племена Западного Памира, а также ягнобцы), сохранившие до последнего времени свои диалекты наряду с распространенным уже всюду таджикским языком.

Такая изоляция заставляет предполагать, что в горных районах население соприкасалось с пришлыми элементами в гораздо меньшей степени, чем в равнинах, и совсем мало в тех глухих теснинах, в которых сохранились обособленные диалекты. В этом отношении наибольший интерес для нас представляют ягнобцы, живущие в верховьях Зеравшана, почти в центре древней Согдианы, и сохранившие благодаря довольно большой географической изоляции свой древний язык, в котором имеются элементы согдийского (близкого к санскриту). Это было причиной поисков в этих местах рядом буржуазных ученых прародины индоевропейских языков и народов.

Более изолированные условия общественного развития в высокогорных районах заставляют предположить, что здесь лучше сохранился расовый тип аборигенов страны, чем в предгорьях и особенно в равнинах среднеазиатского междуречья.

6. Расовый тип таджиков изучен в настоящее время довольно хорошо. Они являются типичными представителями европеоидного темнопигментированного брахицефального типа, хорошо изученного Л. В. Ошаниным, А. И. Ярхо и нами.

Нужно, однако, отметить некоторую, хотя и очень слабую, монголоидную примесь, которая яснее проявляется у равнинных таджиков и совсем слабо — у горных.

Общее направление изменений, связанных с уменьшением даже слабо выраженных монголоидных черт, идет от равнин к горам. Такое направление изменчивости антропологического типа отражает развитие древнего населения среднеазиатского междуречья в высокогорных, трудно доступных районах, проходившее более изолировано от монгольских и турецких кочевников, являвшихся носителями монголоидного расового типа.

Таджики равнин несколько приближаются по типу к узбекам, в особенности к городским и к давно перешедшим к оседлости, т. е. ранее ассимилировавшимся с коренным местным населением. Расовый же тип современных узбеков, имея в основе европеоидный брахицефальный тип древних аборигенов страны, в которой они осели, является в разной степени метисированным, так как у узбеков до настоящего времени сохранилось еще много черт их первоначального расового типа, характери-

зовавшегося многими монголоидными чертами и бывшего, вероятно, тоже не однородным.

7. Чтобы выяснить, насколько древен расовый тип таджиков в местах их коренного обитания, мы должны рассмотреть имеющиеся палеоантропологические материалы на территории бывшей Согдианы и Средней Азии в целом. К сожалению, этот материал пока еще очень невелик, так как систематическое археологическое исследование Средней Азии, в сущности, началось совсем недавно. Большая часть материалов еще не опубликована.

Имеющиеся по современному человеку (*Homo sapiens*) и известные нам материалы мы можем разбить по эпохам и этнической принадлежности их на 4 группы.

8. К первой группе относятся черепа из известных раскопок Пампелли в Анау близ Ашхабада. Эти черепа из северного кургана с остатками культуры энеолитической эпохи датируются рубежом IV и III тысячелетия до н. э. Все они, по определению Серджи, являются долихоцефальными, европеоидными по типу, принадлежащими к средиземноморской расе.

К этому же типу относятся и два верхнепалеолитические черепа из Мочайской пещеры (Узбекская ССР), раскопанные в 1939 г., хранящиеся в Узбекском филиале Академии Наук СССР и выставленные на текущей сессии.

9. Ко второй группе относятся материалы из погребений кочевников, датируемые последними веками до нашей эры и первыми веками нашей эры. К этой группе относятся погребения, раскопанные Г. В. Григорьевым в 1938 г. в курганах близ Янги-Юля Ташкентской области и относимые им к «сакской» культуре. Изученные нами в 1939 г. и еще не опубликованные антропологические материалы из этих погребений оказались принадлежащими к долихоцефальному европеоидному типу. К сожалению, материалы эти количественно незначительны.

К этой группе относятся погребения усуней близ г. Каракол, раскопанные М. В. Воеводским и М. П. Грязновым в 1929 г. Черепа из этих погребений, изученные Т. А. Трофимовой, относятся к европеоидному типу, причем пять из семи оказались брахицефальными, а два приближаются к долихоцефальным.

Сходными с этими оказались и черепа из гуннских погребений из раскопок Г. В. Григорьева под Янги-Юлем в 1938 г. и также изученные нами. Три черепа из этих погребений, датируемые IV—V вв., оказались европеоидными, причем два из них — брахицефалы, а третий, поломанный, — повидимому, мезоцефального типа.

Большой и интереснейший антропологический материал собран при раскопках Кенкольского катакомбного могильника в

долине р. Талас Киргизской ССР. Раскопки здесь производили Гейкель в 1898 г. и А. Н. Бернштам в 1938 и 1939 гг.

Антропологические материалы из раскопок Гейкеля были изучены Г. Ретциусом и опубликованы вместе с археологическими материалами лишь в 1918 г., а материалы из раскопок 1938—1939 гг. были изучены нами совместно с Е. В. Жировым в 1940 г.

По Бернштаму, Кенкольский могильник хорошо датируется началом нашей эры и относится к северным гуннам.

Материалы, добытые в последние годы, совершенно сходны с добытыми полвека назад.

Основной особенностью захороненных в Кенкольском могильнике является хорошо выраженная кольцевая деформация черепов большинства как мужчин, так и женщин, придающая черепной коробке ясно выраженную конусовидную форму. Деформация эта проделана на базе брахицефальной формы черепа, в отличие от многочисленных конусовидных черепов, найденных при раскопках в Крыму и на Северном Кавказе, основой для которых являлась долихоцефальная черепная коробка.

Несколько черепов из Кенкольского могильника, мало или совсем не деформированных, являются брахицефальными.

При индивидуальном изучении двадцати черепов взрослых лиц оказалось, что девять из них относятся к монголоидному типу, хотя иногда и не резко выраженному. Восемь черепов относятся к смешанному типу, сочетая в себе как европеоидные, так и монголоидные черты. Лишь три черепа имеют явно преобладающие европеоидные черты. Эти три черепа, по Бернштаму, принадлежали рабам, захороненным при входе в катакомбы с основным захоронением.

Расовый тип в целом, несмотря на явно метисное происхождение захороненных в Кенкольском могильнике, все же довольно однородный, характеризующийся ослабленной монголоидностью (к нему относился и захороненный в кургане из Нолы-Улы) и, повидимому, близок к типу В, выделенному Бартучем среди гуянов (аваров).

Приведенные материалы показывают, что кочевники Средней Азии в начале нашей эры были не однородны по своему расовому типу.

Кочевники южных районов — усунь и южные гунны (хунны-эфталиты), являвшиеся, повидимому, местными аборигенами, имели ясно выраженный европеоидный расовый тип, чем отличались от северных гуннов, что отмечено как китайскими, так и византийскими источниками. Этот тип в основном — европеидный брахицефальный.

Около трети долихоцефальных черепов относится к европеоидному же типу и сходны с приведенными выше черепами саков. Последние пока являются наименее

изученными в антропологическом отношении. Имеющиеся материалы, указывающие на их сходство с туркменами, подтверждают происхождение последних от скифских племен.

Погребенные в Кенкольском могильнике северные гунны, повидимому, прошлого для Средней Азии происхождения, хотя и метисированные с местным брахицефальным элементом.

10. К третьей группе материалов относятся более поздние погребения из зороастрийских кладбищ разных районов Средней Азии, датируемые с VII по XIII вв. нашей эры, изученные нами и Е. В. Жировым, а также несторианские погребения XIII—XIV вв., изученные Г. Ф. Дебецом.

Эти погребения представляют для нашей темы наибольший интерес, так как принадлежат местному оседлому населению, согдийцам.

Черепя из зороастрийских кладбищ, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР, были получены в последние годы из разных мест, а именно: из окрестностей Джамбула, раскопанные в 1939 г. Пацевичем и датируемые VII—IX вв. н. э.; из окрестностей Самарканда (Фринкент), раскопанные в 1936 г. Григорьевым, датируемые XIII в., и из Чуйской долины, раскопанные в 1940 г. А. Н. Бернштамом.

По данным Жирова, изучившего их в 1940 г., расовый тип населения из этих погребений — европеоидный, брахицефальный или приближающийся к нему. Характерной чертой всех этих погребений является очень высокое лицо, аналогом которому является только тип, представленный у населения Луристана (Западный Иран) и описанный недавно Филдом. Это могло бы навести на мысль о том, что речь идет о погребенных выходцах из Ирана, если бы из истории не было известно, что зороастризм был в Средней Азии господствующей религией еще до начала нашей эры.

В 1942 г. нам удалось изучить значительную часть черепов из Фринкента, хранящихся в Самаркандском музее, и мы можем присоединиться к выводам Жирова.

Дебец изучил черепа из несторианского кладбища XIII—XIV вв. в Чуйской долине, раскопанные Пантусовым в 1886—1888 гг. Эти черепа также относятся к брахицефальному европеоидному типу.

Изложенные материалы показывают, что местное оседлое население Средней Азии, как в области южной части среднеазиатского междуречья, так и к северо-востоку от Яксарта (Сыр-Дарья), в конце I и начале II тысячелетия н. э. было по типу европеоидным, брахицефальным.

11. Наконец, к четвертой группе материалов относятся черепа из погребений еще более поздних, приближающихся к современным. К сожалению, эти материалы тоже мало опубликованы.

Череп, привезенные еще А. П. Федченко из окрестностей Самарканда и Ташкента, были в свое время опубликованы А. П. Богдановым, а в недавнее время изучены по современной методике Т. А. Трофимовой. Эти черепа оказываются принадлежащими к европеоидному брахикефальному типу.

Череп из Макшеватских пещер в Зеравшанском хребте, вблизи р. Искандер-Дарья, привезенные Бобринским и Бого-явленским из их первой экспедиции в 1895 г. и изученные Зографом, также имеют европеоидный брахикефальный тип.

К этому же типу относятся черепа из самаркандских кладбищ, как изученные Яворским в начале этого столетия, так и добытые экспедицией Академии Наук в 1926—1927 гг., а также два современных черепа таджиков из верховьев Аму-Дарьи (Пянджа), привезенные нами из экспедиции 1932 г., хранящиеся в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР.

Совсем недавно мы имели возможность изучить хорошую серию черепов из кладбища в г. Бухаре, хранящихся в Самаркандском медицинском институте. Эти черепа имеют в основе также европеоидный брахикефальный тип, причем на них хорошо можно проследить процесс метисации коренного местного населения с турецкими завоевателями, которые, судя по краниологическим особенностям, близки к населению Алтая.

Приведенные материалы показывают, что уже и после образования узбекских ханств местное коренное население принадлежало к европеоидному короткоголового расовому типу, хотя в некоторых местах (Бухара) процесс метисации его с позднейшими турецкими завоевателями проходил довольно интенсивно.

12. Из всего изложенного выше, несмотря на немногочисленность палеоантропологического материала по Средней Азии, все же можно видеть, что основным расовым типом местного населения, по крайней мере в течение последних двух с половиной тысяч лет, был европеоидный брахикефальный тип, который является основным расовым типом области среднеазиатского междуречья, и в настоящее время в наиболее чистом виде представлен у таджиков, в особенности у горных.

Таким образом, антропологические материалы хорошо доказывают, что таджики являются носителями древнего в этих местах антропологического типа и что в горных районах этот тип сохранился лучше, благодаря тому, что население этих районов меньше подвергалось влиянию завоевателей и контакту с ними. Недаром здесь повсеместно сохранились еще до сих пор остатки зороастризма в виде так называемого алоу-хона, т. е. помещения при мечетях, где мужчины собираются у огня.

Чрезвычайно важным фактом, подтвер-

ждающим наше заключение, является то, что население Ягноба, развивавшееся все время в наибольшей изолированности от пришельцев, по своему расовому типу сходно с горными таджиками.

13. Чтобы учесть влияние других народов, как более древних, так и более современных, на этногенез таджиков, нужно рассмотреть данные сравнительно антропологического изучения.

Оказывается, что таджики, в особенности равнинные, имеют много сходных или близких расовых черт с народами, обитающими к северо-западу, северу и востоку от основных мест обитания таджиков [узбеки, каракалпаки, отчасти киргизы (ферганские), уйгуры и население Восточного Туркестана].

Народы же, расположенные к западу и югу от таджиков (туркмены, иранцы, индо-афганцы), имея много сходных с таджиками черт, резко отличаются от них по головному указателю.

Горные таджики по типу очень сходны с припамирскими иранцами, которые, по предположению Л. В. Ошанина, являются остатками коренного населения Бактрианы, обладавшего расовым типом, сходным с населением Согдианы.

Обращает на себя внимание очень большое сходство таджиков, в особенности горных, а также припамирских иранцев со среднеазиатскими евреями.

14. Сходство таджиков, в особенности равнинных, с узбеками и каракалпаками зависит от двух взаимно дополняющих друг друга причин. С одной стороны, и узбеки и каракалпаки, бывшие кочевниками турецкого происхождения, сравнительно совсем недавно растворились при оседании в области среднеазиатского междуречья в местном населении Согдианы и Хорезма, образовав в различной степени метисированный тип. С другой стороны, таджики равнин, сохранившие свои этнические черты, продолжали, хотя и в малой степени, смешиваться с осевшими и воспринявшими их культуру новыми соседями. Отсюда на европеоидном типе таджиков появились монголоидные черты, выраженные в очень слабой степени, причем в равнинах больше, чем в горах.

15. Сходство расового типа таджиков с оседлым населением Восточного Туркестана не связано с прямым влиянием друг на друга, а является результатом очень далекого прошлого, так как население и Согдианы и Восточного Туркестана и в прошлом имело одинаковый расовый тип. Об этом говорят имеющиеся, хотя пока и немногочисленные, палеоантропологические материалы из Восточного Туркестана, опубликованные Кизсом (Keith), датированные I тысячелетием н. э.

Влияние уйгур в восточных областях Согдианы не могло значительно отразиться на расовом типе таджиков, так как они в основном относятся к одному типу. Можно считать, что и население Восточ-

ного Туркестана и уигуры, живущие теперь главным образом на стыке Восточного Туркестана и Средней Азии, сами приобрели некоторые монголоидные черты в сравнительно недавнее время.

16. Некоторые черты сходства таджиков с киргизами больше всего проявляются в Фергане, где киргизы несколько менее монголизованы, чем в горах Тянь-Шаня, а таджики — несколько более, чем в других местах. Интересно отметить, что в Фергане как среди таджиков, так и среди узбеков и киргизов несколько чаще отмечается более светлая пигментация, чем в других районах Средней Азии. Это является результатом влияния на население Ферганы населения Алтае-Саянского нагорья, которое, по крайней мере частично, было депигментировано.

У таджиков Каратегина можно подметить антропологические черты близости к памирским киргизам, что является, вероятно, результатом некоторого контакта с ними через Заалайскую долину.

17. Почти полное сходство таджиков горных районов с припамиирскими иранцами — результат их одинакового развития из коренного населения Согдианы и Бактрианы, при котором и те и другие подвергались минимальному воздействию со стороны завоевателей.

О сходстве горных таджиков (каратегинцев) с ягнобцами и о возможных причинах этого указывалось выше.

18. Сходство горных таджиков со среднеазиатскими евреями, пришедшими сюда на рубеже I и II тысячелетия н. э. и жившими здесь все время изолированно, зависит от того, что в расовом типе таджиков переднеазиатские элементы или сходные с ними являются очень древними, возникшими не только в результате влияния завоевателей из Передней Азии в середине I тысячелетия до н. э. (персы, греки), но, вероятно, еще задолго до этого, ибо уже согдийцы были носителями брахицефального европеоидного типа, широко распространенного на полосе от Альп до Памира.

19. Арабы, завоевавшие Согдиану в VII в. н. э., оставили небольшой след на расовом типе таджиков. Возможно, что здесь осели племена, обладавшие переднеазиатским расовым типом, и они, как и евреи, были с самого начала близки по расовому типу к таджикам. Может быть и то, что завоеватели, смешиваясь с местным населением, очень быстро приобрели его тип, хотя и сохранили свою национальность.

Поэтому арабы, сохранившиеся до сих пор в Средней Азии небольшими отдельными группами, наиболее близки по типу к горным таджикам и припамиирским иранцам, как и евреи.

Можно думать, что переднеазиатская раса была в прежнее время распространена значительно шире, чем сейчас.

20. Наиболее интересным моментом в

этногенезе таджиков является факт почти полного отсутствия влияния на них длинноголового расового типа, свойственного иранцам, индоафганцам и турменам.

Влияние на расовый тип таджиков основного типа иранцев (хорасанского, по Л. В. Ошанину) почти совершенно не чувствуется, несмотря на то, что Иран уже очень рано был связан с культурой местного оседлого населения и в дальнейшем связь с Ираном почти никогда не прекращалась, — всегда были выходцы оттуда.

Здесь можно предположить следующее. При завоевании персами Средней Азии сюда попали главным образом элементы из Передней Азии, бывшие в составе большого войска Дария. Эти элементы не могли оставить большого следа на расовом типе таджиков, так как они тоже принадлежали к короткоголовому европеоидному типу, да и осело их тогда очень немного.

Иранцы же, попавшие на территорию Согдианы в более позднее время, оседали здесь хотя и непрерывно на протяжении веков, но, повидимому, тоже в небольшом количестве.

Хорасанский тип, к которому, повидимому, принадлежало большинство более поздних выходцев из Ирана, отличается от переднеазиатского типа только длинноголовостью, а этот признак, будучи рецессивным, может легко раствориться в значительно преобладающем численно короткоголовом типе.

Поэтому несмотря на несомненные длительные связи с Ираном на расовом типе таджиков это почти не отразилось. Во всяком случае, иранцы, издавна обитающие на территории Средней Азии, не смешавшись с местным населением («иранцы»), по физическому типу вполне схожи с таджиками, отличаясь только более высоким ростом.

21. Влияние индо-афганцев не могло быть большим, так как Гиндукуш является достаточно серьезным препятствием для более или менее заметного их контакта с таджиками. Поэтому на северных склонах этого хребта обитают племена короткоголового расового типа, а на южных — длинноголового.

Только у населения Восточного Дарваза можно уловить влияние длинноголового типа в виде небольшого понижения головного указателя по сравнению с таджиками из других мест.

У племен Западного Памира головной указатель не только не уменьшается, а даже — по направлению от Дарваза к югу — увеличивается. Это увеличение указателя показывает на прошлые связи населения Западного Памира с афганским Бадахшаном, население которого тоже характеризуется круглой формой головы.

Совершенно не отмечается влияние на таджиков расового типа туркмен.

22. Все изложенное позволяет сделать заключение, что таджики, несомненно, являются потомками коренного местного населения (согдийцев) и сохранили свой антропологический тип по крайней мере в течение двух с половиной тысяч лет.

Конечно, местное население не развивалось изолированно, замкнутое само в себе. Среднеазиатское междуречье многократно подвергалось завоеваниям как с юго-запада, так и с северо-востока, однако материальная культура местного населения была настолько высока, что пришельцы оседали здесь и в значительной степени растворялись в местном населении.

Более древние завоеватели мало повлияли на расовый тип таджиков, так как оседали здесь в сравнительно малых количествах и сами были частично схожи по типу с местным населением. Группы же, несхожие по типу, как, например, иранцы (возможно и арабы), относясь также к

европеоидной расе и отличаясь лишь некоторыми чертами (строением носа, более обильным развитием волосяного покрова, а главное — более длинной формой головы), настолько смешались с местным населением, что в настоящее время трудно подметить их влияние на физический тип последнего. Иранцы, находившиеся всегда в большой культурной связи с населением Согдианы, очень мало повлияли на физический тип его.

Во II тысячелетии н. э. этногенез таджиков происходил главным образом при участии народов, живших или осевших к северу и востоку от мест обитания таджиков. Сравнительно недавнее соприкосновение с узбеками и киргизами заметно отразилось на физическом типе таджиков равнины и очень мало — на горных таджиках. Народы, обитавшие к западу и югу от таджиков, в их этногенезе в то время почти не участвовали.

А. Ю. Якубовский

Из истории этногенеза туркменского народа в VIII—X вв.

1. Тот взгляд, что туркменский народ появился на территории современной Туркменской ССР лишь в связи с сельджукским движением первой половины XI в., не соответствует исторической действительности.

2. Арабская географическая и историческая литература IX—X вв. отмечает нахождение гузов (огузов, туркмен) на юго-западной границе Туркменской ССР, уже начиная с первой половины IX в. Когда и при каких обстоятельствах произошло внедрение сюда этих огузов — нам не известно.

3. Отмечая указанный выше факт, следует подчеркнуть, однако, что вплоть до XI в. (сельджукское движение) главная масса огузов жила на нижней Сыр-Дарье, Эмбе и Яйке, откуда и шло передвижение их в пределы современной территории.

Повидимому, значительное передвижение огузов произошло после 894 г., когда печенеги оставили район Аральского моря и ушли на северо-запад, в юго-восточную Европу.

4. Передвигаясь в IX в. на территорию современной Туркменской ССР, огузы (гузы, туркмены) застали на ней другие тюркские племена в неподности. К ним относятся тюрки Дихистана, наличие которых арабские историки отмечают в связи с арабским завоеванием в самом начале VIII в. и даже в VII в., в доарабское время. К ним относятся и тохаристанские тюрки, о которых арабские авторы упоминают в связи с описанием смерти в

651 г. последнего сасанидского царя Иездигерда III.

5. Огузы не были, таким образом, первыми тюрками, которые начали на территории Туркменской ССР процесс тюркизации бывшего здесь кочевого населения. Процесс этот начался значительно раньше и связан с упомянутыми выше тюрками VII—VIII вв.

6. Кто были те тюрки, которых отмечают арабские авторы в VII—VIII вв., главным образом в связи с арабским завоеванием Хорасана и Тохаристана?

Ввиду того что во всех местах, где отмечены арабами эти тюрки, раньше жили эфталиты, отсюда никуда не ушедшие, а также в силу того, что арабские авторы путали эфталитов и тюрков, мы выдвигаем гипотезу об эфталитском происхождении этих тюрков.

7. Ал-Бируни в XI в. в одной из своих работ отмечает, что на территории туркмен раньше жили аланы и что в его время их язык стал смешанным из хорезмского и печенежского.

8. Подводя итог, следует сказать, что в состав туркменского народа вошли не только огузы IX—X вв., но и тюрки-эфталиты и, наконец, как весьма важное слабое — аланы.

9. Третья волна огузского туркменского передвижения, нашедшая свое высшее выражение в сельджукском движении первой половины XI в., завершила в основном процесс сложения народа, который, начиная с XII в., все больше принимает имя туркмен.

Г. Ш. Дөбөц

Данные антропологии о происхождении туркмен

1. Промежуточное положение «среднего типа» туркмен в расовой систематике между европеоидами и монголоидами является результатом смешения рас, а не их эволюции.

2. Существующая гипотеза, объясняющая образование антропологического типа туркмен в результате смешения средиземноморского («иранского») и южносибирского («тюркского») типов, лишь частично соответствует фактическому материалу.

3. Наряду с этими двумя типами в составе туркмен имеется третий элемент, характеризующийся сочетанием долихо-мезокефалии с монголоидными особенностями.

4. По времени проникновения на территорию Средней Азии этот «третий элемент» является более древним, чем южносибирский.

Следовательно монголоидная примесь у туркмен образовалась в значительной части за счет более ранней волны, чем та, которая принесла с собой монголоидные типы казахов, киргизов и, вероятно, узбеков.

5. Этнически и географически этот «третий элемент» в расогенезе туркмен может быть связан либо с гуннами, либо с еще более древними типами, родственными современным тибетцам.

Разрешение вопроса об этнической и географической локализации «третьего элемента» требует: а) привлечения данных смежных наук, б) палеоантропологических материалов; в) данных по антропологии отдельных туркменских племен, в особенности — мелких.

Этнографическая работа в Киргизии

Этнографическая работа в Киргизии в 1941—1945 гг. не получила большого развития ввиду отсутствия специальной организации, занимающейся этими вопросами. Однако отдельные работы в области этнографии заслуживают внимания.

В 1940—1941 гг. Историческим отделом Комитета наук при СНК Киргизской ССР была проведена этнографическая поездка на Тянь-Шань в район озера Сон-Куль, где в течение нескольких месяцев изучались этнографические материалы как в области материальной культуры, так и в области социальных отношений и идеологических воззрений. Участнику экспедиции тов. Ильясову удалось собрать значительный материал, где особенно интересными являются записи по шаманству киргизов, описание шаманских костюмов и ритуала их заклинаний и т. д. Большой интерес представляют сведения по пережиткам древних форм социальных отношений; так, зафиксирован обычай, являющийся по существу реликтом древнейших социальных отношений эпохи группового брака. Многочисленные материалы экспедиции ныне хранятся в архиве Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии Наук СССР.

В ноябре 1941 г. был открыт историко-археологический отдел Музея краеведения, где нашла свое место экспозиция этнографических материалов музея, описание которых дано в путеводителе.¹

В этнографической выставке, являющейся продолжением археологического отдела, показаны изделия из кожи и дерева, большая коллекция войлочных изделий — алакизов и ширдаков, настенных ковров — тушкинзов, богатая коллекция женских украшений.

Эти коллекции выставлены в качестве систематизированных фондов, ибо их недостаточность не позволяет пока развернуть тематическую выставку. В настоящее время музеем развернута большая работа по сбору как этнографических материалов, так и документов по истории Великой Отечественной войны. На базе всех коллекций историко-археологических и этнографических Музей краеведения реконструирован в Музей национальной культуры.

Интересную работу по изучению фольклора проводили научные работники Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии Наук СССР, особенно старшие научные сотрудники К. Рахматулин и М. И. Богданова.

К. Рахматулин, являясь лучшим знатоком героического эпоса «Манас», посвятил ему ряд своих исследований.²

Отрывки из эпоса на киргизском языке нашли свое отражение в ряде изданий Института, который кроме изданий эпоса «Манас» выпустил пословицы и поговорки киргизского народа.

¹ Путеводитель по историко-археологическому отделу составила М. С. Акимова под общей редакцией А. Н. Бернштама. Фрунзе, 1943.

² Об этом см. нашу рецензию в данном сборнике: К. Рахматулин. Великий патриот — легендарный Манас.

Кандидатом филологических наук М. И. Богдановой разработана схема классификации киргизского фольклора, показавшая обилие жанров и видов устного народного творчества киргизов.¹

Попутно отметим, что большой интерес для этнографов представляют хранящиеся в Институте родословные киргизов «сан-жара» — списки племен, родов и более мелких подразделений, заключающие в себе богатый материал для выяснения вопросов этногенезиса киргизского народа. На базе фольклорных материалов и богатых рукописных фондов Института (прежде всего грандиозного по объему эпоса «Манас») проводилась работа по изучению этнографии киргизского народа рядом работников Института (Рахматулин, Богданова, Валитова, Джамгерчинов, Ильясов и др.).

Особенного внимания в части этнографии заслуживает работа над киргизским орнаментом художника **М. В. Рындина.**

Ему принадлежит неоспоримая заслуга пионера в деле вскрытия всех богатств киргизского узора. В своих многолетних работах по изучению киргизского узора М. В. Рындин показал его исключительное богатство и разнообразие, а главное — смысловое значение.

Из материалов М. В. Рындина следует, что киргизский узор имеет 144 основных элемента, которые расчлняются на следующие четыре основные группы: животный мир — 77, растительный мир — 17, природа — 9, предметы быта — 41. Эти основные элементы составляют свыше 3500 основных комбинаций и вариантов. Только один мотив бараньего рода имеет 244 варианта, олень — 50, фазан — 66 и т. д.

Как видно из этих цифр, животные мотивы составляют основную массу орнаментных сюжетов.

Среди этих основных элементов и заключены основные реалистические элементы: верблюд, собака, лошадь, олень, козел и др.²

Надо сказать, что реалистические мотивы в киргизском искусстве связаны не только с полноценным изображением отдельных живых существ. Известны в киргизском искусстве росписи в мазарах, представляющие собой реалистические повествования, выполненные графически, без перспективы, но с удивительным мастерством, лаконичностью и в то же время точностью рисунка. Такого типа рисунки являются прямым развитием древней ма-

неры рисунка на скалах — петроглифов, которые наличествуют в искусстве Киргизстана от самых древних эпох — эпохи бронзы и саков. Самый факт, что киргизский узор является не отвлеченным формотворчеством, а повествовательным узором, с несомненностью говорит о родстве киргизского декора с реалистическим искусством.

Отдельные сюжеты из киргизского орнамента являются прямой репликой древних образцов искусства. Так, например, выразительны фигуры оленя, подражающие скифским моделям; орнамент, изображающий солнце, воспроизводит широко распространенную розетку XI—XII вв., рисунков фазана — аналогичные сюжеты в керамике V—XII вв. и многое другое.

Еще более архаична семантика орнамента. Например, любопытно сочетание изображения солнца с головой барана. Баран — очень древний тотем, связанный с культом солнца. Это положение на лингвистическом материале показал академик Н. Я. Марр. В киргизском узоре это положение Н. Я. Марра имеет свое доказательство в рисунке.

В киргизском узоре мы встречаем также и следы влияния соседних стран, вплоть до воспоминаний о первоначальной родине Енисее в виде рисунка лодок и рогов северного оленя; Китай представлен в виде модификаций маски Таотье, Иран и Средняя Азия — в виде упомянутых выше реплик исламского и доисламского искусства.

В отдельных сюжетах мы даже склонны видеть влияние буддийской и христианской иконографии, например в образе мифической богини Умай — покровительницы детей и домашнего очага.

Все это достаточно убедительно говорит о большом культурном вкладе в киргизское искусство крупнейших цивилизаций древности.

В связи с материалами, собранными М. В. Рындиным, ведется работа по истории изобразительного искусства киргизского народа и автором настоящей заметки. В 1944 г. М. В. Рындин закончил работу над большим атласом по киргизскому орнаменту в количестве многих десятков листов.

В альбоме показаны все основные элементы; их модификации, зависимость от фактуры материала, система комбинаций в повествовательном узоре, цветовые композиции, семантика и т. д., — всего 7 больших разделов единого полного издания киргизского орнамента.

Эта работа по киргизской этнографии несомненно должна получить свое дальнейшее развитие, особенно в связи с открытием Музея национальной культуры киргизского народа.

А. Н. Бернштам

¹ См. статью М. И. Богдановой в Трудях киргизского филиала Академии Наук СССР, т. I, вып. I.

² См. статью М. В. Рындина «Киргизский узор». Труды Киргизского филиала Академии Наук СССР, т. I, вып. I.

На освобожденной земле

Свое короткое пребывание на Северном Кавказе фашисты ознаменовали чудовищными злодеяниями и зверствами, перед которыми бледнеют ужасы средневекового варварства.

Кому теперь не известны на Северном Кавказе и за пределами его кровавые злодеяния, которые совершены фашистами в Кабардинской АССР и Северо-Осетинской АССР и в других временно оккупированных ими районах Северного Кавказа! Навсегда в памяти народной ужасным кошмаром останутся зверства немецких фашистов.

На подступах к г. Нальчик тянется противотанковый ров. Около этого рва немецкие палачи расправлялись с мирным населением Нальчика; в одном этом месте казнено 600 советских граждан. Нечеловеческие пытки перенесли здесь кабардинцы Хабил Шаков, братья Тхамоковы Хаджи-Мурат и Хабас Маш Аршлев из селения Чегем I. Из селения Кызбурун I замучены были Ляше Айшев, Цаца Иванов, Хаджанаго Доткулов, Нану Гедгафов. Здесь же были найдены трупы многих других лучших людей Кабардинской АССР. Отсюда, с места расстрела около рва, повезли потом колхозники в родные горы тела жертв фашистского террора.

Не менее чудовищные преступления совершили гитлеровские палачи и на территории Северо-Осетинской АССР. В акте¹, составленном после освобождения г. Алагир от немецкой оккупации, говорится о том, как гитлеровские палачи вывели десять советских граждан во двор здания полиции, заставили свои несчастные жертвы вырыть зигзагообразную щель глубиной в 1,5 м, а затем, расправившись с каждым в отдельности, уложили их грудными в щель. Среди этих зверски замученных людей был Габисов Солтан Михайлович, старший лейтенант, находившийся в Алагире во временном отпуске вследствие ранения, Лазарев Газан Саджиевич, председатель колхоза Нижний Салугардан, Модзаев Георг, бригадир колхоза «Сельмаш», Дзасохов Бегаз, 60 лет, председатель артели «Горная Осетия», Тохсирова Ольга, секретарь Урсдонского сельсовета, и др.

Нечеловеческим мучениям были подвергнуты и многие другие советские граждане Алагира и других районов Северной Осетии. Так гитлеровские мерзавцы мучили наших людей, издевались над ними и в других временно оккупированных и ныне освобожденных Советской Армией республиках и областях Северного Кавказа.

¹ Из материалов по истории оккупации районов Северной Осетии немецко-фашистскими захватчиками в 1942 г. Документ № 2. Северо-Осетинский научно-исследовательский институт.

В Кабардинской республике немецкие оккупанты уничтожили все культурно-просветительные учреждения как в аулах, так и в г. Нальчик. Разрушено и разграблено оккупантами 100 изб-читален, 16 районных домов культуры, 50 сельских библиотек, 16 районных библиотек, 10 городских библиотек, в том числе богато укомплектованная республиканская библиотека имени Крупской, находившаяся в специальном для нее выстроенном прекрасном здании. Оккупанты выбросили из здания библиотеки все книжные фонды и уничтожили их, уничтожили все оборудование библиотеки, а при отступлении из Нальчика взорвали здание библиотеки. Библиотека имела до 70 тысяч книг. Уничтожены богато укомплектованные отдел искусства, отдел истории, отдел художественной литературы. Сожжены произведения классиков русской литературы, произведения В. Гюго, Джека Лондона, В. Скотта, Дюма и др. Работникам библиотеки с большим риском удалось спасти часть книг. В настоящее время библиотека возобновила свою работу в новом здании. Немецко-фашистскими оккупантами были разграблены ценнейшие экспонаты из Историко-краеведческого республиканского музея Кабардинской АССР. Фашисты вывезли из музея уникальные картины, ценнейший фарфор, изделия из золота, серебра, бронзы и других ценных металлов.

Приводим здесь далеко не полный перечень экспонатов, вывезенных фашистами из этого музея: картины художника Шинкина «Закат солнца», художника Филиппова «Горцы», художника Ковалевского «Невольницы», художника Гермашева «Осенний пейзаж», художника Вольтера «Эльбрус», серия картин художника Брюмера. Увезены старинные изделия из фарфора, ваза XVIII в., коллекции фарфоровых ваз, чашки, тарелки, графины из старинного дорогого фарфора, изделия из золота и серебра как местной кабардинской работы, так и привозные, и среди них богатые, хорошо подобранные коллекции украшений к национальному мужскому и женскому костюмам местной кустарно-художественной работы — филигрань, чернь по серебру.

Среди увезенных предметов — серебряный позолоченный пояс из 16 звеньев с рубинами, кожаный пояс с 11 серебряными, покрытыми черной бляхами старинной работы, серебряный позолоченный женский пояс «дышадых», серебряный позолоченный пояс из 8 звеньев с большой пряжкой, позолоченный нагрудник из 7 звеньев, серебряные нагрудники к женскому костюму, мужские пояса «бхрыбх» с серебряными бляхами художественной работы. Фашистами увезены из музея кольца, браслеты, серьги, ожерелья, портсигары из золота и серебра, серебряные

кавказской работы графины, бокалы, чарки и т. д., серебряные часы, металлический ларец резной ажурной работы, бронзовые статуэтки, ковры, хурджины, мужская и женская обувь и одежда. Таков далеко не полный перечень экспонатов, увезенных из музея немецкими грабителями. Фашисты уничтожили все экспонаты отдела социалистического строительства Музея. Благодаря тому, что немецко-фашистские оккупанты под ударами частей Советской Армии вполыхах бежали из Нальчика, они не успели вывезти остальные ценности музея.

Отступая из Нальчика, фашисты взорвали лучшие здания города, в том числе почти все здания, где находились культурно-просветительные учреждения республики.

В результате большой работы, проведенной сотрудниками музея по восстановлению его, музей к 1 мая 1943 г. открыл свои двери для посетителей во вновь отремонтированном здании.

В июне 1943 г. в Нальчике состоялся антифашистский митинг интеллигенции города. Участниками митинга с большим воодушевлением было послано приветственное письмо Верховному главнокомандующему, маршалу Советского Союза Сталину. В этом письме читаем: «Народы Кавказа, как и все народы Советского Союза, никому не отдадут своей свободы, своих прав, записанных в Сталинской Конституции».

На оккупированной части территории Северо-Осетинской АССР немецкие захватчики, так же как и в Кабардинской АССР, уничтожили и разграбили все культурно-просветительные учреждения. Уничтожали школы, избы-читальни, клубы, библиотеки и музеи. В Алагире была уничтожена городская библиотека, имевшая более 16 тысяч книг. Была разрушена, а потом сожжена ценная библиотека алагирского райпарткабинета. В этой библиотеке гитлеровскими варварами были уничтожены: весь отдел социально-экономической литературы (всего до 10 тысяч томов), весь отдел художественной литературы (до 5 тысяч томов). Были сожжены полные собрания сочинений Пушкина Лермонтова, Горького, Толстого, Гоголя, Чехова, Тургенева. Сожжены сочинения осетинского народного поэта Коста Хетагурова на осетинском и русском языках, сочинения Чернышевского, Белинского, Чарльза Диккенса, В. Шекспира и произведения советских писателей. Уничтожен полностью отдел исторической литературы (до 3 тысяч томов).¹

В г. Алагире фашисты совершенно уничтожили и разграбили краеведческий музей имени Коста Хетагурова, нанеся осетинскому народу непоправимый урон. Ворвавшись в октябре 1942 г. в город, фашистские изверги начали грабеж музея. Все ценности его были увезены или уничтожены.

Среди ценнейших коллекций музея были экспонаты, характеризующие жизнь и творчество Коста Хетагурова, а также большое число картин и скульптурных произведений художников Осетии, значительная часть которых была посвящена жизни, творчеству и революционной деятельности Хетагурова.

В музее имелось большое количество картин местных осетинских художников (Хохова, Агнаева, Короева и др.) на темы из исторического прошлого осетинского народа и на темы социалистического строительства республики. Все эти картины уничтожены. Имелись богатые коллекции этнографических экспонатов, среди которых следует отметить коллекцию осетинского женского рукоделия (золотошвейные и другие работы). Богато был представлен быт Осетии в экспонированной музеем обстановочной сцене осетинского жилища (хадзар) с полной бытовой обстановкой.

Музей располагал ценной коллекцией кавказского оружия. Имелась коллекция сельскохозяйственных орудий и многие другие экспонаты.

Все эти культурные и материальные ценности музея, с любовью собранные осетинским народом в течение многих лет, были разграблены или уничтожены гитлеровскими грабителями.

После изгнания фашистских оккупантов из пределов Осетинской республики началась созидательная работа по восстановлению всего разрушенного оккупантами, в том числе и по восстановлению культурно-просветительных учреждений. Вернулись из эвакуации, восстановлены и открыты для посещения музеи Северо-Осетинской АССР. К 15 июля 1943 г. возобновили свою работу один из лучших музеев — музей С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе; открыта экспозиция Историко-краеведческого музея Северо-Осетинской АССР в г. Дзауджикау. Восстановлен после эвакуации и открыт для посещения Музей осетинской литературы имени Коста Хетагурова в г. Дзауджикау. Восстановлены многие другие культурно-просветительные учреждения.

На месте разрушенного и разграбленного фашистами Алагирского краеведческого музея имени Коста Хетагурова будет создан новый музей, но никогда не забудут народы Советского Союза всех преступлений, совершенных гитлеровскими грабителями на нашей родной земле.

¹ См. акт от 28 декабря 1942 г., составленный комиссией в г. Алагире. Материалы по истории оккупации районов Северной Осетии немецко-фашистскими захватчиками в 1942 г. Документ № 43. Северо-Осетинский научно-исследовательский институт.

Е. Н. Елеонская

(К 70-летию со дня рождения)

5 июля 1943 г. исполнилось 70 лет старейшему русскому этнографу-фольклористу Елене Николаевне Елеонской.

Она окончила в 1904 г. Высшие женские курсы (II Московский университет) и была оставлена при кафедре русского языка и словесности проф. В. Ф. Миллера (по фольклору и этнографии). С 1906 г. была (по выбору) преподавательницей Высших женских курсов, где вела занятия по фольклору до 1924 г. С 1918 г. по 1931 г. состояла старшим научным сотрудником Музея народов СССР. Одновременно (в 1928/29 г.) вела семинарские занятия по фольклору в I Московском университете на историко-этнологическом факультете.

Научно-исследовательская работа Елены Николаевны началась с 1906 г. с собирания и исследования этнографического и фольклорного материала в Калужской, Тульской и Московской губерниях среди русского населения. Результатами этих исследований явились следующие ее работы: 1) «Сборник великорусских частушек», с вводной статьей: «О возможности происхождения частушек», М., 1914; 2) «К изучению заговора и колдовства в России», вып. I. Комиссия по народной словесности при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, М., 1917, 64 стр. (II том остался несброшюванным).

Совместно с академиком В. Ф. Миллером были изданы сборники: 1) «Былины новой и недавней записи», М., 1908; 2) «Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.», Петроград, 1915, VIII, 739 стр. (издание заканчивала Е. Н. Елеонская по смерти академика В. Ф. Миллера).

Ею были разработаны программы: «Материалы для занятий в семинарии по народной словесности», М., 1911/12, 26 стр., и составлена библиография «Главные сборники сказок». Елена Николаевна очень интересовалась вопросом о сложении и происхождении сказки.

Этнографические научно-популярные работы Е. Н. Елеонской («Алеуты», «Жилище», «Одежда», «Как живут народы СССР») печатались в сериях Центрального музея народов СССР в 1928—1929 гг.

Статьи Елены Николаевны по фольклору печатались главным образом в журнале «Этнографическое обозрение» с 1906 по 1917 гг. В отделе «Критика и библиография» Елена Николаевна давала отчеты о новой литературе по иностранному и русскому фольклору, печатала свои небольшие заметки по этнографии («Одежда Калужской губернии», «Гончарное производство в Козельском уезде»). Кроме того, Елена Николаевна принимала участие в журналах: «Русский архив», «Журнал министерства



Е. Н. Елеонская

народного просвещения» (некролог академика В. Ф. Миллера), «Русский филологический вестник», «Советский север».

В № 8—9 журнала «Игрушка» за 1939 г. помещена статья Елены Николаевны «Предки современных игрушек». Для сборника «Игрушки народов СССР» ею была подготовлена статья «Игрушки народов Севера» (сборник не вышел).

Елена Николаевна начала свою деятельность тогда, когда этнография и фольклор в России не были еще достаточно оформлены как научные дисциплины; тем не менее некоторые ее работы не потеряли научного значения и в настоящее время.

Е. Н. Елеонская состояла непременно членом Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — его Этнографического отдела, секретарем Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе, действительным членом Русского географического общества и других научных обществ.

Плодотворная и долгая научная деятельность Елены Николаевны дает ей право занять одно из почетных мест среди старшего поколения этнографов-фольклористов нашей родины.

Хочется отметить замечательную черту характера Елены Николаевны — ее исключительную чуткость и доброту к людям, не только близким, но и посторонним.

Е. Р. Бинкевич

Сессия, посвященная столетию со дня рождения Д. Н. Анучина

30 ноября 1943 г. в Московском доме ученых состоялась сессия, посвященная столетию со дня рождения крупнейшего русского ученого-географа, антрополога, этнографа и археолога Дмитрия Николаевича Анучина.

В сессии приняли участие: Отделение истории и философии, Отделение геолого-географических наук Академии Наук СССР, Московский ордена Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова, Московское общество испытателей природы и Русское географическое общество.

Вступительное слово произнес председательствовавший академик А. А. Григорьев, остановившийся на роли Д. Н. Анучина в развитии русской географии.

Создатель московской школы географов, первый профессор географии, основатель известного географического журнала «Землеведение», организатор Географического музея, автор многочисленных работ по географии — Д. Н. Анучин по праву считается основоположником русской академической географии.

Велики заслуги Дмитрия Николаевича в области пропаганды географических знаний в нашей стране и в деле организации преподавания географии в русской средней школе.

Проф. Б. В. Богданов, автор ряда биографических работ об Анучине, познакомил собравшихся с основными вехами биографии Дмитрия Николаевича.

Проф. В. В. Бунак осветил роль Д. Н. Анучина в развитии русской антропологии. Если зачинателем антропологии в нашей стране является профессор Московского

университета А. Н. Богданов, то целый полувек с семидесятых годов и до смерти Анучина (1923 г.) может быть по справедливости назван анучинским периодом. Д. Н. Анучин был не только первым профессором-антропологом в России и создателем русской антропологической школы, не только автором классических исследований по различным вопросам антропологии, но и организатором едва ли не всех основных антропологических учреждений в нашей стране.

Проф. С. П. Толстов в своем докладе «Д. Н. Анучин и русская этнография» подчеркнул значение работ Анучина в создании подлинно исторического направления в этнографии. Классические этнографические работы Анучина представляют непревзойденный образец комплексного использования археологических, этнографических и антропологических материалов в плане исторического исследования. Эту сторону научной деятельности Анучина отметил в своем докладе «Д. Н. Анучин и русская археология» проф. С. В. Киселев, подробно изложивший роль Анучина как организатора археологических исследований в России.

В заключение один из старейших учеников Анучина проф. А. С. Барков поделился своими воспоминаниями об Анучине как педагоге, ученом и общественном деятеле.

По предложению академика А. А. Григорьева сессия признала необходимым подготовить избранные работы Анучина, многие из которых стали в настоящее время библиографической редкостью.

А. Н. Максимов

(Некролог)

В лице Александра Николаевича Максимова, скончавшегося 24 апреля 1941 г., русская этнографическая наука потеряла одного из своих старейших и выдающихся деятелей.

Разнообразие, многогранность деятельности Александра Николаевича поразительны. Советские и зарубежные этнографы хорошо знали А. Н. Максимова как крупного и весьма эрудированного исследователя в области этой науки. Но далеко не всем известно, что имя Александра Николаевича связано и с историей русского революционного движения, за участие в котором Александр Николаевич подвергался ссылке, что он был одним из видных русских журналистов, одним из редакторов газеты «Русские ведомости».

Биография А. Н. Максимова не сложна. Он родился в 1872 г. в Орле, в семье священника. Учился в орловской гимназии, потом в Московском университете; однако курса в нем не окончил. За принадлежность к нелегальной партии «Народное право» был в 1894 г. арестован и сослан на 3 года в Архангельскую губернию.

После Октябрьской революции Александр Николаевич, постоянно живя в Москве, принимал активное участие в работе целого ряда научных и культурных советских учреждений. С 1918 по 1922 гг. он был профессором Переднеазиатского института (впоследствии Института востоковедения), с 1919 по 1930 гг. — профессором Московского государственного университета по кафедре этнографии.

С 1919 г. и до последних лет жизни работал во Всесоюзной библиотеке имени Ленина, заведую каталогом «Этнография» в научно-библиографическом отделе и ведя там большую библиографическую работу.

Литературная деятельность А. Н. Максимова началась еще в 1892 г. Будучи в ссылке, он заинтересовался этнографией, а в конце девяностых годов он стал специализироваться в этой науке. В 1899 г. А. Н. Максимов вступил в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, в котором позже руководил этнографическим отделом (с 1911 г. — товарищ председателя, с 1924 г. до ликвидации Общества — председатель). С 1898 г. в органе этого отдела («Этнографическое обозрение») начали систематически появляться статьи и рецензии Александра Николаевича. Одновременно Александр Николаевич в качестве постоянного сотрудника «Энциклопедического словаря» Граната помещал там статьи по этнографии. Научно-литературную работу Александр Николаевич не прекращал до последних месяцев своей жизни.

В пределах этнографической науки у А. Н. Максимова с первых же годов его научной деятельности обнаружился устойчивый интерес к вопросам истории семьи, брака и родовых отношений. Этим вопросам посвящены почти все его наиболее крупные работы: «Что сделано по истории семьи» (1901), «Ограничение отношений между одним из супругов и родственниками другого» (1908), «Групповой брак» (1908), «Системы родства австралийцев» (1912), «Теория родового быта» (1913), «Материнское право в Австралии» (1930). Наряду с этим интересовали А. Н. Максимова также и вопросы истории хозяйства; им посвящены такие его работы, как «Скотоводство малокультурных народов» (1927), «Происхождение оленеводства» (1928), «Накануне земледелия» (1929). В последние годы Александр Николаевич предпринял обширную, к сожалению, оставшуюся незаконченной работу по изучению скотоводства у разных народов. Занимался Александр Николаевич также и религиозными верованиями, хотя они не стояли в центре его интересов; таковы его небольшие статьи: «К вопросу об опавивании» (1910) — с программой изучения обряда опавивания, «К вопросу о тотемизме у народов Сибири» (1928) и ряд мелких заметок и рецензий.

В работах А. Н. Максимова раскрывается его облик. Характерные особенности Александра Николаевича как ученого: добросовестность и тщательность исследования, глубокая эрудиция, стремление к исчерпывающей полноте охвата материала по каждой данной теме, скупость в выводах и обобщениях.

В некоторых работах А. Н. Максимова видна как бы разрушительная тенденция — беспощадная критика установившихся теорий, взамен которых автор, казалось бы,



А. Н. Максимов

не предлагает ничего другого. Но если внимательнее ознакомиться с научными, даже чисто критическими работами А. Н. Максимова, то можно увидеть, что этот исследователь отнюдь не ограничивал свои задачи чисто негативными целями. Он сам очень четко изложил свои методологические взгляды в статье «Современное положение этнографии и ее успехи» (доклад на XII съезде естествоиспытателей, см. «Этнографическое обозрение», 1909, № 4). В этой статье он указывал на то, что многие считавшиеся установленными в этнографической науке выводы оказались на проверку весьма шаткими, а многие этнографические «факты» — недостаточно достоверными сообщениями. Кроме того, в области этнографии можно теперь наблюдать вместо прежних, казавшихся столь прочными, концепций «непрерывную смену гипотез, легко возникающих и столь же легко гибнущих под ударами даже не особенно строгой критики».

Но, подчеркнув это обстоятельство, казалось бы оправдывающее скептицизм и разочарование в этнографии, А. Н. Максимов в то же время предостерегал от скептицизма и разочарования. Он не считал,

что причины столь неутешительных явлений «присущи этнографии как науке», а, напротив, был уверен, что эти причины носят «временный и случайный характер», что они «вполне устранимы».

«Для того чтобы строить широкие обобщения, — писал далее Максимов, — нам не хватает подготовительных работ, обобщающих факты какой-либо одной группы племен или какой-нибудь отдельной части света». Необходима «монографическая разработка этнографических данных». И такая разработка, как отмечал А. Н. Максимов, уже началась.

Этот благоприятный поворот в методике этнографической работы настраивал А. Н. Максимова оптимистически в оценке будущего развития науки. «Мы вступаем в такой период, — писал он, — когда, может быть, мало будет писаться на более широкие темы, но когда зато мы избавимся от прежних шатких обобщений». Более скромные по своему охвату, «менее обращающие на себя внимание работы послужат фундаментом для полной перестройки всей системы этнографии». «Если мы сопоставим сумму наших знаний о культурных народах лет 25 тому назад с тем, что мы знаем о них теперь, сразу видно будет, какой громадный путь успела сделать этнография за это непродолжительное время». На почве нового, более обширного и более точного фактического материала сделается возможной его «теоретическая обработка». «Снова появятся широкие обобщающие работы, но построенные уже на ином, более широком научном фундаменте, и этнография займет с честью подобающее ей место связующего звена между естествознанием и обществоведением».

Верный своим взглядам на очередные задачи этнографической науки, А. Н. Максимов предпочитал в своей научной работе один определенный тип исследования: тематические сводки по определенному, иногда узкому вопросу, охватывающие или материал одного ограниченного района, или же весь доступный этнографический материал всех частей света. К числу работ локально-ограниченного охвата относится ряд его монографий, касающихся австралийцев: об их системах родства, материнском праве, собирательском хозяйстве; монографии о народах Сибири: об оленеводстве, тотемизме, кровных родах тунгусов и палеоазиатов (не напечатано) и др.; несколько незаконченных работ о народах Африки. Работы более широкого географического диапазона: о внутрисемейной табуации, о скотоводстве (незавершенная работа).

В работах А. Н. Максимова анализ решительно преобладал над синтезом. Требовательность в отношении всякого рода обобщений доходила у Александра Николаевича порой до придирчивого педантизма. Недостаток исторического, диалектического понимания конкретной действи-

тельности сильно мешал А. Н. Максиму оценить в должной мере замечательные работы Льюиса Моргана о первобытном обществе.

Большой интерес представляют многочисленные рецензии А. Н. Максимова. Постоянно сотрудничая в библиографическом отделе журнала «Этнографическое обозрение», Александр Николаевич освещал в этих рецензиях все мало-мальски выдающиеся новые работы по этнографии, русские и иностранные. Максимовские рецензии всегда очень содержательны и строго принципиальны, объективно оценивают разбираемую книгу, отмечая все ее плюсы и минусы. На последние у Александра Николаевича был исключительно зоркий глаз, и пощадил он критикуемым авторам не давал, — не сходя, разумеется, никогда с чисто принципиальных позиций. Особенно доставалось от него всяким скороспелым, не достаточно продуманным и обоснованным построениям. Так, например, он едко высмеивал «психологическую» теорию первобытной семьи Муке (Этнографическое обозрение, 1899, № 4, стр. 14—15), «новую теорию происхождения человека» М. Мошкова (тот же журнал, 1907, № 3, стр. 106—107); серьезнее, но все же в целом отрицательно оценивал Александр Николаевич книгу Гроссе о формах семьи и формах хозяйства, Колера — о первобытной истории семьи, Хольста — о войне и возникновении государства, учебник Д. А. Коропчевского — «Первые уроки этнографии».

Большим мастером был А. Н. Максимов и в области популяризации. Как постоянный сотрудник «Энциклопедического словаря» Граната он был почти монопольным автором этнографических статей в нем. Статьи эти, даже мелкие, отнюдь не представляют собой поверхностных, взятых напрокат из какого-нибудь справочника, заметок. Александр Николаевич с величайшей добросовестностью подходил к составлению своих статей для энциклопедии, беря материал из кропотливо проработанных им самим первоисточников. В этих статьях можно, правда, найти немало методологических промахов, сомнительных взглядов, но, во всяком случае, автора их нельзя обвинить в недостаточном серьезном подходе к своим задачам.

Теми же достоинствами (но и теми же недостатками) обладают и популярные книжки А. Н. Максимова «Русские народцы», «Какие народы живут в России».

Ни в чем так не проявилась замечательная добросовестность и методичность А. Н. Максимова, как в его библиографической работе. И для себя лично, и в особенности в библиотеке имени Ленина Александр Николаевич в течение многих лет составлял обширную библиографию по самым разнообразным вопросам этнографии. Эта библиография, занимающая ныне в Ленинской библиотеке 80 каталожных ящиков

(70—80 тысяч карточек), является ценнейшим научным наследием покойного ученого и незаменимым пособием для этнографа.

В последние годы своей жизни А. Н. Максимов перешел от специально этнографической к общей библиографии журнальных статей и специально занялся раскрытием анонимов и псевдонимов. Исключительно обширная и разносторонняя эрудиция Александра Николаевича позволила ему раскрыть их несколько сотен.

Несмотря на свои методологические ошибки и эмпиризм, покойный А. Н. Максимов занимает по своим научным работам видное место среди русских этнографов старшего поколения (Н. Харузин, Л. Штернберг и др.).

Список работ А. Н. Максимова

1. Исследования и статьи

К вопросу о методах изучения истории семьи. Этногр. обозрение, 1899, № 4, стр. 1—35.

Несколько слов о куваде. Этногр. обозрение, 1900, № 1, стр. 90—105.

Что сделано по истории семьи. Изд. В. Линд и Д. Байкова, М., 1901, 171 стр. Русские инородцы. Изд. журнала «Русская мысль», М., 1901, 109 стр.

Из истории семьи у русских инородцев. Этногр. обозрение, 1902, № 1, стр. 41—76. Мак-Леннан и Морган. Этногр. обозрение, 1906, № 3—4, стр. 302—311.

Ограничение отношений между одним из супругов и родственниками другого. Этногр. обозрение, 1908, № 1—2, стр. 1—77.

Групповой брак. Этногр. обозрение, 1908, № 3, стр. 1—48.

Об одном свадебном обряде. Этногр. обозрение, 1908, № 4, стр. 127—133.

Брачные классы австралийцев. Этногр. обозрение, 1909, № 2—3, стр. 1—32.

Современное положение этнографии и ее успехи. Этногр. обозрение, 1909, № 4, стр. 9—22.

Системы родства австралийцев. Этногр. обозрение, 1912, № 1—2, стр. 35—100.

Преобразование пола. Русский антропол. журнал, 1912, № 1, стр. 1—19.

Теория родового быта. Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина, М., 1913.

Научные методы В. Ф. Миллера. Этногр. обозрение, 1913, № 3—4, стр. 35—46.

Работы М. М. Ковалевского в области первобытного права. Этногр. обозрение, 1916, № 1—2, стр. 56—66.

Какие народы живут в России. М., 1919.

Скотоводство малокультурных народов. Ученые записки Института истории, т. 2, М., 1927, стр. 3—24.

Происхождение оленеводства. Ученые записки Института истории, т. 6, М., 1928, стр. 3—37.

К вопросу о тотемизме у народов Сибири. Ученые записки Института истории, т. 7, М., 1928, стр. 3—4.

Накануне земледелия. Ученые записки Института истории, т. 3, М., 1929, стр. 21—34.

Материнское право в Австралии. М.—Л., 1930.

2. Заметки и некрологи

Корреспонденции из Тверской губернии. Этногр. обозрение, 1900, № 1, стр. 187; 1900, № 3, стр. 166.

Ш. Летурно (некролог). Русский антропол. журнал, 1901, № 1, стр. 137—138.

Ш. Летурно (некролог). Этногр. обозрение, 1902, № 2, стр. 186—190.

Полиандрия в Африке. Этногр. обозрение, 1907, № 3, стр. 69—71.

Людооство на островах Ниссан. Этногр. обозрение, 1908, № 3, стр. 104—107.

Возрастные классы на Новой Гвинее. Этногр. обозрение, 1909, № 2—3, стр. 179—182.

Системы родства. Этногр. обозрение, 1909, № 4, стр. 79—83.

К вопросу об опавивании. Этногр. обозрение, 1910, № 3—4, стр. 175—178.

Эндрю Ланг (некролог). Этногр. обозрение, 1912, № 3—4, стр. 184—189.

В. Ф. Миллер (некролог). Этногр. обозрение, 1913, № 3—4, стр. 149—153.

3. Рецензии на книги

Э. Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. Этногр. обозрение, 1898, № 4, стр. 153—161.

Ю. Липперт. История семьи. Этногр. обозрение, 1898, № 4, стр. 161—164.

Э. Клодд. Первобытный человек. Этногр. обозрение, 1899, № 1—2, стр. 352—354.

L. Niederle. Zur Frage über den Ursprung der Slaven. Этногр. обозрение, 1899, № 1—2, стр. 354.

А. Крымский. Мусульманство и его будущность. Этногр. обозрение, 1899, № 1—2, стр. 355—357.

Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. Этногр. обозрение, 1899, № 3, стр. 188—189.

Э. Гроссе. Происхождение искусства. Этногр. обозрение, 1899, № 4, стр. 127—131.

Н. Харузин. Очерки первобытного права. Этногр. обозрение, 1899, № 4, стр. 145—147.

J. Kohler. Zur Urgeschichte der Ehe. Этногр. обозрение, 1900, № 1, стр. 170—172.

Записки Приамурского отдела Географического общества, т. IV, вып. 4. Этногр. обозрение, 1900, № 1, стр. 174.

В. Маргаритов. Камчатка и ее обитатели. Этногр. обозрение, 1900, № 2, стр. 181—182.

Записки Западносибирского отдела Географического общества, кн. XXVI. Этногр. обозрение, 1900, № 2, стр. 182—183.

Д-р М. Габерландт. Народоведение. Этногр. обозрение, 1900, № 3,

стр. 141—142.

Д-р Леманн. Иллюстрированная история суевий и волшебства от древности до наших дней. Этногр. обозрение, 1900, № 3, стр. 142—143.

Н. L. Strack. Das Blut im Glauben und Aberglauben der Menschheit. Этногр. обозрение, 1900, № 3, стр. 143—145.

Е. И. Якушкин. Обычное право русских инородцев. Этногр. обозрение, 1900, № 3, стр. 145.

П. Луппов. Народное образование среди вотяков. Этногр. обозрение, 1900, № 3, стр. 146.

Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. VII. Этногр. обозрение, 1900, № 3, стр. 147.

А. А. Диваев. О свадебном ритуале киргизов Сыр-Дарьинской области. Этногр. обозрение, 1900, № 3, стр. 147.

Сборник киргизских пословиц. Этногр. обозрение, 1900, № 3, стр. 147—148.

N. J. Nieboer. Slavery as an industrial system. Этногр. обозрение, 1901, № 1, стр. 171—179.

И. И. Пантюхов. Ингуши. Этногр. обозрение, 1901, № 2, стр. 172—173.

Ф. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области. Этногр. обозрение, 1901, № 2, стр. 173.

Fr. Schultze. Psychologie der Naturvölker. Этногр. обозрение, 1901, № 3, стр. 149—153.

А. Г. Пост. Зачатки государственных и правовых отношений. Этногр. обозрение, 1901, № 3, стр. 153.

Н. Харузин. Этнография, вып. 1. Русский антропол. журнал, 1902, № 1, стр. 141—143.

В. Г. Богораз. Очерки материального быта оленных чукчей. Этногр. обозрение, 1902, № 2, стр. 165—166.

В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. Этногр. обозрение, 1902, № 2, стр. 166—168.

Известия Географического общества, т. XXXVII, вып. 4 и 5. Этногр. обозрение, 1902, № 2, стр. 171—172.

Известия Оренбургского отдела Географического общества, вып. 16. Этногр. обозрение, 1902, № 2, стр. 172—173.

Н. Харузин. Этнография, вып. 2. Семья и род. Русский антропол. журнал, 1903, № 1, стр. 112—114.

P. Wilutzky. Vorgeschichte des Rechts. Русский антропол. журнал, 1903, № 1, стр. 114—116.

Dr. S. P. Steinmetz. Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Afrika und Ozeanien. Этногр. обозрение, 1903, № 3, стр. 159—162.

Сборник решений чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области. Этногр. обозрение, 1903, № 3, стр. 174—176.

Фельдшерский сборник. Этногр. обозрение, 1903, № 3, стр. 177.

А. А. Семенов. Этнографические

очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. Этногр. обозрение, 1903, № 3, стр. 180—182.

Известия Общества истории, археологии и этнографии, т. XIX, вып. 1 и 2. Этногр. обозрение, 1903, № 3, стр. 183—184.

А. И. Даринский. Семья у кавказских горцев. Этногр. обозрение, 1903, № 4, стр. 145—147.

Кустарная промышленность на Кавказе, вып. II. Ковровый промысел курдов. Этногр. обозрение, 1903, № 4, стр. 155.

Известия Географического общества, т. XXXIX, вып. 1—3. Этногр. обозрение, 1903, № 4, стр. 158—159.

Известия Общества археологии, истории и этнографии, т. XIX, вып. 3 и 4. Этногр. обозрение, 1903, № 4, стр. 160.

Д. А. Коропчевский. Первые уроки этнографии. Этногр. обозрение, 1904, № 3, стр. 84—89.

П. К. Козлов. Монголия и Кам. Землеведение, 1906, № 3—4, стр. 169—171.

М. А. Мошков. Новая теория происхождения человека и его вырождения. Этногр. обозрение, 1907, № 3, стр. 106—107. Handbook of American Indians north of Mexico. Этногр. обозрение, 1907, № 4, стр. 129—131. Anthropological Essays presented to E. B. Tylor in Honour of his 75-th Birthday. Этногр. обозрение, 1907, № 4, стр. 131—132.

R. Parkinson. Dreissig Jahre in der Südsee. Этногр. обозрение, 1908, № 1—2, стр. 168—170.

H. Webster. Primitive secret societies. Этногр. обозрение, 1908, № 3, стр. 111—118.

Dr. G. F. Fiederic. Skalpieren und ähnliche Kriegsgebräuche in Amerika. Этногр. обозрение, 1908, № 3, стр. 118—125.

N. W. Thomas. Kinship organisations and group marriage in Australia. Этногр. обозрение, 1908, № 3, стр. 127—129.

W. Jochelson the. Koryak. Этногр. обозрение, 1908, № 4, стр. 140—148.

W. Bogoraz. The Chukchee. Этногр. обозрение, 1909, № 2—3, стр. 186—189.

A. V. Gennep. 1) Les rites de passage. 2) Religions, mœurs et légendes. Этногр. обозрение, 1909, № 2—3, стр. 198.

Akira Matsumura. A Gazetteer of Ethnology. Этногр. обозрение, 1909, № 4, стр. 104—105.

Dr. G. Buschan. Illustrierte Völkerkunde. Этногр. обозрение, 1909, № 4, стр. 106—107.

J. G. Frazer. Totemism and Exogamy. Этногр. обозрение, 1910, № 3—4, стр. 179—201.

W. Jochelson. The Jukaghirs. Этногр. обозрение, 1911, № 3—4, стр. 212—214.

Lord Avebury. Marriage, Totemism and Religion. Этногр. обозрение, 1911, № 3—4, стр. 215—217.

Н. Kunike. Das sogenannte „Männerkindbett“. Этногр. обозрение 1911 г., № 3—4, стр. 215—217.

Н. Мацокин. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Этногр. обозрение, 1911, № 3—4, стр. 227—232.

R. Holsti. The Relation of War to the Origin of the State. Этногр. обозрение, 1913, № 1—2, стр. 253—257.

Д. К. Зеленин. Библиографический указатель русской этнографической лите-

ратуры. Этногр. обозрение, 1914, № 1—2, стр. 206—213.

А. А. Попов. Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства северно-азиатских народов. Советская этнография, 1934, № 4.

Кроме того, многочисленные статьи, заметки и рецензии в «Русских ведомостях» и в «Энциклопедическом словаре» Граната. В Большой советской энциклопедии статьи «Австралийцы», «Азия» (этнография), «Арабы» и др.

С. Токарев

Зарубежная хроника

Международный конгресс по антропологии и этнографии

С большим опозданием нам стал доступен отчет второй сессии Международного конгресса по антропологии и этнографии. Конгресс состоялся в Копенгагене в августе 1938 г. и собрал исключительно большое число участников (свыше 500 чел.), представлявших научные организации 43 стран. Делегация СССР, как известно, на этом конгрессе представлена не была. Президентом конгресса был избран Томас Томсен (Дания), вице-президентами — Г. Браунгальц (Великобритания), Г. Коллингз (США), Е. Фишер (Германия), М. Мосс (Франция) и Б. Шрик (Нидерланды). Среди участников конгресса очень большой процент составляли представители скандинавских стран, и в программе конгресса доминировала тематика, близкая интересам скандинавских этнографов и антропологов. Как обычно на международных съездах, участникам конгресса была предоставлена возможность совершить экскурсии по Дании для осмотра музеев и других достопримечательностей страны. Конгресс заслушал отчеты Комитета по стандартизации антропологической техники и Международной комиссии по этнографическому исследованию Арктики.

На пленарное заседание конгресса были вынесены лишь немногие доклады: доклад доктора Морли (Вашингтон) о 25-летних археологических исследованиях Института Карнеджи в области Майя, доклад известного физика Нильса Бора «Философия природы и человеческие культуры» и доклад Даугарт-Иенсена (Копенгаген) «Старая и новая Гренландия».

Деловая работа конгресса протекала в секциях: 1) анатомической антропологии и биотипологии, 2) физиологической антропологии и генетики 3) демографии, 4) этнологии, 5) этнографии и фольклора Азии,

6) этнографии Африки, 7) этнографии Америки, 8) этнографии Океании, 9) этнографии Арктики, 10) этнографии и фольклора Европы, 11) социологии и религии, 12) языка и письменности.

В каждой секции были заслушаны десятки докладов, резюме которых приведены в отчете. Изложение всех их потребовало бы слишком много места, и мы ограничимся поэтому перечислением докладов и приведем содержание лишь тех из них, которые имеют более общий интерес.

Предвосхищая дальнейшее изложение, укажем здесь, что общие теоретические вопросы антропологии и этнографии занимали сравнительно скромное место в работах конгресса. Большинство докладов было посвящено антропологическому и этнографическому описанию отдельных районов. Многие из них содержат интересные материалы, сообщают новые факты, но лишены общих построений и выводов. Это, конечно, не случайно. Конгресс собрался накануне второй мировой войны, когда проблемы антропологии приобрели слишком большую политическую остроту, чтобы было возможно ставить общие вопросы без риска превратить конгресс в арену политических споров. Это показали те немногие доклады на общетеоретические темы, которыми немецкая делегация не преминула воспользоваться для пропаганды расовой теории.

Из докладов на секции анатомической антропологии наиболее интересными были доклады по палеонтологии человека. Известный исследователь костных остатков синантропа проф. Ф. Вейденрейх, выступивший на конгрессе как представитель научных учреждений Китая, посвятил свой доклад классификации ископаемых гоминид и их взаимоотношениям, в котором

развивал взгляд о полицентрическом происхождении человека.

На основании морфологических признаков автор говорит о расовых различиях уже на стадии прегоминид (куда относятся синантроп и питекантроп) и устанавливает 4 центра эволюции гоминид: один — в Индонезии, в котором можно проследить последовательную линию развития: питекантроп — явантроп — вадьяк — австралийцы и меланезийцы; другой — в Восточной или Южной Африке с линией развития от гипотетической формы прегоминид через родезийца к неграм; третий — в Восточной Азии; здесь эволюция шла от синантропа к гипотетическому сино-неандертальскому типу и далее к монгольскому кругу форм, и, наконец, четвертый — в Малой Азии, связанный с происхождением европейских рас. Ископаемые формы прегоминид для этого центра пока не известны, равно как и переходные формы. Европейские неандертальцы, которых автор делит на две группы: группу спи и эрингсдорфскую группу, — не являются непосредственными предками европейского *Homo sapiens*, а представляют собой параллельные специализированные формы. Автор особенно подчеркивает, что эволюция в различных центрах протекала в неодинаковых темпах и, в частности, в малоазийском особенно быстро. Положение об отношении европейских неандертальцев к европейскому *Homo sapiens* автор аргументирует как морфологическим анализом, так и хронологической датировкой: наличием европейских представителей *Homo sapiens* уже в период Гюнцевского оледенения (к ним он относит находку Пильтдаун), далее в Миндель-Рисский межледниковый период (находка Суанском в Англии) и др. Автор специально указывает, что его теория не означает принятия полифилетической концепции эволюции; последняя предполагает развитие от разных ветвей антропоидов с последующей конвергенцией, тогда как автор принимает развитие прегоминид в различных центрах от весьма сходных и широко распространенных форм преантропоидов (дриопитек и родственные формы) — развитие, протекавшее в разных районах на одинаковом направлении. В этой части концепция автора соответствует ологенетическим построениям Роза и Монтандона.

К сожалению, в сжатом резюме не приводится аргументация автора в пользу его хронологических датировок, которые являются весьма спорными. Последнее обстоятельство, равно как и гипотетичность конструированных автором переходных и исходных форм для различных центров эволюции, делают его концепцию неприемлемой.

В докладе французского анатома проф. Валлуа приводятся новые метрические данные о шанселядском черепе, уточняющие наше представление об этой важной находке. Доклад проф. Ганса Вейнерта был посвящен африкантропу. Взгляды

автора известны по его более подробной публикации находки, и мы не будем на них останавливаться. Доклад доктора Баурмейстера (Киль) «Новые палеолитические находки в бывшей Германской Восточной Африке» касался костных остатков человека, обнаруженных экспедицией Кол-Ларсена в районе озера Ньярасса (откуда происходит и знаменитая находка африкантропа). Эти находки относятся к периоду от палеолита до современности.

Доклад, к сожалению, приведен в отчете чрезвычайно сжато и не содержит конкретного материала, а лишь общие выводы, которые сводятся к следующему: находки обнаруживают уже в палеолите выраженные черты современного негрского типа, а также указывают на хамитическую примесь; палеолитические находки этого района имеют большое сходство с находками из Гемблс-Кейф, Фишхук и Матнес-Ривер, тогда как находки из Эльментейта отстоят от них дальше; пигмейские формы выступают только в неолите. Эти выводы, несомненно, представляют огромный интерес, но требуют, повидимому, дальнейшей проверки. Сравнительно поздний возраст пигмейских форм хорошо согласуется с нашими современными представлениями об их генезисе.

Другая серия докладов на конгрессе группировалась вокруг вопроса об определении понятия расы у человека. Рольф Норденстренг (Упсала) в докладе «Что такое человеческая раса» развивал взгляды Лотси и определял современное человечество как один большой «*syngameon*». Профессор Флер (Манчестер) — автор доклада «Научны ли попытки делить человечество на систематические группы» — выступил в духе английской биометрической школы и развивал мысль, что термин «раса», употребляемый в смысле генеалогического единства и биологической однородности группы, должен быть оставлен. Изучение корреляций между признаками и выделение существующих комбинаций должны заменить применяемое сейчас конструирование абстрактных расовых типов.

Содержание доклада Божо Шкерля (Любляны) «К точному определению антропологической расы» сводится к следующему: в антропологии, надлежит выделить следующие систематические категории: *species*, *subspecies*, *ramus*, *subramus*, а также категорию, промежуточную между подвидом и расой, которая должна включать несколько сходных рас. Подвид может быть выделен по одному систематическому признаку, большие групповые расы подвид — по двум признакам, раса — по трем; наконец, подраса характеризуется четырьмя признаками. Ни численность группы, ни ее географическое распространение, ни ее история не принимаются во внимание, и подраса (раса в собственном смысле — *M. L.*) определяется как «группа людей, отличающаяся от других групп внутри подвида четырьмя определен-

ными, наследственно обусловленными признаками». Современная задача и состоит, по мысли автора, в том, чтобы точно выделить эти признаки и унифицировать их в международной антропологической практике. Необходимости унифицировать классификации, терминологию и определение расы в антропологии посвятил свой доклад доктор Вальшик (Прага).

Критический разбор этих докладов не входит в нашу задачу. Взгляды английских антропологов-биометриков уже получили освещение в советской антропологической литературе; схоластическая схема доктора Шкерля вряд ли заслуживает серьезного рассмотрения. Мы не рискуем быть нескромными, если скажем, что в разработке теоретических проблем расоведения советские антропологи далеко опередили своих иностранных коллег. Уточнение таких вопросов, как закономерности процессов расообразования, специфичность понятия расы у человека, определение таксономических категорий в расоведении, является серьезным достижением советской антропологии. Рассматривая расу как категорию историческую, учитывая социальные факторы в процессе расогенеза, советские антропологи сумели найти разрешение тех противоречий, которые нашли свое отражение в указанных выше докладах.

Большинство докладов на секции было посвящено отдельным антропографическим исследованиям и частным вопросам расоведения. Таковы доклады португальского антрополога проф. Таманьини (Коимбра) «Размеры носа, носовой указатель и якобы значительная негроидная примесь у португальцев» и «О частоте монгольской пятна у португальцев»; доклад финляндского антрополога К. Хильдена о частоте монгольской складки верхнего века в различных возрастных группах; доклад Э. Бюлера о складке верхнего века у европейцев; доклад проф. Шлагингауфена о форме лица у швейцарцев; доклад д-ра С. А. Хусаина (Каир) об антропологических исследованиях в юговосточной Аравии (экспедицией Египетского университета в Каире было исследовано 800 мужчин в Йемене и 550 — в Хадрамауте); доклад проф. Шевкет Азиз Кансу (Анкара) «Антропологические данные к расовой истории Анатолии» (приводятся цифровые данные по росту и длинным костям скелетов различных эпох, начиная с неолита); его же «Исследование углов основания черепа у турок»; доклад д-ра С. Черквера (Львов) по антропологии венских евреев, выполненный целиком в духе школы Чекановского и «устанавливающий» больший процент северного элемента среди еврейской интеллигенции по сравнению с другими группами того же населения; доклад женековского антрополога проф. Е. Питтара, касающийся синостозов на черепе в связи с определением возраста в различных расовых группах, и др. Ряд

докладов на секции касался вопросов конституции, возрастной морфологии, паллопатологии.

Доклады на секции физиологической антропологии и генетики были посвящены в основном исследованиям групп крови, генов вкуса; вопросам наследования отдельных признаков, вопросам метисации. Особняком стоял доклад германского антрополога Е. Фишера «Раса и наследование духовных качеств», который заслуживает более подробного рассмотрения. Е. Фишер, приобретший в последние годы печальную известность как один из наиболее видных «теоретиков» германского расизма, выступил и в этом докладе с пропагандой расовой теории. Трибуна международного съезда обязывает, и автор пытался придать своим положениям видимость научной аргументации. При рассмотрении психических различий между человеческими расами автор предлагал различать два вопроса: о наследственности психических качеств и расовой их обусловленности. Первый вопрос решается положительно на основании семейных исследований, исследований близнецов и др. Расы — это группы, отличающиеся друг от друга рядом наследственных признаков. Психические различия поэтому, заключил докладчик, расово обусловлены, так же как и различия морфологические. Это доказывается, по автору, данными психотехнических исследований различных расовых групп.

Выступление фашистского теоретика встретило на съезде резкие возражения. Об этом говорят выступления проф. Гершквича, д-ра Вальшика и д-ра Штейница. В ответ на эти возражения члены германской делегации выступили в защиту своего коллеги и обнаружили явно инспирированную свыше, поразительную согласованность в своих взглядах. Основным в их речах было утверждение, что остальные народы в силу своих расовых особенностей не способны к восприятию культуры и обречены на вымирание. Так, проф. Моллиссон (Мюнхен) ссылался для доказательства этого положения на пример австралийцев и маори. Тогда как первые, говорил он, в результате европейской экспансии почти исчезли, маори сумели воспринять европейскую культуру. Объяснял это Моллиссон их расовыми различиями. Трудно даже поверить, что это мнение принадлежит одному из несомненно авторитетных в прошлом немецких антропологов. Надо абсолютно игнорировать факты, чтобы не учитывать различия в уровне культуры австралийцев и маори, сведения о которых профессор мог бы почерпнуть из любого дофашистского немецкого этнографического руководства.

Как контраст с этими выступлениями прозвучала речь д-ра Штейница, указавшего на то опровержение расистских домыслов о неспособности примитивных народов к усвоению культуры, которое дает

нам практика культурного строительства в районах крайнего Севера Советского Союза.

На секции психологии было заслушано несколько докладов. Доклад проф. Марселя Мосса (Париж) касался вопроса о формировании характера («Социальное явление и формирование характера»); доклад Джона Мерфи (Манчестер) носил название «Развитие культурного мышления в древних цивилизациях»; докладчик пытался объяснить переворот в мышлении революцией в экономике: переходом от собирательского хозяйства к производящему и возникновением городской культуры. Далее следуют: доклад проф. Рубена (Копенгаген) «Перцепция и антропология»; доклад Р. Бонюта (Лондон), касающийся вопроса о приемах изучения языка; доклад Э. Хармса (Нью-Йорк), в котором автор справедливо возражал исследователям, подходящим к мышлению первобытного человека с мерками, разработанными по отношению к цивилизованным народам, и, наконец, доклад Г. Бернатчика. Последний докладчик, известный как редактор новейшего немецкого фашистского «Большого народоведения», предлагал в своем докладе методы колониального управления примитивными народами. По мнению фашистского автора, эти методы должны исходить из того, что примитивные народы не способны к восприятию высокой культуры и нуждаются в сохранении исконных форм своего хозяйства и быта. У тех, кто знаком с упомянутым «Большим народоведением», эти рассуждения новейшего германского «теоретика» не вызовут удивления. Надо пожалеть только, что международный съезд предоставил свою трибуну для фашистских выступлений, ничего общего с наукой не имеющих.

Мы опускаем доклады на секции демографии и переходим к рассмотрению этнографической работы конгресса.

Доклады на секции этнологии, имеющие более общий характер, касались в основном вопросов происхождения земледелия и скотоводства. Этому вопросу было посвящено вступительное слово председательствующего — известного датского этнографа Гудмунда Хатта. Излагая работы советского ботаника академика Вавилова, автор указывал, что разрешение вопросов происхождения земледелия и скотоводства требует совместных работ этнографов, археологов и ботаников; причем немалое значение имеют и связанные с этим вопросы социологии. В этой связи и стоял доклад того же автора «Владение обработанной землей». Содержание доклада сводилось к тому, что коллективное и индивидуальное землепользование не представляют собой последовательных стадий, а являются параллельными линиями развития. Эти положения автора, встретившие, кстати сказать, весьма сочувственное отношение, как это явствует из прений по докладу, фактиче-

ским материалом не подкреплены (по крайней мере, в приведенном резюме), а их тенденциозность достаточно очевидна.

Проф. Майлс (Лондон) посвятил свой доклад вопросу о перспективах развития примитивного земледелия. Обсуждая будущее развитие примитивного земледелия, указывал Майлс, надо учитывать не только материальную сторону, но и социальные условия и психологические мотивы.

Доклад д-ра Гандерта (Берлин) касался вопроса о происхождении коневодства. Автор принимает два центра: один — в Азии, другой — в Центральной Европе, и относит, ссылаясь на археологические данные, возникновение коневодства в Европе к неолиту. Эти археологические данные в резюме не приведены, и автор, который имел явную цель приписать «северному гению» самостоятельное приращение коня, вряд ли смог бы их и привести.

Доклад проф. Мельвила Гершковича (США) назван «Экономические излишки и их распределение, проблема первобытной экономики». В основе возникновения классов внутри первобытного общества лежит, согласно концепции автора, накопление богатства в руках вождей и жрецов, наступившее тогда, когда уровень производства сделал возможным появление экономических излишков в обществе. Проф. Раймонд Фэрс (Лондон) в докладе «Характерные черты первобытной экономики» развивал мысль, что к изучению первобытной экономики нельзя подходить с понятиями, разработанными для развитого общества, так как там социальные моменты играют часто большую роль, чем чисто экономические. В первобытном обществе надо учитывать не только технику производства и характер обмена, но и систему распределения.

Два доклада Гарольда Пика (Лондон), в которых рассматривался вопрос о центрах происхождения пшеницы и распространения этой культуры по земному шару, заслуживают более подробного изложения. Автор опирался точку зрения академика Вавилова о трех центрах (в Малой Азии, Абиссинии и Афганистане) и считает, что центром для пшеницы «эммер» надо признать Южную Сирию или Палестину, для пшеницы «однозернянки» — Северную Сирию и для мягкой пшеницы — пограничный район Персии и Ирака. Наиболее древним является центр Палестины, где кремневые серпы известны уже в мезолитической культуре. Из Палестины пшеница «эммер» была перенесена в Египет, отсюда — в Марокко и Абиссинию. Из Северной Сирии пшеница «однозернянка» проникла через Малую Азию, по северному побережью Эгейского моря, по Вардару и Мораве, в бассейн Дуная и отсюда в Швейцарию и на Рейн. Из северо-западной Персии «мягкая» пшеница распространилась в Туркестан, где она обнаружена в нижнем слое Аннау I; отсюда она через Хайбарский перевал проникла в бассейн Инда и через Китайский Туркестан — в Север-

ный Китай. Из Туркестана же, повидимому, пшеница проникла в южную Россию, а оттуда в Фессалию, Румынию, Трансильванию и Украину. На Крит первоначально проникла пшеница «однозернянка» из Малой Азии, а затем пшеница «эммер» из Ливии. Из Крита пшеница через Мальту, Сицилию, Сардинию, Испанию, Португалию, Бретань, вокруг Шотландии проникла в Данию. Сюда же другими путями, с Украины, проникла «мягкая» пшеница. Таким образом, уже в неолите все три вида пшеницы оказываются известными в Дании.

Чтобы закончить рассмотрение докладов на секции этнологии, надо упомянуть еще сообщение Г. Томаса (Ливерпуль) «Этнография в музее», д-ра Гейдриха (Дрезден) «Об этнографической библиографии» и доклад Эрнста Хармса (Нью-Йорк), посвященный оригинальной теме о связи между размерами тела и развитием орудий и инструментов. Мало понятная *мысль* автора состоит в различении двух *типов* культур, из которых в одной орудия и инструмент развиваются в соответствии с размерами и пропорциями тела, в другой этой гармонии не наблюдается.

Переходим к докладам на территориальных секциях. На секции этнографии Азии стояли как этнографические, так и археологические доклады. Доклад проф. Джона Майрса (Оксфорд) «Кочевники Азии» касался вопросов возникновения и распространения скотоводства, особенностей его в различных частях света и социальной организации кочевников. К сожалению, чрезвычайно сжатое резюме дает скорее простое перечисление вопросов, чем их научное изложение. Доклад проф. Хааса (Тегеран) имел своим предметом частный вопрос — описание изменений в быте, социальной организации и в физическом типе кочевых племен Ирана, наступающих при переходе их в оседлому образу жизни. Описанию скотоводства и земледелия в современном Луристане (Иран) был посвящен доклад Фейльберга (Копенгаген), основанный на личных наблюдениях автора. Этнографии племени Нага (Ассам) был посвящен на конгрессе ряд докладов, в том числе сообщение д-ра фон-Фюрер-Хаймендорфа (Вена) о церемониях и представлении, связанных с охотой за головами у племени коннак, вплоть до деталей, сходных с соответствующими церемониями на Формозе, Борнео и в других областях юго-восточной Азии. Этот комплекс автор относил к древней культуре, с распространением которой он связывал сходные элементы в Меланезии. Другой доклад того же автора касался мегалитических культур Ассамы и их связей с Индонезией. Этой же теме посвящен и доклад проф. Хеттона (Лондон) «Мегалитические культуры Ассамы».

Археологические доклады: д-р Поль (Рим) сообщил о раскопках в Урукке (южная Месопотамия); доклад Ремзи об Арике касался предварительных результа-

тов раскопок в Караоглане около Анкары, произведенных турецким Историческим обществом. Этот памятник с последовательным расположением слоев (здесь прослежены следующие слои: I — смешанный; II — фригийский; III — хеттский; IV — медного века; V — халколита) представляет особый интерес, так как дает возможность хронологических датировок. Проф. Шевкет Азиз Кансу (Анкара) сообщил о новых палеолитических находках в Анатолии, в том числе и о находках культуры типа Левалуа-Мустье.

Археологии Индии были посвящены доклады А. Андерсена и Т. Таскера. Первый дал описание коллекций из области Санталпарганас, хранящихся в этнографическом музее университета Осло; второй сообщил о результатах археологических исследований в провинции Гайдерабад. Надо отметить указание на два черепа, относящихся ко времени около 1000 г. до н. э., которые «сбаваривают» черты средиземноморской расы».

Интересные данные приведены в докладе Н. Нельсона (Нью-Йорк) «Археология Монголии», в котором автор сообщил об археологических коллекциях, собранных известной центральноазиатской экспедицией в 1925 и 1928 гг. Они относятся к различным культурам — от палеолита до железного века. К сожалению, перечень не дает представления об этих важных находках, и мы должны ждать более подробной публикации коллекций, особенно тех из них, которые автор относит к среднему и верхнему палеолиту.

Из докладов на секции этнографии Африки надо назвать сообщение проф. Мэса (Бельгия) об одной земледельческой группе Батва, которая в антропологическом отношении не отличается от типичных пигмеев; доклад А. Шеффнера о музыкальных инструментах Африки и Океании; доклад проф. Дарилла Форда (Англия), посвященный формам наследования у племени в юго-восточной Нигерии. У этого племени патрилинеальное и матрилинеальное наследование сосуществует, и каждый индивид принадлежит одновременно к двум группам; по линии отца он становится членом патрилинеального клана, по линии матери — членом матрилинеального клана, что создает сложную систему отношений.

Далее следовали: доклад Отто Кафед-Петерсена (Копенгаген) «Негры в египетских памятниках», доклад о резных деревянных фигурах района Белого Нила (ссылка на коллекции Ленинградского музея), описание праздника сорго у племени Барунда (Бельгийская мандатная территория), сообщение о коллективных амбарах у полукошачьего племени Шаупа в Ауресе. Наконец, два доклада по африканской тематике стояли в секции этнографии Азии: «Скотовод и земледельцы горных районов восточной Азии — исследование контрастных социальных отношений» (С. Бюкер, Ливерпуль) и «Культурные элементы па-

стусских народов Африки по их фольклору» (д-р В. Ван-Болк, Бельгия).

На секции этнографии Америки значительная часть докладов была посвящена древним культурам Мексики и Перу. Так, доклад д-ра Морли (Вашингтон) озаглавлен «Расцвет и падение древнего государства Майя по данным иероглифических надписей»; доклад д-ра Бейера (Нью-Орлеан) касался календаря Майя; несколько докладов посвящено письменности Майя. Доклад д-ра Эрнста Менгина (Копенгаген) затронул вопросы хронологии истории древней Мексики по индийским источникам.

Надо упомянуть еще доклад о способе золочения меди у индейцев Америки до прихода европейцев, доклад о керамике Перу, доклад о религии Южной Мексики, которыми список докладов на секции не исчерпывается.

По этнографии Океании наиболее интересным был доклад известного знатока Меланезии д-ра Ф. Шпайзера (Базель) «Культурные связи Индонезии и Меланезии», в котором автор, исходя из концепции об индонезийском происхождении меланезийских культур, наметил следующую последовательность миграционных волн. Наиболее древней является палеолитическая культура палеомеланезидов, представленная в Тасмании и не получившая распространения в островной Меланезии; в результате смещения носителей этого слоя с австралидами произошли на юге Новой Гвинеи папуасы-неомеланезиды. Далее следовало внедрение в Меланезию *Walzenbeiluteux*. В результате смещения меланезидов с новыми пришельцами произошли современные меланезийцы, распространившие неолит по всей островной Меланезии. Следующей была волна носителей мегалитической культуры.

Дополнением к докладу Шпайзера был в известной степени доклад д-ра Кауфмана (Базель), в котором автор на основании личных исследований в Ассаме устанавливал этнографические параллели в культурах Меланезии и культуре Нага, особенно племени конiak. На сходство орнамента острова Санта-Круз с орнаментом племени конiak указывал в своем докладе Бисли (Кент). В докладе проф. Р. Ферса (Лондон) приведены новые материалы по религии острова Тикониа — одного из двух островов Полинезии, на которых, как указывал докладчик, в полной мере сохранились старые формы культа. Беатриса Блеквуд (Оксфорд) сообщила о практикуемой населением Новой Британии искусственной деформации черепа, в основе которой лежат, по автору, только эстетические мотивы. Наконец, доклад д-ра Лавашери (Брюссель) был посвящен петроглифам острова Пасхи.

Как мы уже указывали, в работе конгресса значительное место занимали вопросы, входящие в круг особых интересов скандинавских исследователей. Сюда

должна быть отнесена в первую очередь эскимосская тематика. Ей был посвящен ряд докладов на секции этнографии Арктики. Из них прежде всего надо назвать доклад известного американского исследователя д-ра Дженнеса (Оттава) «Доисторические культурные волны из Азии в Америку». Основываясь на непрерывности культурных остатков в районе Берингова моря, автор считал, что все движения из Азии в Америку за последние 2000 лет связаны исключительно с эскимосами. Проникнув из Азии, эскимосы частью осели вокруг Берингова моря, частью распространились в центральной Канаде. Восточные эскимосы раскололись на две группы: группу эскимосов-карибу и другую, развившую культуру Дорсет, которая достигла Гренландии. Упряжное собаководство и китобойный промысел, возникнув, вероятно, в северо-восточной Азии, проникли в северную Аляску в первом тысячелетии н. э. и были распространены по всему северу Америки эскимосами Тулэ. Искусство и керамика эскимосов древней культуры Берингова моря тяготеют к юго-востоку и связаны в конечном счете с Китаем. Формирование протоэскимосов происходило в арктической зоне Сибири; они обнаруживают связь с эпипалеолитическими культурами Европы. Индейцы северо-западной Америки обнаруживают ряд черт, указывающих на миграцию с Амура. Недавно открытая микролитическая культура района Фербенкса имеет значительное сходство с микролитом Монголии.

Существенным дополнением к докладу Дженнеса явилось сообщение Генри Коллинза (Вашингтон), известного своими археологическими работами на острове св. Лаврентия. Доклад его касался вопроса о происхождении и связях древней культуры Берингова моря. В результате раскопок в северной Канаде, Аляске и Гренландии наиболее древней можно считать культуру Берингова моря, давшую на острове св. Лаврентия начало культуре Пунук, обнаруживающей сильное сибирское влияние. Бирнирская культура, характерная для мыса Барроу и арктического берега Аляски и синхронная раннему Пунуку, также восходит к древней культуре Берингова моря и является стадией, предшествовавшей культуре Тулэ района Гудзонова залива и Гренландии. На востоке и севере от Гудзонова залива известны остатки своеобразной культуры мыса Дорсет, которая предшествовала здесь культуре Тулэ. Она обнаруживает черты сходства с культурой Берингова моря, но ее генезис и связи еще неясны.

Упомянем еще доклад о лампе и кухонной посуде эскимосов и сообщение об археологических раскопках в Гренландии.

Несколько докладов на секции было посвящено этнографии Северной Азии. Д-р Линдгрэн сообщил о небольшой груп-

пе тунгусов-оленьеводов северо-западной Манчжурии; д-р Масао-Ока — о результатах археологических работ японских исследователей на Курильских островах и Сахалине. Этими работами обнаружены три типа землянок: круглые или овальные, четырехугольные с длинным коридором, четырехугольные с двумя и более камерами. Последний тип является наиболее поздним. Каменный и костяной инвентарь обнаруживает большое сходство с культурами Камчатки, Аляски и Алеутских островов и менее связан с южными районами. На острове Шуму найден костяки, обнаруживающие эскимосные признаки и значительно отличающиеся от айнского типа. Все это указывает, по мнению докладчика, на тесные связи носителей исследованных культур с Севером.

На секции этнографии и фольклора Европы заслушан был целый ряд докладов общего и частного характера. Из докладов на более общие темы надо назвать: доклад проф. Эриксона (Стокгольм) «Очередные задачи изучения сельскохозяйственного года в северной этнологии»; доклад д-ра Нильса Лида (Осло), посвященный характеристике северного народного календаря и обычаев, связанных с культом плодородия; доклад проф. М. Нильсона (Лунд) «К вопросу об античном происхождении современных народных обычаев»; А. Нильсона (Стокгольм) о сельскохозяйственной магии и др.

Доклад д-ра Бела Гунда (Будапешт) касался вопроса об этнографических связях скотоводческой культуры венгров с азиатским коневодством и оленеводством. Автор указывал на ряд культурных элементов в венгерском скотоводстве, связанных как с коневодческими, так и с оленеводческими азиатскими традициями. Доклад д-ра Геста Берга (Стокгольм) был посвящен выяснению путей проникновения североазиатских культурных элементов в Швецию и другие скандинавские страны. Доклад д-ра В. Пражака (Братислава), названный «Социальные условия как основа изменений в области материальной культуры», касался собственно частного вопроса о тех изменениях, которые вызывает в типе жилища распад большой семьи (типа «задруги» в Словакии, и прослеживает этапы этих изменений на отдельных примерах.

Автор доклада «Законы распространения народного обычая» д-р Лиунгманн рассматривал очень интересный вопрос о тех закономерностях, которые обнаруживает изменение обычая в отношении своего содержания, наименования, приурочивания к определенному дню и т. п.

Проф. П. Богатырев выступил с докладом «Активноколлективные, пассивноколлективные, продуктивные и непродуктивные этнографические факты». Активноколлективными автор называет такие факты, которые не только рассматриваются коллективом как общее его достояние,

но и творятся коллективом в целом. Пассивноколлективными являются те, которые имеют своих индивидуальных творцов, но коллективом воспринимаются так же, как общее достояние. Продуктивные обычаи развиваются, изменяются, но продолжают жить, тогда как непродуктивные перестают быть понятными и исчезают. Свои положения автор иллюстрирует примерами из славянской этнографии и фольклора (устное народное творчество, табу, аграрные обычаи).

Целый ряд докладов на секции более частного краеведческого характера был посвящен сельскохозяйственному календарю и земледельческим обрядам различных районов. Таковы доклады о сельскохозяйственном календаре южных славян, о земледельческих обычаях румын, об итальянском народном сельскохозяйственном календаре и т. п. Доклад д-ра Макса Румфа (Нюрнберг) заслуживает упоминания, пожалуй, потому, что представлял собой типичное фашистское произведение, идеализирующее быт немецкого крестьянства. Организационного вопроса касался доклад о составлении словаря славянских народных верований и обычаев.

Если для конгресса в целом характерен отказ от широких проблем, уход от методологических вопросов, общетеоретической тематики к частным антропологическим и этнографическим исследованиям, то это особенно сказалось в содержании работ секции социологии и религии. Где, как не здесь, естественно было ожидать докладов по общим вопросам истории первобытного общества, по вопросам происхождения и развития различных общественных институтов, анализа религиозных форм, методологической дискуссии между представителями различных этнографических школ. Эта тематика, однако, полностью отсутствовала. Доклады на секции группировались в основном вокруг двух тем: проблемы аккультурации и проблемы реконструкции религиозных представлений доисторического человека по данным археологии. Последнему вопросу посвящены доклады: об использовании археологических материалов для изучения духовной культуры по материалам южнскандинавской археологии (д-р Брондштейд, Копенгаген), об археологических памятниках эпохи палеолита как основы изучения духовной культуры (проф. Леманн, Лейпциг) и некоторые другие.

Более частные вопросы затронули доклад д-ра В. Рубена «Буддизм и шаманизм», в котором автор указывал на шаманистские элементы в буддизме как результат древних связей Индии с Центральной Азией; доклад д-ра Ольмаркса (Лунд) об отношении субарктического религиозного комплекса «сейдр» к арктическому шаманству; доклад Берри (Ирландия) о культе камней в Ирландии и его связи с культом предков и некоторые другие.

Проблеме аккультурации посвящен доклад известного этнографа проф. Малиновского (Лондон) «Динамика современной диффузии». Автор оперирует африканским материалом и ссылается на опубликованную недавно работу «Methods of Study of Culture Contact in Africa».

Основная мысль докладчика сводится к тому, что те культурные формы, которые возникают в результате столкновения местных отсталых культур с европейской цивилизацией, отнюдь не представляют собой простого смешения той и другой, а являются качественно новыми. Законы развития внутри новых институтов совершенно специфичны и требуют для своего уяснения конкретных полевых исследований. Понять эти новые формы можно не путем ретроспективного анализа исходных культур, а только при учете перспектив их будущего роста и развития. Изучение этих новых форм очень важно и в практическом отношении, так как должно помочь выработке наилучших методов управления туземцами (наилучших с точки зрения колонизаторов. — М. Л.). Этой же теме посвящен и доклад д-ра Линдгрена (Кембридж). «Изучение социальных изменений, вызванных контактом культур», в котором докладчик призывает к международной кооперации этнографов для изучения вопросов аккультурации.

Несколько особняком стоял заслушанный на секции доклад д-ра Нумелина (Гельсингфорс) «Происхождение дипломатии», в котором рассматриваются зачатки дипломатических межплеменных отношений в первобытном обществе.

Нам осталось еще указать доклады на секции языка и письменности. Большинство из них имели специальный интерес, но некоторые имеют и более общий характер. Так, д-р Курт Вульф в докладе «О гипотезе родства между малайо-полинезийскими и индокитайскими языками» развивал гипотезу Конради о связи австрических языков с индокитайскими. Основываясь на изучении малайо-полинезийских языков и языков тай-китайской группы, автор считал возможным говорить о восточноазиатско-океанийском языковом стволе. Близость малайо-полинезийских и, возможно, и австроазиатских языков к языкам тай-китайской группы даже больше, чем последних к тибето-бирманской группе. Укажем также доклад о грамматическом характере креольских языков,

доклад «О характере древнего германского языка и вопрос о его происхождении», доклад «О языковой семье Отоми-Паме Мексики и ее связях с языками Центральной Америки», доклад о языках Нага и др.

Особого упоминания заслуживают доклады д-ра Штейница о языках народов Сибири. В сообщении «Новые литературные языки туземцев Сибири» автор информирует о той работе по созданию литературного языка народов Севера, которая была проведена в Советском Союзе, и сочувственно отзываясь о произведенной в 1937 г. реформе — переходе на русский алфавит. Во втором докладе д-р Штейниц критиковал работы финских исследователей по остяцкому, вогульскому и остяко-самоедскому языкам. Автор справедливо указывал, что применяемая финскими исследователями транскрипция слишком сложна и не основана на должном изучении фонетики этих языков.

Укажем еще на любопытный доклад Фредериксена «Эскимосские числительные и вопрос о происхождении эскимосов», представляющий собой попытку нарисовать пути миграции эскимосов на основании анализа числительных, попытку, явно несостоятельную, так как сложные вопросы, поставленные автором, не могут решаться изолированно на одном только лингвистическом материале.

Таково в целом содержание работ конгресса. Надо оговорить, что приводимые в отчете резюме порой настолько сжаты, что по ним нелегко судить о содержании докладов. Более того, многие резюме составлены так, что вызывают сомнение в их адекватности докладам. Это тем более досадно, что большинство сообщений вряд ли скоро дождется более подробной публикации.

Мы указывали уже, что отсутствие на конгрессе представителей советской этнографической и антропологической науки привело к существенным проблемам в его тематике и не могло не отразиться на общем уровне конгресса. Можно не сомневаться в том, что на ближайшем конгрессе советские этнографы и антропологи смогут продемонстрировать достижения отечественной науки и то единственно правильное научное разрешение национального вопроса, которое дает нам ленинско-сталинская национальная политика.

М. Г. Левин

Открытие в Северной Бразилии неизвестного индейского племени дулуди

Лесные дебри Южной Америки скрывают в своих недрах уцелевшие до наших дней, словно «живые окаменелости» (Энгельс), отсталые общества. Только в 1941 г. появилось первое сообщение патера

Карла Эбнера (Ebner) из Белема (Бразилия) об открытии в одно из его миссионерских путешествий на нижнем течении реки Жагаиси, притока Acisi, неизвестного до того племени индейцев дулуди.

В бараке на берегу этой реки жило 86 индейцев: 38 мужчин, 27 женщин, 13 мальчиков и 8 девушек. Женщин у дулуди было меньше мужчин; последним приходилось заниматься похищением женщин у соседей — индейцев и даже белых.

Жизнь дулуди «крайне примитивна». Оба пола ходят голыми. Только женатые мужчины надевают на половой орган футляр из пальмовой ливы. Металлы им неизвестны. Нет у них ни ружей, ни даже ножей. Главным оружием (и орудиями) им служат лук и стрелы, копье, палица из крепкого дерева, зубы и рога животных. Им неизвестно огородничество. Главной частью их пищи являются черепахи, улитки, рыба и дикие свиньи, а также съедобные растения вечнозеленой лесной чащи.

Убоги украшения дулуди. Мочка ушей и нижняя губа проколота у них деревянными тонкими палочками. У взрослых мужчин имеется специальное украшение — небольшой деревянный диск (4 см в диаметре) с дыркой посередине. В то время как речь женщин приятна и музыкальна, речь мужчин, из-за этого губного диска звучит грубо, «почти по-звериному». Запасные тонкие палочки и губные диски дулуди носят в небольшой (приблизительно 10 × 10 см) сумочке из листьев. В ней хранят они и красный порошок, называемый ими «ри», добываемый из плодов тропического растения *Uguis*, называемого тоже «ри». Этой красной растительной краской и мужчины и женщины раскрашивают свое тело. Забота о красоте у этих индейцев велика. Они тратят часы на раскрашивание тела, обнаруживая стиль и вкус в своих орнаментах. Под «ри» они разумеют также плодородие, жизнь, органы, производящие жизнь.

Раз в неделю они пляшут. Танцуют только мужчины, в исполинских масках. Дети и женщины смотрят. На примитивном барабане выбивается однотонная, для нас утомительная мелодия. Индейцы очень любят плясать. Похищенная женщина, умеющая танцевать, по индейским масштабам великолепно живет. Дулуди любят и пение.

Пляска в масках и раскрасках «ри», вероятно, связаны с религиозно-магическими представлениями индейцев дулуди, хотя Эбнер молчит об этом. Он сообщает о погребальных обычаях. Ему известно их кладбище с 17 могилами, среди которых встречаются христианские. Эбнер отмечает почтение индейцев дулуди к этому кладбищу; по его словам, «все они верят в месть мертвых». Если кого-нибудь убьют, то его не погребают, но

оставляют лежать на месте, кладя рядом с ним одну разломанную, а другую новую палицу, как «клятву мести». Они отмечают особым названием такого убитого от павшего в бою («убить врага в открытом бою» — *basubih*). Обычно же мертвеца, раскрасив, помещают в могилу в скорченном положении, кладя с ним его имущество — деревянные миски, стрелы и лук. Церемония совершается под монотонные звуки барабана при воплях женщин (слез они на похоронах не знают). Затем все участники погребальной церемонии молча насыпают руками над мертвым, посаженным на корточки, могильный холм. В него втыкают палку, подвешивая к ней еще что-нибудь из принадлежащего покойнику, особенно часто его бороду, если это мужчина, и волосы с головы, если это женщина.

Миссионер Эбнер утверждает, что у дулуди имеется «понятие о божестве». «Они называют бога безымянным» (*der Namenlose*). Когда они думают о нем, то показывают пальцем на небо и двигают глазами вверх и вниз. Но имени он не имеет.

Следует отметить, что миссионер, дающий туземные названия даже для «красного порошка», не приводит никакого словесного индейского обозначения для этого «понятия о божестве». Оно или только начинает смутно появляться у дулуди под влиянием проникающего христианства, или же миссионеру оно кажется более сложным и близким к единобожию, чем это могло быть на самом деле.

Жалуясь на молчаливость туземцев, Эбнер собрал очень скудные «языковые пробы»; зажигалка (из двух кусочков дерева) *orch-orch*, чашка для питья (из половинки кокоса) — *eisago*, спать — *tauchdodoch*.

При этом, как сообщает Эбнер, ударить спящего (дулуди спят на земле) равнозначно покушению на убийство. Сопоставляя названия частей тела с соответствующими названиями на языках других индейских племен, Эбнер делает предварительный вывод, что едва ли возможно отнести язык дулуди к какой-либо языковой группе, т. е. признает его (но предположительно) изолированным.

Как это обычно для этнографов Южной Америки, Эбнер ни звука не сообщает о социальном строе индейцев дулуди, даже о семейно-брачных их отношениях и номенклатуре родства. В этом направлении исследователям предстоит повести работу, пока племя не вымрет: смертность среди дулуди, по Эбнеру, очень велика.

В. К. Никольский

Содержание

I. ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА

Член-корр. АН А. Д. Удадьцов. Основные вопросы этногенеза славян . . .	3
Т. С. Пассек. К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна	14
С. П. Толстов. Из предистории Руси.	39
М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». . .	60
Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне.	81
Академик Н. С. Державин. Кралевиц Марко и Илья Муромец	106
Академик В. В. Струве. Арийская проблема	117
Л. А. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии.	125
А. Н. Бернштам. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии	148

II. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ СССР

В. Н. Чернецов. К истории родового строя у обских угров.	158
М. Левин. Деформация головы у туркмен	185

III. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Новые материалы по этнографии Австралии.	191
А. Джолли и Ф. Роз. Место туземцев Австралии в эволюции общества. . .	192
А. Джолли и Ф. Роз. Значение табу в первобытном обществе.	210
М. Левин. К антропологии эскимосов	216

IV. ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ

А. И. Андреев. Неизвестный труд А. Н. Радищева о Сибири.	224
--	-----

V. СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

Д. А. Ольдерогге. Северная Африка.	234
--	-----

VI. СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ.

Д. К. Зеленин. Обзор рукописных материалов ученого архива Всесоюзного географического общества о народах Прибалтики (латыши, литовцы, эсты)	254
М. Левин. Роды „карындаш“ у алтайцев.	275

VII. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Е. Бинкевич. Лужичане (материал к библиографии).	277
М. Левин. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, IX.	284
С. Киселев. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, X. . . .	286

М. Г. Левин. Е. В. Жиров. Разновидности брахикефалии	291
Я. Рогинский. Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия	292
М. Ильин. С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество	293
А. Н. Бернштам. Рахматулин, К. Великий патриот — легендарный Манас	295
С. А. Токарев. А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии	297
М. Левин. М. О. Косвен. Матриархат	299
М. Косвен. Robert Redfield. The Folk Culture of Jucatan	299

VIII. ХРОНИКА

По Советскому Союзу

Сессия по этногенезу Средней Азии	
Программа сессии	301
Тезисы докладов	301
А. Н. Бернштам. Этнографическая работа в Киргизии	325
Н. Такоева. На освобожденной земле	327
Е. Р. Бинкевич. Е. Н. Елеонская (к 70-летию со дня рождения)	329
Сессия, посвященная столетию со дня рождения Д. Н. Анучина	330
С. Токарев. А. Н. Максимов (некролог)	330

Зарубежная хроника

М. Г. Левин. Международный конгресс по антропологии и этнографии . . .	335
В. К. Никольский. Открытие в Северной Бразилии неизвестного индейского племени дулуди	342

Настоящим томом, начатым печатанием до возобновления журнала «Советская этнография», завершается серия неперидических сборников под этим названием.

Редакция

Sommaire

I. PROBLÈMES D'ETHNOGÉNÈSE

A. D. Udaltzov—membre-correspondant de l'Académie des Sciences. Problèmes essentiels de l'ethnogénèse des Slaves	3
T. S. Passek. Ancienne population du bassin de Dnieper—Dniester	14
S. P. Tolstov. Quelques données sur la préhistoire de l'ancienne Russie	39
M. N. Tikhomirov. Origines des dénominations „Rouss“ et „La terre russe“	60
B. A. Rybakov. Anciens peuples Slaves: les Poliens et les Sévériens	81
Acad. N. S. Derjavine. Krlevitch Marko et Ilya Mourometz	100
Acad. V. V. Strouvé. Le problème arien	117
L. A. Matzulévitch. Le problème alanyen et l'ethnogénèse de l'Asie Centrale	125
A. N. Bernstam. Les plus anciens éléments turks dans l'ethnogénèse de l'Asie Centrale	148

II. MATÉRIAUX ET RECHERCHES SUR L'ETHNOGRAPHIE ET L'ANTHROPOLOGIE DE L'URSS

V. N. Tchernetzov. De l'histoire du régime patrimonial chez les Ougriens	158
M. G. Lévine. Déformation du crâne chez les turkomans	185

III. MATÉRIAUX ET RECHERCHES SUR L'ETHNOGRAPHIE ET L'ANTHROPOLOGIE DES PAYS ÉTRANGERS

A. Jolly et F. Rose. Les indigènes de l'Australie. Leur place dans l'évolution sociale	192
A. Jolly et F. Rose. La valeur du taboo dans la société primitive	210
M. G. Lévine. Aspects de l'anthropologie des Esquimaux	216

IV. HISTOIRE DE L'ETHNOGRAPHIE RUSSE

A. I. Andréev. Un ouvrage inédit de Radistchev sur la Sibirie	224
---	-----

V. INFORMATIONS

D. A. Olderogge. L'Afrique du Nord	234
--	-----

VI. INFORMATIONS. NOTICES.

D. K. Zélénine—membre-correspondant de l'Académie des Sciences. Revue des manuscrits sur les peuples des pays Baltes (Lettons, Lithuaniens, Esthes), documents conservés aux Archives savantes de la Société géographique de l'URSS	254
M. G. Lévine. Les familles „karyndache“ chez les peuples de l'Altaï	275

VII. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

E Binkevitch. Les Luzitiens (matériaux bibliographiques)	277
M. Lévine. Brefs comptes-rendus des rapports et recherches en campagne de l'Institut de la l'histoire de la culture matérielle. Tome IX	284
S. Kisselev. Brefs comptes-rendus des rapports et recherches en campagne de l'Institut de l'histoire de la culture matérielle. Tome X.	236
M. G. Lévine. Variétés de la brachicéphalie. Par E. V. Jirov.	291
I. Roguinski. Voyages. Par N. N. Mikloukho-Maklaï	292
M. Il'ine. Constructions en bois de l'architecture russe. Par S. Zabello, V. Ivanov, P. Maximov	293
A. N. Bernstam. Un grand patriote — le légendaire Manas. Par K. Rakhmatuline	297
S. A. Tokarev. Voie historique des peuples de la Yakoutie. Par A. P. Okladnikov.	
M. Lévine. Le matriarcat. Par M. O. Kosven	299
M. Kosven. The Folk Culture of Yucatan. Par Robert Redfield.	299

VIII. CHRONIQUE

En URSS

Session consacrée à l'ethnogénèse de l'Asie Centrale	
Programme de la session	301
Thèses des rapports	301
A. N. Bernstam. Travaux ethnographiques au pays des Kirghiz	325
N. Takoéva. Sur le sol libéré	327
E. R. Binkevitch. E. N. Eléonskaïa (à l'occasion du 70-me anniversaire de sa naissance)	329
Session consacrée au 100-me anniversaire de la naissance de D. N. Anoutchine	330
S. Tokarev. A. N. Maximov (nécrologue)	330

Chronique de l'étranger

M. G. Lévine. Congrès International d'anthropologie et d'ethnographie	335
V. K. Nikolski. Découverte d'une tribu indienne inconnue — les Douloudis.	342

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор доктор исторических наук
профессор *С. П. Толстов*;
члены редакционной коллегии: член-корреспондент АН СССР
А. Д. Удальцов, профессор *М. О. Косвен*, доцент *М. Г. Левин*.

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. М. Розенбер*

*

РИСО АН СССР № 2221. А—04604. Тип. заказ
№ 296. Подписано к печати 11/III 1947 г. Формат
бум. 70X108¹/₁₆. Печ. лист. 21³/₄. Уч.-издат. л. 36,5.
Тираж 2000.

1-я Тип. Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, д. № 12.

Цена в переплете 32 руб.

ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
100	2 сн.	емал	емалі
257	30 сн., справа	D	Die
273	24 св., справа	ersen	Fersen
276	1 сн., справа	өжө	Kөжө
277	14 св., слева	Хотебуз	Хотебуз (Kottbus)
278	5 св., справа	Lat wauk'a	Latzwauk'a
282	34 сн., слева	Cas	Das
293	4 сн., слева	ертежей	чертежей
304	4 сн., слева	киркизов	киргизов
323	4 св., справа	турменам	туркменам
347	1 сн.	inconnе	inconnue